ДК
Г60

Н.С. Голицын
"Великие полководцы истории"
-2-
Спб., 1875.

Anno IV n 68

Г 60

ВЕЛИКІЕ ПОЛКОВОДЦЫ ИСТОРІИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВЕЛИКІЕ ПОЛКОВОДЦЫ НОВЫХЪ ВРЕМЕНЪ:

ГУСТАВЪ-АДОЛЬФЪ, ТЮРЕННЬ и ПРИНЦЪ ЕВГЕНІЙ САВОЙСКІЙ.

СОСТАВИЛЪ

Князь М. С. Голицынъ,

ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ, ЧЛЕНЪ ВОЕННО-УЧЕНАГО КОМИТЕТА ГЛАВНАГО ШТАБА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,
ПО МОЙКѢ, № 5.
1875.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
566743

Faites la guerre offensive comme Alexandre, Annibal, César, Gustave-Adolphe, Turenne, le prince Eugène et Frédéric; — lisez, relisez l'histoire de leurs 83 campagnes, modelez-vous sur eux,—c'est le seul moyen de devenir grand capitaine et de surprendre le secret de l'art: votre génie, ainsi éclairé, vous fera rejeter des maximes opposées à celles de ces grands hommes.

Napoléon I.

(Mémoires de Montholon, II, 189).

La connaissance de la grande tactique ne s'acquiert que par l'expérience et par l'étude de l'histoire des campagnes de tous les grands capitaines.

Napoléon I.

(Mémoires de Montholon, II, 51).

*

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИЧЕСКІЯ ПОСОБІЯ

ДЛЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ И ИЗУЧЕНІЯ ВОЙНЪ И ПОХОДОВЪ

ГУСТАВА-АДОЛЬФА, ТЮРЕННЯ И ПРИНЦА ЕВГЕНІЯ САВОЙСКАГО.

IV. ГУСТАВЪ АДОЛЬФЪ.

XVII вѣка.

*1) Arlanibaei: Arma Suecica, das ist: kurze Beschreibung des Kriegszuges, so Gustavus Adolphus in Teutschland gethan, 1 B. in-4°, Francfurt a. M., 1631-32-33.

2) Histoire des armées victorieuses de Gustave-Adolphe, in 4-to, 1632.

3) Burgi: De bello succico, Leodii (Leyden), 1633.

*4) Шведская военная хроника до 1632 года (на шведск. яз.), in 4-to, 1639.

5) Bisaccioni, 1642, и

6) Spanheim, 1642,—оба о походахъ Густава-Адольфа въ Германіи.

**7) Conte Galeazzo Gualdo-Priorato: военная исторія послѣднихъ походовъ Густава-Адольфа въ Германіи (на италіянскомъ языкѣ);—французскій переводъ этого сочиненія Abbé Dufresne de Francheville: Histoire militaire des dernières campagnes de Gustave-Adolphe, и при немъ Tableau militaire etc. (о силахъ, составѣ и состояніи шведской и императорской армій), par un officier prussien (какъ полагаютъ—бывшаго прусскаго, а потомъ голландскаго полковника Штамфорта, Stammfort), 1770; нѣмецкій переводъ того же сочиненія—изд. въ 1794 г.;—одинъ изъ главныхъ и лучшихъ источниковъ военной исторіи 30-лѣтней войны и особенно дѣйствій Густава-Адольфа, безпристрастно изложенный католикомъ, но усерднымъ почитателемъ послѣдняго.

**8) Bogislaff Philip von Chemnitz (статсъ-секретаря Густава-Адольфа, довѣреннаго лица канцлера Оксеншерна и честнаго, правдиваго шведскаго исторіографа): Historia belli Sueco-Germanici, folio, 1648 и на нѣмецкомъ языкѣ: Königlichen Schwedischen in Teutschland geführten Krieges 1-r und 2-r Theil, folio, Alt-Stetin und Stockholm, 1648 и 1653, а также 1703 г.,—полная исторія всей войны отъ начала до заключенія мира, изложенная очевидцемъ, съ большою правдивостью и обстоятельностью—одинъ изъ главныхъ и лучшихъ источниковъ.

9) P. B. (Père Bénédictin, бенедиктинскаго монаха) de Burge-Genois: Commentaires des guerres de Suède, qui contiennent tout ce qui s'est passé de

plus remarquable depuis la descente de Gustave-Adolphe en Allemagne jusqu'à sa mort, 1 vol. in-8°, Paris, 1653.

**10) Theatrum Europaeum, 21 vol. in-folio, 1662-1738, — изображаетъ военныя событія очень обстоятельно и безпристрастно, съ объясненіемъ ихъ многими чертежами и планами, которые были составлены офицерами шведскаго генеральнаго или главнаго штаба, учрежденнаго Густавомъ-Адольфомъ; — одинъ изъ главныхъ и лучшихъ источниковъ военной исторіи 30-лѣтней войны.

*11) Puffendorf (baron von): Sechs und zwanzig Bücher schwedischen und deutschen Kriegsgeschichten, von Gustav-Adolphs Feldzüge in Deutschland an bis zur Abdankung der Königin Christina, etc., 1 B. in-folio, Frankfurt a. M.. 1688.

12) Histoire du Maréchal de Gassion, où l'on voit diverses particularités, qui se sont passées dans le ministère des cardinaux de Richelieu et de Mazarin, et sous le règne de Gustave-Adolphe, roi de Suède, 4 vol., Amsterdam, 1696.

XVII же вѣку принадлежатъ слѣдующія сочиненія:

**13) Le soldat suèdois descript les actes guerriers, merveilles de notre tems plus que très-généreuses et très-héroïques de son Roi, faicts en l'empire depuis son entrée en icelui par l'isle de Rügen et Stralsund 1630 jusqu'à sa mort en bataille sanglante à Lützen 1632, 1 vol. in-8° (сочиненіе шведскаго писателя).

**14) Archenholz: военная исторія Густава-Адольфа — рукописная, на нѣмецкомъ языкѣ, изданная въ новѣйшее время въ нѣсколькихъ частяхъ, — одно изъ главныхъ и лучшихъ сочиненій о Густавѣ-Адольфѣ, его жизни и дѣйствіяхъ политическихъ и военныхъ.

XVIII вѣка.

*15) Khevenhüller: Annales Ferdinandei, 12 vol, in-folio, 1721—26, — сочиненіе со стороны императорско-католической партіи, по австрійскимъ оффиціальнымъ документамъ, важное и необходимое пособіе.

**16) Walther Harte (canonicus of Windsor: The life of Gustav-Adolph the Great, king of Sweden, — нѣмецкій переводъ: Das Leben Gustav-Adolphs des Grossen, Königs von Schweden, von Georg Heinrich Martini, mit einer Vorrede und Anmerkungen von Iohann Gottlob Böhmen, in 4-to, Leipzig, 1760, съ портретомъ Густава-Адольфа, гравированнымъ Крузіусомъ (Crusius) съ писаннаго Мирефельтомъ (Mirevelt), — составлено съ большимъ тщаніемъ, добросовѣстностью и правдивостью, заключаетъ въ себѣ драгоцѣнныя свѣдѣнія о ГуставѣАдольфѣ и потому одно изъ лучшихъ историческихъ пособій для изученія его жизни и подвиговъ.

**17) Comte de Grimoard: Histoire des conquêtes de Gustave-Adolphe en Allemagne, ou campagnes de ce monarque en 1630, 31 et 32 etc., 3 vol. in-8°, Neufchatel, 1789, — весьма уважаемое сочиненіе и полезное пособіе.

**18) Lettres et mémoires de Gustave-Adolphe, de ses ministres et de ses généraux sur les guerres des suédois en Pologne et en Allemagne, depuis 1625 jusqu'en 1632, avec un appendice relatif aux campagnes de 1633 et 1634, 1 vol. in-8°, Paris, 1790, — весьма полезное пособіе.

**19) L'abbé Dufresne de Francheville (chanoine capitulaire de la cathédrale de Breslau): La mort de Gustave-Adolphe, présentée sous un point de vue militaire, qui rend à cette mort tous les caractères d'héroïsme, que lui otent ceux, qui prétendent que le Monarque suédois est mort de la main d'un traitre, avec un tableau et un plan, brochure in-4° (36 pages), Breslau 1799; — заключаетъ въ себѣ всѣ, тщательно собранныя авторомъ, оффиціальныя и частныя, изданныя и неизданныя свѣдѣнія и сдѣланныя имъ изслѣдованія объ обстоятельствахъ смерти Густава-Адольфа въ сраженіи при Люценѣ, весьма способствующія разъясненію ихъ, почему это сочиненіе заслуживаетъ особеннаго вниманія и составляетъ весьма полезное и даже необходимое историческое пособіе.

*20) Lundblad (шведскаго Плутарха) жизнеописанія шведскихъ генераловъ 30-лѣтней войны, на шведскомъ языкѣ.

**21) Eléazar Mauvillon: Histoire de Gustave-Adolphe, нѣмецкій пер. 1795 Rango 1824,—одно изъ главныхъ и лучшихъ сочиненій о Густавѣ-Адольфѣ.

22) Curth: сраженія при Брейтенфельдѣ и Люценѣ.

XIX вѣка:

*23) Schiller: Der dreissigjährige Krieg, 1802-1809, образцовое сочиненіе и полезное пособіе, по въ общеисторическомъ, а не въ военноисторическомъ отношеніи.

*24) Von Bülow: Gustav-Adolph in Deutschland, 2 B., 1808,—критическій разборъ его походовъ.

25) Schulz: Rückerinnerungen an die militairischen Begebenheiten bei Nürenberg in 1632, zwischen Gustav-Adolph und Wallenstein, in-8°, 1824.

*26) Zaber (herausgegeben von): Ungedruckte Briefe Albrechts von Wallenstein und Gustav-Adolphs, nebst einem Anhange enthaltend Beiträge zur Geschichte des 30-jährigen Krieges, 1 B. in-8°, Stralsund, 1830; — важное и полезное пособіе.

**27) Lossau (Preuss. Gen-Lieut.): Ideale der Kriegführung, in einer Analyse der Thaten der grössten Feldherrn, 2-r B. 1-te Abth., Gustav-Adolph, 8° Berlin, 1836;—превосходное сочиненіе и весьма полезное пособіе.

*28) Sporschill: Der 30-jährige Krieg, illustrirt von Pfeiffer, 1 B. in-8°, Braunschweig, 1843,—сочиненіе извѣстнаго военнаго писателя Споршилля, заключаетъ въ одной книгѣ сжатое, но достаточно полное и безпристрастно составленное изложеніе 30-лѣтней войны, и украшено художественно исполненными портретами, видами и виньетами Пфейфера.

*29) Du Jarry, Freiherr von La-Roche: Der 30-jährige Krieg vom militairischen Standpunkte betrachtet, 3 B. in-8°, Schaffhausen, 1848-52,—въ числѣ новѣйшихъ историческихъ сочиненій о 30-лѣтней войнѣ или ея дѣятеляхъ, особенно замѣчательное собственно въ военно-историческомъ отношеніи.

30) Gfrörer: Gustav-Adolph, König von Schweden, und seine Zeit (издано до 1863 года) заключаетъ въ себѣ, по словамъ Кейма, богатый матеріалъ для здраваго (будто бы) взгляда на этого героя протестантства, но — говоритъ Кеймъ — авторъ часто не вникаетъ глубоко въ побужденія и стремленія своего героя и иногда позволяетъ ослѣплять себя лучезарнымъ свѣтомъ, который, со времени его (т. е. Густава-Адольфа), осѣнилъ его главу (!). Клопиъ подвергнулъ сочиненіе Гфрёра—по словамъ Кейма—превосходному критическому разбору (разумѣется съ католической точки зрѣнія) и кромѣ того самъ, въ своихъ сочиненіяхъ, сообщаетъ превосходныя же (въ томъ же духѣ) разсужденія о Густавѣ-Адольфѣ, но только до прибытія его въ Германію.

*31) Menzel: Deutsche Geschichte,—изъ всѣхъ сочиненій всеобщей исторіи—единственное, по мнѣнію Кейма, которое вѣрно оцѣниваетъ періодъ времени 30-ти лѣтней войны и въ которомъ воззрѣніе автора заслуживаетъ полнаго уваженія, хотя нѣкоторыя сужденія его нынѣ уже нѣсколько и устарѣли.

32) Franz Keym: Geschichte des dreissigjährigen Krieges, nach den Resultaten der neuern Forschungen, 2 Bände in-8°, Freiburg im Breisgau, 1863—1864. Въ предисловіи авторъ говоритъ, что «исторія 30-лѣтней войны была цѣлыхъ 200 лѣтъ разсматриваема и излагаема односторонно—только съ одной протестантской точки зрѣнія, но какъ только противная (т. е. католическая) сторона, въ новѣйшее время (т. е. съ 1850-хъ годовъ), начала глубже изслѣдовать этотъ періодъ времени, то все старое, 200-лѣтнее зданіе, будто бы не имѣвшее твердаго основанія, должно было рушиться и рѣшительно рушилось (!). Едва протекло одно десятилѣтіе (1850—1860), какъ уже воззрѣніе на этотъ періодъ времени совершенно измѣнилось и то, что́ 200 лѣтъ признавалось истиннымъ и вѣрнымъ, нынѣ съ каждымъ днемъ болѣе оказывается искаженнымъ и извращеннымъ» (очень смѣлое со стороны католиковъ заявленіе!). Далѣе Кеймъ говоритъ, что не совсѣмъ вѣрно разсуждать о протестантской и католической, т. е. религіозныхъ точкахъ зрѣнія, и прибавляетъ, что его задачей будетъ усвоить 30-лѣтней войнѣ вполнѣ принад-

лежащее ей чисто-политическое значеніе, т. е. воззрѣнія, не протестантскія и не католическія, а національныя (общегерманскія, слѣдовательно тогда—имперскія, императорскія и потому—католическія) и анти-національныя (т. е. тогда противныя единству имперіи, имѣвшія въ виду раздробленіе ея, слѣдовательно протестантскія), потому—доказываетъ Кеймъ—что императоръ и католическіе государи Германіи сражались за сохраненіе (будто бы) цѣлости и единства германской имперіи, а Густавъ-Адольфъ (котораго Кеймъ называетъ не иначе, какъ Der Schwede), шведы и германскіе протестанты стремились и старались (будто бы) разрушить священную римскую имперію (какъ будто въ V вѣкѣ сѣверные варвары—Римъ!). Этого достаточно, кажется, для уясненія каждому не-католику, что такого рода сужденія Кейма основаны не на здравой, раціональной логикѣ, но на весьма хорошо извѣстной всѣмъ не-католикамъ іезуитской казуистикѣ—и потому далѣе распространяться объ этомъ излишне. За всѣмъ тѣмъ, такъ какъ изъ столкновенія мнѣній рождается истина, то разумѣется, изслѣдованія Кейма и другихъ новѣйшихъ католическихъ историковъ могутъ въ интересахъ исторической истины повести, если не къ соглашенію, которое невозможно, то къ уясненію многаго, до сихъ поръ еще недостаточно разъясненнаго. Здѣсь же признано было небезполезнымъ войти въ нѣкоторыя подробности о сочиненіи Кейма и другихъ новѣйшихъ католическихъ писателей (на которыхъ онъ ссылается и отзывы его о которыхъ приведены выше), для предостереженія, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать слова: результаты новѣйшихъ изслѣдованій. Они вовсе не касаются военной стороны 30-лѣтней войны, а лишь чисто-политической—по убѣжденію Кейма, но чисто-католической—по убѣжденію не-католиковъ.

*33) Freyherr von Soden (Fürstlich-Schwarzburgischer Oberst-Lieutenant): Gustav-Adolph und sein Heer in Süddeutschland, von 1631 bis 1633, zur Geschichte des 30-j. Krieges, nach archivalischen und anderen Quellen bearbeitet, 3 Bände in-8°, Erlangen, 1865-67-69;—авторъ этого сочиненія собралъ въ немъ всѣ свѣдѣнія, какія въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ могъ извлечь изъ архивовъ Нюрнберга и другихъ городовъ бывшаго франконскаго округа, о военныхъ дѣйствіяхъ въ этомъ краѣ шведскихъ и германскихъ, протестантскихъ и католическихъ войскъ, подъ предводительствомъ Густава-Адольфа, Тилли, Валленштейна и ихъ генераловъ въ 1631-32-и 33 годахъ, и приводитъ цѣлые подлинные документы или выписки изъ нихъ, относящіеся какъ къ этимъ военнымъ дѣйствіямъ, такъ и къ квартирному расположенію, содержанію и т. п. войскъ и особенно къ огромнымъ военнымъ повинностямъ, грабежу, разоренію и всякаго рода бѣдствіямъ, которымъ были подвергнуты города и селенія. Всѣ эти свѣдѣнія, въ первый разъ изданныя, заключаютъ въ себѣ весьма много любопытнаго, важнаго и полезнаго для изслѣдованія военныхъ событій этихъ трехъ лѣтъ и въ этихъ мѣстахъ.

**34) Фрикселя: Исторія Швеціи, на шведскомъ языкѣ, особенно важная и полезная въ отношеніи къ жизни, исторіи и превосходной характеристикѣ Густава-Адольфа, равно его военныхъ учрежденій и дѣйствій въ Даніи, Россіи, Польшѣ и Германіи. Его характеристика Густава-Адольфа, въ русскомъ переводѣ (изъ «Современника» 1842 года № 3), приведена въ приложеніяхъ къ настоящей книгѣ, послѣ біографіи Густава-Адольфа.

V. ТЮРЕННЬ.

**35) Mémoires sur les deux dernières campagnes du maréchal de Turenne, 1 v. in-8°, Paris 1675—8 et 1755 (безъ имени автора, но должно быть полковника Deschamps, см. ниже въ концѣ біографіи Тюренна).

**36) Relation de la dernière campagne de 1675 en Allemagne, jusqu'à la mort de M. de Turenne, 1 v. 8°, Paris 1776.

**37) Zanthier: Feldzüge des Vicomte de Turenne, nach ächten Urkunden, 1 B. 4, 1779.

**38) Marquis de la Moussaye: Relation sur la campagne de Fribourg (приложенная къ запискамъ Тюренна, изд. 1782 г., см. ниже).

**39) Beaurain: Histoire des quatre dernières campagnes du maréchal de Turenne en 1672—75, 2 v. Paris (texte du comte de Grimoard, cartes et plans de Beaurain, ingénieur-géographe).

**40) Mémoires du Vicomte de Turenne — собственноручныя его записки, изложенныя съ правдивостью, добросовѣстностью, скромностью, умомъ, знаніемъ дѣла и поучительностью;—онѣ были изданы вскорѣ послѣ его смерти, но потомъ нѣсколько разъ пересматривались, пополнялись и издавались вновь. Самое лучшее изданіе ихъ принадлежитъ Гримоару:

**41) Collection des lettres et mémoires trouvés dans les portefeuilles du maréchal de Turenne etc., publiée par le comte de Grimoard, 2 v. fol. Paris 1782.

**42) Ramsay: Histoire du Vicomte de Turenne, La Haye 1736; — Рамзай — лучшій біографъ Тюренна, изложившій его біографію по подлиннымъ его запискамъ, письмамъ, бумагамъ и другимъ источникамъ, съ благоговѣйными, можно сказать, уваженіемъ и любовію къ памяти великой личности Тюренна. Онъ приложилъ къ своей біографіи и подлинныя записки и письма его, а въ 4-й части—и записки герцога іоркскаго (впослѣдствіи англійскаго короля Іакова II): Mémoires du duc d'York, во многомъ пополняющія и поясняющія Рамзая біографію Тюренна.

**43) Mémoires de Napoléon I, écrits sous sa dictée par le général comte de Montholon, T. 5, notes et mélanges (критическій разборъ съ замѣчаніями, Paris 1822—1836.

**44) Lossau (Preus. Gener.-Lieut.): Ideale der Kriegführung etc. 2-r B. 1—2 Abth. (Turenne), 8°, Berlin 1836, критическій разборъ походовъ и описаніе жизни Тюренна въ заключеніи — характеристика его.

**45) Neuber: Turenne als Kriegstheoretiker und Feldherr, 1 B. gr. 8°, Wien 1869,—новѣйшее сочиненіе, заключающее въ себѣ сводъ мыслей, мнѣній и правилъ Тюренна о всемъ, касающемся военнаго дѣла, веденія войны и всякаго рода военныхъ дѣйствій, и потому заслуживающее особеннаго вниманія.

VI. ПРИНЦЪ ЕВГЕНІЙ САВОЙСКІЙ.

**46) Diarium etc. von 12 bis 29 October 1697 in der Provinz Bosnien etc. (экспедиція принца Евгенія Савойскаго въ Босніи въ 1697 г.).

*47) Guido Ferrarius: De rebus gestis Eugenio principis a Sabaudia bello Pannonico libri III, Haga 1794 (военные подвиги принца Евгенія въ Венгріи).

*48) Des grossen Feldherrn Eugen prinz von Savoyen etc. Heldenthaten etc., Nürnberg (безъ года изданія).

*49) Artanville: Mémoires pour servir à l'histoire du prince Eugène de Savoye, 2 vol. La Haye 1710.

*50) Abrégé de la vie du duc de Marlborough et du prince Eugéne de Savoye (trad. de l'anglais), Amsterdam 1714.

*51) Dumont: Histoire militaire du prince Eugène de Savoye, du prince et duc de Marlborough et du prince de Nassau-Frise, 2 vol. La Haye 1729.

*52) Massuet: Histoire de la dernière guerre etc. et la vie du prince Eugène de Savoye, 3 vol. 8°, Amsterdam 1736.

53) Histoire de François-Eugène, prince de Savoye et Piémont, par M-r L. C. D. C*, 2 vol. Londres 1739; — въ предисловіи къ этой книгѣ авторъ ея говоритъ, что онъ сопровождалъ принца Евгенія въ большей части его походовъ и ничего не изложилъ, чего бы не видѣлъ собственными глазами и не зналъ изъ вѣрныхъ источниковъ. Онъ заслуживаетъ, кажется, довѣрія, только сочиненіе его изложено слишкомъ въ общихъ чертахъ и не довольно обстоятельно.

**54) Mauvillon: Histoire militaire du prince Eugène de Savoye etc., 5 vol. 1740,—весьма хорошее пособіе, какъ всѣ сочиненія этого автора.

*56) Histoire du prince Eugène de Savoye etc., Amsterdam 1740—50.

**56) Eugène de Savoye: Mémoires écrits par lui-même, Weimar 1810 et Paris 1811,—главный и важнѣйшій источникъ.

**57) Lossau: Ideale der Kriegführung etc., 2-r B. 2-te Abth. Eugen, Prinz

von Savoyen, Berlin 1836,—заключаетъ въ себѣ аналитическій и критическій разборъ походовъ принца Евгенія и въ заключеніи характеристику его.

**58) Kausler: Das Leben des Prinzen Eugen von Savoyen, 2 B. und Pläne, Freiburg 1838.

**59) Heller: Militairische Correspondenz des Prinzen Eugen von Savoyen, von 1683 bis 1712, aus Originalquellen der K. Staatsarchive zu Turin und Stuttgart, Wien 1848.

**60) Alfred Arneth: Prinz Eugen von Savoyen, nach den handschriftlichen Quellen der Kayserlichen Archive, mit Portrait und Schlachtenpläne, 3 B. 8°, Wien 1858.

ОБЩІЕ ВСѢМЪ:

61) Histoire de la guerre de Hollande etc. 1672—77 (2-я нидерландская война), 2 vol. 12°, La Haye 1689.

62) Monatlicher Staats-Spiegel, von 1699 bis 1709, 12 B.

63) Histoire des guerres des deux maisons d'Espagne et de France, Paris 1711.

64) La clef du cabinet des princes de l'Europe ou recueil historique et politique sur les matières du temps, 18 vol. et supplément de Jordan, 1704—13.

65) Neueröffneter Welt- und Staats-Spiegel von 1700 bis 1716, 8 B.

66) Quincy (marquis de): Histoire militaire du règne de Louis le Grand, roi de France, 7 v. Paris 1726.

67) Mémoires des expéditions militaires etc. depuis le traité d'Aix-la-Chapelle jusqu'à celui de Nimègue, 2 v. Paris 1724.

68) Europäische Fama von 1702 bis 1734, 30 B.

69) Agostino Umicalia (іезуита Iacopo Sanvitali): Memorie storiche della guerra etc. di Spagna, Venezia 1736.

70) Mémoires de M. de la Colonie etc. depuis le siège de Namur en 1692 jusqu'à la bataille de Belgrade en 1717, 3 v. Utrecht 1738.

71) Lamberty: Mémoires pour servir à l'histoire du XVIII siècle, de 1710 à 1717,—14 v. 1740.

72) Lettres historiques etc. (1692—1745), La Haye 1745.

73) Puységur (lieutenant-général sous Louis XIII et Louis XIV): Mémoires, 2 v. Paris 1747.

74) Victoires mémorables des Français etc. jusqu'à la fin du règne de Louis XIV, 2 v. Paris 1754.

75) Ray de St. Géniès: Histoire de Louis XIII et de Louis XIV, 2 v. Paris 1755.

76) Gr. Fr. Ottieri: Storia delle guerre in Europa et in Italia per la successione di Spagna, 8 v. Venezia 1758.

*77) Don Vinc. Bacallar y Sana, marquez de San Felipe: Commentarios de la guerra de Espana etc.,—очень важная библіографическая рѣдкость, всѣ экземпляры которой скупило испанское правительство; однако встрѣчаются рѣдкія, измѣненныя изданія французскія и одно нѣмецкое 1773 года (мѣсто и годъ изданія подлинника неизвѣстны).

78) Victoires etc. des Français jusqu'en 1792,—6 v. Paris 1821.

*79) Duvivier (colonel du génie): Observations sur la guerre de la succession d'Espagne, 2 v. 8°, Paris 1830,—весьма хорошее сочиненіе, съ весьма вѣрными сужденіями объ этой войнѣ и различныхъ военныхъ дѣйствіяхъ и событіяхъ ея, особенно въ отношеніи крѣпостей, осадъ и обороны ихъ.

*80) Pelet (lieut.-gén. directeur du dépot de la guerre): Atlas des mémoires militaires relatifs à la succession d'Espagne, 1 v. fol. Paris 1834, — карты и таблицы изъ французскаго депо картъ,—весьма почтенное, важное и полезное изданіе, равно какъ и слѣдующее:

*81) De Vault (lieut.-gén. mort en 1790): Mémoires militaires relatifs à la succession d'Espagne sous Louis XIV, revus, publiés et précédés d'une introduction par le lieut-gén. Pelet. T. 1—2—5, 4°, Paris 1835—36.

Кромѣ того было множество современныхъ описаній нѣсколькихъ или отдѣльныхъ походовъ и военныхъ дѣйствій 1-й, 2-й и 3-й нидерландскихъ войнъ и войны за наслѣдство испанскаго престола, подъ заглавіями исторій, военныхъ исторій, реляцій, мемуаровъ и т. п. Почти послѣ каждаго похода на другой же годъ, а иногда и въ концѣ того же года, уже появлялось описаніе его, и всѣ они издавались большею частію въ Гаагѣ или Амстердамѣ. Всѣ эти описанія походовъ можно раздѣлить вообще по годамъ, по театрамъ военныхъ дѣйствій (въ Германіи, на Рейнѣ, въ Нидерландахъ, во Фландріи, въ Брабантѣ, въ Голландіи, въ сѣверной и отчасти въ средней Италіи и въ Сициліи, въ Піемонтѣ и Савоіи, въ Испаніи и въ сѣверной, восточной и южной Франціи), по предводительствовавшимъ въ этихъ походахъ полководцамъ и по народностямъ или языкамъ (всего болѣе на французскомъ и затѣмъ на нѣмецкомъ, англійскомъ, италіянскомъ и испанскомъ). Изъ авторовъ, которые писали объ этихъ разныхъ походахъ, можно назвать особенно chevalier de Beaurain, Carlet de la Rozière, Cayot de Pitauval, marquis de la Moussaye, Moreau, Cerizier, marquis de Hautefort (англичанинъ), Carleton, Strada, Bentivoglio, Muzio и др.

Изъ новѣйшихъ сочиненій о военныхъ дѣйствіяхъ нѣкоторыхъ изъ союзныхъ германскихъ войскъ противъ французовъ можно указать:

82) Peter: Der Krieg des grossen Kurfürsten gegen Frankreich in 1672—75, 1 B. 8°, Halle 1870.

О современныхъ войнахъ Австріи и венеціянской республики съ Турціей и объ отдѣльныхъ походахъ, военныхъ дѣйствіяхъ и событіяхъ ихъ, писано и издано также очень много сочиненій. Изъ числа ихъ можно указать:

83) Мейера описаніе войнъ съ турками въ Венгріи и Трансильваніи съ 1395 г. по 1665 г. (на нѣмецкомъ языкѣ), Франкфуртъ 1665.

84) Коховскаго (польскаго писателя) описаніе войны противъ турокъ подъ Вѣной и въ Венгріи, въ 1683 г. (на латинскомъ языкѣ), 1684.

85) Rocoles: Vienne deux fois assiégée par les Turcs en 1529 et 1683 etc. 1 v. Leyde 1684.

86) Coyer: Sobiesky etc. 1761.

87) Histoire de la guerre de Hongrie en 1716-17-18 etc. Vienne 1788.

88) Lochner: Ueber den Antheil Iohann III Sobiesky's, König von Pohlen, und Iohann-Georg III, Kurfürst von Sachsen, an dem Entsatze von Wien in 1683, 1 B. 8°, Wien 1831.

По исторіи войны за наслѣдство польскаго престола:

89) Massuet: Histoire de la guerre présente etc. en Italie, sur le Rhin, en Pologne etc., avec plans des sièges et batailles, 1 v. 8°; 1725,—и

90) Его же: Histoire de la dernière guerre etc., avec gravures, cartes et la vie du prince Eugène de Savoye, 3 v. 8°, 1736 (см. выше).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

IV. Густавъ-Адольфъ.

СТРАН.

ГЛАВА I. Густавъ II Адольфъ король шведскій 3
ГЛАВА II. Военное устройство государствъ и состояніе военнаго искуства во время тридцатилѣтней войны 16
§ 1. Военное устройство европейскихъ государствъ вообще и Швеціи въ особенности . . . . . —
§ 2. Тактическое устройство войскъ вообще и пѣхоты въ особенности. 17
§ 3. Конница 19
§ 4. Артиллерія . . . . . —
§ 5. Строй и образъ движеній и дѣйствій войскъ. 20
§ 6. Управленіе, содержаніе и продовольствованіе армій, духъ и воинскій порядокъ въ войскахъ 22
§ 7. Полевая фортификація 24
§ 8. Строеніе, осада и оборона крѣпостей . . . . . —
ГЛАВА III. Первый періодъ тридцати-лѣтней войны, отъ начала ея въ Богеміи до прибытія Густава-Адольфа въ Германію (1618—1630 г.) . 26
I. Война въ Богеміи и Австріи (1618—1620 г.) . . . . . —
§ 9. Политическое состояніе Германіи.—Причины и начало войны въ Богеміи . . . . . —
§ 10. Дѣйствія въ 1618 году. 27
§ 11. Дѣйствія въ 1619 году. 28
§ 12. Дѣйствія въ 1620 году 29
II. Война въ верхнемъ и нижнемъ Пфальцѣ, на Майнѣ и Рейнѣ (1621—1622 г.) 30
§ 13. Дѣйствія въ верхнемъ и нижнемъ Пфальцѣ (1621 г.). . . . . —
§ 14. Дѣйствія на Майнѣ и Рейнѣ (1622 г.). . . . . —
III. Война на Везерѣ, въ Саксоніи, Силезіи и Моравіи (1623—1626 г.). 32
§ 15. Дѣйствія на Везерѣ (1623 г.) . . . . . —
§ 16. Дѣйствія на Везерѣ, въ Саксоніи, Силезіи и Моравіи (1624—1626 г.). —
IV. Война въ сѣверной Германіи, на берегахъ Балтійскаго моря (1627—1629 г.) 34
§ 17. Дѣйствія въ Голштиніи, Мекленбургѣ и Помераніи (1627 г.) . . —
§ 18. Окончательныя дѣйствія на берегахъ Балтійскаго моря (1628—1629 г.) 35
§ 19. Общій выводъ о дѣйствіяхъ въ первомъ періодѣ тридцатилѣтней войны . . . . . —

СТРАН.

ГЛАВА IV. Второй періодъ тридцатилѣтней войны, со времени прибытія Густава-Адольфа въ Германію до сраженія при Нёрдлингенѣ включительно (1630—1634 г.) 37

I. Война со времени прибытія Густава-Адольфа въ Германію до сраженія при Брейтенфельдѣ или Лейпцигѣ включительно (1630—1631 г.) . . . . . —

§ 20. Политическое состояніе Германіи и Европы въ 1630 г. . . . —

§ 21. Состояніе Швеціи;—причины и поводы ея къ войнѣ;—планъ войны;—приготовленія къ войнѣ и предположеніе первоначальныхъ военныхъ дѣйствій въ Германіи 38

§ 22. Высадка Густава-Адольфа въ устьяхъ Одера и первоначальныя дѣйствія его въ Помераніи и Мекленбургѣ 39

§ 23. Движеніе Густава-Адольфа къ Гарцу и Грейфенгагену;—расположеніе его въ лагерѣ при Беервальде;—дѣйствія на Одерѣ и Эльбѣ. 41

§ 24. Движеніе Тилли отъ Магдебурга къ Франкфурту и Ландсбергу, а Густава-Адольфа къ Деммину 42

§ 25. Движеніе Тилли къ Ней-Рупину и Ней-Бранденбургу, а Густава-Адольфа къ Франкфурту. . . . . —

§ 26. Движеніе Тилли къ Магдебургу и взятіе имъ этого города;—дѣйствія между тѣмъ Густава-Адольфа 43

§ 27. Движеніе Тилли въ Гессенъ-Кассель;—дѣйствія Густава-Адольфа на правой сторонѣ Эльбы 44

§ 28. Переходъ Густава-Адольфа черезъ Эльбу 45

§ 29. Движеніе Тилли противъ Густава-Адольфа къ Вербену . . . . —

§ 30. Движеніе Тилли и Густава-Адольфа въ Саксонію.—Сраженіе при Брейтенфельдѣ или Лейпцигѣ 46

ГЛАВА V. Второй періодъ тридцатилѣтней войны со времени прибытія Густава-Адольфа въ Германію до сраженія при Нёрдлингенѣ включительно (1630—1634 г.) 48

II. Война послѣ сраженія при Брейтенфельдѣ или Лейпцигѣ до сраженія при Люценѣ включительно (1631—1632 г.) . . . . . —

§ 31. Положеніе обѣихъ воюющихъ сторонъ послѣ сраженія при Лейпцигѣ.—Планъ дѣйствій Густава-Адольфа и протестантовъ. . . —

§ 32. Дѣйствія въ Силезіи и Богеміи 49

§ 33. Дѣйствія въ сѣверо-западной Германіи. 50

§ 34. Главныя дѣйствія въ юго-западной Германіи;—движеніе Густава-Адольфа и Тилли къ Майну . . . . . —

§ 35. Движеніе Густава-Адольфа внизъ по Майну къ Рейну 51

§ 36. Переходъ Густава-Адольфа черезъ Рейнъ и утвержденіе его на этой рѣкѣ. 52

§ 37. Дѣйствія Горна и Тилли въ Франконіи . . . . . —

§ 38. Положеніе и силы обѣихъ воюющихъ сторонъ въ мартѣ 1632 г. 53

§ 39. Движеніе Густава-Адольфа въ Баварію.—Переправа его черезъ Лехъ. —

§ 40. Положеніе обѣихъ воюющихъ сторонъ весною 1632 года . . . 54

§ 41. Движеніе Валленштейна и курфирста баварскаго въ Богемію . . 55

§ 42. Движеніе Валленштейна и Густава-Адольфа къ Нюрнбергу. . . 56

§ 43. Дѣйствія при Нюрнбергѣ . . . . . —

§ 44. Отступленіе отъ Нюрнберга: Густава-Адольфа по направленію къ Вюрцбургу, а Валленштейна къ Бамбергу.—Движеніе Густава-Адольфа въ Баварію 58

§ 45. Современныя дѣйствія въ другихъ частяхъ Германіи. 59

§ 46. Движеніе Валленштейна и за нимъ Густава-Адольфа въ Саксонію.—Сраженіе при Люценѣ. . . . . —

§ 47. Общій выводъ объ образѣ и искуствѣ веденія войны во второмъ періодѣ тридцатилѣтней войны и Густавомъ-Адольфомъ въ особенности 61

СТРАН.

ГЛАВА VI. Смерть Густава-Адольфа 65
Примѣчаніе 74
Король Густавъ II Адольфъ (характеристика его изъ исторіи Швеціи Фрикселя) 75

V. Тюреннь.

ГЛАВА I. 81
§ 1. Отъ рожденія до 1644 года. . . . . —
§ 2. Походъ 1644 года 83
§ 3. Походъ 1645 года 84
§ 4. Походъ 1646 года 86
§ 5. Походъ 1647 года 88
§ 6. Походъ 1648 года 89
§ 7. **Войны Фронды** 91
Походы 1649—1650 годовъ . . . . . —
§ 8. Походъ 1652 года. 93
§ 9. **Война Франціи съ Испаніей.** 94
Походы 1653—1656 годовъ . . . . . —
§ 10. Походъ 1657 года. 95
§ 11. Походъ 1658 года. 96
ГЛАВА II. Состояніе военнаго искуства въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтій 98
§ 12. Военное устройство европейскихъ государствъ вообще . . . . —
§ 13. Тактическое устройство войскъ вообще и пѣхоты въ особенности 99
§ 14. Конница 100
§ 15. Артиллерія 101
§ 16. Строй и образъ движеній и дѣйствій войскъ. 102
§ 17. Внутреннее устройство арміи: сила, раздѣленіе, содержаніе ихъ; духъ и воинскій порядокъ въ войскахъ. 104
§ 18. Инженерное искуство 106
§ 19. Общій выводъ о состояніи военнаго искуства въ этомъ періодѣ . 108
ГЛАВА III. Образъ веденія войны въ этомъ періодѣ 109
I. **Образъ веденія войны вообще** . . . . . —
§ 20. Методизмъ въ образѣ веденія войны;—начало и причины его . —
§ 21. Крѣпости и магазины 110
§ 22. Бой. . . . . —
§ 23. Охраненіе сообщеній, дѣйствія противъ нихъ и маневрированіе . 111
§ 24. Важность мѣстности и искуственныхъ препятствій. . . . . —
§ 25. Медленность и нерѣшительность дѣйствій и неважность цѣлей и результатовъ ихъ 112
§ 26. Характеръ войнъ этого періода вообще . . . . . —
II. **Образъ веденія войны въ Нидерландахъ, Германіи, Италіи и Испаніи** 113
§ 27. Образъ веденія войны въ Нидерландахъ . . . . . —
§ 28. » » » на Среднемъ Рейнѣ 114
§ 29. » » » въ Германіи на Дунаѣ . . . . . —
§ 30. » » » » Италіи. 115
§ 31. » » » » Испаніи 116
ГЛАВА IV. . . . . . —
I. **1-я нидерландская война (1667—1668 г.)** . . . . . —
§ 32. Политическое положеніе западной Европы вообще и Франціи въ особенности послѣ Пиренейскаго мира. . . . . —
§ 33. 1-я нидерландская война (1667—1668). 117

СТРАН.

II. 2-я нидерландская война (1672—1679). 117
§ 34. Причины войны;—силы и планы дѣйствій съ обѣихъ сторонъ . —
§ 35. Общій ходъ 2-й нидерландской войны. 119
§ 36. Четыре послѣдніе похода Тюренна.—Походъ 1672 года въ Голландіи и на нижнемъ Рейнѣ 120
§ 37. Походъ 1673 года.—Дѣйствія Тюренна и Монтекукули на Майнѣ и Рейнѣ 122
§ 38. Походъ 1674 года.—Оборона Тюреннемъ Эльзаса 124
§ 39. Походъ 1675 года.—Дѣйствія Тюренна и Монтекукули на Рейнѣ при Страсбургѣ 126
§ 40. Общій выводъ объ образѣ и искуствѣ дѣйствій Тюренна . . . 128
ГЛАВА V. Тюреннь 129
§ 41. Характеристика Тюренна . . . . . —
§ 42. Смерть Тюренна. 133

VII. Принцъ Евгеній Савойскій.

ГЛАВА I. Принцъ Евгеній Савойскій 137
§ 1. Отъ рожденія до 1683 года. . . . . —
§ 2. Военныя: служба и дѣйствія его съ 1683 г. до 1697 г. . . . . —
§ 3. Военныя дѣйствія его, какъ главнокомандующаго арміями, съ 1697 года. 141
ГЛАВА II. Военныя дѣйствія принца Евгенія въ войнѣ за наслѣдство испанскаго престола (1700—1714 г.) 144
§ 4. Общій ходъ войны за наслѣдство испанскаго престола. . . . —
§ 5. Походъ принца Евгенія савойскаго въ Италіи въ 1701 году. . 147
§ 6. Походъ принца Евгенія савойскаго въ Италіи въ 1702 году. . 148
§ 7. Походъ 1704 года въ Германіи. 149
ГЛАВА III. Походы принца Евгенія въ Италіи въ 1705-6-7 г.г. 152
§ 8. Походъ принца Евгенія савойскаго въ 1705 году въ Италіи . . —
§ 9. Походъ принца Евгенія савойскаго въ 1706 году въ Италіи. . 154
§ 10. Дѣйствія принца Евгенія въ Нидерландахъ въ 1708—1712 годахъ. 156
§ 11. Общій взглядъ на дѣйствія принца Евгенія въ войнѣ 1700—1712 годовъ 159
§ 12. Походъ принца Евгенія въ 1713 году на Рейнѣ 166
ГЛАВА IV. Походы принца Евгенія Савойскаго въ 1716-17 и 1734-35 г.г. противъ турокъ и французовъ 167
§ 13. Походы принца Евгенія въ 1716-17 г.г. противъ турокъ въ Венгріи и Турціи . . . . . —
§ 14. Послѣдніе два похода принца Евгенія въ 1734-35 г.г. въ Германіи на среднемъ Рейнѣ 170
ГЛАВА V. 173
§ 15. Общій выводъ о принцѣ Евгеніи, какъ полководцѣ . . . . . —

ПОРТРЕТЫ, КАРТЫ И ПЛАНЫ СРАЖЕНІЙ.

ПРИЛОЖЕННЫЕ КЪ II ЧАСТИ ИЗДАНІЯ «ВЕЛИКІЕ ПОЛКОВОДЦЫ ИСТОРІИ».

1. Портретъ Густава-Адольфа.
2. » Тюренна.
3. » Принца Евгенія Савойскаго.
4. Карта театра 30-ти-лѣтней войны въ Германіи (1618—1648).
5. » Германіи и Италіи.
6. » Голландіи и Нидерландовъ.
7. » Франціи.
8. » Испаніи.
9. Планъ сраженія при Брейтенфельдѣ или Лейпцигѣ въ 1631 году.
10. » » » Люценѣ въ 1632 году.
11. » » » Зинсгеймѣ въ 1674 г.
12. » » » Зентѣ въ 1697 г.
13. » » » Гохштедтѣ въ 1704 г.
14. » » » Туринѣ въ 1706 г.
15. » » » Малплакѣ въ 1709 г.
16. » » » Петервардейнѣ въ 1716 г.
17. » » » Бѣлградѣ въ 1717 г.

IV.

ГУСТАВЪ-АДОЛЬФЪ.

ГУСТАВЪ II. АДОЛЬФЪ.
КОРОЛЬ ШВЕДСКІЙ.

съ портрета, писаннаго Мирефельтомъ, гравированнаго Крузіусомъ и приложеннаго къ нѣмецкому переводу Martini 1760 г. Жизни Густава Адольфа соч. Вальтера Гарте

Картографическое Заведеніе А. Ильина по б. Маст. ул. д.

ГЛАВА I.

ГУСТАВЪ II АДОЛЬФЪ,

КОРОЛЬ ШВЕДСКІЙ,

РОДИЛСЯ $\frac{9 \text{ декабря}}{30 \text{ ноября}}$ 1594 Г., СКОНЧАЛСЯ $\frac{6 \text{ ноября}}{28 \text{ октября}}$ 1632 Г.

Внукъ знаменитаго короля шведскаго, Густава I Вазы, и сынъ его сына, шведскаго же короля Карла IX, Густавъ-Адольфъ родился въ Стокгольмѣ 9 декабря (30 ноября) 1594 г., въ то время, когда на шведскомъ престолѣ былъ двоюродный братъ его, сынъ старшаго брата Карла IX, столь извѣстный въ исторіи западной Европы, Польши и Россіи Сигизмундъ III, съ 1587 г. король польскій и временно съ 1592 г. по 1604—король шведскій. Съ самыхъ первыхъ лѣтъ дѣтства, Густавъ-Адольфъ уже обнаружилъ необыкновенныя природныя дарованія въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, соединенныя съ величавою красотою, крѣпостью и бодростью тѣлесными, а тщательнѣйшія, превосходныя: воспитаніе и образованіе, данныя ему отцомъ и матерью его, сообщили еще бо́льшее развитіе природнымъ дарованіямъ его. Уже въ первыя 12 лѣтъ жизни своей онъ обнаружилъ задатки тѣхъ высокихъ качествъ, которыя такъ украшали его въ лѣта юношества и зрѣлаго возраста, а именно: искреннихъ и глубокихъ, до самой смерти его, религіознаго благочестія и преданности протестантскому вѣроисповѣданію, чистѣйшей нравственности, необыкновенной доброты и теплоты сердечной, благорасположенія, ласковости и любезности ко всѣмъ, особенно къ ближайшимъ родственникамъ—отцу, матери, братьямъ и сестрамъ, воспитателямъ, наставникамъ, друзьямъ и прислугѣ, чрезвычайной кротости права, но вмѣстѣ съ тѣмъ и твердости характера, непритворной откровенности, отсутствія скрытности и мнительности, наконецъ необыкновенныхъ смѣлости, даже отважности и презрѣнія опасности. Въ умственномъ отношеніи онъ одаренъ былъ самыми блестящими дарованіями, обширнымъ, глубокимъ, свѣтлымъ, вѣрнымъ и серьознымъ умомъ, прекрасною памятью, пылкимъ воображеніемъ, необыкновенными способностью и склонностью къ книжному ученію, языкамъ, наукамъ и искуствамъ. Наконецъ въ тѣлесномъ отношеніи онъ отличался прекраснымъ, здоровымъ сложеніемъ, крѣпостью и бодростью силъ и особенно лицомъ и взорами, вполнѣ выражавшими всю прекрасную душу и умъ его. Успѣхи его въ воспитаніи и образованіи, подъ главнымъ руководствомъ отца и матери, и ближайшимъ—Акселя Оксеншерна, въ послѣдствіи лучшаго друга его, и ученаго наставника Іоанна Шитте, всегда и позже глубоко уважаемаго имъ,— были по истинѣ изумительны. Уже на 12-мъ году жизни онъ свободно изъяснялся, сверхъ отечественнаго, шведскаго языка, на 5-ти другихъ: латинскомъ, датскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и итальянскомъ, а позже научился польскому и русскому. Къ чтенію и занятіямъ науками онъ имѣлъ столько же охоты и даже страсти, сколько мало имѣлъ ихъ къ праздности, забавамъ, играмъ, увеселеніямъ, прогулкамъ, охотѣ и т. п. «Еще отрокомъ» — говоритъ историкъ Швеціи Фриксель (см. ниже) — «сиживалъ онъ далеко за полночь съ кни-

гою въ рукахъ. Любимыми писателями его были Ксенофонтъ, Сенека и особенно Гуго-Гроцій, современный философъ и политикъ. Онъ любилъ также исторію и охотно, усердно занимался ею, называя ее наставницею жизни. Къ одной только наукѣ, весьма почетной въ его время — метафизикѣ онъ не имѣлъ особенной склонности, можетъ быть по внушенію Іоанна Шитте и римскихъ философовъ. Въ немъ развился и даръ оратора и писателя: онъ столько же прекрасно говорилъ, сколько и писалъ прозой и стихами. Онъ былъ лучшимъ ораторомъ въ Швеціи, а многія стихотворенія его, особенно религіознаго содержанія, сдѣлались и остались народными». Ко всякаго рода тѣлеснымъ упражненіямъ, бѣгу, скаканію чрезъ преграды, владѣнію оружіемъ, верховой ѣздѣ и т. п. онъ имѣлъ большія способности и склонность, и оказывалъ въ нихъ чрезвычайную ловкость и смѣлость и между прочимъ былъ отличнымъ ѣздокомъ на конѣ. Словомъ — природа чрезвычайно щедро надѣлила его всѣми тѣлесными, душевными и умственными дарами, и онъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ представлялъ все совершенство, которое только доступно человѣку. Едва-ли не единственными недостатками его были: необыкновенная горячность и даже вспыльчивость нрава и соединенная съ нею поспѣшность, иногда дававшая поводъ къ непріятнымъ случаямъ. «Особенно во время первой молодости»—говоритъ Фриксель — «онъ нерѣдко позволялъ себѣ рѣзкія слова, даже удары и побои, и ему было трудно, даже невозможно укрощать порывы своей вспыльчивости. Но лѣта и опытность и еще болѣе собственный трудъ научили его наконецъ искуству владѣть собою. Притомъ онъ легко и скоро мирился, усердно и великодушно старался загладить всякій проступокъ и никогда не питалъ долговременной ненависти и злобы.

Послѣ всего сказаннаго, легко понять, какими глазами смотрѣли и какія надежды возлагали на Густава-Адольфа, еще въ отрочествѣ, и отецъ его, и весь народъ шведскій. Изъ нихъ первый, котораго государственные чины провозгласили королемъ вмѣсто лишеннаго ими престола (за его фанатическую преданность католицизму и ненависть къ протестантству) Сигизмунда, въ 1604 г., когда Густаву-Адольфу былъ 10-й годъ,—хотѣлъ оставить по себѣ Швеціи такого преемника, который могъ бы сильною и твердою рукою охранить ее противъ многихъ тогдашнихъ враговъ ея, въ главѣ которыхъ стояли Данія, Россія и особенно Польша или, правильнѣе сказать, Сигизмундъ, заклятой врагъ Швеціи и лично Карла IX и потомъ Густава-Адольфа. Свидѣтельствомъ высокихъ ожиданій Карла IX отъ Густава-Адольфа въ будущемъ, можетъ быть то, что когда только ни заходила рѣчь о какихъ-нибудь обширныхъ, важныхъ планахъ со стороны Швеціи, Карлъ IX говаривалъ: «не льщу себя надеждой справиться съ ними, но вотъ онъ (указывая на Густава-Адольфа) исполнитъ ихъ». И шведскій народъ вполнѣ раздѣлялъ съ королемъ надежды его на Густава-Адольфа и съ ранней молодости послѣдняго питалъ къ нему глубокія любовь и уваженіе. И послѣдствія доказали, что Густавъ-Адольфъ вполнѣ исполнилъ первыя и достоинъ былъ послѣднихъ.

На 12-мъ году жизни Густавъ-Адольфъ уже поступилъ на дѣйствительную службу, военную—въ арміи, съ нижнихъ чиновъ, и гражданскую—начавъ принимать участіе въ дѣлахъ правленія и въ засѣданіяхъ государственнаго совѣта. «Поэтому» — говоритъ Фриксель—«онъ не могъ вполнѣ и спокойно довершить свое воспитаніе и образованіе, но и затѣмъ призывалъ въ свободное время Іоанна Шитте и продолжалъ пользоваться его руководствомъ». А въ государственныхъ дѣлахъ, военныхъ и гражданскихъ, ближайшимъ наставникомъ его былъ Аксель Оксеншерна, одинъ изъ лучшихъ военныхъ и государственныхъ людей Швеціи.

Такъ протекли 5 лѣтъ и въ 1611 г., когда Густаву-Адольфу былъ 17-й годъ, король, отецъ его, объявилъ его совершеннолѣтнимъ и, въ открывшейся тогда войнѣ съ Даніей, назначилъ его начальникомъ небольшаго отряда войскъ. Война съ самаго начала приняла невыгодный для Швеціи оборотъ, потому что датчане сразу взяли крѣпость Кальмаръ. Но Густавъ-Адольфъ, отплывъ съ своимъ отрядомъ, моремъ, къ острову Эланду (Oeland), покорилъ его и замокъ Борнгольмъ на немъ. А на обратномъ пути оттуда онъ перехватилъ письмо датскаго коменданта небольшой крѣпости Христіанополя: въ этомъ письмѣ комендантъ просилъ короля датскаго прислать ему 500 челов. конницы въ подкрѣпленіе. Густавъ-Адольфъ немедленно воспользовался этимъ, одѣлъ 500 шведскихъ кавалеристовъ въ датскіе мундиры, лично повелъ ихъ къ Христіанополю, подступилъ къ нему ночью, былъ впущенъ—и овладѣлъ крѣпостью.

Это были первые и вполнѣ удачные военные подвиги его, явно обличившіе его находчивость, предпріимчивость и отважность.

Вскорѣ, въ томъ же году, Карлъ IX умеръ, но еще предъ смертію, на смертномъ одрѣ, получивъ нѣкоторое важное извѣстіе, сказалъ: «Дѣла этого міра уже болѣе не касаются меня, оставляю ихъ» (указывая на Густава-Адольфа) «въ лучшихъ рукахъ». Замѣчательно однако, что не смотря на всѣ свои надежды на Густава-Адольфа, онъ предусмотрительно назначилъ, до достиженія имъ, по законамъ Швеціи, для вступленія на престолъ, 24-хъ лѣтъ, регентство изъ опытнѣйшихъ государственныхъ людей. Но нѣсколько недѣль послѣ его смерти, госу-

дарственные чины, по собственному побужденію, единодушно и единогласно положили: въ виду чрезвычайныхъ, исключительныхъ обстоятельствъ и положенія тогда Швеціи, отступить отъ основнаго закона — и передавъ Густаву-Адольфу, которому не минуло еще 17-ти лѣтъ, полную власть, провозгласили его королемъ. Весь шведскій народъ подтвердилъ это полнымъ сочувствіемъ и согласіемъ своимъ—и въ 21 годъ (1611—1632) благодѣтельнаго и славнаго царствованія Густава-Адольфа никогда не измѣнилъ ни своихъ чувствъ, ни своего довѣрія къ нему.

Однимъ изъ первыхъ дѣйствій Густава-Адольфа было замѣщеніе нѣкоторыхъ свободныхъ, важныхъ должностей въ государственномъ управленіи. Аксель Оксеншерна, одинъ изъ младшихъ членовъ государственнаго совѣта, былъ первымъ, на котораго палъ достойный выборъ Густава-Адольфа, назначившаго его государственнымъ канцлеромъ Швеціи, завѣдывающимъ всѣми внѣшними и внутренними дѣлами правленія. Оксеншерна вполнѣ оправдалъ этотъ выборъ: онъ былъ однимъ изъ лучшихъ генераловъ шведской арміи и государственныхъ людей Швеціи, и былъ всегда лучшимъ совѣтникомъ, помощникомъ и вѣрнымъ другомъ Густава-Адольфа, до самой смерти послѣдняго.

Затѣмъ Густаву-Адольфу предстояло продолжать войну разомъ съ Даніей, Польшей и Россіей. Онъ мудро положилъ покончить съ каждою изъ нихъ порознь, начавъ съ ближайшей, сосѣдственной съ Швеціею—Даніи. Имѣя въ виду, что осада Кальмара потребовала бы очень много времени, а между тѣмъ надѣясь возвратить себѣ эту крѣпость инымъ, болѣе легкимъ образомъ, онъ положилъ открыть въ 1612-мъ г. походъ диверсіей въ самой Даніи и лично двинулся съ главными силами въ Схонію, гдѣ Христіанъ IV, король датскій, оставилъ отрядъ войскъ подъ начальствомъ герцога Георга люнебургскаго. Между тѣмъ герцогъ остготландскій долженъ былъ прикрывать Элфсборгъ противъ датскаго флота.

Вслѣдствіе такого, уже самаго по себѣ необыкновеннаго плана дѣйствій, Густавъ-Адольфъ осадилъ Гельсингборгъ, но—потерпѣлъ неудачу: датчане произвели на него внезапное нападеніе и принудили его отступить, при чемъ онъ лично подвергся большой опасности. Эта первая неудача, въ самомъ началѣ военныхъ дѣйствій, нисколько не уронила духа въ Густавѣ-Адольфѣ, а напротивъ еще болѣе возбудила его — и онъ предпринялъ другую диверсію въ Норвегію. Однако и эта не имѣла успѣха. А между тѣмъ датскія войска, подъ главнымъ начальствомъ самаго Христіана IV, вознамѣрились взять Элфснабенъ и Іёнкёпингъ, пограничную въ то время крѣпость, и затѣмъ безпрепятственно вторгнуться въ Швецію. Густавъ-Адольфъ сталъ при Іёнкёпингѣ, для прикрытія этой крѣпости, но былъ слишкомъ слабъ на сухомъ пути и особенно на морѣ противъ значительныхъ военныхъ силъ Даніи. Элфсборгъ былъ взятъ датчанами и Христіанъ, желая воспользоваться отсутствіемъ Густава-Адольфа для овладѣнія Стокгольмомъ, двинулся къ нему и уже дошелъ до Ваксгольма, въ 2-хъ миляхъ отъ него. Но Густавъ-Адольфъ быстро двинулся къ нему съ небольшимъ отрядомъ войскъ, вооружилъ въ Стокгольмѣ всѣхъ, способныхъ сражаться гражданъ, пошелъ съ ними къ Ваксгольму на встрѣчу Христіану и тѣмъ спасъ Стокгольмъ, а Христіана принудилъ къ отступленію. Недовольный этой неудачей, Христіанъ склонился къ миру. Густавъ-Адольфъ тѣмъ охотнѣе согласился на миръ, что хотѣлъ скорѣе покончить невыгодную для Швеціи войну съ превосходною въ силахъ Даніей и затѣмъ обратить всѣ свои усилія противъ Россіи, а послѣ противъ Польши. Вслѣдствіе того въ 1613 г. между Швеціей и Даніей былъ заключенъ въ Сіёрёдѣ (Siöröd) миръ, по которому Христіанъ возвратилъ Швеціи Элфсборгъ, Кальмаръ и всѣ завоеванія свои въ ней, а Густавъ-Адольфъ уплатилъ ему за то 1 милліонъ рейхсталеровъ.

Затѣмъ Густавъ-Адольфъ въ томъ же 1613 г. хотѣлъ обратиться противъ Россіи. Отецъ его, Карлъ IX, завоевалъ Карелію, но не изъявилъ положительнаго согласія своего на предложеніе русскаго престола, въ смутное въ Россіи время, младшему брату Густава-Адольфа, Карлу-Филиппу. По заключеніи же мира съ Даніей, Густавъ-Адольфъ вознамѣрился поддержать притязанія своего брата на русскій престолъ и лично, съ арміей, ввести его въ обладаніе послѣднимъ. Но въ это самое время случилось одно обстоятельство въ жизни Густава-Адольфа, которое хотя могло временно ослабить его дѣятельность, но послужило только къ наученію его преодолѣвать свою волю. Именно къ этому времени относится страстная любовь Густава-Адольфа, которому былъ 19-й годъ, къ молодой и прекрасной графинѣ Эмме Браге, на которой онъ хотѣлъ жениться, но покорился волѣ своей матери, хотя и благоволившей графинѣ Браге, но убѣдившей сына отказаться отъ своего намѣренія. Эта нравственная побѣда Густава-Адольфа надъ самимъ собою, при всей молодости его, служитъ яркою чертою въ его характеристикѣ. Въ 1614 году онъ возобновилъ свое намѣреніе рѣшительно дѣйствовать противъ Россіи, но передъ тѣмъ мудро устроилъ внутреннія дѣла Швеціи, принялъ многія важныя мѣры касательно обороны Швеціи, судопроизводства, судоходства, торговли и пр.

Между тѣмъ въ Россіи уже въ 1613 г. избранъ былъ въ цари Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ. Шведскій генералъ Яковъ Де-Ла-Гарди, начальствовавшій шведскими войсками

въ завоеванныхъ у Россіи областяхъ, протестовалъ противъ этого избранія. А Густавъ-Адольфъ послалъ брата своего Карла-Филиппа съ частію войскъ въ Выборгъ, въ Финляндіи—и въ 1614-мъ году между шведами и русскими начались военныя дѣйствія; съ Польшею же Густавъ-Адольфъ заключилъ перемиріе на 2 года.

Въ 1615 г. Густавъ-Адольфъ лично двинулся съ войскомъ изъ Финляндіи въ Ингерманландію (нынѣшнюю Петербургскую губернію), взялъ приступомъ Ангдамъ, занялъ всю эту область, подступилъ къ Пскову но вскорѣ отступилъ отъ него и, при посредничествѣ Англіи, предложилъ Россіи миръ, но онъ былъ отвергнутъ. Въ этомъ походѣ опытный и искусный въ военномъ дѣлѣ Яковъ Де-Ла-Гарди, своими совѣтами и руководствомъ, оказалъ Густаву-Адольфу, по собственному сознанію послѣдняго, большія услуги и былъ первымъ и чрезвычайно полезнымъ, практическимъ наставникомъ его въ искуствѣ веденія войны. Густавъ-Адольфъ же, съ своей стороны, кромѣ того, что прекрасно воспользовался его наставленіями, въ это именно время положилъ первыя и прочныя основанія превосходной дисциплинѣ шведской арміи. Поэтому нареканія нашихъ лѣтописцовъ этого времени о насильствахъ, грабежахъ и т. п. шведскихъ войскъ, не заслуживаютъ вѣры. Шведскія войска Густава-Адольфа въ этомъ отношеніи и въ это время стояли неизмѣримо выше нашихъ неустроенныхъ земскихъ ополченій, предводимыхъ гордыми, но необразованными вельможами, не имѣвшихъ ни малѣйшаго понятія о военной дисциплинѣ и предававшихся всякаго рода безпорядкамъ.

Между тѣмъ слава Густава-Адольфа уже стала распространяться всюду въ Европѣ, и изъ Германіи особенно начали все болѣе и болѣе обращаться къ нему съ просьбами, ученые—быть его исторіографами, богословы—о посредничествѣ его въ богословскихъ спорахъ между лютеранами и кальвинистами, ландграфъ Морицъ гессенъ-кассельскій—о присоединеніи его, Густава-Адольфа, къ оборонительному, религіозно-политическому союзу протестантовъ Германіи, и т. п. Но Густавъ-Адольфъ скромно отклонилъ всѣ эти просьбы и вполнѣ посвятилъ себя политической и военной дѣятельности своей того времени. И онъ чрезвычайно мудро устроилъ отношенія свои къ Даніи, Польшѣ и Россіи. Посольствомъ къ Христіану IV онъ совершенно обезпечилъ себя съ его стороны; противъ козней Сигизмунда, врага Швеціи и его личнаго, онъ принялъ всѣ необходимыя мѣры, а противъ Россіи, съ которою начались мирные переговоры и вскорѣ заключено было перемиріе, онъ также принялъ всѣ нужныя мѣры, или для ускоренія выгоднаго мира, или для возобновленія дѣятельной войны. Съ этою цѣлью онъ прибылъ въ 1616-мъ г. въ Финляндію и провелъ въ ней почти весь этотъ годъ въ попеченіи о благосостояніи этой страны, облегченіи тяжкихъ военныхъ повинностей ея въ войнѣ съ Россіей и т. п. Въ 1617 же году мирные переговоры съ Россіей были увѣнчаны наконецъ заключеніемъ мира въ Столбовѣ, по которому Россія уплатила Швеціи денежную контрибуцію и уступила ей часть Новгородской области.

Освободившись такимъ образомъ отъ войны съ Даніей и Россіей, Густавъ-Адольфъ въ 1617 году былъ торжественно коронованъ и при этомъ случаѣ удостоился новыхъ, вполнѣ искреннихъ свидѣтельствъ любви, уваженія и довѣрія государственныхъ чиновъ и народа шведскихъ. Затѣмъ онъ употребилъ всѣ мѣры къ примиренію съ Сигизмундомъ, не пренебрегая между тѣмъ и мѣрами къ усиленію войска и флота своихъ на случай возобновленія войны съ Польшей. Но всѣ безкорыстныя попытки его къ примиренію съ Сигизмундомъ остались тщетными противъ злобы и ненависти этого изувѣра, слѣпаго орудія іезуитовъ. Однако одно обстоятельство побудило его самаго искать продолженія перемирія съ Швеціей: трансильванскій князь Бетлемъ-Габоръ, раздраженный тѣмъ, что Сигизмундъ послалъ императору Матѳею, въ войнѣ его съ нимъ, Бетлемъ-Габоромъ, польскія вспомогательныя войска, вторгнулся съ 40,000 войскъ въ принадлежавшую тогда Польшѣ часть Молдавіи (нынѣ Бессарабія). Перемиріе между Швеціей и Польшей было продолжено еще на 2 года, при посредничествѣ Христіана IV, съ которымъ Густавъ-Адольфъ при этомъ случаѣ еще болѣе скрѣпилъ дружественныя отношенія и обезпечилъ себя неутралитетомъ съ его стороны, на случай возобновленія войны съ Польшей (1618).

Въ 1619 и 1620 гг. Густавъ-Адольфъ совершилъ путешествіе по западной Европѣ и вступилъ въ бракъ съ сестрою курфирста бранденбургскаго (отъ этого брака въ 1626 г. родилась столь извѣстная въ послѣдствіи шведская королева Христина). Но все это нималѣйше не прервало его заботъ и попеченій о внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ Швеціи и намѣреній его въ отношеніи Сигизмунда и Польши.

Въ 1621 г. оканчивался срокъ перемирія съ ними и Густавъ-Адольфъ снова употребилъ всѣ мѣры къ продленію его или заключенію мира. Но всѣ усилія его остались тщетными и война съ Польшей, къ которой Швеція между тѣмъ уже была вполнѣ приготовлена—возобновилась, съ полнымъ сочувствіемъ и одобреніемъ со стороны государственныхъ чиновъ и народа шведскихъ.

Цѣлью 1-го похода Густава-Адольфа въ 1621 г. было завоеваніе Лифляндіи, на обладаніе которою Швеція имѣла притязанія со времени сына Густава Вазы, шведскаго ко-

роля Эриха, и по этому случаю часто вела войну съ Польшей. 24,000 шведскихъ войскъ, большею частью пѣхоты, были перевезены моремъ на флотѣ въ устья Двины, высажены на берегъ, атаковали и взяли Дюнамюндскіе шанцы и осадили Ригу. Осада ея была нелегка: крѣпость находилась въ хорошемъ состояніи и была обороняема сильнымъ и храбрымъ гарнизономъ и жителями. Но, къ счастію для Густава-Адольфа, Сигизмундъ не могъ во-время послать войскъ на помощь Ригѣ, потому что въ это самое время 300,000 турокъ вторглись въ Польшу. А Густавъ-Адольфъ началъ и велъ осаду самымъ энергическимъ образомъ, окруживъ крѣпость контръ-валаціонною линіей, за которою шведская армія была расположена 4-мя, неравной силы частями. Три раза тщетно предлагалъ онъ крѣпости сдаться и затѣмъ открылъ бомбардированіе. Приблизившіяся къ Ригѣ 10,000 польскихъ войскъ, подъ начальствомъ князя Христофора Радзивила, были отражены, два передовыхъ укрѣпленія взяты приступомъ, но два другихъ приступа были отбиты. Тогда заложены были мины, все приготовлено къ общему приступу, крѣпости назначенъ 6-ти часовой срокъ для сдачи—и она сдалась 16 сентября на выгодную капитуляцію, послѣ 4-хъ недѣльной осады и обороны. Густавъ-Адольфъ обошелся съ жителями Риги съ большимъ великодушіемъ и принялъ ихъ присягу въ вѣрности, но изгналъ іезуитовъ.

Изъ Риги онъ двинулся къ Митавѣ и ввелъ въ нее 2 т. войскъ, не какъ непріятель, но по необходимости, такъ какъ герцогъ курляндскій уже давно былъ благорасположенъ и даже преданъ ему. Отсюда Густавъ-Адольфъ хотѣлъ идти въ Польшу и силою оружія принудить Сигизмунда къ миру, но прежде снова вступилъ съ нимъ въ мирные переговоры. Сигизмундъ уклонился отъ заключенія мира, но, по случаю войны съ турками и татарами, согласился на продолженіе перемирія до конца 1622 г., оставивъ во власти Густава-Адольфа занятую имъ часть Лифляндіи. Затѣмъ Густавъ-Адольфъ очистилъ Курляндію и воротился въ Стокгольмъ.

Вскорѣ умеръ братъ его Карлъ Филиппъ, смерть котораго была тѣмъ прискорбнѣе для Густава-Адольфа, что онъ не имѣлъ наслѣдниковъ по себѣ и это еще болѣе возбудило надежды Сигизмунда на завладѣніе шведскимъ престоломъ. Поддерживаемый близкимъ родственникомъ своимъ, императоромъ Фердинандомъ II, Сигизмундъ непремѣнно хотѣлъ завладѣть шведскимъ престоломъ и для этого перенесть войну въ Швецію, но, не имѣя для того флота, отправился въ богатый и торговый Данцигъ, который могъ доставить ему оный. Густавъ-Адольфъ, узнавъ объ этомъ, немедленно отправился (въ концѣ іюня 1622 г.) моремъ на флотѣ къ Данцигу и потребовалъ отъ этого города рѣшительнаго отвѣта, будетъ-ли онъ за или противъ него, Густава-Адольфа—и получилъ обѣщаніе соблюденія, до конца перемирія, строгаго неутралитета, на что и Сигизмундъ согласился. Но Густавъ-Адольфъ потребовалъ неутралитета Данцига и въ мирѣ, и въ войнѣ. И на это послѣдовало согласіе и города и Сигизмунда, который самъ предложилъ при этомъ продолженіе перемирія. Согласясь на это, Густавъ-Адольфъ воротился въ Швецію.

Причинами, почему Сигизмундъ постоянно уклонялся отъ заключенія мира и только соглашался на продолженіе перемирія, были слѣдующія обстоятельства: Густавъ-Адольфъ, какъ протестантскій и притомъ весьма усердный къ протестантству государь, имѣлъ многихъ приверженцовъ между протестантами въ Польшѣ и въ Австріи. Послѣдніе составляли довольно значительную массу недовольныхъ обоими правительствами и сильную оппозицію имъ, особенно въ Польшѣ. Весьма естественно и понятно, что Сигизмундъ, императоръ и король испанскій, какъ ревностнѣйшіе католики и притомъ родственники между собою, съ своей стороны тѣсно соединились для совокупныхъ дѣйствій противъ протестантовъ вообще и въ Польшѣ и Австріи въ особенности, и еще болѣе противъ даровитаго и искуснаго Густава-Адольфа, пользовавшагося уже чрезвычайнымъ уваженіемъ въ Швеціи, Польшѣ, Австріи, Германіи и всей Европѣ. Поэтому они предпочитали видѣть на престолѣ Швеціи, вмѣсто него, Сигизмундъ—себя, а Австрія и Испанія—Сигизмунда, тѣмъ болѣе, что считая Густава-Адольфа похитителемъ шведскаго престола и не признавая его королемъ шведскимъ, не иначе называли его, какъ узурпаторомъ. Къ этому же они, и особенно императоръ, чрезвычайно боялись, чтобы Густавъ-Адольфъ, рано или поздно, не сталъ въ главѣ германскихъ протестантовъ и не обнажилъ за нихъ своего оружія. На этихъ соображеніяхъ и была основана вся хитрая и коварная политика Сигизмунда, Испаніи и особенно австрійскаго двора, тѣмъ болѣе, что тайными и дѣятельными подстрекателями и руководителями ихъ были заклятые враги протестантовъ и особенно Густава-Адольфа, да и вообще спокойствія и мира въ Европѣ — іезуиты, эта язва ея и всего міра. Вотъ почему о продолжительномъ, прочномъ и надежномъ мирѣ между Сигизмундомъ и Густавомъ-Адольфомъ не могло быть и рѣчи, и это было хорошо извѣстно Густаву-Адольфу. Если же онъ, не смотря на то, постоянно старался примириться съ Сигизмундомъ, то потому только, что хотѣлъ убѣдить всю Европу и весь міръ въ дѣйствительномъ безкорыстіи своихъ дѣйствій, требуемыхъ лишь благомъ Швеціи, но чуждыхъ всякихъ честолюбивыхъ видовъ.

Но если онъ не въ состояніи былъ убѣдить въ этомъ заклятыхъ враговъ своихъ, то совершенно противное слѣдуетъ сказать о государственныхъ чинахъ и народѣ шведскихъ. Ихъ любовь, уваженіе и довѣріе къ Густаву-Адольфу были до того безграничны, а увѣренность въ чистотѣ его побужденій и стремленій, единственно къ благу Швеціи, до того сильна и непоколебима, и отъ того взаимное согласіе ихъ между собою до того полны и совершенны, что по истинѣ являютъ рѣдкій въ исторіи примѣръ и—рѣзкую противоположность съ отношеніями между государями Испаніи и особенно Польши и Австріи и ихъ подданными, далеко не являвшими такихъ единодушія и согласія. Весьма понятно, какое огромное превосходство въ этомъ отношеніи имѣла небольшая, сравнительно съ ними, Швеція, и какое значительное вліяніе это должно было имѣть и дѣйствительно имѣло во всѣхъ дѣйствіяхъ Швеціи, съ Густавомъ-Адольфомъ въ главѣ, и противъ Даніи, и противъ Россіи, и особенно противъ Польши и впослѣдствіи противъ императора и католиковъ въ Германіи.

Съ самаго вступленія своего на престолъ, Густавъ-Адольфъ никогда и ничего важнаго не предпринималъ, не посовѣтовавшись съ государственными чинами Швеціи и не изложивъ имъ, съ полными откровенностью и довѣріемъ къ нимъ, всѣхъ своихъ побужденій, стремленій, видовъ, предположеній и государственныхъ законодательныхъ мѣръ. И никогда вѣрные и преданные ему государственные чины не обманывали его довѣрія къ нимъ, никогда не отвергали его предположеній и не отказывали ему ни въ чемъ, чего бы онъ ни требовалъ. Такъ было и передъ войною съ Даніей, Россіей и Польшей, такъ же точно было и въ 1625 г. Въ это именно время, по мысли и предложенію Густава-Адольфа и съ полнаго одобренія и согласія государственныхъ чиновъ, положено было начало той превосходной системѣ военнаго устройства Швеціи и ея арміи, которая изложена ниже (въ главѣ II-й) и вслѣдствіе которой дѣйствующая или полевая армія имѣла быть доведена до числительной силы въ 80,000 войскъ и кромѣ того учреждена резервная армія (поселенное земское ополченіе или милиція), которая, въ случаѣ выступленія первой изъ Швеціи, должна была замѣнить ее въ послѣдней.

Когда эти важныя мѣры были приведены въ исполненіе, а всѣ надежды на примиреніе съ Сигизмундомъ рушились совершенно, Густавъ-Адольфъ въ іюнѣ 1624 г. отплылъ съ 20,000 войскъ изъ Швеціи, моремъ на флотѣ изъ 76 судовъ, къ устьямъ Двины. Прибывъ туда въ началѣ іюля, онъ тотчасъ атаковалъ и взялъ Кокенгузенъ и всѣ остальные, еще занятые польскими войсками, пункты въ Лифляндіи и тѣмъ довершилъ завоеваніе ея. Попытка одного польскаго полковника съ 2,000 войскъ овладѣть Ригой посредствомъ внезапнаго нападенія и пособниковъ въ Ригѣ — не имѣла успѣха: полковникъ и его отрядъ были разбиты и истреблены. Литовскій маршалъ Станиславъ Сапѣга, приблизившійся къ Ригѣ съ 2,000 чел. конницы, 1,000 чел. пѣхоты и артилеріей, былъ разбитъ и потерялъ всѣ свои орудія. Затѣмъ Густавъ-Адольфъ, сосредоточивъ у Риги всѣ свои войска, вступилъ въ Курляндію и занялъ Митаву и Баускъ. Левъ Сапѣга (отецъ Станислава) двинулся съ 2,600 чел. конницы и 1,300 чел. пѣхоты на помощь Бауску, а Густавъ-Адольфъ—на встрѣчу ему, съ цѣлью вступить съ нимъ въ рѣшительный бой, въ которомъ всю свою надежду возлагалъ на свою отличную пѣхоту, Сапѣга же — на свою, болѣе сильную числомъ и лучшую конями и всадниками, конницу (главный родъ войскъ у поляковъ). 7 января 1625 года Густавъ-Адольфъ встрѣтилъ Сапѣгу у Валгофа въ Курляндіи — и разбилъ его на-голову: поляки потеряли 1,600 чел. убитыми и многими взятыми въ плѣнъ, всю свою артиллерію, обозы и много знаменъ;— шведы же понесли незначительный уронъ. Сапѣга бѣжалъ въ Литву, преслѣдуемый Густавомъ-Адольфомъ, который приступомъ взялъ при этомъ Бирзенъ и еще одинъ изъ сильно-укрѣпленныхъ пунктовъ во власти поляковъ.

Послѣ такихъ рѣшительныхъ успѣховъ, Густавъ-Адольфъ снова пытался заключить миръ и съ этою цѣлью отправилъ въ Варшаву посольство, въ составѣ котораго были также Оксеншерна, Горнъ (братъ генерала) и Сальвіусъ (въ послѣдствіи канцлеръ королевы Христины). Но послѣдніе два были взяты въ плѣнъ и только по настоянію Оксеншерна освобождены. Послѣ того нечего было болѣе надѣяться на заключеніе мира— и Густавъ-Адольфъ потребовалъ и взялъ за то сильную денежную контрибуцію съ Литвы. Затѣмъ, обезпечивъ прочное занятіе Лифляндіи и всѣхъ взятыхъ пунктовъ, Густавъ-Адольфъ лично воротился въ Стокгольмъ (въ концѣ зимы 1625 г.).

Въ это время трансильванскій князь Бетлемъ-Габоръ, избранный въ короли Венгріи, вступилъ въ бракъ съ принцессой Екатериной бранденбургской, сестрою супруги Густава-Адольфа—обстоятельство весьма благопріятное для видовъ и надеждъ послѣдняго, но не исполнившее ихъ по случаю смерти Бетлемъ-Габора въ 1629 г.

Весною 1626 г. Густавъ-Адольфъ отплылъ изъ Стокгольма уже съ 26,000 чел. войскъ, на флотѣ изъ 150 судовъ и прямо къ берегамъ Пруссіи (нынѣ провинціи восточной Пруссіи). Высадившись на нихъ, онъ сразу взялъ крѣпостцу Пиллау и черезъ Фришгафъ вступилъ въ епископство эрмеландское. Такъ

какъ курфирстъ бранденбургскій, по тогдашнимъ отношеніямъ своимъ къ Польшѣ, не согласился на неутралитетъ, а Густавъ-Адольфъ имѣлъ необходимость стать въ Пруссіи твердою ногою, то онъ побудилъ земскихъ чиновъ согласиться наконецъ на неутралитетъ. Затѣмъ города Бранденбургъ и Фрауенбургъ сдались шведамъ при ихъ наступленіи впередъ, и Густавъ-Адольфъ и изъ нихъ, какъ прежде изъ всѣхъ другихъ городовъ, изгналъ іезуитовъ. Затѣмъ сдался и Эльбингъ, хотѣвшій было сопротивляться, а также Маріенбургъ и всѣ города западной Пруссіи, кромѣ Диршау, имѣвшаго достаточный гарнизонъ, и Данцига, который не исполнилъ своего прежняго обѣщанія и отвергнулъ неутралитетъ. Вслѣдствіе того Густавъ-Адольфъ лично произвелъ рекогносцировку Данцига и крѣпостцы Вейхсельмюнде, причемъ взялъ въ Гребинѣ 282 чел. городскихъ войскъ въ плѣнъ. Затѣмъ онъ расположилъ свою армію лагеремъ въ низменной части долины Вислы или въ такъ называемомъ Вердерѣ (die Niederung oder der Werder) и сталъ собирать тутъ всѣ навербованныя въ завоеванныхъ областяхъ и въ Германіи войска. Послѣ того онъ перешелъ въ Лиссау, по мосту на судахъ, черезъ Вислу, взялъ приступомъ Диршау и Меве, и хотѣлъ овладѣть Данцигомъ, сдѣлать себѣ изъ него твердый опорный и полезный складочный пунктъ въ западной Пруссіи, нанеся этимъ въ то же время сильный ударъ торговлѣ Польши. Но въ это самое время на театрѣ войны — у Грауденца — явился наконецъ самъ Сигизмундъ съ 30,000 войскъ. Поэтому, прежде нежели взять Данцигъ, Густаву-Адольфу необходимо было избавиться отъ Сигизмунда и его арміи и слѣдовательно идти противъ нихъ, хотя шведская армія, не смотря на полученныя ею подкрѣпленія, все таки была на 1,000 чел. слабѣе польской, предводимой опытнымъ въ военномъ дѣлѣ Сигизмундомъ и подъ его главнымъ начальствомъ — воинолюбивымъ сыномъ его, Владиславомъ (нѣкогда нареченнымъ царемъ русскимъ).

Поляки дошли до Маріенбурга, но, послѣ нѣсколькихъ неважныхъ стычекъ съ шведами, отступили обратно, перешли при Нейенбургѣ чрезъ Вислу и осадили Меве, шведскій комендантъ котораго, не смотря на слабость своего гарнизона, рѣшился обороняться до крайности. Густавъ-Адольфъ, предвидя, что комендантъ не въ состояніи будетъ исполнить этого, если его не снабдить боевыми запасами и продовольствіемъ, рѣшился лично, съ 3,000 ч. пѣхоты и 300 ч. конницы, провести въ Меве большой транспортъ. Поляки, открывшіе движеніе шведовъ, на разсвѣтѣ преградили имъ путь легкими (конными) войсками съ нѣсколькими орудіями. Густавъ-Адольфъ, кажется, не счелъ благоразумнымъ опрокинуть эти войска или и атаковать польскую армію въ ея позиціи, но предпочелъ дать своему предпріятію видъ большой рекогносцировки и подъ прикрытіемъ ея ввести въ Меве транспортъ и подкрѣпленія. Попытка его, какъ ни была трудна, удалась вполнѣ. Поручивъ графу Турну (приведшему шведской арміи изъ Германіи подкрѣпленія) занимать и удерживать поляковъ съ частью шведской арміи, самъ Густавъ-Адольфъ, между тѣмъ, прикрывъ транспортъ конницей, двинулся стороною къ Меве. Поляки, обративъ все вниманіе на Турна и полагая вѣроятно, что шведская армія хочетъ отвлечь ихъ отъ Меве, не тронулись съ мѣста и даже не подкрѣпили своихъ легкихъ войскъ, сражавшихся съ Турномъ. Послѣдній, послѣ 1-часоваго боя съ ними, опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ Густава-Адольфа, былъ принужденъ нѣсколько отступить, однако успѣлъ отразить неподдержанныя поляками легкія войска ихъ. А между тѣмъ Густавъ-Адольфъ, пользуясь непостижимымъ бездѣйствіемъ польской арміи, благополучно ввелъ транспортъ въ Меве и затѣмъ прикрылъ конницей отступленіе Турна, понеся лишь незначительный уронъ, тогда какъ поляки потеряли до 500 чел. Такимъ образомъ Густавъ-Адольфъ вполнѣ успѣлъ обмануть поляковъ и съ полнымъ успѣхомъ исполнить трудную задачу проведенія въ Меве транспорта въ виду всей польской арміи. Поэтому этотъ подвигъ его можетъ быть поставленъ въ число замѣчательнѣйшихъ дѣйствій подобнаго рода и заслуживаетъ полныхъ вниманія и похвалы. Слѣдствіемъ его было—снятіе поляками осады или скорѣе блокады Меве, а для Густава-Адольфа, кромѣ этого, то, что онъ въ этомъ дѣлѣ (въ которомъ лично участвовалъ въ рукопашномъ боѣ, подвергался опасности и даже два раза взятъ въ плѣнъ, но вырученъ своими) имѣлъ случай видѣть отличныя дѣйствія своихъ войскъ и ихъ начальниковъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ознакомиться съ характеромъ и образомъ дѣйствій польскихъ войскъ и ихъ предводителей, которые, кромѣ храбрости, не обнаружили ни-малѣйшаго искуства. Поэтому, это первое, довольно важное дѣло съ поляками убѣдило его, что они были неопасные для него противники.

На другой день послѣ этого дѣла, онъ вступилъ въ Меве. Сигизмундъ же оказалъ расположеніе къ переговорамъ, но предъявилъ такія высокомѣрныя условія, что изъ этого, разумѣется, ничего не вышло. Густавъ-Адольфъ расположилъ свою армію на зимнія квартиры и лично воротился въ Стокгольмъ. Здѣсь требованія Сигизмунда возбудили общее и величайшее негодованіе, а всѣ предложенія Густава-Адольфа были съ восторгомъ приняты государственными чинами, которые сами собою объявили малолѣтнюю дочь Густава-Адольфа Христину наслѣдницей престола и полную свою готовность все

принести въ жертву Густаву-Адольфу для поддержанія его.

Въ 1627 г. Сигизмундъ ввѣрилъ главное начальствованіе польскою арміею коронному маршалу Конецпольскому и приказалъ ему идти на помощь обложенному шведами Данцигу. Главными опорными пунктами блокадѣ служили укрѣпленные города Пиллау, Диршау, Меве и Путцигъ. Конецпольскій положилъ взять послѣдній, какъ слабѣйшій — и успѣлъ въ этомъ. Гарнизонъ Путцига, по недостатку въ запасахъ, былъ принужденъ сдать городъ на капитуляцію съ свободнымъ выходомъ. Этимъ возстановлены были сообщенія Данцига съ Германіей. Затѣмъ Конецпольскій опрокинулъ въ Гаммерштейнъ шедшій изъ него въ шведскую армію отрядъ 8,000 чел. новонабранныхъ войскъ и принудилъ его 15 апрѣля сдаться на капитуляцію, причемъ полковника Штрейфа и Тейфеля съ офицерами взялъ въ плѣнъ, а солдатъ распустилъ, съ тѣмъ чтобы они цѣлый годъ не сражались противъ поляковъ.

Густавъ-Адольфъ, задержанный въ Швеціи противными вѣтрами, принялъ эти неудачи довольно равнодушно, надѣясь легко загладить ихъ, что вскорѣ и исполнилось, когда онъ наконецъ прибылъ въ западную Пруссію съ значительными подкрѣпленіями. Онъ нашелъ свою армію при Диршау, уже усиленную наборами до числа 35—36,000 войскъ. Онъ лично произвелъ тщательную рекогносцировку передовыхъ и главныхъ укрѣпленій Данцига и между прочимъ шанца, воздвигнутаго на мысѣ между двумя крайними лѣвыми рукавами Вислы, изъ которыхъ правый изливался въ Фришгафъ, а лѣвый—подъ стѣнами Данцига, при Вейхсельмюнде, въ море. Рекогносцируя этотъ шанецъ въ лодкѣ, Густавъ-Адольфъ былъ раненъ изъ него пулей въ правое бедро, впрочемъ безъ раздробленія кости. Рана эта, хотя и неопасная, произвела однако временную остановку въ распоряженіяхъ, которою поляки и воспользовались для сбора своихъ войскъ. Еще утромъ этого самаго дня, 11 августа 1627 г., во время рекогносцировки на лошади, Густавъ-Адольфъ едва не былъ взятъ въ плѣнъ внезапно наскакавшими на него польскими всадниками, а нѣсколько недѣль передъ этимъ, въ одной кавалерійской стычкѣ, онъ едва не былъ изрубленъ польскимъ всадникомъ. Все это побудило Акселя Оксеншерна, пользуясь близкими, дружественными отношеніями между нимъ и Густавомъ-Адольфомъ, убѣдительно просить его, чтобы онъ не подвергалъ такъ часто и явно свою, дорогую для Швеціи и шведовъ жизнь опасности, какъ рядовой солдатъ. Густавъ-Адольфъ, выслушавъ его съ кротостью и добротою, въ отвѣтъ ему привелъ только примѣры Александра Великаго на Граникѣ и никогда нераненаго Цезаря, прибавивъ къ этому, что если онъ (Густавъ-Адольфъ) не будетъ ничего бояться, то и солдаты его «позабудутъ, что есть опасность»— чѣмъ все и кончилось, и Густавъ-Адольфъ по прежнему продолжалъ явно презирать всякую опасность.

Между тѣмъ Конецпольскій съ своею арміей приблизился къ шведской на 2 мили и 18 августа предпринялъ большую рекогносцировку. Густавъ-Адольфъ съ нѣсколькими конными ротами лично атаковалъ польскую конницу и принудилъ ее скакать назадъ черезъ селеніе Рокиткенъ, занятое пѣхотой и артиллеріей и окруженное холмами и оврагами. Приказавъ артиллеріи обстрѣливать это селеніе, Густавъ-Адольфъ взъѣхалъ на вершину одного холма по близости селенія и только-что началъ разсматривать въ зрительную трубу расположеніе непріятеля, какъ снова былъ — и на этотъ разъ тяжело и опасно—раненъ ружейною пулей въ правое предплечіе, близъ шеи. Это произвело прискорбное впечатлѣніе на шведскія войска — преслѣдованіе непріятеля пріостановилось и обѣ стороны отступили въ свои лагери.

Рана Густава-Адольфа имѣла опасный видъ и лейбъ-медикъ его, дѣлавшій перевязку, не могъ воздержаться, чтобы не сказать, что «онъ опасался именно такого несчастія, потому что его величество король уже слишкомъ подвергаетъ себя опасности», на что Густавъ-Адольфъ спокойно отвѣчалъ ему латинской поговоркой: «ne sutor ultra crepidam» (не трудись свыше силъ). Пуля проникла слишкомъ глубоко, такъ что ее нельзя было вынуть, и Густавъ-Адольфъ былъ принужденъ цѣлыхъ 3 мѣсяца высидѣть въ комнатѣ—потеря времени крайне невыгодная, но счастію однако не повлекшая за собою никакихъ, кромѣ того, дурныхъ послѣдствій.

Сначала самъ Густавъ-Адольфъ считалъ свою рану смертельною, но по своимъ глубоко-религіознымъ чувствамъ, съ истинною христіанскою твердостью и упованіемъ на Бога, готовъ былъ умереть и, на трогательныя выраженія искренняго участія Акселя Оксеншерна и другихъ наиболѣе приближенныхъ къ нему лицъ, сказалъ имъ слѣдующія замѣчательныя слова: «Богъ даровалъ мнѣ мой санъ и на мнѣ лежитъ долгъ не пренебрегать имъ, ни страхомъ, ни лѣнью, и что̀ могло бы быть славнѣйшимъ для меня, еслибы я лишился жизни въ защитѣ славы Божіей и блага моихъ подданныхъ?» Эти слова вылились изъ глубины души этого великаго человѣка и сохранены потомству какъ святыня, потому что вѣрно изображаютъ характеръ его, и позже смерть его доказала, что онъ до послѣдняго дыханія пребылъ вѣренъ такимъ высокимъ чувствамъ.

Когда онъ совершенно выздоровѣлъ, то

снова завладѣлъ городомъ Путцигомъ, и этимъ опять совершенно отрѣзалъ Данцигъ отъ материка, между тѣмъ какъ вице-адмиралъ Шернскіольдъ съ эскадрой блокировалъ гавань. Данцигъ снарядилъ и выслалъ противъ шведской эскадры свою, подъ начальствомъ датскаго морскаго офицера Дикмана. Послѣдній атаковалъ Шернскіольда 28 ноября 1627 г. и обратилъ шведскую эскадру въ бѣгство. Шернскіольдъ былъ окруженъ на своемъ кораблѣ и взорвалъ его на воздухъ, а Дикманъ былъ убитъ въ бою и съ нимъ погибло отъ 400 до 500 лучшихъ данцигскихъ матросовъ; единственнымъ же трофеемъ Данцига былъ одинъ, совершенно разстрѣлянный шведскій корабль.

Этотъ случай былъ крайне непріятенъ Густаву-Адольфу и побудилъ его принять мѣры для выставленія противъ Данцига сильнаго флота, а между тѣмъ какъ можно болѣе стѣснить городъ съ сухаго пути и отпять у непріятеля городъ Вормдитъ. Послѣднее предпріятіе онъ принялъ лично на себя, не смотря на то, что еще не совершенно оправился, и взялъ Вормдитъ приступомъ. Въ тоже время городъ Гутштадтъ сдался полковнику Тотту. Затѣмъ въ началѣ декабря Густавъ-Адольфъ лично отправился въ Стокгольмъ.

Итакъ походъ этого года должно было считать неудавшимся, потому что во 1-хъ, по случаю продолжительныхъ противныхъ вѣтровъ, Густавъ-Адольфъ могъ отплыть изъ Швеціи и открыть походъ только очень поздно (въ концѣ іюня и началѣ іюля),—во 2-хъ вскорѣ послѣ того онъ былъ тяжело раненъ и цѣлыхъ 3 мѣсяца не могъ, по этому случаю, продолжать какъ слѣдуетъ военныхъ дѣйствій,—и въ 3-хъ можетъ быть и потому, что онъ хотѣлъ прежде взять Данцигъ осадой, требовавшей очень много приготовленій, трудовъ и времени, а потомъ уже оттѣснить польскую армію. Какъ ни трудно это было, по относительной слабости шведской арміи и по всѣмъ другимъ причинамъ, но особеннымъ счастіемъ для Густава-Адольфа было то, что Сигизмундъ и Конецпольскій нисколько не воспользовались положеніемъ и бездѣйствіемъ его и сами оставались въ непостижимомъ и непзвинительномъ бездѣйствіи, хотя Сигизмунду невозможно было допустить, чтобы шведы, въ виду его арміи, отняли у него такой важный для него городъ, какъ Данцигъ. Еслибы Конецпольскій, вмѣсто бездѣйствія, дѣйствовалъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, то легко могъ бы, въ одно время съ гарнизономъ Данцига, поставить шведскую армію между двухъ огней, нанесть ей рѣшительное пораженіе и принудить ее къ крайне опасному для нея отступленію. Но Конецпольскій ничего этого не сдѣлалъ и до конца года оставался въ полномъ и совершенномъ бездѣйствіи, какъ полагаютъ, не отъ недостатка мужества и храбрости, но отъ безпечности, нерадѣнія и неспособности.

Весною слѣдующаго 1628 г. Густавъ-Адольфъ отплылъ изъ Швеціи съ 30-ю военными кораблями и высадился вѣроятно около Путцига, атаковавъ въ устьяхъ Вислы 7 данцигскихъ кораблей и изъ нихъ взявъ 4 и потопивъ 1, а остальные 2, сильно поврежденные, спаслись подъ защиту Вейхсельмюнде. Однако присутствіе шведскаго флота не препятствовало многимъ польскимъ кораблямъ пробираться между нимъ и снабжать Данцигъ продовольствіемъ. Между тѣмъ шведская армія была собрана въ ея прошлогоднемъ лагерѣ при Диршау. Прибывъ къ ней, Густавъ-Адольфъ съ 7,000 отборныхъ войскъ совершенно неожиданно для непріятеля перешелъ по летучему мосту на малый Вердеръ и занялъ его, въ ближайшемъ разстояніи отъ Данцига. При этомъ случаѣ и послѣ въ этомъ походѣ онъ вторично употребилъ въ дѣйствіе легкія кожаныя орудія, въ первый разъ употребленныя имъ въ 1627 г. подъ Вормдитомъ и изобрѣтенныя, какъ полагаютъ, полковникомъ Вурмбрандомъ, перешедшимъ изъ императорской службы и арміи въ шведскую.

Въ это время Конецпольскій задумалъ, не атаковать шведскую армію, а только сдѣлать диверсію. Онъ атаковалъ и взялъ Мене и потомъ Путцигъ, а затѣмъ сталъ все болѣе и болѣе приближаться къ Данцигу, для деблокированія его. Густавъ-Адольфъ выслалъ, для наблюденія и развѣдыванія, полковника Тотта съ отрядомъ конницы. Тоттъ попалъ при сел. Гребинѣ въ засаду, былъ окруженъ втрое превосходными силами поляковъ, но съ отчаянною храбростью пробился и даже взялъ нѣсколькихъ плѣнныхъ и 4 штандарта. Конецпольскій, вмѣсто того, чтобы спѣшить атакой, медлилъ, а Густавъ-Адольфъ, напротивъ, оставивъ часть войскъ противъ Данцига, со всѣми остальными ни мало не медля двинулся противъ польской арміи и, совершенно неожиданно для нея, атаковалъ ее (близъ Данцига, но гдѣ именно—неизвѣстно), нанесъ ей уронъ въ 3,000 чел. и взялъ 14 штандартовъ и 4 орудія. Самъ Конецпольскій былъ тяжело раненъ, а армія его обратилась въ бѣгство вверхъ по Вислѣ. Затѣмъ Густавъ-Адольфъ стѣснилъ Данцигъ съ сухаго пути и моря и вскорѣ навѣрное принудилъ бы его къ сдачѣ голодомъ, еслибы, какъ нарочно, въ это время вода въ Вислѣ отъ весенняго полноводья не поднялась чрезвычайно высоко, не затопила всю низменность (Niederung), на которой расположенъ Данцигъ, и тѣмъ не принудила шведскія войска отступить и почти совершенно снять блокаду. Въ то же время самъ Сигизмундъ прибылъ съ подкрѣпленіями и соединился съ Конецпольскимъ. Нидерландскіе соединенные штаты старались примирить Сигизмунда съ Густавомъ-Адоль-

фомъ, но тщетно: Сигизмундъ, въ согласіи съ императоромъ, Испаніей и католическою партіей, упорно стремился къ общей и своей политической цѣли, какъ о томъ уже было сказано выше, тѣмъ болѣе, что императоръ въ это время (въ 1628 г.) торжествовалъ вездѣ въ Германіи. Сигизмундъ хотѣлъ не только вытѣснить Густава-Адольфа изъ Польши и возвратить себѣ всѣ завоеванія его въ ней, особливо Лифляндію, но и перенесть войну въ самую Швецію и завоевать ее и престолъ ея.

Въ это время протестанты Германіи ожидали помощи только отъ Густава-Адольфа или отъ Христіана IV и найдя условія содѣйствія послѣдняго болѣе умѣренными, ему и отдали предпочтеніе. Густавъ-Адольфъ же, на извѣщеніе объ этомъ Карла I, короля англійскаго, отвѣчалъ, не безъ ироніи, что «ему пріятнѣе было бы, еслибы союзники избрали для такого важнаго предпріятія гораздо болѣе искуснаго предводителя, и что онъ желаетъ ему счастливѣйшаго успѣха». Это было совершенно справедливо, такъ какъ Христіанъ IV вовсе не былъ способенъ предводительствовать протестантами. Во всякомъ случаѣ, положеніе Густава-Адольфа и Швеціи въ это время было такого рода, что не допускало и мысли о возможности участія ихъ въ войнѣ въ Германіи, особенно потому, что Сигизмундъ никакъ не хотѣлъ мириться, а двухъ большихъ войнъ въ одно время Швеція была не въ состояніи вести.

Но когда вскорѣ Христіанъ IV былъ оттѣсненъ Тилліемъ въ самую Голштинію, а потомъ Валленштейномъ въ Ютландію и на острова Даніи, тогда протестантскіе владѣтели Германіи обратились уже прямо къ Густаву-Адольфу съ просьбой о помощи. Но и тогда Густавъ-Адольфъ отклонилъ это отъ себя, какъ по прежней причинѣ—войны съ Польшей, такъ и по тому, что императоръ, Испанія, Сигизмундъ и Валленштейнъ уже замышляли завладѣть Балтійскимъ и Нѣмецкимъ морями и, привлекши къ союзу съ собою Христіана IV, со всѣхъ сторонъ напасть на Швецію. Поэтому-то Валленштейнъ и обложилъ Стральзундъ, какъ такой пунктъ, изъ котораго всего удобнѣе было переправиться моремъ либо въ Швецію, либо въ Данію. Это случилось въ то самое время, когда и Густавъ-Адольфъ обложилъ Данцигъ. Но 24 іюля того же 1628 г. Валленштейнъ, по приказанію императора, принужденъ былъ снять блокаду Стральзунда, стоившую ему урона болѣе 12,000 войскъ, вслѣдствіе упорной и храброй обороны шведскихъ: коменданта Леслп и гарнизона, смѣнившихъ такихъ же датскихъ, по просьбѣ жителей Стральзунда и съ согласія Густава-Адольфа и Христіана IV. Такимъ образомъ сами обстоятельства поставили Густава-Адольфа въ обладаніе чрезвычайно важнымъ для него пунктомъ на германскихъ берегахъ Балтійскаго моря, и онъ принялъ рѣшительныя мѣры для сохраненія его въ своей власти, заключивъ съ нимъ взаимный наступательно-оборонительный договоръ на время не менѣе 20-ти лѣтъ.

Затѣмъ, когда Густавъ-Адольфъ разлитіемъ Вислы былъ принужденъ снять блокаду Данцига, то хотѣлъ, оставивъ гарнизоны въ главныхъ пунктахъ польской Пруссіи, перенесть главныя военныя дѣйствія въ Литву. Но поляки и политическія обстоятельства воспрепятствовали ему въ томъ. Бранденбургія, вмѣстѣ съ Нидерландскими штатами, завязала переговоры о мирѣ въ Германіи, между прочимъ вѣроятно и для того, чтобы удалить шведскія войска изъ Пруссіи. Императоръ, напротивъ желалъ продолженія войны на сѣверѣ, однако не помогалъ Сигизмунду достаточно деньгами, кажется по той причинѣ, что придавалъ мало значенія военнымъ дѣйствіямъ Густава-Адольфа и шведовъ, точно также, какъ и Валленштейнъ, который въ это время съ презрѣніемъ отзывался о «снѣжномъ королѣ« (Schnee-König), т. е. Густавѣ-Адольфѣ, и хвастливо выражался, что легко и скоро порѣшитъ съ нимъ и прогонитъ его. Сигизмундъ же весьма желалъ бы и могъ бы еще долго занимать и удерживать Густава-Адольфа и обращать въ ничто его предпріятія, еслибы только императоръ дѣятельнѣе помогалъ ему, Сигизмунду, деньгами, такъ какъ его собственныя средства все болѣе и болѣе истощались. Всѣ эти политическія обстоятельства имѣли большое вліяніе на военныя дѣйствія въ Польшѣ и поэтому ихъ необходимо имѣть въ виду.

По снятіи блокады Данцига, Густавъ-Адольфъ получилъ подкрѣпленія для своей арміи (2,000 чел. конницы и большое число пѣхоты), приведенныя ему изъ Германіи Рейнграфомъ Оттономъ Лудвигомъ, но не могъ принудить польскую армію къ большому сраженію. Конецпольскій ограничился веденіемъ малой войны, и обѣ арміи вели ее съ одинаковымъ успѣхомъ. Шведы взяли Нейенбургъ, Страсбургъ и Швецъ, а шведскіе генералы: Баудиссинъ совершилъ смѣлый и удачный набѣгъ до самой Варшавы, а Врангель—такую же экспедицію изъ Эльбинга, для сбора продовольствія. Поляки же, съ своей стороны, одержали нѣсколько частныхъ успѣховъ въ стычкахъ и разъ даже произвели внезапное нападеніе на шведскую армію. Но всѣ эти дѣйствіи съ обѣихъ сторонъ не имѣли рѣшительнаго значенія въ отношеніи къ главной цѣли войны, и въ этой послѣдней произошло нѣкотораго рода временное бездѣйствіе, преимущественно по политическимъ причинамъ. Именно Валленштейнъ, снявъ блокаду Стральзунда, завязалъ тайные переговоры съ Христіаномъ IV, имѣя въ виду привлечь его на свою сто-

рону и тѣмъ отдѣлить его отъ союза съ Густавомъ-Адольфомъ и съ нѣкоторыми протестантскими владѣтелями сѣверной и средней Германіи. Христіанъ IV, въ своихъ личныхъ выгодахъ, склонился на это и въ началѣ 1629 г. въ Любекѣ открытъ былъ конгрессъ уполномоченныхъ съ обѣихъ сторонъ и вскорѣ заключенъ миръ, съ исключеніемъ изъ него Густава-Адольфа и курфирста Фридриха пфальцскаго. Густавъ-Адольфъ послалъ на конгрессъ и своихъ уполномоченныхъ, но Валленштейнъ съ гордостью и презрѣніемъ отвергнулъ ихъ участіе, не допустилъ ихъ на конгрессъ и даже оскорбилъ ихъ. Густавъ-Адольфъ жаловался на это, но ни императоръ, ни Валленштейнъ не обратили на это ни малѣйшаго вниманія и, вмѣстѣ съ изданіемъ вслѣдъ затѣмъ реституціоннаго эдикта, въ одно и тоже время оскорбили Густава-Адольфа и Швецію, до крайности раздражили протестантовъ Германіи и слѣдовательно сами же сблизили ихъ между собою и создали себѣ опасныхъ враговъ. Даже католическіе владѣтели Германіи встревожились и курфирстъ баварскій уже завязалъ переговоры съ Франціей. Протестантскіе владѣтели и вольные города Германіи снова, въ четвертый разъ, обратились за помощью къ Густаву-Адольфу и сама Франція рѣшилась наконецъ заключить тайный договоръ съ нимъ. Все это, вмѣстѣ взятое, поставило Густава-Адольфа, противъ его желанія и воли, въ такое положеніе, въ которомъ онъ былъ вынужденъ стать въ главѣ союза протестантовъ Германіи противъ императора. Защита протестантскаго вѣроисповѣданія, честь и польза Швеціи, единодушный призывъ протестантской Германіи и, наконецъ, предложенія самой Франціи не позволяли ему болѣе, на этотъ разъ, уклоняться, но требовали согласиться. Единственное препятствіе—война съ Польшей—было устранено Франціей: кардиналъ Ришельё приказалъ французскому посланнику въ Копенгагенѣ, барону Шарнасе, отправиться въ польскую Пруссію и настоятельно стараться о заключеніи прочнаго мира или по крайней мѣрѣ продолжительнаго перемирія между Густавомъ-Адольфомъ и Сигизмундомъ.

Въ началѣ 1629 г. въ Пруссіи, въ отсутствіи Густава-Адольфа, находившагося въ Стокгольмѣ, военныя дѣйствія были открыты со стороны шведовъ тѣмъ, что генералъ Врангель произвелъ внезапное нападеніе на польскія войска, на ихъ зимнихъ квартирахъ. Войска эти отступили, но при сел. Грузно, близъ Страсбурга, были настигнуты, разбиты и отступили къ Торну, которымъ Врангель пытался овладѣть, но безуспѣшно.

Эти успѣхи шведовъ еще болѣе усилили въ польскомъ народѣ давнишнее отвращеніе отъ войны и желаніе мира. Но Сигизмундъ, надѣясь на содѣйствіе императора и втайнѣ желая только выиграть время, по настоятельнымъ представленіямъ бранденбургскихъ и голландскихъ уполномоченныхъ склонился лишь на заключеніе краткаго перемирія, для веденія мирныхъ переговоровъ. Но переговоры эти были ведены съ его стороны такъ, что вскорѣ были прерваны.

Между тѣмъ къ Пруссіи приближался вспомогательный отрядъ императорскихъ войскъ (7,000 чел. пѣхоты и 2,000 чел. конницы съ значительною артиллеріей) подъ начальствомъ фельдмаршала фонъ-Арнима (котораго тогдашніе писатели называютъ также Арнимбомъ и Аргеймомъ). Валленштейнъ далъ ему, говорятъ, слѣдующее любопытное словесное приказаніе: «выгнать снѣжнаго короля изъ Пруссіи, а если это не удастся, то дать ему знать, что самъ Валленштейнъ скоро прибудетъ и выгонитъ его»,—что достаточно рисуетъ Валленштейна и его мнѣніе о Густавѣ-Адольфѣ.

Послѣдній прибылъ въ Пруссію къ своей арміи въ половинѣ іюля, въ то время, когда Арнимъ присоединился у Грауденца къ Конецпольскому. Густавъ-Адольфъ немедленно двинулся противъ нихъ къ Маріенвердеру, съ 8,000 чел. пѣхоты, 5,000 чел. конницы и твердымъ намѣреніемъ атаковать и разбить ихъ самымъ рѣшительнымъ образомъ. А между тѣмъ онъ послалъ къ Валленштейну своего уполномоченнаго съ жалобою на присылку войскъ императоромъ, противъ котораго онъ, Густавъ-Адольфъ, не воевалъ и не воюетъ. Валленштейнъ отвѣчалъ на это, что «у императора слишкомъ много войскъ и ему должно же частью ихъ помочь своимъ друзьямъ».

Пока Густавъ-Адольфъ шелъ къ Маріенвердеру, Конецпольскій положилъ не только не уклоняться отъ боя съ нимъ, но и самому атаковать его, для чего составилъ такой планъ, который былъ недурно соображенъ и для инаго противника, нежели Густавъ-Адольфъ, даже могъ бы быть опаснымъ. Именно—онъ двинулся отъ Грауденца вправо на Штумъ, въ обходъ лѣваго фланга шведовъ. Но Густавъ-Адольфъ, едва узнавъ объ этомъ, немедленно отрядилъ Рейнграфа Оттона-Лудвига съ 1 драгунскимъ и 1 кирасирскимъ полками (всего около 800 чел.) занять тѣснины между озерами при Штумѣ и тѣмъ принудить непріятеля къ болѣе дальнимъ обходамъ. При этомъ онъ приказалъ Рейнграфу не вступать въ бой съ непріятелемъ въ случаѣ, если не предупредитъ его, но ждать прибытія самаго Густава-Адольфа съ арміей. Но Рейнграфъ сдѣлалъ совершенно противное: найдя тѣснины уже занятыми, онъ атаковалъ поляковъ, попалъ въ засаду и хотя пробился, но съ уономъ болѣе 200 чел. Въ это самое время прибылъ Густавъ-Адольфъ съ передовыми войсками: произошелъ жаркій бой, въ которомъ Густавъ-

Адольфъ лично сражался въ рукопашной схваткѣ и едва не былъ убитъ или взятъ въ плѣнъ (одинъ польскій всадникъ наскочилъ на него въ то самое время, когда онъ обронилъ портупею съ палашомъ, нанесъ ему саблей ударъ по головѣ, отъ чего у Густава-Адольфа свалилась шляпа, и только ближайшій шведскій всадникъ спасъ его). Поляки были отражены, но не отступили, а остались въ своей позиціи, взявъ у шведовъ (по донесенію Арнима Валленштейну) многихъ офицеровъ и 300 рядовыхъ въ плѣнъ, 5 штандартовъ, 10 кожаныхъ орудій и—какъ главный трофей — шляпу Густава-Адольфа (которая и была отослана Валленштейну), но сами потерявъ также 5 штандартовъ и 17 знаменъ. Густавъ-Адольфъ въ туже ночь отступилъ къ Маріенбургу, по винѣ Рейнграфа понеся неудачу. Чтобы загладить ее, онъ вскорѣ атаковалъ непріятельскую армію, наступившую до р. Нотатъ, и опрокинулъ ее съ уономъ до 4,000 чел. для нея (подробности этого боя неизвѣстны).

Эта послѣдняя побѣда не только вполнѣ загладила предшествовавшую ей неудачу, но и имѣла очень важныя послѣдствія. Уронъ, понесенный польскою арміей, крайнее неудовольствіе жителей края, недостатокъ военныхъ силъ, средствъ и способовъ, безпорядки, грабительства и насилія войскъ Арнима, чума между ними и польскими войсками, вслѣдствіе которой жители боялись подвозить имъ продовольствіе и войскамъ угрожала голодная смерть, наконецъ—явное превосходство Густава-Адольфа и прибытіе къ нему барона Шарнасе—все это, вмѣстѣ взятое, склонило Сигизмунда къ болѣе мирнымъ мыслямъ и чувствамъ и къ согласію на переговоры о мирѣ. Они и были открыты 9 августа 1629 г. между Штумомъ и Христбургомъ, въ полѣ подъ палатками, а 16 сентября заключено было перемиріе на 6 лѣтъ, съ обоюднымъ условіемъ—возможности продленія его по истеченіи срока. По заключенному при этомъ договору, Густавъ-Адольфъ былъ признанъ королемъ Швеціи и, на время перемирія, владѣтелемъ Лифляндіи, Эльбинга, Мемеля, Пиллау и Браунсберга, остальныя же завоеванія свои онъ долженъ былъ возвратить Сигизмунду и курфирсту бранденбургскому; Маріенбургъ имѣлъ быть занятъ войсками этого послѣдняго, но доходы его—поступать въ пользу короля польскаго;—въ случаѣ же незаключенія въ послѣдствіи окончательнаго мира, замокъ и городъ имѣли быть уступлены шведамъ.

Такъ кончилась наконецъ война Густава-Адольфа и Швеціи съ Сигизмундомъ и Польшей, продолжавшаяся 8 лѣтъ съ промежутками (1621—1629). Въ 6 походовъ войны съ Польшей и въ 2 похода противъ Даніи (1612) и Россіи (1615) успѣли вполнѣ развиться практически, на дѣлѣ, и личныя военныя дарованія Густава-Адольфа, и боевыя качества и опытность превосходно-устроенной и одушевленной шведской арміи, такъ что эти 8 походовъ послужили и ему, и ей, какъ бы нарочно и какъ нельзя болѣе кстати, отличною практическою военною школой именно передъ той важной эпохой, когда и онъ, и она должны были наконецъ выступить на великое поприще важной религіозно-политической войны въ Германіи. И въ этомъ отношеніи справедливо и вѣрно сравниваютъ положеніе Густава-Адольфа съ положеніемъ Юлія Цезаря, который въ 8 первыхъ походовъ своихъ въ Галліи успѣлъ образовать себѣ закаленное въ бояхъ, отлично устроенное, храброе и вполнѣ преданное ему войско, необходимое для исполненія дальнѣйшихъ его замысловъ и предпріятій. Разница была, разумѣется, только въ цѣляхъ того и другаго. Въ этихъ же 8-ми походахъ Густава-Адольфа получили первоначальное свое развитіе также и превосходное тактическое и внутреннее устройство, данное имъ войскамъ и арміи шведскимъ, совершенно новая тактика, такъ называемая шведская, и новая же стратегія, обѣ ему лично принадлежавшія и которыхъ онъ справедливо признается творцомъ. И онъ самъ, и войска его пріобрѣли въ этихъ 8-ми походахъ противъ весьма разнородныхъ непріятелей такую разнообразную практическую опытность, которая въ Германіи оказала имъ величайшую пользу. Онъ—научился распознавать свойства своихъ противниковъ, ихъ войскъ и предводителей послѣднихъ, и съ ними, равно какъ съ обстоятельствами и съ мѣстностью, всегда-сообразовать собственныя дѣйствія. Пѣхота его—прошла отличную школу въ дѣйствіяхъ противъ русскихъ и особенно польскихъ войскъ, большею частью конныхъ, и научилась надлежащему дѣйствію противъ конницы. Его собственная конница, спачала немногочисленная и недоброконная (по малоспособности шведской породы лошадей къ конной службѣ)—мало по малу увеличилась числомъ, получила лучшихъ лошадей и въ дѣйствіяхъ противъ непріятельскихъ конныхъ войскъ сама научилась отлично дѣйствовать противъ нихъ, какъ и противъ пѣхоты. Артиллерія его, значительно усовершенствованная имъ, въ особенности имѣла случай оказать все свое превосходство и еще болѣе усовершенствоваться. Наконецъ—всѣ безъ исключенія части внутренняго устройства войскъ и арміи его, какъ-то: ихъ снаряженія, вооруженія, продовольствованія, содержанія, леченія, дисциплины и проч., равно исполненія ими полевой, лагерной и гарнизонной службы, производства фортификаціонныхъ и осадныхъ работъ и проч., имѣли превосходный случай получить отличное развитіе и достигнуть значительнаго совершенства. Словомъ—въ 17 лѣтъ времени

съ 1612 г. до 1629 г. и особенно въ упомянутые выше 8 походовъ армія шведская получила то превосходное военное и боевое устройство во всѣхъ отношеніяхъ, которое въ Германіи сразу поставило ее неизмѣримо выше всѣхъ армій, дѣйствовавшихъ противъ нея и всѣхъ вообще западно-европейскихъ.

Другая, чрезвычайно важная выгода этихъ 8-ми походовъ заключалась въ томъ, что и Густавъ-Адольфъ, и его генералы, офицеры и войска имѣли возможность и случай тѣсно сблизиться, ознакомиться, узнать и оцѣнить взаимно одни другихъ и пріобрѣсть взаимное и полное довѣріе и самоувѣренность, столь важныя на войнѣ и въ бою. Драгоцѣнно было то, что Густавъ-Адольфъ близко узналъ своихъ генераловъ, офицеровъ и солдатъ на самомъ боевомъ дѣлѣ, и пріобрѣлъ полное довѣріе къ нимъ въ этомъ отношеніи. Но еще драгоцѣннѣе было то, что и генералы, и офицеры, и солдаты близко узнали Густава-Адольфа на войнѣ и въ бою, изъ которыхъ въ первой онъ проявилъ высокія свои военныя дарованія, а во второмъ — безграничныя свои самоотверженіе, презрѣніе опасности и смерти, отважность и храбрость, до того, что первый устремлялся въ самый жаркій бой, сражался какъ рядовой воинъ и неразъ былъ раненъ и подвергался смерти или плѣну. Легко понять, какое вліяніе это имѣло на его войска и всѣхъ чиновъ ихъ, и какія безграничныя: любовь, уваженіе и довѣріе они имѣли къ своему великому королю и полководцу. А если къ этому еще присоединить его необыкновенныя, извѣстныя всей шведской арміи, заботливость о всѣхъ и каждомъ изъ чиновъ, сердечную любовь къ нимъ и участіе къ ихъ положенію и его глубокое, искреннее, религіозное одушевленіе въ святомъ, по его убѣжденію, дѣлѣ защиты протестантскаго вѣроисповѣданія — одушевленіе, которое онъ всецѣло умѣлъ передать своей арміи, то несомнѣннымъ будетъ, что такому полководцу съ такою арміею можно и должно было предпринять и совершить гораздо болѣе, нежели что было бы возможнымъ при отсутствіи всѣхъ этихъ условій съ той и съ другой стороны.

По всѣмъ этимъ причинамъ 8 первыхъ походовъ Густава-Адольфа и заслуживаютъ особеннаго вниманія.

Только по заключеніи перемирія съ Польшей Густавъ-Адольфъ могъ наконецъ вполнѣ предаться мысли объ удовлетвореніи давнишнихъ и настоятельныхъ воззваній германскихъ протестантовъ къ нему о помощи и о спасеніи Германіи. Еслибъ онъ не исполнилъ этого, то не только сдѣлалъ бы большую ошибку и подвергнулъ бы опасности самое благо Швеціи, но и поступилъ бы противъ своихъ личныхъ убѣжденій и наклонностей. Совокупность этихъ причинъ и возлагала на него долгъ поспѣшить на помощь протестантскому вѣроисповѣданію въ Германіи, слѣдовательно его побуждала къ этому сама необходимость, а вовсе не честолюбіе или какіе-либо своекорыстные виды, несвойственные и совершенно чуждые его великой душѣ.

Твердо рѣшась принять участіе въ войнѣ протестантовъ противъ императора въ Германіи, Густавъ-Адольфъ, прежде, нежели приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ, захотѣлъ узнать мнѣнія, сначала своего довѣреннаго совѣтника и друга, Акселя Оксеншерна, а потомъ вѣрныхъ и преданныхъ ему, Густаву-Адольфу, государственныхъ чиновъ Швеціи. Мнѣнія ихъ и самаго Густава-Адольфа, равно какъ и предварительно принятыя имъ мѣры, политическія и военныя, въ отношеніи къ внутреннимъ дѣламъ Швеціи, изложены ниже въ главѣ IV. Здѣсь же должно прибавить нижеслѣдующее:

Слухъ о приготовленіяхъ Швеціи къ войнѣ противъ императора въ Германіи вскорѣ распространился во всей западной Европѣ и возбудилъ самыя противуположныя мнѣнія. Къ самымъ крайнимъ принадлежало мнѣніе высокомѣрнаго Валленштейна, выраженное имъ въ письмѣ къ императору, неприлично-презрительно въ отношеніи къ Густаву-Адольфу, а именно—что онъ, Валленштейнъ, «розгами выгонитъ изъ Германіи снѣжнаго короля, если онъ осмѣлится прибыть въ нее!» Эти выраженія, какъ и прежнія, даютъ мѣру для оцѣнки Валленштейна.

Еще до прибытія Густава-Адольфа въ Германію, военныя дѣйствія шведовъ въ ней уже начались тѣмъ, что, по приказанію Густава-Адольфа, шведскій комендантъ Стральзунда изгналъ императорскія войска съ острова Рюгена, необходимаго для предстоявшей высадки шведской арміи въ устьяхъ Одера, и занялъ этотъ островъ, а императорскія войска удалились моремъ въ Штеттинъ.

Въ польской Пруссіи оставлено было до 10,000 шведскихъ войскъ, подъ начальствомъ Оксеншерна, а въ Швеціи—нѣсколько регулярныхъ войскъ и корпусъ весьма хорошей милиціи или земскаго ополченія, которые должны были служить резервами для образованія рекрутъ и пополненія дѣйствующихъ полевыхъ войскъ. Для управленія же внутреннимидѣламиШвеціиГуставъ-Адольфъ назначилъ особый совѣтъ, изъ состава ко-

тораго исключилъ однако королеву-супругу свою, хотя любилъ и уважалъ ее.

Когда наконецъ всѣ приготовленія были кончены, Густавъ-Адольфъ 30 (20) мая 1630 года явился въ полное собраніе государственныхъ чиновъ, приказалъ имъ принесть присягу въ вѣрности 4-хъ-лѣтней дочери своей Христинѣ, какъ будущей королевѣ, взялъ ее на руки и въ трогательной рѣчи, со слезами на глазахъ, поручилъ ее государственнымъ чинамъ, далъ имъ еще нѣсколько приказаній, совѣтовъ и наставленій, убѣждалъ ихъ хранить единодушіе и согласіе и, простившись со всѣми, отправился въ Элфснабенъ, гдѣ находились флотъ и войско—съ тѣмъ, чтобы, какъ оказалось впослѣдствіи и будетъ изложено ниже, Швеціи возвратить лишь бездыханное тѣло свое....

ГЛАВА II.

ВОЕННОЕ УСТРОЙСТВО ГОСУДАРСТВЪ И СОСТОЯНІЕ ВОЕННАГО ИСКУСТВА ВО ВРЕМЯ ТРИДЦАТИ-ЛѢТНЕЙ ВОЙНЫ.

§ 1.

Военное устройство европейскихъ государствъ вообще и Швеціи въ особенности.

Значительное политическое раздробленіе европейскихъ государствъ, остававшееся еще отъ временъ феодальныхъ, несовершенное еще утвержденіе монархической власти, разстройство и скудость государственныхъ финансовъ — были причинами, что военное устройство европейскихъ государствъ вообще, въ продолженіи 30-ти-лѣтней войны, находилось почти въ томъ же состояніи, что и въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтій. За исключеніемъ одной Швеціи, ни одно государство не имѣло правильнаго и притомъ народнаго военнаго устройства. Постоянныхъ и правильно устроенныхъ войскъ, содержимыхъ и въ мирное время, было очень мало, и тѣ служили большею частію тѣлохранителями государямъ. Въ случаѣ войны, войска набирались либо посредствомъ неправильной конскрипціи, либо посредствомъ созванія народныхъ ополченій, преимущественно же и повсемѣстно посредствомъ вольнаго (а иногда и насильственнаго) вербованія наемныхъ дружинъ, составленныхъ изъ людей разныхъ націй, разнаго рода и званія, которые промышляли военною службою, какъ ремесломъ, доставлявшимъ имъ средства, не только къ существованію, но и къ обогащенію. Набранныя такимъ образомъ войска распускались по окончаніи войны. Въ нѣкоторыхъ городахъ, особенно въ большихъ торговыхъ и въ вольныхъ городахъ Германіи, сохранялись еще прежнія городовыя войска: граждане составляли городовую стражу, которая въ военное время обороняла городъ, а въ мирное охраняла въ немъ порядокъ и благоустройство.

Военное устройство Швеціи составляетъ замѣчательное въ это время исключеніе. Уже въ XVI вѣкѣ короли шведскіе положили ему прочное основаніе. Густавъ II Адольфъ значительно развилъ и усовершенствовалъ оное, и Швеція явила примѣръ государства, военныя силы котораго состояли преимущественно изъ войскъ народныхъ и лишь частію изъ иноплеменныхъ наемныхъ. Онѣ составлены были изъ полевыхъ, постоянныхъ, правильно устроенныхъ войскъ, содержимыхъ правительствомъ и предназначенныхъ для службы внѣ государства,—и изъ народнаго ополченія или земской стражи (милиціи), содержимой народомъ и предназначенной для обороны государства, внутренней службы и пополненія полевыхъ войскъ. Наборъ войскъ производился правильнымъ образомъ по округамъ, на основаніи особенныхъ постановленій, по числу

дворовъ, преимущественно же поголовно между жителями свыше 15-ти лѣтняго возраста. Превосходнѣйшимъ, новымъ и одной Швеціи свойственнымъ учрежденіемъ Густава-Адольфа было то, вслѣдствіе котораго каждый солдатъ вообще владѣлъ опредѣленнымъ количествомъ земли, а въ конницѣ, равно и чины полковыхъ штабовъ, сверхъ того—дворами для жительства и нѣкоторыми поземельными доходами, для содержанія и вооруженія своего. Народное ополченіе состояло изъ 8-ми конныхъ и 20-ти пѣшихъ полковъ. Оно распредѣлено было по округамъ, въ которыхъ набиралось, содержалось и располагалось на постоянныхъ квартирахъ, было тщательно обучаемо, ежегодно пополнялось извѣстнымъ числомъ людей, было освобождено отъ податей, имѣло разныя другія льготы и преимущества и проч. Но такъ какъ Швеція была очень мало населена и въ ней этимъ способомъ набиралось не болѣе 15,000 чел., а иногда 12,000 и даже 7,000 и 6,000,—то Густавъ-Адольфъ, сверхъ шведскихъ народныхъ войскъ, имѣлъ также вербованныя, наемныя, иностранныя (нѣмецкія и англійскія).

Различныя государства германской имперіи имѣли одинаковое, общее тому времени, военное устройство. Первое мѣсто между войсками нѣмецкими вообще и католическими въ особенности занимали войска императорскія и за ними баварскія. Изъ протестантскихъ войскъ лучшими были саксонскія, гессенскія и брауншвейгъ-люнебургскія. Весьма замѣчательно превосходное военное устройство герцогства брауншвейгъ-люнебургскаго, введенное, по образцу шведскаго, герцогомъ Георгомъ, столь же опытнымъ и искуснымъ въ войнѣ, сколько и въ военномъ управленіи. Герцогство это имѣло 4,500 чел. конницы и 10,000 чел. пѣхоты, всего 14,500 чел. полевыхъ, постоянныхъ и правильно устроенныхъ войскъ, частію брауншвейгъ-люнебургскихъ, частію иностранныхъ, не всегда бывшихъ вполнѣ подъ ружьемъ, но всегда готовыхъ къ войнѣ. Сверхъ того было конное и пѣшее народное ополченіе, содержимое народомъ и предназначенное для службы внутри края, обороны послѣдняго и пополненія полевыхъ войскъ. Жители городовъ имѣли также свое особенное военное устройство. Наконецъ существовали также учрежденія и для поголовнаго, въ случаѣ крайности, вооруженія народа. Артиллерія, полевая и крѣпостная, склады запасовъ, артиллерійскіе парки и проч. отличались какъ большимъ количествомъ, такъ и хорошимъ устройствомъ.

Въ Даніи, государствѣ необширномъ, имѣвшемъ сильное феодальное дворянство, военное устройство не могло получить значительнаго развитія. Первое постоянное войско въ Даніи было, какъ полагаютъ, учреждено Христіаномъ IV, въ 1615 году, изъ 5,000 государственныхъ поселянъ.

Во Франціи стараніями Генриха IV и Сюлли сдѣлано было то, что въ 1610 году, передъ смертію Генриха IV, финансы и военное устройство находились въ хорошемъ состояніи, постоянныхъ войскъ было около 14,000 чел., которые, въ случаѣ надобности, могли быть увеличены до числа 50,000 чел. (въ томъ числѣ 10,000 чел. конницы), при 50 орудіяхъ. Содержаніе этихъ войскъ обходилось правительству довольно дешево. При Людовикѣ XIII, въ началѣ 30-ти лѣтней войны, войскъ на жалованьѣ было уже вдвое болѣе (около 28,000), а содержаніе ихъ стоило вчетверо дороже. Въ послѣдствіи военное устройство Франціи было значительно усовершенствовано кардиналомъ Ришельё. Онъ ввелъ порядокъ въ него, подобно тому, какъ и вообще во внутреннее управленіе государства, и умножилъ число постоянныхъ войскъ.

§ 2.

Тактическое устройство войскъ вообще и пѣхоты въ особенности.

Если военное устройство европейскихъ государствъ вообще оставалось почти въ томъ же положеніи, что̀ и прежде, то тактическое устройство войскъ, напротивъ, сдѣлало большіе успѣхи. Первоначальнымъ своимъ усовершенствованіемъ въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтій обязанное нидерландцамъ, испанцамъ и французамъ, и у нихъ въ особенности принцамъ Вильгельму и Морицу Оранскимъ, Спинолѣ, Генриху IV и Колиньи, — дальнѣйшимъ своимъ усовершенствованіемъ во время 30-ти лѣтней войны оно было обязано преимущественно Густаву-Адольфу. Такимъ образомъ весь періодъ нидерландской и германской войнъ, заключающій въ себѣ безъ малаго сто лѣтъ (1568—1648), имѣетъ высокое значеніе въ исторіи развитія военнаго искуства, въ томъ отношеніи, что онъ былъ началомъ новѣйшаго, совершенно отличнаго отъ древняго. Во всѣхъ частяхъ тактическаго устройства различныхъ родовъ войскъ сдѣланы были значительныя и важныя усовершенствованія. Всѣ эти усовершенствованія исходили изъ шведской арміи, а главнымъ виновникомъ ихъ былъ Густавъ-Адольфъ.

Г 66743

Пѣхота состояла по прежнему изъ пикинеровъ и мушкетеровъ, но число первыхъ постепенно уменьшалось (до $^1/_2$, а подъ конецъ войны даже до $^1/_3$ числа всей пѣхоты), а послѣднихъ увеличивалось (до $^1/_3$, а подъ конецъ войны до $^2/_3$ всей пѣхоты). Причинами тому были частію вооруженіе пикинеровъ, слишкомъ тяжелое и дорогое, а между тѣмъ не предохранявшее отъ дѣйствія огнестрѣльнаго оружія, частію же самый родъ службы мушкетеровъ, представлявшій болѣе случаевъ къ обогащенію грабежомъ и добычею, такъ какъ мушкетеры исправляли службу легкихъ войскъ. Въ шведской арміи Густавъ-Адольфъ уменьшилъ число пикинеровъ до $^1/_3$ числа всей пѣхоты. При дальнихъ и быстрыхъ движеніяхъ онъ даже вовсе оставлялъ тяжелое вооруженіе пикинеровъ, а въ 1631 году учредилъ цѣлые мушкетерскіе полки. 30-ти лѣтняя война дала также начало егерямъ и нѣкоторымъ образомъ—гренадерамъ. Въ 1631 г. ландграфъ Вильгельмъ гессенскій имѣлъ 3 роты, а курфирстъ баварскій въ 1645 г. 3 полка егерей, которые употреблялись для аванпостной службы и малой войны. Начало же гренадеровъ производятъ отъ того случая, когда шведы, осажденные въ 1634 году въ Регенсбургѣ, увеличили, противъ другихъ войскъ, жалованье тѣмъ пѣшимъ солдатамъ, которые назначены были бросать ручныя гранаты. Но введены были гренадеры подъ этимъ названіемъ позже у французовъ.

Въ вооруженіи пѣхоты произошли большія перемѣны, особливо у шведовъ и французовъ. Мушкетъ повсюду замѣнилъ аркебузу, но былъ такъ тяжелъ, что изъ него стрѣляли не иначе, какъ кладя его на вилку (furquete) или подсошку. Сверхъ того мушкеты имѣли весьма неудобные замки съ фитилемъ. Густавъ-Адольфъ значительно облегчилъ мушкеты, отмѣнилъ вилки или подсошки, употреблялъ, хотя и мало, мушкеты, имѣвшіе замки съ колесами, а въ войнѣ съ Польшею—заостренныя колья, которыя втыкались передъ пѣхотой и изъ-за которыхъ мушкетеры стрѣляли по польской конницѣ. Пикинеры, кромѣ пики въ 16—18 футовъ длины, а мушкетеры, кромѣ мушкета, имѣли длинные палаши и носили шишаки, а первые сверхъ того латы на груди и рукахъ. Густавъ-Адольфъ замѣнилъ пики у пикинеровъ алебардами въ 11 футовъ длины.

Вмѣстѣ съ облегченіемъ мушкетовъ были введены, сначала въ шведской, потомъ во французской пѣхотѣ, а наконецъ и въ другихъ, бумажные патроны, которые носились сзади въ кожаныхъ сумахъ.

Вскорѣ послѣ смерти Густава-Адольфа, во Франціи были введены штыкъ и замки съ кремнями. Тогда мушкеты съ такими замками получили названіе ружей (fucile, fusil), а солдаты, вооруженные ими и въ небольшомъ числѣ распредѣленные между мушкетерами—фузилерами. Штыкъ насаживали сначала на деревянный стержень, который втыкали въ ружье или мушкетъ. Штыкъ начали въ первый разъ употреблять въ Нидерландахъ легкія войска въ аванпостной службѣ.

Пѣхота вездѣ раздѣлялась на полки и роты. Сила полковъ и ротъ была неопредѣленная, весьма различная и измѣнялась очень часто. Въ Австріи со временъ Максимиліана II и Рудольфа II полки имѣли большею частію 10 ротъ въ 300 чел. (150 пикинеровъ и 150 мушкетеровъ) каждая, всего 3,000 чел. (1,500 пикинеровъ и 1,500 мушкетеровъ) въ полку. Во Франціи полки имѣли отъ 10 до 12 ротъ въ 200 чел. каждая, всего въ полку 2,000—2,400 чел. Въ Швеціи полки имѣли сначала 24 роты, каждая по крайней мѣрѣ въ 150 челов. наличныхъ и 24 челов. запасныхъ (passevolante), которые только считались на службѣ и призывались на нее въ случаѣ надобности. Такимъ образомъ полкъ имѣлъ 3,600 наличныхъ и 576 запасныхъ людей. Полкомъ начальствовалъ полковникъ, а 4-мя ротами капитанъ. Въ послѣдствіи шведскіе полки имѣли по 8-ми ротъ, каждая въ 144 наличныхъ (54 пикинера и 72 мушкетера) и 18 запасныхъ людей, всего въ полку 1,142 наличныхъ и 144 запасныхъ людей. Нѣмецкіе и англійскіе полки Густава-Адольфа имѣли отъ 10-ти до 12-ти ротъ, въ 150 чел. каждая, всего отъ 1,500 до 1,800 чел. Сила полковъ народнаго ополченія была неодинаковая и зависѣла отъ бо́льшаго или меньшаго населенія округовъ, въ которыхъ полки набирались. Въ нѣмецкихъ войскахъ сила полковъ и ротъ была различная, но болѣе или менѣе сходствовала съ силою ихъ въ имперскихъ войскахъ. Въ арміи герцога Георга брауншвейгъ-люнебургскаго полки имѣли не менѣе 2 т. челов. и сверхъ того запасныхъ людей для комплектованія.

Заряжаніе и пальба въ пѣхотѣ производились скорѣе, нежели прежде, но все еще медленно (въ 95—99 темповъ), даже и въ шведской пѣхотѣ, хотя Густавъ-Адольфъ и отмѣнилъ множество безполезныхъ пріемовъ. Пѣхоту тщательно обучали пріемамъ пикою и мушкетомъ и построеніямъ. Но послѣднихъ было столь же мало, сколь много было первыхъ: они ограничивались большею частію вздваиваніемъ и захожденіями, смыканіемъ и размыканіемъ.

§ 3.

Конница.

Конница во всѣхъ государствахъ вообще состояла изъ кирасировъ и драгуновъ. Сверхъ того, въ императорскихъ войскахъ были карабинеры, кроаты или венгерскіе гусары, а въ испанскихъ войскахъ — карабинеры и конная королевская гвардія — остатокъ рыцарской, тяжело-вооруженной конницы. Во французскихъ войскахъ были жандармы (gens d'armes) или кирасиры, легкая конница (chevaux-légers), нѣмецкіе рейтары (reitres), венгерцы (cravattes, croates), а также конные мушкетеры и конные фузелеры; драгуновъ же не было.

Въ Швеціи конница въ началѣ царствованія Густава-Адольфа была еще главнымъ родомъ войскъ. Но дворянство до такой степени обѣднѣло, что не служило въ конницѣ, и Густавъ-Адольфъ былъ принужденъ учредить въ каждой области 3 конныя роты въ 125 чел. Въ Финляндіи ихъ было 12, а всего въ этихъ ротахъ въ Швеціи считалось 3,500 чел. конницы. Прежнюю легкую конницу, вооруженную еще луками, Густавъ-Адольфъ обратилъ въ драгуновъ. Конница шведская вообще состояла также изъ однихъ кирасировъ и драгуновъ.

Густавъ-Адольфъ значительно облегчилъ вооруженіе конницы, отмѣнилъ пики, замѣнилъ ихъ у кирасировъ короткими и легкими карабинами, а драгунамъ далъ мушкеты съ фитильными замками. Шведскіе кирасиры носили только кирасы и шишаки, и были сверхъ того вооружены пистолетами и палашами.

Тяжелѣе всѣхъ была вооружена тяжелая конница испанская, нѣмецкая и французская: она носила еще латы и имѣла сверхъ того палаши и пистолеты. Впрочемъ французы вскорѣ начали облегчать вооруженіе конницы и даже не употреблять полнаго оборонительнаго вооруженія. Мало по малу тяжелая конница уменьшилась у нихъ числомъ и пришла въ упадокъ, а легкая, напротивъ, умножилась, усовершествовалась и имѣла, подобно шведскимъ кираспрамъ, одни только кирасы, палаши и пистолеты.

Карабинеры были вообще вооружены легче, нежели кирасиры, и имѣли легкіе карабины. Во Франціи они были сначала распредѣлены по легкоконнымъ ротамъ; но Людовикъ XIII учредилъ цѣлые карабинерные полки, которыхъ въ 1643 году было 12; въ послѣдствіи они были уничтожены. Въ 1622 году Людовикъ XIII далъ своей лейбъ-карабинерной ротѣ мушкеты, отъ чего она стала называться мушкетерскою (mousquetaires).

Драгуны, кроаты и гусары были вооружены еще легче, нежели карабинеры, и оборонительнаго вооруженія не имѣли вовсе. Шведскіе и другіе драгуны были вооружены мушкетами либо карабинами, но пистолетовъ не имѣли.

Конница раздѣлялась на полки и роты (эскадроны, корнеты); но сила полковъ и ротъ была также, какъ и въ пѣхотѣ, неопредѣленная и вездѣ различная. Сверхъ того, по затруднительности снабженія конницы лошадьми, полки рѣдко имѣли полное число ихъ. Въ императорской конницѣ полки были сплою въ 750—800, а роты—въ 100 лошадей, иногда болѣе, а иногда менѣе. У французовъ роты были сплою въ 50, а у шведовъ—въ 66-71 лошади. У послѣднихъ въ конномъ полку было 8 ротъ или всего 528—576 лошадей. Въ арміи герцога Георга брауншвейгъ-люнебургскаго конные полки имѣли не менѣе 1,000 лошадей и сверхъ того запасныхъ людей и лошадей для комплектованія.

§ 4.

Артиллерія.

Въ артиллеріи во время 30-ти-лѣтней войны произошелъ важный переворотъ, совершившійся въ шведской арміи. Виновникомъ его былъ также Густавъ-Адольфъ, который усовершенствовалъ шведскую артиллерію преимущественно тѣмъ, что значительно облегчилъ ее, сдѣлалъ удободвижимою и приспособилъ къ дѣйствію другихъ родовъ войскъ и употребленію въ полевыхъ сраженіяхъ. Основываясь на прежде-дѣланныхъ и вновь повторенныхъ имъ опытахъ, онъ приказалъ отлить новыя орудія, которыя были гораздо короче и легче прежнихъ. Въ 1625 году, во время войны съ Польшею, онъ съ большою пользою употреблялъ, по предложенію полковника Вурмбранда, кожаныя пушки. Въ послѣдствіи эти пушки были, по предложенію графа Гамильтона, замѣнены 4-хъ фунтовыми пушками, столь легкими, что онѣ удобно перевозились на 2-хъ лошадяхъ. Каж-

дому полку придано было по 2 такихъ орудія, и съ тѣхъ поръ они начали называться полковыми. По прибытіи Густава-Адольфа въ Германію, легкость и быстрота движеній и дѣйствій шведской артиллеріи произвели всеобщее изумленіе. Полковыя орудія дѣйствовали преимущественно картечью, дотолѣ употреблявшеюся только при осадѣ и оборонѣ крѣпостей, — тяжелыя же преимущественно ядрами. И въ тактикѣ артиллеріи Густавъ-Адольфъ произвелъ совершенный переворотъ. Онъ употреблялъ артиллерію либо дробными, либо совокупными частями, и легкая, удобоподвижная артиллерія, удобно слѣдуя за всѣми движеніями войскъ, на всякой мѣстности, значительно способствовала поддержанію или усиленію дѣйствій послѣднихъ. И числомъ орудій шведская артиллерія въ Германіи столь же значительно превосходила артиллерію противниковъ, сколько легкостью, быстротою и искуствомъ дѣйствій. Такъ, напримѣръ, при Грейфенгагенѣ Густавъ-Адольфъ имѣлъ 80 орудій, совокупленныхъ въ одной батареѣ, при Франкфуртѣ на Одерѣ 200, при Нюрнбергѣ 300 орудій разныхъ калибровъ, а при переходѣ черезъ Лехъ однихъ тяжелыхъ орудій 72.

Въ другихъ государствахъ артиллерія была также, въ сравненіи съ прежнимъ, нѣсколько облегчена, но все еще оставалась тяжелою и неудободвижимою. По примѣру шведовъ, отчасти введены были въ нее полковыя орудія. Метаніе бомбъ изъ мортиръ, бывшее уже въ употребленіи у нѣмцовъ, испанцовъ и нидерландцовъ, французами употреблено впервые въ 1634 г. при осадѣ Ламотта. Употребленіе же гаубицъ не было еще извѣстно во Франціи. Въ лабораторной части особенно отличались нѣмцы. Бомбы, гранаты, какъ орудійныя, такъ и ручныя, употреблявшіяся очень часто, равно каленыя и свѣтящіяся ядра и проч. были усовершенствованы во многомъ.

Въ образованіи и употребленіи артиллерійской прислуги также были сдѣланы усовершествованія. Хотя въ Германіи не было, какъ въ Испаніи и Италіи, артиллерійскихъ школъ, но артиллерійскому искуству, какъ-то: литью орудій, лабораторной части и стрѣльбѣ въ цѣль, обучали особенные мастера. Нѣмцы были особенно искусны въ метаніи бомбъ, производя его посредствомъ математическихъ исчисленій. Прислугу артиллеріи составляли оружейники и гандлангеры, которые дѣлились на роты. У шведовъ прислугу полковыхъ орудій составляли мушкетеры. Прикрывали же артиллерію, у шведовъ—мушкетеры, а въ императорскихъ войскахъ—конница.

Увеличеніе въ войскахъ числа артиллеріи увеличило также артиллерійскіе парки, а съ тѣмъ вмѣстѣ и обозы вообще.

§ 5.

Строй и образъ движеній и дѣйствій войскъ.

Строй и образъ движеній и дѣйствій войскъ вообще оставались почти въ томъ же положеніи, что и прежде. Главнѣйшимъ усовершенствованіемъ было уменьшеніе глубины строя. Въ шведской же арміи Густавъ-Адольфъ произвелъ совершенный переворотъ въ строѣ и образѣ движеній и дѣйствій войскъ.

Пѣхоту вообще располагали не болѣе, какъ въ 10 шеренгъ. Мушкетеры строились сомкнутыми рядами, но съ разомкнутыми шеренгами, пикинеры же въ сомкнутыхъ рядахъ и шеренгахъ. Иногда мушкетеры производили атаку въ разомкнутыхъ рядахъ. Густавъ-Адольфъ началъ строить шведскую пѣхоту въ 6 шеренгъ, которыя для пальбы строились даже въ 3 шеренги. Этому строю начали мало по малу подражать, и въ концѣ 30-ти-лѣтней войны онъ сдѣлался почти общимъ. Французы особенно были противниками глубокаго строя.

Въ строю пѣхоты пикинеры становились обыкновенно въ центрѣ, а мушкетеры по флангамъ, либо отдѣленія пикинерныя были перемѣшаны съ мушкетерскими. Большая боевая масса войскъ называлась терціей, баталіей, баталіономъ, эскадрономъ (Geschwader). У нѣмцовъ и испанцовъ баталіи были очень большія, состоя иногда изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, у французовъ же имѣли не болѣе 500—600 чел. Иногда одинъ полкъ составлялъ 2 баталіона, а иногда 2 полка составляли 1 баталіонъ или баталію.

Густавъ-Адольфъ ввелъ въ шведскую армію строй бригадный, въ первый разъ употребленный имъ въ 1630 г. противъ герцога Савелли въ Германіи. Въ лагерѣ же при Шведтѣ онъ соединилъ по 2—3 шведскіе полка въ бригады, различавшіяся по цвѣту одежды. Онъ вѣроятно нѣсколько разъ измѣнялъ бригадный строй, сохраняя главное основаніе его. Намъ извѣстны 3 рода этого строя: 1) двойная бригада изъ 2-хъ комплектныхъ полковъ въ 2,016 чел. (1,100 мушкетеровъ и 916 пикинеровъ), построенныхъ въ 5 линій, изъ которыхъ 2 послѣднія составляли резервъ, и въ которыхъ от-

дѣленія пикинеровъ были перемѣшаны съ отдѣленіями мушкетеровъ; 2) бригадный строй въ 3 линіи, но съ фронтомъ болѣе длиннымъ (наиболѣе употреблявшійся Густавомъ-Адольфомъ, между прочимъ въ Брейтенфельдскомъ сраженіи, равно и послѣ его смерти—шведскими генералами), и 3) строй четверти-бригадный, то есть 1 отдѣленіе пикинеровъ впереди и 4 отдѣленія мушкетеровъ въ 2 линіи, по 2 отдѣленія въ каждой — позади. При Люценѣ 11—12 шведскихъ ротъ были построены одна позади другой и имѣли 8 ротъ въ одну линію въ резервѣ. Бригадный строй имѣлъ тѣ выгоды, что былъ гораздо подвижнѣе и удобнѣе для атаки, нежели глубокія массы, и притомъ успѣхъ атаки бригады обезпечивался резервами.

Введя снова въ употребленіе обычай ставить небольшія отдѣленія мушкетеровъ между конными ротами, Густавъ-Адольфъ увеличивалъ въ послѣдствіи эти отдѣленія до числа 180, 360 и 400 чел. и придавалъ имъ полковыя орудія. Какъ для этого, такъ и для особенно важныхъ дѣйствій, онъ составлялъ иногда сводныя бригады изъ отборныхъ мушкетеровъ (kommandirte Musketiere). Этому стали потомъ подражать въ императорскихъ, французскихъ и другихъ войскахъ.

Пальба въ пѣхотѣ производилась, какъ и прежде, по-шереножно съ отхожденіемъ назадъ, либо залпами. Густавъ-Адольфъ ввелъ пальбу по-шереножно стоя и заряжая на мѣстѣ, изъ-за 1-й шеренги, либо изъ-за пикинеровъ, становившихся на колѣни. Онъ употреблялъ даже нѣсколько разъ пальбу рядами.

Конницу строили въ наименьшей мѣрѣ—въ 4, а въ наибольшей—въ 8-10 шеренгъ. Густавъ-Адольфъ ввелъ въ шведскую конницу постоянный строй въ 3 шеренги и увеличилъ тѣмъ ея удободвижимость и быстроту дѣйствій. Онъ отмѣнилъ въ конницѣ безполезное вольтижированіе и тому подобныя движенія (caracoles, караколи), равно дѣйствіе огнестрѣльнымъ оружіемъ при атакѣ, вмѣсто чего шведская конница производила всегда атаку въ полный карьеръ съ бѣлымъ оружіемъ. Въ бою она строилась на ротныхъ между ротами интервалахъ, въ 2 и болѣе линій, роты за ротами, либо въ шахматномъ порядкѣ. Иногда нѣсколько ротъ производили атаку въ одну линію безъ интерваловъ (en muraille). Императорская конница имѣла лучшихъ лошадей и была лучше вооружена, но была тяжелѣе и неповоротливѣе. Въ послѣдствіи она начала однакоже строиться и дѣйствовать лучше. Пальба была главнымъ дѣйствіемъ конницы во всѣхъ войскахъ, исключая шведскихъ; были однакоже случаи, когда она также атаковала быстро и съ бѣлымъ оружіемъ (наприм. конница Паппенгейма). Служба драгуновъ у шведовъ была преимущественно конная, а въ императорскихъ войскахъ, напротивъ, пѣшая. Достойно замѣчанія, что конница герцога Георга брауншвейгъ-люнебургскаго строилась въ 4—5 шеренгъ, пальбы не производила никогда и атаковала всегда съ бѣлымъ оружіемъ. Французская конница строилась въ 4—6 шеренгъ и атаковала преимущественно съ бѣлымъ оружіемъ, но производила также и пальбу.

Въ общемъ строѣ войскъ пѣхота почти всегда становилась въ центрѣ, а конница по флангамъ. Полки становились по старшинству ихъ полковниковъ, что̀ принуждало иногда производить безполезныя и опасныя передвиженія въ виду непріятеля. Такъ какъ у французовъ при Людовикѣ XIII арміи раздѣлялись на 2 бригады, каждая изъ которыхъ находилась подъ начальствомъ одного полеваго или лагернаго маршала (maréchal des camps), то на правомъ флангѣ становилась та изъ бригадъ, начальникъ которой былъ въ тотъ день очереднымъ въ должности (de service). Въ послѣдствіи французскія бригады были уменьшены до числа 4—6 баталіоновъ и 5—10 эскадроновъ.

Въ шведской арміи нѣсколько пѣхотныхъ бригадъ строилось въ 2 линіи. За каждою линіею находилось по нѣскольку конныхъ ротъ, а вся остальная конница строилась по флангамъ пѣхоты. Пѣхота и конница имѣли свои резервы. Артиллерія была либо распредѣляема вдоль фронта, либо совокупляема въ батареи на выгоднѣйшихъ пунктахъ. Всѣ три рода войскъ взаимно поддерживали и усиливали другъ друга. При движеніи, войска̀ раздѣлялись также, какъ и прежде, на три части: авангардъ, главныя силы и арріергардъ,—въ арміи же Густава-Адольфа только на авангардъ и главныя силы. Авангардъ, боковые отряды и арріергардъ составляли обыкновенно легкія войска. Движенія производились, смотря по числу войскъ, въ одной, двухъ и не болѣе трехъ колоннъ и притомъ такъ, что войска шли въ боевомъ порядкѣ однимъ изъ фланговъ (преимущественно правымъ), и каждая линія составляла особенную колонну, которая захожденіемъ на право или на лѣво занимала свое мѣсто въ боевомъ порядкѣ. Иногда арміи двигались впередъ или назадъ въ шахматномъ порядкѣ. Движенія арміи вообще сдѣлались гораздо быстрѣе, нежели какими были прежде.

Что касается до совокупнаго дѣйствія войскъ въ бою и искуства распоряжаться боемъ и вести его, то и въ этомъ отношеніи усматриваются уже большіе успѣхи. Мѣстность получаетъ болѣе важности, принимается болѣе въ соображеніе и дѣйствія лучше примѣняются къ ней. Артиллерія играетъ весьма важную роль въ сраженіяхъ. У шведовъ всѣ три оружія, а въ прочихъ войскахъ пѣхота и конница, перемѣшаны

и взаимно поддерживаютъ и усиливаютъ другъ друга. Вліяніе резервовъ оцѣнено, и хотя арміи вообще производятъ преимущественно параллельныя, фронтальныя атаки, но иногда встрѣчаются также обходы и охватываніе непріятельскаго фланга, прохожденіе сквозь линіи и тому подобныя движенія (Баннеръ, Торстенсонъ и др.).

Густавъ-Адольфъ въ своихъ сраженіяхъ производилъ также однѣ параллельныя, фронтальныя атаки. Главное искуство его тактики (по словамъ современнаго историка 30-тилѣтней войны, Хемница) состояло въ такомъ расположеніи войскъ, въ которомъ мушкетеры были прикрыты пикинерами, а пикинеры поддержаны мушкетерами, одинъ эскадронъ содѣйствовалъ другому, и каждая бригада, подобно небольшой подвижной крѣпости, имѣла свои, хорошо обороненные куртины и фланки. Къ этому должно присовокупить, что Густавъ-Адольдъ въ высокой степени обладалъ также искуствомъ употреблять войска и вести бой—сообразнѣйшимъ съ обстоятельствами и мѣстностью образомъ.

Густаву-Адольфу принадлежитъ также честь совершенія въ первый разъ перехода силою черезъ весьма быструю, хотя и не очень широкую рѣку (Лехъ), въ виду сильной непріятельской арміи. Послѣ того часто встрѣчаются подобные же, болѣе или менѣе успѣшные переходы.

§ 6.

Управленіе, содержаніе и продовольствованіе армій, духъ и воинскій порядокъ въ войскахъ.

Шведская армія при Густавѣ-Адольфѣ значительно превосходила современныя арміи также и въ отношеніи къ внутреннему устройству, управленію и содержанію и особенно къ духу и воинскому порядку въ ней.

Скудные государственные доходы Швеціи, хотя и умноженные Густавомъ-Адольфомъ, были причиною, что при жизни его шведскія войска получали, въ сравненіи съ прочими арміями, жалованье весьма небольшое, но чрезвычайно исправно. По смерти же Густава-Адольфа, при постоянномъ недостаткѣ въ деньгахъ, жалованье выдавалось весьма неисправно и часто даже не выдавалось вовсе, слѣдствіемъ чего были частые безпорядки въ войскахъ.

Шведская армія была одѣта чрезвычайно просто; всякая роскошь въ этомъ отношеніи была изгнана изъ нея; самъ Густавъ-Адольфъ подавалъ тому примѣръ. Но тѣмъ значительнѣе была его заботливость о предохраненіи здоровья войскъ, снабженіемъ ихъ въ осеннее и зимнее время теплою одеждой. Онъ же первый ввелъ единообразную одежду войскъ.

Шведская армія при жизни Густава-Адольфа продовольствовалась преимущественно изъ магазиновъ, и этотъ способъ продовольствованія составляетъ одно изъ важнѣйшихъ и значительнѣйшихъ нововведеній Густава-Адольфа. Ведя войну, онъ повсюду учреждалъ магазины, въ которые складывались запасы продовольствія, доставлявшіеся изъ Швеціи или добываемые правильнымъ сборомъ съ края. Вообще продовольственная часть была превосходно устроена въ шведской арміи при жизни Густава-Адольфа и заботливость его объ исправномъ и хорошемъ продовольствованіи войскъ усматривается во всѣхъ его дѣйствіяхъ. Но по смерти его часть эта пришла въ большой безпорядокъ и войска шведскія содержались въ Германіи большею частію грабежомъ.

На войнѣ Густавъ-Адольфъ располагалъ войска свои, смотря по обстоятельствамъ, по квартирамъ, по гарнизонамъ въ городахъ, либо въ укрѣпленныхъ лагеряхъ. Въ послѣднихъ войска жили въ палаткахъ даже и зимою, если было нужно. Но какъ бы войска ни были расположены, вездѣ гарнизонная и полевая служба была исполняема ими съ величайшею исправностью, вездѣ войсками соблюдаемъ былъ строжайшій порядокъ.

Число обозовъ въ шведской арміи было значительно ограничено Густавомъ-Адольфомъ. Въ каждой конной ротѣ полагалось не болѣе 10-ти, а въ пѣшей—не болѣе 2-хъ повозокъ, сверхъ одной маркитантской повозки на роту и 8 повозокъ для полковаго штаба.

Но самою свѣтлою, самою блистательною стороною шведской арміи при Густавѣ-Адольфѣ были: превосходный духъ войскъ, ее составлявшихъ, и строжайшіе воинскіе подчиненность и порядокъ въ нихъ. Рѣзко отличались войска шведскія отъ другихъ современныхъ, и благочестіемъ, и лучшею нравственностью, и отсутствіемъ жестокости въ веденіи войны, и воздержаніемъ отъ насильствъ и грабежа, и всѣми другими качествами благоустроенной арміи. И въ этомъ, какъ и во всемъ прочемъ, Густавъ-Адольфъ подавалъ личный примѣръ. Онъ изгналъ навсегда изъ своей арміи всѣ злоупотребленія и предразсудки временъ феодальныхъ, и производилъ въ чины не иначе, какъ за заслуги и по старшинству. Чтобы начальствовать другими, каждый, даже знат-

нѣйшій родомъ, долженъ былъ прежде прослужить въ нижнихъ чинахъ и самъ научиться повиновенію. Для сохраненія въ войскахъ порядка и благоустройства, Густавъ-Адольфъ издалъ въ 1621 г., при осадѣ Риги, особыя постановленія, сохраненныя и впослѣдствіи съ нѣкоторыми дополненіями и измѣненіями. Законы эти съ чрезвычайною строгостью вооружались противъ всякаго рода безпорядковъ, особенно противъ насильствъ, воровства и грабежа. Важныя военныя преступленія наказывались смертною казнію, между начальниками — отсѣченіемъ головы, а между нижними чинами—разстрѣляніемъ и иногда прогнаніемъ сквозь строй шпицрутенами. Весьма строго, по большей части смертію, наказывались малодушіе, скорая сдача крѣпости и т. п. Военные суды шведскіе имѣли весьма хорошее устройство и были подобны прежнимъ полковымъ судамъ ланцкнехтовъ. Верховнымъ военнымъ судилищемъ и вмѣстѣ высшимъ управленіемъ арміи была военная коллегія—также одно изъ превосходныхъ учрежденій Густава-Адольфа. Она состояла изъ извѣстнаго числа совѣтниковъ, ассесоровъ и пр., подъ предсѣдательствомъ государственнаго маршала, и завѣдывала всѣми дѣлами по части управленія, хозяйственной, военно-судной и проч. въ арміи. Замѣчательно еще одно учрежденіе Густава-Адольфа, именно — школы при каждомъ полку для солдатскихъ дѣтей, которые, по тогдашнему обыкновенію, даже и въ походахъ находились при своихъ отцахъ.

Заслуги или отличія награждались повышеніемъ въ чины, преимущественно же, по тогдашнему обыкновенію, выдачею болѣе или менѣе значительныхъ денежныхъ суммъ, иногда единовременно, а иногда въ видѣ пожизненныхъ пенсій.

Но со смертію Густава-Адольфа исчезли въ шведской арміи, и правильное ея содержаніе и управленіе, и прежній превосходный духъ ея, и строгій воинскій порядокъ въ ней. Не было уже прежней заботливости объ одеждѣ, продовольствованіи и вообще содержаніи войскъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла хорошая нравственность и воинскій порядокъ въ войскахъ. Все это, вмѣстѣ взятое, было причиною, что шведскія войска, которыя при жизни Густава-Адольфа стояли несравненно выше другихъ современныхъ войскъ и могли во всѣхъ отношеніяхъ служить имъ образцомъ, по смерти Густава-Адольфа упали почти на равную съ ними степень.

Внутреннія: устройство, управленіе и содержаніе современныхъ европейскихъ армій, равно духъ и воинскій порядокъ въ нихъ, были почти вездѣ одинаковы, почти вездѣ имѣли одинъ общій характеръ — бо́льшаго или меньшаго безпорядка и неустройства.

Жалованье войска̀ во всѣхъ государствахъ получали больше, нежели въ Швеціи, но оно производилось имъ, какъ и прежде, крайне неисправно. Правительства мало заботились о снабженіи войскъ одеждою и продовольствіемъ. Между начальниками, особенно въ императорскихъ войскахъ, роскошь была непомѣрная, войска же должны были сами добывать себѣ и одежду, и продовольствіе. Магазины учреждались очень рѣдко, подъ конецъ войны—чаще. Войска располагались въ лагеряхъ и притомъ не въ палаткахъ, а въ баракахъ, преимущественно же по квартирамъ и гарнизонамъ, продовольствуясь отъ жителей, либо неправильнымъ и насильственнымъ сборомъ съ края огромнаго количества продуктовъ. Этимъ и объясняются, съ одной стороны — дальнія и быстрыя движенія армій, а съ другой — жестокое опустошеніе края, по которому проходили или въ которомъ дѣйствовали войска. Обозы во всѣхъ арміяхъ, особенно въ императорскихъ, были чрезвычайно многочисленны, какъ по причинѣ роскоши начальниковъ, такъ и потому, что войска перевозили за собою награбленное имущество и что за ними слѣдовали жены и дѣти солдатъ и множество безполезныхъ людей. Во французской арміи число обозовъ, по смерти Генриха IV, уменьшилось однакоже значительно. Гарнизонная и полевая служба исполнялась повсюду довольно небрежно и неисправно. Наконецъ, соотвѣтственно грубымъ и жестокимъ нравамъ времени и составу самыхъ войскъ, вербовавшихся преимущественно между бродягами, искателями приключеній, отвергнутыми обществомъ людьми и т. п., а также и вслѣдствіе послабленія самихъ начальниковъ, войска отличались повсюду безнравственностью, неуваженіемъ святынь вѣры, законовъ и правъ человѣческихъ, отсутствіемъ всякой подчиненности, всякаго воинскаго порядка и благоустройства, страшнымъ грабежомъ, жестокимъ обращеніемъ съ жителями, даже въ дружественныхъ странахъ, и походили болѣе на шайки разбойниковъ, нежели на благоустроенныя войска. Весьма естественно, что военные законы долженствовали быть строги и даже жестоки для обузданія такого рода войскъ. Дѣйствительно, смертная казнь была однимъ изъ главнѣйшихъ и наиболѣе частыхъ наказаній какъ нижнихъ чиновъ, такъ и ихъ начальниковъ. Но строгость военныхъ законовъ не препятствовала войскамъ грабить, безчинствовать, предаваться всякаго рода безпорядкамъ, побѣгамъ и проч. И за всѣмъ тѣмъ войска всѣхъ армій являли постоянно примѣры самой геройской отважности и храбрости, хотя и эти доблести помрачались всегда чрезвычайною жестокостью. Съ плѣнными однакоже обращались хорошо, потому что брали за нихъ выкупъ; размѣнивали же ихъ рѣдко.

Если наказанія за преступленія были же-

стоки, то награды за отличія и заслуги были чрезвычайно щедры. Кромѣ повышеній, медалей на цѣпяхъ и т. п., онѣ преимущественно состояли, по обычаю времени, изъ денежныхъ подарковъ, пожизненныхъ пенсій и т. п., иногда обезпечивавшихъ судьбу награжденныхъ на цѣлую жизнь. Всѣхъ жесточе наказывалъ, но и всѣхъ щедрѣе, съ щедростью по истинѣ царскою, награждалъ свои войска Валленштейнъ.

Таковъ былъ общій характеръ войскъ того времени. Были однако исключенія. Такъ, напримѣръ, въ арміи герцога Георга брауншвейгъ-люнебургскаго, о которой уже говорено выше, были и правильныя внутреннія: устройство, управленіе и содержаніе войскъ, и хорошій духъ, воинскій порядокъ и благоустройство въ нихъ. Край платилъ ежемѣсячно денежную подать на жалованье войскамъ. Для продовольствованія какъ войскъ, такъ и жителей края, учреждены были запасные магазины. Правительство одѣвало, вооружало и содержало войска, призрѣвало и лечило больныхъ воинскихъ чиновъ и проч. Конница содержалась краемъ въ низменныхъ частяхъ его, обильныхъ пастбищами, гдѣ имѣла постоянныя квартиры. Обыватели обязаны были давать чинамъ конницы квартиры и фуражъ. Въ полкахъ были учреждены запасныя кассы. Словомъ, армія брауншвейгъ-люнебургская отличалась порядкомъ и благоустройствомъ среди армій германскихъ, точно также, какъ шведская армія Густава-Адольфа среди европейскихъ армій вообще.

§ 7.

Полевая фортификація.

Полевая фортификація во время 30-тилѣтней войны находилась почти въ томъ же состояніи, до котораго достигла въ нидерландской войнѣ у нидерландцовъ, съ нѣкоторыми только измѣненіями и усовершенствованіями, произведенными частію нидерландскими, частію другими инженерами, въ особенности же Густавомъ-Адольфомъ.

Отдѣльные посты укрѣплялись преимущественно штерншанцами либо 4-хъ-угольными редутами, различныхъ величинъ, размѣровъ и профилей, съ штурмфалами, палисадами, рогатками, подъемными мостами, флешами передъ выходами и проч. Арміи же вошло во всеобщее употребленіе прикрывать, какъ въ полѣ, такъ и при осадѣ крѣпостей, сомкнутыми укрѣпленными линіями, съ входящими и исходящими углами, и усиленными на слабѣйшихъ пунктахъ штурмфалами, палисадами, засѣками, пороховыми минами и т. п. Нидерландцы начали устроивать въ укрѣпленныхъ линіяхъ, на извѣстныхъ разстояніяхъ, сомкнутые окопы, преимущественно 4-хъ-угольные редуты. Укрѣпленные лагери арміи имѣли, на подобіе римскихъ лагерей, видъ продолговатаго 4-хъ-угольника либо правильнаго квадрата. Войска располагались въ нихъ вообще въ баракахъ и рѣдко въ палаткахъ, и притомъ такъ, что имѣли бо́льшую глубину, нежели ширину во фронтѣ. Между бараками или палатками и укрѣпленіями находилось кругомъ всего лагеря свободное сборное мѣсто. Обозы арміи имѣли въ лагерѣ свое особое мѣсто.

Густавъ-Адольфъ подражалъ въ полевой фортификаціи нидерландцамъ, но не былъ приверженцомъ непрерывныхъ укрѣпленныхъ линій. Располагая войска свои преимущественно въ укрѣпленныхъ лагеряхъ, онъ усовершенствовалъ полевую фортификацію тѣмъ, что устроивалъ укрѣпленныя линіи, состоявшія изъ редутовъ, соединенныхъ траншеей, либо, какъ при Нюрнбергѣ, одинъ, два или болѣе рядовъ отдѣльныхъ редутовъ и окоповъ, взаимно оборонявшихъ другъ друга. Армію же свою онъ располагалъ, сообразно съ мѣстностью, иногда, какъ при Нюрнбергѣ, въ одну, а иногда, какъ при Фюртѣ, въ двѣ линіи, давая полкамъ своимъ гораздо большее протяженіе во фронтѣ, нежели въ глубину, при чемъ каждый полкъ имѣлъ свои обозы позади себя. Эти усовершенствованія его перешли къ нидерландцамъ, а потомъ и къ другимъ народамъ. Вообще въ это время обыкновеніе прикрывать и усиливать себя полевыми укрѣпленіями распространилось чрезвычайно и сдѣлалось общимъ и постояннымъ.

§ 8.

Строеніе, осада и оборона крѣпостей.

Во время 30-ти-лѣтней войны повсюду распространилась и преобладала нидерландская система построенія крѣпостей, не смотря на то, что примѣнена была къ Нидерлан-

дамъ, въ которыхъ родилась. Главными отличительными чертами ея были водяные рвы, фоссъ-брея и наружные верки. Послѣдніе, исключая равелиновъ и демилюновъ, вообще имѣли слабые профили и были усиливаемы штурмфалами и палисадами. Въ числѣ ихъ начали устроивать родъ съуженныхъ при горжѣ теналей (Pfaffenmütze, bonnets à prêtres) и нѣкоторые новые горнверки. Графъ Паганъ, Вертмюллеръ и нѣкоторые другіе инженеры старались усовершенствовать нидерландскую систему усиленіемъ фланговой обороны, измѣненіями въ устроеніи фланковъ и т. п. Графъ Паганъ, система котораго сдѣлалась извѣтною уже въ концѣ 30-тилѣтней войны (въ 1645 г.), устроивалъ одинъ за другимъ трое фланковъ, прикрытыхъ орліономъ, фоссъ-брею замѣнялъ двумя болверками одинаковой высоты, прикрывалъ куртину равелиномъ, а болверки контргардомъ, возвысивъ послѣдній на 12, а главный валъ на 18 футовъ надъ горизонтомъ, и давъ главному валу 42 фута въ основаніи.

Въ отношеніи къ вооруженію крѣпостей артиллеріею не было ничего опредѣленнаго; сила же гарнизона опредѣлялась по большей части либо протяженіемъ главнаго вала (1 человѣкъ на 2 фута), либо числомъ полигоновъ (отъ 800 человѣкъ до 1 т. на каждый).

Осадѣ крѣпостей, какъ и прежде, предшествовало обложеніе оной посредствомъ устроенія обширныхъ циркумъ- и контръвалаціонныхъ линій. Эти линіи имѣли профили, наружные верки и т. п., уподоблявшіе ихъ нѣкоторымъ образомъ крѣпостямъ, а устроеніе ихъ требовало огромныхъ трудовъ и много времени. Къ концу 30-лѣтней войны шведы, а потомъ имперцы, начали уже открывать осаду заложеніемъ прямо аппрошей и батарей. Иногда устроивали одну только контръ-валаціонную линію (при осадѣ Ла-Рошели въ 1624-мъ г.). Въ дальнемъ разстояніи отъ крѣпости вели простую, въ ближнемъ крытую сапну. На болотистой почвѣ подвигались прямою, углубленною сапною, прикрытою съ боковъ брустверами, а съ верху фашинами, земляными турами и т. п. При осадѣ же горныхъ крѣпостей, либо такихъ, которыя имѣли высокія укрѣпленія, употребляли подземную сапну. Для противудѣйствія вылазкамъ и прикрытія работъ, осаждавшіе устроивали иногда траншею, охватывавшую атакованный фронтъ (въ послѣдствіи параллели). Сверхъ ядеръ и бомбъ, въ крѣпость бросали корзины съ каменьями изъ мортиръ и ручныя гранаты, дѣлали взрывы съ каменьями и т. п. Минное искуство не было еще усовершенствовано въ теоріи, и потому хотя мины употреблялись очень часто, но дѣйствіе ихъ не всегда было успѣшно. Для перехода черезъ ровъ, сверхъ прежнихъ средствъ, часто употреблялись пловучіе мосты изъ морскаго тростника, бочекъ, небольшихъ кожаныхъ лодокъ и т. п.

Осажденные (болѣе французы и нидерландцы, нежели нѣмцы) вели контръ-аппроши. До самаго конца 30-ти-лѣтней войны осажденные никогда не оборонялп покрытаго пути, и только при осадахъ Гравелина въ 1644-мъ г. и Дюнкирхена въ 1646-мъ г. встрѣчается въ первый разъ оборона онаго нидерландцами и испанцами. Въ Нидерландахъ важнымъ средствомъ обороны крѣпостей были шлюзы, посредствомъ которыхъ наводняли рвы или возвышали воду въ нихъ, и тѣмъ затрудняли переходъ черезъ ровъ. Впрочемъ средства для обороны крѣпости, перехода черезъ ровъ и бреши, употреблялись тѣ же, что и прежде. Весьма часто случалось, что по причинѣ недостатка осадныхъ принадлежностей, либо ошибочныхъ распоряженій къ атакѣ со стороны осаждавшаго, незначительнѣйшіе пункты, укрѣпленные стѣнами и башнями, держались чрезвычайно долго и нѣсколько разъ отражали приступы осаждавшихъ. Взятая приступомъ крѣпость неминуемо подвергалась грабежу. Но если крѣпость сдавалась на капитуляцію, то условія капитуляціи были почти всегда выгодны и гарнизонъ большею частію получалъ свободный выходъ со всѣми почестями. При этомъ ни та, ни другая сторона не выдавала перебѣжчиковъ.

Въ заключеніе должно сказать, что въ искуствѣ осаждать и оборонять крѣпости шведы наименѣе отличались. Самъ Густавъ-Адольфъ уступалъ въ этомъ отношеніи нидерландцамъ. Притомъ онъ въ Германіи и не имѣлъ особенныхъ случаевъ отличаться осадою крѣпостей.

ГЛАВА III.

ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ ТРИДЦАТИЛѢТНЕЙ ВОЙНЫ, ОТЪ НАЧАЛА ЕЯ ВЪ БОГЕМІИ ДО ПРИБЫТІЯ ВЪ ГЕРМАНІЮ ГУСТАВА-АДОЛЬФА (1618—1630 г.).

I.

Война въ Богеміи и Австріи (1618—1620 г.)

§ 9.

Политическое состояніе Германіи.—Причины и начало войны въ Богеміи.

Войны, порожденныя въ западной Европѣ реформаціей, были тѣмъ болѣе кровопролитны, что съ реформаціей соединилась и политика. Духъ нетерпимости, взаимной ненависти и злобы, вооруживъ протестантовъ и католиковъ однихъ противъ другихъ, заставилъ ихъ проливать кровь свою за вѣру. Стремленіе же многихъ государей, подъ благимъ предлогомъ защиты вѣры, къ распространенію своей власти, порабощенію народовъ и политическому преобладанію, принудило народы сражаться и за свою независимость. Такъ фанатизмъ Филиппа II породилъ 40-ка-лѣтнюю, кровопролитную нидерландскую войну, кончившуюся утвержденіемъ политической самобытности нидерландскихъ генеральныхъ штатовъ. Такъ въ Германіи честолюбіе Карла V породило войну между католиками и протестантами, прекращенную Пассаускимъ миромъ въ пользу послѣднихъ.—Въ войнѣ германской или Шмалкальденскаго союза вполнѣ обнаружилось стремленіе Карла V къ распространенію неограниченной власти своей надъ Германіей и къ преобладанію въ Европѣ, и тѣмъ положено начало послѣдующей, постоянной политикѣ австрійскаго дома.

Составленная изъ множества большихъ или меньшихъ, свѣтскихъ или духовныхъ, самостоятельныхъ владѣній и вольныхъ городовъ, раздѣленная на 10 имперскихъ округовъ, подъ общимъ управленіемъ сейма германскихъ князей, главою котораго и всей имперіи былъ императоръ, уже наслѣдственно избираемый изъ дома австрійскаго, и по видимому соединенная въ одно цѣлое этимъ общимъ политическимъ устройствомъ, этимъ общимъ управленіемъ, обширная имперія германская была однакоже до крайности раздроблена различіемъ племенъ, частныхъ видовъ, побужденій, выгодъ и особенно вѣры. Вся сѣверная и юго-западная часть ея была протестантскою, южная же и западная католическою. При этомъ раздробленіи, при недостаткѣ единства, согласія, рѣшительности и искуства въ дѣйствіяхъ протестантовъ, управляемыхъ вождями неспособными, могущественный Карлъ V, на сторонѣ котораго были выгоды большихъ единства, рѣшительности и искуства въ дѣйствіяхъ, какъ политическихъ, такъ и военныхъ, едва не достигнулъ цѣли своей. Но счастіе измѣнило ему—и удрученный лѣтами и страданіями тѣлесными, онъ завѣщалъ преемникамъ исполненіе своихъ обширныхъ и честолюбивыхъ замысловъ. Не скоро однакоже могли свершиться они. Слабые, безпечные, миролюбивые преемники его, Фердинандъ I, Максимиліанъ II и Рудольфъ II оставили въ бездѣйствіи политику его и потому въ продолженіи 56-ти лѣтъ ихъ царствованія спокойствіе Германіи не было нарушено, по крайней мѣрѣ общею войною. Но преимущества, дарованныя протестантамъ Пассаускимъ миромъ, усилили взаимную ненависть между ними и католиками, и обѣ стороны тѣмъ сильнѣе враждовали втайнѣ. Эта вражда повела наконецъ въ 1610 г. къ составленію протестантами союза между собою въ Галле. Главою былъ избранъ курфирстъ Фридрихъ пфальцскій (палатинъ), а участіе въ союзѣ приняли: ландграфъ гессенъ-кассельскій, ревностнѣйшій поборникъ протестантства, герцогъ виртембергскій, маркграфъ дурлахъ-баденскій, пфальцграфъ нейбургскій и многіе

вольные города. Изъ числа прочихъ протестантскихъ владѣтелей, курфирстъ саксонскій и ландграфъ гессенъ-дармштадтскій не приняли участія въ союзѣ, первый потому, что ожидалъ болѣе выгодъ отъ императора, а второй потому, что былъ открыто на сторонѣ послѣдняго; курфирстъ же бранденбургскій и герцоги: мекленбургскіе, померанскій и брауншвейгъ-люнебургскій остались нейтральными. Вслѣдъ за тѣмъ, въ томъ же 1610 г. бо́льшая часть католическихъ владѣтелей южной Германіи, равно майнскихъ и нижне-рейнскихъ, также составили между собою союзъ въ Вюрцбургѣ. Императоръ Рудольфъ II, хотя глава имперіи и католической Германіи, не участвовалъ однако въ союзѣ, и католики ввѣрили всѣ свои военныя силы и средства сильнѣйшему послѣ него изъ католическихъ владѣтелей, герцогу Максиміліану баварскому. Въ слѣдующемъ 1611 году на престолъ имперіи вступилъ эрцъ-герцогъ Матѳей. Дѣйствуя по внушеніямъ іезуитовъ, онъ воздвигъ новое, сильнѣйшее гоненіе противъ протестантскихъ жителей владѣній австрійскаго дома: Моравіи, Силезіи, Лузаціи, верхней Австріи и особенно Богеміи. Въ этой послѣдней странѣ, въ которой уже въ XV вѣкѣ Іоаннъ Гусъ и его послѣдователи распространили новое ученіе о вѣрѣ, число протестантовъ, со времени реформаціи, увеличивалось безпрестанно. Причиною тому была ненависть къ католикамъ и въ особенности къ австрійскому дому, который поддерживалъ ихъ, жестоко преслѣдуя протестантовъ, и постоянно стремился къ утвержденію за собою наслѣдственнымъ образомъ избранія членовъ его въ короли Богеміи. Вскорѣ обстоятельство, маловажное въ началѣ, повлекло за собою необыкновенно важныя послѣдствія. Основываясь на данной имъ Рудольфомъ II граматѣ Величества (Majestäts-Brief), богемскіе протестанты соорудили храмы свои, между прочимъ, на земляхъ двухъ католическихъ духовныхъ владѣтелей. Храмы эти были разрушены послѣдними и дѣло это рѣшено императоромъ въ пользу католиковъ. Тогда чехи, возбужденные графомъ Турномъ, ревностнымъ поборникомъ протестантства и политической независимости Богеміи и непримиримымъ врагомъ императора и австрійскаго дома, явно возстали въ Прагѣ (23 мая 1618 года), низвергли императорское правительство, изгнали іезуитовъ, учредили временное правленіе и начали вооружаться. Вскорѣ вся Богемія была въ полномъ возстаніи; слѣдуя примѣру чеховъ, и протестанты Моравіи, Силезіи, Лузаціи и верхней Австріи волновались и готовились также возстать. Мѣры кротости уже не были въ состояніи усмирить чеховъ, и императоръ нашелся принужденнымъ прибѣгнуть къ оружію.

Обстоятельства удивительнымъ образомъ благопріятствовали чехамъ. Всѣ выгоды были на ихъ сторонѣ. Императоръ находился въ самомъ трудномъ положеніи: сверхъ возстанія чеховъ и безпокойствъ между жителями самой Вѣны, венгерцы угрожали совершеннымъ отложеніемъ отъ австрійскаго дома, финансы государственные были разстроены, а главное—войскъ было мало и тѣ находились на западѣ или югѣ, либо были разсѣяны по отдаленнымъ гарнизонамъ. Напротивъ чехи, приступивъ немедленно къ поголовному вооруженію всѣхъ жителей свыше 20-лѣтняго возраста, вскорѣ собрали до 30 т. войскъ, ввели гарнизоны свои во всѣ города Богеміи, исключая Пильзена, Будвейса и Крумау, оставшихся на сторонѣ императора. Сверхъ того они были еще усилены войсками извнѣ. Въ то самое время, когда они возстали, графъ Мансфельдъ набиралъ на Рейнѣ войска для герцога савойскаго. Послѣдній, не имѣя болѣе надобности въ нихъ, уступилъ ихъ союзу германскихъ протестантовъ, который, принимая живѣйшее, хотя и тайное, участіе въ возстаніи чеховъ, отправилъ Мансфельда съ набраннымъ имъ 4-тысячнымъ отрядомъ войскъ въ Богемію. Въ Силезіи и герцогствѣ брауншвейгскомъ вербовались также войска для чеховъ. Протестантскіе владѣтели Германіи, особенно курфирстъ бранденбургскій и герцогъ саксенъ-веймарскій, не присоединяясь открыто къ чехамъ противъ императора, начали тайно поддерживать ихъ и помогать имъ. Нѣкоторые изъ этихъ владѣтелей, равно и Нидерланды, обѣщали имъ денежныя пособія. Наконецъ чехи надѣялись на содѣйствіе протестантовъ Моравіи, Силезіи, Лузаціи и верхней Австріи, трансильванскаго князя Бетлемъ-Габора и даже Турціи.

§ 10.

Дѣйствія въ 1618 году.

Не смотря на всѣ выгоды своего положенія и благопріятствовавшія обстоятельства, чехи не умѣли воспользоваться ими. Вмѣсто того, чтобы держать свои силы въ совокупности, дѣйствовать быстро и рѣшительно, разбивать императорскія войска по частямъ и не позволять имъ утверждаться и усиливаться въ Богеміи, они сдѣлали имен-

но противное. Имѣя въ виду прежде всего овладѣть Пильзеномъ, Будвейсомъ и Крумау, они раздѣлили свои силы: Мансфельдъ съ частію войскъ долженъ былъ дѣйствовать на лѣвой, а Турнъ съ главными силами на правой сторонѣ Молдавы. Первый осадилъ Пильзенъ, а послѣдній взялъ Крумау и осадилъ Будвейсъ. Но и Пильзенъ, и Будвейсъ были такъ сильны мѣстностью и укрѣпленіями и столь упорно обороняемы, что чехи долго не могли овладѣть ими. Это дало императору время собрать около 10 т. войскъ, которыя и двинулись подъ начальствомъ Дампіера изъ Моравіи въ Богемію, для освобожденія Будвейса. Турнъ, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать противъ нихъ рѣшительно и стараться разбить ихъ прежде прибытія другихъ войскъ, ограничился оборонительными противъ нихъ дѣйствіями. Вскорѣ при Часлау произошло сраженіе и Дампіеръ отступилъ въ Моравію, на соединеніе съ императорскими войсками, прибывшими изъ нидерландовъ подъ начальствомъ графа Бюкуа (Buquoi). По соединеніи Дампіера и Бюкуа, они двинулись въ Богемію по обѣимъ сторонамъ р. Сассавы, имѣя въ виду проникнуть до Праги, но были принуждены отказаться отъ этого и укрыться въ укрѣпленномъ лагерѣ подъ стѣнами Будвейса. Не отваживаясь атаковать ихъ въ немъ, Турнъ двинулся на встрѣчу 6 т. войскъ, набранныхъ въ Силезіи и шедшихъ подъ начальствомъ графа іегерндорфскаго изъ Силезіи въ Богемію. Пользуясь удаленіемъ его, Бюкуа произвелъ внезапное нападеніе на Нейгаузъ. Но Турнъ, соединившійся уже съ силезцами, успѣлъ во-время прибыть на помощь Нейгаузу, и Бюкуа былъ принужденъ возвратиться къ Будвейсу. Затѣмъ Турнъ, для ободренія чеховъ и возбужденія моравовъ къ открытому возстанію, произвелъ набѣгъ въ Моравію и изъ нея въ самую Австрію, и возвратился съ богатою добычей. Этотъ набѣгъ и взятіе Мансфельдомъ (въ ноябрѣ) Пильзена, послѣ продолжительной и трудной осады и кровопролитнаго приступа, были послѣдними военными дѣйствіями въ 1618 году.

§ 11.

Дѣйствія въ 1619 году.

Смерть императора Матѳея и вступленіе на престолъ имперіи Фердинанда II послужили знакомъ къ открытому возстанію моравовъ и силезцовъ. Они заключили союзъ съ чехами и осадили Ольмюцъ. Вскорѣ Турнъ, оставивъ Мансфельда съ частію войскъ въ Богеміи, самъ съ 15 т. войскъ вступилъ въ Моравію, занялъ Иглау, Требницъ, Цнаймъ, овладѣлъ, послѣ продолжительной осады, Лаабомъ и, усилившись моравскими и силезскими войсками, двинулся въ Австрію, перешелъ въ Фишамюнде черезъ Дунай и, подступивъ къ Вѣнѣ, началъ бомбардировать ее. Турнъ имѣлъ въ Вѣнѣ многихъ сообщниковъ, войскъ въ городѣ почти вовсе не было, народъ волновался и самая жизнь императора находилась въ опасности. Но Бюкуа, усиленный прибывшими изъ Венгріи и Нидерландовъ подкрѣпленіями, отрядилъ уже на помощь Вѣнѣ Дампіера съ частію войскъ, а самъ съ главными силами обратился противъ Мансфельда. Прибытіе Дампіера спасло и Вѣну, и императора. Бюкуа же, напавъ внезапно на передовой отрядъ Мансфельда, разбилъ его и привелъ войска послѣдняго въ такой ужасъ, что они въ безпорядкѣ бѣжали въ Прагу и, запершись въ ней, приготовились къ оборонѣ. Бюкуа, подступивъ вслѣдъ за ними къ Прагѣ, принудилъ тѣмъ Турна поспѣшить въ Богемію, не извлекши никакой пользы изъ движенія своего къ Вѣнѣ. По возвращеніи Турна въ Богемію, Бюкуа отступилъ къ Будвейсу. Дампіеръ же, по удаленіи Турна, произвелъ набѣгъ на Моравію, но претерпѣлъ пораженіе.

Такимъ образомъ чехи вторично не умѣли воспользоваться выгодами своего положенія, возстаніемъ Моравіи и Силезіи и беззащитностью Вѣны. Вмѣсто того, чтобы соединиться съ моравами и силезцами, собрать сколько можно большія силы, держать ихъ въ совокупности, дѣйствовать самымъ рѣшительнымъ наступательнымъ образомъ, не позволять императору усиливаться, разбивать войска его по частямъ и, такъ сказать, силою оружія завоевать свою независимость,—чехи прибѣгли къ мѣрамъ политическимъ, которыя не только не могли спасти, а напротивъ должны были погубить ихъ. Въ августѣ они объявили императора лишеннымъ правъ на престолъ Богеміи и избрали королемъ своимъ Фридриха, курфирста пфальцскаго, какъ сильнаго протестантскаго государя, владѣнія котораго примыкали къ Богеміи. Но слабодушный и безпечный Фридрихъ нимало не былъ способенъ управлять чехами въ столь трудное для нихъ время и оставался въ совершенномъ бездѣйствіи, тогда какъ слѣдовало употребить наибольшее напряженіе силъ. Сверхъ избранія Фридриха, чехи заключили союзъ съ Бетлемъ-Габоромъ. Но и это не могло принести имъ большой пользы. Бетлемъ-Габоръ велъ войну

противъ императора съ цѣлію отторженія Венгріи и заботился болѣе о собственныхъ выгодахъ, нежели о содѣйствіи богемцамъ. Вторгнувшись въ Венгрію, онъ осадилъ Пресбургъ и угрожалъ Вѣнѣ. Бюкуа, оставивъ въ Богеміи необходимые гарнизоны, поспѣшилъ на помощь Вѣнѣ и, собравъ около 12 т. войскъ, расположился съ ними въ укрѣпленномъ лагерѣ на лѣвомъ берегу Дуная, ниже Вѣны, тыломъ къ рѣкѣ (что тогда считалось сильнѣйшимъ оборонительнымъ расположеніемъ). Турнъ двинулся вслѣдъ за нимъ, соединился съ 10 т. вспомогательныхъ войскъ Бетлемъ-Габора и, имѣя всего около 26 т. войскъ, тщетно пытался овладѣть укрѣпленнымъ лагеремъ графа Бюкуа. Вскорѣ Бетлемъ-Габоръ, узнавъ, что противъ него собираются на границахъ Польши войска, отозвалъ изъ арміи Турна вспомогательный отрядъ свой, а къ концу года заключилъ съ императоромъ миръ. Ослабленный удаленіемъ войскъ Бетлемъ-Габора и терпя крайній недостатокъ въ продовольствіи, Турнъ возвратился въ Богемію—снова безъ пользы и успѣха.

§ 12.

Дѣйствія въ 1620 году.

Наступившій третій годъ войны былъ ознаменованъ совершеннымъ бездѣйствіемъ чеховъ и ихъ союзниковъ, между тѣмъ какъ императоръ, являя неимовѣрную дѣятельность и искусную политику, успѣлъ уже значительно усилиться какъ войсками, такъ и привлеченіемъ на свою сторону герцога баварскаго и союза католиковъ. При Донаувертѣ была собрана католическая армія, а 20 т. испанскихъ войскъ, подъ начальствомъ Спинолы, двигались изъ Нидерландовъ вверхъ по Рейну для покоренія нижняго Пфальца. Союзъ протестантовъ съ своей стороны собралъ главныя свои силы при Ульмѣ, а часть силъ выставилъ въ нижнемъ Пфальцѣ противъ Спинолы. Но императоръ и Франція искусно умѣли склонить протестантовъ къ распущенію ихъ войскъ и тѣмъ обезоружили ихъ. Тогда католическая армія двинулась (въ августѣ), подъ предводительствомъ герцога баварскаго, въ верхнюю Австрію, усмирила въ ней протестантовъ и овладѣла Линцомъ. Затѣмъ, соединившись съ императорскими войсками подъ начальствомъ Бюкуа, герцогъ баварскій съ 50 т. войскъ вступилъ въ Богемію. Фридрихъ, имѣвшій не болѣе 20 т. чешскихъ войскъ и 10 т. вспомогательныхъ Бетлемъ-Габора, уже снова воевавшаго противъ императора, отступилъ къ Пильзену, гдѣ находился Мансфельдъ съ своимъ отрядомъ. Безпорядокъ въ чешской арміи былъ неимовѣрный: начальники ея находились въ безпрерывной враждѣ и раздорахъ между собою, войска не повиновались имъ, терпя крайній недостатокъ въ продовольствіи, грабили край, и въ довершеніе всего—заразительныя болѣзни жестоко опустошали ряды ихъ. Наконецъ чешская армія двинулась чрезъ Раконицъ къ Прагѣ; но Мансфельдъ, негодуя на то, что не былъ избранъ главнокомандующимъ надъ нею, остался съ своимъ отрядомъ въ Пильзенѣ. Герцогъ баварскій, войска котораго не менѣе чеховъ грабили край и страдали отъ заразительныхъ болѣзней, двинулся вслѣдъ за чешскою арміею, но медленно, по причинѣ нерѣшительности Бюкуа и медленности движенія его. При Раконицѣ онъ искусно обошелъ чешскую армію, имѣя въ виду предупредить ее въ Прагѣ. Это принудило Фридриха поспѣшить отступленіемъ. Прибывъ къ Прагѣ и опасаясь, чтобы буйныя и своевольныя войска его, будучи введены въ городъ, не предались въ немъ безпорядкамъ и не разграбили его, Фридрихъ расположилъ ихъ при Бѣлой горѣ (Вейссенбергѣ, къ западу отъ Праги), тыломъ къ городу, и началъ устроивать укрѣпленія. Но едва только 3 изъ нихъ были приведены къ окончанію, какъ соединенная императорско-католическая армія, въ которой было около 20 т. чел. пѣхоты и 5 т. челов. конницы, атаковала чешскую армію, имѣвшую по инымъ около 34 т., а по другимъ отъ 20 до 25 т. войскъ. Съ одной стороны—слабодушіе, безпечность и неспособность Фридриха, несогласіе начальниковъ войскъ его и разнородность состава, совершенное отсутствіе порядка и малодушіе самыхъ войскъ, а съ другой стороны—рѣшительность и искуство дѣйствій герцога баварскаго и Тилли и храбрость войскъ ихъ были причиною, что въ прошедшемъ (8-го ноября 1620 г.) сраженіи при Бѣлой горѣ чешская армія была разбита совершенно. Значительная часть оной погибла въ Молдавѣ, остальная была истреблена либо взята въ плѣнъ. Фридрихъ спасся бѣгствомъ въ Силезію, а оттуда въ Бранденбургію. Прага же на другой день сраженія сдалась герцогу баварскому.

Побѣда при Бѣлой горѣ рѣшила войну въ Богеміи и участь самой Богеміи. Войска императорскія и католическія разсѣялись по всему пространству Богеміи и вскорѣ покорили всѣ города оной, Одинъ Мансфельдъ

держался еще довольно долго въ Пильзенѣ, но наконецъ принужденъ былъ съ небольшимъ остаткомъ войскъ своихъ удалиться въ верхній Пфальцъ. Моравія была также усмирена, а курфирстъ саксонскій покорилъ Силезію власти императора и присоединилъ къ своимъ владѣніямъ Лузацію.

Фердинандъ II не ограничился покореніемъ Богеміи и жестокимъ наказаніемъ чеховъ. Онъ самовластно объявилъ Фридриха и весь его родъ лишенными пфальцскихъ наслѣдственныхъ владѣній ихъ и поручилъ испанскимъ, католическимъ и своимъ войскамъ покорить верхній и нижній Пфальцъ.

II.

Война въ верхнемъ и нижнемъ Пфальцѣ, на Майнѣ и Рейнѣ (1621—1622 г.).

§ 13.

Дѣйствія въ верхнемъ и нижнемъ Пфальцѣ (1621 г.).

Нижній Пфальцъ уже въ концѣ 1620 года былъ занятъ испанскою арміею Спинолы, которая оставалась въ немъ и въ 1621 г., грабя и опустошая сосѣдственныя протестантскія владѣнія, взимая съ нихъ огромныя денежныя контрибуціи и крайне притѣсняя жителей ихъ. Союзъ германскихъ протестантовъ, побуждаемый Англіею, Нидерландами, Даніею и Швеціею, хотѣлъ принять рѣшительныя мѣры противъ императора и союза католиковъ, но терялъ время въ совѣщаніяхъ и переговорахъ, которые ни къ чему не вели. Вскорѣ политика императора умѣла снова обезоружить его. Нижній Пфальцъ остался занятымъ испанскими войсками, а въ верхній вступилъ герцогъ баварскій, по совершенномъ покореніи Богеміи. Мансфельдъ, которому Фридрихъ ввѣрилъ всѣ свои силы и средства и оборону родовыхъ своихъ владѣній, набралъ войска въ верхнемъ Пфальцѣ и держался въ немъ нѣсколько времени противъ герцога баварскаго. Но наконецъ онъ былъ принужденъ отступить къ Неймаркту и съ 18 тыс. войскъ пошелъ въ нижній Пфальцъ, соединился въ немъ (въ октябрѣ) съ нидерландскими войсками и принудилъ испанцовъ очистить значительную часть онаго и отступить къ Майну. Затѣмъ онъ занялъ укрѣпленный городъ Гагенау, сдѣлавшійся съ тѣхъ поръ главнымъ складочнымъ мѣстомъ его и опорою его дѣйствій, и утвердился на лѣвой сторонѣ Рейна, имѣя противъ себя, съ одной стороны—Спинолу съ испанскими войсками на Майнѣ, а съ другой—графа Тилли съ императорскими и католическими войсками, которыя, по покореніи верхняго Пфальца, расположились на Неккарѣ между Гейльбронномъ и Гейдельбергомъ.

§ 14.

Дѣйствія на Майнѣ и Рейнѣ (1622 г.).

Въ 1622 г. принцъ Христіанъ брауншвейгскій, бывшій администраторъ галберштадтскій, и маркграфъ дурлахъ-баденскій, каждый набравъ до 20 т. войскъ, а послѣдній сверхъ того, дабы не подвергнуть наслѣдниковъ своихъ участи Фридриха, передавъ имъ свои владѣнія, двинулись съ сѣвера и юга къ Майну на соединеніе съ Мансфельдомъ. Послѣдній перешелъ для этого на правую сторону Рейна, устроилъ при Вислохѣ засаду и, напавъ изъ нея на Тилли, разбилъ его. Тилли отступилъ къ Неккару и двинулся на соединеніе съ испанскими войсками. Мансфельдъ же, вмѣсто того, чтобы препятствовать соединенію ихъ и облегчить собственное соединеніе съ принцемъ брауншвейгскимъ и маркграфомъ дурлахъ-баденскимъ, раздробилъ свои силы и занялся овладѣніемъ городовъ между Рейномъ и Неккаромъ. А между тѣмъ Тилли успѣлъ

соединиться съ испанскими войсками и, обратившись вверхъ по Неккару противъ маркграфа дурлахъ-баденскаго, разбилъ его при Вимпфенѣ (16-го мая) прежде нежели Мансфельдъ успѣлъ прибыть къ нему на помощь. Остатки войскъ маркграфа дурлахъ-баденскаго присоединились къ Мансфельду, но вскорѣ были распущены.

Пока эти дѣйствія происходили на Неккарѣ, принцъ брауншвейгскій былъ удерживаемъ испанскими войсками, прикрывавшими нижне-рейнскія католическія земли, и отрядомъ, посланнымъ противъ него графомъ Тилли. Долго ограничивался онъ только опустошеніемъ епископствъ мюнстерскаго и падерборнскаго. Когда же дѣйствія нидерландцовъ отвлекли испанскія войска къ Нидерландамъ, тогда онъ двинулся къ Майну, въ намѣреніи перейдти черезъ него и на лѣвой его сторонѣ соединиться съ Мансфельдомъ. Но Мансфельдъ былъ уже отозванъ на лѣвую сторону Рейна осадою Гагенау эрцъ-герцогомъ Леопольдомъ, прибывшимъ изъ Брейзгау съ 6 т. войскъ. Тилли напалъ на принца брауншвейгскаго съ тыла въ то самое время, когда онъ переходилъ при Гёхстѣ черезъ Майнъ, и разбилъ его совершенно. Остатки войскъ принца брауншвейгскаго бросились на соединеніе съ Мансфельдомъ, который между тѣмъ разбилъ авангардъ эрцгерцога Леопольда, принудилъ послѣдняго снять осаду Гагенау и возвратиться въ Брейзгау (съ частію своихъ войскъ, остальная часть которыхъ перешла въ службу Мансфельда), затѣмъ перешелъ снова на правую сторону Рейна и двинулся къ Дармштадту, имѣя въ виду соединиться съ принцомъ брауншвейгскимъ. Но здѣсь онъ нашелъ уже путь къ Майну прегражденнымъ войсками Тилли и, отраженный ими, возвратился на лѣвую сторону Рейна съ 18 т. войскъ, число которыхъ ежедневно уменьшалось отъ побѣговъ и болѣзней.

Такимъ образомъ Тилли, держа силы свои въ совокупности, успѣлъ воспрепятствовать соединенію 60 т. протестантскихъ войскъ, дѣйствовавшихъ раздѣльно съ трехъ различныхъ сторонъ, разбить по частямъ 40 т. войскъ маркграфа дурлахъ-баденскаго и принца брауншвейгскаго, и удержаться въ нижнемъ Пфальцѣ. Затѣмъ Фридрихъ, потерявъ надежду покорить обратно свои владѣнія, рѣшился поручить судьбу свою великодушію императора и приказалъ Мансфельду распустить его войска. Но такъ какъ эти войска принадлежали не Фридриху, а Мансфельду, набравшему ихъ, то послѣдній и продолжалъ дѣйствовать въ нижнемъ Пфальцѣ до тѣхъ поръ, пока недостатокъ продовольствія и успѣхи императорскихъ и католическихъ войскъ не принудили его наконецъ удалиться изъ нижняго Пфальца. Опустошивъ Эльзасъ и Лотарингію, онъ двинулся къ сѣверу, черезъ владѣнія курфирста трирскаго, къ границамъ Франціи и Нидерландовъ, къ Мецу. Испанскія войска подъ начальствомъ Кордовы послѣдовали за нимъ къ Люксембургу, прикрывая нижнерейнскія католическія владѣнія. Мансфельдъ остановился на границахъ Франціи, опустошая окрестности Музона и Бомона. Франція начала собирать противъ него войска, чтобы препятствовать вторженію его въ ея предѣлы, а между тѣмъ, какъ она, такъ Нидерланды, Испанія и Венеціянская республика старались склонить Мансфельда къ поступленію въ ихъ службу. Согласившись на предложеніе Нидерландовъ, Мансфельдъ двинулся по лѣвой сторонѣ Мааса къ ихъ границамъ, имѣя не болѣе 10 т. войскъ, между тѣмъ, какъ на границѣ Франціи противъ него были уже собраны 25 т. войскъ, а съ другой стороны Кордова съ испанскими войсками шелъ къ Намюру, чтобы преградить ему путь въ Нидерланды. Однако же Мансфельду удалось вступить въ нихъ и Кордова настигнулъ только арріергардъ его, который и разбилъ (9-го мая) при Флёрюсѣ. Такимъ образомъ Мансфельдъ только съ 7 т. войскъ присоединился въ Бредѣ къ арміи принца Оранскаго. По выступленіи Мансфельда изъ нижняго Пфальца, страна эта была вскорѣ совершенно покорена императорскими и католическими войсками. Затѣмъ императоръ самовольно возвелъ герцога баварскаго въ курфиршеское достоинство, отдалъ ему Пфальцъ и рѣшился перенести войну въ сѣверную Германію, гдѣ курфирстъ бранденбургскій и герцоги: мекленбургскіе, брауншвейгскій и померанскій открыто вооружались противъ него, въ защиту правъ германскихъ владѣтелей и основныхъ учрежденій имперіи. Съ этою цѣлію армія Тилли съ береговъ Неккара двинута была къ Везеру, подъ предлогомъ вспомоществованія Испаніи въ войнѣ ея съ Нидерландами.

III.

Война на Везерѣ, въ Саксоніи, Силезіи и Моравіи (1623—1626 г.).

§ 15.

Дѣйствія на Везерѣ (1623 г.).

Между тѣмъ, какъ Мансфельдъ съ новонабранными войсками нидерландскихъ штатовъ опустошалъ католическія земли по лѣвую сторону Везера, принцъ Христіанъ брауншвейгскій съ войсками, набранными имъ для Нидерландовъ, и съ арміею, вооруженною союзомъ протестантскихъ государей сѣверной Германіи (всего около 25 т. чел.), расположился за р. Веррою, около Гёттингена. Тилли перешелъ черезъ Верру и двинулся съ одною частію своей арміи противъ принца брауншвейгскаго съ фронта, а другую направилъ въ обходъ его лѣваго фланга. Но принцъ брауншвейгскій разбилъ сперва одну, а потомъ другую. Не смотря на эту побѣду, императоръ мѣрами политическими успѣлъ устрашить протестантовъ сѣверной Германіи и довесть ихъ до того, что они распустили свою армію. Тогда принцъ брауншвейгскій двинулся съ оставшимися у него войсками Нидерландовъ чрезъ Равенсбергъ и Ніенбургъ на соединеніе съ Мансфельдомъ. Тилли преслѣдовалъ его, настигнулъ и разбилъ близъ Ніенбурга, при Агаузѣ (6-го августа 1623 г.), такъ, что изъ всѣхъ войскъ принца брауншвейгскаго только 6 т. успѣли соединиться съ нидерландскою арміею. Затѣмъ Тилли расположился на зиму въ гессенъ-кассельскихъ владѣніяхъ, а испанскія войска—въ герцогствѣ юлихскомъ. Мансфельдъ же продолжалъ еще нѣсколько времени опустошать епископства оснабрюкское и падерборнское.

§ 16.

Дѣйствія на Везерѣ, въ Саксоніи, Силезіи и Моравіи (1624—1626 г.).

Въ продолженіи 1624 года ведены были дѣятельные переговоры между протестантскими владѣтелями сѣверной Германіи, Франціею, Нидерландами, Англіею, Даніею и Швеціею. Наконецъ стараніями Франціи, Англіи и Нидерландовъ составленъ былъ противъ императора новый союзъ. Главное начальствованіе надъ войсками онаго союзники хотѣли первоначально ввѣрить Густаву-Адольфу, но требованія его показались не довольно умѣренными, и тогда король датскій Христіанъ IV принялъ на себя важное званіе, къ которому нимало не былъ способенъ. Англія приняла Мансфельда и принца брауншвейгскаго въ свою службу и поручила имъ 16 т. войскъ, съ которыми они сдѣлали высадку въ Нидерланды, двинулись къ Везелю на Рейнѣ и въ ноябрѣ 1625 года присоединились къ королю датскому. Со включеніемъ этихъ 16 т., силы союза простирались до числа 60 т. войскъ. Изъ нихъ около 4,000 король датскій безполезно размѣстилъ по гарнизонамъ, а съ 40 т. расположился въ укрѣпленномъ лагерѣ при Бременѣ, ограничиваясь веденіемъ противъ Тилли малой войны и затрудненіемъ ему способовъ продовольствованія. Не смотря на всѣ покушенія Тилли выманить его въ поле и принудить къ бою, онъ не выходилъ изъ своего лагеря. Въ этихъ дѣйствіяхъ прошелъ весь 1625 годъ. А между тѣмъ протестантамъ угрожала уже новая опасность. Имѣя въ виду дѣйствовать собственными силами, независимо отъ курфирста баварскаго и союза католиковъ, императоръ поручилъ графу Валленштейну набрать армію, для нанесенія рѣшительнаго удара протестантамъ сѣверной Германіи.

Военная слава и особенно богатство и

щедрость Валленштейна въ непродолжительномъ времени привлекли подъ знамена его до 29 т. войскъ, число которыхъ впослѣдствіи увеличилось еще значительно. Содержаніе набранной Валленштейномъ арміи не стоило императору ничего; но за то вся тягость его лежала на томъ краю, гдѣ армія эта была расположена или дѣйствовала.

Валленштейнъ рѣшился дѣйствовать отдѣльно отъ Тилли, противъ лѣваго фланга и сообщеній короля датскаго, дабы тѣмъ принудить послѣдняго къ отступленію въ Данію. Славолюбивый и надменный, онъ не хотѣлъ ни съ кѣмъ раздѣлять ни власти, ни славы; сверхъ того и край по Везеру, уже истощенный, не представлялъ возможности содержать войска Тилли и Валленштейна вмѣстѣ. Весною 1626 г. Валленштейнъ вступилъ изъ Богеміи въ Саксонію, овладѣлъ переправою черезъ Эльбу при Дессау, сильно укрѣпилъ ее и, обезпечивъ такимъ образомъ сообщенія свои съ правою стороною Эльбы, двинулся противъ короля датскаго. Въ это время Мансфельдъ съ своимъ отрядомъ перешелъ во владѣніяхъ вольнаго города Любека черезъ Эльбу и вверхъ по правому ея берегу пошелъ къ Дессау, можетъ быть для того, чтобы, овладѣніемъ въ этомъ мѣстѣ переправою черезъ Эльбу, отвлечь Валленштейна отъ короля датскаго. Онъ былъ отраженъ отъ предмостнаго укрѣпленія и не могъ овладѣть переправой, но дѣйствительно принудилъ Валленштейна возвратиться къ Дессау. Перейдя здѣсь черезъ Эльбу, Валленштейнъ напалъ на Мансфельда и разбилъ его (25-го апрѣля 1626 года). Мансфельдъ началъ набирать войска въ Бранденбургіи и Силезіи, и вскорѣ, имѣя уже около 12 т. войскъ, часть оныхъ оставилъ въ Силезіи, а съ остальными двинулся черезъ Моравію къ Венгріи, на соединеніе съ Бетлемъ-Габоромъ. Страннымъ кажется, что Валленштейнъ, главною цѣлію котораго были дѣйствія противъ короля датскаго и протестантовъ сѣверной Германіи, послѣдовалъ со всею своею арміею за незначительнымъ отрядомъ Мансфельда на противуположный, отдаленный край Германіи, оставивъ только часть войскъ для охраненія Дессаусской укрѣпленной переправы. Объяснить это можно только опасностью, угрожавшею тогда австрійскому дому со стороны Бетлемъ-Габора, Мансфельда и возставшихъ снова протестантовъ верхней Австріи. Разбивъ оставленныя Мансфельдомъ въ Силезіи войска, Валленштейнъ продолжалъ идти до р. Ваага. Въ декабрѣ Бетлемъ-Габоръ примирился съ императоромъ; Мансфельдъ, принужденный распустить отрядъ свой, отправился въ Венецію, чтобы оттуда моремъ переѣхать въ сѣверную Германію, но на пути умеръ въ Зарѣ, въ Далмаціи. Протестанты же верхней Австріи были усмирены прибывшими изъ Италіи, подъ начальствомъ Паппенгейма, императорскими войсками. Такимъ образомъ движеніе Валленштейновой арміи изъ Саксоніи къ Венгріи оказалось не только безполезнымъ, но и вреднымъ въ томъ отношеніи, что, избавивъ короля датскаго отъ опасности, угрожавшей ему въ одно время со стороны Тилли и Валленштейна, почти на полтора года (до половины 1627 года) отдалило рѣшеніе войны въ сѣверной Германіи.

Армія Валленштейна расположилась на зиму въ Моравіи и по Дунаю. А король датскій, въ теченіи 1626-го года, продолжалъ дѣйствовать противъ Тилли точно также, какъ прежде. Но онъ велъ малую войну не довольно искусно, въ частныхъ нападеніяхъ рѣдко имѣлъ перевѣсъ въ силахъ и потому всѣ дѣла отрядовъ его съ отрядами Тилли оканчивались большею частію въ пользу послѣднихъ.

Въ маѣ 1626-го г. онъ двинулся къ Эльбѣ, на помощь Мансфельду, но прибылъ къ Дессау тогда, когда Мансфельдъ и за нимъ Валленштейнъ слѣдовали уже чрезъ Силезію и Моравію къ Венгріи. Король датскій отрядилъ часть своихъ войскъ для атакованія Дессаускаго предмостнаго укрѣпленія; но оставленныя въ немъ Валленштейномъ войска успѣли быть во время подкрѣплены Тилліемъ, и отрядъ короля датскаго былъ разбитъ. Затѣмъ король датскій возвратился въ брауншвейгское герцогство и занялся осадою Каленберга и нѣкоторыхъ другихъ небольшихъ городовъ. Тилли, съ своей стороны осаждавшій Гёттингенъ, послалъ часть войскъ для освобожденія Каленберга. Датчане сняли осаду этого города и пошли на встрѣчу отряду Тиллія, но въ кавалерійскомъ дѣлѣ при Рессингѣ были разбиты и опрокинуты за р. Лейне. Вскорѣ Гёттингенъ сдался и Тилли готовился осадить Нордгеймъ, когда узналъ о приближеніи короля датскаго со всею арміею со стороны Зеезена. Вслѣдствіе того онъ отступилъ къ Ангерштейну, на соединеніе съ отрядомъ войскъ, посланнымъ въ подкрѣпленіе ему изъ арміи Валленштейна. Соединившись съ нимъ, Тилли двинулся противъ короля датскаго, дошедшаго между тѣмъ до Дудерштадта. Но, избѣгая боя, король датскій началъ отступать чрезъ Зеезенъ къ Вольфенбютелю и, настигнутый наконецъ Тилліемъ при Лютеръ-амъ-Баренбергѣ, былъ атакованъ имъ съ фронта, между тѣмъ, какъ часть войскъ Тилли обошла его съ лѣваго фланга, а другая съ праваго и атаковала его съ тылу. Въ произшедшемъ вслѣдствіе того сраженіи (26-го августа 1626-го года) король датскій былъ разбитъ и съ остатками своей арміи отступилъ чрезъ Лауенбургъ къ Штаде. Здѣсь онъ началъ набирать новыя войска, укрѣплять пункты на нижней Эльбѣ и готовиться къ оборонѣ Голштиніи. Мѣсяцъ спустя послѣ сраженія,

онъ имѣлъ уже около 22 т. войскъ. Между тѣмъ Тилли покорялъ постепенно всѣ пункты на лѣвой сторонѣ Эльбы.

Слѣдствіемъ пораженія короля датскаго и отступленія его въ Гольштинію было то, что курфирстъ бранденбургскій и герцогъ брауншвейгскій отложились отъ союза протестантовъ.

IV.

Война въ сѣверной Германіи, на берегахъ Балтійскаго моря (1627—1629).

---

§ 17.

Дѣйствія въ Голштиніи, Мекленбургѣ и Помераніи (1627 г.).

Въ 5 лѣтъ времени (1621—1626 г.) успѣхи оружія и искусная политика императора разрушили всѣ усилія, разторгли всѣ союзы протестантовъ и заставили бо́льшую часть послѣднихъ смириться передъ нимъ. Оставались одни владѣтели Мекленбурга и Помераніи и король датскій. Упоенный одержанными успѣхами и не зная мѣры своимъ честолюбивымъ замысламъ, императоръ не ограничивался уже распространеніемъ своей власти надъ Германіею. Онъ рѣшился завоевать берега Балтійскаго моря и пріобрѣсть господство на немъ, перевѣсъ надъ 4-мя сѣверными морскими державами: Англіею, Нидерландами, Даніею и Швеціею, и политическое первенство въ Европѣ. Вслѣдствіе того, въ началѣ 1627-го года, между тѣмъ, какъ отряды императорскихъ войскъ и герцога люнебургскаго, принявшаго сторону императора, опустошали Мекленбургъ и Бранденбургію, армія Тилли, перейдя черезъ Эльбу между Бойценбургомъ и Лауенбургомъ, вступила въ Голштинію. При пособіи морскихъ державъ и нѣкоторыхъ протестантскихъ владѣтелей, король датскій успѣлъ уже собрать до 40 т. войскъ и довольно долго держался противъ Тилли, упорно защищаясь на каждомъ шагу. Но въ половинѣ 1627-го года Валленштейнъ, армія котораго усилилась уже до числа 100 т. войскъ, двинулся черезъ Силезію въ Брандебургію, разоряя на пути край и взимая съ него непомѣрныя денежныя контрибуціи. Отрядивъ Арнгейма съ частію войскъ въ Померанію, а Шлика съ другою частію въ Мекленбургъ, Валленштейнъ присоединилъ къ себѣ отрядъ герцога люнебургскаго и вступилъ съ главными своими силами въ Ютландію. Между тѣмъ Тилли разбилъ (17 октября) короля датскаго при Альбургѣ, но, по прибытіи Валленштейна въ Ютландію, былъ отправленъ имъ на лѣвую сторону Эльбы, подъ предлогомъ окончательнаго утвержденія власти императора въ тылу арміи и обезпеченія дѣйствій послѣдней со стороны Нидерландовъ. Вскорѣ Валленштейнъ очистилъ всю Ютландію и принудилъ короля датскаго отступить на острова Даніи. Къ концу года довершено было завоеваніе береговъ Балтійскаго моря, герцоги мекленбургскіе были лишены своихъ владѣній, которыя переданы императоромъ Валленштейну, въ награду за его заслуги, и во всей сѣверной Германіи независимыми отъ императора оставались только одни вольные города и держались только двѣ крѣпости: Стральзундъ и Штеттинъ.

§ 18.

Окончательныя дѣйствія на берегахъ Балтійскаго моря (1628—1629).

Успѣхи императора были неожиданно остановлены упорнымъ сопротивленіемъ Стральзунда. Этотъ сильно-укрѣпленный городъ былъ, по своему географическому положенію, чрезвычайно важенъ, какъ для императора, такъ въ особенности для Англіи, Нидерландовъ, Даніи, Швеціи и вольныхъ ганзеатическихъ городовъ. Для перваго онъ былъ ключомъ Балтійскаго моря, для морскихъ же державъ и вольныхъ городовъ — ключомъ Германіи, посредствомъ котораго они всегда могли имѣть свободный входъ въ послѣднюю. А потому они и вспомоществовали ему дѣятельно войсками, флотомъ и деньгами. Уже въ началѣ 1628 года къ Стральзунду подступилъ Арнгеймъ: но на этотъ разъ Стральзундъ откупился. Не смотря на то, Арнгеймъ вскорѣ вторично обложилъ его съ сухаго пути, не имѣя кораблей для обложенія его также и съ моря. Въ этомъ и заключалась причина постоянной неудачи дѣйствій императорскихъ войскъ противъ Стральзунда. Въ послѣдствіи самъ Валленштейнъ употребилъ всѣ свои силы и старанія для овладѣнія имъ. Потерявъ при осадѣ его, въ продолженіи 1628-го года, болѣе 12 т. войскъ, онъ съ наступленіемъ зимы превратилъ осаду въ блокаду. Въ 1629 г. (въ маѣ) Данія заключила отдѣльный миръ съ императоромъ въ Любекѣ, а Швеція союзъ съ Стральзундомъ. Густавъ-Адольфъ обязался защищать независимость Стральзунда, а послѣдній съ своей стороны—быть готовымъ на всѣ пожертвованія и содѣйствіе, которыя оказались бы нужными въ случаѣ, еслибы обстоятельства принудили шведовъ ступить на твердую землю Германіи. Вслѣдствіе этого договора, Густавъ Адольфъ подкрѣпилъ гарнизонъ Стральзунда 6-ю тысячами шведскихъ войскъ подъ начальствомъ Лесли.

Сверхъ усилій къ овладѣнію Стральзундомъ, императоръ въ продолженіи 2-хъ лѣтъ постоянно стремился къ образованію въ завоеванныхъ портахъ Балтійскаго моря сильнаго флота и къ покоренію вольныхъ ганзеатическихъ городовъ. Но всѣ усилія его остались тщетными. Еще въ декабрѣ 1627 года вольные ганзеатическіе города рѣшительно отказались доставить императору средства къ сооруженію флота и прекратить торговыя сношенія свои съ 4-мя сѣверными морскими державами. Въ теченіи 1628-го года императорскія войска овладѣли Ростокомъ и Кремпе. Это раздражило вольные города, и союзный флотъ ихъ, вмѣстѣ съ флотомъ сѣверныхъ морскихъ державъ, весьма стѣснялъ императорскія войска и препятствовалъ успѣху дѣйствій ихъ противъ Стральзунда.

§ 19.

Общій выводъ о дѣйствіяхъ въ первомъ періодѣ тридцатилѣтней войны.

И такъ война, начавшаяся усмиреніемъ возставшихъ подданныхъ императора, повела, можно сказать, къ порабощенію всей Германіи его власти. 20 лѣтъ спустя по составленіи протестантскаго и католическаго союзовъ, Фердинандъ II почти достигнулъ цѣли, предположенной, но не достигнутой Карломъ V. Реституціонный эдиктъ обязалъ протестантовъ возвратить католикамъ всѣ духовныя католическія владѣнія, со времени Пассаускаго мира поступившія во власть ихъ. Валленштейну и многочисленной его арміи поручено было привести реституціонный эдиктъ въ исполненіе. Тогда Германія, отъ границъ Швейцаріи до Балтійскаго моря и отъ Рейна до Одера покрылась войсками императорскими и католическими, и, изнемогая подъ бременемъ жесточайшихъ насильствъ, притѣсненій и грабежа, тщетно оглашалась воплями отчаянія.

Таковы были огромные успѣхи, одержанные императоромъ въ 1-мъ періодѣ тридцатилѣтней войны. Вникая внимательно въ причины этихъ успѣховъ, легко удостовѣриться можно, что онѣ заключались въ значительномъ превосходствѣ императора и католиковъ надъ протестантами, какъ въ политическихъ, такъ и въ военныхъ дѣйствіяхъ, равно и въ особенныхъ, благопріятствовавшихъ первымъ, обстоятельствахъ, не позволявшихъ европейскимъ державамъ, за исключеніемъ Даніи, принять непосредственное участіе въ войнѣ съ императоромъ. Искусная политика Фердинанда II нѣсколько разъ расторгала союзы протестантовъ, обезоруживала ихъ, усиливая въ тоже время его самаго содѣйствіемъ союза католиковъ и

даже многихъ изъ протестантскихъ владѣтелей. Между тѣмъ какъ въ усиліяхъ протестантовъ, всегда отдѣльныхъ, частныхъ, не было ни согласія, ни единства, ни искуства, императоръ умѣлъ совокупность всѣхъ своихъ силъ устремлять постоянно, непрерывно, съ единствомъ и рѣшительностью, къ одной общей цѣли. И полководцы, которымъ ввѣрены были войска императорскія и католическія: герцогъ баварскій, Тилли и Валленштейнъ, дѣйствовали въ томъ же духѣ. Совокупность усилій, единство, рѣшительность и искуство дѣйствій ихъ рѣшили войну въ Богеміи, въ верхнемъ и нижнемъ Пфальцѣ и покорили эти страны власти императора. Они были причиною отдѣльнаго пораженія принца брауншвейгскаго и маркграфа дурлахъ-баденскаго на Майнѣ и Неккарѣ, и удаленія Мансфельда въ Нидерланды. Они остановили потомъ движеніе короля датскаго въ Тюрингію и принудили его отступить сначала въ Голштинію, а потомъ въ Ютландію и на острова Даніи. Наконецъ они способствовали покоренію власти императора сѣверной Германіи и береговъ Балтійскаго моря, и оказались недостаточными только предъ соединенными усиліями сѣверныхъ морскихъ державъ и вольныхъ ганзеатическихъ городовъ, имѣвшихъ сильный флотъ и господство на морѣ, между тѣмъ, какъ всѣ усилія императора соорудить флотъ и овладѣть моремъ остались тщетными.

Изъ дѣйствій императорскихъ и католическихъ полководцевъ и войскъ, въ особенности замѣчательны: 1) движеніе герцога баварскаго въ Богемію и къ Прагѣ, исполненное совокупными силами и съ рѣшительностью и однимъ боемъ рѣшившее войну въ Богеміи; 2) совокупныя дѣйствія Тилли и испанскихъ войскъ на Майнѣ и Рейнѣ противъ 60 т. войскъ принца брауншвейгскаго, маркграфа дурлахъ-баденскаго и Мансфельда, дѣйствовавшихъ раздѣльно съ трехъ разныхъ сторонъ; 3) дѣйствія Тилли на Везерѣ противъ короля датскаго, кончившіяся пораженіемъ послѣдняго при Лутеръ-амъ-Баренбергѣ и отступленіемъ его къ нижней Эльбѣ,—и наконецъ 4) дѣйствія Тилли и потомъ Валленштейна съ фронта и преимущественно на сообщенія короля датскаго, принудившія наконецъ послѣдняго совершенно отступить въ Данію, между тѣмъ, какъ части силъ покоряли Мекленбургъ, Померанію и берега Балтійскаго моря. Одно только движеніе Валленштейна съ цѣлою арміею изъ Саксоніи къ Венгріи, вслѣдъ за отрядомъ Мансфельда, кажется не совсѣмъ свободнымъ отъ упрека потому, что главная цѣль дѣйствій была пожертвована цѣли второстепенной, побочной.

Изъ дѣйствій протестантовъ весьма немногія замѣчательны искуствомъ. Такъ двукратное движеніе Турна къ Вѣнѣ было соображено искусно, но исполнено медленно и нерѣшительно и не доставило никакой пользы. Движеніе Мансфельда къ Дессау и оттуда къ Венгріи замѣчательно тѣмъ, что отвлекло Валленштейна отъ короля датскаго и удалило его на противуположный край Германіи. Наконецъ на Везерѣ король датскій, имѣя войска не вполнѣ устроенныя и обученныя, дѣйствовалъ весьма благоразумно, располагаясь въ укрѣпленныхъ лагеряхъ, избѣгая боя, ведя малую войну и взятіемъ городовъ утверждаясь въ краю. Но, какъ сказано выше, онъ велъ малую войну не довольно искусно и вообще дѣйствовалъ довольно медленно и нерѣшительно.

Что касается до образа веденія войны вообще, то онъ былъ неправильный, неосновательный, а характеръ войны—крайне жестокій. Полководцы дѣйствовали безъ всякаго предначертанія, сообразнаго съ средствами и обстоятельствами, а какъ бы на удачу, направляясь туда, гдѣ находился непріятель, или гдѣ край представлялъ болѣе важности въ отношеніи политическомъ, либо болѣе выгодъ для содержанія войскъ, обогащенія себя грабежомъ и т. п. Арміи производили быстрыя и дальнія движенія во всѣхъ направленіяхъ, нимало не заботясь объ удержаніи края и обезпеченіи сообщеній въ тылу своемъ. Столь же мало заботились полководцы и объ обезпеченіи продовольствованія своихъ армій, которыя содержались не иначе, какъ грабежомъ. Отъ того дѣйствія армій походили болѣе на набѣги, нежели на правильную войну, и были сопряжены съ жестокимъ разореніемъ края, вслѣдствіе неправильнаго и насильственнаго сбора продовольствія и непомѣрныхъ денежныхъ контрибуцій.

При быстрыхъ и дальнихъ движеніяхъ армій встрѣчаются безпрестанныя осады или дѣйствія медленныя и нерѣшительныя передъ укрѣпленными лагерями, позиціями, городами, крѣпостями, даже самыми ничтожными. Причинами тому были: при осадахъ—недостатокъ осадныхъ принадлежностей, ошибочное либо неискусное веденіе атаки, а въ полѣ—несовершенство тактики и предразсудки времени. Такимъ образомъ крѣпости и укрѣпленные города, которыми усѣяна была Германія, укрѣпленія и особенно укрѣпленные лагери и позиціи, которые встрѣчались почти на каждомъ шагу, нерѣдко долгое время удерживали передъ собою цѣлыя арміи и бывали поводомъ къ дѣйствіямъ медленнымъ и нерѣшительнымъ. Таковы были укрѣпленные лагери: императорскихъ войскъ при Будвейсѣ въ 1618 и 1619 годахъ, подъ Вѣною, тыломъ къ Дунаю, въ 1619 г. и при Дессау въ 1626 г., а короля датскаго — на Везерѣ въ 1625, 1626 и 1627 годахъ; изъ городовъ же: въ Богеміи—Пильзенъ и Будвейсъ, въ нижнемъ Пфальцѣ — Гагенау и въ сѣверной Герма-

ніи—Стральзундъ. Дѣйствія Мансфельда на Майнѣ и Рейнѣ, Тилли и короля датскаго на Везерѣ и Валленштейна въ сѣверной Германіи состояли преимущественно изъ осадъ крѣпостей и городовъ.

Что касается жестокости, съ которою велась война, то ее не иначе можно изобразить, какъ самыми мрачными красками. По причинѣ всеобщаго религіознаго и политическаго ожесточенія и безпрерывныхъ войнъ, нравы огрубѣли, одичали, ожесточились до крайности. И войска, и полководцы этого времени носятъ на себѣ отпечатокъ этой грубости, этой дикости, этого ожесточенія, и представляютъ странное смѣшеніе блистательныхъ военныхъ доблестей съ самыми гнусными пороками. Между всѣми полководцами этого времени, Валленштейнъ, Тилли, Мансфельдъ и принцъ Христіанъ брауншвейгскій суть тѣ, характеры которыхъ обозначены наиболѣе рѣзкими чертами. Военныя доблести ихъ помрачались: въ Валленштейнѣ—необыкновеннымъ высокомѣріемъ и честолюбіемъ, въ Тилли—кровожадностью и даже звѣрствомъ, а въ Мансфельдѣ и принцѣ брауншвейгскомъ—крайнею безнравственностью, жестокостью и соединеніемъ всѣхъ, болѣе или менѣе свойственныхъ военнымъ людямъ этого времени, порочныхъ страстей.

ГЛАВА IV.

ВТОРОЙ ПЕРІОДЪ ТРИДЦАТИЛѢТНЕЙ ВОЙНЫ, СО ВРЕМЕНИ ПРИБЫТІЯ ГУСТАВА-АДОЛЬФА ВЪ ГЕРМАНІЮ ДО СРАЖЕНІЯ ПРИ НЁРДЛИНГЕНѢ ВКЛЮЧИТЕЛЬНО (1630—1634).

I.

Война со времени прибытія Густава-Адольфа въ Германію до сраженія при Брейтенфельдѣ или Лейпцигѣ включительно (1630—1631).

§ 20.

Политическое состояніе Германіи и Европы въ 1630 г.

Самовластіе и насильственныя мѣры императора возбудили противъ него всеобщее неудовольствіе народовъ и государей Германіи, не только протестантскихъ, но и католическихъ. И тѣ и другіе съ безпокойствомъ взирали на распространеніе силы и власти его, и на честолюбивые его замыслы, угрожавшіе сокрушеніемъ политической независимости Германіи. Бо́льшая часть протестантскихъ владѣтелей принуждена была покориться силѣ; нѣкоторые изъ нихъ, забывая пользу общую и надѣясь на частныя для себя выгоды, находились даже въ союзѣ съ императоромъ; другіе тщетно старались оградить себя неутралитетомъ; иные наконецъ, и именно ландграфъ гессенъ-кассельскій и герцогъ брауншвейгъ-люнебургскій, равно вольные города Гамбургъ и Любекъ, не переставали сильно враждовать противъ императора. Стральзундъ, съ помощію сѣверныхъ морскихъ державъ, особенно Швеціи и вольныхъ городовъ, держался еще на берегахъ Балтійскаго моря, а въ средней Германіи Магдебургъ дерзнулъ даже явно возстать и вооружиться противъ императора. Но, вообще Германія, покоряясь силѣ, не имѣла ни возможности ни рѣшимости возстать за свои права и независимость.

Бо́льшая часть европейскихъ державъ не

могла оказать ей помощи. Англія была занята внутренними смутами, Нидерланды — войною съ Испаніей, Испанія — войною съ Нидерландами и въ сѣверной Италіи съ Франціей; Данія только что заключила отдѣльный миръ съ императоромъ. Оставались Франція и Швеція. Первая изъ нихъ содѣйствовала сначала императору; но когда война въ Германіи приняла рѣшительный оборотъ въ пользу его, тогда кардиналъ Ришельё, утвердившій уже между тѣмъ во Франціи монархическую власть, положилъ поддерживать въ Германіи протестантовъ и, ослабивъ австрійскій домъ, возвысить Францію. Такъ какъ Франція, держава католическая, не могла явно принять стороны протестантовъ, то Ришельё и рѣшился возбудить къ войнѣ противъ императора—Швецію, державу протестантскую, имѣвшую достаточные поводы и причины къ этой войнѣ, и внутреннее состояніе которой, особенно же высокія дарованія короля ея, Густава-Адольфа, служили вѣрною порукою въ успѣхѣ вмѣшательства ея въ эту войну. Съ этою цѣлію, стараніями кардинала Ришельё, война между Швеціею и Польшею была прекращена еще въ 1629 г. перемиріемъ, заключеннымъ на 6 лѣтъ, и Швеція рѣшилась объявить императору войну.

§ 21.

Состояніе Швеціи;—причины и поводы ея къ войнѣ;—планъ войны;—приготовленія къ войнѣ и предположеніе первоначальныхъ военныхъ дѣйствій въ Германіи.

Швеція, государство малонаселенное и небогатое, не въ состояніи была бы предпринять войны трудной и важной, еслибы недостатокъ силъ и средствъ матеріальныхъ не былъ въ ней съ избыткомъ вознаграждаемъ нравственною силою народа, правильностью и порядкомъ въ устройствѣ гражданскомъ и превосходнымъ устройствомъ военнымъ вообще и войскъ въ особенности, опытностью, пріобрѣтенною послѣдними въ войнахъ съ Даніею, Россіею и Польшею, и всего болѣе—высокими государственными и военными дарованіями Густава-Адольфа и неограниченными любовію и довѣріемъ къ нему народа и войска.

Дѣйствія императора, непріязненныя Швеціи, вредныя для ея пользы государственной, оскорбительныя для достоинства и чести Густава-Адольфа и шведскаго народа, угнетеніе императоромъ единовѣрныхъ съ шведами германскихъ протестантовъ, честолюбіе его, угрожавшее политической свободѣ Германіи и цѣлой Европы и безопасности Швеціи, наконецъ желаніе Густава-Адольфа доставить пламенно любимой имъ Швеціи славу быть покровительницей протестантства и избавительницей Германіи и Европы, оградить ея безопасность и возвысить ее въ ряду государствъ европейскихъ—все это было достаточными побудительными причинами и поводами къ объявленію Швеціей войны императору.

Когда государственые чины Швеціи занялись разсмотрѣніемъ вопроса, какую войну должна была вести Швеція, наступательную-ли въ Германіи или оборонительную въ собственныхъ предѣлахъ, тогда канцлеръ Аксель Оксеншерна и съ нимъ часть государственныхъ чиновъ объявили себя въ пользу послѣдней. Но Густавъ-Адольфъ и съ нимъ шведскій сенатъ, опровергнувъ доводы въ пользу войны оборонительной, признали, что въ тогдашнихъ обстоятельствахъ для Швеціи во всѣхъ отношеніяхъ было выгоднѣе вести противъ императора наступательную войну въ самой Германіи. Мнѣніе это было подкрѣплено нижеслѣдующими уважительными доводами: 1) Швеція могла бы надѣяться на содѣйствіе германскихъ протестантовъ, вольныхъ городовъ и европейскихъ державъ, на которое императоръ, напротивъ, полагаться не могъ; 2) Швеція должна была препятствовать утвержденію императора и постороннихъ державъ на берегахъ Балтійскаго моря; 3) наступательную войну въ Германіи было легче вести, нежели оборонительную въ Швеціи; 4) наступательная война въ Германіи не препятствовала оборонѣ Швеціи, имѣвшей сильный флотъ и народное ополченіе; 5) наступательная война императора противъ Швеціи и, слѣдовательно, оборонительная война Швеціи противъ императора были невѣроятны, и наконецъ 6) въ наступательной войнѣ Швеціи въ Германіи все зависѣло отъ первоначальнаго успѣха и потому стоило только достаточно обезпечить послѣдній; выжиданіемъ же въ Швеціи можно было все погубить.

Государственные чины, раздѣляя съ народомъ неограниченное довѣріе къ Густаву-Адольфу, единодушно согласились съ его мнѣніемъ. Тогда Густавъ-Адольфъ обезпечилъ себя со стороны сосѣднихъ государствъ договорами, устроилъ внутреннія дѣла, заготовилъ значительныя денежныя суммы и всякаго рода запасы, усилилъ свой флотъ, построилъ большое число транспортныхъ судовъ, наконецъ составилъ, для высадки въ Германію, 15-ти тысячный отрядъ отборныхъ войскъ изъ 12,500 чел. пѣхоты (92

роты) и 2 т. чел. конницы (116 ротъ), при надлежащемъ числѣ полевыхъ орудій. Для усиленія и постепеннаго пополненія этого отряда, по совершеніи имъ высадки, приняты были дѣятельныя мѣры: въ Лифляндіи и Пруссіи, частію уже занятыхъ 10-ти-тысячнымъ отрядомъ шведскихъ войскъ подъ начальствомъ Оксеншерна, равно въ Англіи, Нидерландахъ и въ самой Германіи долженствовали быть набираемы войска. Въ Стральзундѣ находились уже 6 тыс. шведскихъ войскъ (овладѣвшія въ это время островомъ Рюгеномъ). Сверхъ того Густавъ-Адольфъ, по прибытіи въ Германію, надѣялся быть усиленнымъ войсками протестантскихъ владѣтелей Германіи. Наконецъ войска бывшихъ отрядовъ Мансфельда и принца брауншвейгскаго и распущенныхъ армій королей датскаго и польскаго ожидали только прибытія Густава-Адольфа, чтобы стать подъ его знамена. Всѣми этими средствами Густавъ-Адольфъ надѣялся, вскорѣ по прибытіи въ Германію, значительно усилить свой 15-ти тысячный отрядъ и составить изъ него довольно сильную армію.

Для перевоза десантнаго отряда назначены были 200 транспортныхъ судовъ, подъ прикрытіемъ флота изъ 30-ти большихъ и малыхъ военныхъ судовъ, а для высадки избраны острова, образуемые устьями Одера. Занявъ оные, утвердившись на нихъ, доставивъ тѣмъ флоту своему надежное убѣжище и обезпечивъ сообщенія своей арміи моремъ съ Швеціею, Густавъ-Адольфъ предполагалъ занять всѣ ближайшіе на обѣихъ сторонахъ нижняго Одера крѣпости и города, преимущественно же Штеттинъ — главный городъ Помераніи и единственный пунктъ, незанятый въ этой сторонѣ императорскими войсками, утвердиться такимъ образомъ на нижнемъ Одерѣ и имѣть въ Штеттинѣ главное складочное мѣсто свое и твердый опорный пунктъ для дѣйствій по произволу либо вверхъ по Одеру, либо на правой, либо на лѣвой сторонахъ этой рѣки.

Таковъ былъ превосходно соображенный планъ первоначальныхъ военныхъ дѣйствій въ Германіи, составленный Густавомъ-Адольфомъ.

§ 22.

Высадка Густава-Адольфа въ устьяхъ Одера и первоначальныя дѣйствія его въ Помераніи и Мекленбургѣ.

13-го іюня 1630 года Густавъ-Адольфъ отплылъ съ войсками и флотомъ изъ Швеціи къ устьямъ Одера и, по причинѣ противныхъ вѣтровъ, не ранѣе 24-го іюля могъ пристать къ острову Рудену. Присоединивъ къ себѣ 5 т. шведскихъ войскъ изъ числа находившихся въ Стральзундѣ, онъ овладѣлъ постепенно всѣми островами въ устьяхъ Одера (важнѣйшими изъ которыхъ для него были Узедомъ и Воллинъ), вступилъ въ три рукава самаго Одера, высадилъ часть войскъ на лѣвый его берегъ, у Одерберга, ниже Штеттина, и вскорѣ подступилъ къ послѣднему. Герцогъ Богиславъ померанскій, чтобы не нарушить явно неутралитета своего, отказался сначала впустить шведовъ въ Штеттинъ, и какъ бы вынужденный къ тому силою, впустилъ ихъ только тогда, когда Густавъ-Адольфъ принялъ рѣшительныя мѣры къ взятію города силою. Заключивъ съ герцогомъ померанскимъ союзъ, принявъ въ шведскую службу часть штеттинскаго гарнизона, а вскорѣ послѣ того и часть войскъ бывшихъ отрядовъ Мансфельда, принца брауншвейгскаго, администратора гальберштадскаго и короля датскаго, и получивъ изъ Лифляндіи 9 т. войскъ въ подкрѣпленіе, вслѣдствіе чего силы шведской арміи возрасли уже до числа 25 т. войскъ, Густавъ-Адольфъ занялъ Даммъ на правомъ берегу Одера противъ Штеттина, началъ устроивать фортъ между Штеттиномъ и Гарцомъ, собирать въ Штеттинѣ значительные запасы продовольствія и продолжалъ занимать постепенно различные пункты по обѣимъ сторонамъ нижняго Одера, укрѣплять ихъ, собирать въ нихъ запасы продовольствія, а гарнизоны ихъ присоединять къ своей арміи. Такъ взяты были Вольгастъ и Рюгенвальде и осаждены Грейфсвальде и Кольбергъ.

Въ то время, когда Густавъ-Адольфъ произвелъ высадку въ устьяхъ Одера, около 10 т. императорскихъ войскъ, подъ начальствомъ Торквато Конти, начали собираться при Штольпе, близъ Анклама, и при Гарцѣ, близъ Штеттина. Но когда Густавъ-Адольфъ двинулся къ Штеттину, тогда эти войска собрались всѣ къ Гарцу, гдѣ и расположились на лѣвомъ берегу Одера въ сильно-укрѣпленномъ лагерѣ, соединенномъ съ правымъ берегомъ посредствомъ моста, прикрытаго на правомъ берегу предмостнымъ укрѣпленіемъ и укрѣпленнымъ городкомъ Грейфенгагеномъ. По слабости силъ своихъ, войска эти не препятствовали шведамъ утвердиться на нижнемъ Одерѣ и оставались въ своемъ лагерѣ въ совершенномъ бездѣйствіи, грабя только, по своему обычаю, окрестъ-лежавшую страну и отъ вре-

мени до времени пытаясь снабжать Кольбергъ продовольствіемъ.

Въ тоже время небольшое число императорскихъ войскъ собиралось въ западномъ Мекленбургѣ. Утвердившись достаточно въ сѣверной Помераніи, на нижнемъ Одерѣ, Густавъ-Адольфъ вознамѣрился совершить походъ въ Мекленбургъ, для того, чтобы сблизиться съ ландграфомъ гессенъ-кассельскимъ, съ бывшимъ администраторомъ магдебургскимъ, Христіаномъ-Вильгельмомъ, и съ герцогомъ саксенъ-лауенбургскимъ, ободрить ихъ, ускорить вооруженіе ихъ, возстановить герцоговъ мекленбургскихъ и пріобрѣсть тѣмъ себѣ вѣрныхъ союзниковъ въ нихъ, отнять у императорскихъ войскъ Висмаръ и Ростокъ, открыть сношенія съ Гамбургомъ и Любекомъ, собрать на зиму продовольствіе и отвлечь императорскія войска отъ нижняго Одера. Но прежде, нежели идти въ Мекленбургъ, Густавъ-Адольфъ пытался принудить императорскія войска къ отступленію отъ Гарца, однакоже, найдя лагерь ихъ сильно укрѣпленнымъ, не хотѣлъ атаковать его открытою силою (вѣроятно для сбереженія своихъ войскъ) и, оставивъ близъ Штеттина Горна съ большею частію арміи и приказаніемъ дѣйствовать оборонительно, а въ случаѣ наступленія превосходныхъ непріятельскихъ силъ отступить на него, Густава-Адольфа,—самъ онъ съ 6 тыс. войскъ сѣлъ на суда и отправился въ Стральзундъ. Высадившись здѣсь, онъ вступилъ въ Мекленбургъ, взялъ Рибницъ и Дамгартенъ, и расположился при первомъ изъ нихъ въ укрѣпленномъ лагерѣ. Ожидая, что вскорѣ противъ него обратятся главныя силы императора и католиковъ, Густавъ-Адольфъ хотѣлъ сколько можно болѣе распространить кругъ дѣйствій своихъ въ Германіи, занять въ ней наибольшее пространство края и тѣмъ облегчить и ускорить вооруженіе и присоединеніе къ нему германскихъ протестантовъ, и самому воспользоваться наибольшими средствами и способами края. Съ этою цѣлію онъ предполагалъ усилить свою армію подкрѣпленіями изъ Швеціи, войсками германскихъ протестантовъ и набранными въ Нидерландахъ, Франціи и сѣверной Германіи, Пруссіи, Польшѣ и Лифляндіи, до числа 80 т. чел., и распредѣливъ всѣ эти силы на 5 армій, дѣйствовать ими на всемъ пространствѣ между границами Польши и Нидерландовъ, одною арміею отъ Кольберга къ границамъ Пруссіи, другою — между Стральзундомъ и Кольбергомъ, третьею, главною — между Стральзундомъ и нижнею Эльбою, четвертою — между Эльбою и Везеромъ, и наконецъ пятою — въ Вестфаліи отъ Бремена.

Но этотъ обширный планъ дѣйствій остался безъ исполненія по причинѣ измѣненія обстоятельствъ. Сеймъ имперскихъ князей, собравшійся въ Регенсбургѣ еще въ іюнѣ 1630 года, для совѣщанія о мѣрахъ къ успокоенію Германіи, кончился наконецъ (въ ноябрѣ) тѣмъ, что императоръ, снисходя къ жалобамъ католическихъ князей, оскорбленныхъ высокомѣріемъ и надменностью Валленштейна и исполненныхъ негодованія противъ безпорядковъ и насильствъ со стороны его войскъ, принужденъ былъ рѣшиться на мѣру, имѣвшую чрезвычайное вліяніе на ходъ войны, именно — отозвать Валленштейна отъ главнаго начальствованія надъ католическими войсками и ввѣрить оное графу Тилли. Съ отозваніемъ Валленштейна, большая часть войскъ, составлявшихъ его армію, разошлась, и у императора и католиковъ осталось не болѣе 70 т. войскъ, наибольшее число которыхъ находилось въ юго-западной Германіи или занято было войною въ сѣверной Италіи. Въ Помераніи же и Мекленбургѣ императоръ могъ противупоставить Густаву-Адольфу на первое время самыя незначительныя силы.

Отказавшись отъ прежняго своего намѣренія, Густавъ-Адольфъ призналъ болѣе полезнымъ не распространять еще слишкомъ круга дѣйствій своихъ, чтобы не раздробить своихъ небольшихъ силъ, а ограничиться занятіемъ въ Мекленбургѣ какого-либо твердаго пункта, для дѣйствія изъ него во внутренность страны. Избравъ для этого Деммин, онъ оставилъ Баннера съ 3—4 т. войскъ для обложенія его и занятія страны до р. Рекницъ, а самъ съ 4 т. войскъ возвратился къ Штеттину, которымъ Торквато Конти хотѣлъ овладѣть во время его отсутствія, но не имѣлъ успѣха и затѣмъ послалъ довольно значительныя силы для освобожденія Кольберга и 6 т. войскъ, подъ начальствомъ герцога Савелли, для освобожденія Деммина. Первыя, атакованныя съ одной стороны войсками, высланными вслѣдъ за ними изъ Штеттина Горномъ, а съ другой Книпгаузеномъ, осаждавшимъ Кольбергъ, были разбиты. Густавъ-Адольфъ же, возвратившись въ это время въ Штеттинъ, началъ сосредоточивать на нижнемъ Одерѣ войска, имѣя въ виду очистить Померанію отъ императорскихъ войскъ и открыть дѣйствія вверхъ по Одеру. А между тѣмъ онъ поспѣшилъ съ 4 тыс. войскъ на помощь Баннеру къ Деммину, пошелъ на встрѣчу герцогу Савелли, разбилъ его и принудилъ отступить къ Ростоку, съ потерею всей артилеріи и обозовъ. Затѣмъ Густавъ-Адольфъ возвратился въ Штеттинъ и въ концѣ декабря двинулся вверхъ по Одеру.

§ 23.

Движеніе Густава-Адольфа къ Гарцу и Грейфенгагену;—расположеніе его въ лагерѣ при Беервальде;—дѣйствія на Одерѣ и Эльбѣ.

Императорскія войска въ Гарцѣ находились въ самомъ жалкомъ положеніи. Сильно терпя отъ холода и голода, они предавались грабежу и безпорядкамъ, не повиновались своимъ начальникамъ и были не въ состояніи сопротивляться шведамъ. Это именно время и избралъ Густавъ-Адольфъ для наступательнаго движенія противъ нихъ. Войска его, въ противуположность императорскимъ, были снабжены и теплою одеждою, и продовольствіемъ, превосходно одушевлены и успѣхъ дѣйствій ихъ не могъ быть сомнительнымъ. Густавъ-Адольфъ двинулся къ Гарцу и Грейфенгагену обоими берегами Одера, по которому плыли флотилія и пловучій мостъ для сохраненія сообщенія между обѣими частями арміи. Сначала Густавъ-Адольфъ подступилъ къ Грейфенгагену, разрушилъ стѣны его дѣйствіемъ артиллеріи и взялъ городъ приступомъ. Гарнизонъ его бросился на лѣвый берегъ и уничтожилъ за собою мостъ. Затѣмъ Густавъ-Адольфъ двинулся съ главными силами къ Гарцу: но императорскія войска не выждали приближенія его и, зажегши Гарцъ, отступили подъ начальствомъ графа Шаумбурга, заступившаго мѣсто Торквато Конти, частію вверхъ по лѣвому берегу Одера черезъ Кюстринъ къ Франкфурту, частію же за Варту къ Ландсбергу, преслѣдуемыя шведами, нанесшими имъ неоднократное пораженіе. Императорскія войска были пропущены черезъ Кюстринъ, занятый войсками неутральнаго курфирста бранденбургскаго, и въ числѣ около 12 т. чел. собрались въ Франкфуртѣ на Одерѣ. Шведы же, преслѣдуя ихъ, не получили пропуска черезъ Кюстринъ и тогда Густавъ-Адольфъ, чтобы не оставлять въ тылу за собою крѣпостей Кюстрина и Ландсберга, пріостановилъ дальнѣйшее движеніе свое вверхъ по Одеру, и съ главными силами расположился въ укрѣпленномъ лагерѣ при Беервальде, на правой сторонѣ Одера, близъ Кюстрина, а частію войскъ (4-т.) подъ начальствомъ Тотта обложилъ Ландсбергъ и сверхъ того посылалъ отряды войскъ для очищенія Бранденбургіи отъ грабившихъ ее шаекъ императорскихъ войскъ.

Такимъ образомъ къ началу 1631 г. императорскія войска очистили весь край до Франкфурта и Ландсберга, и только Демминъ, Грейфсвальде и Кольбергъ оставались еще во власти ихъ въ Помераніи. Но и тѣ были обложены шведами.

Въ продолженіи января 1631 г. Густавъ-Адольфъ оставался въ лагерѣ при Беервальде, занятый приведеніемъ въ порядокъ и усиленіемъ своей арміи, принятіемъ мѣръ для снабженія ея всѣмъ нужнымъ и веденіемъ дѣятельныхъ переговоровъ, особенно съ курфирстомъ бранденбургскимъ и съ Франціей. Съ послѣднею онъ заключилъ наконецъ открытый союзъ, по которому обязывался содержать въ Германіи 30 т. чел. пѣхоты и 6 т. чел. конницы, на содержаніе которыхъ Франція обязалась ежегодно платить шведамъ 1.200,000 ливровъ (около 400 т. рублей серебромъ). Въ это же время въ Лейпцигѣ собрались, по приглашенію курфирста саксонскаго, протестантскіе владѣтели Германіи изъ домовъ саксонскаго, бранденбургскаго и гессенскаго, и представители вольныхъ городовъ, для совѣщанія о мѣрахъ противудѣйствія императору.

Между тѣмъ вниманіе и большая часть силъ послѣдняго на сѣверѣ были обращены противъ бывшаго администратора Магдебурга Христіана-Вильгельма и герцога саксенъ-лауенбургскаго. Первый изъ нихъ, вооруживши Магдебургъ, Гальберштадтъ и ближайшіе города, еще въ августѣ и сентябрѣ 1630 г. вытѣснилъ императорскія войска изъ владѣній магдебургскихъ и гальберштадтскихъ и велъ дѣятельную малую войну. Паппенгеймъ съ 17 тыс. императорскихъ войскъ подступилъ наконецъ къ Магдебургу, но узнавъ объ успѣхахъ герцога саксенъ-лауенбургскаго въ западномъ Мекленбургѣ, обратился противъ него, окружилъ его и взялъ въ плѣнъ при Ратцебургѣ, послѣ чего возвратился къ Магдебургу и обложилъ (въ исходѣ сентября) этотъ городъ.

§ 24.

Движеніе Тилли отъ Магдебурга къ Франкфурту и Ландсбергу, а Густава-Адольфа къ Деммину.

Въ февралѣ 1631 года противъ шведовъ явилась наконецъ главная императорская армія, силою около 22 т. войскъ, подъ начальствомъ Тилли, который двинулся сначала къ Магдебургу. Но вскорѣ, по причинѣ стѣсненнаго положенія, въ которомъ находились войска Шаумбурга, онъ направился къ Франкфурту и, соединясь съ Шаумбургомъ, имѣлъ уже около 34 т. войскъ. Затѣмъ онъ двинулся къ Ландсбергу и принудилъ шведовъ снять блокаду его и отступить къ Беервальде. Будучи сильнѣе Густава-Адольфа (имѣвшаго не болѣе 25 т. войскъ), Тилли старался выманить его изъ укрѣпленнаго лагеря при Беервальде и вовлечь въ бой въ открытомъ полѣ, но не отваживался атаковать его въ укрѣпленномъ лагерѣ. Съ своей стороны Густавъ-Адольфъ, рѣшась оставаться между Эльбою и Одеромъ, дабы, смотря по обстоятельствамъ, обратиться въ Силезію или въ Саксонію, вознамѣрился отвлечь Тилли въ Мекленбургъ, и тогда, быстро обратившись къ Франкфурту и Ландсбергу, овладѣть этими городами, обладаніе которыми было необходимо ему для обезпеченія дальнѣйшихъ его дѣйствій.

Оставивъ на правой сторонѣ Одера, въ лагерѣ при Солдинѣ, Горна съ 8—9 тыс. войскъ и приказаніемъ взять, въ случаѣ возможности, Франкфуртъ и Ландсбергъ, но уклоняться отъ боя съ превосходными силами и дѣйствовать противъ нихъ оборонительно, Густавъ-Адольфъ двинулся съ 16 т. войскъ чрезъ Штеттинъ къ Деммину, взялъ на пути Ней-Бранденбургъ, Лонтцъ и нѣкоторые другіе города, получилъ изъ Стральзунда подкрѣпленія и атаковалъ (13 февраля) Демминъ. Находившійся въ этомъ городѣ съ 4 т. императорскихъ войскъ герцогъ Савелли, послѣ непродолжительнаго сопротивленія, сдалъ Густаву-Адольфу Демминъ и отступилъ къ Ней-Рупину.

§ 25.

Движеніе Тилли къ Ней-Рупину и Ней-Бранденбургу, а Густава-Адольфа къ Франкфурту.

Узнавъ о движеніи Густава-Адольфа въ Мекленбургъ, Тилли оставилъ около Франкфурта Шаумбурга съ 8 т. войскъ, а самъ съ 24 т. обратился въ Мекленбургъ. Но онъ не имѣлъ возможности идти туда иначе, какъ дальнимъ обходомъ чрезъ Фюрстенвальде, Бранденбургъ и Ней-Рупинъ, потому что по прямому и кратчайшему направленію всѣ города были заняты шведами. Сверхъ того онъ былъ задержанъ дурными дорогами и упорнымъ сопротивленіемъ нѣкоторыхъ, на пути лежавшихъ городовъ.

А между тѣмъ Густавъ-Адольфъ, какъ скоро только узналъ о движеніи Тилли въ Мекленбургъ, съ половиною своихъ войскъ немедленно двинулся обратно къ Штеттину, другую половину оставилъ, подъ начальствомъ Книпгаузена—между Ней-Бранденбургомъ и моремъ, подъ начальствомъ Баннера — въ Демминѣ и подъ начальствомъ Тотта — при обложеніи Грейфсвальде. Эти генералы получили отъ Густава-Адольфа наставленіе дѣйствовать оборонительно, уклоняясь отъ боя, въ случаѣ, еслибы императорскія войска обратились къ Ней-Бранденбургу, Штеттину, Гарцу или въ Мекленбургъ.

Прибывъ въ Ней-Рупинъ, Тилли встрѣтилъ въ немъ герцога Савелли съ отступившимъ изъ Деммина гарнизономъ этого города и въ одно время узналъ о взятіи шведами и Деммина, и Кольберга. Раздраженный этими неудачами и не зная еще, что Густавъ-Адольфъ шелъ уже обратно къ Штеттину, Тилли рѣшился непремѣнно вступить въ бой съ нимъ и двинулся къ Ней-Бранденбургу. Густавъ-Адольфъ послалъ немедленно Книпгаузену приказаніе уклониться отъ боя съ Тилли. Но Книпгаузенъ не успѣлъ во-время получить этого приказанія и рѣшился обороняться въ Ней-Бранденбургѣ до послѣдней крайности. Тилли, разрушивъ стѣны Ней-Бранденбурга огнемъ артиллеріи, взялъ городъ посредствомъ эскалады и предалъ его на разграбленіе, а гарнизонъ шведскій былъ вырѣзанъ и истребленъ. Тилли хотѣлъ этимъ отмстить за взятіе Деммина и Кольберга, но не извлекъ

изъ того никакой пользы и, не отваживаясь идти далѣе, возвратился къ Ней-Руппину, посылая отряды къ Одеру.

Между тѣмъ Паппейнгеймъ осаждалъ Магдебургъ, а Густавъ-Адольфъ расположился въ укрѣпленномъ лагерѣ между Шведтомъ и Фирраденомъ на Одерѣ и отправилъ Горна въ Мекленбургъ, для принятія главнаго начальствованія надъ находившимися въ немъ войсками. Онъ приказалъ ему дѣйствовать оборонительно за рѣками Пеена, Требель и Рёкницъ, отступая къ Анкламу и Штральзунду, прикрывая какъ эти города, такъ Вольгастъ, Лонтцъ и Демминъ, а въ случаѣ движенія Тилли противъ Густава-Адольфа, идти вслѣдъ за Тилли, оставивъ только часть войскъ за рр. Требель и Рёкницъ, для прикрытія осады Грейфсфальде.

Узнавъ однако, что Тилли отступилъ къ Ней-Руппину, Густавъ-Адольфъ присоединилъ къ себѣ Горна, приказалъ ему расположиться въ лагерѣ при Шведтѣ и наблюдать за Тилли, а самъ съ 20 т. войскъ и 200 орудій двинулся (25-го марта) обоими берегами Одера къ Франкфурту. Главныя силы шли по лѣвому берегу, часть силъ по правому, а по Одеру плыли флотилія и плавучій мостъ. Это движеніе было прикрыто и вполнѣ обезпечено съ праваго фланга и тыла, т. е. со стороны Тилли, какъ Горномъ, такъ и нѣсколькими отдѣльными отрядами, посланными въ различныхъ направленіяхъ. Подступивъ (27-го марта) къ Франкфурту, гдѣ находились 8 т. императорскихъ войскъ подъ начальствомъ фельдмаршала Тифенбаха, смѣнившаго Шаумбурга, Густавъ-Адольфъ немедленно открылъ противъ города осадныя работы и сильный огонь изъ многочисленной своей артиллеріи. На 7-й день по прибытіи къ Франкфурту (3-го апрѣля), шведы ворвались въ него чрезъ сдѣланный въ стѣнѣ проломъ и вскорѣ взяли городъ приступомъ, истребивъ половину гарнизона, остальная часть котораго погибла въ Одерѣ либо была взята въ плѣнъ; самая незначительная часть успѣла уйти въ Силезію и заперлась въ кр. Глогау. Немедленно по взятіи Франкфурта, Густавъ-Адольфъ овладѣлъ Кроссеномъ и Ландсбергомъ, сдавшимся на капитуляцію. Обезпечивъ, взятіемъ Кроссена и Ландсберга, лѣвый флангъ своей арміи со стороны Силезіи, Густавъ-Адольфъ сосредоточилъ главныя свои силы при Франкфуртѣ.

§ 26.

Движеніе Тилли къ Магдебургу и взятіе имъ этого города;—дѣйствія между тѣмъ Густава-Адольфа.

Тилли оставался довольно долго въ бездѣйствіи въ Ней-Руппинѣ и наконецъ пошелъ къ Магдебургу, но свѣдавъ о движеніи Густава-Адольфа къ Франкфурту, двинулся также къ послѣднему. На пути къ нему онъ узналъ о взятіи его шведами и обратился назадъ къ Магдебургу, имѣя въ виду либо отвлечь Густава-Адольфа отъ Одера, Помераніи и Силезіи къ Эльбѣ, принудить его къ бою и разбить, либо взять Магдебургъ и примѣрнымъ наказаніемъ его жителей устрашить протестантовъ.

Густавъ-Адольфъ немедленно поспѣшилъ бы, еслибы могъ, на помощь столь важному для него и протестантовъ Магдебургу. Но для этого нужно было пройдти черезъ владѣнія курфирстовъ бранденбургскаго и саксонскаго, которые, по ложной политикѣ и изъ опасенія императора, никакъ не соглашались, первый—впустить шведовъ въ свои крѣпости, а послѣдній—позволить имъ перейдти черезъ Эльбу въ Виттенбергѣ или Дессау. Измѣнить же прежней своей осторожности и двинуться прямо впередъ, не занявъ бранденбургскихъ крѣпостей и не обезпечивъ тѣмъ фланговъ и сообщеній своей арміи, Густавъ-Адольфъ не хотѣлъ и не могъ. Равномѣрно онъ не могъ ни оказать Магдебургу помощи съ праваго берега Эльбы, потому что магдебургскій мостъ былъ разрушенъ, а окрестная страна разорена, ни перейдти черезъ Эльбу выше или ниже Магдебурга, вблизи сильнаго непріятеля. Переговоры, открытые имъ съ курфирстомъ бранденбургскимъ, продолжались долго, но не вели ни къ чему. Густавъ-Адольфъ рѣшился наконецъ принудить его силою къ тому, чего онъ не хотѣлъ сдѣлать добровольно. Оставивъ на Одерѣ Горна и приказавъ ему собрать въ Кроссенѣ до 18 т. войскъ, наблюдать съ ними за Силезіею и даже вторгнуться въ нее при удобномъ случаѣ, онъ перешелъ (1-го мая) черезъ Шпрею, подступилъ къ Берлину и, угрожая разрушить его огнемъ артиллеріи, принудилъ наконецъ курфирста 1) уступить шведамъ Кюстринъ и Шпандау, которые обѣщался возвратить немедленно по освобожденіи Магдебурга, 2) заплатить шведской арміи контрибуцію и 3) снабдить ее продовольствіемъ. Занявъ Шпандау и Кюстринъ, шведская армія, въ числѣ около 25 т. войскъ, расположилась близъ первой изъ этихъ крѣпостей, не имѣя возможности идти далѣе, потому что курфирстъ саксонскій все еще не соглашался пропустить ее черезъ Эльбу въ Виттенбергѣ

или Дессау. Въ то же время собравшіеся въ Лейпцигѣ протестанты положили вооружить 40 т. войскъ, но нимало не имѣя въ виду помогать Густаву-Адольфу. И пока такимъ образомъ германскіе протестанты, въ дѣлѣ, касавшемся блага и свободы, какъ ихъ собственной, такъ и цѣлой Германіи, являли столь постыдныя своекорыстіе и малодушіе и оказывали столь мало содѣйствія Густаву-Адольфу, великодушно подвизавшемуся за нихъ, Тилли усилилъ обложеніе и осаду Магдебурга. Гарнизонъ этого города состоялъ изъ вооруженныхъ гражданъ и небольшаго числа шведскихъ войскъ, всего около 3 тыс. чел. подъ начальствомъ шведскаго полковника Фалькенберга. Слабость гарнизона, безпорядокъ въ немъ, слабое содѣйстіе гражданъ и недостатокъ снарядовъ ускорили паденіе Магдебурга и облегчили Тиллію овладѣніе имъ. 10-го мая городъ былъ взятъ приступомъ и преданъ войскамъ на разграбленіе, а 40 тыс. жителей его были истреблены.

§ 27.

Движеніе Тилли въ Гессенъ-Кассель; — дѣйствія Густава-Адольфа на правой сторонѣ Эльбы.

Бѣдственная участь, постигшая Магдебургъ, не устрашила, а еще болѣе раздражила протестантовъ. Не внимая требованіямъ и угрозамъ императора, они не только отказались распустить свои войска, но и продолжали производить наборы и вооруженія. Дѣятельнѣе и враждебнѣе всѣхъ между ними были ландграфъ гессенъ-кассельскій и курфирстъ саксонскій. Императоръ поручилъ Тиллію силою оружія принудить ихъ къ прекращенію наборовъ и вооруженій. Оставивъ въ Магдебургѣ 5 т. войскъ, а близъ Магдебурга Паппенгейма съ небольшимъ отрядомъ, Тилли съ 26 тыс. войскъ двинулся въ началѣ іюня чрезъ Мансфельдъ, Эйслебенъ и Зангерсгаузенъ къ Гессенъ-Касселю. Между тѣмъ какъ войска его опустошали край на пути огнемъ и мечомъ и предавались всѣмъ возможнымъ насильствамъ и безпорядкамъ, съ другой стороны императорскія войска, собравшіяся въ Силезіи, дѣлали набѣги къ Кроссену и опустошали Лузацію и владѣнія курфирста саксонскаго, а прибывшія изъ Италіи, по прекращеніи войны за наслѣдство мантуанскаго герцогства равно и изъ Лотарингіи, принудили протестантовъ юго-западной Германіи (Швабіи и Франконіи) смириться и обезоружиться. Раздраженные дѣйствіями императора, ландграфъ гессенъ-кассельскій и курфирстъ саксонскій приняли рѣшительныя мѣры противудѣйствія и обороны своихъ владѣній противъ него.

Вѣрный заключенному съ курфирстомъ бранденбургскимъ договору, Густавъ-Адольфъ возвратилъ ему, послѣ паденія Магдебурга, Шпандау. Но вслѣдъ затѣмъ онъ подступилъ снова къ Берлину, угрозами принудилъ курфирста къ заключенію еще болѣе выгоднаго для шведовъ договора, по которому крѣпость Шпандау была безусловно передана шведамъ, въ Кюстринъ открытъ имъ во всякое время свободный входъ, курфирстъ обязался платить шведской арміи ежемѣсячно 30 т. талеровъ, и проч. Затѣмъ Густавъ-Адольфъ сосредоточилъ главныя свои силы (около 12 т. войскъ) при Бранденбургѣ на Гавелѣ и, въ ожиданіи прибытія новыхъ подкрѣпленій, принялъ мѣры къ большему еще утвержденію своему въ Бранденбургіи, взятіемъ и укрѣпленіемъ различныхъ пунктовъ по Эльбѣ и Гавелю. Между тѣмъ послѣдняя крѣпость Помераніи, Грейфсвальде, сдалась шведамъ; Тоттъ, осаждавшій ее, вступилъ въ Мекленбургъ и вмѣстѣ съ войсками герцоговъ мекленбургскихъ вскорѣ очистилъ почти всю эту страну отъ императорскихъ войскъ, во власти которыхъ оставались уже только Ростокъ, Висмаръ и Демицъ. Гюстровъ же и Шверинъ сдались шведамъ и въ первомъ изъ нихъ герцоги мекленбургскіе были торжественно возстановлены (26-го іюня) Густавомъ-Адольфомъ въ ихъ званіи. Такимъ образомъ, ровно черезъ годъ по совершеніи высадки на островѣ Руденѣ, Густавъ-Адольфъ совершенно утвердился въ Помераніи, Мекленбургѣ и Бранденбургіи, обезпечилъ себя занятіемъ рѣкъ Гавеля, Шпреи и Одера до границъ Силезіи и Польши, и ожидалъ только благопріятныхъ обстоятельствъ и прибытія подкрѣпленій для того, чтобы перейдти черезъ Эльбу и перенести войну въ средину Германіи.

§ 28.

Переходъ Густава-Адольфа черезъ Эльбу.

Между тѣмъ Тилли занялъ Готу, Эйзенахъ, Веймаръ (Эрфуртъ откупился денежною контрибуціей) и,ославъ къ границамъ Гессенъ-Касселя отряды войскъ съ требованіемъ, чтобы ландграфъ впустилъ въ свои крѣпости императорскіе гарнизоны, самъ остановился у Мюльгаузена. Но ландграфъ, собравшій свои войска впереди Касселя, рѣшительно отказался исполнить требованіе Тилли. Съ другой стороны, въ тоже время (въ іюнѣ), въ Штеттинѣ высадились 8 т. шведскихъ войскъ, вновь прибывшихъ изъ Швеціи на усиленіе арміи. Изъ нихъ 4 т. были немедленно отправлены на соединеніе съ главною арміею, а 4 т. на соединеніе въ Мекленбургѣ съ Тоттомъ, который затѣмъ долженъ былъ съ 4 т. войскъ присоединиться къ Густаву-Адольфу. Вскорѣ въ устьѣ р. Пеена высадились 7 т. англійскихъ вспомогательныхъ войскъ подъ начальствомъ Гамильтона; они должны были смѣнить на границахъ Силезіи Горна, который, оставивъ тамъ 4 т. войскъ, съ прочими имѣлъ также назначеніе присоединиться къ Густаву-Адольфу.

Ожидая вскорѣ прибытія Тотта и Горна, Густавъ-Адольфъ рѣшился перейдти черезъ Эльбу, чтобы отвлечь Тилли отъ ландграфа гессенъ-кассельскаго. Съ 7 т. чел. пѣхоты и 2 т. чел. конницы двинулся онъ отъ Бранденбурга къ Іерихову на Эльбѣ, ниже Магдебурга, и 29-го іюня, показывая видъ, что идетъ къ Магдебургу, сдѣлалъ одинъ переходъ вверхъ по правому берегу Эльбы, для того, чтобы отвлечь отъ Тангермюнде расположеннаго при немъ Паппенгейма, а между тѣмъ принялъ всѣ нужныя мѣры для устроенія въ Іерихове переправы. Коль скоро Паппенгеймъ приблизился къ Магдебургу, чтобы предупредить въ немъ шведовъ, Густавъ-Адольфъ быстро обратился назадъ въ Іериховъ, переправилъ часть войскъ на судахъ черезъ Эльбу, взялъ городъ и замокъ Тангермюнде (1-го іюля), построилъ мостъ, перевелъ по немъ всѣ свои войска, занялъ нѣсколько пунктовъ на лѣвой сторонѣ Эльбы и вскорѣ (13-го іюля) расположился въ сильно-укрѣпленномъ лагерѣ при городкѣ Вербенѣ, противъ сліянія Гавеля съ Эльбою, гдѣ устроилъ фортъ, соединенный съ укрѣпленнымъ лагеремъ посредствомъ моста черезъ Эльбу. Паппенгеймъ отступилъ къ Гальберштадту.

§ 29.

Движеніе Тилли противъ Густава-Адольфа къ Вербену.

Густавъ-Адольфъ достигъ своей цѣли: Тилли, оставивъ часть войскъ на границахъ Гессенъ-Касселя, дѣйствительно поспѣшилъ назадъ къ Эльбѣ и, соединившись съ Паппенгеймомъ, въ числѣ около 27 т. войскъ расположился у Вольмирштедта, выдвинувъ на довольно значительное разстояніе впередъ къ Вербену 3 полка конницы. Густавъ-Адольфъ, имѣвшій въ это время не болѣе 10 т. войскъ и узнавшій объ отдѣльномъ и отдаленномъ расположеніи Тилліевой конницы, произвелъ на нее внезапное ночное нападеніе съ 4-хъ-тысячнымъ коннымъ отрядомъ, опрокинулъ и разбилъ ее при Бургштадтѣ, Ангернѣ и Рейндорфѣ прежде, нежели Тилли успѣлъ прибыть къ ней на помощь, и вслѣдъ затѣмъ отступилъ обратно въ Вербенскій лагерь. Одержаніемъ этого частнаго успѣха Густавъ-Адольфъ имѣлъ въ виду открыть первыя наступательныя дѣйствія за Эльбою, возвысить духъ въ своихъ войскахъ и внушить имъ довѣренность къ самимъ себѣ, а непріятелю — уваженіе къ шведскимъ войскамъ.

Чтобы загладить пораженіе, нанесенное его конницѣ, Тилли подступилъ (27-го іюля) къ Вербенскому лагерю, построилъ войска свои въ боевой порядокъ, обстрѣливалъ шведскій лагерь, но не отважился атаковать его и послѣ незначительнаго кавалерійскаго дѣла (28-го іюля), нуждаясь въ продовольствіи, найдя лагерь шведовъ слишкомъ сильно укрѣпленнымъ и узнавъ о прибытіи въ него наканунѣ Горна съ 9 т. войскъ, отступилъ обратно въ Вольмирштедту, подъ прикрытіемъ арріергарда, сильно преслѣдуемаго шведами. Между тѣмъ императорскія войска, вступившія подъ начальствомъ Фюрстенберга, Альтрингера и Фуггера въ Швабію и Франконію, угрозами, грабежомъ и опустошеніемъ края принудили большее число протестантскихъ владѣтелей этой части Германіи покориться императору, присоединивъ къ его войскамъ свои и заплативъ значи-

тельныя денежныя контрибуціи. Войска Фюрстенберга, Альтрингера и Фуггера вскорѣ получили приказаніе идти на соединеніе съ Тилли, и тѣ изъ нихъ, которыя были въ головѣ, перешли уже черезъ Майнъ. Въ ожиданіи прибытія ихъ, Тилли оставался въ бездѣйствіи при Вольмирштедтѣ, въ центральномъ расположеніи между Бранденбургіей, Саксоніей и Гессенъ-Касселемъ. Войска его находились въ крайнемъ разстройствѣ, были ослаблены побѣгами и болѣзнями и терпѣли крайній во всемъ недостатокъ.

Между тѣмъ ландграфъ гессенъ-кассельскій прибылъ въ Вербенскій лагерь, гдѣ между нимъ и Густавомъ-Адольфомъ былъ заключенъ (12-го августа) наступательный и оборонительный союзъ. Затѣмъ ландграфъ возвратился въ свои владѣнія съ 2-мя лучшими полками шведской пѣхоты и герцогомъ Бернгардомъ саксенъ-веймарскимъ, долженствовавшимъ принять главное начальствованіе надъ гессенскими войсками. Густавъ-Адольфъ, оставивъ въ Вербенскомъ лагерѣ только необходимое для обороны его число войскъ, всѣ остальныя затѣмъ (18 т.) расположилъ за Гавелемъ (въ Гавельбергѣ, Бранденбургѣ и Ратенау), такъ что могъ всегда сосредоточить ихъ тамъ, куда бы ни направился непріятель. Каждая отдѣльная часть имѣла назначеніе уклоняться отъ боя съ превосходнымъ непріятелемъ до прибытія главныхъ силъ и дѣйствовать оборонительно подъ прикрытіемъ различныхъ пунктовъ по Гавелю, которые всѣ были тщательно укрѣплены. Этими мѣрами Густавъ-Адольфъ хотѣлъ удержать непріятеля на Гавелѣ и, заключивъ его въ тѣсное, разоренное пространство края между Гавелемъ и Эльбою, принудить его идти въ Саксонію, а курфирста саксонскаго—скорѣе объявить себя рѣшительно въ пользу той или другой стороны.

§ 30.

Движенія Тилли и Густава-Адольфа въ Саксонію. — Сраженіе при Брейтенфельдѣ или Лейпцигѣ.

Рѣшившись наконецъ принудить курфирста саксонскаго сплою къ прекращенію вооруженій и къ присоединенію къ нему, императоръ приказалъ Тилли, Фюрстенбергу, Альтрингеру и Фуггеру съ запада, а Тифенбаху съ востока изъ Силезіи, двинуться въ Саксонію. Соединившись (18-го августа) въ Эйслебенѣ съ Фюрстенбергомъ, чрезъ что силы его возрасли до 34 т. войскъ, Тилли двинулся къ Лейпцигу, взимая огромныя контрибуціи и жестоко разоряя край. Лейпцигъ вскорѣ сдался ему на капитуляцію, и Тилли расположился впереди его, въ ожиданіи прибытія Альтрингера и Фуггера. Строгія мѣры императора только раздражили курфирста саксонскаго и ускорили присоединеніе его къ Густаву-Адольфу, съ 18 т. собранныхъ имъ при Торгау войскъ. 1-го сентября въ Косвигѣ между нимъ и Густавомъ-Адольфомъ, прибывшимъ сюда съ своею арміею, былъ заключенъ союзъ, въ силу котораго курфирстъ обязался выплатить шведской арміи мѣсячное жалованье, снабдить ее продовольствіемъ и впустить въ важнѣйшіе города Саксоніи.

Немедленно по заключеніи этого союза, Густавъ-Адольфъ перешелъ въ Виттенбергѣ черезъ Эльбу (3 сентября) и въ Дюббенѣ соединился съ саксонскою арміею, прибывшею изъ Торгау. Силы соединенной шведско-саксонской арміи составляли около 40 т. войскъ, въ томъ числѣ 24 т. шведовъ и 16 т. саксонцевъ (28 т. чел. пѣхоты, 12 т. чел. конницы и 70 орудій). Въ военномъ совѣтѣ, созванномъ въ Дюббенѣ, курфирстъ первый предложилъ немедленно идти противъ императорскихъ войскъ и вступить съ ними въ бой. Густавъ-Адольфъ охотно согласился на это, и союзная армія 2-мя колонами двинулась къ Лейпцигу.

Тилли намѣревался первоначально, до прибытія Альтрингерга и Фуггера, дѣйствовать оборонительно позади Лейпцига за рр. Эльстеръ и Заале. Но пылкій Паппенгеймъ, видя его нерѣшимость, представлялъ необходимость идти немедленно на встрѣчу союзникамъ. Склонясь на его убѣжденія, Тилли расположился къ сѣверу отъ Лейпцига, а по приближеніи союзной арміи, двинулся ей на встрѣчу и расположился правымъ флангомъ впереди селенія Зеегаузена, а лѣвымъ впереди селенія Брейтенфельда. У него было не болѣе 32 т. войскъ (21 т. чел. пѣхоты и 11 т. чел. конницы), которыя онъ расположилъ: пѣхоту въ 17-ти большихъ баталіяхъ въ центрѣ, а конницу — въ такихъ же массахъ по флангамъ. Болотистая канава отдѣляла часть праваго крыла отъ главныхъ силъ. Артиллерія Тилли состояла изъ 28-ми тяжелыхъ и неудободвижимыхъ орудій. Паппенгеймъ, съ частію конницы, былъ высланъ впередъ для удержанія союзниковъ на рѣчкѣ Лоербахѣ. Но шведскій авангардъ опрокинулъ конницу Паппенгейма и подъ прикрытіемъ его вся союзная армія двумя колоннами пере-

шла (7-го сентября) черезъ Лобербахъ и построилась параллельно императорской арміи, саксонцы—по лѣвую, шведы—по правую сторону канавы, въ нѣсколько линій. Шведы имѣли 4 пѣхотныя бригады въ бригадномъ строѣ и часть конницы, перемѣшанной съ отдѣленіями мушкетеровъ—въ 1-й линіи и 3 пѣхотныя бригады въ такомъ же строѣ и съ конницею, такимъ же образомъ перемѣшанною съ мушкетерами—во 2-й линіи; за каждою изъ обѣихъ линій находились, въ видѣ резервовъ, небольшія части пѣхоты и конницы. Вся артиллерія была сосредоточена въ центрѣ 1-й линіи. Союзной арміи много мѣшали (по словамъ самаго Густава-Адольфа) солнце и вѣтеръ. Построившись, она двинулась противъ императорской арміи. Паппенгеймъ съ лѣвою фланговою конницею атаковалъ правый флангъ шведской арміи, но былъ опротинутъ и преслѣдованъ Банеромъ, благодаря шведскому строю въ нѣсколько линій съ резервами и превосходному дѣйствію шведской конницы. Но на лѣвомъ крылѣ союзной арміи саксонцы не выдержали нападенія правой фланговой конницы императорской арміи, были опрокинуты, обратились въ бѣгство и разсѣялись въ совершенномъ безпорядкѣ. Затѣмъ правая фланговая императорская конница атаковала лѣвый флангъ шведовъ. Но Густавъ-Адольфъ подкрѣпилъ этотъ флангъ войсками, взятыми съ праваго и изъ резервовъ, и атака императорскихъ войскъ была отражена. Тогда вся шведская боевая линія произвела перемѣну фронта на лѣво, выдвинувъ впередъ свой правый флангъ, и при содѣйствіи сильнаго огня всей своей артиллеріи, съ фронта и обоихъ фланговъ атаковала императорскую армію въ то время, когда послѣдняя выдвинула впередъ свой правый флангъ, а лѣвый флангъ ея былъ опрокинутъ и оттѣсненъ назадъ. Вскорѣ императорская артиллерія, расположенная сначала за центромъ, а потомъ уже за лѣвымъ крыломъ, была взята шведами, а пѣхотныя баталіи Тилли и правая фланговая его конница атакованы со всѣхъ сторонъ шведами, и послѣ упорнѣйшаго сопротивленія, продолжавшагося до поздней ночи, частію истреблены, частію взяты въ плѣнъ, частію же разсѣялись въ безпорядкѣ. Сраженіе кончилось совершеннымъ пораженіемъ императорской арміи: она потеряла 7 т. убитыхъ и 6 т. раненыхъ и взятыхъ въ плѣнъ, всю артиллерію, 100 знаменъ и всѣ обозы. Остатки ея (около 19 т.) въ безпорядкѣ разсѣялись по разнымъ направленіямъ, преимущественно къ Галле, куда чрезъ Лейпцигъ прибылъ и Тилли, покрытый ранами и едва избѣжавшій плѣна. Соединившись здѣсь съ Паппенгеймомъ и собравъ столько, сколько могъ, войскъ разбитой своей арміи, онъ направился къ Везеру. Густавъ-Адольфъ, армія котораго потеряла, по мнѣнію однихъ 1,500, а другихъ только 700 чел., оставилъ саксонскія войска для взятія Лейпцига, а самъ преслѣдовалъ разбитыя императорскія войска, разбилъ, истребилъ или взялъ въ плѣнъ близъ Мерзебурга собравшійся тамъ довольно значительный отрядъ ихъ, взялъ Галле, но далѣе р. Заале не продолжалъ преслѣдованія, имѣя въ виду прежде утвердиться въ Саксоніи и принять необходимыя мѣры для дальнѣйшихъ дѣйствій въ западной и южной Германіи. 13-го сентября Лейпцигъ сдался и саксонцы удалились къ Торгау. Шведская же армія не только не ослабилась боемъ, но и значительно усилилась послѣ него, вступленіемъ въ нее плѣнныхъ и гарнизоновъ. Въ тоже время въ Бранденбургіи собиралась новая армія, для дѣйствій на нижней Эльбѣ. Тоттъ осаждалъ Ростокъ, а ландграфъ гессенъ-кассельскій и герцогъ Бернгардъ саксенъ-веймарскій удерживали войска Фуггера, очистили Гессенъ-Кассель отъ императорскихъ войскъ и тревожили сосѣдственныя католическія владѣнія.

ГЛАВА V.

ВТОРОЙ ПЕРІОДЪ ТРИДЦАТИЛѢТНЕЙ ВОЙНЫ, СО ВРЕМЕНИ ПРИБЫТІЯ ГУСТАВА-АДОЛЬФА ВЪ ГЕРМАНІЮ ДО СРАЖЕНІЯ ПРИ НЁРДЛИНГЕНѢ ВКЛЮЧИТЕЛЬНО (1630—1634).

II.

Война послѣ сраженія при Брейтенфельдѣ или Лейпцигѣ до сраженія при Люценѣ включительно (1631—1632 г.)

---

§ 31.

Положеніе обѣихъ воюющихъ сторонъ послѣ сраженія при Лейпцигѣ.—Планъ дѣйствій Густава-Адольфа и протестантовъ.

Мудрыя, искусныя дѣйствія Густава-Адольфа въ продолженіи 14-ти мѣсяцовъ со времени прибытія его въ Германію, увѣнчанныя рѣшительною побѣдою при Лейпцигѣ, измѣнили совершенно положеніе дѣлъ въ Германіи. Прочнымъ и надежнымъ образомъ утвердился Густавъ-Адольфъ въ Помераніи, Мекленбургѣ и Бранденбургіи, владѣя крѣпостями въ цихъ, имѣя въ тылу за собою вполнѣ обезпеченныя сообщенія моремъ съ Швеціею, значительно усиленный всѣми способами и средствами занятаго края, союзомъ съ Гессенъ-Касселемъ и Саксоніей, полученными изъ Швеціи, Пруссіи, Лифляндіи и Англіи подкрѣпленіями и еще болѣе благопріятнымъ нравственнымъ вліяніемъ постепенныхъ, медленныхъ, но прочныхъ успѣховъ своихъ. Лейпцигская побѣда еще болѣе усилила его и содѣлала положеніе его грознымъ. Армія императора была разбита, ослаблена, разстроена; пораженіе и отступленіе ея къ Везеру предоставляли родовыя владѣнія императора, почти совершенно беззащитныя, ударамъ Густава-Адольфа и протестантовъ, могущество и власть императора были нравственно поколеблены, и ободренные протестанты сѣверной и западной Германіи явно и открыто, въ предходныхъ сплахъ, возставали противъ императора и присоединялись къ Густаву-Адольфу. Такимъ образомъ въ 14 мѣсяцовъ времени политическій, военный и нравственный перевѣсъ перешелъ рѣшительно на сторону Густава-Адольфа и протестантовъ. Но великое дѣло освобожденія послѣднихъ и Германіи не было еще рѣшено: необходимо было продолжать и довершить его съ такими же осторожностью и искуствомъ, съ какими оно было начато Густавомъ-Адольфомъ. Важный вопросъ, отъ котораго зависѣлъ успѣхъ войны и участь протестантовъ и цѣлой Германіи, состоялъ въ томъ, куда и какъ долженствовали быть направлены дальнѣйшія дѣйствія и главныя усилія Густава-Адольфа и протестантовъ? Въ западную-ли Германію противъ разбитой арміи Тилли и рейнскихъ католическихъ владѣтелей, или въ южную Германію противъ родовыхъ владѣній императора? Оксеншерна и съ нимъ многіе другіе убѣждали Густава-Адольфа обратиться немедленно со всѣми силами противъ послѣднихъ и силою оружія принудить императора къ выгодному для протестантовъ, Германіи, Швеціи и всей Европы миру.

Признавая дѣйствія по этому направле-

нію весьма выгодными и необходимыми, Густавъ-Адольфъ не хотѣлъ однако предпринять ихъ лично съ главными силами шведской арміи, что легко могло подать, какъ католикамъ, такъ и протестантамъ Германіи, равно и европейскимъ державамъ, особенно Франціи, поводъ сомнѣваться въ чистотѣ и безкорыстіи видовъ Густава-Адольфа и подозрѣвать его въ честолюбіи. Притомъ такой образъ дѣйствій нимало не былъ въ духѣ правильнаго, осторожнаго, систематическаго образа веденія войны Густавомъ-Адольфомъ. Онъ считалъ необходимымъ вполнѣ обезпечить себя прежде со стороны Тилли и рейнскихъ католическихъ владѣтелей, отдѣлить ихъ отъ Баваріи и императора, освобожденіемъ, занятіемъ и вооруженіемъ югозападной протестантской Германіи, и утвердиться въ западной Германіи столь же прочно, сколько и въ сѣверной. Кромѣ того были вѣроятно также и другія политическія причины (особенно со стороны Франціи), препятствовавшія ему согласиться на такой образъ дѣйствій. Съ другой стороны дѣйствія въ западной Германіи противъ Тилли и рейнскихъ католическихъ владѣтелей становились, послѣ лейпцигской побѣды, менѣе важными, второстепенными и не требовали употребленія для нихъ главныхъ силъ шведской арміи подъ личнымъ предводительствомъ Густава-Адольфа. Часть силъ протестантскихъ достаточна была для того, чтобы не позволять Тилли успливаться и утверждаться въ западной Германіи и чтобы обезпечивать отъ него дѣйствія главныхъ силъ съ фланга. Сверхъ того дѣйствія главными силами противъ Тилли, внеся войну въ земли протестантовъ западной Германіи, удалили бы ее отъ южной Германіи и родовыхъ владѣній императора. Всего выгоднѣе и сообразнѣе съ обстоятельствами Густавъ-Адольфъ призналъ дѣйствовать въ одно время противъ родовыхъ владѣній императора, противъ Тилли и въ юго-западной Германіи. Съ главными силами шведской арміи предположилъ онъ двинуться изъ Саксоніи чрезъ Турингію и Франконію въ Швабію, способствовать возстанію и вооруженію протестантовъ юго-западной Германіи, присоединить къ себѣ силы и средства ихъ, отдѣлить Тилли и рейнскихъ католическихъ владѣтелей отъ Баваріи и императора или, лучше сказать, отрѣзать южную Германію отъ западной и, утвердившись на всей полосѣ между Балтійскимъ моремъ, нижнимъ Одеромъ и верхнимъ Рейномъ, равно и на среднемъ Рейнѣ, тогда уже съ запада обратиться противъ Баваріи и Австріи. Между тѣмъ курфирстъ саксонскій съ саксонскими войсками и частію шведскихъ и другихъ протестантскихъ долженъ былъ внести войну въ Силезію, Богемію и Моравію, обезпечивая такимъ образомъ лѣвый флангъ шведской арміи, а ландграфъ гессенъ-кассельскій съ своими войсками и частію шведскихъ и другихъ протестантскихъ долженъ былъ наблюдать за Тилли и, не позволяя ему усиливаться и утверждаться въ западной Германіи, обезпечивать отъ него правый флангъ и сообщенія шведской арміи. Таковъ былъ планъ дѣйствій Густава-Адольфа, основанный на вѣрномъ, глубокомъ и дальновидномъ соображеніи всѣхъ современныхъ политическихъ и военныхъ объстоятельствъ. И этотъ превосходно соображенный планъ былъ и исполненъ столько же искусно, по крайней мѣрѣ въ томъ, что касалось дѣйствій самаго Густава-Адольфа.

§ 32.

Дѣйствія въ Силезіи и Богеміи.

10,000 императорскихъ войскъ подъ начальствомъ Тифенбаха и Гёца вторглись (въ октябрѣ) изъ Силезіи въ верхнюю и нижнюю Лузацію и Бранденбургію, опустошая край и посылая отряды до Дрездена и Берлина. Но вскорѣ они отступили въ Силезію и Богемію, по приказанію императора, хотѣвшаго мѣрами кроткими и переговорами, вмѣсто прежнихъ строгихъ и рѣшительныхъ мѣръ, привлечь курфурста саксонскаго на свою сторону. Вслѣдъ за ними саксонскій фельдмаршалъ Арнгеймъ съ саксонскою арміею, Баннеръ съ частію шведскихъ войскъ и Гампльтонъ съ англійскими всего отъ 20,000 до 25,000 чел., двинулись (въ исходѣ октября) отъ Торгау и Франкфурта въ Богемію и Силезію. При содѣйствіи чеховъ и маломъ сопротивленіи слабыхъ числомъ императорскихъ войскъ, союзная армія въ весьма скоромъ времени взяла Буддинъ, вступила въ Прагу, опрокинула императорскія войска отъ Нимбурга къ Табору, разбила отрядъ оныхъ подъ Прагою и заняла Эгеръ и Пильзенъ. Императоръ принужденъ былъ вызвать изъ Италіи Галласа съ войсками. Но, не смотря ни на содѣйствіе чеховъ, ни на малое число императорскихъ войскъ въ Богеміи, ни на безпокойства, снова обнаружившіяся между протестантами верхней и нижней Австріи, ни на вторженіе трансильванскаго князя Ракоци въ Венгрію и нижнюю Австрію — обстоятельства,

столь благопріятныя для продолженія курфирстомъ саксонскимъ наступательныхъ дѣйствій изъ Богеміи въ Моравію и самую Австрію, курфирстъ вдругъ остановился среди своихъ успѣховъ, началъ колебаться и вступилъ въ тайные переговоры съ императоромъ. Вскорѣ шведскія и англійскія войска отдѣлились отъ саксонской арміи и пошли, одни въ Саксонію, другія въ Мекленбургъ. Въ Богеміи же военныя дѣйствія временно прекратились почти совершенно, и саксонская армія, распространившись по Богеміи, вела только малую войну отрядами и грабила край.

§ 33.

Дѣйствія въ сѣверо-западной Германіи.

По удаленіи Тилли съ Везера на Майнъ и въ Швабію (см. ниже),—на нижней Эльбѣ, въ пространствѣ между Эльбою, Везеромъ и моремъ остались: Паппенгеймъ съ небольшимъ числомъ войскъ и католическіе гарнизоны въ нѣкоторыхъ городахъ, важнѣйшими изъ которыхъ были Магдебургъ, Висмаръ и Демицъ. Въ ноябрѣ Паппенгеймъ, собравъ около 8,000 войскъ, принудилъ Баннера снять осаду Магдебурга. Но вскорѣ противъ Паппенгейма обратились съ Везера и Эльбы, съ сѣвера и юга, превосходныя силы Тотта, Баннера, Гамильтона, епископа бременскаго и прибывшія на помощь Баннеру войска, новонабранныя принцемъ Вильгельмомъ саксенъ-веймарскимъ въ Турингіи. Результатомъ дѣйствій всѣхъ этихъ войскъ было то, что Паппенгеймъ былъ принужденъ отступить за Везеръ въ нижнерейнскія католическія владѣнія, противъ которыхъ съ юга дѣйствовали войска ландграфа гессенъ-кассельскаго. Магдебургъ же, Висмаръ, Демицъ и нѣкоторые другіе города были взяты шведами и протестантами. Когда такимъ образомъ нижняя Эльба и пространство между Эльбою, Везеромъ и моремъ были очищены отъ императорскихъ войскъ, Баннеръ съ большею частію шведскихъ войскъ и войсками, набранными принцемъ Вильгельмомъ саксенъ-веймарскимъ, двинулся чрезъ Турингію и Франконію на соединеніе съ Густавомъ-Адольфомъ.

§ 34.

Главныя дѣйствія въ юго-западной Германіи;—движеніе Густава-Адольфа и Тилли къ Майну.

Уже 17-го сентября Густавъ-Адольфъ двинулся съ шведскою арміею изъ Галле въ Турингію. Занявъ хитростью Эрфуртъ, онъ приказалъ сильно укрѣпить его, оставилъ въ немъ принца Вильгельма саксенъ-веймарскаго для набора войскъ, продолжалъ идти чрезъ Готу, Арнштадтъ, Ильменау и Шлейзингенъ къ Швейнфурту и вездѣ былъ встрѣчаемъ какъ избавитель. 4-го октября шведская армія подступила къ Вюрцбургу: городъ на другой же день сдался на капитуляцію, но замокъ держался упорно и только 8-го октября былъ взятъ приступомъ. Взятіе Вюрцбурга было важно тѣмъ, что нанесло сильный ударъ могущественнѣйшему изъ рейнскихъ католическихъ владѣтелей—архіепископу вюрцбургскому, равно и тѣмъ, что шведы овладѣли въ Вюрцбургѣ большими запасами продовольствія, денежными суммами и богатыми сокровищами. Здѣсь заключенъ былъ между Густавомъ-Адольфомъ и представителями франконскаго округа союзъ; первый обѣщалъ свое покровительство и защиту, а послѣднее—быть вѣрными союзниками и во всемъ содѣйствовать ему. Въ Франконіи немедленно приступлено было къ набору войскъ. Присоединеніе богатой, обильной всякими средствами и еще мало пострадавшей отъ войны Франконіи было чрезвычайно важно для шведовъ.

Между тѣмъ Тилли, находившійся при Алефельдѣ на Везерѣ, всѣми способами старался отвлечь Густава-Адольфа къ Везеру. Оставивъ часть войскъ при Алефельдѣ, сначала онъ показывалъ видъ, будто хочетъ перейдти черезъ Везеръ, потомъ двинулся въ Гессенъ-Кассель, соединился въ Фрицларѣ съ Фуггеромъ и Альтрингеромъ, и видя, что Густавъ-Адольфъ продолжаетъ идти къ Майну, двинулся туда же чрезъ Фульду и Ашафенбургъ, имѣя уже около 18,000 чел. пѣхоты и 8,000 чел. конницы, всего около 26,000 войскъ, и намѣреваясь соединиться съ 13,000 войскъ герцога лотарингскаго, который, вступивъ въ союзъ съ императоромъ, еще въ концѣ сентября перешелъ черезъ Рейнъ въ Вормсѣ и слѣдовалъ къ Ашафен-

бургу. Авангардъ его (4,000 войскъ), еще до прибытія Тилли, былъ внезапно атакованъ и разбитъ шведами между Мергентгеймомъ и Бишофсгеймомъ. Но самъ герцогъ лотарингскій успѣлъ соединиться въ Мильтенбергѣ съ Тилли, силы котораго возрасли тогда до 37—38,000 войскъ. Твердо намѣренный вступить съ Густавомъ-Адольфомъ въ рѣшительный бой, Тилли двинулся къ Бишофсгейму на р. Тауберъ. Но курфирстъ баварскій, опасаясь за свои владѣнія, приказалъ ему уклоняться отъ боя и ограничиваться только прикрытіемъ Баваріи. Для этой же цѣли онъ собралъ около 12,000 войскъ въ лагерѣ при Донаувертѣ и производилъ наборъ въ Баваріи.

Раздраженный приказаніемъ курфирста баварскаго, Тилли хотѣлъ отказаться отъ начальствованія войсками и только по убѣдительнымъ просьбамъ приближенныхъ своихъ и самаго курфирста рѣшился сохранить оное. Онъ послалъ часть войскъ для внезапнаго нападенія на Вертгеймъ и овладѣнія имъ. Это предпріятіе не имѣло успѣха: Густавъ-Адольфъ устроилъ засаду и Тилліевъ отрядъ былъ разбитъ. Вслѣдъ затѣмъ Густавъ-Адольфъ съ своей стороны произвелъ внезапное нападеніе на 4 императорскіе полка близъ Крелингена, разбилъ и разсѣялъ ихъ. Вскорѣ Тилли, присоединивъ къ себѣ 14,000 войскъ, прибывшихъ изъ Эльзаса, нижняго Пфальца и Виртемберга, овладѣлъ Роттенбургомъ, Виндсгеймомъ и Оксенфуртомъ и расположился при Виндсгеймѣ. А Густавъ-Адольфъ, задержанный болѣзнію въ Вюрцбургѣ, заключилъ съ ландграфомъ гессенъ-дармштадтскимъ договоръ, по которому послѣдній уступилъ шведамъ нѣкоторыя свои крѣпости, но оставался неутральнымъ.

Такимъ образомъ малодушіе курфирста баварскаго воспрепятствовало Тилли воспользоваться превосходствомъ своимъ въ силахъ надъ Густавомъ-Адольфомъ, а послѣднему напротивъ позволило утвердиться на Майнѣ.

§ 35.

Движеніе Густава-Адольфа внизъ по Майну къ Рейну.

Утвердившись въ Турингіи и Франконіи и оставивъ въ послѣдней, для занятія ея и обезпеченія сообщеній шведской арміи, Горна съ 16,000 войскъ, Густавъ-Адольфъ въ ноябрѣ предпринялъ съ 18,000 войскъ движеніе внизъ по Майну къ Рейну, съ тѣмъ, чтобы утвердиться на обѣихъ этихъ рѣкахъ и обезпечить себя со стороны рейнскихъ католическихъ владѣтелей, испанскихъ войскъ и самой Франціи, и воспользоваться обильными средствами богатаго прирейнскаго края прежде, нежели обратиться въ южную Германію противъ Баваріи и Австріи. Утвердиться на Рейнѣ для Густава-Адольфа было не трудно потому, что рейнскіе католическіе владѣтели, по слабости силъ своихъ, не могли оказать ему значительнаго сопротивленія, а города по Майну, важнѣйшимъ изъ которыхъ былъ Майнцъ, имѣли слабые гарнизоны. Еще прежде предпринятія Густавомъ-Адольфомъ движенія внизъ по Майну, шведскій полковникъ Гаубальдъ съ 2,200 чел. драгуновъ и конницы овладѣлъ (1-го ноября), посредствомъ эскалады, городомъ Ганау. 9-го ноября Густавъ-Адольфъ двинулся внизъ по Майну: изъ 18,000 его войскъ небольшой отрядъ шелъ по правому, а главныя силы по лѣвому берегамъ рѣки; флотилія изъ судовъ, нагруженныхъ артиллеріей, тяжестями и запасами, плыла между войсками внизъ по Майну. Бо́льшая часть городовъ по Майну, въ томъ числѣ и Франкфуртъ, впустили шведовъ, а гарнизоны ихъ вступили въ шведскую службу. 18-го ноября Густавъ-Адольфъ соединился въ Гёхстѣ съ 14,000 войскъ ландграфа гессенъ-кассельскаго, прибывшаго изъ Гессенъ-Касселя, и въ числѣ 32,000 войскъ расположился на правомъ берегу Рейна, по обѣимъ сторонамъ Майна, главными силами противъ Майнца. Этотъ городъ былъ приведенъ въ сильное оборонительное положеніе и прикрытъ съ праваго берега укрѣпленнымъ городкомъ Касселемъ, сообщеніе съ которымъ обезпечивалось мостомъ черезъ Рейнъ. 2,000 или 2,500 чел. испанскихъ войскъ, подъ начальствомъ маркиза Спльвы, составляли гарнизонъ Майнца.

§ 36.

Переходъ Густава-Адольфа черезъ Рейнъ и утвержденіе его на этой рѣкѣ.

Найдя невозможнымъ овладѣть Майнцомъ съ правой стороны Рейна и затруднительнымъ перейдти черезъ Рейнъ ниже Майнца, для овладѣнія послѣднимъ съ лѣвой стороны рѣки, Густавъ-Адольфъ готовился уже перейдти для этого чрезъ Рейнъ выше Майнца и Майна, когда получилъ извѣстіе, что Тилли осадилъ Нюрнбергъ. Густавъ-Адольфъ двинулся немедленно на помощь этому союзному съ шведами и важному для нихъ городу. Но узнавъ во Франкфуртѣ, что Тилли снялъ осаду и отступилъ къ Дунаю (см. ниже), онъ воротился къ Рейну. Оставивъ гессенскія войска для обложенія Майнца съ праваго берега Рейна и для покоренія края на правой сторонѣ этой рѣки выше и ниже Майна, онъ перешелъ на лѣвую сторону Майна (1-го декабря) и, сдѣлавъ сначала ложное движеніе по направленію къ Дармштадту и Гейдельбергу, потомъ внезапно и быстро обратился къ Оппенгейму, въ ночь съ 6-го на 7-е декабря переправился скрытно въ лодкахъ съ 300 чел. войскъ, при Гернсгеймѣ, выше Оппенгейма, на лѣвый берегъ Рейна занятый испанскими войсками, построилъ мостъ, перевелъ по немъ (7-го и 8-го декабря) всѣ свои войска, взялъ Оппенгеймъ и, подступивъ къ Майнцу, обложилъ его съ лѣваго берега Рейна. 13-го декабря Спильва сдалъ Майнцъ на капитуляцію: испанскія войска получили свободный выходъ, но большею частію вступили въ шведскую службу. Густавъ-Адольфъ приказалъ привести Майнцъ въ спльное оборонительное положеніе, возстановилъ мостъ черезъ Рейнъ, заложилъ фортъ при сліяніи Майна съ Рейномъ и, оставивъ на лѣвой сторонѣ Рейна герцога Бернгарда саксенъ-веймарскаго, отправился во Франкфуртъ. Вскорѣ курфирстъ майнцскій, чрезъ посредничество Франціи, отказался отъ союза съ императоромъ. Герцогъ лотарингскій отдѣлился отъ Тилли съ своими войсками, значительно ослабленными болѣзнями, побѣгами и потерями противъ непріятеля, и поспѣшилъ въ свои владѣнія, которымъ угрожали, съ одной стороны—французская армія, а съ другой — шведскія войска. Но вскорѣ всѣ войска герцога лотарингскаго были истреблены или разсѣяны, и онъ отказался отъ союза съ императоромъ, а французы заняли Трпръ, Кобленцъ и Перманштейнъ (нынѣ Эренбрейтштейнъ). Въ продолженіи января и февраля 1632 года всѣ прочіе рейнскіе католическіе владѣтели до границъ испанскихъ Нидерландовъ обязались соблюдать неутралитетъ, испанскія войска были принуждены отступить въ Нидерланды, а шведскія и гессенъ-кассельскія утвердились на обѣихъ сторонахъ средняго Рейна въ Эльзасѣ, нижнемъ Пфальцѣ, курфиршествѣ Кёльнскомъ и др.

§ 37.

Дѣйствія Горна и Тилли въ Франконіи.

Когда Густавъ-Адольфъ двинулся внизъ по Майну, Тилли, связанный приказаніями курфирста баварскаго, не предпринималъ ничего рѣшительнаго противъ Горна, хотя былъ гораздо сильнѣе его. Онъ ограничился только разореніемъ края между Виндсгеймомъ и Аншпахомъ, послѣ чего обратился противъ Нюрнберга и осадилъ его. Но недостатокъ продовольствія, опасенія курфурста баварскаго, чтобы Тилли не былъ отрѣзанъ отъ Баваріи, снова данное имъ приказаніе сблизиться съ предѣлами Баваріи и прикрывать ихъ, ослабленіе Тилли, особенно послѣ отряженія имъ части войскъ въ Богемію противъ саксонцевъ, наконецъ взорваніе на воздухъ однимъ протестантскимъ офицеромъ, служившимъ въ Тилліевыхъ войскахъ, осаднаго парка Тилли—все это скоро принудило послѣдняго снять осаду Нюрнберга и отступить къ Нёрдлингену. Затѣмъ онъ расположилъ войска свои на квартирахъ по лѣвую сторону Дуная отъ границъ Богеміи до Неккара и Виртемберга. Но Горнъ двинулся къ Неккару, занялъ Гейльбронъ, принудилъ Тилліевы войска, расположенныя по Неккару, отступить къ Дунаю, очистилъ отъ католиковъ почти всю Швабію и потомъ, обратившись въ Франконію, взялъ Бамбергъ, вскорѣ однако же былъ принужденъ Тилліемъ отступить въ Швейнфурту.

§ 38.

Положеніе и силы обѣихъ воюющихъ сторонъ въ мартѣ 1632 года.

Въ мартѣ 1632 года—пять съ половиною мѣсяцовъ послѣ Брейтенфельдскаго сраженія—Густавъ-Адольфъ и германскіе протестанты имѣли уже отъ 140,000 до 150,000 войскъ, главными силами (въ числѣ около 100,000) расположенныхъ на среднемъ Рейнѣ, въ Франконіи и Богеміи, а остальными занимавшихъ западную и сѣверную Германію до береговъ Балтійскаго моря и Одера. Сверхъ того на всемъ этомъ пространствѣ производились дѣятельные наборы войскъ. Всѣ протестантскіе владѣтели Германіи были вооружены и въ союзѣ съ Густавомъ-Адольфомъ противъ императора и католиковъ. Изъ европейскихъ державъ, Франція содѣйствовала Густаву-Адольфу и протестантамъ мѣрами политическими, слѣдствіемъ которыхъ было обезоруженіе, приведеніе въ бездѣйствіе и неутралитетъ большей части рейнскихъ католическихъ владѣтелей. Остальная часть послѣднихъ была принуждена къ тому силою. Шведскія и протестантскія войска стояли уже на предѣлахъ Баваріи и родовыхъ владѣній императора, расположеніемъ своимъ отрѣзывая ихъ отъ рейнскихъ католическихъ владѣній. Курфирстъ баварскій, волнуемый опасеніемъ за свои владѣнія, былъ ненадеженъ. Верхняя Австрія была въ полномъ возстаніи; Турція казалась готовою возстать противъ Австріи, Испанія приведена въ бездѣйствіе въ Нидерландахъ, Швейцарія благопріятствовала шведамъ и протестантамъ. И къ довершенію всего—силы императора и католиковъ были самыя незначительныя, составляя не болѣе 80,000 войскъ, изъ которыхъ около 60,000, разстроенныхъ и упавшихъ духомъ, находились на лѣвой сторонѣ Дуная, на пространствѣ отъ Швабіи до Моравіи, составляя единственное прикрытіе Баваріи и родовыхъ владѣній императора, а остальныя войска (около 20,000) были разсѣяны частію въ полѣ малыми отрядами, частію по гарнизонамъ въ Силезіи, въ Нижне-Саксонскомъ округѣ, въ Вестфаліи, между Эльбою, Везеромъ и Рейномъ, и съ трудомъ держались противъ окружавшихъ ихъ, превосходныхъ протестантскихъ силъ. Въ Моравіи, Австріи, Тиролѣ, Баваріи и Италіи производились наборы войскъ, но скорой помощи отъ нихъ ожидать было невозможно.

Такой значительный перевѣсъ Густава-Адольфа и протестантовъ въ силахъ, средствахъ и выгодахъ всѣхъ родовъ надъ императоромъ и католиками побуждалъ ихъ къ дальнѣйшимъ, дѣятельнымъ и рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ Баваріи и императора.

§ 39.

Движеніе Густава-Адольфа въ Баварію. — Переправа его черезъ Лехъ.

Дѣйствительно, оставивъ Оксеншерна и герцога Бернгарда саксенъ-веймарскаго на лѣвой сторонѣ Рейна въ Эльзасѣ, поручивъ ландграфу гессенъ-кассельскому наблюдать за курфирстомъ Кёльнскимъ и другими рейнскими католическими владѣтелями, а Тотту и войскамъ Нижне-Саксонскаго округа — дѣйствовать противъ Паппенгейма на Везерѣ, Густавъ-Адольфъ въ началѣ марта сосредоточилъ въ Франконіи при Кицингенѣ, на среднемъ Майнѣ, главныя свои силы числомъ около 45,000 войскъ, присоединеніемъ къ себѣ Горна, Баннера и принца Вильгельма саксенъ-веймарскаго, и 18-го марта двинулся чрезъ Виндсгеймъ къ Нюрнбергу. Тилли, расположенный до того времени на квартирахъ въ епископствѣ Бамбергскомъ, отступилъ передъ шведами черезъ Форхсгеймъ и Эрлангенъ, мимо Нюрнберга и черезъ Неймарктъ къ Ингольштадту, гдѣ перешелъ черезъ Дунай и расположился близъ городка Райна за Лехомъ. Густавъ-Адольфъ вступилъ въ Нюрнбергъ, жители котораго встрѣтили его съ восторгомъ и снова поклялись быть вѣрными союзниками шведовъ. Изъ Нюрнберга Густавъ-Адольфъ продолжалъ идти за войсками Тилли до Неймаркта, откуда обратился къ Донауверту. Овладѣвъ передовыми Шелленбергскими укрѣпленіями его, онъ принудилъ герцога Лауенбургскаго, начальствовавшаго войсками курфирста Баварскаго, отступить за Дунай и изъ Донауверта, взялъ самый Донауертъ и послалъ Горна съ частію войскъ въ Швабію, для овладѣнія Ульмомъ и другими пунктами на лѣвомъ берегу Дуная, что и было исполнено Горномъ. Изъ Донауверта Густавъ-Адольфъ дви-

пулся прямо къ нижнему Леху, за которымъ Тилли и курфирстъ Баварскій расположились съ войсками своими, числомъ около 40,000 чел., въ укрѣпленной позиціи между Дунаемъ и Райномъ, имѣя спереди Лехъ, а сзади рѣчку Айха. Райнъ, всѣ пункты по Леху до Аугсбурга и самый Аугсбургъ были заняты войсками курфирста и Тилли, а всѣ мосты на Лехѣ уничтожены. Удостовѣрившись въ слабости позиціи курфирста и Тилли, расположенной за исходящимъ къ сторонѣ шведовъ изгибомъ Леха, лѣвый берегъ котораго господствовалъ надъ низменнымъ, болотистымъ пространствомъ, отдѣлявшимъ, на правомъ берегу, позицію католиковъ отъ самой рѣки, Густавъ-Адольфъ рѣшился перейдти въ этомъ мѣстѣ черезъ Лехъ силою, для того, чтобы скорѣе настигнуть и разбить курфирста и Тилли, и смѣлою переправою въ виду ихъ и нападеніемъ на нихъ въ собственной ихъ позиціи, которую они считали неприступною, нравственно поколебать и устрашить и ихъ, и ихъ войска. Подъ прикрытіемъ огня 72-хъ орудій, онъ переправилъ часть пѣхоты черезъ Лехъ, устроилъ въ два дня мостъ, прикрытый земляными окопами, и перевелъ по немъ (6-го апрѣля) пѣхоту, пославъ конницу черезъ Лехъ въ бродъ нѣсколько выше позиціи непріятеля. Курфирстъ и Тилли съ отборными войсками сошли съ своей позиціи и атаковали шведовъ, но потерпѣли сильный уронъ отъ перекрестнаго огня шведской артиллеріи и были сами атакованы шведскою пѣхотою съ фронта, а шведскою конницею во флангъ. Въ упорномъ бою, произшедшемъ вслѣдствіе того между Лехомъ и позиціею курфирста и Тилли, послѣднему оторвало ядромъ ногу; Альтрингеръ, заступившій его мѣсто, былъ также тяжело раненъ въ голову; войска курфирста и Тилли пришли въ разстройство и отступили въ укрѣпленную позицію свою, въ которой, по причинѣ наступившей темноты и крайняго утомленія шведовъ, не были однако атакованы послѣдними. Но цѣль Густава-Адольфа была вполнѣ достигнута: армія курфирста и Тилли была такъ разстроена и такъ упала духомъ, что курфирстъ передъ разсвѣтомъ отступилъ къ Нейбургу и далѣе къ Ингольштадту. Неизвѣстно и непонятно, почему Густавъ-Адольфъ не преслѣдовалъ его. Потерявъ въ бою на Лехѣ и при отступленіи около 4,000 войскъ, курфирстъ расположился на лѣвомъ берегу Дуная, противъ Ингольштадта, въ укрѣпленномъ лагерѣ. А Густавъ-Адольфъ взялъ Райнъ, всѣ пункты по Леху до Аугсбурга включительно, вступилъ въ самый Аугсбургъ, жители котораго присягнули ему въ вѣрности, двинулся къ Ингольштадту, осадилъ его, отвергнулъ предложенные ему курфирстомъ переговоры о заключеніи перемирія и потомъ мира, но не принялъ мѣръ къ отрѣзанію курфирсту сообщеній съ Богеміей и Австріей. Такимъ образомъ курфирстъ безпрепятственно отступилъ чрезъ Нейштадтъ къ Регенсбургу, который занялъ хитростью (не смотря на то, что этотъ городъ пользовался правами вольныхъ имперскихъ городовъ) и тѣмъ обезпечилъ вполнѣ сообщенія свои съ Богеміей. Густавъ-Адольфъ снялъ осаду Ингольштадта и, оставивъ отрядъ войскъ для наблюденія за этимъ городомъ, двинулся во внутренность Баваріи, чтобы тѣмъ привлечь туда курфирста. Марбургъ, Ландсгутъ, Фрейзингенъ и самый Мюнхенъ были безъ труда взяты шведами, которые овладѣли въ нихъ всякаго рода запасами, а въ Мюнхенѣ сверхъ того большимъ числомъ орудій. Жители городовъ Баваріи охотно покорялись шведамъ; но сельскіе жители какъ Баваріи, такъ и Швабіи, были крайне непріязненны къ нимъ и вели противъ нихъ повсемѣстно малую войну. Это побудило Густава-Адольфа двинуться съ главными силами къ Донауверту, оставивъ принца Вильгельма саксенъ-веймарскаго съ частію войскъ въ Баваріи, на правой сторонѣ Дуная, а Горна съ другою частію войскъ пославъ въ Швабію и къ верхнему Рейну.

Между тѣмъ Рейнграфъ, ландграфъ гессенъ-кассельскій и герцогъ Бернгардъ саксенъ-веймарскій вели успѣшно войну на пространствѣ между рѣками Рейномъ, Майномъ, Наге и Мозелемъ, овладѣли тамъ всѣми важнѣйшими пунктами и вытѣснили испанцовъ.

§ 40.

Положеніе обѣихъ воюющихъ сторонъ весною 1632 года.

Весною 1632 года политическое положеніе обѣихъ воюющихъ сторонъ измѣнилось. Обширные и важные успѣхи, пріобрѣтенные Густавомъ-Адольфомъ, возродили всеобщее опасеніе. Протестанты и католики Германіи, равно какъ и европейскія державы, начали опасаться, чтобы Густавъ-Адольфъ не увлекся честолюбіемъ и пріобрѣтенными успѣхами, и не замыслилъ утвердить собственной власти своей надъ Германіей, а католики, сверхъ того, чтобы онъ не нанесъ сильнаго удара католическому вѣроисповѣданію. Въ особенности же Ришельё видѣлъ необходимость остановить

дальнѣйшіе успѣхи Густава-Адольфа и, стараясь проникнуть настоящіе виды и намѣренія его, готовъ былъ подвигнуть противъ него Францію, въ случаѣ, еслибы онъ пріобрѣлъ надъ императоромъ и католиками еще болѣе значительный и опасный для Европы перевѣсъ. Дѣйствительно, Густавъ-Адольфъ находился въ это время на высшей степи могущества, императоръ же, напротивъ, въ самомъ отчаянномъ положеніи. Тщетно обращавшись съ просьбою о помощи къ Англіи, Франціи, Италіянскимъ владѣтелямъ и папѣ, столь же тщетно старавшись примириться съ курфирстомъ саксонскимъ, онъ увидѣлъ себя наконецъ вынужденнымъ прибѣгнуть къ Валленштейну, который одинъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ могъ спасти его—и согласиться на надменныя и даже унизительныя для императорскаго достоинства условія его. Онъ предоставилъ Валленштейну полную и неограниченную власть военную—надъ императорскими и испанскими войсками въ Германіи, и гражданскую—во всѣхъ владѣніяхъ имперіи, возвращенныхъ отъ непріятеля, полное распоряженіе военными дѣйствіями и всѣми конфискованными землями, назначеніе наградъ и наказаній; императоръ не долженъ былъ лично находиться при арміи и былъ обязанъ снабжать ее нужными для содержанія и веденія войны деньгами; сверхъ того всѣ владѣнія императора долженствовали быть открыты войскамъ Валленштейна, а послѣдній—возстановленъ въ правахъ своихъ на герцогство мекленбургское, и по окончаніи войны—получить въ награду инвеституру на одно изъ родовыхъ владѣній императора.

Валленштейнъ послалъ немедленно набирать войска въ Нидерландахъ, Польшѣ, Австріи, Силезіи, Моравіи, Кроаціи, Штиріи, Тиролѣ, Каринтіи и др. странахъ. Слава, богатство и щедрость его въ самое короткое время привлекли подъ его знамена около 40,000 войскъ, которыя и собирались въ Моравіи вокругъ Цнайма.

Такимъ образомъ Ришельё съ одной и Валленштейнъ съ другой стороны давали уже иной оборотъ дѣламъ въ Германіи, и перевѣсъ политическій началъ снова склоняться въ пользу императора и католиковъ. Весьма естественно, что политика Франціи, ненадежность курфирстовъ баварскаго и саксонскаго, опасенія самихъ протестантскихъ союзниковъ Густава-Адольфа, наконецъ—примиреніе Валленштейна съ императоромъ и вооруженіе имъ сильной арміи—все это побуждало Густава-Адольфа къ осторожности, къ утвержденію своему въ Баваріи и Швабіи, на верхнихъ Дунаѣ и Рейнѣ, и пріостановило его наступательныя дѣйствія.

§ 41.

Движеніе Валленштейна и курфирста Баварскаго въ Богемію.

Курфирстъ баварскій, опасаясь мщенія Валленштейна, сначала просилъ императора, чтобъ армія Валленштейна не вступала въ Баварію. Это обстоятельство, равно какъ и желаніе очистить Богемію отъ саксонцевъ, отторгнуть курфирста саксонскаго отъ союза съ Густавомъ-Адольфомъ, привлечь его на сторону императора и тѣмъ угрожать тылу и сообщеніямъ Густава-Адольфа и принудить его къ отступленію изъ южной Германіи, побудили Валленштейна изъ Моравіи двинуться въ Богемію (въ февралѣ). Не смотря ни на мѣстность края, ни на расположеніе жителей, благопріятствовавшія дѣйствіямъ оборонительнымъ, саксонскія войска не держались нигдѣ и отступали или, лучше сказать, бѣжали повсюду передъ войсками Валленштейна, вслѣдствіе-ли тайной политики курфирста саксонскаго или, какъ иные полагаютъ, измѣны Арнгейма—неизвѣстно. Валленштейнъ овладѣлъ Прагой (8-го мая) и принудилъ саксонцевъ отступить совершенно въ Саксонію. Но между тѣмъ Густавъ-Адольфъ вступилъ въ Баварію и курфирстъ Баварскій, доведенный до крайности и опасаясь потерять свои владѣнія, обратился къ императору съ просьбой о помощи, соглашаясь не только дозволить арміи Валленштейна вступить въ Баварію, но и подчинить себя и свои войска главному начальству Валленштейна и даже идти въ Богемію на соединеніе съ нимъ, оставивъ собственныя владѣнія совершенно открытыми и беззащитными. Тогда Валленштейнъ, оставивъ для занятія и охраненія Богеміи 10,000 войскъ подъ начальствомъ дона Балтасара Маррадаса, съ главными своими силами двинулся къ Эгеру, а оттуда къ Тиршенрейту, куда въ тоже время направился изъ Регенсбурга черезъ Зульцбахъ и курфирстъ Баварскій съ своими войсками.

§ 42.

Движеніе Валленштейна и Густава-Адольфа къ Нюрнбергу.

Густавъ-Адольфъ, оставивъ 10,000 войскъ въ Баваріи, двинулся съ 16,000 войскъ вслѣдъ за курфирстомъ Баварскимъ и занялъ Амбергъ и Зульцбахъ. Но узнавъ о движеніи Валленштейна къ Тиршенрейту, на встрѣчу курфирсту Баварскому, не успѣвъ воспрепятствовать соединенію ихъ и угадавъ намѣреніе противниковъ своихъ стать на его сообщеніяхъ и отрѣзать его отъ Саксоніи, сѣверной Германіи и Балтійскаго моря, онъ двинулся немедленно къ Нюрнбергу, чтобы защищать этотъ городъ и оборонительными при немъ дѣйствіями обезпечить свои сообщенія, отвлечь Валленштейна отъ Саксоніи и, ослабивъ его, имѣть самому время усилиться. Нюрнбергъ былъ важенъ для него, какъ по союзу его съ нимъ, такъ и потому, что въ немъ имѣлись значительныя средства къ содержанію и усиленію войскъ, и сосредоточивались пути изъ Тюрингіи и Саксоніи, съ Майна, Рейна и Дуная, чѣмъ обезпечивались сообщенія шведской арміи съ этими частями Германіи и находившимися въ нихъ шведскими и протестантскими войсками.

Отступить изъ южной Германіи Густавъ-Адольфъ не хотѣлъ для того, чтобы не произвесть этимъ невыгоднаго нравственнаго впечатлѣнія на Германію, не лишиться плодовъ одержанныхъ имъ успѣховъ, не очистить Баваріи, Швабіи, Франконіи и всего края по Рейну и не пожертвовать средствами ихъ и союзниками своими въ нихъ. Идти же на встрѣчу Валленштейну и сразиться съ нимъ Густавъ-Адольфъ не могъ потому, что имѣлъ еще въ это время почти втрое слабѣйшія силы.

Прибывъ къ Нюрнбергу, Густавъ-Адольфъ началъ немедленно воздвигать вокругъ него, при пособіи гражданъ, нѣсколько рядовъ отдѣльныхъ редутовъ, вооруженныхъ значительнымъ числомъ орудій (до 300), свозить въ городъ изъ окрестностей всякаго рода продовольственные запасы, а между тѣмъ приказалъ войскамъ своимъ, находившимся на Майнѣ, Рейнѣ и въ Эльзасѣ сосредоточиваться къ Нюрнбергу, а часть конницы выслалъ къ Неймаркту для развѣдыванія. Но конница эта была разбита и Валленштейнъ съ 60,000 императорско-баварскихъ войскъ двинулся (30-го іюня) къ Нюрнбергу.

§ 43.

Дѣйствія при Нюрнбергѣ.

Не смотря на то, что силы его были втрое значительнѣе и что онъ стоялъ уже на сообщеніяхъ Густава-Адольфа, Валленштейнъ не хотѣлъ однако дѣйствовать противъ него рѣшительно съ цѣлію боя, но избралъ другое средство, менѣе дѣйствительное и требовавшее гораздо болѣе времени. Онъ рѣшился обложить шведскую армію при Нюрнбергѣ и голодомъ довести ее до такой крайности, которая принудила бы наконецъ Густава-Адольфа согласиться на заключеніе выгоднѣйшаго для императора и его, Валленштейна, мира. Къ этому побуждали его, сколько извѣстно, во 1-хъ то, что онъ находилъ шведскій укрѣпленный лагерь слишкомъ сильнымъ и не отваживался, по предразсудкамъ того времени, атаковать его открытою силой, даже съ превосходнымъ числомъ войскъ; во 2-хъ то, что онъ полагалъ средства продовольствованія шведской арміи и жителей Нюрнберга несравненно меньшими, нежели какими они дѣйствительно были; въ 3-хъ то, что Валленштейнъ, прежде пренебрегавшій и Швеціею, и Густавомъ-Адольфомъ, уже питалъ къ послѣднему чрезвычайное уваженіе, признавалъ его не изъ числа обыкновенныхъ людей и полководцевъ и видѣлъ необходимость дѣйствовать противъ него весьма осторожно, ничего не предоставляя случаю; наконецъ въ 4-хъ можетъ быть и вѣрованіе Валленштейна въ астрологію, предрекшую ему, что счастіе будетъ благопріятствовать Густаву-Адольфу только до ноября 1632 года. Какъ бы то ни было, Валленштейнъ, обложеніемъ и доведеніемъ шведской арміи голодомъ до крайности надѣясь подѣйствовать на волю Густава-Адольфа и принудить его къ миру, выгоднѣйшему для императора и самаго его, Валленштейна, доказалъ только, что онъ, при всѣхъ высокихъ качествахъ ума своего, вовсе не понималъ Густава-Адольфа и не умѣлъ вполнѣ оцѣнить ни великой души, ни всей силы воли его. Густавъ-Адольфъ

желалъ мира, но выгоднѣйшаго не для императора и не для Валленштейна, а для германскихъ протестантовъ, для Германіи, для всей Европы и, что весьма естественно, для Швеціи, сдѣлавшей столько пожертвованій и проливавшей кровь свою за свободу Германіи. Но никогда Густавъ-Адольфъ (какъ онъ самъ неразъ объявлялъ это) не согласился бы на миръ, невыгодный для германскихъ протестантовъ, Германіи и Швеціи, никто не могъ принудить его къ тому и доведенный до послѣдней крайности, онъ скорѣе рѣшился бы на самыя отчаянныя средства, нежели согласиться на то, что̀ долженствовало, по его мнѣнію, погубить и протестантовъ, и Германію, повредить Швеціи и собственное его имя покрыть стыдомъ. Отъ того Валленштейнъ и былъ чрезвычайно удивленъ, когда впослѣдствіи усмотрѣлъ недѣйствительность принятаго имъ образа дѣйствій, и говорилъ, что не ожидалъ такой твердости со стороны Густава-Адольфа.

Густавъ-Адольфъ, напротивъ, очень хорошо понималъ Валленштейна, видѣлъ въ немъ честолюбца, но не великаго полководца и объ искуствѣ его имѣлъ весьма невысокое мнѣніе. Зная при этомъ, какого рода войсками начальствовалъ Валленштейнъ, увѣренный въ себѣ, въ своихъ генералахъ и въ превосходныхъ войскахъ своихъ, имѣя совершенную свободу въ дѣйствіяхъ по внушенію своего генія, онъ не могъ опасаться Валленштейна, даже расположеннаго съ силами, втрое превосходнѣйшими, на его сообщеніяхъ.

Все это легко объясняетъ дѣйствія при Нюрнбергѣ. Приблизившись къ Нюрнбергу съ сѣвера, Валленштейнъ перешелъ при Швабахѣ черезъ р. Реднитцъ и расположился за нею къ западу отъ Нюрнберга, на главныхъ путяхъ, которые вели къ Нюрнбергу съ нижняго Майна и средняго Рейна, правымъ флангомъ къ городку Штейну, лѣвымъ къ рѣчкѣ Биберъ, въ сильной укрѣпленной позиціи. Къ сѣверу же, югу и даже востоку отъ Нюрнберга посланы были изъ Валленштейновой арміи отряды войскъ, которые должны были отовсюду окружать, стѣснять, тревожить шведскую армію и препятствовать ей добывать продовольствіе. Долго обѣ арміи оставались въ этомъ расположеніи, ведя только дѣятельную вокругъ Нюрнберга малую войну, въ которой шведы почти постоянно имѣли успѣхъ, а войска Валленштейна, напротивъ, неудачу.

Замѣчательнѣйшими изъ этихъ дѣйствій были: 1) неудачная атака Валленштейномъ (5-го іюля) части шведскаго укрѣпленнаго лагеря, ошибочно указанной лазутчиками за самую слабую;—атака эта была отражена шведами съ урономъ 300 чел. для Валленштейна,—и 2) весьма удачное нападеніе шведовъ, на другой день, при городкѣ Фрейштедтлейнѣ, на большой непріятельскій транспортъ, состоявшій болѣе нежели изъ 1,000 повозокъ, истребленіе прикрытія, взятіе транспорта и пораженіе въ тоже время самимъ Густавомъ-Адольфомъ отряда, высланнаго Валленштейномъ на встрѣчу транспорту.

Между тѣмъ главныя силы съ обѣихъ сторонъ оставались въ бездѣйствіи. Густавъ-Адольфъ выжидалъ сосредоточенія своихъ силъ, а Валленштейнъ предположеннаго имъ успѣха обложенія шведской арміи. Но, благодаря благоразумной предусмотрительности Густава-Адольфа, въ Нюрнбергѣ было собрано столько запасовъ продовольствія, что ни шведская армія, ни жители города ни въ чемъ не нуждались до половины августа. Въ началѣ августа Оксеншерна прибылъ въ Кицингенъ на Майнѣ съ набранными имъ на Рейнѣ и въ Эльзасѣ войсками, соединился въ Кицингенѣ съ частію гессенскихъ, пфальцскихъ, шведскихъ и нижне-саксонскихъ войскъ, а въ Виндсгеймѣ съ Баннеромъ и герцогомъ Бернгардомъ саксенъ-веймарскимъ, прибывшими съ войсками изъ Швабіи и Баваріи. Тогда Оксеншерна, имѣя не менѣе 36,000 и не болѣе 40,000 войскъ, двинулся къ Нюрнбергу. Густавъ-Адольфъ вышелъ съ частію арміи на встрѣчу къ нему и принялъ мѣры не только для противудѣйствія Валленштейну, но и для нападенія на него въ случаѣ, еслибы онъ атаковалъ Оксеншерна. Однако, по вышеизложеннымъ причинамъ, Валленштейнъ ничало не препятствовалъ слѣдованію войскъ Оксеншерна и соединенію ихъ при Герцогенаурахѣ съ Густавомъ-Адольфомъ. По соединеніи съ Оксеншерна, Густавъ-Адольфъ имѣлъ уже около 50,000 войскъ, а всего въ Нюрнбергѣ и укрѣпленномъ лагерѣ, войскъ и городскихъ жителей было около 150,000 чел. Сосредоточеніе въ Нюрнбергѣ такого значительнаго числа людей, тогда, какъ продовольствія оставалось уже немного, а окрестный край былъ совершенно истощенъ, въ скоромъ времени произвело недостатокъ въ продовольствіи и фуражѣ, затѣмъ голодъ, болѣзни и смертность. Но армія Валленштейна находилась въ худшемъ еще положеніи. По присоединеніи къ Валленштейну изъ Баваріи Фуггера съ 8,000 войскъ и по отряженіи въ Саксонію Голька съ 6,000, Валленштейнъ имѣлъ еще около 60,000 войскъ. Истощеніе окрестнаго края, успѣшное веденіе шведами малой войны и взятіе ими большаго транспорта произвели наконецъ въ Валленштейновой арміи недостатокъ во всемъ, голодъ, болѣзни и смертность, бо̀льшіе еще, нежели въ шведской арміи.

Между тѣмъ, какъ только Оксеншерна присоединился къ Густаву-Адольфу, послѣдній, имѣя уже почти равныя съ Валленштейномъ силы и предвидя, что армія его вскорѣ будетъ болѣе и болѣе нуждаться въ

продовольствіи, рѣшился вступить съ Валленштейномъ въ бой, стараться его разбить или по крайней мѣрѣ принудить къ отступленію, въ особенности для того, чтобы бездѣйствіемъ не произвесть упадка духа въ своихъ войскахъ. Съ этою цѣлію онъ выступилъ (21-го августа) изъ лагеря и покушался выманить Валленштейна изъ его позиціи. Но, не успѣвъ въ томъ, онъ началъ сильно обстрѣливать лагерь Валленштейна, взялъ съ боя Фюртъ и перешелъ черезъ рѣку Реднищъ. Валленштейнъ ограничился только тѣмъ, что отвелъ часть своей арміи болѣе назадъ. Густавъ-Адольфъ расположился при Фюртѣ, укрѣпилъ свою позицію и 24-го августа атаковалъ Валленштейновъ лагерь. Но крутыя высоты, на которыхъ онъ былъ расположенъ и по которымъ могла взбираться, и то съ трудомъ, одна пѣхота, безъ конницы и артиллеріи, были причиной, что упорный и кровопролитный бой, продолжавшійся до глубокой ночи, кончился безъ успѣха для шведовъ. Валленштейнъ удержался въ своей позиціи, потерявъ однако 1,000 чел. убитыми и большое число раненыхъ и взятыхъ въ плѣнъ, а Густавъ-Адольфъ отступилъ къ Нюрнбергу, съ потерей 2,000 чел. убитыхъ и большаго числа раненыхъ. Это предпріятіе Густава-Адольфа кажется безполезнымъ и излишне отважнымъ потому только, что не имѣло успѣха; успѣха же не имѣло потому, что мѣстныя препятствія и затрудненія оказались гораздо значительнѣйшими, нежели какими Густавъ-Адольфъ предполагалъ ихъ.

Затѣмъ обѣ арміи оставались еще двѣ недѣли въ бездѣйствіи, ведя малую войну. Въ эти двѣ недѣли голодъ, болѣзни и смертность, особенно въ арміи Валленштейна, достигли высшей степени. По свидѣтельству современныхъ историковъ, потеря каждой арміи, въ продолженіи почти $2\frac{1}{2}$ мѣсяцовъ пребыванія при Нюрнбергѣ, простиралась до 20,000 чел. (такая потеря въ шведской арміи кажется преувеличенною). Въ Нюрнбергѣ погибло 10,000 жителей. Бо́льшая часть лошадей и скота въ обѣихъ арміяхъ и Нюрнбергѣ пала, а всѣ окрестности Нюрнберга на далекое разстояніе были совершенно разорены.

§ 44.

Отступленіе отъ Нюрнберга, Густава-Адольфа по направленію къ Вюрцбургу, а Валленштейна къ Бамбергу. — Движеніе Густава-Адольфа въ Баварію.

Наконецъ 8-го сентября Густавъ-Адольфъ, оставивъ въ Нюрнбергѣ 5,000 войскъ подъ начальствомъ Книпгаузена, безпрепятственно отступилъ со всею своею арміею мимо Валленштейнова лагеря по направленію къ Вюрцбургу и расположился сперва у Нейштадта на рѣчкѣ Айшъ, а потомъ у Виндсгейма, гдѣ у него оказалось всего 24,000 войскъ. 13-го же сентября и Валленштейнъ, предавъ огню лагерь свой и окрестныя селенія, и бросивъ большое число тяжестей, больныхъ и раненыхъ, прошелъ почти подъ самыми стѣнами Нюрнберга и двинулся на Форхсгеймъ. Гарнизонъ Нюрнберга атаковалъ арріергардъ Валленштейна и нанесъ ему сильный уронъ. Въ Форхсгеймѣ у Валленштейна оказалось также 24,000 войскъ. Взявъ Бамбергъ, Валленштейнъ послалъ отряды для занятія важнѣйшихъ по близости городовъ, а Галласа съ частію войскъ въ Богемію.

Удостовѣрившись въ отступленіи Валленштейна отъ Нюрнберга, Густавъ-Адольфъ оставилъ герцога Бернгарда саксенъ-веймарскаго съ сильнымъ отрядомъ войскъ для наблюденія за Валленштейномъ, а самъ съ главными силами двинулся чрезъ Дюнкельсбюль и Донаувертъ къ городу Райну, обложенному баварцами. Прибывъ къ Райну и найдя, что шведскій комендантъ этого города уже сдалъ его баварцамъ, онъ атаковалъ и взялъ у нихъ обратно Райнъ и, возстановивъ тѣмъ сообщенія между Баваріей, Швабіей и Майномъ, осадилъ Ингольштадтъ.

Валленштейнъ не атаковалъ ни герцога Бернгарда саксенъ-веймарскаго, ни Нюрнберга, и не послѣдовалъ за Густавомъ-Адольфомъ въ Баварію, а оставался при Бамбергѣ, расположивъ войска свои на пространныхъ квартирахъ, взимая контрибуціи и собирая продовольствіе. Но курфирстъ баварскій отдѣлился отъ него съ 7—8,000 своихъ войскъ, двинулся къ Регенсбургу, для прикрытія Баваріи, и по прибытіи туда, былъ усиленъ 6-ю тысячами войскъ, которыя испанцы набрали въ Италіи. По отдѣленіи Галласа и курфирста Баварскаго отъ Валленштейна, у послѣдняго осталось не болѣе 16,000 войскъ.

Трудно объяснить удовлетворительно причины дѣйствій обѣихъ противныхъ сторонъ послѣ отступленія отъ Нюрнберга, въ особенности же самое отступленіе обѣихъ армій, безпрепятственно совершенное мимо лагеря Валленштейна и подъ стѣнами Нюрнберга, къ сѣверу, къ Бамбергу и къ Майну. Должно предполагать, что обѣ стороны, кромѣ значительнаго вреда для себя, не видѣли никакой пользы въ дальнѣйшемъ пребываніи при Нюрнбергѣ, и что Валленштейнъ, зна-

чительно ослабленный, еще менѣе прежняго имѣлъ возможность и желаніе дѣйствовать противъ Густава-Адольфа рѣшительно, а послѣдній, почти увѣренный въ скоромъ отступленіи Валленштейна, самъ отступилъ не въ Баварію, а къ Майну, для лучшаго обезпеченія своихъ сообщеній съ Саксоніей, Турингіей и Рейномъ. Подлинная же цѣль обоихъ полководцевъ, подобно тому, какъ и многое въ этой войнѣ, остается не вполнѣ объясненною.

§ 45.

Современныя дѣйствія въ другихъ частяхъ Германіи.

Во время дѣйствій при Нюрнбергѣ, война продолжалась гораздо дѣятельнѣе въ другихъ частяхъ Германіи. Горнъ окончательно покорилъ Эльзасъ и изгналъ всѣ испанскіе отряды изъ нижняго Пфальца. Пользуясь удаленіемъ Паппенгейма, двинувшагося съ 12,000 войскъ изъ Вестфаліи чрезъ Гессенъ-Кассель въ Саксонію, шведскія войска подъ начальствомъ генерала Баудиссина вступили въ герцогство Бергское и въ курфиршество Кёльнское, овладѣли почти всѣми городами до Кёльна и снова принудили курфирста кёльнскаго къ неутралитету. Важнѣйшія же дѣйствія происходили въ Силезіи и Богеміи. Видя безуспѣшность мѣръ кротости и переговоровъ съ курфирстомъ саксонскимъ, императоръ снова принялъ противъ него мѣры строгія и рѣшительныя. Въ половинѣ іюня 6,000 императорскихъ войскъ двинулись изъ Силезіи въ Лузацію, опустошая на пути край. Аргеймъ обратился противъ нихъ съ саксонскою арміею, собравшеюся у Дрездена. Императорскія войска отступили передъ нимъ къ Одеру и отъ Одера далѣе до границъ самой Венгріи. Саксонцы покорили всю Силезію, но между тѣмъ, какъ увлеченные своими успѣхами, они удалялись отъ Саксоніи, 6,000 императорскихъ войскъ подъ начальствомъ Голька и вслѣдъ за ними другія 10,000 войскъ подъ начальствомъ Галласа вступили изъ Богеміи въ Саксонію, вскорѣ соединились съ Паппенгеймомъ, и въ числѣ около 30,000 заняли всю Саксонію по лѣвую сторону Эльбы. Это принудило саксонскую армію поспѣшить обратно въ Саксонію. Такимъ образомъ въ то время, какъ Валленштейнъ, находился въ бездѣйствіи и нерѣшимости при Бамбергѣ, Саксонія уже была занята императорскими войсками.

§ 46.

Движеніе Валленштейна и за нимъ Густава-Адольфа въ Саксонію.—Сраженіе при Люценѣ.

Занятіе Саксоніи 30-ю тысячами императорскихъ войскъ, удаленіе саксонской арміи и совершенное опустошеніе и истощеніе края вокругъ Бамберга побудили наконецъ Валленштейна идти въ Саксонію, принудить курфирста саксонскаго къ миру съ императоромъ и, ставъ на сообщеніяхъ Густава-Адольфа съ сѣверною Германіею, отвлечь его отъ Австріи и Баваріи. Изъ Бамберга онъ двинулся къ Кобургу и овладѣлъ этимъ городомъ (27-го сентября); но атака, произведенная противъ Кобургскаго замка, была отражена шведскимъ гарнизономъ. Отъ Кобурга онъ слѣдовалъ (5-го октября) чрезъ Кронахъ, Плауенъ и Вейду къ Альтенбергу и, соединившись здѣсь съ Голькомъ и Галласомъ, подступилъ (18-го октября) къ Лейпцигу. 22-го октября сдался Лейпцигъ, а 23-го—замокъ Плейссенбургъ. Черезъ нѣсколько дней Валленштейнъ двинулся съ 36 т. войскъ отъ Лейпцига чрезъ Эйленбургъ, къ Торгау и Дрездену, чтобы разбить воротившуюся къ Торгау 18-ти-тысячную саксонскую армію и взять Дрезденъ.

Между тѣмъ Густавъ-Адольфъ, съ своей стороны, находился въ Баваріи, хотѣлъ окончательно покорить ее, отвлечь тѣмъ Валленштейна отъ Саксоніи, Турингіи и Франконіи, и—можетъ быть — открыть дѣйствія противъ Австріи. Но узнавъ, что Саксонія занята 30-ю тысячами императорскихъ войскъ и что самъ Валленштейнъ двинулся туда же, вслѣдствіе чего въ Саксоніи долженствовало сосредоточиться до 50 т. императорскихъ войскъ, Густавъ-Адольфъ рѣшился нимало немедля идти также въ Саксонію, чтобы предупредить покореніе оной или отторженіе курфирста саксонскаго отъ союза съ нимъ. Снова Оксеншерна совѣтовалъ ему идти, вмѣсто Саксоніи, въ Австрію, волнуемую возстаніями протестантовъ, и противъ самой Вѣны, слабо укрѣпленной и почти беззащитной. Но Густавъ-Адольфъ не призналъ этого довольно осторожнымъ, благо-

разумнымъ и сообразнымъ съ тогдашними обстоятельствами. Оставивъ въ Баваріи и Швабіи 10 т. войскъ подъ начальствомъ Пфальцграфа Христіана Биркенфельскаго (до выздоровленія тяжелораненаго Баннера). и занявъ особенно сильными гарнизонами: Донаувертъ, Аугсбургъ и Райнъ, онъ двинулся въ началѣ октября черезъ Дюнкелсбюль и Кицингенъ къ Швейнфурту. Здѣсь сосредоточились всѣ его войска, число которыхъ, по присоединеніи къ нимъ и герцога Бернгарда саксенъ-веймарскаго, возросло до 27 т. челов. Изъ Швейнфурта шведская армія 2-мя колоннами перешла черезъ Турингскія горы и, пробывъ 5 дней для отдыха у Арнштадта, 26-го октября двинулась къ Эрфурту.

Извѣстившись въ Эйленбургѣ о движеніи Густава-Адольфа въ Саксонію и о прибытіи его въ Эрфуртъ, Валленштейнъ воротился немедленно въ Лейпцигъ и, соединившись съ 9 т. войскъ Паппенгейма, 29-го октября расположился при Вейсенфельсѣ,ославъ отряды войскъ къ Наумбургу, для занятія Кёзенской тѣснины и переправъ чрезъ р. Заале. Но уже было поздно: Густавъ-Адольфъ 29-го октября занялъ Кёзенскую тѣснину и Наумбургъ, перешелъ чрезъ р. Заале и расположился по другую сторону рѣки, близъ Наумбурга, въ укрѣпленномъ лагерѣ. Валленштейнъ находился въ нерѣшимости, что̀ предпринять. Собранный имъ военный совѣтъ объявилъ, что атаковать Густава-Адольфа въ его лагерѣ — опасно, что позднее время года требовало расположенія войскъ по квартирамъ, что это принудитъ и шведовъ сдѣлать тоже, но что необходимо только отправить часть войскъ въ Вестфалію и на нижній Рейнъ, для того, чтобы остановить тамъ успѣхи протестантовъ, а войска въ Саксоніи, для скорѣйшаго сбора ихъ въ случаѣ нужды, расположить на тѣсныхъ квартирахъ. И такъ военный совѣтъ, вмѣсто сосредоточенія и дѣйствій рѣшительныхъ или отступленія, которыя одни были возможны и дѣйствительны въ этихъ обстоятельствахъ, совѣтовалъ раздѣлиться, расположиться на квартирахъ и—въ бездѣйствіи ждать, чтобы и шведы сдѣлали тоже! Нерѣшимость Валленштейна была причиной, что онъ согласился съ этимъ, ни съ чѣмъ несообразнымъ мнѣніемъ. Паппенгеймъ съ 8—9 т. (а по иным съ 12 т.) войскъ былъ отряженъ къ Галле, для занятія этого города и, можетъ быть, для дальнѣйшаго движенія къ Кёльну и освобожденія его. Самъ же Валленштейнъ, оставивъ гарнизонъ въ Вейсенфельскомъ замкѣ иославъ отряды къ Алтенбургу и Цвикау, для наблюденія за шведами, предпринялъ (4-го ноября) съ главными силами, числомъ до 40 т. войскъ, отступленіе къ Мерзебургу, для того, чтобы расположиться на тѣсныхъ квартирахъ между р. Заале и Флоссъ-Грабеномъ. Въ это время 40 т. войскъ Валленштейна находились между шведскою арміею (27 т. войскъ), бывшею при Наумбургѣ, саксонскою (18 т. войскъ), находившеюся при Торгау, и войсками Нижне-Саксонскаго округа и брауншвейгъ-люнебургскими (около 10 т.), двинувшимися по лѣвой сторонѣ Эльбы къ Саксоніи, всего между—50—55 т. войскъ. Противъ всѣхъ трехъ соединенныхъ арміи Валленштейнова армія была гораздо слабѣе; но противъ каждой изъ нихъ порознь—несравненно сильнѣе. И потому Валленштейну слѣдовало предупредить соединеніе ихъ и разбить ихъ отдѣльно, начавъ съ ближайшей и опаснѣйшей—шведской. Но такой образъ дѣйствій нимало не согласовался съ нерѣшительностью Валленштейна, которая, казалось, увеличилась въ той же мѣрѣ, въ которой возрасли уваженіе его къ военнымъ дарованіямъ и искуству Густава-Адольфа, даже опасеніе ихъ и желаніе избѣгать рѣшительнаго боя съ шведскимъ королемъ. Напротивъ, рѣшимость и энергія послѣдняго, казалось, возрастали по мѣрѣ движенія его впередъ. Быстрота, съ которою онъ прибылъ изъ Баваріи, позволила ему предупредить покореніе Валленштейномъ Саксоніи, утвержденіе его въ ней и даже занятіе имъ переправъ на р. Заале. Твердо намѣренный вступить съ Валленштейномъ въ рѣшительный бой, Густавъ-Адольфъ хотѣлъ чрезъ Пегау идти къ Гримме, чтобы соединиться съ саксонскою арміей; но узнавъ объ отступленіи Валленштейна къ Мерзебургу, онъ двинулся (5-го ноября) вслѣдъ за нимъ. Узнавъ объ этомъ, Валленштейнъ рѣшился преградить шведской арміи путь къ Лейпцигу и препятствовать соединенію ея съ саксонскою арміей, а Паппенгейму приказалъ немедленно присоединиться къ нему. Вслѣдствіе того, главныя силы его сосредоточились (5-го ноября) къ Люцену, имѣя впереди при Рипахской тѣснинѣ отрядъ генерала Изолани. Но такъ какъ не было принято никакихъ мѣръ ни для удержанія шведовъ при Рипахской тѣснинѣ, ни для поддержанія отряда Изолани, то послѣдній и былъ принужденъ уступить тѣснину превосходнымъ силамъ шведовъ. Густавъ-Адольфъ, не смотря на то, что армія его была слабѣе Валленштейновой и генералы его совѣтовали соединиться прежде съ саксонцами, положилъ на другой же день атаковать Валленштейна самымъ рѣшительнымъ образомъ и 6-го ноября утромъ шведская армія двинулась къ Люцену. Валленштейнъ расположилъ свою армію правымъ флангомъ за Люценомъ, а лѣвымъ къ Флоссъ-Грабену; передъ фронтомъ находилась высокая насыпь, съ канавами по сторонамъ, по которой пролегала дорога изъ Люцена въ Лейпцигъ. Внѣшняя канава дороги была значительно углублена и сильно занята мушкетерами. Позади на-

сыни, передъ правымъ крыломъ и центромъ арміи, были поставлены 2 батареи въ 14 и 7 орудій; бо́льшая часть пѣхоты находилась въ центрѣ боеваго порядка и была построена въ 4 большія баталіи, изъ которыхъ одна въ 1-й, двѣ во 2-й, и одна въ 3-й линіи; часть пѣхоты занимала предмѣстья Люцена и сады передъ ними; конница находилась по флангамъ.

Шведская армія, перейдя черезъ Флоссъ-Грабенъ, построилась, на разстояніи около версты отъ Валленштейновой арміи и почти параллельно къ ней, въ боевой порядокъ, имѣя передъ флангами пѣхоты по батареѣ, въ 26 орудій большаго калибра каждая, и сверхъ того по 5-ти легкихъ орудій передъ каждою бригадой и по 26-ти на ихъ флангахъ. Послѣ кратковременнаго, но сильнаго артиллерійскаго огня, Густавъ-Адольфъ лично повелъ правое шведское крыло въ атаку противъ непріятеля, засѣвшаго въ канавѣ, вытѣснилъ его оттуда, перешелъ черезъ большую дорогу и атаковалъ лѣвый флангъ императорской пѣхоты, между тѣмъ, какъ правая фланговая шведская конница опрокинула лѣвую фланговую конницу императорскую. Густавъ-Адольфъ овладѣлъ батареей передъ непріятельскимъ центромъ; но вскорѣ войска его были атакованы во флангъ и принуждены отступить. Собравъ и устроивъ ихъ и подкрѣпивъ свѣжими войсками, Густавъ-Адольфъ снова повелъ ихъ въ атаку, снова овладѣлъ центральною батареей, но былъ тяжело раненъ въ лѣвую руку и, затѣмъ вторично раненъ и на этотъ разъ—смертельно. Вѣсть о смерти его возбудила въ шведскихъ войскахъ сильную горесть и жажду мщенія. Начальствованіе надъ арміей принялъ герцогъ Бернгардъ саксенъ-веймарскій, который атаковалъ, между тѣмъ, съ лѣвымъ шведскимъ крыломъ сады впереди Люцена, насыпь и батарею праваго непріятельскаго крыла. По принятіи имъ главнаго начальствованія, онъ двинулъ лѣвое шведское крыло въ атаку противъ праваго непріятельскаго крыла, войска шведскаго центра противъ непріятеля съ фронта, а шведское правое крыло атаковало лѣвое крыло непріятельское. Эта общая атака рѣшила участь боя: оба крыла непріятельскія были опрокинуты и принуждены отступать. Въ это самое время позади императорской арміи нѣсколько пороховыхъ ящиковъ взлетѣло на воздухъ. Безпорядокъ въ императорской арміи увеличился отъ этого еще болѣе и побѣда клонилась уже на сторону шведовъ, какъ вдругъ Паппенгеймъ, прибывшій изъ Галле съ 8-ю конными полками, возстановилъ бой и принудилъ правое шведское крыло къ отступленію. Но лѣвое шведское крыло успѣло удержаться и окончательнымъ результатомъ вновь завязавшагося упорнаго боя, совокупныхъ усилій шведовъ, безпорядка и разстройства императорской арміи, особливо послѣ того, какъ Паппенгеймъ былъ смертельно раненъ и наступила совершенная темнота, были рѣшительная побѣда шведовъ и совершенное пораженіе императорской арміи. Потерявъ всю артиллерію, большое число знаменъ и штандартовъ и отъ 10 т. до 12 т. чел. убитыми, ранеными и взятыми въ плѣнъ, послѣдняя въ безпорядкѣ бросилась частію къ Мерзебургу, частію къ Лейпцигу, откуда Валленштейнъ съ остатками ея отступилъ въ Богемію. Потеря шведской арміи, простиравшаяся также до 10—12 т. чел. убитыми и ранеными, была гораздо чувствительнѣе для нея, тѣмъ болѣе, что въ числѣ убитыхъ находился самъ Густавъ-Адольфъ—потеря ничѣмъ невознаградимая!

Въ сраженіи при Люценѣ распоряженія Густава-Адольфа, до и во время боя, и дѣйствія шведскихъ войскъ въ бою, стоятъ несравненно выше распоряженій Валленштейна и дѣйствій его войскъ. Въ немъ явно обнаружилось превосходство устройства, строя и образа дѣйствій шведскихъ войскъ надъ строемъ и образомъ дѣйствій войскъ императорскихъ. Непонятнымъ кажется только, что Густавъ-Адольфъ, слѣдуя отъ Наумбурга къ Люцену, не атаковалъ всѣми силами ближайшаго, выставленнаго ему, праваго фланга императорской арміи. Но либо низкая, сырая мѣстность съ этой стороны, бывшая еще неудободоступнѣе по причинѣ поздняго времени года, либо желаніе отбросить императорскую армію отъ Саксоніи къ сѣверу, были причинами, что Густавъ-Адольфъ атаковалъ ее съ фронта и обоихъ фланговъ.

§ 47.

Общій выводъ объ образѣ и искуствѣ веденія войны во второмъ періодѣ тридцатилѣтней войны вообще и Густавомъ-Адольфомъ въ особенности.

Во второмъ періодѣ тридцатилѣтней войны исключительное вниманіе обращаютъ на себя превосходныя дѣйствія Густава-Адольфа. Утомленный картиною неправильнаго, безпорядочнаго образа веденія войны въ Европѣ, въ теченіи продолжительнаго ряда столѣтій, тщетно изыскивая въ войнахъ этихъ временъ слѣдовъ того искуства, съ кото-

рымъ войну вели Александръ В., Аннибалъ и Юлій Цезарь, — изслѣдователь военной исторіи съ изумленіемъ встрѣчаетъ наконецъ, въ дѣйствіяхъ Густава-Адольфа въ Германіи, образъ веденія войны совершенно новый и отличный отъ прежняго и въ главныхъ, основныхъ началахъ своихъ являющій разительное сходство съ образомъ веденія войны великими полководцами древности. Столь высокое значеніе дѣйствій Густава-Адольфа побуждаетъ къ изслѣдованію, какой именно былъ созданный имъ образъ веденія войны и въ чемъ именно заключалось искуство его.

Дѣйствія Густава-Адольфа въ Германіи, вообще сходныя между собою въ главныхъ своихъ основаніяхъ, имѣютъ однако же различный характеръ въ 3-хъ главныхъ періодахъ своихъ: въ 1-мъ со времени прибытія Густава-Адольфа въ Германію до перехода его чрезъ Эльбу и движенія къ Лейпцигу, во 2-мъ отъ перехода чрезъ Эльбу до начала дѣйствій при Нюрнбергѣ и въ 3-мъ отъ начала дѣйствій при Нюрнбергѣ до смерти Густава-Адольфа.

Въ особенности замѣчательны первоначальныя дѣйствія его по прибытіи въ Германію до перехода чрезъ Эльбу. Болѣе года (14 мѣсяцовъ) употребилъ Густавъ-Адольфъ единственно на прочное утвержденіе свое въ Помераніи, Мекленбургѣ и Бранденбургіи. И не смотря на неблагопріятствовавшія ему обстоятельства — первоначальную слабость силъ своихъ, превосходство силъ императора и малое содѣйствіе германскихъ протестантовъ, онъ умѣлъ вполнѣ достигнуть своей цѣли и положилъ твердое и прочное основаніе дальнѣйшимъ своимъ дѣйствіямъ и успѣхамъ. Этой цѣли онъ достигнулъ: 1) постепенно, медленно, шагъ за шагомъ, но прочно утверждаясь въ краю занятіемъ всѣхъ крѣпостей, укрѣпленныхъ городовъ и важнѣйшихъ пунктовъ, ставя гарнизоны и собирая запасы продовольствія въ нихъ; 2) обезпечивая себя со всѣхъ сторонъ, въ особенности же сообщенія свои съ важными складочными мѣстами въ тылу и моремъ съ Швеціей; 3) постепенно усиливая себя войсками и союзами; 4) пріобрѣтая довѣренность и расположеніе жителей края кроткимъ обращеніемъ съ ними, поддержаніемъ въ войскахъ своихъ строжайшаго воинскаго порядка и правильнымъ содержаніемъ ихъ, не допускавшими грабежа, и 5) искусно уклоняясь отъ боя съ превосходными силами непріятеля, отвлекая ихъ отъ важнѣйшихъ для него пунктовъ, дѣйствуя на послѣднихъ съ главными своими силами противъ силъ слабѣйшихъ самымъ рѣшительнымъ наступательнымъ образомъ,— въ бою съ ними, по превосходству своихъ войскъ въ тактическомъ отношеніи и по личному своему искуству, легко одерживая успѣхъ, искусно умѣя пользоваться побѣдою и частными успѣхами возвышая духъ въ своихъ войскахъ и внушая имъ увѣренность въ себѣ.

Коль же скоро, вслѣдствіе этого правильнаго, такъ сказать систематическаго и крайне осторожнаго образа дѣйствій, онъ прочно утвердился въ сѣверной Германіи, между моремъ, Одеромъ и Эльбой, значительно усилился и обезпечилъ себя съ фланговъ и въ тылу, тогда характеръ его дѣйствій внезапно измѣнился совершенно. Быстро и рѣшительно двинулся Густавъ-Адольфъ за Эльбу, прямо противъ непріятельской арміи, нанесеніемъ ей пораженія усилился еще болѣе и между тѣмъ, какъ часть шведскихъ войскъ, усиленная войсками протестантскими, дѣйствовала на флангахъ и прикрывала сообщенія, самъ Густавъ-Адольфъ съ главными силами шведской арміи въ 20 дней утвердился въ Тюрингіи, на верхнемъ Майнѣ и въ Франконіи, въ 10 дней вдоль всего теченія Майна до Рейна, въ 3 слѣдующіе мѣсяца на обѣихъ сторонахъ средняго Рейна и наконецъ, двинувшись съ Майна въ Баварію, перешелъ силою черезъ Дунай и Лехъ, нанесъ пораженіе католической арміи и занялъ почти всю Баварію, употребивъ на это около $2^1/_2$ мѣсяцовъ. Такимъ образомъ въ $8^1/_2$ мѣсяцевъ (съ половины сентября 1631 до начала іюня 1632 года) онъ занялъ въ Германіи пространство края, гораздо обширнѣйшее, нежели до перехода черезъ Эльбу въ продолженіи 14 мѣсяцовъ, усилился войсками и союзами гораздо значительнѣе, но дѣйствуя весьма рѣшительно, смѣло и даже отважно, не переставалъ однако въ тоже время дѣйствовать столь же правильно и осторожно, утвердился и обезпечилъ себя въ занятой имъ части Германіи столь же прочно, сколько прежде въ сѣверной Германіи. Въ то время, когда онъ находился на высшей степени могущества и славы и угрожалъ уже съ запада Австріи, политическое вліяніе Франціи, въ особенности же движеніе Валленштейна съ превосходными силами къ Нюрнбергу на сообщенія Густава-Адольфа съ сѣверною Германіей, Майномъ и Рейномъ, измѣнили положеніе дѣлъ и пріостановили дальнѣйшіе успѣхи Густава-Адольфа. Съ тѣмъ вмѣстѣ и рѣшительный характеръ дѣйствій его измѣнился въ прежній оборонительный и осторожный, съ цѣлью охраненія союзнаго съ шведами Нюрнберга и столь важныхъ для нихъ сообщеній съ сѣверною Германіею, Майномъ и Рейномъ. И доколѣ силы его были слабѣе силъ Валленштейна, онъ дѣйствовалъ оборонительно, ведя только малую войну. Но коль скоро, съ прибытіемъ Оксеншерна, силы съ обѣихъ сторонъ почти уравновѣсились, онъ немедленно перешелъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ и атаковалъ Валленштейна. Не имѣвъ въ этомъ успѣха и видя ослабленіе, какъ собственной такъ и противной арміи,

онъ отступилъ не въ Баварію, а къ Майну, для прикрытія сообщеній своихъ съ сѣверною Германіею, Майномъ и Рейномъ. Коль же скоро Валленштейнъ отступилъ къ Бамбергу, тогда Густавъ-Адольфъ, оставивъ противъ него часть своихъ силъ въ оборонительномъ положеніи, съ другою частью ихъ перешелъ снова къ наступательнымъ дѣйствіямъ и двинулся въ Баварію. Но вторичное покушеніе Валленштейна противъ его сообщеній, сосредоточеніемъ превосходныхъ силъ въ Саксоніи, было опаснѣе перваго и побудило Густава-Адольфа дѣйствовать рѣшительнѣе прежняго. Быстро двинулся онъ въ Саксонію и рѣшительно атаковалъ Валленштейна съ силами слабѣйшими, но въ бою, окончившемся побѣдою шведовъ, нашелъ смерть, которая оставила нерѣшеннымъ вопросъ — какой оборотъ приняла бы война и какъ сталъ бы дѣйствовать Густавъ-Адольфъ послѣ Люценской побѣды, еслибы остался въ живыхъ?

И такъ дѣйствія Густава-Адольфа были всегда правильны, осторожны, рѣшительны и сообразны съ обстоятельствами. Съ измѣненіемъ обстоятельствъ, столь непостоянныхъ на войнѣ, измѣнялся и характеръ его дѣйствій, и въ нихъ, какъ объяснено выше, преобладали: 1) до перехода черезъ Эльбу — правильность и осторожность, не исключавшія рѣшительности, когда обстоятельства допускали это; 2) отъ перехода черезъ Эльбу до начала дѣйствій при Нюрнбергѣ — необыкновенныя рѣшительность, смѣлость и даже отважность, не исключавшія однако обычныхъ правильности и осторожности, и наконецъ 3) въ окончательныхъ его дѣйствіяхъ до его смерти, при такой же правильности, усматриваются поперемѣрно то большая осторожность, то большая рѣшительность.

Правильность въ образѣ веденія имъ войны заключалась въ томъ, что онъ первый, можетъ быть, со временъ Александра В., Аннибала и Юлія Цезаря, велъ войну на основаніи правильнаго, тщательно и заранѣе соображеннаго и съ твердостью и постоянствомъ исполняемаго предначертанія, въ которомъ измѣнявшіяся обстоятельства измѣняли только частныя подробности и характеръ дѣйствій, но главная цѣль, главныя основанія оставались неизмѣнными. Такимъ образомъ, каждое военное дѣйствіе его имѣло свою, болѣе или менѣе важную цѣль, достиженіе которой споспѣшествовало достиженію главной цѣли войны. Между всѣми военными дѣйствіями его была извѣстная постепенность и связь, и всѣ они вмѣстѣ составляли одно общее, стройное цѣлое, въ которомъ согласіе и единство ничѣмъ не были нарушаемы. Съ правильностью дѣйствій тѣсно сопряжены были правильныя же: занятіе края, пользованіе его средствами и продовольствованіе войскъ преимущественно изъ магазиновъ.

Осторожность дѣйствій Густава-Адольфа заключалась въ томъ, что онъ не двигался впередъ, не утвердившись прочно въ краю и не обезпечивъ сообщеній своихъ, занятіемъ крѣпостей, укрѣпленныхъ городовъ и важнѣйшихъ пунктовъ, равно теченія рѣкъ, устроеніемъ на своихъ сообщеніяхъ укрѣпленныхъ лагерей либо отдѣльныхъ укрѣпленій, а на рѣкахъ — укрѣпленныхъ переправъ,—благоразумнымъ распредѣленіемъ на своихъ сообщеніяхъ, для охраненія ихъ, части своихъ силъ, равно обезпеченіемъ сообщеній своихъ, въ случаѣ, если непріятель угрожалъ имъ, собственными своими дѣйствіями, болѣе или менѣе рѣшительными (какъ при Нюрнбергѣ и Люценѣ). При этомъ, онъ умѣлъ такъ распредѣлять свои силы, что по мѣрѣ движенія впередъ не ослаблялся, а значительно усиливался, и главныя дѣйствія производилъ съ главными силами шведской арміи, поручая дѣйствія на флангахъ и охраненіе сообщеній своихъ части шведскихъ войскъ, усиленной войсками союзными. Если обстоятельства того требовали, онъ раздѣлялъ свои силы, такъ что каждая часть оныхъ дѣйствовала противъ превосходныхъ силъ непріятеля оборонительно, уклоняясь отъ боя съ ними, находясь всегда въ сообщеніи съ другими частями и въ крайнемъ случаѣ отступая на нихъ, противъ слабѣйшихъ же силъ непріятеля дѣйствовали рѣшительнымъ наступательнымъ образомъ съ цѣлію боя.

Наконецъ рѣшительность дѣйствій Густава-Адольфа заключалась въ томъ, что, когда обстоятельства позволяли или требовали того, онъ двигался чрезвычайно быстро, преимущественно съ наибольшими и совокупными силами, либо прямо противъ непріятельской арміи и вступалъ съ нею въ рѣшительный бой, напрягая всѣ силы для нанесенія ей наибольшаго вреда или пораженія (сраженія при Брейтенфельдѣ и Люценѣ, переходъ черезъ Дунай и Лехъ), либо въ важнѣйшій для него край, съ цѣлію занять его, утвердиться въ немъ, воспользоваться его средствами, распространить кругъ дѣйствій своихъ, облегчить возстаніе и вооруженіе своихъ союзниковъ, усилить себя войсками и союзами, и въ той же мѣрѣ ослабить своего противника.

Что касается до превосходныхъ соображеній Густава-Адольфа, на которыхъ основаны были, какъ вообще предначертаніе войны, такъ и частные планы: высадки на острова въ устьяхъ Одера, первоначальныхъ дѣйствій въ Помераніи и Мекленбургѣ, и потомъ въ Бранденбургіи, дальнѣйшихъ дѣйствій послѣ Брейтенфельдскаго сраженія, движенія въ юго-западную Германію, утвержденія на Майнѣ и Рейнѣ, движенія въ Ба-

варію, оттуда къ Нюрнбергу и потомъ въ Саксонію,—то высокое значеніе ихъ въ отношеніи къ искуству было достаточно объяснено при изложеніи хода военныхъ дѣйствій.

И такъ, въ превосходномъ исполненіи имъ искусныхъ своихъ соображеній, т. е. въ благоразумномъ сочетаніи правильности, осторожности и рѣшительности, и въ усугубленіи, сообразно съ обстоятельствами, той или другой изъ двухъ послѣднихъ — заключается тайна важныхъ, обширныхъ, блистательныхъ и, пока онъ былъ живъ, столь прочныхъ успѣховъ Густава-Адольфа. Источникомъ же искусныхъ соображеній его и превосходнаго исполненія ихъ, и всего достойнаго удивленія въ его дѣйствіяхъ, были высокія личныя качества и дарованія его. Равно великій какъ человѣкъ, какъ государь и какъ полководецъ, онъ соединялъ въ себѣ все искуство политика и полководца, всѣ доблести гражданскія и военныя. Сильный любовію и довѣріемъ къ нему народа и войска шведскихъ, чистотою и правотою избранной имъ возвышенной цѣли, онъ стремился къ этой цѣли открыто и благородно, постоянно и неуклонно, благоразумно и осторожно, рѣшительно и искусно. Умъ точный, ясный и здравый, воля твердая, душа великая и благородная, характеръ рѣшительный и вмѣстѣ осторожный, отразились вполнѣ и въ образѣ веденія имъ войны вообще, и въ военныхъ дѣйствіяхъ его въ частности. И безпристрастный судъ потомства поставилъ и его, наравнѣ съ Александромъ В., Аннибаломъ и Юліемъ Цезаремъ, въ числѣ величайшихъ полководцевъ всѣхъ временъ и народовъ. Но если принять въ соображеніе, какое вліяніе онъ и по смерти своей имѣлъ на образъ веденія войны въ Европѣ (какъ изъ изслѣдованія военныхъ событій временъ послѣдующихъ усмотрѣть можно), то едва-ли не слѣдуетъ поставить его даже выше. Въ образѣ веденія имъ войны впервые проявилась, силою обстоятельствъ и его генія, важность утвержденія арміи въ краю занятіемъ крѣпкихъ пунктовъ, продовольствованія войскъ изъ магазиновъ и обезпеченія сообщеній арміи какъ съ тѣми, такъ и съ другими. Такого рода образъ веденія войны, правильный, систематическій, осторожный (особенно до перехода чрезъ Эльбу) былъ столь отличенъ отъ образа веденія войны временъ древнихъ и среднихъ, прежде и послѣ введенія огнестрѣльнаго оружія, что его дѣйствительно должно разсматривать какъ начало новѣйшаго искуства веденія войны и первую, блистательную эпоху въ исторіи хода и развитія его; Густава-Адольфа же безспорно слѣдуетъ признать творцомъ его.

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что въ 2 года, 4 мѣсяца и 14 дней пребыванія Густава-Адольфа въ Германіи, необыкновенная дѣятельность его въ ней возбуждаетъ невольное изумленіе. Постоянно, въ одно и тоже время, онъ велъ письменные и словесные политическіе переговоры со всѣми владѣтелями и многими городами Германіи и почти со всѣми правительствами западной Европы, руководилъ всѣми, отъ важнѣйшихъ до мельчайшихъ, военными распоряженіями, движеніями и дѣйствіями шведскихъ и союзныхъ войскъ, по всѣмъ частямъ и во всѣхъ отношеніяхъ, принималъ ближайшее личное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ всякаго рода и тщательно, неослабно занимался внутренними дѣлами Швеціи, Финляндіи, Лифляндіи и Пруссіи. Только необыкновенныя его крѣпость и бодрость тѣлесныя и особенно—сила духа и воли могли удовлетворять такой ежедневной, ежечасной и многообразной дѣятельности на пользу пламенно любимой имъ Швеціи и въ защиту протестантскаго вѣроисповѣданія и религіозно-политической свободы Германіи!

Послѣ смерти Густава-Адольфа, шведы и протестанты хотѣли вести войну по тому же плану, въ тѣхъ же объемѣ и духѣ, что и Густафъ-Адольфъ. Но, не смотря на высокія дарованія Оксеншерна и на искуство шведскихъ генераловъ, образовавшихся подъ вліяніемъ Густава-Адольфа, они могли подражать ему, но не могли сами творить, не могли замѣнить Густава-Адольфа. И потому въ дѣйствіяхъ шведовъ и протестантовъ, въ два слѣдующіе послѣ смерти Густава-Адольфа года, усматривается какъ бы стремленіе къ подражанію ему—и невозможность достигнуть до одинаковаго съ нимъ совершенства, и бореніе немногаго новаго съ многимъ старымъ. Дѣйствія герцога Бернгарда саксенъ-веймарскаго были весьма рѣшительны, но неправильны и неосторожны, снова начали походить на набѣги и потому не только не имѣли прочныхъ успѣховъ, но и кончились пораженіемъ шведской арміи.

Что касается дѣйствій противниковъ Густава-Адольфа и даже протестантовъ и до образа веденія ими войны, то говорить о нихъ значило бы — повторять то, что̀ уже было неразъ говорено о неправильномъ, безпорядочномъ образѣ веденія войны во времена предшествовавшія. Дѣйствія въ видѣ набѣговъ, производимыя войсками, походившими на шайки разбойниковъ, безъ всякой правильности, порядка, связи и единства, и сопровождаемыя грабежомъ и опустошеніемъ края и жителей—картина все таже и столь же мало утѣшительная и занимательная, что̀ и прежде.

ГЛАВА VI.

СМЕРТЬ ГУСТАВА-АДОЛЬФА.

242 года—почти $2^1/_2$ вѣка—прошло со времени смерти Густава-Адольфа — и она до сихъ поръ еще не разъяснена вполнѣ. Видно тому были важныя причины. Дѣйствительно, въ самую эпоху этой смерти, протестантская и католическая партіи были до того возбуждены, раздражены, ожесточены, озлоблены одна противъ другой, что, разумѣется, не время было для обнаруженія истины. Къ тому же война не кончилась, а продолжалась еще 16 лѣтъ и даже съ бо́льшимъ еще ожесточеніемъ, на большемъ пространствѣ и въ бо́льшихъ размѣрахъ. А когда она кончилась, не только ближайшихъ свидѣтелей смерти Густава-Адольфа, но и большей части участниковъ Люценскаго сраженія уже не было болѣе въ живыхъ. Оставались живыя преданія, передававшіяся отъ одного поколѣнія другому, но и тѣ постепенно слабѣли и искажались, преимущественно духомъ религіозныхъ партій, еще не угасшимъ — удивительное дѣло!—даже и въ новѣйшія времена. Притомъ не слѣдуетъ забывать, чья смерть служила тому предметомъ? — Не какого-нибудь обыкновеннаго человѣка, генерала или полководца, но Густава-Адольфа, равно великаго какъ человѣка, государя и полководца, обожаемаго шведами, глубокоуважаемаго протестантами, особенно германскими, какъ самоотверженнаго и безкорыстнаго защитника религіозной и политической свободы Германіи, но ненавидимаго католиками вообще и іезуитами въ особенности, до такой степени, что они признавали и называли его не иначе, какъ врагомъ самаго Бога и Христа! Изъ этого понятно, какое впечатлѣніе смерть его произвела на шведовъ, протестантовъ и католиковъ. Первые, глубоко огорченные и едва-ли не еще болѣе раздраженные, приписали смерть своего любимаго короля измѣнщику не изъ шведовъ или подкупленному католиками убійцѣ, въ чемъ ничего невѣроятнаго, впрочемъ, не могло быть: вѣдь незадолго передъ тѣмъ Генрихъ IV умеръ же подъ кинжаломъ фанатика Равальяка, втайнѣ вооруженнаго іезуитами! Шведы даже прямо указывали на убійцу — герцога Франца-Альберта саксенъ-лауенбургскаго. Протестанты вообще и германскіе особенно, если и не увлекались и не шли такъ далеко, какъ шведы, но во всякомъ случаѣ сочувствовали имъ и готовы были вѣрить имъ и всѣмъ возможнымъ и невозможнымъ предположеніямъ. Но католики явно, гласно, даже непристойно ликовали и торжествовали, радуясь «спасенію Церкви отъ злѣйшаго ея врага!» Подъ вліяніемъ такого-то рода страстей и чувствъ писали современные историки и біографы Густава-Адольфа, а позднѣйшіе, вѣря имъ на слово, повторяли разсказы того либо другаго изъ нихъ, смотря по тому, которому болѣе сочувствовали. Естественно, что чѣмъ далѣе впередъ, тѣмъ болѣе росло число разсказовъ, хотя болѣе или менѣе согласныхъ въ главныхъ основаніяхъ и чертахъ, но до послѣдней крайности несогласныхъ въ частныхъ подробностяхъ и, вмѣсто разъясненія истины, только болѣе и болѣе затемнявшихъ ее и затруднявшихъ раскрытіе ея. Достаточно сказать, что 150 лѣтъ послѣ смерти Густава-Адольфа, Густавъ III, король шведскій (убитый въ 1792 г.), сожалѣлъ, что еще не было извѣстно ничего достовѣрнаго о смерти Густава-Адольфа!

Но могутъ спросить: есть-ли необходимость раскрыть истину? а если есть, то неужели это рѣшительно невозможно?

На первый вопросъ можно отвѣтить тѣмъ же, что сказано выше: чья смерть служила и служитъ предметомъ изслѣдованія?—Если жизнь и подвиги великихъ людей, а для военныхъ—великихъ полководцевъ, достойно возбуждаютъ высокое участіе къ себѣ, то и смерть, прекращающая ихъ жизнь, даже самымъ обыкновеннымъ, естественнымъ образомъ, не можетъ составлять исключенія изъ общей картины ихъ земной дѣятельности. А что-же сказать о смерти Густава-Адольфа, столько же необыкновенной, сколько онъ самъ и вся жизнь его были необыкновенны? Изъ изложенія ея ниже легко убѣдиться, что она была обставлена такими необычайными, совершенно исключительными обстоятельствами, что сама составляетъ весьма рѣдкое, если не единственное исклю-

ченіе въ исторіи. Да еслибы и не такъ, неужели смерть такого необыкновеннаго человѣка не заслуживала бы вниманія и участія? А въ настоящей книгѣ, имѣющей исключительною цѣлью военные подвиги великихъ полководцевъ, неужели смерть одного изъ величайшихъ изъ нихъ и притомъ въ бою, могла бы, послѣ изображенія его военныхъ подвиговъ отъ начала до конца, быть пройдена молчаніемъ, особенно когда дѣло идетъ о возстановленіи его чести: ибо такому человѣку, какъ Густавъ-Адольфъ, быть убиту въ бою ядромъ, пулей или мечомъ непріятельскаго войска — либо рукою измѣнника или подкупленнаго убійцы—разница огромная! Доказывать послѣднее значило бы отнимать всю честь и славу перваго, а кто-же изъ почитателей Густава-Адольфа рѣшится на это?

На второй вопросъ слѣдуетъ отвѣтить, что хотя раскрыть истину вполнѣ—крайне трудно и даже почти невозможно, но раскрыть ее отчасти и достаточно—далеко не невозможно, при помощи тщательной и осторожной критики. Для этого необходимо только обратиться къ такимъ современнымъ источникамъ и позднѣйшимъ историческимъ пособіямъ, которые, по наибольшему числу уважительныхъ причинъ, заслуживаютъ и наибольшей вѣры. Такими суть (изъ числа, указанныхъ въ началѣ этой книги) Theatrum Europaeum, Chemnitz, Le soldat suédois, Gualdo Priorato въ подлинникѣ и во французскомъ переводѣ Francheville, приложенный къ этому переводу Discours sur la bataille de Lützen, par un officier prussien, біографія Густава-Адольфа Harte, Archenholz, Mauvillon, особенно Francheville: La mort de Gustave-Adolphe etc. (брошюрою котораго, 1799 года, я буду преимущественно руководствоваться, см. ниже) и изъ новѣйшихъ Lossau: Ideale der Kriegführung etc. Gustav-Adolph.

Но еще прежде, нежели изложить обстоятельства смерти Густава-Адольфа, на основаніи критическаго изслѣдованія и свода показаній означенныхъ выше источниковъ и пособій, считаю нужнымъ привести лично касающіяся Густава-Адольфа обстоятельства послѣднихъ дней и часовъ его жизни, а для этого отступить на 10 дней отъ дня сраженія при Люценѣ и изобразить нѣсколько подробнѣе обстоятельства самаго сраженія до смерти Густава-Адольфа, въ текстѣ книги изложенныя болѣе кратко. Начавъ съ 28 октября, я означу по числамъ одновременныя: движенія, расположеніе и распоряженія обѣихъ противныхъ сторонъ, Густава-Адольфа и Валленштейна.

Къ 28-му октября шведская армія прибыла отъ Швейнфурта чрезъ Турингію къ Арнштадту (къ югу отъ Эрфурта), гдѣ къ ней снова присоединился герцогъ Бернгардъ саксенъ-веймарскій и силы ея возросли до 27,000 войскъ. Валленштейнъ же занялъ Лейпцигъ и хотѣлъ идти къ Дрездену, чтобы принудить курфирста саксонскаго присоединиться къ императору,— но узнавъ, что онъ находился съ 18,000 войскъ у Торгау, двинулся въ этомъ направленіи къ Эйленбургу.

29-го октября Густавъ-Адольфъ, отрядивъ часть войскъ къ Дунаю, Рейну и въ Швабію, съ остальными войсками двинулся къ Эрфурту,— а Валленштейнъ прибылъ въ Эйленбургъ.

30-го октября Густавъ-Адольфъ въ Эрфуртѣ разстался съ королевой-супругой своей, при чемъ былъ очень растроганъ, что̀ историки и біографы его приписали тайному предчувствію имъ своей смерти. Затѣмъ онъ двинулся къ Наумбургу и къ вечеру занялъ очень важную Кёзенскую тѣснину и мостъ на р. Заале. Валленштейнъ же, узнавъ въ Эйленбургѣ о прибытіи Густава-Адольфа въ Эрфуртъ, воротился къ Лейпцигу, прошелъ черезъ него и, присоединивъ къ себѣ Паппенгейма, расположился лагеремъ при Вейсенфельсѣ, занявъ его замокъ иославъ отрядъ войскъ впередъ къ Наумбургу, для занятія Кёзенской тѣснины; но она уже была занята шведами.

31-го октября шведская армія, перейдя черезъ р. Заале, пѣхота — по мосту при Кёзенѣ, а конница — въ бродъ при сел. Алтенбургѣ, въ ½ мили отъ Наумбурга, прибыла въ числѣ свыше 20,000 войскъ къ этому городу, гдѣ расположилась лагеремъ, который Густавъ-Адольфъ приказалъ немедленно усилить нѣсколькими укрѣпленіями. Валленштейнъ же оставался при Вейсенфельсѣ, въ нерѣшимости, что̀ ему дѣлать.

1-го, 2-го и 3-го ноября Густавъ-Адольфъ оставался при Наумбургѣ, а Валленштейнъ—при Вейсенфельсѣ, гдѣ собралъ военный совѣтъ и, вслѣдствіе непостижимаго и ни съ чѣмъ несообразнаго рѣшенія его, 3-го ноября отрядилъ Паппенгейма съ 8 до 10,000 (по иным до 12,000) войскъ къ Галле и оттуда въ Вестфалію, противъ шведскаго генерала Баудиссина, а самъ съ главными силами положилъ на другой день отступить по направленію къ Мерзебургу и расположить свою армію на тѣсныхъ квартирахъ. Но почему Густавъ-Адольфъ оставался 3 дня при Наумбургѣ—съ достовѣрностью неизвѣстно. Первоначально онъ имѣлъ въ виду идти чрезъ Пегау къ Гримме, дабы здѣсь соединиться съ арміей курфирста саксонскаго, которому и писалъ объ этомъ; но узнавъ, что между нимъ при Торгау и шведскою арміею при Наумбургѣ находился Валленштейнъ при Эйленбургѣ, онъ отложилъ свое намѣреніе и вѣроятно ожидалъ, что̀

предпримет Валленштейнъ, для чего, кажется, и укрѣпилъ, на всякій случай, лагерь свой при Наумбургѣ.

4-го ноября утромъ Валленштейнъ, оставивъ въ Вейсенфельскомъ замкѣ графа Коллоредо съ полкомъ и приказаніемъ, въ случаѣ наступленія шведовъ, подать сигналъ 3-мя пушечными выстрѣлами, самъ съ главными силами двинулся по направленію къ Мерзебургу и расположилъ войска свои на тѣсныхъ квартирахъ между р. Заале и Флосграбеномъ (каналомъ, соединявшимъ эту рѣку съ р. Элстеръ), а къ Алтенбургу и Цвикау послалъ отряды для наблюденія. Густавъ-Адольфъ же, какъ только узналъ о движеніи Паппенгейма къ Галле и объ отступленіи Валленштейна, немедленно двинулся впередъ, правѣе Вейсенфельса. Коллоредо, едва открывъ вдали приближеніе шведовъ, подалъ условный сигналъ и далъ знать Валленштейну, который тотчасъ же приказалъ войскамъ собираться къ Люцену, а Паппенгейму воротиться туда же изъ Галле.

5-го ноября утромъ Валленштейнъ прибылъ къ Люцену, а войска его арміи въ теченіи дня собрались туда съ тѣсныхъ квартиръ и къ вечеру заняли боевую позицію позади дороги изъ Люцена въ Лейпцигъ, правымъ флангомъ позади Люцена, а лѣвымъ, нѣсколько загнутымъ назадъ, къ Флосграбену; впередъ къ Рипнахской тѣснинѣ былъ выдвинутъ генералъ Изолани съ кроатами. Густавъ-Адольфъ же утромъ въ этотъ день двинулся отъ Вейсенфельса къ Рипнахской тѣснинѣ, занялъ ее пополудни, отбросивъ Изолани, и расположился по другую сторону на бивакахъ. Такъ какъ въ это время года (5 ноября новаго стиля) и въ этихъ мѣстахъ Германіи солнце заходитъ въ $4^1/_2$ ч., а восходитъ въ 7 ч., и шведы были уже очень близко отъ непріятеля, то и не пошли далѣе, а Густавъ-Адольфъ положилъ на слѣдующій день, на разсвѣтѣ, двинуться впередъ и атаковать Валленштейна самымъ рѣшительнымъ образомъ. Остальное время дня Густавъ-Адольфъ употребилъ на рекогносцировку мѣстности, а вечеръ и половину ночи на распоряженія къ бою слѣдующаго дня. Отсюда мы уже прослѣдимъ обстоятельнѣе все, до него касающееся въ эти послѣдніе часы его жизни.

Вечеръ и ночь на 6-е ноября онъ провелъ на бивакахъ въ своей каретѣ. Здѣсь собрались: герцогъ Бернгардъ саксенъ-веймарскій и всѣ шведскіе генералы. Густавъ-Адольфъ лично сообщилъ имъ свои предположенія и распоряженія къ бою слѣдующаго дня. Нѣкто изъ присутствующихъ замѣтилъ, что непріятель—сильнѣе и что выгоднѣе было бы выждать присоединенія курфирста саксонскаго. Спокойно выслушавъ это, король повторилъ прежнее свое мнѣніе по этому предмету и затѣмъ прибавилъ громкимъ и одушевленнымъ голосомъ: «имѣя Валленштейна такъ близко въ виду передъ собою, я не могу упустить случая доказать ему, что не отъ меня зависѣло еще ранѣе сойтись съ нимъ съ мечомъ въ рукѣ: нужно же посмотрѣть, что онъ теперь сдѣлаетъ въ открытомъ полѣ, и выгнать его изъ той поры, въ которую онъ спрятался». Это служило свидѣтельствомъ энергической рѣшимости его непремѣнно вступить въ бой съ Валленштейномъ и разбить его. Никто болѣе не возражалъ, но всѣ наперерывъ, старались выразить непритворныя чувства удивленія, уваженія и преданности ему на жизнь и смерть. Король радушно благодарилъ, былъ очень спокоенъ и веселъ, и приказалъ своей прислугѣ приготовить ему къ слѣдующему утру новый кожаный колетъ. Присутствовавшіе убѣдительно просили его надѣть каску и кирасу, какъ онъ обыкновенно дѣлалъ. Но онъ не согласился на это, сказавъ, что у него «еще сидитъ пуля въ плечѣ, и тяжесть кирасы причиняла бы ему нестерпимую боль въ этомъ мѣстѣ», и такимъ образомъ рѣшилъ, что голову прикроетъ шляпой, а вмѣсто кирасы надѣнетъ кожаный колетъ.

Онъ предположилъ начать движеніе впередъ на разсвѣтѣ (часу въ 6-мъ). Но въ эту пору слѣдующаго, знаменательнаго дня 6 ноября (28 октября) былъ такой густой туманъ, что невозможно было видѣть даже своихъ, впереди стоявшихъ войскъ, а потому движеніе было отложено до восхода солнца и разсѣянія тумана. Когда же войска совершенно изготовились къ походу и стали въ ружье, Густавъ-Адольфъ пришазалъ совершить передъ ними Богослуженіе и самъ первый запѣлъ псаломъ: «Богъ намъ прибѣжище и сила» и имъ самимъ сочиненный кантъ: «не бойся, малая дружина!» Затѣмъ онъ сѣлъ на коня, объѣхалъ обѣ линіи, ободрилъ войска краткими, но одушевленными, сильными словами: «И такъ пойдемъ на бой, въ чемъ да управитъ насъ милосердый Богъ! Господи! помоги мнѣ сегодня въ бою, ко славѣ святаго Твоего имени!»—Войска отвѣчали обычнымъ въ шведской арміи боевымъ кликомъ: «Съ нами Богъ!»—и тронулись, обѣ линіи правымъ флангомъ впередъ, имѣя конницу праваго фланга въ авангардѣ.

Мѣстность впереди образовала почти совершенно плоскую равнину и даже неглубокій Флосграбенъ не составлялъ важнаго естественнаго препятствія. Низменная и въ это позднее время года сырая мѣстность, какъ вправо около Флосграбена, такъ особенно впереди и влѣво отъ Люцена и между нимъ и селеніемъ Цвейнвицъ, вѣроятно воспрепятствовала Густаву-Адольфу атаковать всѣми силами лѣвый флангъ арміи Валленштейна, чтобъ отбросить ее отъ юга къ сѣверу, или правый—отъ сѣвера къ югу, и принудила его произвесть фронтальную атаку.

*

Среди тумана, не разсѣявшагося и по восхожденіи солнца и даже позже пополудни, но постепенно рѣдѣвшаго, шведская армія перешла черезъ Флосграбенъ около Скёльцигской рощи и, развернувшись, построилась въ боевой порядокъ, въ 1500 шагахъ (1 верстѣ) отъ дороги изъ Люцена въ Лейпцигъ, почти параллельно къ ней и къ расположенной за нею арміи Валленштейна. 8 бригадъ пѣхоты, въ 20 ротъ каждая, построились въ 2 линіи, примыкая правымъ флангомъ къ Флосграбену. 22 полка конницы, 10 на правомъ и 12 на лѣвомъ флангахъ, съ отдѣленіями въ 180 отборныхъ мушкетеровъ въ интервалахъ, построились въ 2 линіи: на правомъ флангѣ—по другую сторону Флосграбена, а на лѣвомъ—примыкая къ пѣхотѣ въ центрѣ. 23-й полкъ конницы—Смаландскій кирасирскій, въ 8 ротъ или эскадроновъ, полковника Стеенбока, остался по сю сторону Флосграбена, но позже присоединился, кажется, къ лѣвому флангу правой фланговой конницы (этотъ полкъ, какъ будетъ усмотрѣно ниже, игралъ весьма важную роль въ обстоятельствахъ смерти Густава-Адольфа и потому заслуживаетъ особеннаго вниманія). 26 орудій большаго калибра были поставлены впереди центра, т. е. пѣхоты, 20 орудій меньшаго калибра — на флангахъ ея и по 5-ти легкихъ орудій—передъ каждой бригадой, что составляло всего 86 орудій. Начальствованіе надъ правымъ крыломъ (10 полковъ конницы) принялъ самъ Густавъ-Адольфъ; 1-ю линіею пѣхоты начальствовалъ графъ Браге, 2-ю — Книпгаузенъ, а лѣвымъ крыломъ (12 полковъ конницы)—герцогъ Бернгардъ саксенъ-веймарскій. Общій вагенбургъ арміи былъ поставленъ за Флосграбеномъ, впереди сел. Мёйхенъ. Всего въ шведской арміи было 160 ротъ пѣхоты, 23 полка конницы, 86 орудій и свыше 20,000 чел. войскъ въ строю.

Обратимся теперь къ арміи Валленштейна. Прежде всего необходимо сказать, что большая дорога изъ Люцена на сѣверовостокъ въ Маркранштедтъ и далѣе въ Лейпцигъ, образовала 4 колѣна, 2 входящихъ къ сторонѣ Валленштейновой арміи, близъ Люцена, и 2 исходящихъ къ сторонѣ шведской арміи. По обѣимъ сторонамъ этой дороги были канавы, которыя Валленштейнъ ночью на 6-е ноября приказалъ углубить, выбрасывая землю, въ видѣ бруствера, къ сторонѣ шведовъ. Въ этихъ наружныхъ и, какъ нѣкоторые полагаютъ, также и внутреннихъ рвахъ съ брустверами, вдоль всей дороги, Валленштейнъ поставилъ отборнѣйшихъ мушкетеровъ. Такимъ образомъ дорога образовала какъ бы ломаную, съ входящею куртиной и исходящимъ редантомъ, брустверами и рвами, укрѣпленную линію отъ Люцена до Флосграбена. Позади ея, шагахъ въ 300-хъ, армія Валленштейна была расположена въ 2 линіи, отъ дороги изъ Люцена въ Мерзебургъ до Флосграбена, центромъ, пѣхотой — позади исходящаго угла дороги, правымъ крыломъ, конницей — параллельно дорогѣ, а лѣвымъ крыломъ, также конницей—нѣсколько загнутымъ подъ угломъ назадъ. Такимъ образомъ линія арміи Валленштейна, подобно линіи дороги, образовала также исходящій къ сторонѣ шведовъ уголъ, въ которомъ находились 4 большія баталіи или тердіи, или полные внутри каре, въ 16 до 26 ротъ каждое, 1 — въ 1-й линіи, 2 — во 2-й и 1 — въ 3-й, въ видѣ креста. Въ этихъ огромныхъ, сомкнутыхъ массахъ пѣхоты, 45 шеренгъ пикинеровъ были съ 4-хъ сторонъ окружены 10-ю шеренгами и 10-ю рядами мушкетеровъ—строй совершенно неудобный для дѣйствій и тѣхъ и другихъ. Впереди пѣхоты, нѣсколько лѣвѣе передняго каре и почти позади исходящаго угла дороги, была устроена возвышенная батарея въ 7 орудій большаго калибра, которая должна была стрѣлять настильно поверхъ дороги и мушкетеровъ въ ея рвахъ. Другая, гораздо большая и также возвышенная батарея была устроена позади дороги и впереди праваго фланга праваго крыла, близъ Люцена. По флангамъ пѣхоты была построена конница, на правомъ — 72 роты въ 2 линіи, имѣя въ интервалахъ 5 ротъ мушкетеровъ и большую баталію или каре въ 16 ротъ, а на лѣвомъ флангѣ—120 конныхъ ротъ въ 3 линіи, кроатовъ—въ 1-й, а за ними во 2-й и въ 3-й кираспровъ и драгуновъ. Всего въ арміи Валленштейна было пѣхоты 100 и конницы 201 рота, 44 орудія и свыше 30,000 челов. въ строю (за исключеніемъ 8-10-12,000 войскъ Паппенгейма). Валленштейнъ лично находился между 2-мя баталіями или карелми пѣхоты во 2-й линіи и начальствовалъ ими, а генералы: Оффикутцъ—кареемъ 1-й линіи, Гарокуръ—кареемъ 3-й линіи, на правомъ крылѣ Форгачъ, Деффуртъ, Галласъ и Кроненбургъ, а на лѣвомъ въ 1-й линіи — Изолани, во 2-й—Шаумбургъ и въ 3-й—Деодати Риноxъ.

Сопоставляя боевые порядки обѣихъ армій, слѣдуетъ сказать, что линія шведской арміи была короче императорской и имѣла нѣсколько косвенное къ ней направленіе, правымъ крыломъ—ближе къ ней, а лѣвымъ—далѣе; исходящій уголъ дороги, за нимъ батарея въ 7 орудій и за нею 4 каре пѣхоты приходились насупротивъ праваго фланга шведской пѣхоты и лѣваго фланга праваго шведскаго крыла. Всѣ эти подробности необходимо имѣть въ виду для болѣе яснаго уразумѣнія хода боя и особенно обстоятельствъ смерти Густава-Адольфа.

Передовая перестрѣлка началась не ранѣе 9-ти часовъ утра, а огонь артиллеріи не ранѣе 11 часовъ, та и другой все еще среди тумана. Послѣ кратковременнаго (примѣрно съ полчаса), но жестокаго огня всей артиллеріи (130 орудій) съ обѣихъ сторонъ,

Густавъ-Адольфъ двинулъ (около $11^1/_2$ часовъ) всю свою армію впередъ, а именно: 2 бригады пѣхоты 1-й линіи (шведскую и желтую), подъ начальствомъ графа Браге—прямо для атаки исходящаго угла дороги и батареи за нимъ, самъ король, въ главѣ конницы праваго крыла — черезъ Флосграбенъ, противъ конницы лѣваго крыла Валленштейна, а герцогъ Бернгардъ саксенъ-веймарскій съ лѣвымъ крыломъ— противъ праваго крыла Валленштейна. Результаты этой первой атаки были мгновенные и рѣшительные въ центрѣ и на правомъ крылѣ шведовъ, но менѣе на лѣвомъ. На правомъ крылѣ Густавъ-Адольфъ съ конницей праваго крыла стремительно ударилъ противъ кроатовъ Изолани и опрокинулъ ихъ на кирасировъ 2-й линіи: изъ нихъ первые обратились въ бѣгство по дорогѣ въ Маркраштедтъ и Лейпцигъ, а кирасиры были смяты и приведены въ разстройство. Въ то же самое время шведская и желтая бригады выбили мушкетеровъ изъ передняго рва, перешли черезъ дорогу, атаковали и взяли батарею въ 7 орудій, повернули ихъ противъ кареевъ, атаковали съ фронта и во флангъ (полузахожденіемъ на лѣво) каре 1-й линіи и лѣвое каре 2-й, вступили съ ними въ жестокій рукопашный бой, привели ихъ въ совершенное разстройство, такъ что они разсѣялись, и затѣмъ стремительно атаковали правое каре 2-й линіи. Въ тоже время Густавъ-Адольфъ съ частью конницы праваго шведскаго крыла содѣйствовалъ атакѣ шведской пѣхоты справа, а остальныя войска 1-й и 2-й линій центра шведской арміи подвинулись впередъ къ дорогѣ. Все, изложенное до сихъ поръ, произошло очень скоро и жестокій бой на лѣвомъ крылѣ и особенно въ центрѣ арміи Валленштейна составляетъ 1-й моментъ сраженія (примѣрно отъ $11^1/_2$ до $12^1/_2$ часовъ пополудни и все еще въ туманѣ, хотя и менѣе густомъ).

Но затѣмъ послѣдовалъ 2-й, самый важный моментъ сраженія. Валленштейнъ, находившійся между 2-мя карелми 2-й линіи, двинулъ 4-е каре 3-й линіи, Гарокура, противъ праваго фланга шведскихъ бригадъ, а 3 ближайшіе полка конницы праваго своего крыла (Пикколомини, Строцци и Терцка) противъ лѣваго ихъ фланга. Ослабленныя и утомленныя боемъ, шведскія бригады были принуждены отступить, сначала за взятую ими батарею;—но императорскія войска отбили ее, повернули орудія противъ шведовъ, отбросили ихъ, подъ жестокимъ огнемъ этой батареи, на другую сторону дороги, а непріятельскіе кирасиры, выстроившись за дорогой, вдоль оной, открыли изъ за нея съ лошадей ружейный огонь.

Въ этомъ жестокомъ бою Густавъ-Адольфъ находился при 2-хъ атаковавшихъ и опрокинутыхъ бригадахъ своихъ и, по отступленіи ихъ за дорогу, приказавъ имъ вновь устроиться и возобновить атаку, самъ поскакалъ къ Смаландскому конному полку, о которомъ говорено выше. Полковникъ его, Стеенбокъ, былъ раненъ и полкомъ командовалъ вмѣсто него подполковникъ. Приказавъ ему слѣдовать какъ можно скорѣе за собою, самъ король бросился впередъ къ дорогѣ. Но подполковникъ съ полкомъ отчего-то замѣшкался, а между тѣмъ Густавъ-Адольфъ уже ускакалъ впередъ къ дорогѣ, и тамъ, подъ жестокимъ огнемъ, долженъ былъ ждать Смаландскаго полка. А когда онъ прибылъ и Густавъ-Адольфъ повелъ его черезъ дорогу, полкъ замялся — и король, чтобы показать ему примѣръ и увлечь его за собой, первый бросился черезъ ровъ на дорогу и здѣсь очутился подъ самыми дулами мушкетовъ непріятельскихъ мушкетеровъ внутренняго рва, имѣя возлѣ себя только герцога Франца-Альберта саксенъ-лауенбургскаго, не покидавшаго его съ самаго начала сраженія, и немногихъ лицъ своей свиты. Вскорѣ однако Смаландскій полкъ перескочилъ черезъ ровъ и дорогу, и началъ строиться подъ огнемъ. Густавъ-Адольфъ впереди ободряетъ его..... какъ вдругъ непріятельская пуля раздробляетъ ему лѣвую руку... «Король раненъ» — послышалось въ полку. «Ничего — за мной!» кричитъ ему король и бросается впередъ, а полкъ за нимъ. Въ это время и бригады шведской пѣхоты производятъ новую атаку, снова берутъ центральную батарею и оборачиваютъ орудія ея... Но Густавъ-Адольфъ, вѣроятно невыносимо страдая отъ жестокой раны (ниже приведено показаніе, что лица его свиты видѣли, какъ кости его раздробленной лѣвой руки выходили наружу сквозь одежду), но не желая встревожить свои войска, сказалъ находившемуся возлѣ него герцогу саксенъ-лауенбургскому по французски: «Cousin *), c'est assez, tirez-moi d'ici»,—и въ то самое время, когда онъ оборачивался назадъ, другая непріятельская пуля ранила его въ спину на вылетъ сквозь грудь и онъ пошатнулся съ лошади. Герцогъ саксенъ-лауенбургскій поддержалъ его и съ трудомъ перетащилъ на свою лошадь, чтобъ ускакать съ нимъ изъ жестокой свалки, происшедшей въ это время и въ этомъ самомъ мѣстѣ, вслѣдствіе атаки императорскаго тосканскаго

*) Герцогъ считался свойственникомъ Густава-Адольфа, потому что первая супруга Густава-Вазы была урожденная принцесса саксенъ-лауенбургская.

или флорентійскаго кираспрскаго полка. Но четыре кирасира этого полка наскочили на герцога и, не зная короля, но надѣясь на знатную добычу богатымъ выкупомъ или щедрою наградой, замахнулись на герцога палашами, а одинъ изъ нихъ приставилъ ему пистолетъ ко лбу. Герцогъ отмахнулся отъ нихъ, но этимъ самымъ движеніемъ невольно выпустилъ ихъ рукъ короля (довольно тучнаго), который и свалился на землю. Герцогъ же, полагая, что онъ уже умеръ, и спасая собственную жизнь, ускакалъ вмѣстѣ съ немногими лицами свиты короля, исключая только королевскихъ: пажа Лейбельфингена и трубача Монсона, которые одни остались при королѣ. Отсюда показанія начинаютъ разнорѣчить въ подробностяхъ (чтобы не перерывать разсказа, они будутъ приведены ниже), но болѣе или менѣе согласны въ томъ, что послѣ 1-й раны въ руку и 2-й въ спину на вылетъ, умиравшій король, лежа на землѣ, въ то время, когда шведскія войска отодвинулись назадъ, а непріятельскія надвинулись впередъ, послѣдними былъ окончательно убитъ и ограбленъ до нага. Одни говорятъ, что то были именно тѣ кирасиры, которые наскакали на герцога саксенъ-лауенбургскаго, другіе—что кто-то изъ непріятелей спросилъ короля, кто онъ? и услыхавъ отвѣтъ его: «я король шведскій», хотѣлъ взять его въ плѣнъ, но видя несшуюся на выручку шведскую конницу, разсудилъ вѣроятно: «если не мнѣ, то и не ей»—и пистолетнымъ выстрѣломъ размозжилъ королю голову...

Такъ или иначе, Густавъ-Адольфъ былъ дважды жестоко раненъ и окончательно убитъ. Гдѣ и когда именно—будетъ объяснено ниже. Вѣсть о смерти короля распространилась сначала между шведскими войсками 1-й линіи центра и праваго крыла, а отъ нихъ перешла во 2-ю линію центра, изъ которой 2 бригады подкрѣпили бригады 1-й. Начальствовавшій 2-ю линіею фельдмаршалъ Книпгаузенъ немедленно послалъ сообщить о томъ герцоту Бернгарду саксенъ-веймарскому, атаковавшему между тѣмъ правое крыло непріятельской арміи съ фронта и праваго фланга и слѣдовательно удалившемуся довольно значительно отъ центра шведской арміи. Герцогъ Бернгардъ, крайне опасаясь, чтобы вѣсть о смерти короля не произвела разстройства въ центрѣ и на правомъ крылѣ и не повредила уже на половину одержанной шведами побѣдѣ, немедленно передалъ начальствованіе лѣвымъ крыломъ графу Браге, а самъ съ двумя кираспрскими полками этого крыла (ангальтскимъ и лёвенштейнскимъ) поскакалъ къ центру линіи, находившемуся въ бою по другую сторону дороги, за исходящимъ угломъ ея. Тутъ разсказываютъ (и это очень вѣроподобно), что герцогъ Бернгардъ, уже узнавшій подробности о ранахъ и смерти короля при 2-й атакѣ въ главѣ Смаландскаго полка, замявшагося по винѣ начальствовавшаго имъ подполковника, прямо подскакалъ къ послѣднему и, съ словами: «вы виною смерти короля», въ порывѣ раздраженія закололъ его. Принявъ (по предварительному, можетъ быть, условію съ королемъ и генералами) главное начальствованіе надъ арміей, герцогъ Бернгардъ присутствіемъ своимъ одушевилъ шведскія войска жаждою мщенія за смерть короля и выручки его тѣла изъ рукъ непріятеля, сдѣлалъ необходимыя распоряженія и лично повелъ въ бой свѣжія бригады 2-й линіи. Эта новая, 3-я атака шведовъ была столь энергическая и рѣшительная, что остальные 2 каре Валленштейна были разстроены, опрокинуты и разсѣяны. Между тѣмъ лѣвая фланговая императорская конница, собравшаяся и устроившаяся, произвела, одну за другою, 3 отчаянныя атаки и только послѣ 3-й была опрокинута и разсѣяна. Въ тоже время и правое крыло имперцовъ, одновременно и энергически атакованное шведами съ фронта и обоихъ фланговъ, было также принуждено отступить на одну линію съ центромъ и лѣвымъ крыломъ, уже на разстояніи около 1 версты отъ дороги, и пораженіе императорской арміи и побѣда шведской уже были почти рѣшены, когда явился Паппенгеймъ съ своею конницей, возстановилъ бой, но былъ смертельно раненъ — и окончательно уже въ вечерней темнотѣ шведы одержали полную и совершенную побѣду (какъ было изложено выше).

Обратимся теперь къ важнѣйшимъ и замѣчательнѣйшимъ показаніямъ объ обстоятельствахъ смерти Густава-Адольфа.

Въ главѣ ихъ должно поставить оффиціальныя донесенія: Оксеншерна—шведскому сенату и Валленштейна—императору.

Въ первомъ, отъ 14 ноября 1632 г. (8 дней послѣ сраженія и смерти короля), Оксеншерна именно говоритъ, что »онъ давно уже предвидѣлъ такое несчастіе и часто просилъ короля не подвергать себя до такой степени опасности, но Богъ надѣлилъ его такою храбростью, которую онъ не могъ одолѣть и которая заставляла его пренебрегать величайшими опасностями; слѣдовательно намъ подобаетъ говорить о смерти короля только къ его славѣ», т. е. что онъ убитъ въ бою непріятельскими войсками, а не рукою измѣнника или подкупленнаго убійцы. Эти слова мудраго, честнаго и вѣрнаго друга Густава-Адольфа имѣютъ большой вѣсъ.

Во второмъ, т. е. въ донесеніи Валленштейна императору, тотчасъ или вскорѣ послѣ сраженія, сказано, что «король шведскій былъ убитъ въ то время, когда собиралъ и устроивалъ свои войска» (т. е. послѣ 1-й атаки), но при этомъ приведенъ очень любопытный и важный фактъ.

«Одинъ капралъ»—говоритъ Валленштейнъ—видя, что кому-то въ рядахъ шведовъ оказываютъ наружные знаки особеннаго уваженія и разступаются передъ нимъ, пожалъ руку одного мушкетера и сказалъ ему: «стрѣляй въ него, это важная особа»; мушкетеръ выстрѣлилъ и раздробилъ руку тому, въ кого мѣтилъ; что тогда одинъ эскадронъ (или конная рота) произвелъ атаку и одинъ офицеръ этого эскадрона, отличавшійся блескомъ своей кирасы и который, какъ полагалъ Валленштейнъ, былъ флорентійскаго (или тосканскаго) кираспрскаго полка подполковникъ Фалкенбергъ, выстрѣломъ изъ пистолета свалилъ съ лошади короля шведскаго, съ котораго тотчасъ же было снято все, и вооруженіе, и одежда, но что шведы тутъ же и тотчасъ же отразили атаку, и офицеръ этотъ, отчаянно защищая жизнь свою, палъ мертвый на томъ же мѣстѣ, гдѣ убилъ короля шведскаго». Эти слова, которыя приводитъ и Khevenhüller въ своихъ Annales Ferdinandei, не могутъ, кажется, быть подвергнуты сомнѣнію и оставлены безъ вниманія, и подтверждаютъ то, что Густавъ-Адольфъ былъ убитъ при 2-й атакѣ центра, потому что флорентійскій кираспрскій полкъ принадлежалъ къ составу лѣвой фланговой конницы праваго крыла императорской арміи, возлѣ каресвъ пѣхоты, а эта конница именно и опрокинула шведовъ обратно за дорогу.

Francheville (La mort de Gustave-Adolphe etc.) приводитъ еще слѣдующія, очень замѣчательныя и любопытныя показанія:

1) Іоанна Салвіуса, шведскаго резидента въ Гамбургѣ, а въ послѣдствіи канцлера Швеціи при королевѣ Христинѣ. Въ письмѣ своемъ шведскому сенату отъ 25 ноября 1632 г. (19 дней послѣ сраженія и смерти Густава-Адольфа) изъ Гамбурга, Салвіусъ передаетъ то, что̀ письменно сообщилъ ему изъ главной квартиры шведской арміи секретарь собственной канцеляріи короля Груббъ, который хотя и не находился лично при королѣ въ сраженіи, но былъ въ это время при арміи и повторялъ въ точности только то, что̀ всѣ единогласно говорили въ ней въ то время, а именно «что около 1 часу пополудни, не смотря на густой туманъ, король сталъ въ главѣ полка Стеенбока (т. е. смаландскаго) и въ атакѣ съ нимъ былъ раненъ въ лѣвую руку, съ раздробленіемъ кости, такъ что кости прорвали рукавъ и выходили наружу; что вскорѣ послѣ того король былъ раненъ изъ пистолета въ спину на вылетъ черезъ грудь и, хотя умиралъ, но еще былъ живъ и старался выбраться изъ рукопашной свалки; но, изнемогая отъ ранъ при движеніяхъ лошади, лишился чувствъ и упалъ среди непріятелей (тоже говоритъ и Khevenhüller). Далѣе Салвіусъ, со словъ Грубба, прибавляетъ, что «кто-то изъ непріятелей подошелъ къ лежавшему шведскому королю и спросилъ его, кто онъ? и услыхавъ отвѣтъ: «я король шведскій», хотѣлъ было вытащить его изъ свалки и взять въ плѣнъ, надѣясь вѣроятно получить за него щедрую награду или богатый выкупъ, но видя несшуюся на выручку шведскую конницу, размозжилъ королю голову выстрѣломъ изъ пистолета и убѣжалъ, а тѣло короля было тотчасъ ограблено до нага».

2) Канцлера, автора сочиненія Mémoires pour servir à l'histoire des affaires de Suède, проведшаго 8 лѣтъ въ Швеціи и руководствовавшагося шведскими писателями. Онъ говоритъ о смерти Густава-Адольфа очень безпристрастно, именно: что король былъ убитъ въ главѣ Смаландскаго конпаго полка, который лично повелъ въ атаку, вмѣсто раненаго командира этого полка, Стеенбока; что въ смерти короля не было измѣны и самой смерти можетъ быть не было бы, еслибы на королѣ, вмѣсто кожанаго колета, была кираса (и можно бы прибавить — на головѣ, вмѣсто шляпы, каска); наконецъ Канцлеръ приводитъ показанія изъ записокъ 18-ти-лѣтняго пажа Густава-Адольфа, франконскаго дворянина Августа Лейбельфингена, и показанія трубача королевскаго двора, Іоенса Монсона; бывшихъ свидѣтелями смерти Густава-Адольфа и согласныхъ въ своихъ показаніяхъ. Отецъ Лейбельфингена былъ полковникомъ городоваго войска и комендантомъ Нюрнберга, во время дѣйствій Густава-Адольфа при этомъ городѣ. Король, узнавъ сына его съ хорошей стороны, позволилъ ему состоять при немъ волонтеромъ. Съ тѣхъ поръ молодой Лейбельфингенъ находился при немъ безотлучно до самой смерти его, былъ возлѣ него тяжело раненъ въ сраженіи при Люценѣ, перевезенъ въ Наумбургъ и на 9-й день умеръ, успѣвъ однако, въ письмѣ къ отцу своему, описать подробности того, чему былъ личнымъ свидѣтелемъ, а отецъ его, въ изданныхъ имъ запискахъ своего сына, помѣстилъ и это письмо его. Изъ него видно, что «онъ былъ возлѣ короля, когда подъ послѣднимъ пала его лошадь и онъ, опасно раненый, упалъ на землю; что онъ, Лейбельфингенъ, соскочилъ съ своей лошади и предложилъ ее королю, но въ то время, когда помогалъ ему взобраться на нее, на нихъ наскочили непріятельскіе кирасиры, король былъ убитъ, а онъ, Лейбельфингенъ, до полусмерти израненый кирасирами, былъ замертво оставленъ ими и безъ чувствъ пролежалъ нѣсколько часовъ возлѣ тѣла короля, пока его, Лейбельфингена, не подняли и не отвезли для перевязки въ Наумбургъ» (значитъ тогда, когда тѣло Густава-Адольфа было наконецъ отыскано почью шведами). Эти по-

казанія двухъ свидѣтелей, бывшихъ при Густавѣ-Адольфѣ и его смерти, обоихъ—протестантовъ и преданныхъ королю, заслуживаютъ довѣрія и вниманія и служатъ подтвержденіемъ донесеній Оксеншерна и Валленштейна.

Приведенныхъ выше свидѣтельствъ достаточно, кажется, если не для убѣжденія, то по крайней мѣрѣ для разъясненія, что Густавъ-Адольфъ былъ убитъ около 1 часу пополудни, при 2-й атакѣ центра непріятельской арміи, по другую сторону дороги (гдѣ именно—объяснено ниже) и сражавшимися въ строю войсками, а не на пути отъ центра къ лѣвому флангу, рукою измѣнника или подкупленнаго убійцы, либо герцога саксенъ-лауенбургскаго, каковыя показанія и подозрѣнія долго существовали и едва-ли не остаются еще и до сихъ поръ. Francheville въ подробности разбираетъ и опровергаетъ эти подозрѣнія противъ герцога саксенъ-лауенбургскаго, приводя уважительныя доказательства. Онъ говоритъ, что первый пустилъ ихъ въ ходъ нѣкто Іоаннъ Гастендорфъ, саксонецъ, служившій Густаву-Адольфу проводникомъ и бывшій, можетъ быть, шпіономъ. Эта темная и подозрительная личность, въ своемъ письменномъ и очень странномъ, полусумасбродномъ показаніи, отъ 7 ноября 1632 года, увѣряла, что «при королѣ находились 4 человѣка: онъ, Гастендорфъ. еще два изъ свиты короля, которыхъ онъ не называетъ и которые были посланы съ приказаніями, и одна знатная особа, которую онъ также не называетъ, но которую, по его словамъ, знаетъ вся Германія; что они стояли подъ жестокимъ огнемъ, ядромъ убило лошадь его, Гастендорфа, и оторвало ему ногу; что король подвинулся шаговъ на 50 впередъ и тамъ измѣнникъ выстрѣлилъ ему въ голову изъ пистолета; кровь лилась по лицу короля, который выстрѣлилъ въ злодѣя оба свои пистолета, но не попалъ въ него; я видѣлъ—говоритъ Гастендорфъ—какъ король разъ 20 перевернулся (fit vingt pirouettes) и наконецъ, не имѣя силъ сидѣть на лошади, сошелъ съ нея, сѣлъ на землю и громко поручилъ свою душу Богу, пригласивъ и раненыхъ вокругъ себя сдѣлать тоже, а измѣнникъ снова приблизился къ нему и нанесъ ему еще 9 ранъ; король, назвавъ его по имени, закричалъ: «злодѣй! да проститъ тебя Богъ, какъ я тебя прощаю, а вы, еще живые, будьте мнѣ свидѣтелями, что я умираю измѣннически убитый за мое усердіе»; король держалъ въ рукахъ обнаженную, окровавленную шпагу, колетъ, сѣдло и лошадь его были обагрены его кровью и его нельзя было узнать; пока я буду живъ—оканчиваетъ Гастендорфъ—воспоминаніе того, что я видѣлъ, будетъ прискорбно для меня, но я не смѣю сказать, что я видѣлъ; это—исполненіе словъ царя Давида: «тотъ, кто ѣстъ мой хлѣбъ, попираетъ меня пятой»;—такъ поступилъ съ Густавомъ четвертый изъ насъ въ его свитѣ;—писано близъ Люцена 6 ноября 1632 года и подписано Гастендорфъ». Этотъ человѣкъ выздоровѣлъ и въ 1633 г. подтвердилъ свое показаніе: «то, что̀ я сказалъ здѣсь—истина, мои глаза видѣли это, и что̀ я написалъ, то снова подтверждаю. Люценъ 16 іюня 1633 года». Къ этому онъ прибавилъ: «хочешь-ли знать, гдѣ былъ убитъ король? возьми веревку, привяжи ее къ камню» (вѣроятно шведскому) «и оборотясь лицомъ къ Люцену, отмѣряй 48 локтей (aulnes), да еще 36, и получишь мѣсто, гдѣ испустилъ духъ великій Густавъ». Francheville, разбирая и опровергая это показаніе въ подробности, называетъ его горячечнымъ бредомъ больнаго либо преднамѣреннымъ плутовствомъ. «И однако»,—прибавляетъ онъ,—«эта, ни съ чѣмъ несообразная сказка послужила основаніемъ утвердившемуся и распространившемуся мнѣнію, что Густавъ-Адольфъ былъ убитъ герцогомъ саксенъ-лауенбургскимъ, а всѣ шведы повѣрили, что герцогъ поступилъ такъ въ согласіи съ курфирстомъ саксонскимъ, императоромъ и другими дворами, и вѣрили этому даже въ его, Francheville, время (1799 г.). Въ справедливости этого они ссылались на извѣстнаго барона Пуффендорфа, который, за щедрую плату будучи приглашенъ въ Швецію, чтобы, по подлиннымъ источникамъ, написать исторію Густава-Адольфа и разъяснить смерть его, будто бы убѣдился, что убійцей не могъ быть никто иной, кромѣ герцога саксенъ-лауенбургскаго, и выставилъ его такимъ предъ цѣлой Европой, и что въ этомъ отношеніи нельзя не вѣрить исторіографу Швеціи. Но Francheville подробно разбираетъ и рѣшительно опровергаетъ всѣ доводы Пуффендорфа и доказываетъ всю недобросовѣстность и несостоятельность ихъ. Разборъ и опроверженіе эти весьма любопытны, но приводить ихъ здѣсь вполнѣ было бы неумѣстнымъ и достаточно будетъ сказать, что Francheville рѣшительно опровергаетъ, подкрѣпляя и доказывая фактами, главные пункты обвиненія противъ герцога, а именно: поступленіе его на службу императора, состояніе его при Валленштейнѣ, переходъ его за нѣсколько дней до Люценскаго сраженія въ шведскую армію, а два дня послѣ него — обратно въ императорскую и наконецъ то, что герцогъ въ сраженіи былъ покрытъ кровью, хотя самъ и не былъ раненъ. Въ заключеніе Francheville опровергаетъ показаніе Пуффендорфа, будто онъ руководствовался Хемницомъ, и говоритъ, что этотъ послѣдній, честный и правдивый историкъ, современный Густаву-Адольфу, никогда и нигдѣ не утверждалъ,

будто Густава-Адольфа убилъ герцогъ саксенъ-лауенбургскій, но просто сказалъ, что «полагали, будто бы Густавъ-Адольфъ не былъ убитъ непріятелемъ, а одинъ знатный человѣкъ со стороны шведовъ выстрѣлилъ въ него», и затѣмъ прибавилъ, что «предоставляетъ это суду Бога, передъ которымъ ничто не скрыто».

Въ 3-мъ отдѣленіи, въ концѣ своей брошюры, Francheville точно также доказательно и рѣшительно опровергаетъ всякое участіе императора, курфирста саксонскаго, другихъ государей и вообще католической партіи въ убіеніи Густава-Адольфа, будто бы, герцогомъ саксенъ-лауенбургскимъ.

Вообще нужно сказать что брошюра Франшевилля, въ 36 страницъ въ $^1/_4$ листа, напечатанная въ 1799 г. въ Бреслау и нынѣ составляющая библіографическую рѣдкость*), заключаетъ въ себѣ драгоцѣнныя свѣдѣнія касательно обстоятельствъ и рода смерти Густава-Адольфа и заслуживаетъ особеннаго вниманія. Въ пользу благонамѣренности, добросовѣстности и правдивости ея автора можетъ служить то, что хотя онъ былъ римско-католическимъ священникомъ (каноникомъ капитула Бреславскаго каѳедральнаго собора), но—въ Пруссіи, былъ горячимъ почитателемъ памяти Густава-Адольфа и написалъ свою брошюру именно съ цѣлію (означенною въ заглавіи) возвратить смерти Густава-Адольфа весь характеръ геройзма, который отнимаютъ у нея полагающіе, будто шведскій король былъ убитъ рукою измѣнника. Съ этою цѣлію авторъ собралъ всевозможныя оффиціальныя и неоффиціальныя свидѣтельства и частныя преданія и сдѣлалъ многія и тщательныя изслѣдованія, вслѣдствіе личнаго желанія, выраженнаго ему королемъ шведскимъ Густавомъ III, по смерти котораго онъ посвятилъ свою брошюру сыну его, королю шведскому Густаву IV. А на страницѣ 4-й онъ говоритъ, что за 30 лѣтъ передъ тѣмъ, въ 1769 г., Фридрихъ II, король прусскій, знавшій его французскій переводъ исторіи Gualdo Priorato, приказалъ ему напечатать оный, что онъ и исполнилъ, присоединивъ краткое разсужденіе о предметѣ брошюры 1799 года, надѣясь, что кто-либо другой займется этимъ обстоятельнѣе и окончательно разсѣетъ всѣ сомнѣнія и подозрѣнія,—но ошибся, ибо и въ новѣйшихъ сочиненіяхъ продолжаетъ встрѣчать ихъ по прежнему.

Остается еще сказать нѣсколько словъ объ опредѣляемомъ въ этой брошюрѣ мѣстѣ, гдѣ именно Густавъ-Адольфъ былъ убитъ. По этому поводу Francheville приводитъ нѣсколько строкъ изъ рукописи одного честнаго гражданина Люцена, промышлявшаго тѣмъ, что показывалъ и объяснялъ иностранцамъ поле сраженія. «Достовѣрно», говоритъ послѣдній, «что Густавъ-Адольфъ былъ убитъ во 2-й атакѣ въ центрѣ непріятельской арміи. Мѣсто, гдѣ было найдено его тѣло, находится на рубежѣ земель города Люцена и селенія Гёттернъ (Goettern), влѣво отъ дороги изъ Люцена въ Лейпцигъ. Невѣрно то, будто бы король умеръ около камня, называемаго шведскимъ (Schwedenstein), равно то, будто бы саксонскіе коммисары приказали положить этотъ камень для означенія мѣста, гдѣ былъ убитъ король, такъ какъ камень этотъ, въ 3 фута вышины и въ 3 фута въ діаметрѣ основанія, уже былъ извѣстенъ въ 1550 году и что земля или поле, на которомъ онъ лежитъ, называлось полемъ большаго камня (die Hufe am grossen Stein).» «Эти подробности»—прибавляетъ Francheville—«драгоцѣнны тѣмъ, что указываютъ давно искомое, именно—мѣсто, гдѣ Густавъ-Адольфъ былъ убитъ, и подтверждаются какъ точнымъ изслѣдованіемъ мѣстности поля сраженія и расположеніемъ на ней обѣихъ армій, такъ и рукописною хроникою Люцена, составленною пасторомъ этого города Бургеромъ.» На планѣ сраженія при Люценѣ, приложенномъ къ брошюрѣ Франшевилля, мѣсто мнимаго, по его словамъ, шведскаго камня, показано въ правомъ входящемъ углу старой дороги 1632 года, возлѣ нея, справа отъ Люцена, а мѣсто, гдѣ было найдено тѣло Густава-Адольфа—въ недальнемъ разстояніи позади того мѣста, гдѣ, въ центрѣ арміи Валленштейна, стояло заднее каре, и въ полуверстѣ влѣво отъ старой дороги, идя отъ Люцена.

До 1837 года на мѣстѣ шведскаго камня находился скромный памятникъ Густаву-Адольфу, но въ 1837 году былъ воздвигнутъ новый и изящный чугунный, въ видѣ готической часовни.

---

*) Она имѣется въ библіотекѣ главнаго штаба и, безъ сомнѣнія, въ императорской публичной библіотекѣ.

Въ заключеніе изложенія обстоятельствъ, времени и мѣста смерти Густава-Адольфа въ сраженіи при Люценѣ, остается еще сказать объ отысканіи его тѣла, перевезеніи его въ Вейсенфельсъ, вскрытіи, бальзамированіи и отправленіи въ Стокгольмъ для погребенія.

Такъ какъ сраженіе кончилось уже въ вечерней темнотѣ, то шведы, послѣ долгихъ розысковъ, только ночью или къ разсвѣту слѣдующаго дня могли отыскать, подъ грудой убитыхъ, обнаженное и обезображенное тѣло Густава-Адольфа и перевезли его въ Вейсенфельсъ. Здѣсь, въ ратушѣ (Amthaus), оно было освидѣтельствовано, вскрыто и бальзамировано, при чемъ врачи нашли: 1) на тѣлѣ 8 ранъ, именно: 5 огнестрѣльныхъ, 2 сабельныя и 1 алебардную, глубокую и смертельную (по свидѣтельству Салвіуса, основанному на показаніи Вейсенфельскаго аптекаря Каспара, участвовавшаго въ бальзамированіи, не совсѣмъ согласномъ, впрочемъ, съ приведенными выше показаніями о послѣдней, смертельной, пистолетной ранѣ въ голову), — и 2) что внутренности тѣла были въ такомъ здоровомъ состояніи, которое должно было обѣщать Густаву-Адольфу продолжительную жизнь до глубокой старости. Вынутыя внутренности были схоронены въ Вейсенфельской монастырской церкви (Klosterkirche, нынѣ въ развалинахъ), а сердце и бальзамированное тѣло Оксеншерна передалъ прибывшей въ Вейсенфельсъ вдовствующей королевѣ. Она отвезла ихъ въ Стокгольмъ, гдѣ они были схоронены въ Риддаргольмской церкви—королевской усыпальницѣ, среди могилъ шведскихъ королей, въ томъ числѣ великаго дѣда Густава-Адольфа—Густава Вазы и отца—Карла IX.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Въ изложеніи обстоятельствъ до и во время сраженія при Люценѣ — въ текстѣ и въ приложеніяхъ (смерть Густава Адольфа) — могутъ быть усмотрѣны нѣкоторыя несогласія въ показаніяхъ. Это произошло во 1-хъ отъ того, что вообще показанія историковъ чрезвычайно разнорѣчивы, такъ что ихъ довольно трудно согласовать, и во 2-хъ отъ того, что текстъ, къ сожалѣнію, былъ уже отпечатанъ, когда ближайшее разслѣдованіе обстоятельствъ смерти Густава-Адольфа обнаружило нѣкоторыя неточности въ подробностяхъ текста. А потому считаю необходимымъ указать ихъ здѣсь, для согласованія съ болѣе обстоятельными и, сколько кажется, болѣе точными показаніями въ приложеніяхъ (смерть Густава-Адольфа).

Такъ во 1-хъ число войскъ въ текстѣ показано: у Валленштейна — 40 т., а у Густава-Адольфа — 27 т. Это показаніе, изъ числа всѣхъ, болѣе или менѣе разногласныхъ между собою, принято большею частію историковъ и должно быть болѣе или менѣе близко къ истинѣ. Дѣйствительно, у Валленштейна, до отряженія Паппенгейма съ 8-ю, 10-ю и по нимъ даже до 12 т. войскъ къ Галле, было до 40 т., а послѣ того осталось только 32—30 или даже 28 т., изъ этихъ чиселъ наиболѣе принимается среднее до 30 т., бывшихъ въ строю въ сраженіи. И у Густава-Адольфа въ Арнштадтѣ, по соединеніи съ герцогомъ Бернгардомъ саксенъ-веймарскимъ, также дѣйствительно было до 27 т. войскъ. Но по отряженіи имъ части войскъ къ Дунаю и Рейну и въ Швабію, и по прибытіи къ Люцену, у него въ строю было только 20 т. войскъ или нѣсколько болѣе и во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что въ сраженіи при Люценѣ онъ былъ тысячъ на 10 слабѣе Валленштейна. Паппенгеймъ же прибылъ изъ Галле лишь въ 3-мъ ч. пополудни съ 8-ю полками конницы (въ комплектѣ—до 6 т., а въ некомплектѣ—не свыше 5 т. чел.).

Во 2-хъ дорога изъ Люцена въ Лейпцигъ, съ обыкновенными канавами по сторонамъ, въ то время была возвышена надъ уровнемъ полей справа и слѣва, однако не до такой степени, чтобы образовала слишкомъ высокую насыпь, какъ то можно было бы вообразить себѣ. Но когда ночью канавы были углублены, внѣшняя—болѣе, а внутренняя—менѣе, и выброшенная изъ нихъ земля образовала брустверы въ 2 яруса, тогда дорога дѣйствительно отчасти возвысилась брустверомъ 2-го ряда. Но и тогда конница съ обѣихъ сторонъ нѣсколько разъ переносилась взадъ и впередъ черезъ дорогу и рвы ея, что было бы очень трудно, еслибы дорога образовала высокую насыпь.

Въ 3-хъ двѣ Валленштейновы батареи, одна въ 7 орудій—въ центрѣ, а другая въ 14—на правомъ крылѣ, находились за дорогой, 1-я—за исходящимъ угломъ ея, а 2-я—за входящимъ колѣномъ ея, и, въ видѣ каваліеровъ, были возвышены надъ уровнемъ дороги, дабы настильно стрѣлять черезъ нее.

Въ 4-хъ линія боеваго порядка шведской арміи была расположена не вполнѣ парал-

лельно къ непріятельской линіи, но въ нѣсколько косвенномъ направленіи, правымъ флангомъ ближе къ ней, а лѣвымъ далѣе отъ нея, такъ что когда правое крыло и центръ уже производили 1-ю атаку, лѣвое крыло еще не начинало ея и только подвигалось впередъ.

Въ 5-хъ первая атака была произведена одновременно: Густавомъ-Адольфомъ съ конницею праваго крыла противъ конницы лѣваго крыла непріятельскаго и, разумѣется, скорѣе атаки пѣхоты 1-й линіи противъ исходящаго угла дороги, батареи за нимъ и кареевъ Валленштейна, передняго и лѣваго. Герцогъ же Бернгардъ саксенъ-веймарскій съ конницей лѣваго крыла рѣшительно атаковалъ съ фронта и праваго фланга конницу праваго крыла Валленштейна—уже только во время 2-й атаки въ центрѣ, послѣ которой Густавъ-Адольфъ, около 1 часу пополудни, былъ убитъ по другую сторону дороги. Извѣстіе о смерти его герцогъ Бернгардъ получилъ также по другую сторону дороги, но на самой оконечности фланговъ: лѣваго шведскаго и праваго непріятельскаго. Поручивъ начальствованіе надъ лѣвымъ крыломъ другому (по инымъ—графу Браге), самъ онъ съ 2-мя кирасирскими полками поскакалъ въ центръ и произвелъ 3-ю атаку съ свѣжей пѣхотой 2-й линіи Книпгаузена, при содѣйствіи атакъ правой фланговой шведской конницы. Эта 3-я, общая по всей линіи атака шведовъ, часу во 2-мъ, отодвинувъ Валленштейнову армію далеко (до 1 версты) за дорогу, уже почти рѣшила побѣду, когда прибывшій часу въ 3-мъ Паппенгеймъ возобновилъ бой на лѣвомъ крылѣ и только послѣ 3-й атаки былъ отраженъ и самъ смертельно раненъ. Въ 5-мъ часу солнце зашло, а въ 6-мъ—7-мъ часу, уже въ вечерней темнотѣ, сраженіе совершенно кончилось побѣдой шведовъ.

ГЛАВА VII.

КОРОЛЬ ГУСТАВЪ II АДОЛЬФЪ.

ГЛАВА XXVI, VI ЧАСТИ, ШВЕДСКОЙ ИСТОРІИ ФРИКСЕЛЯ.

(Русскій переводъ въ Современникѣ 1842 г. № 3).

Король Густавъ-Адольфъ былъ статный мужчина, ростомъ немного выше трехъ локтей, прекрасно сложенъ, но въ послѣдніе годы жизни онъ сталъ такъ необыкновенно полнѣть, что только самыя сильныя лошади могли носить его, когда ѣзда была продолжительна. Не смотря на то, онъ былъ здоровъ и крѣпокъ, способенъ все переносить и бодръ, хотя не въ такой степени, какъ его отецъ. Его движенія были исполнены благородства и пріятности; онъ держался прямо и подбородокъ немного выдавался впередъ; волосы онъ носилъ короткіе и зачесанные вверхъ со лба; они были, также какъ и усы и борода, золотистаго цвѣта, почему и называли его «золотымъ королемъ». Лобъ и носъ поднимались круто, глаза были открытые, голубые; лицо его всегда сохраняло свѣжесть и полноту молодости. Въ его взорѣ, въ чертахъ лица и во всей его особѣ было рѣдкое соединеніе снисходительной кротости съ царскою важностью и величіемъ.

Немногіе были одарены такими отличными способностями, какъ Густавъ-Адольфъ. Взоромъ, столь же быстрымъ, какъ и глубокимъ, проникалъ онъ во всѣ, какъ частныя, такъ и общественныя дѣла; еще будучи юношей, онъ въ этомъ отношеніи часто былъ счастливѣе посѣдѣвшихъ въ трудѣ и опытѣ государственныхъ сановниковъ. Въ тоже время онъ имѣлъ способность, безъ приготовленія, и однакожъ чрезвычайно ясно и пріятно, излагать свои мысли; по сла-

дости голоса и по тѣлодвиженіямъ онъ былъ почти лучшимъ витіею, нежели великій дѣдъ его: «онъ столькихъ же—говорили—побѣждалъ языкомъ, сколькихъ и мечомъ».

У него память была отличная, и въ зрѣломъ возрастѣ онъ запоминалъ государственные законы и подданныхъ своихъ съ такою же легкостью, какъ въ юности всѣ науки и языки. Будучи полководцемъ, онъ зналъ не только высшее начальство арміи, но и нижніе чины, даже многихъ изъ наиболѣе отличныхъ солдатъ.

Душу его украшало истинное и пламенное благочестіе, обнаруживавшееся и въ словахъ, и въ дѣйствіяхъ. Рѣдко пропускалъ онъ утреннія и вечернія молитвы, Богослуженія не пропускалъ никогда. Онъ терпѣть не могъ клятвъ, легкомысленныхъ и хулительныхъ рѣчей о предметахъ духовныхъ. Часто его заставали одного, за чтеніемъ Св. Писанія. «Я стараюсь—говорилъ онъ—созерцаніемъ Слова укрѣпить себя противъ злыхъ искушеній. Человѣкъ на моемъ мѣстѣ никому, кромѣ Бога, не обязанъ отчетомъ въ своихъ поступкахъ, но именно эта самостоятельность и вводитъ во множество искушеній, которыхъ мы безпрестанно должны остерегаться». Самъ сочинилъ онъ многія изъ употреблявшихся въ то время походныхъ молитвъ; его же считаютъ сочинителемъ знаменитаго военнаго псалма. «Не падай духомъ, малая дружина!» Современный лѣтописецъ, въ этомъ отношеніи, описываетъ его слѣдующимъ образомъ: «Король Густавъ-Адольфъ начинаетъ всѣ свои предпріятія молитвою, и потому оканчиваетъ ихъ благодареніемъ».

Вся жизнь его была отраженіемъ этого чистаго и глубокаго благочестія. Послѣ заблужденія съ Маргаритою Кабелю, его уже нельзя было упрекнуть ни въ малѣйшей слабости этого рода. Неумѣренность въ пищѣ, игра и праздность были ему совершенно незнакомы. Самъ, по обыкновеннымъ своимъ качествамъ, рѣшительно превосходя всѣхъ его окружавшихъ, онъ тѣмъ самымъ былъ выше всякаго поползновенія къ зависти. Ему нечего было скрывать, а потому не было надобности и притворствовать; никого не оскорбляя, онъ не зналъ и мнительности: «я могу спать, говорилъ онъ, на колѣняхъ каждаго изъ моихъ подданныхъ». Онъ былъ алченъ, но алкалъ одной славы, ища ея въ познаніи истины и въ благѣ отечества. Особенно благороденъ и любезенъ былъ онъ въ отношеніи къ своимъ ближайшимъ. Мать его, вдовствовавшая королева, уничтожила сладостнѣйшія надежды его юности*), старалась возмутить противъ него младшаго брата, Карла-Филиппа, и была тайною виновницею многихъ, для государства опасныхъ, а для него самаго непріятныхъ случаевъ; но, не смотря на то, онъ всегда оказывалъ ей сыновнее почтеніе и покорность, уступая ея прихотямъ во всемъ, что̀ не касалось блага отечества и обязанности государя. Обоихъ своихъ соперниковъ, герцоговъ Іоанна и Карла-Филиппа, обратилъ онъ въ надежнѣйшихъ друзей, оказывая имъ непритворную, братскую дружбу. Онъ былъ неизмѣнно вѣренъ супругѣ своей и старался, сколько могъ, скрывать ея слабости. Обращеніе его съ сестрою, пфальцъ-графинею Екатериною и съ другомъ, Акселемъ Оксеншерна, составляетъ блистательный образецъ всего прекраснаго и благороднаго въ братской любви и непоколебимой дружбѣ.

Подавая такимъ образомъ самъ примѣръ чистой и безукоризненной жизни, онъ и между приближенными своими не терпѣлъ людей порочнаго поведенія. Донось и клевета отвергались съ презрѣніемъ; игра, пьянство и распутство были совершенно изгнаны. Нѣкоторые молодые люди, обнаружившіе склонность къ такимъ привычкамъ, немедленно и безъ послабленія были удалены отъ двора; прочіе стали остерегаться. Чертоги короля шведскаго были обителью не только воѣнной славы, познаній, вкуса и любезности, но также благочестія, правосудія и добрыхъ нравовъ, и жители Швеціи, обращая туда взоры, не только удивлялись блеску, какой находили тамъ, но и съ благоговѣніемъ, съ пламенною любовью смотрѣли на все благородное, высокое, что̀ заключалось въ этихъ стѣнахъ, и высокій примѣръ дѣйствовалъ благодѣтельно на цѣлое государство. Густавъ Ваза, Густавъ-Адольфъ и три одномыслящіе Карла были въ этомъ отношеніи истинные отцы отечества, ибо и законами, и примѣрами развивали въ народѣ тотъ характеръ силы, важности, добродѣтели и прямодушія, который составляетъ единственное основаніе истиннаго счастія какъ частныхъ людей, такъ и государствъ.

Густавъ-Адольфъ любилъ блескъ и превосходство, но только въ личныхъ достоинствахъ и подвигахъ, не въ обычаяхъ и обрядахъ. Его образъ жизни былъ чрезвычайно простъ и умѣренъ, такова же была и одежда его — въ мирное время, какъ и въ военное. На торжественныхъ церемоніяхъ онъ однакожъ показывалъ приличное великолѣпіе.

Король ненавидѣлъ праздность и жадность къ удовольствіямъ. Самъ онъ работалъ неутомимо. Еще мальчикомъ онъ си-

---

*) Разлучивъ его съ обожаемою имъ Эббою Брахе.

живалъ далеко за полночь съ книгою въ рукахъ. Охоту, прогулки съ дворомъ и подобныя забавы онъ рано оставилъ и началъ посвящать почти все свое время государственнымъ дѣламъ. Онъ хотѣлъ, чтобы и чиновники были таковы же и, замѣчая противное, дѣлалъ имъ лично строгій выговоръ. По духу времени, выраженія были сильны. Фохтамъ*) угрожалъ онъ тѣмъ, что заплатятъ головою или получатъ веревку на ожерелье; въ немъ узнавали сына Карла IX-го. Одинъ офицеръ, которому поручено было построить нѣкоторыя укрѣпленія, производилъ работы слабо и медленно. Король сдѣлался недоволенъ. Офицеръ извинился тѣмъ, что «земля крѣпко замерзла и оттого невозможно рыть ее.» Король отвѣчалъ: «земля всегда бываетъ мерзлою для лѣнивыхъ свиней»—старинная простонародная пословица у шведовъ, которою отецъ его, дѣдъ и дяди любили отвѣчать на подобныя возраженія лѣни.

Будучи возвышенъ надъ личнымъ корыстолюбіемъ и личными слабостями, онъ не имѣлъ надобности убѣгать правосудія. По случаю одной тяжбы о владѣніи, онъ самъ явился въ гофгерихтъ, напомнилъ его чинамъ, чтобы безъ лицепріятія соблюли обыкновенный судебный порядокъ, и потомъ похвалилъ ихъ, когда они по закону постановили невыгодное для короля, но, какъ онъ въ послѣдствіи самъ нашелъ, совершенно справедливое рѣшеніе.

Густавъ-Адольфъ любилъ познанія и чтеніе. Рано вступивъ на престолъ и еще ранѣе принявъ участіе въ дѣлахъ правленія, онъ не могъ спокойно кончить своего воспитанія. Но и царствуя, онъ призывалъ въ свободное время прежняго своего учителя, Іоанна Шитте, и продолжалъ пользоваться его руководствомъ. Ксенофонтъ, Сенека и въ особенности Гуго Гроцій были его любимые писатели. Исторіею онъ также занимался охотно, называя ее наставницею жизни. Метафизика была единственная наука, къ которой онъ былъ равнодушенъ—можетъ быть по внушенію Шитте и римскихъ философовъ. Густавъ-Адольфъ отличался также въ качествѣ писателя. Его стихи, хотя и не первостепеннаго достоинства, носятъ отпечатокъ чистыхъ и возвышенныхъ чувствованій. Въ описаніи же правленія отца своего онъ является историкомъ превосходнымъ и по духу, и по образу изложенія. Онъ былъ несомнѣнно первымъ ораторомъ своего времени.

Король былъ чрезвычайно кроткаго и ласковаго права, до такой степени, что за то его много порицали, не зная врожденной его способности соединять дружеское обращеніе съ царскимъ величіемъ. Онъ любилъ разговаривать запросто не только съ приближенными лицами, но и съ другими подданными, какого бы ни были сословія. Онъ иногда долго бесѣдовалъ съ опытными чиновниками присутственныхъ мѣстъ и провинціальныхъ управленій, съ порядочными мѣщанами, даже съ земледѣльцами, подробно разспрашивая о состояніи края, ободряя или давая полезные совѣты. Особенно ласковъ былъ онъ съ старыми, заслуженными солдатами. Многіе изъ нихъ принимаемы были во дворецъ драбантами, и рѣдко король проходилъ мимо ихъ, не сказавъ имъ добраго слова. Старшій изъ нихъ былъ сѣдой старикъ, который въ молодости участвовалъ въ войнѣ Густава Вазы съ Россіею. Этого старика онъ особенно жаловалъ, часто садился къ нему и разговаривалъ про стараго короля Густава, про случаи и обычаи его.

Вспыльчивый характеръ Густава-Адольфа и соединенная съ нимъ поспѣшность иногда давали поводъ къ непріятнымъ случаямъ. Особливо во время первой молодости своей онъ нерѣдко позволялъ себѣ рѣзкія слова, даже удары и побои, и ему было трудно, почти невозможно укрощать порывы своей вспыльчивости. Лѣта и опытность наконецъ научили его трудному искуству владѣть самимъ собою, и часто по одному лишь минутному румянцу или по легкимъ судорогамъ въ лицѣ можно было угадать внутреннее его волненіе. Онъ самъ зналъ недостатокъ свой и сознавался въ немъ. Но — присовокуплялъ онъ — мои друзья могутъ имѣть снисхожденіе къ моей вспыльчивости, такъ какъ я извиняю ихъ слабости, медленность въ одномъ, пьянство въ другомъ, корыстолюбіе въ третьемъ и т. д.— Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ легко и скоро мирился, усердно и великодушно стараясь загладить всякій проступокъ. Онъ никогда не питалъ долговременной ненависти и злобы. Въ разсужденіи этого разсказываютъ слѣдующее событіе: шотландскій полковникъ, по имени Ситонъ (Seaton), при одномъ смотрѣ провинился въ чемъ-то и король сдѣлалъ ему замѣчаніе. Ситонъ вздумалъ оправдываться и защищаться, при чемъ споръ до того сдѣлался жарокъ, что король наконецъ далъ полковнику пощечину—въ виду всего фронта. Ситонъ, безъ сомнѣнія, не могъ ожидать какого-либо удовлетворенія, тотчасъ взялъ отставку и въ тотъ же вечеръ поѣхалъ въ датскія владѣнія, чтобы тамъ опредѣлиться въ службу. Король скоро раскаялся и, взявъ съ собою двухъ слугъ, отпра-

*) Коронный фохтъ—высшій начальникъ въ уѣздѣ по исполнительной части, по части податей и сборовъ и пр.

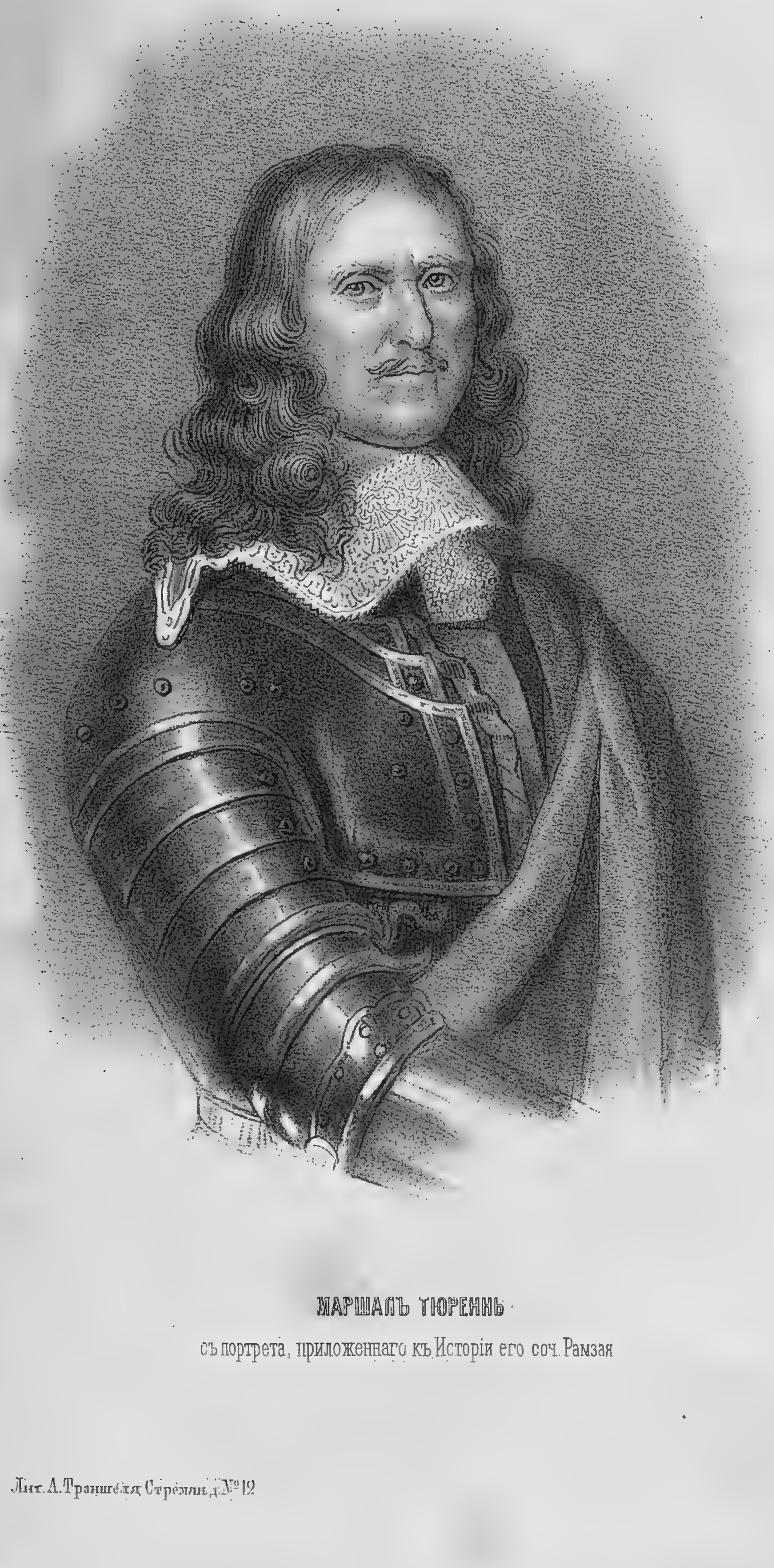
вился вслѣдъ за нимъ. Едва успѣлъ онъ переступить границу, король догналъ его. «Г. полковникъ,—сказалъ онъ ему,—я несправедливо обидѣлъ васъ. Это мнѣ больно: я считаю васъ за честнаго человѣка и потому пріѣхалъ, чтобы дать вамъ удовлетвореніе. Здѣсь, внѣ границъ Швеціи, Густавъ-Адольфъ и Ситонъ равны. Вотъ два пистолета или двѣ шпаги! отмстите за себя, если можете!» Ситонъ бросился къ его ногамъ и просилъ дозволенія жить и умереть въ службѣ короля. Густавъ-Адольфъ обнялъ его и они вмѣстѣ возвратились въ лагерь, гдѣ король въ присутствіи многихъ постороннихъ разсказывалъ о полученномъ Ситономъ удовлетвореніи.

Густавъ-Адольфъ былъ одинъ изъ величайшихъ полководцевъ, какіе когда-либо существовали. Важныя улучшенія, произведенныя въ военномъ искуствѣ, ниже будутъ изложены подробнѣе. Личная храбрость его была такъ необыкновенна, что многіе въ этомъ отношеніи порицали его, находя, что онъ смѣшиваетъ обязанности воина и полководца. Онъ же былъ убѣжденъ, что военачальникъ не можетъ требовать отъ своихъ солдатъ болѣе мужества, нежели сколько самъ показываетъ. Страхъ былъ Густаву совершенно чуждъ. Когда его предостерегали, онъ отвѣчалъ улыбаясь; «до сихъ поръ еще ни одинъ король не былъ убитъ пушечнымъ ядромъ», или съ важностію присовокупляя: «упованіе на Бога есть лучшая осторожность», или: «есть-ли для короля смерть прекраснѣе той, когда онъ можетъ пасть за свой народъ и за справедливое дѣло?» Почти невозможно исчислить всѣхъ смертельныхъ опасностей, чрезъ которыя онъ прошелъ въ своихъ походахъ: девять большихъ рубцовъ, кромѣ ранъ, полученныхъ имъ въ день смерти, свидѣтельствовали о томъ. Три раза онъ едва не утонулъ: при Витше, Демминѣ и Бровикенѣ; въ послѣднемъ случаѣ лошадь погибла и самъ король съ трудомъ могъ спасти свою жизнь. Однажды его отговаривали отъ намѣренія сойдти въ Фалунскую рудокопню. «Какъ? — возразилъ онъ — уже-ли королю нельзя посѣтить лучшаго казнохранилища въ государствѣ?»

Немногіе воспользовались столь великимъ и безусловнымъ почтеніемъ, какъ Густавъ-Адольфъ, даже со стороны непріятелей. «Онъ величайшій король въ мірѣ»—говорилъ папа. Католики съ удивленіемъ упоминали о многихъ его добродѣтеляхъ, о строгости воинской его жизни, о его правосудіи, чистой нравственности, благочестіи и непритворной набожности, хотя въ «безбожной вѣрѣ». Почти ни одного пасквиля не являлось противъ этого ихъ смертельнаго врага. До отдаленнѣйшихъ странъ Европы, до полудикихъ князей и народовъ доходила слава его. Турція искала его дружбы; отъ татаръ приходили послы съ поздравленіями, и великій князь московскій выражалъ свою преданность, свое удивленіе. Такъ смотрѣли на него чужеземцы, даже враги обожали его. Въ шведской арміи было множество англичанъ и шотландцевъ, которые въ это время всего болѣе одушевлялись ненавистью къ папской власти и мечтательною любовью къ протестантской вѣрѣ. Для нихъ Густавъ-Адольфъ былъ новымъ Іудой Маккавеемъ, львомъ сѣвернымъ, какъ древле былъ левъ іудейскій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и агнцемъ невинности, жертвовавшимъ своею чистою кровію для спасенія единовѣрцевъ. Незадолго до Люценской битвы, большая часть шотландскихъ полковъ была въ Швабіи и потому не могла принять участія въ помянутомъ сраженіи. Чрезвычайно трогательно читать ихъ жалобу, что имъ не позволили идти и на смерть съ «милымъ» ихъ королемъ Густавомъ. Такъ же точно, если еще не болѣе, обожали его протестанты въ Германіи, освобожденные имъ отъ рабства — и гражданскаго, и духовнаго, почему и потомки ихъ никогда не перестанутъ благословлять его память. Шведы любили и почитали его какъ своего величайшаго короля, съ которымъ можно сравнивать развѣ только столь же великаго и не менѣе любимаго дѣда. Аксель Оксеншерна ставилъ Густава-Адольфа выше всѣхъ. «Никогда — писалъ онъ—Швеція не имѣла столь великаго короля. Густавъ-Адольфъ великій и отецъ отечества суть титулы, которые онъ по всей справедливости заслужилъ отъ насъ. Въ цѣломъ мірѣ нѣтъ теперь, да и много уже столѣтій не было никого, кто бы достоинъ былъ сравненія съ нимъ; я сомнѣваюсь чтобы и грядущія времена произвели равнаго ему.»

V.

ТЮРЕНЬ.



МАРШАЛЪ ТЮРЕННЬ

съ портрета, приложеннаго къ Исторіи его соч. Рамзая

Лит. А. Транше́я, Стремянная, д. № 12

V.

ТЮРЕННЬ.

ГЛАВА I.

§ 1.

Отъ рожденія до 1644 года.

Генрихъ де-ла-Туръ-д'Оверньй (de la Tour d'Auvergne), виконтъ де-Тюреннь, родился 11 сентября 1611 года въ Седанѣ и былъ 2-й сынъ Генриха де-ла-Туръ-д'Оверньй, герцога Бульонскаго и дочери принца Вильгельма I Оранскаго, Елисаветы. Онъ родился и былъ воспитанъ въ протестантскомъ вѣроисповѣданіи. До 12-го года онъ былъ слабаго тѣлосложенія и не обнаруживалъ ни особенныхъ способностей, ни легкой и скорой понятливости, ни большаго прилежанія къ ученію. Но отецъ его, прилагавшій особенное попеченіе о хорошемъ воспитаніи и образованіи своихъ дѣтей, такъ возбудилъ его самолюбіе, что онъ напрягъ всѣ свои умственныя и душевныя силы и скоро сдѣлалъ большіе успѣхи. И умъ, и душу его воспламенили подвиги великихъ мужей древности, особенно Александра Великаго, жизнь и подвиги котораго онъ изучилъ съ восторгомъ изъ чтенія Квинта-Курція *). Къ сожалѣнію, онъ на томъ же 12-мъ году лишился отца своего, которому наслѣдовалъ старшій сынъ его, а онъ, младшій, Генрихъ, былъ посланъ въ Голландію, къ дядѣ своему, принцу Морицу Оранскому. Но и этотъ вскорѣ умеръ и ему наслѣдовалъ братъ его, Фридрихъ-Вильгельмъ. Всѣ эти несчастные случаи и обстоятельства жизни только сильнѣе возбудили его природныя дарованія и послужили къ быстрому возвышенію его на военномъ поприщѣ. Онъ началъ службу съ нижнихъ чиновъ—рядовымъ (1626), но уже черезъ годъ (1627) былъ произведенъ въ капитаны, совершилъ первый походъ свой, находился при осадахъ Клундерта, Виллемштадта и Гроля и въ 1629 г. такъ отличился при Герцогенбушѣ и снискалъ такое уваженіе дяди своего, принца Оранскаго, что послѣдній сказалъ: «Тюреннь имѣетъ въ себѣ всѣ задатки сдѣлаться великимъ полководцемъ». Въ 1630 г., 19-ти лѣтъ отъ роду, онъ перешелъ во французскую армію полковникомъ, въ 1634 г. получилъ полкъ, участвовалъ съ нимъ въ осадѣ крѣпости Ла-Моттъ и такъ отличился смѣлостью и храбростью, что былъ произведенъ въ генералъ-маіоры (maréchal de camp), будучи 23-хъ лѣтъ отъ роду. Въ 1635 г. онъ совершилъ первый походъ свой въ Германіи, въ составѣ арміи, которую кардиналъ Ла-Валеттъ повелъ туда въ помощь шведамъ и которая, въ соединеніи съ герцогомъ Бернгардомъ Саксенъ-Веймарскимъ, деблокировала Майнцъ. Однако армія Ла-Валетта была принуждена отступить, при чемъ Тюреннь

*) Очень замѣчательно, что Густавъ-Адольфъ, многіе изъ лучшихъ полководцевъ XV—XVIII вѣковъ и нашъ Суворовъ были восторженными почитателями Александра В., но всего удивительнѣе, что они изучили жизнь и подвиги его изъ чтенія не Арріана — историка, а Квинта-Курція—романиста или скорѣе сказочника: Причиной было, можетъ быть, то, что сочиненіе послѣдняго, какъ романъ или сказка, для отроковъ и юношей было гораздо завлекательнѣе, нежели строгая исторія Арріана.

отличился дѣятельною и успѣшною заботливостью о продовольствованіи ея. Въ 1636 г. Ла-Валеттъ настоятельно потребовалъ, чтобы Тюреннь былъ оставленъ въ его арміи и при воспослѣдовавшихъ затѣмъ осадѣ и штурмѣ Цаберна въ Эльзасѣ, въ то время, какъ герцогъ Бернгардъ, по 3-мъ штурмѣ, овладѣлъ верхнимъ городомъ, Тюреннь взялъ съ бою нижній городъ и цитадель, оказавъ чудеса храбрости, но при этомъ былъ тяжело раненъ въ руку. Въ концѣ похода онъ получилъ приказаніе вытѣснить Галласа изъ Франшъ-Конте́, что̀ и исполнилъ съ необыкновенными быстротою и энергіей, настигъ и разбилъ Галласа при мѣстечкѣ Жюссѐ (Jussey), преслѣдовалъ его и взялъ у него множество плѣнныхъ. А потомъ, когда Галласъ хотѣлъ воспрепятствовать осадѣ Жуанвилля герцогомъ Бернгардомъ, Тюреннь сталъ между ними и принудилъ Галласа отступить за Рейнъ. Въ 1637 г. онъ участвовалъ въ походѣ арміи Ла-Валетта въ Пикардіи, и при осадѣ Ландреси, при безпрерывныхъ и сильныхъ дождяхъ, оказывалъ величайшую заботливость о войскахъ и, не щадя себя, показывалъ имъ личный примѣръ перенесенія всѣхъ трудовъ и лишеній, чѣмъ уже съ этого времени заслужилъ необыкновенную любовь войскъ. Затѣмъ взятіе имъ укрѣпленнаго замка Солра (Solre) въ Геннегау и храбрая оборона его, Тюренна, въ укрѣпленномъ лагерѣ при Мобёжѣ, противъ превосходныхъ силъ непріятеля, были награждены производствомъ его въ генералъ-лейтенанты, на 26-мъ году жизни. Въ 1638 г. онъ отвелъ подкрѣпленіе герцогу Бернгарду, для осады Брейзаха. Во время этой 8-имѣсячной осады, онъ участвовалъ въ 6-ти большихъ дѣлахъ (изъ нихъ 3 сраженія: при Виттенвейерѣ, Таннѣ и Энзисгеймѣ) съ непріятелемъ, подступавшимъ для освобожденія Брейзаха. И наконецъ, послѣ всего этого, онъ, по приказанію герцога Бернгарда, взялъ штурмомъ отдѣльный фортъ крѣпости, на главномъ рукавѣ Рейна, послѣ чего крѣпость сдалась. Въ 1639 г. онъ былъ посланъ въ Ломбардію, въ армію графа Аркура (Harcourt), прикрывалъ осаду Кіера (Quiers) и имѣлъ удачное дѣло при сел. Ла-Рутъ (La Route). Въ 1640 г. онъ нанесъ большой уронъ непріятелю, принужденному снять осаду Казаля, живо преслѣдовалъ его и взялъ у него 18 орудій, 24 знамени и весь его обозъ. Затѣмъ онъ побудилъ Аркура осадить Туринъ, въ которомъ начальствовалъ принцъ Ѳома савойскій, но въ цитадели котораго еще находился французскій гарнизонъ. Замѣчательно, что принцъ Ѳома осаждалъ цитадель, Аркуръ—Туринъ, а непріятельская армія генерала Леганеса блокировала армію Аркура! Но Леганесъ былъ наконецъ принужденъ отступить, Тюреннь доставилъ въ армію Аркура изъ Пиньероля большой транспортъ продовольствія и затѣмъ Туринъ сдался на условіи свободнаго выхода гарнизона. По отозваніи затѣмъ Аркура въ Парижъ, Тюреннь взялъ Монкальво и осадилъ Иврею, которая и сдалась позже воротившемуся Аркуру. Въ 1643 г. королева-правительница Франціи, въ знакъ особеннаго довѣрія къ Тюренню, назначила его состоять при принцѣ Ѳомѣ савойскомъ, перешедшемъ въ французскую службу и назначенномъ главнокомандующимъ французскою арміею въ Италіи. Принцъ Ѳома, отдавая полную справедливость дарованіямъ Тюренна, ввѣрилъ ему управленіе арміей и тѣмъ доставилъ ему случай дать военнымъ дѣйствіямъ неожиданный оборотъ. Именно, дабы принудить испанскую армію къ очищенію Піемонта, Тюреннь сдѣлалъ распоряженія съ цѣлію, будто бы, перенести главныя дѣйствія въ Миланское герцогство, двинулся къ Александріи и обложилъ ее, но такъ, что непріятель могъ, еслибъ захотѣлъ, ввести въ нее подкрѣпленіе. Дѣйствительно испанскій генералъ вывелъ почти половину гарнизона изъ Трино въ Піемонтѣ, чтобы вести ее въ Александрію. Тюреннь же немедленно снялъ блокаду Александріи, быстро двинулся къ Трино и взялъ эту крѣпостцу, какъ ни старался испанскій генералъ помѣшать тому. Этотъ мастерской подвигъ заслужилъ Тюренну производство его въ маршалы, на 32-мъ году жизни. Этимъ заключились, послѣ 17-ти лѣтъ службы, подначальственныя его военныя дѣйствія и подвиги—и онъ воздалъ своимъ наставникамъ въ военномъ дѣлѣ достойную хвалу за то, чему научился отъ нихъ. А именно: отъ дяди своего, принца Генриха Оранскаго, онъ говоритъ, что научился «выбору мѣстности, осадному искуству и особенно искуству составлять предначертанія, долго обдумывать ихъ и не измѣнять въ нихъ ничего до самой послѣдней минуты исполненія»; отъ герцога Бернгарда — «не ослѣплять себя счастіемъ и не оглушать себя несчастіемъ, не обвинять и не извинять себя, но исправлять ошибки или неудачи»; отъ кардинала Ла-Валетта—«тому, какъ необходимо начальствующему генералу вникать въ образъ жизни солдатъ въ полѣ и умѣть обходиться съ своими войсками»,—и наконецъ отъ графа Аркура—«тому, что напряженная дѣятельность и быстрая рѣшимость, соединенныя съ предварительнымъ и зрѣлымъ обдумываніемъ, служатъ сильными вспомогательными средствами для достиженія на войнѣ счастливыхъ успѣховъ». Все это Тюреннь усвоилъ себѣ и выполнялъ столько же искусно, сколько и удачно.

§ 2.

Походъ 1644 года.

Съ 1644-го года начинаются уже личные, самостоятельные походы его въ званіи маршала, съ ввѣряемыми ему арміями. Такихъ походовъ до Вестфальскаго мира было 5.

Первая армія, которою Тюренню пришлось начальствовать, находилась въ самомъ жалкомъ состояніи. То была—верхне-рейнская, бывшая въ 1643 году подъ начальствомъ маршала Гебріана, а по смерти его—вслѣдствіе тяжелой раны—генералъ-лейтенанта графа Ранцау. Разбитая при Тутлингенѣ, съ уономъ многихъ генераловъ и офицеровъ и отъ 6 до 7,000 рядовыхъ, взятыхъ въ плѣнъ, артиллеріи и обозовъ, она едва спаслась изъ-за Рейна въ Эльзасъ въ величайшемъ разстройствѣ. Ее-то кардиналъ Мазаринъ, въ знакъ довѣрія, и ввѣрилъ Тюренню для приведенія въ устройство. Тюреннь прибылъ въ декабрѣ 1643 г. въ Кольмаръ и въ январѣ расположилъ армію на квартирахъ въ горахъ Лотарингіи (такъ какъ Эльзасъ былъ слишкомъ разоренъ) и принялъ всевозможныя мѣры къ скорѣйшему и лучшему устройству ея. Въ половинѣ мая 1644 г. онъ снова собралъ ее въ Эльзасѣ, перешелъ съ частію войскъ въ Брейзахѣ черезъ Рейнъ, внезапно напалъ близъ истоковъ Дуная на 2,000 чел. баварской конницы генерала Мерси и обратилъ ихъ въ бѣгство, взявъ 400 ч. въ плѣнъ. Въ началѣ іюля баварскій фельдмаршалъ Мерси (братъ генерала) съ 16,000 войскъ обложилъ Фрейбургъ въ Шварцвальдѣ. Тюреннь собралъ свою небольшую армію (4—5,000 чел. пѣхоты, 5,000 чел. конницы и 20 орудій) при Брейзахѣ, перешелъ черезъ Рейнъ, двинулся къ Фрейбургу, хотѣлъ, но не успѣлъ атаковать армію Мерси врасплохъ и, послѣ кратковременнаго частнаго боя, былъ принужденъ отступить передъ этою превосходною въ силахъ арміею, которой Фрейбургъ и сдался. Такое начало было не совсѣмъ удачно для Тюренна, но не столько по его винѣ, сколько по неудовлетворительному еще состоянію его войскъ, особенно плохой пѣхоты. Между тѣмъ герцогъ Ангіенскій (позже Конде́) приблизился къ театру военныхъ дѣйствій на верхнемъ Рейнѣ, съ своею арміею (6,000 ч. пѣхоты и 3,000 ч. конницы), которою подъ нимъ начальствовалъ маршалъ Граммонъ, перешелъ въ Брейзахѣ черезъ Рейнъ, соединился 2-го августа съ арміею Тюренна и 3-го августа вечеромъ атаковалъ баварскую армію Мерси близъ Фрейбурга съ фронта, между тѣмъ какъ Тюреннь черезъ горы и лѣса обошелъ и атаковалъ лѣвый флангъ ея. Послѣ жестокаго боя въ продолженіи всего вечера и цѣлой ночи и 4-го августа утромъ и днемъ, Мерси отступилъ и занялъ другую позицію правымъ флангомъ къ Фрейбургу. Здѣсь 5-го августа утромъ произошло кровопролитное сраженіе, которое, вслѣдствіе распоряженій герцога и Тюренна, могло бы кончиться совершеннымъ пораженіемъ арміи Мерси, но—вслѣдствіе неблагоразумнаго порыва начальствовавшаго пѣхотой герцога, генерала д'Эспенанта, который вовлекъ и обѣ французскія арміи въ бой несогласно съ предварительными распоряженіями—имѣло слѣдствіемъ только большой уронъ съ обѣихъ сторонъ, но безъ рѣшительныхъ результатовъ. За всѣмъ тѣмъ Мерси отступилъ чрезъ Шварцвальдъ въ Виртембергъ, а французскія арміи послѣдовали за нимъ, взяли замокъ Вейсенекъ, отбили часть непріятельскаго обоза, но, по недостатку въ продовольствіи и чтобы не удаляться слишкомъ отъ Рейна, воротились къ Фрейбургу, однако не осадили его, хотя въ немъ было только 5—600 челов. гарнизона—потому, что были слишкомъ ослаблены боемъ и нуждались въ продовольствіи. Но герцогъ Ангіенскій счелъ болѣе важнымъ осадить 25-го августа Филипсбургъ, занятый 6—700-ми чел. пѣхоты и 80-ю чел. конницы. Во время осады французы взяли съ боя Гермерсгеймъ и заняли Шпейеръ, а 9-го сентября гарнизонъ Филипсбурга сдалъ эту крѣпость. Тюреннь на другой же день перешелъ съ нѣмецкою конницею и 500-ми отборными мушкетерами черезъ Рейнъ, разсѣялъ отрядъ испанской конницы, взялъ 500 чел. въ плѣнъ, двинулся усиленными переходами черезъ Вормсъ и Оппенгеймъ, которые сдались, къ Майнцу, незанятому войсками, но къ которому, съ другаго берега Рейна, приблизились 1,000 баварскихъ драгуновъ и требовали впуска въ городъ. Тюреннь, угрозой немедленно атаковать послѣдній, принудилъ соборный капитулъ впустить французовъ и затѣмъ съ городомъ была заключена выгодная для него капитуляція, а баварская конница отступила. Курфирстъ Майнцскій еще передъ тѣмъ удалился въ Франкфуртъ и французы заняли весь окрестный край, исключая Крейцнахскаго замка, занятаго слабымъ непріятельскимъ гарнизономъ. Затѣмъ послѣдовала осада французами крѣпости Ландау, которая и сдалась 19-го сентября Тюренню. Французы взяли еще нѣсколько горныхъ замковъ и въ концѣ октября герцогъ Ангіенскій съ своею арміею возвратился

черезъ Кайзерслаутернъ и Мецъ во Францію, а Тюреннь съ немногими войсками остался при Филиппсбургѣ. Но нѣсколько дней спустя узнавъ, что Мерси съ своею арміею двинулся изъ Вюртемберга къ Гейдельбергу и Мангейму, и предполагая, что онъ имѣлъ въ виду отвлечь его, Тюрення, къ Шпейеру, Вормсу и Майнцу, дабы взять Филиппсбургъ, — Тюреннь оставилъ 2,000 войскъ при послѣднемъ въ укрѣпленномъ лагерѣ, а самъ съ нѣсколькими сотнями мушкетеровъ и всею конницею перешелъ черезъ Рейнъ въ Шпейерѣ, послалъ 1,000 чел. конницы въ Вормсъ и Майнцъ, и принялъ всѣ нужныя мѣры для обезпеченія всѣхъ этихъ 4-хъ пунктовъ. Но Мерси не сдѣлалъ ничего, что̀ предполагалъ Тюреннь, и остановился между Гейдельбергомъ и Мангеймомъ, какъ полагалъ Тюреннь—по недостатку въ продовольствіи. Тогда Тюреннь оставилъ при себѣ только нѣсколько полковъ конницы, которые расположилъ по городамъ, а остальные отослалъ для продовольствованія въ Лотарингію на зимнія квартиры. 2,000 чел. пѣхоты остались при Филиппсбургѣ, а всю остальную пѣхоту Тюреннь оставилъ при себѣ въ Эльзасѣ. Но вскорѣ онъ узналъ, что герцогъ Лотаринскій съ 5-6,000 чел. войскъ перешелъ черезъ р. Мозель, обложилъ Кастеллаунъ и Зиммернъ, и атаковалъ Бахарахъ на Рейнѣ. Тюреннь быстро двинулся съ 4-500 чел. конницы къ Майнцу и Бингену, распустилъ слухъ и сдѣлалъ всѣ распоряженія, будто бы для движенія всей его арміи противъ герцога Лотарингскаго, и тѣмъ принудилъ его отступить. Затѣмъ, взявъ Крейцнахскій замокъ, въ половинѣ декабря онъ окончательно расположилъ свою армію въ Лотарингіи, Эльзасѣ и вдоль лѣваго берега Рейна на зимнихъ квартирахъ, а главную квартиру свою—въ Шпейерѣ.

§ 3.

Походъ 1645 года.

Въ первыхъ числахъ апрѣля небольшая армія Тюренна (всего только 6,000 человѣкъ пѣхоты, 5,000 человѣкъ конницы и 15 орудій!) перешла при Шпейерѣ по мосту на судахъ черезъ Рейнъ и двинулась къ Пфорцгейму и его окрестностямъ, гдѣ расположилась на пространныхъ квартирахъ. Тюреннь при этомъ имѣлъ въ виду раннимъ открытіемъ похода предупредить генерала Мерси, стоявшаго за р. Неккаромъ съ 6—7,000 войскъ, отправившаго 3—4,000 войскъ въ Богемію на подкрѣпленіе императорской арміи, но не получившаго еще подкрѣпленій. 16-го апрѣля Тюреннь перешелъ черезъ р. Неккаръ въ бродъ при Марбахѣ и двинулся черезъ Швебишъ-Галлъ и мимо Гейльбронна, т. е. вверхъ по правой сторонѣ Неккара, чтобы отбросить Мерси отъ юга къ сѣверу. Мерси дѣйствительно хотѣлъ отступить къ югу въ Швабію, но былъ принужденъ отступить на востокъ къ Дюнкельсбюлю и Фейхтвангену. Тюррень же, сосредоточивъ свою армію при Галлѣ, двинулся на сѣверъ къ Мергентгейму съ тѣмъ, чтобы въ тылу за собой имѣть гессенскія владѣнія, изъ которыхъ надѣялся лѣтомъ получить войска въ подкрѣпленіе, для дальнѣйшаго движенія въ середину Германіи. Расположивъ на пространныхъ квартирахъ близъ Мергентгейма всю свою пѣхоту и артиллерію, онъ послалъ генерала Розена съ 4 или 5 полками нѣмецкой конницы къ Ротенбургу на р. Тауберъ (между Мергентгеймомъ и Фейхтвангеномъ), а всю остальную конницу свою, для бо̀льшаго удобства въ продовольствованіи и по просьбѣ начальниковъ ея, размѣстилъ по городамъ въ 2—3-хъ часахъ разстоянія позади пѣхоты. Не совсѣмъ довольный своимъ квартирнымъ расположеніемъ, онъ сдѣлалъ нѣкоторыя перемѣны въ немъ, когда узналъ, что вся баварская армія двинулась изъ Фейхтвангена къ Мергентгейму. Онъ тотчасъ приказалъ Розену отступить и расположиться позади лѣса, лежавшаго впереди Мергентгейма (Розенъ же, по недоразумѣнію, расположился впереди лѣса), а всѣмъ остальнымъ полкамъ конницы—немедленно присоединиться къ арміи. Между тѣмъ имѣвшіяся у него подъ рукою: пѣхоту (около 3,000 чел.), съ 2-мя эскадронами въ резервѣ, онъ поставилъ въ небольшую рощу на право, а конницу двинулъ впередъ лѣвѣе, въ одной линіи, съ 2 эскадронами въ резервѣ. По приближеніи баварской арміи въ боевомъ порядкѣ, въ 2 линіи пѣхоты въ центрѣ и конницы по флангамъ, Тюреннь съ своею конницею атаковалъ 1-ю линію правой фланговой конницы непріятеля и опрокинулъ ее на 2-ю ея линію, а непріятельская пѣхота атаковала французскую въ рощѣ. Послѣдняя, сдѣлавъ залпъ, въ безпорядкѣ бросилась назадъ и, атакованная съ фронта, фланговъ и тыла, обратилась въ бѣгство и увлекла за собою стоявшую за нею конницу, а французская конница лѣваго крыла, послѣ жестокаго боя (въ которомъ Розенъ былъ взятъ въ плѣнъ, а Тюреннь едва избѣжалъ его), также обратилась въ бѣгство. Тюреннь искалъ защиты въ находившемся позади лѣсѣ, собралъ за нимъ прибывшіе 3 полка свѣжей

конницы и около 1,500 чел. опрокинутой пѣхоты и хотѣлъ съ ними возобновить атаку. Но какъ пѣхота была въ совершенномъ разстройствѣ, то Тюреннь, видя, что поправить дѣла уже нельзя было, счелъ за лучшее отступить. Выславъ впередъ къ Майну и границамъ гессенскихъ владѣній 1 свѣжій конный полкъ, со всѣми опрокинутыми и разсѣявшимися, самъ онъ съ другими 2-мя свѣжими конными полками прикрылъ отступленіе и совершилъ его съ боемъ противъ тѣснившаго сзади непріятеля, съ большимъ трудомъ, не безъ потери людей и многихъ штандартовъ и не безъ опасности для самаго себя. Словомъ—онъ былъ разбитъ и самъ въ своихъ запискахъ сознается въ томъ и не оправдываетъ себя, хотя виною былъ не столько онъ, сколько стеченіе разныхъ неблагопріятныхъ и независѣвшихъ отъ него обстоятельствъ. Невыгодный для него бой при Мергентгеймѣ стоилъ его арміи потери всей артиллеріи, всего обоза и до 1,500 чел. конницы съ многими офицерами. Къ счастію еще для Тюренна, баварцы преслѣдовали его не цѣлою арміею, не тотчасъ и недалеко, но вскорѣ двинулись къ Рейну, взяли Гермерсгеймъ и осадили Кирхгайнъ. Тюреннь же отступилъ въ гессенъ-дармштадтскія владѣнія, а оттуда двинулся къ Касселю, на соединеніе съ гессенскими войсками (6,000) и шведскими (4,000) генерала Кёнигсмарка, и при Вольфсгагенѣ, близъ Касселя, присоединился къ нимъ съ своими 3—4,000 ч. конницы и около 1,500 чел. пѣхоты, что составило всего около 14,500 или 15,500 войскъ. Соединясь, они тотчасъ двинулись къ Кирхгайну и принудили баварцовъ снять осаду его—уже дней 10 или 12 послѣ боя при Мергентгеймѣ, что свидѣтельствуетъ о необыкновенной дѣятельности Тюренна и быстротѣ его движеній. Баварцы отступили въ Франконію, а союзная армія оставалась нѣсколько дней въ гессенъ-дармштадтскихъ владѣніяхъ, доколѣ Тюреннь не пошелъ съ нею на соединеніе съ французскою арміею Конде́ (8,000 войскъ), двинувшеюся черезъ Рейнъ въ Шпейерѣ, и не соединился съ нею 5-го іюля въ окрестностяхъ Ладенбурга, на нижнемъ Неккарѣ, близъ Мангейма. Тогда Конде́ и Тюреннь двинулись къ Гейльбронну, но найдя тамъ за Неккаромъ баварцовъ, повернули на лѣво къ Вимпфену, взяли его и перешли черезъ Неккаръ. Въ Вимпфенѣ Кёнигсмаркъ, по несогласію съ Конде́, отдѣлился съ шведскими войсками и двинулся къ Майну, а Конде́ и Тюреннь—къ Ротенбургу на р. Тауберъ, баварская же армія отступила къ Фейхтвангену и расположилась тамъ въ укрѣпленной позиціи, но вскорѣ отступила въ другую позицію позади Дюнкельсбюля, въ которомъ оставила отъ 300 до 400 чел. гарнизона. По прибытіи Конде́ и Тюренна къ Дюнкельсбюлю, они узнали, что баварская армія Мерси идетъ противъ нихъ, и сами немедленно двинулись въ 1 часъ ночи на встрѣчу ей, оба они лично—впереди съ авангардомъ, а Граммонъ съ главными силами—позади. На разсвѣтѣ они встрѣтили баварскій авангардъ, который отступилъ на главныя силы, построившіяся за прудами. Произошла канонада, продолжавшаяся цѣлый день. По невозможности атаковать Мерси въ его позиціи, Конде́ и Тюреннь ночью отступили къ Дюнкенсбюлю и положили немедленно идти къ Нёрдлингену, куда и прибыли на другой день. Баварская армія, усиленная 6—7,000-ми императорскихъ войскъ генерала Глейна, оставивъ назади всѣ обозы, двинулась также къ Нёрдлингену и заняла позицію на высотѣ, правымъ флангомъ къ ручью, а лѣвымъ къ горному замку Аллергейму. Замокъ (на горѣ) и селеніе (подъ горой) Аллергеймъ были заняты частію пѣхоты, а главныя силы ея расположены позади селенія, на высотѣ, имѣя конницу по флангамъ. Обѣ французскія арміи двинулись впередъ около полудня, но строились — непонятнымъ образомъ — 4 часа и наконецъ атаковали селеніе Аллергеймъ, при чемъ понесли отъ артиллерійскаго огня баварцовъ больше вреда, нежели баварцы отъ французской артиллеріи (потому что, кромѣ одной шведской, всѣ другія полевыя артиллеріи были крайне неудободжижимы). За артиллеріей двигалась пѣхота въ 2 линіи и конница въ 3-й. Въ самомъ селеніи произошелъ упорный и жестокій бой, въ которомъ обѣ стороны понесли большой уронъ, а Мерси былъ убитъ. Но вскорѣ бой принялъ неожиданный оборотъ. Непріятельская лѣвая фланговая конница, подъ начальствомъ генерала Іоанна Де-Верта, атаковала, опрокинула и прогнала французскую правую фланговую конницу, при чемъ Граммонъ былъ взятъ въ плѣнъ. А между тѣмъ Тюреннь двинулся въ атаку съ лѣвою фланговою французскою конницею и, не смотря на то, что въ это самое время и французская пѣхота, съ конницею за нею, была опрокинута изъ сел. Аллергейма и обратилась въ бѣгство, опрокинулъ 1-ю линію непріятельской правой фланговой конницы на 2-ю, и хотя былъ принужденъ нѣсколько отступить, но исполнилъ это въ порядкѣ, пока не подоспѣли гессенскія войска. Тогда вся непріятельская конница была совершенно опрокинута и разбита, непріятельская пѣхота подвергалась сильному натиску, при чемъ генералъ Глейнъ попалъ въ плѣнъ, а вся находившаяся тутъ артиллерія—взята французами. Между тѣмъ Де-Вертъ воротился назадъ изъ преслѣдованія правой фланговой французской конницы, но вмѣсто того, чтобы броситься вкось, прямо въ тылъ Тюренню, онъ двинулся на прежнее свое мѣсто и оттуда влѣво позади сел. Аллергейма, отчего прибылъ слишкомъ позд-

но. Уже наступила ночь и лѣвыя крыла обѣихъ армій остались на своихъ мѣстахъ, но Тюреннево—гораздо далѣе, впереди сел. Аллергеймъ, въ которомъ пѣхота, считая себя отрѣзанною, сдалась и получила свободный выходъ, но безъ оружія. Послѣ полуночи непріятельская армія отступила, не зная, что французская находилась въ такомъ же состояніи, какъ и она. Еслибъ обѣ на другой день возобновили бой, то подверглись бы опасности быть разбитыми, но непріятельская—съ большею вѣроятностью, потому что Мерси былъ убитъ, Глейнъ взятъ въ плѣнъ, а сзади было лѣсное дефиле. Французы понесли большій уронъ въ людяхъ, а непріятель потерялъ бо́льшую часть своей артиллеріи. Такимъ образомъ французы одержали побѣду и загладили неудачу свою при Мергентеймѣ—только благодаря Тюренню и его атакѣ съ конницею. При этомъ нельзя не замѣтить, что французская конница во всѣхъ случаяхъ, и тутъ, и прежде, всегда была сильнѣе и дѣйствовала гораздо лучше плохой французской пѣхоты, которая атаковала хорошо, но, отбитая, обращалась въ бѣгство и разсѣевалась, такъ что ее трудно было собрать. По отступленіи непріятельской арміи, Конде́ хотѣлъ атаковать Нёрдлингенъ, но жители и гарнизонъ (400 чел.) сдались и послѣдній получилъ свободный выходъ безъ оружія. А Тюреннь съ конницей преслѣдовалъ непріятеля до Донауверта, откуда воротился назадъ. Послѣ нѣсколькихъ дней отдыха, Конде́ и Тюреннь двинулись къ Дюнкельсбюлю, который сдался. Это движеніе объясняется въ запискахъ Тюренна тѣмъ, что состояніе арміи и недостатокъ въ деньгахъ принудили сблизиться съ Неккаромъ, и Рейномъ. Конде́ заболѣлъ и уѣхалъ, сдавъ начальствованіе вымѣпенному Граммону, который остался въ соединеніи съ Тюреннемъ. Оба двинулись къ Гейльбронну, но не могши взять его, продолжали движеніе къ Швебишъ-Галлю, съ цѣлью отѣснить непріятеля за Дунай и расположиться на зимнихъ квартирахъ въ Швабіи. Но баварская армія была усилена 6-7,000-ми императорской конницы и наступила до Донауверта. Это принудило Тюренна и Граммона отступить къ Неккару и Рейну, оставивъ въ Вимпфенѣ 600 чел. гарнизона и перейдя въ этомъ мѣстѣ черезъ Неккаръ, не вбродъ, а вплавь, при чемъ нѣсколько людей и повозокъ потонули. Затѣмъ обѣ арміи отступили къ Филипсбургу. Туда же двинулась и баварская армія. Тюреннь немедленно началъ собирать войска и устроивать укрѣпленный лагерь между верками Филипсбурга и Рейномъ, а конницу и обозы переправилъ на судахъ съ праваго берега на лѣвый. Тогда непріятельская армія отступила къ Вимпфену и вскорѣ расположилась на зимнія квартиры. Граммонъ съ своими войсками отправился во Францію, а Тюреннь, съ бывшими у него подъ рукой войсками, двинулся еще къ Триру, взялъ его въ 2 дня, передалъ курфирсту трирскому, союзнику Франціи, обложилъ и взялъ замокъ Оберъ-Везель и затѣмъ уже расположилъ свою армію на зимнія квартиры вдоль Рейна и Мозеля и отправился въ Парижъ. Такъ кончился этотъ походъ, особенно замѣчательный тѣмъ, что состоялъ не изъ осадъ и блокадъ крѣпостей, какъ почти всѣ походы въ этихъ мѣстахъ и въ это время, но въ дѣятельномъ и искусномъ маневрированіи въ полѣ и въ рѣшительныхъ дѣйствіяхъ съ цѣлію боя, который и пропсходилъ часто и, неудачный при Мергентеймѣ, былъ удаченъ для французовъ при Нёрдлингенѣ и въ другихъ мѣстахъ, такъ что вообще успѣхъ былъ на сторонѣ Конде́ и Тюренна.

§ 4.

Походъ 1646 года.

Этотъ походъ Тюренна произошелъ уже въ соединеніи съ шведскою арміею Врангеля въ Германіи, по плану самаго Тюренна. Именно — онъ имѣлъ въ виду соединиться съ арміею Врангеля, дѣйствовавшею въ нижней Саксоніи и Гессенѣ, и совокупными съ нею силами дѣйствовать наступательно противъ находившейся дотолѣ между ними императорско-баварской арміи—планъ весьма здравый и разумный. Кардиналъ Мазаринъ одобрилъ его, а Тюреннь согласился съ Торстенсономъ и потомъ съ Врангелемъ, чтобы шведская армія двинулась чрезъ Гессенъ, а французская чрезъ Нассау—на соединеніе одна съ другою. Но едва только Тюреннь въ началѣ мая сталъ собирать и устроивать въ Бахарахѣ мостъ на судахъ черезъ Рейнъ, какъ вдругъ кардиналъ Мазаринъ прислалъ сказать ему, чтобъ онъ не переходилъ черезъ Рейнъ, такъ какъ курфирстъ обѣщалъ не присоединять своей арміи къ императорской, если только французы не перейдутъ черезъ Рейнъ. Въ тоже время Тюреннь узналъ, что при дворѣ въ Версали замышляютъ осаду Луксембурга. Тюреннь совершенно справедливо находилъ это несогласнымъ ни съ интересами Франціи въ Германіи, ни съ

здравыми военными понятіями, но долженъ былъ исполнить приказаніе. Вскорѣ однако сдѣлалось извѣстнымъ, что постоянно колебавшійся курфюрстъ баварскій все-таки соединился съ императорскою арміей и двинулся съ нею противъ шведовъ, а противное увѣреніе было дано именно съ цѣлію удержанія французовъ за Рейномъ. Между тѣмъ о переходѣ черезъ Рейнъ въ Бахарахѣ и прямомъ движеніи оттуда на соединеніе съ шведами уже нельзя было и думать, а нужно было избрать дальній, обходный путь. Съ разрѣшенія кардинала Мазарина, Тюреннь немедленно послалъ нѣсколько полковъ въ Майнцъ, перешелъ черезъ р. Мозель въ бродъ, въ 5—6 часахъ разстоянія отъ Кобленца, и двинулся усиленными переходами черезъ кёльнскія владѣнія къ Везелю, а оттуда обратился къ Липштадту, безпрестанно сносясь съ Врангелемъ и условясь съ нимъ, когда и гдѣ имъ соединиться. Но какъ ни быстро шелъ Тюреннь, все-таки прошелъ цѣлый мѣсяцъ, въ продолженіи котораго Врангель могъ бы неразъ подвергнуться опасности быть разбитымъ отдѣльно, еслибъ не избиралъ весьма искусно такихъ крѣпкихъ позицій, въ которыхъ непріятели, по тогдашнимъ понятіямъ, никакъ не отважились атаковать его, а все ограничивалось неважными стычками. Свѣдавъ, что шведская и французская арміи сближаются, непріятельскіе генералы отступили 2—3 мили назадъ и расположились лагеремъ при Фридбергѣ. Тюреннь же, соединясь наконецъ съ Врангелемъ (6—7,000 чел. пѣхоты, 10,000 чел. конницы и 60 орудій) въ Гессенѣ, вскорѣ двинулся съ нимъ противъ императорско-баварской арміи, подъ начальствомъ эрцгерцога Леопольда-Вильгельма, расположенной въ крѣпкой и выгодной позиціи за р. Ниддою, при Ильмштадтѣ и Бургъ-графенроде, гдѣ Тюреннь и Врангель не сочли удобнымъ атаковать ее и расположились лагеремъ близъ Фридберга, занятаго непріятелемъ. Будучи въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ и полномъ согласіи между собою, они положили обойти лѣвый флангъ непріятельской арміи, достигнуть прежде нея р. Майна и отрѣзать ей отступленіе въ Виртембергъ, къ рр. Неккару и Дунаю. Съ этою цѣлію они послали впередъ 1,000 чел. конницы и 500 драгуновъ овладѣть переправой черезъ Нидду въ Бонамейсѣ. А когда эта переправа была занята, шведская и французская арміи на другой же день, на разсвѣтѣ, двинулись фланговымъ маршемъ вправо мимо арміи эрцгерцога, которая стала только въ ружье, но ничего не предпринимала. Перейдя въ Бонамейсѣ черезъ Нидду и принудивъ высланную эрцгерцогомъ конницу Де-Верта отступить, Тюреннь и Врангель къ вечеру достигли Бухгейма между Франкфуртомъ и Ганау, а оттуда двинулись къ Виндеку на рѣчкѣ Ниддеръ, впадающей въ Нидду, въ тылу непріятельской арміи, и занятіемъ Виндека совершенно отрѣзали непріятеля отъ Майна. Тогда эрцгерцогъ, не имѣя болѣе возможности отступить ни въ Франконію, ни въ Швабію, ни въ Баварію, положилъ двинуться въ гессенскія и оттуда въ кёльнскія владѣнія или, еслибы былъ преслѣдованъ, въ Вестфалію, дабы такимъ образомъ увлечь Тюренна и Врангеля за собою къ сѣверу и отвлечь ихъ отъ Баваріи и Швабіи. Но эрцгерцогъ ошибся въ своихъ расчетахъ: между тѣмъ, какъ онъ двинулся къ сѣверу—къ Фридбергу и тѣмъ отчасти обнаружилъ свое намѣреніе, Тюреннь и Врангель, напротивъ, быстро двинулись къ Ашафенбургу, перешли въ немъ черезъ Майнъ, и Тюреннь даже присоединилъ къ себѣ французскій гарнизонъ Майнца. Наполеонъ I называетъ это искусное движеніе «полнымъ отваги и мудрости» (pleine d'audace et de sagesse). Не имѣя болѣе надобности заботиться о непріятелѣ, оставшемся далеко назади, французы и шведы двинулись далѣе уже 2-мя отдѣльными колоннами, въ разстояніи отъ 3-хъ до 6-ти миль (21—42 верстъ), первые—правѣе на Шорндорфъ и Лаунгенъ на Дунаѣ, а вторые—лѣвѣе на Нёрдлингенъ и Донаувертъ также на Дунаѣ, взяли эти города, перешли черезъ Дунай и нашли тамъ обильное продовольствіе. Отъ Дуная Тюреннь послалъ 500 чел. конницы къ Аугсбургу, для занятія его, и самъ хотѣлъ идти туда же, когда былъ призванъ на помощь Врангелемъ, перешедшимъ черезъ Лехъ, обложившимъ Райнъ, но встрѣтившимъ въ немъ упорное сопротивленіе. Поэтому Тюреннь двинулся къ Райну, но лишился Аугсбурга, который успѣлъ быть занятъ непріятелемъ, а эрцгерцогъ, уже обратившійся назадъ на югъ, имѣлъ время приблизиться къ Дунаю и Леху. Тогда Тюреннь и Врангель положили, еще до прибытія эрцгерцога, перейти обратно черезъ Лехъ, осадить и взять Аугсбургъ. Не смотря на то, что это было исполнено очень быстро и дѣятельно и осадныя работы уже были доведены, на лѣвомъ берегу Леха, до главнаго рва, армія эрцгерцога успѣла черезъ Франконію и верхній Пфальцъ прибыть на правый берегъ Леха противъ Аугсбурга и огнемъ своей артиллеріи принудила наконецъ Тюренна и Врангеля снять осаду и отступить къ Лаунгену, который они укрѣпили и расположились при немъ лагеремъ. Эрцгерцогъ перешелъ на лѣвую сторону Леха и двинулся къ Меммингену, на среднемъ Иллерѣ. Это заставило Тюренна предполагать, что эрцгерцогъ имѣлъ намѣреніе движеніемъ на Ульмъ, Тюбингенъ и Гейльброннъ оттѣснить французовъ и шведовъ маневрированіемъ отъ Лаунгена въ Франконію, вслѣдствіе чего весь походъ былъ бы потерянъ для французовъ и шведовъ и они ни-

гдѣ не могли бы имѣть зимою отдыха и приготовиться къ слѣдующему походу. А все это было тѣмъ болѣе возможно, что армія эрцгерцога была числительно сильнѣе и лучше всѣмъ снабжена. Поэтому Тюреннь и Врангель убѣдились, что отъ ихъ рѣшенія въ этихъ обстоятельствахъ могъ зависѣть исходъ всей войны въ Германіи, и рѣшились—идти прямо противъ непріятеля и либо атаковать его, либо вблизи его дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ. 5-го ноября они двинулись изъ Лаунгена къ Меммингену и на другой день приблизились къ лагерю непріятельской арміи при Кирхгеймѣ, прикрытому съ фронта болотами и тѣснинами. Оставивъ передъ нимъ 2,000 чел. конницы, они 7-го ноября, незамѣтно для непріятеля, двинулись влѣво къ Ландсбергу, захватили въ немъ мостъ черезъ Лехъ и большіе магазины; стали въ тылу эрцгерцога и послали 3,000 чел. конницы къ Мюнхену. Это крайне встревожило курфирста баварскаго, возбудило его неудовольствіе противъ эрцгерцога и баварскихъ генераловъ и послужило поводомъ къ заключенію имъ вскорѣ отдѣльнаго мира. Эрцгерцогъ былъ вынужденъ отступить, не безъ труда, за Лехъ между Аугсбургомъ и Райномъ, а оттуда съ императорскими войсками къ Регенсбургу, оставивъ баварскія войска въ Баваріи. Французскія же и шведскія войска оставались до 23-го ноября на правой сторонѣ Леха, а потомъ двинулись отъ Ландсберга къ Меммингену и, для лучшаго продовольствованія своего, заняли пространныя квартиры, французскія—до Дуная, а шведскія—до Констанскаго озера. При этомъ первыя заняли Тюбингенскій замокъ, вторыя взяли Брегенцъ и Мейнау, но не могли взять Ландау, а Тюреннь и Врангель лично съ 6,000 человѣкъ конницы атаковали и опрокинули, съ большимъ для него урономъ, отрядъ непріятельскихъ войскъ, собравшійся при Райнѣ. Между тѣмъ въ Ульмѣ былъ открытъ конгрессъ уполномоченныхъ, французскихъ и шведскихъ съ одной стороны и баварскихъ съ другой. Въ мартѣ слѣдующаго 1647 г. заключенъ былъ договоръ, по которому курфирстъ баварскій отложился отъ императора, Лаунгенъ, Гундельфингенъ, Гохштедтъ, Ульмъ и Донаувертъ остались заняты французами, а Меммингенъ, Юберлингенъ и часть края по лѣвому берегу Леха шведами.

Такъ кончился походъ Тюренна и Врангеля въ западной и югозападной Германіи въ 1646 г., весьма замѣчательный во многихъ отношеніяхъ и заслуживающій ближайшаго вниманія и изученія, во 1-хъ потому, что въ немъ французская и шведская арміи весьма искусно совершили соединеніе свое передъ сосредоточенною императорско-баварскою арміею, и во 2-хъ, затѣмъ, хотя были и слабѣе ея числомъ, но, предводимыя двумя весьма искусными, отважными и рѣшительными полководцами, находившимися притомъ въ полномъ согласіи между собой, однимъ превосходнымъ маневрированіемъ успѣли два раза обойти непріятельскую армію, принудить баварцовъ отдѣлиться отъ имперцовъ, а курфирста баварскаго отложиться отъ императора и заключить отдѣльный миръ. Мнѣніе Наполеона I о движеніи Тюренна (съ Врангелемъ) отъ Гиссена къ Фридбергу, Бонамейсу, Бухгейму и Виндеку уже было приведено выше;—о движеніи же Тюренна (также съ Врангелемъ) отъ Лаунгена къ Кирхгейму и Ландсбергу Наполеонъ I отозвался равномѣрно съ большою похвалой, въ слѣдующихъ словахъ: «les manoeuvres pour déposter l'archiduc de sou camp entre Memmingen et Landsberg sont pleines d'audace, de sagesse et de génie; elles sont fécondes en grands résultats, les militaires les doivent étudier». Замѣтимъ только, что, Наполеонъ I приписываетъ все искуство 1-го и 2-го движеній только одному Тюренню, тогда какъ честь ихъ принадлежитъ столько же Врангелю, сколько и Тюренню, ибо они дѣйствовали все время въ совершенномъ согласіи между собою—примѣръ весьма рѣдкій и свидѣтельствующій въ пользу обоихъ одинаково.

§ 5.

Походъ 1647 года.

Послѣ отложенія курфирста баварскаго отъ императора, послѣдній остался уже одинъ, безъ союзниковъ, и перевѣсъ перешелъ рѣшительно на сторону шведовъ и французовъ, противъ соединенной арміи которыхъ (14,000 человѣкъ пѣхоты и 20,000 человѣкъ конницы) императорская армія эрцгерцога Леопольда (5,000 чел. пѣхоты и 6,000 чел. конницы) уже не могла съ успѣхомъ держаться въ полѣ. Тюренню и Врангелю въ 1647 г. оставалось, слѣдовательно, только пожать плоды того, что они такъ искусно совершили въ 1646 году. Но политика французскаго двора лишила ихъ этихъ плодовъ—и, для уравновѣшенія силъ съ обѣихъ сторонъ, Тюреннь съ своею арміею былъ отозванъ изъ Германіи, гдѣ для него было открыто такое прекрасное поприще

для искусныхъ дѣйствій, въ Нидерланды, гдѣ производилась самая однообразная и вялая, крѣпостная и осадная война и гдѣ, за удаленіемъ арміи Конде́ въ Каталонію, оставшіяся войска очень уменьшились числомъ. Тщетно представлялъ Тюреннь кардиналу Мазарину всѣ невыгоды отозванія его—онъ принужденъ былъ въ началѣ мая 1647 г. повиноваться собственноручному повелѣнію королевы-правительницы. Отнявъ обратно у непріятеля Гёхстъ, Штейнгеймъ, Ашафенбургъ и другіе пункты близъ Рейна, онъ перешелъ съ своею арміею при Филипсбургѣ черезъ эту рѣку и двинулся по направленію между Страсбургомъ и Цаберномъ. Но полки нѣмецкой конницы бывшей веймарской арміи, съ генераломъ Розеномъ въ главѣ, отказались идти далѣе, доколѣ не получатъ недоданнаго имъ за 6 мѣсяцовъ жалованья. Тюреннь былъ не въ состояніи выдать имъ оное и принужденъ воротиться назадъ съ частью французскихъ войскъ. Онъ могъ, но не хотѣлъ атаковать мятежниковъ въ то время, когда они въ безпорядкѣ перешли обратно черезъ Рейнъ и шли къ Эттлингену (въ 8 часахъ разстоянія отъ Филипсбурга), 2 дня слѣдовалъ вмѣстѣ съ ними, всячески, но тщетно убѣждалъ ихъ и лично Розена, и наконецъ, вызвавъ изъ Филипсбурга 100 мушкетеровъ, арестовалъ Розена въ Эттлингенѣ и отправилъ его въ Филипсбургъ. Часть мятежниковъ покорилась Тюренню, а бо́льшая часть двинулась далѣе къ Кёнигсгофену и Арнштейну. Тюреннь послѣдовалъ за ними со всѣми офицерами и нѣсколькими французскими эскадронами, атаковалъ ихъ, взялъ 300 чел. въ плѣнъ, 200 чел. были убиты, а остальные разсѣялись и большею частію поступили въ шведскую армію. Потерявъ на это много времени, Тюреннь укомплектовалъ и устроилъ по возможности остатки веймарскихъ полковъ и, воротясь назадъ, двинулся со всею своею арміею въ луксембургскія владѣнія, конницу же свою послалъ впередъ во Фландрію. Но вскорѣ онъ получилъ отъ французскаго двора приказаніе не идти далѣе, а привлечь на себя вниманіе и силы непріятеля, отнятіемъ у него нѣсколькихъ небольшихъ и незначущихъ постовъ. Вслѣдствіе того, непріятель дѣйствительно отрядилъ противъ Тюрення отъ 5 до 6,000 войскъ и тѣмъ ослабилъ главную армію свою. Вотъ чѣмъ ограничились всѣ выгоды жалкой политики кардинала Мазарина, посредствомъ которой непріятелю дано было вздохнуть свободнѣе, цѣлая французская армія въ продолженіи всего похода 1647 г. была употреблена безъ пользы, больше половины веймарскихъ полковъ пропало, а союзные шведы были поставлены въ трудное и опасное положеніе, разбиты и принуждены отступить къ Везеру! Вотъ къ чему въ этомъ случаѣ, какъ и въ весьма многихъ другихъ подобныхъ, повело управленіе войною и военными дѣйствіями людьми не-военными, не имѣвшими никакого понятія ни о той, ни о другихъ, но которые, вмѣсто того, управляли ими на основаніи—по выраженію французовъ—opinions de robe, то есть гражданскихъ понятій!

Среди невольнаго и прискорбнаго бездѣйствія Тюренна въ луксембургскихъ владѣніяхъ, онъ узналъ вскорѣ, что курфирстъ баварскій снова соединился съ императоромъ и не только отнялъ у шведовъ всѣ завоеванныя ими земли, но и оттѣснилъ ихъ даже въ брауншвейгскія владѣнія. Тогда-то французскій дворъ приказалъ Тюренню снова воротиться въ Германію и соединиться съ шведами. Тюреннь немедленно и быстро двинулся къ Майнцу, на пути деблокировалъ Франкенталь, взялъ обратно замокъ Фалькенштейнъ, перешелъ въ Оппенгеймѣ по мосту на судахъ черезъ Рейнъ и въ январѣ 1648 года расположился на пространныхъ квартирахъ въ гессенъ-дармштадтскихъ владѣніяхъ. Но какъ шведамъ еще нужно было время, чтобы укомплектоваться, ремонтироваться и устроиться, какъ слѣдовало, то Тюреннь пока и отступилъ къ Страсбургу.

§ 6.

Походъ 1648 года.

Получивъ наконецъ отъ Врангеля извѣстіе, что онъ готовъ соединиться съ французами на правой сторонѣ Рейна, Тюреннь въ февралѣ перешелъ черезъ него въ Майнцѣ и соединился въ Франконіи съ Врангелемъ. Французовъ было 4,000 чел. пѣхоты, 4,000 чел. конницы и 20 орудій, шведовъ отъ 4 до 5,000 чел. пѣхоты и отъ 8 до 9,000 чел. конницы, а вмѣстѣ отъ 8 до 9,000 чел. пѣхоты, отъ 12 до 13,000 чел. конницы, всего отъ 20 до 22,000 войскъ и около 40—50 орудій (вотъ какъ слабы были двѣ соединенныя арміи, французская и шведская, но сила ихъ заключалась—въ ихъ предводителяхъ). Тюреннь, уже передъ тѣмъ письменно объявившій курфирсту баварскому, что онъ будетъ дѣйствовать противъ него, не какъ союзника, а какъ непріятеля Франціи, перешелъ съ Врангелемъ черезъ Майнъ и дви-

нулся вслѣдъ за отступавшею къ Дунаю императорско-баварскою арміею, которая наконецъ расположилась лагеремъ подъ Ингольштадтомъ. Между Тюреннемъ и Врангелемъ произошло несогласіе въ мнѣніяхъ, нималѣйше не нарушившее однако ихъ взаимныхъ, дружелюбныхъ отношеній. Именно Врангель хотѣлъ идти въ верхній Пфальцъ, а Тюреннь полагалъ не удаляться слишкомъ отъ Швабіи, изъ которой могъ надежно получать продовольствіе, тогда какъ Пфальцъ былъ разоренъ. Вслѣдствіе того Тюреннь пошелъ въ Франконію и въ епископство бамбергское, стараясь быть недалеко отъ шведовъ, ибо предвидѣлъ, что имъ однимъ не дойдти до Богеміи. Дѣйствительно, Врангель вскорѣ сблизился съ Тюреннемъ и наконецъ снова соединился съ нимъ при Ротенбургѣ на рѣкѣ Тауберъ. Оба двинулись въ Виртембергъ и расположили войска свои на пространныхъ и хорошихъ квартирахъ у Рёйтлингена и Гёппингена. Три недѣли спустя узнавъ, что непріятельская армія находится въ окрестностяхъ Ульма, они двинулись туда. Пока они шли, непріятельская армія расположилась между Лауингеномъ и Аугсбургомъ, при Цусмаргаузенѣ, миляхъ въ 2—3 (14—21 верстахъ) отъ Дуная. Тогда Тюреннь и Врангель двинулись прямо къ Лауингену, съ 3,000 чел. конницы произвели скрытную рекогносцировку на правой сторонѣ Дуная до Цусмаргаузена, открыли, что непріятельская армія была расположена въ совершенной безпечности, пустивъ лошадей на траву, не выставивъ передовыхъ постовъ и даже не выславъ разъѣздовъ. Разумѣется, рѣшено было немедленно атаковать ее врасплохъ: 3,000 чел. конницы отодвинуты назадъ, а обѣимъ арміямъ приказано идти впередъ. 17 мая, въ 2 ч. утра, онѣ прибыли и двинулись впередъ, имѣя въ главѣ французскую пѣхоту. По приближеніи ихъ къ непріятельскому лагерю, они увидѣли, что непріятель зажегъ его и, выславъ впередъ около 30 эскадроновъ конницы, подъ прикрытіемъ ихъ началъ отступать. Дѣйствительно, фельдмаршалъ графъ Гольцгапфель, начальствовавшій императорскими войсками, и генералъ графъ Кронсфельдъ — баварскими, опасаясь быть отрѣзанными отъ Аугсбурга, еще ночью предприняли отступленіе, имѣя въ главѣ обѣ арміи, за ними всѣ обозы, а въ арріергардѣ 1,600 чел. конницы, 800 мушкетеровъ и 4 орудія подъ начальствомъ Монтекукули. Отступать пришлось по лѣсистой и болотистой мѣстности, по которой обозы двигались съ большимъ трудомъ и крайне медленно. Въ 7 ч. утра французская передовая конница стремительно атаковала арріергардъ Монтекукули и, хотя послѣдній чрезвычайно упорно и очень искусно защищалъ лѣса и болота и былъ подкрѣпленъ Гольцгапфелемъ съ 500-ми мушкетеровъ, 400-ми чел. конницы и 2-мя орудіями, но сильный напоръ превосходныхъ числомъ французовъ привелъ конницу Монтекукули въ совершенное разстройство и бѣгство, причемъ самъ Гольцгапфель былъ убитъ, а Монтекукули едва спасся отъ плѣна. Между тѣмъ какъ французы тѣснили арріергардъ сзади, Врангель послалъ свою конницу съ обѣихъ сторонъ въ обходъ и совершенно отрѣзалъ арріергардъ Монтекукули, которому непріятельская армія, отдѣленная отъ него обозами въ лѣсахъ и болотахъ, не могла подать никакой помощи. Французы и шведы взяли при этомъ 8 орудій, много штандартовъ, повозокъ и плѣнныхъ, а 1,300 мушкетеровъ были разсѣяны и большею частію убиты или взяты въ плѣнъ. Непріятельская конница съ большимъ трудомъ пробилась къ своей арміи, которая, преслѣдуемая по пятямъ французами и шведами, къ ночи заняла позицію за рѣчкой Шмуттеръ, но въ большомъ безпорядкѣ. Тюреннь и Врангель, въ ожиданіи прибытія своей артиллеріи, пытались силой перейти черезъ рѣчку Шмуттеръ, но были удержаны, даже по прибытіи своей артиллеріи, стойкимъ сопротивленіемъ части непріятельской конницы подъ начальствомъ герцога Ульриха виртембергскаго. Такъ какъ уже наступила темнота, а пѣхота была еще назади, то рѣшено было на разсвѣтѣ 8 мая возобновить атаку, а между тѣмъ артиллерія продолжала цѣлый вечеръ обстрѣливать непріятеля черезъ рѣчку. Но ночью императорско-баварская армія, подъ начальствомъ фельдцейгмейстера графа Фернемона и графа Кронсфельда, отступила подъ выстрѣлы Аугсбурга за рѣку Лехъ, потерявъ всего до 2,300 чел. убитыми, ранеными и взятыми въ плѣнъ, 8 орудій, 6 штандартовъ и 353 повозки. Уронъ французовъ и шведовъ неизвѣстенъ, но вѣроятно былъ также немаловаженъ. 9-го мая Тюреннь и Врангель двинулись къ Райну. Баварцы сожгли мостъ на Лехѣ и заняли за нимъ туже позицію, которую въ 1632 г. занималъ Тилли, и, послѣ канонады съ обѣихъ сторонъ, ночью отступили къ Мюнхену. Французы и шведы перешли за ними черезъ Лехъ и, оставивъ для защиты возстановленнаго моста на немъ 2,000 человѣкъ войскъ, двинулись вслѣдъ за баварцами къ Нейбургу и Фрейзингену, перешли черезъ р. Изеръ, заняли Ландсгутъ и двинулись къ Вассербургу и Мюльдорфу на р. Иннѣ, но не могли перейдти черезъ него, потому что у нихъ не было съ собою понтоновъ, а Иннъ былъ слишкомъ широкъ и глубокъ. Баварцы отступили передъ ними за Иннъ,ославъ сильные отряды пѣхоты въ Мюнхенъ, Вассербургъ и Ингольштадтъ, а курфирстъ баварскій лично удалился въ Зальцбургъ и оттуда въ Тироль. Такимъ образомъ Тюреннь и Врангель стали уже на самыхъ границахъ верхней Австріи, а въ

тылу за собою заняли всю Баварію и обильно снабдили свои арміи продовольствіемъ, но не только безъ пощады для края, но и съ большимъ угнетеніемъ его — въ отмщеніе курфирсту баварскому за его измѣну договору. Имъ стоило только перейти черезъ Иннъ—и они нашли бы въ верхней Австріи содѣйствіе себѣ со стороны жителей, склонныхъ и готовыхъ къ возстанію противъ императора. Но казалось, что какая-то судьба предохраняла родовыя владѣнія императора во всю эту войну отъ непріятельскаго нашествія. Пикколомини и баварскій генералъ Энкефортъ собрали при Вилсгофенѣ и Пассау отъ 9 до 10,000 чел. пѣхоты, до 15,000 чел. конницы и много орудій, перешли черезъ Дунай и двинулись къ Эггенфельдену, близъ Мюльдорфа, на лѣвой сторонѣ Изера. Это принудило Тюренна и Врангеля отступить къ Дингельфингену на нижнемъ Изерѣ и занять при немъ укрѣпленный лагерь, а Пикколомини и Энкефортъ расположились также въ укрѣпленномъ лагерѣ при Ландау на нижнемъ Изерѣ. Въ этомъ расположеніи обѣ противныя стороны оставались до начала августа, а потомъ Пикколомини и Энкефортъ подступили ближе къ Дингельфингену и атаковали одинъ шведскій постъ за Изеромъ, но и то, и другое не имѣло никакихъ результатовъ. Точно также безъ особеннаго успѣха Врангель обстрѣливалъ непріятельскій лагерь, а непріятель атаковалъ французско-шведскій лагерь. Важнѣе было то, что Кёнигсмаркъ, вскорѣ послѣ сраженія при Цусмаргаузенѣ, двинулся въ Богемію и занялъ часть Праги на лѣвомъ берегу Молдавы, что̀ принудило Пикколомини отрядить нѣсколько войскъ въ Богемію. Въ концѣ августа Тюреннь и Врангель, истощивъ край у Дингельфингена, заняли другой лагерь при Моосбургѣ, а непріятель расположился при Ландсгутѣ. Впрочемъ до конца сентября обѣ стороны оставались въ бездѣйствіи, а 30-го сентября Тюреннь и Врангель отступили за Лехъ и 11-го октября расположились при Швебишъ-Мюнхенѣ, между Аугсбургомъ и Ландсбергомъ, на лѣвой сторонѣ средняго Леха, а оттуда двинулись къ Донауверту, перешли въ немъ черезъ Дунай и обратились къ Эйхштедту и верхнему Пфальцу. Императорско-баварская армія послѣдовала за ними отъ Изера до Леха. По заключеніи же вскорѣ Вестфальскаго мира, весьма ускореннаго походомъ въ Баваріи, Тюреннь пошелъ на зимнія квартиры въ Швабію, а Врангель къ Нюрнбергу.

Походъ ихъ въ этомъ году достойно вѣнчалъ 30-ти-лѣтнюю войну и, вмѣстѣ съ походомъ ихъ въ 1646 г., едва-ли не изъ самыхъ примѣчательныхъ въ ней, послѣ походовъ Густава-Адольфа. Наполеонъ I, въ своихъ замѣчаніяхъ на него, говоритъ, что «Тюреннь въ 1646 и 1648 годахъ прохолилъ черезъ Германію во всѣхъ направленіяхъ съ такою быстротою и смѣлостью, которыя совершенно противуположны образу веденія войны этого времени; это происходило отъ его искуства и вѣрныхъ правилъ его методы, равно какъ и отъ приверженности и участія, которыя онъ встрѣчалъ повсюду между жителями, ибо Германія была раздѣлена на двѣ религіозныя партіи, изъ которыхъ протестантская находилась подъ покровительстсомъ Франціи». Наполеонъ преимущественно разумѣлъ при этомъ, кажется, то, что̀ весьма облегчало Тюренню образъ веденія имъ войны, именно — способъ продовольствованія войскъ не изъ магазиновъ, а посредствомъ реквизиціонной системы. При незначительномъ числѣ своихъ войскъ, Тюреннь могъ употреблять этотъ способъ безъ затрудненія въ наступательныхъ движеніяхъ, хотя уже и прежде испыталъ невыгоду его при отступленіяхъ и очень заботился о сборѣ продовольствія въ магазины во время пріостановки дѣйствій или бездѣйствія, иными словами — умѣлъ искусно сочетать, смотря по обстоятельствамъ, реквизиціонный и магазинный способы продовольствованія войскъ, между тѣмъ какъ послѣдній изъ нихъ, со времени походовъ Густава-Адольфа въ Германіи, сдѣлался не только преимущественнымъ, но и исключительнымъ.

§ 7.

Войны Фронды.

Походы 1649—1650 годовъ.

По заключеніи Вестфальскаго мира, Тюреннь расположилъ свою армію на зимнія квартиры въ Швабіи и Виртембергѣ. Между тѣмъ война Франціи съ Испаніей въ Каталоніи и Фландріи не прекращалась, а въ самой Франціи начались внутреннія междуусобія, извѣстныя подъ названіемъ войнъ фронды (guerres de la Fronde). Тюреннь, братъ котораго, герцогъ бульонскій, былъ однимъ изъ предводителей фронды, хотѣлъ, по своему сочувствію къ побужденіямъ и цѣлямъ ея, при-

соединить къ ней свою армію. Но бо́льшая часть ея отложилась отъ него и онъ былъ принужденъ удалиться въ Голландію, откуда, по заключеніи мира въ Рюэлѣ (Ruel) и дарованія ему, Тюренню, амнистіи, воротился въ Парижъ. Поведеніе Тюренна въ это время и въ этомъ случаѣ не можетъ быть оправдано и заслужило порицаніе Наполеона I, чрезвычайно высоко ставившаго его, какъ полководца.

Въ 1650 году внутреннія смуты во Франціи усилились еще болѣе. Конде́ и многіе единомышленники его были арестованы и заключены въ Венсенскій замокъ. Тюреннь удалился въ занятый войсками Конде́ Стенэ (Stenay), на границахъ Фландріи, близъ Монмеди и Седана, и успѣвъ привлечь къ себѣ лишь небольшое число французскихъ офицеровъ и солдатъ, вступилъ въ переговоры съ эрцгерцогомъ, генералъ-губернаторомъ испанскихъ Нидерландовъ. Послѣ 6-типедѣльныхъ переговоровъ, заключенъ былъ договоръ, по которому король испанскій обязался выплатить 200,000 талеровъ единовременно на наборъ войскъ и платить ежемѣсячно 50,000 талеровъ на ихъ содержаніе и сверхъ того сестрѣ принца Конде́, герцогинѣ Лонгевилль, и Тюренню 60,000 талеровъ ежегодно въ ихъ распоряженіе, и присоединить, содержа на свой счетъ, 5,000 чел. испанскихъ войскъ (2,000 чел. пѣхоты и 3,000 чел. конницы) къ войскамъ, набраннымъ Тюреннемъ. При этомъ было условлено, чтобы во взятыя крѣпости были поставлены гарнизоны, въ пограничныя — испанскіе, а внутри Франціи—Тюренневы, чтобы миръ не былъ заключаемъ до тѣхъ поръ, пока всѣ приверженцы французскихъ королевскихъ принцовъ не будутъ вполнѣ возстановлены въ своихъ правахъ, и наконецъ чтобы принцы, въ случаѣ освобожденія своего прежде заключенія мира, вооружились и употребили всевозможное стараніе къ заключенію почетнаго и продолжительнаго мира между Франціей и Испаніей. По ратификаціи этого договора королемъ испанскимъ, Тюреннь послалъ королевѣ-правительницѣ, Аннѣ австрійской, почтительныя, но рѣшительныя письменныя предложенія условій миролюбно рѣшить несогласія, а между тѣмъ набиралъ войска и готовился къ походу вмѣстѣ съ испанскими войсками. Испанцы хотѣли сами двинуться въ Пикардію и чтобы Тюреннь въ тоже время пошелъ въ Шампанію. Но Тюреннь не согласился на это и предпочелъ присоединиться къ испанской арміи, для атаки внутреннихъ крѣпостей Франціи и произведенія тѣмъ диверсіи въ пользу приверженцовъ фронды и принцовъ, бѣжавшихъ и вооружавшихся въ Бордо. По соединеніи его съ испанскою арміею, прежде всего осаждены были, въ половинѣ іюня, крѣпостцы Ле-Кателэ (Le Catelet) и Гизъ (Guise), близъ послѣдней изъ которыхъ находилась французская королевская армія. Но осада Гиза была неудачна и армія, снявъ ее, отступила, а черезъ недѣлю осадила и взяла Ла-Капель (La Capelle) и потомъ двинулась къ Вервеню (Vervins), куда эрцгерцогъ лично прибылъ и принялъ главное начальствованіе. Обѣ арміи, одна противъ другой, были почти равносильны, имѣя отъ 10 до до 12,000 человѣкъ пѣхоты и отъ 6 до 7,000 человѣкъ конницы каждая. По предложенію Тюренна, испанская армія двинулась къ р. Энъ (Aisne), а французская отступила къ Реймсу. Тюреннь имѣлъ въ виду обойти послѣднюю и прямо двинуться на Парижъ, для освобожденія принца Конде́, но не могъ этого исполнить, такъ какъ эрцгерцогъ и испанскіе генералы не согласились бы на это: и то они не соглашались перейти черезъ р. Энъ. Но Тюреннь лично предпринялъ, съ 3,000 чел. конницы и 500 мушкетерами, большую рекогносцировку къ Фиму (Fismes), атаковалъ и опрокинулъ при немъ 10 полковъ французской конницы и принудилъ ихъ отступить къ Суассону. Вслѣдствіе того испанская армія двинулась къ Фиму, стала между французскою арміею въ Реймсѣ и Парижемъ, однако не пошла далѣе. Съ герцогомъ орлеанскимъ въ Парижѣ открыты были переговоры, длившіеся цѣлый мѣсяцъ, но не приведшіе ни къ чему. Наконецъ рѣшено было идти назадъ и осадить Музонъ на р. Маасѣ, близъ Седана. Черезъ 7 недѣль Музонъ сдался и испанская армія расположилась въ Фландріи на зимнія квартиры, а Тюреннь съ своими 8,000 чел. войскъ остался между Маасомъ и Эной. Французская же армія все время оставалась въ Шампаніи, въ бездѣйствіи, и наконецъ въ декабрѣ осадила Ретель. Тюреннь поспѣшилъ на помощь этой крѣпости, но не поспѣлъ во-время: она уже сдалась и Тюреннь отступилъ въ долину при Бургѣ (Bourg). Главнокомандовавшій французскою арміею, маршалъ Дю-Плесси, послѣдовалъ за нимъ. Тюреннь первый атаковалъ его, но бой окончился не въ его пользу: войска его потерпѣли большой уронъ, бо́льшая часть пѣхоты положила оружіе, многіе генералы были взяты въ плѣнъ, самъ Тюреннь едва избѣгнулъ той же участи и съ 500 чел. конницы прошелъ черезъ Шампанію въ Баръ-ле-Дюкъ. Собравъ здѣсь часть своихъ войскъ, онъ отступилъ въ Монмеди и расположился въ окрестностяхъ на квартирахъ. Наполеонъ I строго порицаетъ его за то, что онъ вступилъ въ бой, но виною того, что онъ былъ разбитъ, было не это, а стеченіе неблагопріятныхъ для него обстоятельствъ. Весь этотъ походъ не имѣлъ, кромѣ того, никакихъ важныхъ результатовъ, потому что Тюреннь дѣйствовалъ не самостоятельно, а вмѣстѣ съ эрцгерцогомъ.

§ 8.

Походъ 1652 года.

Зимою 1650—51 гг. французскіе принцы были освобождены, кардиналъ Мазаринъ былъ подвергнутъ изгнанію и удалился въ Кёльнъ, а Тюреннь велъ переговоры о мирѣ между Франціей и Испаніей и, по безуспѣшности ихъ, въ маѣ 1651 г. воротился въ Парижъ и получилъ амнистію. Онъ не согласился на предложеніе недовольнаго Кондé (воротившагося въ свою область Гюйенну) продолжать вмѣстѣ съ нимъ войну. По возвращеніи же Мазарина къ двору въ Пуатье, Тюреннь въ началѣ 1652 г. получилъ, совмѣстно съ маршаломъ Окенкуромъ (Hocquincourt), назначеніе дѣйствовать противъ Кондé. У Окенкура и Тюренія было едва 9,000 войскъ (большею частію конницы) у каждаго, всего около 18,000 чел. Армія же фронды (около 14,000 войскъ), подъ начальствомъ герцога Бофора (Beaufort) была расположена между Монтаржисомъ и Луарой. Позже къ ней прибылъ Кондé и принялъ надъ нею начальствованіе. Дѣйствія съ обѣихъ сторонъ заключались въ томъ, что армія фронды дѣйствовала наступательно отъ Монтаржиса черезъ Бріарскій каналъ по направленію къ Этампу (къ югу отъ Парижа), Сенъ-Дени и самому Парижу, а Тюреннь съ Окенкуромъ дѣйствовали оборонительно, маневрированіемъ, служа прикрытіемъ двору, который переѣзжалъ отъ Пуатье, изъ города въ городъ, до Сенъ-Дени. На этомъ пространствѣ, между Брiарскимъ каналомъ, Луарой, Сенъ-Дени и Парижемъ, Тюреннь, съ своими слабыми силами, искусно дѣйствовалъ наступательно-оборонительно, пользуясь каждымъ удобнымъ случаемъ для пораженія арміи фронды по частямъ и отрѣзыванія ея отъ Парижа, въ чемъ и успѣлъ, ставъ между нею и Парижемъ. Онъ двинулся противъ нея къ Этампу, но свѣдавъ, что на помощь къ ней идетъ чрезъ Шампанію герцогъ лотарингскій съ 10,000 войскъ, обратился противъ него къ Вильнёвъ-Сенъ-Жоржъ (Villeneuve-St.-Georges), къ юго-востоку отъ Парижа, и хотѣлъ атаковать его и принудить къ отступленію. Но принцъ лотарингскій заключилъ съ нимъ договоръ и отступилъ за р. Іеръ (Yères). Армія же фронды, не успѣвъ соединиться съ нимъ, двинулась къ Сенъ-Клу и оттуда къ Сенъ-Дени и Парижу, въ то время, какъ Тюреннь обратился къ Ланьи на Марнѣ, противъ корпуса войскъ, шедшаго изъ Фландріи на помощь арміи фронды. Но узнавъ, что онъ еще далеко, а Кондé перешелъ уже отъ Сенъ-Клу къ Сенъ-Дени и Парижу, Тюреннь обратился противъ него и атаковалъ занятое принцемъ Кондé предмѣстье Сентъ-Антуанъ. Здѣсь произошелъ (5 іюля) упорный бой, пока Кондé не былъ пропущенъ черезъ Парижъ и не отступилъ за Сену въ предмѣстье Сенъ-Жакъ. На помощь ему двинулись въ одно время испанская армія изъ Фландріи и герцогъ лотарингскій изъ Шампаніи и соединились въ Фимѣ. Устрашенный дворъ хотѣлъ удалиться въ Бургонію и Ліонъ, но Тюреннь убѣдилъ Мазарина оставить дворъ на р. Уазѣ, къ сѣверу отъ Парижа, представивъ, что удаленіе его на югъ погубило бы все дѣло. Вслѣдствіе того дворъ удалился въ Понтуазъ, а Тюреннь двинулся въ Компіеню и прикрылъ Парижъ отъ арміи испанской и лотарингской.

Однако вскорѣ главныя силы испанской арміи воротились въ Фландрію, оставивъ часть силъ герцогу лотарингскому. Послѣдній двинулся къ Парижу, а Тюреннь на встрѣчу ему, но не могъ воспрепятствовать соединенію его съ Кондé и расположился противъ нихъ въ укрѣпленной позиціи на правомъ берегу Сены, близъ Корбеля. Здѣсь обѣ арміи простояли 5 недѣль, только ведя малую войну. Черезъ 5 недѣль, съ наступленіемъ осени и дождей, Тюреннь перешелъ къ Мо (Meaux), а оттуда, по отступленіи Кондé и принца лотарингскаго въ Шампанію—за Марну къ Санлису. Затѣмъ онъ значительно способствовалъ возвращенію двора въ Парижъ, куда молодой король Людовикъ XIV и вступилъ торжественно 21-го октября. Только Кондé и дядя короля, герцогъ орлеанскій, удалившійся въ Блуа, не примирились съ нимъ. Прочіе же города Франціи послѣдовали примѣру Парижа и война фронды кончилась. Остальныя военныя дѣйствія этого года, между Тюреннемъ съ одной стороны (10,000 войскъ) и Кондé съ герцогомъ лотарингскимъ съ другой (25,000 войскъ), происходили къ востоку отъ Парижа и имѣли цѣлью оборону его Тюренномъ отъ непріятеля. Послѣдній взялъ Ретель, нѣсколько другихъ городовъ и наконецъ Баръ-ле-Дюкъ. Тюреннь, не успѣвъ предупредить этого, двинулся вслѣдъ за Кондé, отступавшимъ къ границамъ люксембургскихъ владѣній, и хотѣлъ принудить его къ бою. Но Кондé уклонился отъ него и съ вступленіемъ его въ люксембургскія владѣнія, походъ этотъ кончился (уже зимою 1652—53 г.г.). Вообще въ этомъ походѣ Тюреннь, хотя и съ весьма слабыми силами противъ превосходныхъ числомъ не-

пріятелей и на небольшомъ пространствѣ края, большею частію въ окрестностяхъ Парижа, дѣйствовалъ и маневрировалъ весьма искусно и былъ главнымъ виновникомъ того, что всѣ предпріятія Кондé и его союзниковъ обратились въ ничто, всѣ непріятельскія арміи удалились изъ Франціи, война фронды кончилась и король съ дворомъ воротился въ Парижъ.

§ 9.

Война Франціи съ Испаніей.

Походы 1653—1656 годовъ.

Въ 1653 году Тюреннь, имѣя не болѣе 16-18,000 войскъ (7-8,000 чел. пѣхоты и 9-10,000 чел. конницы), совершилъ чрезвычайно замѣчательный походъ противъ вдвое сильнѣйшей, соединенной арміи испанской эрцгерцога и Кондé (16,000 чел. пѣхоты, 11,000 чел. конницы и 30—40 орудій). Послѣдняя отъ Ретеля на р. Энѣ двинулась въ Пикардію, а Тюреннь за нею съ боку, постоянно становясь между нею и Парижемъ и прикрывая путь къ нему. Онъ положилъ постоянно держать свою небольшую армію сосредоточенною, какъ можно ближе къ сильнѣйшей непріятельской и, не смотря на весьма искусное маневрированіе, движеніемъ изъ одной позиціи въ другую, едва не былъ атакованъ превосходными силами непріятеля близъ Перонна на р. Соммѣ. Но счастіе пособило его смѣлости и искуству: эрцгерцогъ, не смотря на свое превосходство въ силахъ, дѣйствовалъ очень медленно, нерѣшительно и неискусно, часто оставался въ бездѣйствіи и наконецъ, послѣ взятія нѣсколькихъ маловажныхъ пунктовъ, удалился въ Нидерланды. А Тюреннь прикрылъ и обезпечилъ крѣпости Пикардіи и Фландріи и расположился между ними на зимнихъ квартирахъ, своими чрезвычайно смѣлыми, даже отважными дѣйствіями, почти исключительно однимъ маневрированіемъ, заградивъ сильнѣйшей арміи непріятеля входъ во Францію и путь къ Парижу.

Въ 1654 году походъ былъ открытъ въ концѣ весны осадой Стенэ французскою арміей маршала Ла-Ферте. А армія Тюренна (15,000 войскъ) была собрана на границахъ Шампаніи. Но соединенная армія эрцгерцога и Кондé (30,000 войскъ) двинулась изъ Нидерландовъ и въ іюлѣ осадила Аррасъ. Тюреннь двинулся на помощь Аррасу, расположился очень близко отъ непріятельской арміи и постепенно окружилъ ее своими отрядами и отрѣзалъ отъ всѣхъ пунктовъ, откуда она получала продовольствіе и военные запасы. Но какъ черезъ 7 недѣль непріятель уже довелъ осадныя работы до контръ-эскарпа равелина и крѣпость нуждалась во всемъ, а между тѣмъ крѣпость Стенэ сдалась, то Тюреннь, притянувъ къ себѣ осаждавшую ее армію Ла-Ферте и также войска маршала Окенкура, и обойдя съ ними кругомъ контръ-валаціонной линіи испанцовъ, въ ночь съ 24 на 25 августа атаковалъ слабѣйшую часть ея 3-мя колоннами, ворвался въ линію и привелъ всю испанскую армію въ безпорядокъ и разстройство, такъ что она принуждена была снять осаду и отступить въ Нидерланды, потерявъ 60 орудій, отъ 2 до 4,000 чел. убитыми и плѣнными и весь лагерь и обозъ. Этотъ блистательный успѣхъ Тюренна, одержанный имъ вслѣдствіе искусныхъ соображеній, движеній и дѣйствій его, заслужилъ ему большую славу. Людовикъ XIV ввѣрилъ ему одному начальствованіе надъ всѣми собранными при Аррасѣ французскими войсками, и Тюреннь двинулся съ ними черезъ Шельду, въ намѣреніи идти къ Брюсселю. Но Кондé съ своими войсками преградилъ ему путь туда, и Тюреннь въ ноябрѣ отступилъ къ Мобёжу, а въ декабрѣ расположился на зимнихъ квартирахъ. И такъ, весь походъ этого года ограничился взятіемъ французами Стенэ и осадою испанцами Арраса, которую Тюреннь принудилъ ихъ снять и отступить съ урономъ въ Нидерланды. Но дѣйствія Тюренна, особенно подъ Аррасомъ, дѣлаютъ этотъ походъ весьма замѣчательнымъ, а Тюренню приносятъ много чести.

Въ 1655-мъ году обѣ противныя и равносильныя арміи первоначально были расположены: французская—при Гизѣ и Лаонѣ, а испанская—близъ Ландреси (Кондé) и при Монсѣ (эрцгерцогъ). Тюреннь осадилъ и взялъ сначала Ландреси и потомъ Ла-Капель. Кондé отступилъ за Шельду и занялъ за нею сильную оборонительную позицію. Но Тюреннь, искуснымъ фланговымъ движеніемъ и переходомъ два раза черезъ Шельду, обошелъ позицію Кондé и принудилъ его отступить, при чемъ въ арріергардныхъ дѣлахъ нанесъ ему довольно большой уронъ. При этомъ Кондé перехватилъ письмо Тюренна Мазарину объ этихъ дѣлахъ, оскорбился тѣмъ, что Тюреннь говорилъ о дѣйствіяхъ его, Кондé, написалъ

Тюренню обидное для него письмо и съ тѣхъ поръ они изъ друзей обратились въ враговъ. Между тѣмъ Тюреннь взялъ крѣпостцы Конде́ и С.-Гислень, а Конде́ продолжалъ отступать. Эрцгерцогъ же, видя наступленіе Тюренна, усилилъ гарнизоны крѣпостей и тѣмъ крайне ослабилъ свою армію въ полѣ, оставаясь въ бездѣйствіи. Впрочемъ, кромѣ того, ничего особенно важнаго не произошло и въ концѣ ноября обѣ арміи расположились на зимнихъ квартирахъ.

Въ 1656-мъ году главнокомандующимъ испанскою арміею былъ назначенъ, вмѣсто эрцгерцога Леопольда, донъ Хуанъ австрійскій, побочный сынъ испанскаго короля Филиппа IV. Но эта перемѣна была не къ лучшему: донъ Хуанъ дѣйствовалъ почти также, какъ и эрцгерцогъ Леопольдъ, а Конде́, подчиненный ему, не могъ дѣйствовать самостоятельно. И потому весь походъ этого года прошелъ съ ихъ стороны въ передвиженіяхъ съ мѣста на мѣсто, осадахъ небольшихъ крѣпостей и частомъ бездѣйствіи, на пространствѣ между Турне́, Валансьеннымъ, Кенуа, Лансомъ, Бетюномъ и Сенъ-Кантенемъ, между р.р. Шельдой, Скарпой, Лисъ и Соммой, въ южной Фландріи и въ сѣверныхъ Артуа и Пикардіи. Дѣйствія Тюренна, напротивъ, и въ этомъ ничтожномъ походѣ проявили въ высокой степени все его искуство. Онъ предупредилъ открытіе непріятелемъ похода—движеніемъ къ Турне́, съ тѣмъ, чтобы взять эту крѣпость посредствомъ внезапнаго нападенія. Но это не удалось ему, потому что испанцы успѣли собрать у Турне́ часть своей арміи. Тогда Тюреннь обложилъ (въ іюнѣ) Валансьеннъ съ обоихъ береговъ Шельды, самъ—на правомъ, а Ла-Ферте́—на лѣвомъ, и открылъ осаду. Донъ Хуанъ и Конде́ съ 20,000 войскъ подступили къ линіямъ Тюренна на правомъ берегу и, вѣроятно по совѣту Конде́, армія ихъ исполнила тоже самое, что и Тюреннь въ 1654 году при Аррасѣ, именно: скрытнымъ ночнымъ движеніемъ перешла на лѣвый берегъ Шельды, ночью же атаковала линіи Ла-Ферте́ и вступила въ Валенсіеннъ. Ла-Ферте́, 400 офицеровъ и до 4,000 войскъ были взяты въ плѣнъ, а остальныя разсѣялись. Тюреннь снялъ осаду и отступилъ къ Кенуа, но не только не упалъ духомъ, а напротивъ остановился, съ твердымъ намѣреніемъ принять бой, и этимъ чрезвычайно возвысилъ духъ въ своихъ войскахъ, а на непріятелей произвелъ такое впечатлѣніе, что они, простоявъ противъ него въ бездѣйствіи, осадили кр. Конде́, безъ всякой важной цѣли, а такъ только, чтобы что-нибудь предпринять. Взявъ кр. Конде́, они передвигались къ Камбре́, Лансу, Бетюну, а Тюреннь искусно маневрировалъ, слѣдя за ихъ движеніями и сообразуясь съ ними, держась вблизи ихъ, но не атакуя, а постоянно показывая готовность атаковать или принять бой. Наконецъ донъ Хуанъ и Конде́ отступили къ Мобёжу и тѣмъ кончили походъ, а Тюреннь расположился за р. Соммой на зимнихъ квартирахъ.

§ 10.

Походъ 1657 года.

Въ 1657-мъ году, еще зимою, Людовикъ XIV заключилъ наступательно-оборонительный союзъ съ протекторомъ Англіи—Кромвелемъ, противъ Испаніи, по которому послѣдній обязался прислать 6,000 войскъ, а первый—взять и передать англичанамъ Дюнкирхенъ. Вслѣдствіе того Карлъ II, король англійскій, съ братомъ своимъ, герцогомъ іоркскимъ, выѣхалъ изъ Франціи въ Нидерланды и заключилъ союзъ съ Испаніей. Въ началѣ мая Тюреннь собралъ свою армію при Аміенѣ и хотѣлъ движеніемъ къ берегамъ моря отвлечь туда изъ Фландріи испанскую армію. Но позднее прибытіе къ нему подкрѣпленій, а англійскихъ войскъ на берега Франціи, не позволило ему исполнить этотъ планъ дѣйствій. А между тѣмъ испанская армія собралась во Фландріи. Тогда Тюреннь составилъ другой планъ дѣйствій: Ла-Ферте́ былъ посланъ въ люксембургскія владѣнія, для удержанія въ нихъ принца Конде́, а Тюреннь, между нимъ и англійскими войсками на берегу моря, хотѣлъ сначала двинуться къ р. Лисъ, а потомъ обратиться къ Камбре́ и взять эту важную для него и испанцовъ крѣпость. Онъ и исполнилъ начало этого плана, искуснымъ и быстрымъ движеніемъ къ р. Лисъ и потомъ къ Камбре́, который и обложилъ (29 мая). Но въ тоже самое время Конде́ со всею своею конницею совершилъ весьма искусное, смѣлое и быстрое движеніе изъ люксембургскихъ владѣній къ Валансьеннѣ и оттуда къ Камбрѐ, опрокинулъ Тюренневу конницу и прямо вошелъ въ цитадель Камбре́, хотя и съ урономъ 30 офицеровъ и отъ 300 до 400 чел. конницы. Тогда Тюреннь снялъ блокаду Камбре́, притянулъ къ себѣ англійскія войска, усилилъ Ла-Ферте́, взявшаго между тѣмъ Монмеди, и среди множества крѣпостей, въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, принужденъ былъ до времени ogra-

ничиться обороной, однако не надолго. Донъ Хуанъ двинулся сначала въ пространство между р. р. Самброй и Маасомъ, оттуда усиленными переходами къ Кале́, но не успѣвъ взять его, пошелъ обратно къ Маасу, совершивъ такимъ образомъ, безъ всякой пользы и успѣха, три раза движеніе къ Маасу, Кале́ и обратно. Затѣмъ, усиливъ войска въ луксембургскихъ владѣніяхъ, онъ хотѣлъ, кажется, вторгнуться во Францію. Это побудило Тюренна двинуться къ Рокруа. Туда же направился и донъ Хуанъ. Тогда Тюреннь обложилъ и потомъ осадилъ небольшую крѣпостцу Сенъ-Венанъ. И донъ Хуанъ направился туда же, но, не атаковавъ Тюренна, двинулся къ Ардру и обложилъ его. Тюреннь, взявъ С.-Венанъ, послалъ 5,000 челов. конницы на помощь Ардру. Донъ Хуанъ снялъ блокаду его и пошелъ къ Гравелину и Дюнкирхену. Тюреннь послѣдовалъ за нимъ и, въ ближайшемъ разстояніи отъ него и безъ всякаго препятствія съ его стороны, осадилъ и взялъ фортъ Мардейкъ и поставилъ въ него англійскія войска. Вскорѣ послѣ того походъ кончился и обѣ противныя арміи расположились на зимнія квартиры. И въ этомъ походѣ, среди ничтожныхъ дѣйствій его, Тюреннь превосходно сообразовалъ собственныя дѣйствія съ характеромъ своихъ противниковъ, съ обстоятельствами и мѣстностью и по прежнему отличался искуснымъ маневрированіемъ.

§ 11.

Походъ 1658 года.

Въ 1658-мъ году, еще зимою, обстоятельства приняли такой невыгодный для Людовика XIV оборотъ, что Тюреннь былъ поставленъ въ самое затруднительное положеніе. Именно: маршалъ Оконкуръ присоединился къ Конде́ и уговорилъ гарнизонъ крѣпостцы Гездень (Hesdin) сдать ее послѣднему,—маршалъ Д'Омонъ (D'Aumont) хотѣлъ внезапно овладѣть крѣпостью Остенде, но попалъ въ ней въ плѣнъ,—сестра Конде́, герцогиня Лонгевилль, возбудила жителей Нормандіи противъ Людовика XIV,—слабость и колебанія французскаго правительства уронили духъ въ войскѣ и народѣ, да и войскъ было очень мало; наконецъ Кромвель настаивалъ на скорѣйшихъ взятіи и передачѣ ему, по договору, Дюнкирхена, иначе грозилъ отозвать англійскіе войска и флотъ; взять же Дюнкирхенъ было крайне трудно, потому что испанцы прорывомъ плотинъ затопили всѣ его окрестности до самаго Бергена и Сентъ-Винокса, и кромѣ того Дюнкирхенъ находился въ центрѣ между 3-мя крѣпостями: Гравелиномъ, Бергеномъ и Фюрномъ во власти испанцовъ. Вся надежда была на Тюренна и его слабую армію. А что могъ сдѣлать съ нею Тюреннь? Ему оставалось только въ самомъ себѣ искать помощи и стараться всячески пользоваться обстоятельствами такъ, чтобы дать дѣламъ лучшій оборотъ. Собравъ въ апрѣлѣ часть своей арміи при Аміенѣ, онъ двинулся съ 8,000 войскъ къ Сенъ-Венанъ на р. Лисъ, между тѣмъ какъ 3,000 войскъ провожали дворъ къ Кале́. Взявъ Кассель, на дорогѣ къ Дюнкирхену, Тюреннь въ началѣ мая обошелъ справа Бергенъ и между нимъ и Фюрномъ предпринялъ необыкновенно трудный переходъ къ Дюнкирхену, по наводненной странѣ, однако нашелъ одну плотину, пробрался по ней, хотя и съ неимовѣрнымъ трудомъ и лишь благодаря любви къ нему войскъ, и рѣшился предпринять чрезвычайно трудную, по свойствамъ природы и мѣстности и раннему времени года, но и весьма важную осаду Дюнкирхена, въ которомъ собралось до 2,000 чел. пѣхоты и 7—800 чел. конницы. Донъ Хуанъ и Конде́ съ арміей находились еще въ Брюсселѣ и навѣрное полагали, что Тюреннь осадитъ прежде Фюрнъ и Бергенъ, но, узнавъ противное, двинулись къ Дюнкирхену. Здѣсь между тѣмъ Тюреннь, при содѣйствіи англійскихъ войскъ и флота, обложившаго крѣпость съ моря, уже открылъ осаду, прикрывшись съ поля циркумвалаціонною линіею. Неимовѣрные труды и работы при этомъ возбуждаютъ невольное удивленіе Тюренна и его войскамъ и напоминаютъ осаду Алезіи Юліемъ Цезаремъ. Въ ночь съ 4-го на 5-е іюня французы и англичане открыли траншеи, а на 7-й день (12-го іюня) Тюреннь узналъ о приближеніи дона Хуана и Конде́ съ арміей отъ Фюрна, между моремъ и фюрнскимъ каналомъ, къ дюнамъ (песчанымъ холмамъ, окружавшимъ Дюнкирхенъ). Тюреннь, оставивъ 6,000 войскъ въ траншеяхъ, для продолженія осады, остальныя: 18 баталіоновъ (9,000 чел.) и 56 эскадроновъ (6,000 чел.) съ 16-ю орудіями собралъ за циркумвалаціонною линіею, близъ моря, противъ непріятеля, а самъ съ 1 полкомъ конницы двинулся впередъ, опрокинулъ непріятельскую конницу (при чемъ Оконкуръ былъ убитъ) и 13-го іюня, послѣ полудня, построилъ 15,000 войскъ своихъ за циркумвалаціонной линіей, правымъ флангомъ къ фюрнскому каналу, а лѣвымъ къ мо-

рю (гдѣ находился англійскій флотъ), въ 2 линіи, пѣхоту по срединѣ, а конницу по флангамъ, съ 10-ю эскадронами въ двухъ резервахъ за каждою линіей. Испанская армія (13 баталіоновъ и 60 эскадроновъ, вовсе безъ артиллеріи, которая не успѣла прибыть, всего около 12,000 войскъ) приблизилась на очень близкое разстояніе къ укрѣпленіямъ Тюренна, имѣя въ 1-й линіи всю пѣхоту, а во 2-й конницу, на правомъ флангѣ въ 4 линіи, а на лѣвомъ (Кондé) даже въ 8 линій, по чрезвычайной тѣснотѣ мѣстности между моремъ и каналомъ. Тюреннь, узнавъ ночью съ 13-го на 14-е іюня, что у непріятеля вовсе не было артиллеріи, съ разсвѣтомъ 14-го двинулся изъ-за линій впередъ и самъ первый атаковалъ непріятельскую армію. Послѣ сильной канонады, онъ двинулъ всѣ свои войска въ атаку. По глубокому, сыпучему песку, съ одного песчанаго холма на другой, французская пѣхота съ боемъ подступила наконецъ къ непріятельской боевой линіи и атаковала ее въ одно время съ атакой праваго фланга непріятеля англійскими войсками, при содѣйствіи огня флота и лѣвой фланговой французской конницы. Атакованные тутъ съ фронта, во флангъ и въ тылъ, испанцы были приведены въ разстройство, опрокинуты, разбиты и обратились въ бѣгство, понеся большой уронъ. Но на другомъ флангѣ сраженіе продолжалось долѣе и упорнѣе. Сначала 2 баталіона Кондé были приведены въ разстройство и произвели замѣшательство въ 1-й линіи. Тюреннь атаковалъ ее конницей своего праваго фланга; Кондé былъ оттѣсненъ, но въ свою очередь атаковалъ французскую, слабѣйшую числомъ конницу своею, гораздо сильнѣйшею, опрокинулъ ее, преслѣдовалъ и едва не прорвалъ линіи Тюренна. Но послѣдній усилилъ свою конницу и самъ повелъ ее въ атаку противъ Кондé, который, послѣ упорнаго боя и отчаянныхъ усилій, наконецъ былъ принужденъ уступить и едва не былъ взятъ въ плѣнъ, конница же его была опрокинута, разбита и обращена въ бѣгство. Тюреннь одержалъ полную и совершенную побѣду, съ незначительнымъ урономъ, а армія дона Хуана и Кондé была разбита на-голову и, потерявъ до 4,000 убитыми, ранеными и утонувшими въ каналахъ и до 3,000 взятыми въ плѣнъ, отступила къ Фюрну и, по совѣту герцога іоркскаго, заперлась въ 4-хъ крѣпостяхъ: Остенде (Кондé), Ніёпортѣ (Фуэнсалданьа), Брюгге (донъ Хуанъ) и Ипернѣ (принцъ де-Линьй), совершенно очистивъ такимъ образомъ весь край между ними. Тюреннь же преслѣдовалъ конницей разбитую армію до самаго Фюрна, а потомъ, воротясь къ Дюнкирхену, усилилъ осаду и на 9-й день (25-го іюня) гарнизонъ сдался съ крѣпостью на капитуляцію и Дюнкирхенъ былъ переданъ, по договору, англичанамъ. Два дня спустя Бергенъ и Фюрнъ сдались Тюренню, который двинулся къ Диксмуйдену (между означенными выше 4-мя крѣпостями) и, взявъ его 6-го іюля, разъединилъ 4 части непріятельской арміи, намѣревался даже стать между Остенде и Ніёпортомъ и надѣялся уничтожить по крайней мѣрѣ $^2/_3$ арміи дона Хуана. Но Мазаринъ приказалъ ему пріостановить военныя дѣйствія, по случаю опасной болѣзни Людовика XIV, что́ безъ пользы отняло много времени.

Осада Дюнкирхена и побѣда при немъ составляютъ одинъ изъ самыхъ блистательныхъ военныхъ подвиговъ Тюренна и приносятъ ему величайшую честь, потому что онъ явилъ при этомъ необыкновенныя: твердость, постоянство и терпѣніе въ преодолѣніи непомовѣрныхъ затрудненій и препятствій, энергію, дѣятельность, рѣшительность и искуство дѣйствій, и доказалъ, до какой степени пользовался любовью, преданностью и довѣріемъ своихъ войскъ и всѣхъ чиновъ ихъ, отъ низшихъ до высшихъ, словомъ — совершенно подобно тому, какъ Цезарь подъ Алезіей. При этомъ нужно еще принять въ соображеніе, что онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи чрезвычайно мало вспомогательныхъ средствъ, но всѣ имѣвшіяся безъ исключенія привелъ въ дѣйствіе и употребилъ въ пользу,—и наконецъ то, что онъ былъ чрезвычайно связанъ интригами двора и необходимостью всѣ свои планы и распоряженія сообщать Мазарину, который завидовалъ ему и, ничего не смысля въ военномъ дѣлѣ, во все мѣшался. Такъ и по выздоровленіи короля, Мазаринъ пригласилъ Тюренна на совѣщаніе и, чтобы доставить маршалу Ла-Ферте́ случай отличиться, поручилъ ему осадить Гравелинъ, а Тюреннъ подкрѣпить его и прикрыть осаду. Подкрѣпивъ Ла-Ферте́ частью (около 1,000) войскъ, Тюреннъ послалъ другую для наблюденія за Ніёпортомъ, а самъ съ главными силами остался въ центральной позиціи при Диксмуйденѣ. Вскорѣ онъ узналъ о движеніи непріятельскаго корпуса войскъ подъ начальствомъ Марсеня изъ луксембургскихъ владѣній къ верхней Лисѣ и Иперну, и расположился при Дюнкирхенѣ, окруживъ себя цѣпью отрядовъ, расположенныхъ въ оборонительныхъ позиціяхъ, дабы преградить подступы къ Гравелину. Въ этомъ расположеніи онъ оставался до тѣхъ поръ, пока Гравелинъ, сильная крѣпость, но съ незначительнымъ гарнизономъ, сдалась маршалу Ла-Ферте́, употребившему на осаду ея много времени, понесшему до 900 чел. войскъ урона и затѣмъ лично отправившемуся во Францію. Марсень же отступилъ обратно къ Иперну и верхней Лисъ. Тогда Тюреннь послалъ часть бывшаго корпуса Ла-Ферте́ къ крѣпости Гездень, гдѣ собиралась резервная

армія (10,000 пѣхоты и столько же конницы съ артиллеріей), а всѣ прочія войска собралъ у Диксмуйдена и двинулся черезъ верхнюю Лисъ и Шельду (при чемъ отряды конницы его доходили до самаго Брюсселя), взялъ Уденардъ, внезапно напалъ и разбилъ на р. Лисъ 2,000 чел. пѣхоты и 1,500 чел. конницы принца де-Линьй, осадилъ и на 5-й день (26 сентября) взялъ Иперпъ и затѣмъ, давъ войскамъ нѣсколько дней отдыха у Тюркуеня, 4 недѣли прикрывалъ возстановленіе укрѣпленій Мененя и Уденарда и затѣмъ взялъ Граммонъ и Ниновъ. Въ началѣ декабря онъ перешелъ обратно за р. Лисъ и, оставивъ 5,000 чел. пѣхоты и 100 ротъ конницы во взятыхъ крѣпостяхъ, всѣ остальныя войска своей арміи отправилъ во Францію, а самъ остался въ Иперпѣ и въ февралѣ 1659 г. поѣхалъ въ Парижъ.

Этотъ послѣдній походъ войны между Франціей и Испаніей и Тюренпя въ ней значительно способствовалъ, одержанными послѣднимъ успѣхами, заключенію, въ концѣ 1659 года, выгоднаго для Франціи Пиренейскаго мира, которому предшествовало перемиріе, заключенное еще въ началѣ этого года. Франція пріобрѣла Эльзасъ, Артуа и Руссильонъ, и этимъ была преимущественно обязана искуснымъ дѣйствіямъ Тюренпя, особенно въ походѣ 1658 года, въ которомъ онъ разбилъ непріятельскую армію при Дюнкирхенѣ (французы называютъ это сраженіе bataille des Dunes), взялъ Дюнкирхенъ и многія другія крѣпости, и принудивъ непріятельскую армію очистить поле и укрыться въ крѣпостяхъ, покорилъ весь край между моремъ и р.р. Иперъ, Лисъ и Шельдой.

По заключеніи мира, при свиданіи королей французскаго и испанскаго, послѣдній, указывая сестрѣ своей, матери Людовика XIV, Аннѣ австрійской, на Тюренпя, сказалъ: «Вотъ человѣкъ, который заставилъ меня провести много безсонныхъ ночей!» — лучшая похвала Тюренню.

Въ 1660 году Людовикъ XIV, по случаю бракосочетанія своего, возвелъ Тюренпя въ высшій чинъ генералъ-маршала армій (maréchal-général des armées) и, принимая его присягу, сказалъ ему: «Отъ васъ зависитъ получить еще болѣе», т. е. званіе коннетабля—въ случаѣ, еслибы онъ присоединился къ римско-католической церкви. Тюренпь уже имѣлъ это намѣреніе, но исполнилъ его не въ это время, дабы того не приписали его честолюбію, а позже, по убѣжденію, въ чемъ однако многіе обвиняли его. Въ 1666 году онъ отказалъ предложенное ему главное начальствованіе арміей нидерландскихъ генеральныхъ штатовъ. Съ 1660 и особенно съ 1666 года онъ былъ занятъ важнѣйшими государственными дѣлами Франціи, въ которыхъ Людовикъ XIV совѣтовался съ нимъ и исполнялъ его мнѣнія.

ГЛАВА II.

СОСТОЯНІЕ ВОЕННАГО ИСКУСТВА ВЪ КОНЦѢ XVII И НАЧАЛѢ XVIII СТОЛѢТІЙ.

§ 12.

Военное устройство европейскихъ государствъ вообще.

Признавая, что содержаніе войскъ въ мирное время и увеличеніе ихъ въ случаѣ войны гораздо болѣе выгодны и менѣе затруднительны, нежели наборъ ихъ передъ самою войною,—правительства европейскія начали, послѣ тридцатилѣтней войны, и въ мирное время содержать, по примѣру Швеціи, значительную часть войскъ въ постоянной готовности къ войнѣ, тщательно заботясь о правильномъ и лучшемъ устройствѣ, образованіи и содержаніи ихъ и объ усовершенствованіи различныхъ отраслей военнаго искуства. Вскорѣ арміи повсюду сдѣлались въ полномъ смыслѣ слова постоянными. Эти преобразованія начались прежде всѣхъ государствъ во Франціи, со времени вступле-

нія Людовика XIV на престолъ или лучше сказать — министра Лувуа въ управленіе военнымъ министерствомъ. Въ другихъ государствахъ, за исключеніемъ Бранденбургіи, они произошли позже, нежели во Франціи. Но за то въ послѣдствіи (въ началѣ XVIII вѣка) военное устройство другихъ государствъ, особенно германскихъ, постепенно совершенствовалось болѣе и болѣе, между тѣмъ какъ уже въ концѣ царствованія Людовика XIV превосходное военное устройство Франціи находилось во многихъ отношеніяхъ въ значительномъ упадкѣ.

Послѣ Швеціи и Франціи, Бранденбургія безспорно занимала, по военному устройству, первое мѣсто, благодаря мудрымъ правительственнымъ мѣрамъ курфирста Фридриха-Вильгельма Великаго. Въ началѣ своего правленія онъ имѣлъ постоянныхъ и правильно-устроенныхъ войскъ не болѣе 2 т. чел. пѣхоты и 200 чел. конницы, а въ 1672 году былъ уже въ состояніи отправить въ Голландію 20-ти-тысячную, хорошо устроенную, вспомогательную армію и вскорѣ послѣ того выставить такую же 16-ти-тысячную, для совокупныхъ дѣйствій съ арміями императорскими. При королѣ Фридрихѣ-Вильгельмѣ I (1733 г.) введено было особеннаго рода военное устройство (Cantonverfassung), по которому все королевство было раздѣлено на военные округи (кантоны) и каждому полку былъ назначенъ для набора особенный округъ.

Войска набирались отчасти, какъ прежде, посредствомъ вербованія, съ тою только разницею, что набранныя этимъ способомъ войска поступали уже въ полное распоряженіе правительствъ, которыя сами назначали въ нихъ начальниковъ, отчасти же по жребію (по конскрипціи). Послѣдній способъ набора войскъ получалъ постепенно (особенно во Франціи) большее и большее развитіе, такъ, что въ Швеціи, Даніи и Франціи иногда въ военное время набирали по конскрипціи 10-го, 8-го и даже 5-го человѣка. При этомъ во Франціи каждый приходъ былъ обязанъ одѣть и вооружить набранныхъ въ немъ рекрутъ.

По окончаніи войнъ, часть войскъ распускалась; такъ, напримѣръ, Франція распустила послѣ Рисвикскаго мира до 25 т. войскъ.

Сверхъ войскъ, набиравшихся посредствомъ вербованія и по конскрипціи, были еще и войска наемныя. Во Франціи по прежнему содержалась наемная швейцарская пѣхота, а армія нидерландскихъ генеральныхъ штатовъ состояла почти исключительно изъ однихъ наемныхъ войскъ.

Сроки службы были весьма различные и нигдѣ еще не были опредѣлены положительнымъ образомъ.

§ 13.

Тактическое устройство войскъ вообще и пѣхоты въ особенности.

Въ тактическомъ устройствѣ войскъ вообще въ этомъ періодѣ произошли значительныя и важныя измѣненія и отчасти усовершенствованія, хотя оно не рѣдко слѣдовало, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, путемъ ложнымъ и иногда даже превратнымъ. Измѣненія и усовершенствованія въ немъ совершались преимущественно и прежде другихъ во французской арміи, подобно тому, какъ въ предъидущемъ періодѣ въ шведской.

Что касается собственно пѣхоты, то во-первыхъ вооруженіе ея было усовершенствовано постепеннымъ введеніемъ ружей съ штыками и ружейными замками. Штыкъ былъ изобрѣтенъ во Франціи, въ Байоннѣ (отъ того названіе bayonnette), еще въ половинѣ XVII вѣка, но введенъ только въ исходѣ его въ Германіи, потомъ въ другихъ государствахъ и позже всѣхъ (съ 1703 г.) во Франціи. Введеніе штыковъ, ружейныхъ замковъ съ кремнями и желѣзныхъ шомполовъ, и постепенное (въ началѣ XVIII вѣка) усовершенствованіе въ устройствѣ ихъ, сдѣлали ружье совершеннѣйшимъ, какъ для огнестрѣльнаго, такъ и для рукопашнаго дѣйствія, оружіемъ пѣхоты. Съ тѣмъ вмѣстѣ, пика становилась все болѣе и болѣе безполезною и наконецъ также, какъ и предохранительное вооруженіе пѣхоты, вышла вовсе изъ употребленія, хотя и имѣла многихъ усердныхъ приверженцовъ (особенно Фолара). Съ ходомъ времени, вооруженіе европейской пѣхоты приняло повсюду однообразный видъ и состояло изъ ружей со штыками и сабель. Слѣдствіемъ этого была однородность состава пѣхоты, которая не раздѣлялась болѣе на тяжелую и легкую, а отъ прежнихъ мушкетеровъ и фузелеровъ остались одни только названія. Правильно-устроенной легкой пѣхоты было весьма немного, во Франціи подъ названіемъ вольныхъ ротъ (compagnies franches), а въ Германіи—егерей или стрѣлковъ (Schützen). Лучшею и многочисленнѣйшею, хотя и иррегулярною, легкою пѣхотою были пандуры въ австрійской арміи, которые изъ прежнихъ конныхъ кроатовъ и гусаровъ превратились въ пѣшихъ и дѣйствовали отлично и съ большою пользою, какъ легкія войска. Во Франціи въ 1671-мъ году учреждены были роты грена-

деровъ (compagnies de grenadiers), назначенныхъ бросать, при осадахъ крѣпостей, ручныя гранаты;—въ 1672 г. каждому полку, а съ 1690 года и каждому баталіону начали придавать по одной ротѣ гренадеровъ. Еще позже образовали сверхъ того особенные гренадерскіе полки, которые стали отличать отъ другихъ войскъ одеждою и бо́льшимъ жалованьемъ и употреблять какъ отборную пѣхоту.

Тактическою единицею раздѣленія пѣхоты была по прежнему рота, но сила ротъ и полковъ была неодинакова и часто измѣнялась. Вообще однако въ Германіи роты были сильнѣе, чѣмъ во Франціи. Въ послѣдней, въ концѣ XVII вѣка, онѣ имѣли не болѣе 70—80 чел., а въ началѣ XVIII даже не болѣе 40—50 чел., въ бранденбургской же пѣхотѣ—до 145-ти, а въ австрійской—отъ 150 до 300 чел. Во Франціи сначала 17, а потомъ 13 и даже 12, въ Бранденбургіи же 5 ротъ (725 чел.), составляли баталіонъ. Полки во Франціи состояли болѣшею частью изъ одного баталіона (отъ 12 до 17 ротъ), въ Бранденбургіи, Саксоніи и др. изъ двухъ баталіоновъ, а въ Австріи изъ 10—16 ротъ (1500—3000 чел.). Тюреннь ввелъ во французской пѣхотѣ бригады, состоявшія обыкновенно изъ 2-хъ полковъ.

§ 14.

Конница.

Вооруженіе конницы было столько же облегчено и усовершенствовано, сколько и вооруженіе пѣхоты. Въ легкой конницѣ предохранительное вооруженіе было отмѣнено совершенно, а въ тяжелой оставлены одни шишаки и кирасы, и то большею частію кожаные. Лошадей перестали покрывать латами. Отъ всего этого конница сдѣлалась легче и удободвижимѣе. Изъ огнестрѣльнаго оружія конница имѣла длинные пистолеты и карабины или мушкетоны, а изъ бѣлаго—палаши или сабли. У драгуновъ ружья были нѣсколько длиннѣе, нежели у другихъ родовъ конницы, и послѣ введенія штыковъ устроены по образцу пѣхотныхъ ружей.

Конница состояла вообще изъ кираспровъ, драгуновъ и легкой, большею частію иррегулярной конницы. Драгуны вездѣ имѣли одинаковое устройство. Число ихъ постепенно увеличивалось, особенно во Франціи: въ этомъ видѣли лучшее средство къ увеличенію оборонительной силы арміи. Людовикъ XIV учредилъ (въ 1676 г.) конныхъ гренадеровъ—родъ легкой конницы, и карабинеровъ — родъ конныхъ стрѣлковъ; первые были причислены къ королевской гвардіи (la maison du Roi), а послѣдніе—по 2 человѣка къ каждой конной ротѣ. Въ послѣдствіи карабинеры стали составлять отдѣльные эскадроны и 4-хъ эскадронныя бригады. По примѣру французовъ, конные грепадеры и карабинеры были введены въ шведской и австрійской, а потомъ и въ другихъ арміяхъ. Въ австрійской арміи при каждомъ конномъ полку состояла рота карабинеровъ, а въ другихъ арміяхъ были цѣлые карабинерные полки. Въ 1733 г. въ Саксоніи учреждены конные егеря, обращенные потомъ въ драгуновъ. Гусары, съ давнихъ временъ существовавшіе въ австрійской арміи подъ названіемъ кроатовъ, введены (въ концѣ XVII вѣка) во Франціи, а потомъ и въ другихъ государствахъ, но вездѣ составляли иррегулярную легкую конницу.

Тактическою единицею раздѣленія конницы въ нѣкоторыхъ арміяхъ былъ эскадронъ, а въ другихъ рота. Сила эскадроновъ и конныхъ ротъ и полковъ была весьма различная и часто измѣнялась. У французовъ, послѣ уничтоженія (въ 1660 году) ордонансъ-ротъ, конница получила новое устройство. Единицей раздѣленія ея сдѣлался эскадронъ, силою въ 3 роты, въ 57 лошадей каждая, всего же въ 170 лошадей. Число эскадроновъ въ полкахъ было неодинаковое. Французскіе конные: роты и полки были слабѣе, нежели въ другихъ арміяхъ, и потому къ концу царствованія Людовика XIV число конныхъ офицеровъ умножилось до чрезвычайности. Вообще конные полки имѣли: во Франціи—около 600, въ Австріи отъ 1000 до 1800, а въ другихъ нѣмецкихъ арміяхъ—отъ 400 до 800 лошадей. Въ Австріи конные полки имѣли 4 дивизіона, каждый въ 3 роты или около 450 лошадей; при каждомъ полку была конно-грепадерская рота въ 90 лошадей. Бранденбургскіе полки были слабѣе и имѣли по 8 ротъ.

§ 15.

Артиллерія.

Артиллерія перестала уже быть цехомъ пушкарей и по виду сдѣлалась существенною частью армій. Если съ одной стороны, съ постепеннымъ увеличеніемъ важности артиллеріи въ полѣ и особенно при осадѣ и оборонѣ крѣпостей, увеличились значительно, какъ число полевыхъ, осадныхъ и крѣпостныхъ орудій, такъ и издержки на артиллерію вообще, то съ другой стороны артиллерія и усовершенствовалась чрезвычайно во всѣхъ отношеніяхъ, особенно во Франціи. Но, переставъ быть ремесломъ, она приняла уже слишкомъ теоретическое направленіе и до самой половины XVIII вѣка не была практически усовершенствована въ отношеніи къ употребленію въ полѣ.

Усовершенствованія артиллеріи по матеріальной части заключались въ облегченіи орудій (преимущественно во Франціи; въ Германіи же они были по прежнему длинныя, тяжелыя и неудободвижимыя), въ лучшемъ изготовленіи пороха и артиллерійскаго металла, въ повсемѣстномъ заряжаніи орудій бумажными, а потомъ холщевыми картузами, во введеніи: подъемныхъ клиновъ (впервые въ Австріи), разноцентренныхъ бомбъ, земляныхъ мортиръ (1669 г.), каркасовъ (1672 г.), желѣзныхъ запаловъ (1684 г.), отвозовъ или prolonges (1683 г.), и проч. Изготовленіе пороха и артиллерійскаго металла и стрѣльба изъ орудій были усовершенствованы вслѣдствіе теоретическихъ изслѣдованій многихъ ученыхъ и знаменитыхъ химиковъ и математиковъ этого времени; теорія стрѣльбы была тоже подведена подъ математическія формулы. Въ 1672 г. Морели изобрѣлъ теорію рикошетныхъ выстрѣловъ, а въ 1688 году Вобанъ ввелъ этого рода стрѣльбу въ употребленіе при осадахъ крѣпостей. Теоретическому и практическому усовершенствованію артиллеріи по матеріальной части много способствовали также во Франціи упражненія офицеровъ при арсеналахъ и учрежденіе Людовикомъ XIV училищъ для артиллерійскихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Наконецъ, въ 1732 году генералъ Валліеръ произвелъ во Франціи первое правильное, систематическое преобразованіе артиллеріи по матеріальной части, и тогда особыми постановленіями опредѣлены калибры и размѣры орудій, устройство лафетовъ, повозокъ и проч.

Усовершенствованія артиллеріи по строевой части заключались во введеніи (прежде всѣхъ во Франціи и гораздо позже въ Германіи) легкихъ полковыхъ орудій по образцу шведскому и въ учрежденіи (также сначала во Франціи Людовикомъ XIV въ 1668 г., а потомъ въ Пруссіи, Австріи, Саксоніи и другихъ государствахъ) первыхъ артиллерійскихъ ротъ и полковъ. Въ 1695 г. французская артиллерія составляла уже одинъ полкъ въ 6 баталіоновъ, изъ которыхъ каждый состоялъ изъ ротъ канонировъ, фузелеровъ и рабочихъ. Къ легкому орудію назначено 6, а къ тяжелому 12 человѣкъ прислуги. Въ 1698 г. бранденбургская артиллерія состояла уже изъ 10 ротъ, а австрійская и саксонская каждая изъ 1 баталіона въ 6 ротъ; — прислуги въ нихъ было по 2 человѣка на орудіе; остальныхъ людей брали изъ пѣхоты. Кромѣ артиллерійскихъ ротъ, Людовикъ XIV учредилъ для стрѣльбы изъ мортиръ 2 бомбардирскія роты, изъ которыхъ образовались (въ 1684 и 1706 годахъ) 2 бомбардирскіе полка. Прислуга артиллеріи была всегда пѣшая, а орудія и обозъ перевозили на наемныхъ по контрактамъ лошадяхъ. Въ бою лошади отсылались назадъ и были располагаемы тамъ подъ прикрытіемъ. Полковыя орудія оставались всегда при своихъ полкахъ, а прочая артиллеріи раздѣлялась на батареи.

Не смотря однако на всѣ эти усовершенствованія, артиллерія, состоя изъ орудій, либо длинныхъ, тяжелыхъ и неудободвижимыхъ, либо полковыхъ и легкихъ, но выстрѣлы которыхъ не имѣли ни дальняго полета, ни значительной силы, была далека еще отъ настоящихъ, практическихъ своихъ назначенія и совершенства. Главные недостатки ея состояли въ тяжести и неудободвижимости и въ медленности стрѣльбы. Важнымъ недостаткомъ было также употребленіе артиллеріи дробными частями, вдоль всей боевой линіи, и тѣхъ же орудій, безъ различія, и въ полѣ, и при осадѣ и оборонѣ крѣпостей.

§ 16.

Строй и образъ движеній и дѣйствій войскъ.

Послѣ тридцатилѣтней войны пѣхота строилась еще въ 8 шеренгъ, пикинеры въ центрѣ, мушкетеры по флангамъ. Но, съ усовершенствованіемъ ружей и стрѣльбы изъ нихъ, желаніе сколь возможно болѣе усилить огонь пѣхоты заставило постепенно перейти отъ глубокаго строя къ тонкому. Тюреннь уменьшилъ глубину строя до 6 шеренгъ;—еще позже пѣхоту начали строить въ 4, 3 и даже 2 шеренги, и къ концу этого періода пѣхота всегда и на всякой мѣстности располагалась въ тонкихъ, развернутыхъ линіяхъ. Прусская пѣхота при Фридрихѣ-Вильгельмѣ I строилась уже всегда въ 3 шеренги. По введеніи гренадеровъ, роты оныхъ становились всегда по флангамъ баталіоновъ. Въ строю и на походѣ шеренги были разомкнуты на 4 шага, для пальбы смыкались, а для атаки холоднымъ оружіемъ—вздвоивались. Въ концѣ XVI вѣка пѣхоту строили нерѣдко въ каре, имѣвшіе видъ бастіоновъ, теналей и т. п., а въ войнахъ съ турками австрійская пѣхота ставила передъ собою рогатки.

Конница, по примѣру шведовъ, во всѣхъ государствахъ строилась въ 3 шеренги, причемъ 3-я шеренга нерѣдко назначалась для разсыпнаго дѣйствія, либо для охватыванія непріятельскихъ фланговъ, во время атаки переднихъ шеренгъ. Эскадроны строились на эскадронныхъ интервалахъ (50—80 шаговъ). Въ началѣ XVIII вѣка французы, желая растягивать фронтъ конницы, часто строили ее въ 2 шеренги, чему иногда подражали и ихъ противники. Эволюціи конницы были гораздо проще эволюцій пѣхоты, состояли во вздвоиваніи и заѣздахъ частями и цѣлыми эскадронами и исполнялись во всѣхъ арміяхъ малою рысью, а въ шведской—съ чрезвычайною быстротою.

Со введеніемъ въ пѣхотѣ строя въ тонкихъ линіяхъ, все вниманіе было обращено на усиленіе ружейнаго огня. Пальба стоя на мѣстѣ и въ рѣдкихъ только случаяхъ—непродолжительное фронтальное наступленіе сдѣлались главнымъ, почти исключительнымъ средствомъ для пораженія непріятеля. Пѣхота потеряла движимость, необходимую для атакъ холоднымъ оружіемъ, а такого рода случайныя атаки (маршала Таллара въ 1703 году, при переходѣ черезъ рѣку Шпейеръ,—маршала Виллара въ 1712 году, при Денен̀ѣ, Denain, гдѣ онъ атаковалъ непріятеля въ штыки 40 баталіонами, построенными одинъ за другимъ въ колонну, и проч.), не смотря на блистательный успѣхъ ихъ, считались отступленіемъ отъ общепринятыхъ правилъ и важною ошибкою.

Неправильная и правильная пальба была въ конницѣ (исключая шведской), также какъ и въ пѣхотѣ, главнымъ средствомъ для пораженія непріятеля. Это ложное понятіе о духѣ и назначеніи конницы распространилось и укоренилось до того, что лучшіе генералы того времени считали необходимымъ заставлять конницу перестрѣливаться съ непріятелемъ или по крайней мѣрѣ сдѣлать прежде атаки одинъ или нѣсколько залповъ. По этой причинѣ конница не совершенствовалась, а слѣдовала путемъ превратнымъ. Въ европейскихъ войнахъ, въ которыхъ обѣ стороны дѣйствовали одинаковымъ образомъ, пальба конницы не могла имѣть значительнаго вліянія на ходъ и развязку боя. Но въ войнахъ австрійцовъ съ турками, производившими стремительныя атаки холоднымъ оружіемъ, не производя пальбы, она имѣла гибельныя для австрійской конницы послѣдствія. Еслиже конница и производила атаки, то большею частію малою рысью, отъ чего въ ударѣ ея не могло быть ни силы, ни дѣйствительности. Драгуны спѣшивались и даже становились въ боевую линію съ пѣхотою—весьма часто. Вообще въ продолженіи всего этого періода драгуновъ считали еще не инымъ чѣмъ, какъ пѣхотою, посаженною на коней.

Что касается общаго строя и образа движеній и дѣйствій цѣлыхъ армій, то они имѣли основанія не менѣе ложныя и превратныя. Постояннымъ правиломъ принято было движенія армій производить 3-мя, 5-ю и болѣе колоннами, изъ которыхъ среднюю составляли обыкновенно артиллерія и обозы, ближайшія къ ней—пѣхота, а крайнія фланговыя—конница, либо пѣхота, конница и артиллерія съ обозами составляли каждая особенную колонну, либо наконецъ войска праваго крыла или 1-й линіи шли по одной, а лѣваго крыла или 2-й линіи—по другой сторонѣ средней, артиллерійской колонны. Войска въ колоннахъ слѣдовали повзводно, на взводныхъ дистанціяхъ. Ширина (18—24 шаговъ въ пѣхотѣ) и непомѣрная глубина такого рода колоннъ чрезвычайно затрудняли движенія армій. Необходимо было прокладывать особенныя широкія дороги для колоннъ, а чтобы скрыть отъ непріятеля настоящее направленіе движенія, дороги прокладывались въ разныя стороны, въ большомъ числѣ и съ большими трудами и

потерею времени. Частыя перемѣны флангов для похода не менѣе того затрудняли и замедляли движенія армій. Для перехода изъ походнаго порядка въ боевой, колонны вытягивались обыкновенно вдоль линіи боеваго порядка и заходили по-взводно. Если армія шла правымъ флангомъ, то это совершалось съ меньшимъ, если же лѣвымъ флангомъ, то съ гораздо бо́льшимъ затрудненіемъ. Въ обоихъ случаяхъ, нужно было пѣхоту, конницу и артиллерію изъ каждой колонны распредѣлять по различнымъ частямъ боеваго порядка. Такого рода передвиженія и перестроенія армій могли производиться безпрепятственно и безопасно тогда только, когда обѣ стороны дѣйствовали одинаковымъ образомъ. Но противъ турокъ это было гораздо опаснѣе, и потому австрійскія арміи двигались противъ нихъ большею частію въ большихъ кареяхъ, въ срединѣ которыхъ находились вся конница и обозы.

При походныхъ движеніяхъ, арміи на ночь располагались уже не въ укрѣпленныхъ лагеряхъ, а на выгодныхъ позиціяхъ, иногда отчасти укрѣпляемыхъ искуствомъ, и только противъ турокъ ограждали себя со всѣхъ сторонъ укрѣпленіями, засѣками, рогатками, вагенбургомъ и т. п. Вмѣсто бараковъ вошли опять въ употребленіе палатки. Въ лагеряхъ, войска располагались въ порядкѣ, подобномъ боевому, пѣхота и конница по-ротно съ ротными улицами, имѣя передъ палатками нижнихъ чиновъ пирамиды съ оружіемъ, караулы и проч., а позади—палатки начальниковъ, кухни и проч.

Для боя арміи строили, безъ всякаго примѣненія къ мѣстности и обстоятельствамъ, въ постоянно-принятые боевые порядки, въ которыхъ пѣхота всегда становилась въ центрѣ, а конница по флангамъ. Боевыя линіи строились въ шахматномъ порядкѣ, на подобіе Маріева легіона, одна отъ другой на разстояніи 450 шаговъ, а баталіоны и эскадроны въ нихъ—на баталіонныхъ и эскадронныхъ интервалахъ. Артиллерія раздроблялась по всей боевой линіи. Въ боевомъ порядкѣ арміи, пѣхота и конница строились въ длинныхъ, тонкихъ, развернутыхъ линіяхъ. Искусные полководцы, болѣе или менѣе придерживаясь постоянно-принятыхъ формъ движеній и построеній армій, всегда старались однако сообразовать послѣднія съ мѣстностью и обстоятельствами (Тюреннь при Зинцгеймѣ, Люксамбуръ при Флёрюсѣ, принцъ оранскій при Стейнкеркѣ, принцъ Лудвигъ баденскій при Петервардейнѣ, и проч.). Въ сраженіяхъ противъ турокъ австрійскія арміи располагались въ большихъ кареяхъ, передъ которыми находились орудія и рогатки (герцогъ лотарингскій въ 1687 году при Эссекѣ).

Раздробленіе армій (бригады были самыми большими подраздѣленіями ихъ), несовершенство, медленность и безпорядокъ движеній и построеній ихъ были причинами, что чѣмъ многочисленнѣе была армія, тѣмъ труднѣе было полководцу управлять ею въ бою, тѣмъ болѣе она заключала въ себѣ причинъ разстройства и тѣмъ менѣе была способна къ исполненію самыхъ простыхъ движеній и построеній. И французскія арміи были мало способны къ маневрированію, а германскія и того менѣе. Въ бою войска могли сохранять устройство, пока оставались на мѣстѣ; но какъ скоро приходилось двигаться или перестраиваться, то неудача была почти вѣрная (принцъ баденскій при Петервардейнѣ).

Сраженія происходили рѣдко и большею частію не вслѣдствіе заблаговременно-соображеннаго плана, съ опредѣленною, важною цѣлію, а вслѣдствіе случайной встрѣчи двухъ противныхъ армій, либо стычки передовыхъ войскъ и т. п. По этой причинѣ побѣда въ сраженіи развѣ только по особеннымъ какимъ-нибудь обстоятельствамъ влекла за собою важныя и рѣшительныя послѣдствія (Гохштедтъ, Рамильи, Туринъ). Атаки производились почти всегда фронтальныя и параллельныя и рѣдко фланговыя, но и то большею частію случайно. Нѣкоторые полководцы, особенно Тюреннь, употребляли однако преднамѣренныя фланговыя атаки. Въ бою пѣхота и конница дѣйствовали въ тонкихъ, развернутыхъ линіяхъ, какъ сказано выше. Иногда конницу употребляли и въ массахъ и, не смотря на ложный образъ дѣйствій ея, одерживали довольно важные успѣхи (Гохштедтъ). Англичане отличались особеннымъ искуствомъ въ сочетаніи дѣйствій конницы и пѣхоты: конница, атакуя непріятеля, наводила его на пѣхоту, которая, уже готовая къ пальбѣ, чрезвычайно мѣткимъ и сильнымъ ружейнымъ огнемъ всегда почти наносила ему сильное пораженіе (Гохштедтъ).

Побѣдитель оставался на полѣ сраженія и преслѣдовалъ побѣжденнаго малыми отрядами конницы и на небольшое разстояніе. Преслѣдовать побѣжденнаго считалось даже нѣкоторымъ образомъ ошибкою, слѣдуя правилу, что надлежитъ не препятствовать, а всячески способствовать его отступленію. Служба передовыхъ постовъ получила въ это время первое свое развитіе и большую важность и считалась лучшею школою военныхъ людей, но за всѣмъ тѣмъ исправлялась весьма неудовлетворительно и нескусно. Малая война производилась съ наибольшимъ успѣхомъ въ австрійской арміи кроатами, въ савойскихъ Альпахъ барбетами (barbets), въ Пиренеяхъ и Испаніи микелетами (miquelets) и др. Во Франціи и другихъ государствахъ служба передовыхъ постовъ исправлялась легкою конницею и иррегулярными гусарами. Послѣдніе составляли иногда также и партизанскіе отряды, но дѣйствія ихъ были ничтожны.

§ 17.

Внутреннее устройство армій;—сила, раздѣленіе, содержаніе, управленіе ихъ;—духъ и воинскій порядокъ въ войскахъ.

Между отличительными чертами военнаго устройства европейскихъ государствъ въ этомъ періодѣ, одною изъ главнѣйшихъ было чрезвычайное увеличеніе, сравнительно съ прежними временами, числительной силы армій, и конницы, артиллеріи и обозовъ въ этихъ послѣднихъ.

Нашественныя войны Людовика XIV принудили его, а быстрое развитіе во Франціи, послѣ Пиренейскаго мира, всѣхъ источниковъ богатства и силы, особенно цвѣтущее состояніе финансовъ при Кольберѣ—дозволили ему содержать многочисленныя арміи. Въ 1672 году онъ имѣлъ уже 160,000, а въ 1700 году до 183,000 войскъ. Другія государства принуждены были слѣдовать его примѣру, и такимъ образомъ въ началѣ XVIII вѣка европейскія государства выставляли нерѣдко арміи въ 80, 100 и болѣе тысячъ, и даже содержали ихъ и въ мирное время.

Относительное число разныхъ родовъ войскъ въ арміи не было опредѣлено и часто измѣнялось. Но вообще число конницы, увеличиваясь постепенно, сдѣлалось наконецъ несоразмѣрнымъ числу пѣхоты, иногда $^1/_3$, иногда $^1/_2$ онаго, а иногда даже превосходя его. Артиллеріи было также вообще весьма много, особенно въ германскихъ арміяхъ. Во французскихъ же число оной, опредѣленное положительнѣе, впослѣдствіи было не столь значительно (1 орудіе на 1,000 чел., а потомъ 62 орудія на 50,000 войскъ). Артиллерійскіе парки были многочисленные и тяжелые.

Изобрѣтеніе металлическихъ понтоновъ въ Голландіи было причиною введенія въ голландской и французскихъ арміяхъ подвижныхъ понтонныхъ экипажей; но прислуга ихъ не составляла еще отдѣльнаго рода войскъ. Въ Германіи, особенно въ Австріи, оставались еще прежніе, большіе, деревянные понтоны, вѣроятно потому, что при переправахъ черезъ большія рѣки (Дунай, По) они оказались удобнѣйшими. Наконецъ, число всякаго рода казеннаго и частнаго обоза, прислуги, вьючныхъ лошадей и проч. увеличилось до чрезвычайности. Отъ того число нестроевыхъ людей и лошадей иногда почти равнялось числу строевыхъ.

Кромѣ раздѣленія войскъ на роты и полки, въ арміяхъ другаго раздѣленія не было. Въ случаѣ надобности, нѣсколько полковъ подчиняли временно одному начальнику. Тюренень ввелъ во французскую армію, какъ сказано выше, раздѣленіе на бригады. Однако, не только другія государства не послѣдовали этому примѣру, но даже и во Франціи, послѣ Тюренія, раздѣленіе на бригады, по слабости полковъ, не соотвѣтствовало болѣе первоначальной его цѣли.

Коль скоро арміи сдѣлались постоянными и правильно-устроенными, то и содержаніе ихъ приняли на свое попеченіе правительства. По причинѣ увеличенія числительной силы армій и недостатковъ въ ихъ внутреннемъ устройствѣ и хозяйственномъ управленіи, оно обходилось имъ чрезвычайно дорого. Издержки на него въ военное время простирались иногда до того, что государство, по совершенномъ истощеніи финансовъ своихъ, не могло болѣе продолжать войны и было принуждаемо заключать миръ, не достигнувъ предположенной цѣли.

Одинъ изъ важнѣйшихъ въ это время предметовъ содержанія армій былъ способъ продовольствованія ихъ, совершенно новый и отличный отъ прежняго и имѣвшій большое вліяніе на образъ веденія войны. Онъ былъ основанъ на подражаніи Густаву-Адольфу и на ложномъ истолкованіи причинъ успѣховъ послѣдняго въ Германіи (см. ниже § 20).

Подобно Густаву-Адольфу, арміи во время войны начали продовольствовать единственно изъ магазиновъ, изыскивая всевозможныя средства къ обезпеченію такого способа продовольствованія. Послѣдній, получивъ въ этомъ періодѣ обширнѣйшее развитіе и примѣненіе, въ особенности у французовъ въ Нидерландахъ, состоялъ вообще въ слѣдующемъ:

Арміи снабжались продовольствіемъ и фуражомъ посредствомъ подвозовъ изъ главнаго магазина, который устроивался въ тылу ихъ, преимущественно въ крѣпости, и наполнялся запасами посредствомъ денежныхъ закупокъ, поставокъ по подрядамъ, либо подвозовъ водою. Въ опасныхъ случаяхъ—при главномъ магазинѣ, а въ безопасныхъ—въ 3-хъ переходахъ отъ него, муку перепекали въ хлѣбъ въ особенныхъ полевыхъ, подвижныхъ хлѣбопекарняхъ. Въ первомъ случаѣ, отъ главнаго магазина къ арміи перевозилось 6-ти-дневное количество печеннаго хлѣба и фуража на цѣлую армію, въ послѣднемъ же, отъ главнаго магазина къ хлѣбопекарнямъ — 9-ти-дневное количество муки, а отъ хлѣбопекаренъ къ арміи—6-тидневное количество печенаго хлѣба. Для пе-

ревозокъ продовольствія и фуража вообще при каждой части войскъ находились повозки въ числѣ достаточномъ для вмѣщенія 3-хъ-дневнаго количества, и сверхъ того въ запасѣ при арміи была еще $^1/_4$ всего числа этихъ повозокъ. Одна треть всѣхъ повозокъ находилась съ продовольствіемъ при войскахъ, другая, порожняя, слѣдовала къ хлѣбопекарнямъ за хлѣбомъ, а третья перевозила изъ магазина въ хлѣбопекарни муку и изъ хлѣбопекаренъ въ армію хлѣбъ. Подъ повозки, перевозившія муку, хлѣбъ и фуражъ (равно какъ и подъ другія тяжести), лошади съ погонщиками большею частію, особенно во Франціи и Голландіи, нанимались по подрядамъ, иногда же выставлялись по контрактамъ отъ края, занятаго арміею (въ войнахъ австрійцовъ съ турками—преимущественно на волахъ).

Сверхъ продовольствія, находившагося при арміи и перевозимаго къ ней изъ магазина и хлѣбопекарень, войска носили на себѣ 3-хъ-дневное продовольствіе. Небольшіе отряды пекли хлѣбъ въ городахъ, а самые незначительные продовольствовались отъ жителей.

Изъ этого усматривается, что совершенное обезпеченіе продовольствованія армій, а съ нимъ, по общепринятому въ то время мнѣнію, и успѣхъ дѣйствій послѣднихъ, зависѣли: 1) отъ денежныхъ средствъ, нужныхъ для закупокъ запасовъ въ главный магазинъ; 2) отъ удобной для движенія транспортовъ съ продовольствіемъ мѣстности на сообщеніяхъ арміи съ магазиномъ и хлѣбопекарнями; 3) отъ достаточнаго количества и удовлетворительнаго состоянія повозокъ, лошадей, воловъ и т. п., перевозившихъ продовольствіе, и 4) отъ безостановочнаго доставленія муки въ магазинъ и хлѣбопекарни, и хлѣба изъ сихъ послѣднихъ въ армію. Если армія могла надѣяться, по прибытіи на мѣсто, найти готовую муку, то, имѣя готовый хлѣбъ, могла двигаться даже на 15 переходовъ впередъ. Но такъ какъ на это нельзя было полагаться, то, даже если всѣ вышеозначенныя условія были соединены, армія не могла удаляться отъ своихъ хлѣбопекарень далѣе 2-хъ, а отъ магазина далѣе 5-ти переходовъ, безъ опасенія недостатка въ продовольствіи. Достигнувъ этого предѣла, она не иначе могла снова двигаться впередъ, какъ учредивъ тамъ, гдѣ находилась, также преимущественно въ крѣпости, новый магазинъ, новыя хлѣбопекарни и т. д. Очевидно, что продовольствованіе арміи изъ магазиновъ, доведенное до такой степени и сдѣлавшись непремѣннымъ и постояннымъ условіемъ дѣйствій,—хотя съ одной стороны имѣло всѣ выгоды правильности, за то съ другой поставляло арміи и полководцевъ въ совершенную зависимость отъ магазиновъ, связывало ихъ дѣйствія и было причиною крайней медленности послѣднихъ и неудободвижимости арміи.

Хотя съ тѣхъ поръ, какъ арміи сдѣлались постоянными, правительства болѣе прежняго прилагали попеченія о пользованіи больныхъ и раненыхъ воинскихъ чиновъ и вообще о сохраненіи здоровья въ войскахъ, но надлежащее, правильное устройство медицинская часть въ арміяхъ стала получать не ранѣе начала XVIII вѣка. При арміяхъ были введены полевыя аптеки, повозки для больныхъ, къ войскамъ опредѣлены медики и хирурги, и проч. Лучшимъ устройствомъ медицинской части и человѣколюбивымъ обращеніемъ съ своими больными и ранеными воинскими чинами отличалась французская армія.

Содержа постоянныя арміи на своемъ попеченіи и иждивеніи, правительства оказывали значительное вліяніе и на управленіе ими, и на дѣйствія ихъ, и на веденіе войны вообще. Ввѣряя полководцамъ начальствованіе надъ арміями, они (въ особенности французское—въ лицѣ Людовика XIV и министра Лувуа, австрійское—чрезъ посредство придворнаго военнаго совѣта или гофкригсрата и голландское—чрезъ посредство коммисаровъ), часто безъ истинныхъ военныхъ понятій, управляли арміями и войною издалека, изъ столицъ, снабжали полководцевъ подробными и положительными наставленіями для дѣйствій и требовали, чтобы они исполняли ихъ въ точности, не смотря на измѣненіе обстоятельствъ. Въ случаяхъ же важныхъ или непредвидѣнныхъ, полководцы не смѣли ничего предпринять, не испросивъ предварительно разрѣшенія правительствъ, и часто получали его тогда, когда благопріятное для дѣйствій время уже прошло. Притомъ, такъ какъ войны этого періода были ведены большею частію союзами (коалиціями), то по различію и нерѣдко по своекорыстію видовъ тѣхъ государствъ, которыя принимали участіе въ союзѣ, не было и не могло быть ни единства власти, ни единства въ одушевленіи войскъ, въ управленіи войною и въ самыхъ военныхъ дѣйствіяхъ. И даже въ арміяхъ, составленныхъ изъ войскъ одного государства, множество высшихъ воинскихъ чиновъ и неопредѣлительность старшинства и отношеній между ними чрезвычайно стѣсняли и затрудняли главнаго полководца.

Въ отношеніи къ военному порядку и духу, войска въ этомъ періодѣ стояли уже несравненно выше, нежели во времена предшествовавшія. Сохраненіе въ нихъ строгаго воинскаго порядка, благоустройства и нравственности, и опредѣленіе порядка воинской службы составляли предметъ особенной заботливости правительствъ. Съ этою цѣлью изданы были во всѣхъ государствахъ особенные законы и постановленія, которые исполнялись съ точностью и

строгостью и болѣе или менѣе достигали предположенной цѣли (особенно въ Швеціи, Пруссіи и нѣкоторыхъ государствахъ Германіи),—но во Франціи не могли вполнѣ препятствовать безпорядкамъ и неустройству, какъ между войсками, такъ и между самими начальниками. Однимъ изъ главныхъ злоупотребленій во французской арміи было то, что знатные и богатые дворяне, даже въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, покупали за деньги либо получали по покровительству, изъ одного тщеславія, чины въ арміи и нимало не заботились о службѣ. Къ концу этого періода не только воинскій порядокъ, но и духъ войскъ во французской арміи пришли въ большой упадокъ. Какъ въ ней, такъ и вообще во всѣхъ арміяхъ, развращеніе нравовъ, роскошь и расточительность начальниковъ войскъ и частая неуплата войскамъ жалованья вели къ ослабленію дисциплины и ко всякаго рода безпорядкамъ. Особенно сильны были во всѣхъ арміяхъ, и болѣе всего во французской, побѣги, которые и наказывались также съ непомѣрною строгостью. За всѣмъ тѣмъ, вообще говоря, въ войскахъ былъ хорошій духъ, и какъ французы, такъ и ихъ противники, сражались съ отличіемъ;—арміи же этого времени, не смотря на то, что въ нихъ было еще много безпорядка и неустройства, болѣе прежнихъ однако походили на благоустроенныя европейскія арміи.

§ 18.

Инженерное искуство.

Конецъ XVII и начало XVIII столѣтій составляютъ блистательнѣйшую эпоху въ исторіи инженернаго искуства, которое сдѣлало столь значительные и важные успѣхи, особенно во Франціи и Нидерландахъ, благодаря Вобану, Кёгорну и др., что даже опередило другія отрасли военнаго искуства. Такого рода успѣхамъ его много способствовали, какъ постепенно распространившаяся приверженность ко всякаго рода укрѣпленіямъ, такъ и увеличившаяся важность послѣднихъ.

Отдѣльные посты укрѣплялись какъ прежде. Чаще прежняго встрѣчаются примѣры укрѣпленія и обороны отдѣльныхъ строеній, цѣлыхъ деревень и важнѣйшихъ пунктовъ или частей поля сраженія, а противъ турокъ—и всего поля сраженія. Но всего сильнѣе обнаружилась и повсемѣстно укоренилась въ этомъ періодѣ страсть къ прикрытію цѣлыхъ областей, обширныхъ пространствъ края или границъ государства укрѣпленными линіями (см. ниже § 24). Эти линіи состояли изъ штерншанцовъ, редутовъ и редантовъ, связанныхъ куртинами, либо изъ одного вала со рвомъ, расположеннаго входящими и исходящими углами и усиленнаго палисадами. Профили ихъ были значительно усилены для того, чтобы сдѣлать ихъ, по тогдашнимъ понятіямъ, непреодолимыми. Таковы были укрѣпленныя линіи: Вейсенбургскія или Лаутербургскія, прикрытыя съ фронта рѣкою Лаутеръ и примыкавшія правымъ флангомъ къ Рейну, а лѣвымъ къ Вогезскимъ горамъ,—Штоллгофенскія и Этлингенскія на правомъ берегу Рейна, ниже Страсбурга,—линіи на рр. Квейхѣ, Кинцигѣ и др.—линіи, неоднократно воздвигавшіяся въ Нидерландахъ между рр. Лисъ, Шельдою, Самброю и Маасомъ, и многія другія въ различныхъ случаяхъ и странахъ.

Главныя измѣненія и усовершенствованія въ устроеніи крѣпостей состояли въ томъ, что повсюду, но не всегда съ успѣхомъ, начали усовершенствовать нидерландскую систему, дѣлая углы бастіоновъ болѣе острыми, фланки ихъ болѣе длинными, часто не устроивая вовсе ни двойныхъ фланковъ, ни фоссъ-бреи, и т. п. Признавая наружные верки и покрытый путь чрезвычайно важными и полезными для усиленія обороны крѣпости, всѣ вообще инженеры старались усовершенствовать устроеніе и усилить оборону ихъ.

Вобану и Кёгорну въ особенности инженерное искуство обязано своими усовершенствованіями и успѣхами. Первый изъ нихъ болѣе всѣхъ отступалъ отъ нидерландской системы и устроивалъ крѣпости сообразно съ мѣстностью и пріобрѣтеннымъ опытомъ. Давъ атакѣ значительный перевѣсъ надъ обороною, Вобанъ старался также усилить и послѣднюю. Бастіонное расположеніе, уже при Паганѣ получившее хорошее основаніе, онъ значительно усовершенствовалъ: 1) уничтоженіемъ тройныхъ фланковъ уступами, редюнтовъ въ бастіонахъ, орліоновъ и фоссъ-бреи; 2) устроеніемъ, вмѣсто нихъ, укрѣпленій между плечными углами бастіоновъ или между оконечностями фланковъ сихъ послѣднихъ,—тенали между фланками и куртинами,—редюптовъ въ плацдармахъ; 3) увеличеніемъ равелиновъ и плацдармовъ, расширеніемъ покрытаго пути и лучшимъ направленіемъ фасовъ равелиновъ въ отношеніи къ плечнымъ угламъ бастіоновъ, и проч. Эти измѣненія и усовершен-

ствованія, произведенныя постепенно, исподоволь, образовали простую бастіонную систему Вобана, которая имѣла многія выгоды, но и нѣкоторые недостатки. Желая отстранить послѣдніе, Вобанъ составилъ со временемъ новыя усиленныя бастіонныя системы, которыя состояли изъ отдѣльныхъ бастіоновъ или контръ-гардовъ, позади которыхъ былъ расположенъ главный валъ, между ними теналь, а впереди тенали равелинъ съ редюитомъ. Главный валъ состоялъ изъ туръ-бастіоновъ (tours bastionnées), соединенныхъ длинною куртиною либо бастіоннымъ фронтомъ; фланки туръ-бастіоновъ и главнаго вала были казематированы. Равелину были приданы фланки и внутри устроенъ такой же фигуры редюитъ со рвомъ и каменною одеждою. Усиленныя системы Вобана увеличили силу обороны, но немногимъ усовершенствовали простую бастіонную систему его. Первою крѣпостью, устроенною имъ въ 1667 г. по этой послѣдней системѣ, была кр. Шарлеруа; крѣпостями же, устроенными имъ по усиленнымъ системамъ, были Бельфортъ, Ландау, Ней-Брейзахъ и н. др.

Система Кёгорна была болѣе приспособлена къ низменной мѣстности Нидерландовъ и требовала меньшихъ издержекъ, нежели Вобановы системы. Она состояла изъ фоссъ-бреи и за нею главныхъ бастіоновъ съ каменнымъ эскарпомъ и проч., усилила оборону, но имѣла также важные недостатки.

Атака крѣпостей была чрезвычайно усплена, особенно Вобаномъ и Кёгорномъ: 1) введеніемъ первымъ изъ нихъ параллелей (въ первый разъ при осадѣ Маастрихта въ 1673 году) и рикошетной стрѣльбы (въ первый разъ при осадѣ Ата въ 1697 году), сначала изъ пушекъ, потомъ изъ гаубицъ; 2) увеличеніемъ числа осадной артиллеріи и усиленіемъ дѣйствія ея; 3) бомбардированіемъ, стрѣльбою каленымп ядрами, метаніемъ ручныхъ гранатъ, изъ Кёгорновыхъ мортиръ и проч.; 4) усовершенствованіемъ траншей и сапъ и введеніемъ траншейныхъ каваліеровъ (Вобаномъ въ первый разъ при осадѣ Луксембурга въ 1684-мъ году); 5) устроеніемъ брешъ-батарей на гребнѣ гласиса; 6) переходомъ черезъ сухой главный ровъ—крытою сапою, а черезъ водяной—посредствомъ наполненія его фашинами, мѣшками съ шерстью и т. п. Мины употреблялись сначала рѣдко, только для разрушенія наружныхъ верковъ, каменной одежды главнаго вала и т. п., по недостатку правильной теоріи миннаго искуства. Вобанъ пытался создать послѣднюю и началъ употреблять мины чаще и притомъ большее число малыхъ минъ предпочтительно предъ малымъ числомъ большихъ. Но опыты и усплія его не были успѣшны и ввели только его и другихъ въ заблужденіе. Гораздо совершеннѣе была теорія миннаго искуства, созданная Белидоромъ и опровергнувшая теорію Вобана. Все это способствовало какъ теоретическому, такъ и практическому усовершенствованію миннаго искуства.

И оборона крѣпостей была также значительно усилена: 1) устроеніемъ передъ исходящими углами покрытаго пути—флешей съ палисадами; 2) преимущественною обороною, по мнѣнію Вобана—подступовъ къ покрытому пути, а по мнѣнію Кёгорна—самаго покрытаго пути (послѣднее мнѣніе распространилось и утвердилось до того, что всѣ усилія обороняющагося были обращаемы на оборону покрытато пути, съ потерею котораго и крѣпость обыкновенно сдавалась); 3) устроеніемъ на покрытомъ пути двойнаго ряда палисадовъ, именно: на гребнѣ гласиса и въ нѣкоторомъ разстояніи позади бруствера; 4) устроеніемъ подъ гласисомъ фугасовъ, либо употребленіемъ на покрытомъ пути мѣшковъ съ порохомъ, и т. п.; 5) устроеніемъ контръ-минъ, даже при первоначальной постройкѣ крѣпостей, а въ сухомъ главномъ рвѣ—капонировъ и ложементовъ, и проч. Абтпиты въ бастіонахъ служили для обороны—въ послѣдній разъ при осадѣ Кандіи; обыкновенно же по взятіи штурмомъ бреши, крѣпость сдавалась. Примѣры взятія крѣпостей штурмомъ, безъ предварительной осады, весьма рѣдки, а посредствомъ бомбардированія напротивъ довольно часты. Бомбардированія Люттиха, Генуи и Алжира суть замѣчательнѣйшія.

Не смотря на значительное усиленіе обороны, только немногія крѣпости держались долго и то большею частію по причинѣ ошибочнаго веденія осады, а не усердія и искуства оборонявшихся. Крѣпости сдавались почти обыкновенно на выгодныя для гарнизоновъ капитуляціи.

Что касается войскъ инженернаго вѣдомства, то во Франціи минеры были, подобно пушкарямъ, разсѣяны по разнымъ крѣпостямъ. Людовикъ XIV образовалъ изъ нихъ (въ 1679 г.) отдѣльную роту, а въ 1695 г. минерныхъ ротъ было уже трп. Корпусъ инженеровъ существовалъ во Франціи уже съ давнихъ временъ; но настоящее образованіе его въ практическомъ и теоретическомъ отношеніяхъ начинается собственно со временъ Вобана. Подъ управленіемъ его, французскіе инженеры пріобрѣли неоспоримое превосходство надъ всѣми другими европейскими. Въ Германіи инженерное искуство составляло родъ ремесла, и искуснѣйшіе инженеры, равно какъ и артиллеристы, нанимались въ другихъ государствахъ за жалованье, не только для построенія, но и для атаки и обороны крѣпостей.

§ 19.

Общій выводъ о состояніи военнаго искуства въ этомъ періодѣ.

Изъ всего вышеизложеннаго усматривается вообще слѣдующее:

Вторая половина XVII и первая половина XVIII столѣтій были началомъ общаго благоустройства европейскихъ армій, подобно тому, какъ періодъ тридцатилѣтней войны былъ началомъ частнаго благоустройства ихъ. Арміи повсюду сдѣлались постоянными. Внутреннее устройство ихъ, равно военное устройство войскъ въ частности, сдѣлавшись предметами непосредственныхъ: вѣдѣнія, распоряженія и попеченія правительствъ, приняли повсюду видъ болѣе правильный и съ благомъ государственнымъ сообразный, нежели прежде, значительно развились и усовершенствовались, хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ слѣдовали путемъ ложнымъ и превратнымъ. Главнѣйшія измѣненія и усовершенствованія въ нихъ совершались преимущественно во французской арміи, подобно тому, какъ въ періодъ тридцатилѣтней войны они проистекали изъ арміи шведской.

Отнестрѣльное оружіе сдѣлалось общимъ, а дѣйствіе имъ—главнымъ, почти исключительнымъ; дѣйствіе же бѣлымъ оружіемъ въ пѣхотѣ ничтожнымъ, а въ конницѣ второстепеннымъ и неважнымъ, съ немногими только исключеніями. Вслѣдствіе того, строй войскъ отъ одной крайности перешелъ въ другую, изъ глубокаго въ массахъ превратившись въ тонкій, въ развернутыхъ линіяхъ.

Не смотря на стремленіе къ усиленію дѣйствія отнестрѣльнаго оружія, послѣднее особенно тяжелая, неудободвижимая артилерія, было еще мало усовершенствовано въ практическомъ отношеніи и стрѣльба была медленная.

Тактическое устройство войскъ и внутреннее устройство армій, въ особенности увеличеніе числа конницы, артиллеріи и обозовъ, и продовольствованіе арміи единственно изъ магазиновъ, были причинами крайней неудободвижимости войскъ и армій и медленности движеній и дѣйствій ихъ.

Вообще военное искуство сдѣлало въ этомъ періодѣ успѣхи важные и значительные. Но, вслѣдствіе свойственныхъ этому времени понятій и методизма или стремленія подвести военное искуство подъ извѣстныя, постоянныя и безусловныя формы и правила, оно приняло направленіе слишкомъ теоретическое и во многихъ отношеніяхъ слѣдовало путемъ ложнымъ, а иногда даже и превратнымъ. Изъ всѣхъ отраслей его, инженерное искуство сдѣлало наибольшіе успѣхи какъ въ практическомъ, такъ и въ теоретическомъ отношеніяхъ. И потому періодъ этотъ въ частности можно признать блистательнѣйшею эпохою инженернаго искуства, а вообще—началомъ развитія, усовершенствованія и повсемѣстнаго распространенія новѣйшаго военнаго искуства, первыя основанія которому были положены во время нидерландско-германской войны, особенно Густавомъ-Адольфомъ.

ГЛАВА III.

ОБРАЗЪ ВЕДЕНІЯ ВОЙНЫ ВЪ ЭТОМЪ ПЕРІОДѢ.

I.

Образъ веденія войны вообще.

§ 20.

Методизмъ въ образѣ веденія войны, начало и причины его.

Когда огнестрѣльное оружіе сдѣлалось общимъ, а дѣйствіе имъ — главнымъ, почти исключительнымъ, когда число конницы, артиллеріи и обозовъ при арміяхъ и числительная сила самыхъ армій значительно увеличились, наконецъ когда арміи начали продовольствоваться единственно изъ магазиновъ, тогда явилась новая, чуждая войнамъ древнихъ и среднихъ временъ, потребность безпрерывнаго подвоза къ арміямъ огнестрѣльныхъ снарядовъ и продовольственныхъ припасовъ отъ тѣхъ пунктовъ (преимущественно крѣпостей), въ которыхъ находились главные склады ихъ, и вслѣдствіе того важность этихъ пунктовъ и сообщеній съ ними армій, и необходимость охраненія какъ тѣхъ, такъ и другихъ.

Къ большему развитію этихъ новыхъ потребностей веденія войны и увеличенію важности крѣпостей, магазиновъ и сообщеній армій съ ними послужили изложенныя выше (въ главѣ II) состояніе военнаго искуства вообще и военнаго устройства государствъ, тактическаго устройства войскъ и внутренняго устройства армій въ частности, особливо вліяніе методизма, правительствъ и дѣйствій Густава-Адольфа.

Методизмъ силился и искуство веденія войны, подобно другимъ отраслямъ военнаго искуства, подчинить извѣстнымъ, постояннымъ и безусловнымъ формамъ и правиламъ.

Правительства, какъ выше показано было (§ 17), имѣли значительное и непосредственное вліяніе на управленіе армій, дѣйствія ихъ и веденіе войны.

Блистательные, важные и прочные успѣхи дѣйствій Густава-Адольфа въ Германіи возбудили справедливое удивленіе къ послѣднимъ и общее стремленіе къ подражанію имъ. Но ложное истолкованіе причинъ успѣховъ ихъ повело и къ результатамъ ложнымъ. Не обращая вниманія на измѣненіе образа и характера дѣйствій Густава-Адольфа, вмѣстѣ съ измѣненіемъ обстоятельствъ, причины успѣховъ его приписывали единственно медленности, осторожности и систематической правильности первоначальныхъ его дѣйствій до перехода чрезъ Эльбу. И потому полагали, что для пріобрѣтенія такихъ же успѣховъ, какіе онъ пріобрѣлъ, достаточно было всегда и во всѣхъ обстоятельствахъ дѣйствовать такъ, какъ онъ дѣйствовалъ временно до перехода чрезъ Эльбу, а именно: утверждаясь постепенно въ краю и обезпечивая себя со всѣхъ сторонъ занятіемъ крѣпостей и важнѣйшихъ мѣстныхъ пунктовъ, продовольствуя арміи изъ магазиновъ, охраняя сообщенія свои съ послѣдними, тщательно уклоняясь отъ боя, ведя малую войну и т. п.

Совокупность всѣхъ этихъ причинъ, вмѣстѣ взятыхъ, въ сочетаніи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ войнахъ этого времени

главныя военныя дѣйствія происходили преимущественно въ Нидерландахъ и на сѣверныхъ границахъ Франціи — въ краю, усѣянномъ крѣпостями и пересѣченномъ множествомъ рѣкъ, болотъ, лѣсовъ и проч.,— повела мало по малу къ методизму въ веденіи войны, который придалъ войнамъ конца XVII и начала XVIII столѣтій совершенно особенный характеръ. Отличительными чертами его были: важность крѣпостей, магазиновъ, сообщеній армій съ ними, обезпеченія собственныхъ сообщеній и дѣйствія противъ непріятельскихъ, маневрированія, естественныхъ и искуственныхъ препятствій, и неважность дѣйствій рѣшительныхъ вообще и боя въ особенности.

§ 21.

Крѣпости и магазины.

Собственныя крѣпости были важны потому, что служили для учрежденія въ нихъ главныхъ магазиновъ или складовъ военныхъ и продовольственныхъ запасовъ, непріятельскія же потому, что были необходимы для утвержденія въ непріятельскомъ краю и для заложенія въ нихъ новыхъ складовъ. Пройти мимо непріятельскихъ крѣпостей, не обложивъ ихъ или по крайней мѣрѣ не оставивъ противъ нихъ части войскъ, достаточной для обезпеченія, со стороны ихъ гарнизоновъ, собственныхъ сообщеній—считалось невозможнымъ. А между тѣмъ для осадъ дѣлались большія приготовленія и собирались значительныя силы и средства. Осады стоили огромныхъ издержекъ и трудовъ и большой потери въ людяхъ, времени на нихъ употреблялось обыкновенно очень много, крѣпость была во время осады болѣе или менѣе разрушаема, а край вокругъ нея совершенно разоряемъ. По взятіи же полуразрушенной крѣпости, гарнизонъ ея получалъ бо́льшею частію свободный выходъ и присоединялся къ своей арміи, на исправленіе взятой крѣпости потребны были новыя, значительныя издержки, а для занятія ея — гарнизонъ, ослаблявшій дѣйствующую армію. Слѣдовательно — взятіе непріятельскихъ крѣпостей, хотя и доставляло наступавшему исчисленныя выгоды, но съ бо́льшимъ вредомъ для него самаго, нежели для оборонявшагося. И чѣмъ болѣе было взято крѣпостей, тѣмъ и вредъ отъ того былъ значительнѣе.

§ 22.

Бой.

Бой, по самому свойству огнестрѣльнаго оружія, неспособности армій къ быстрому и продолжительному преслѣдованію по одержаніи побѣды и вслѣдствіе ложнаго подражанія дѣйствіямъ Густава-Адольфа, сдѣлался менѣе рѣшительнымъ, нежели прежде, служилъ (по понятіямъ того времени) только къ нанесенію непріятелю урона, съ значительнымъ и для себя ослабленіемъ, и терялъ прежнюю, первенствующую свою важность болѣе и болѣе, до того, что наконецъ считался уже безполезною тратой людей и ошибкою, даже и тогда, когда былъ увѣнчанъ побѣдою.

Сраженія (см. выше § 16), происходили рѣдко и большею частію случайно, давались съ одною тактическою цѣлью—наносить непріятелю уронъ и, исключая трехъ сраженій: при Гохштедтѣ въ 1704-мъ году и при Туринѣ и Рамильи въ 1706-мъ, побѣды въ которыхъ дали войнѣ за наслѣдство испанскаго престола совсѣмъ другой оборотъ, почти никогда не имѣли важныхъ и рѣшительныхъ послѣдствій. Изъ означенныхъ трехъ сраженій, одно Туринское было не случайнымъ, а предварительно расчитаннымъ и соображеннымъ, въ которомъ побѣдители были обязаны и побѣдою, и важными ея послѣдствіями, столько же этимъ предварительнымъ расчетамъ и соображеніямъ, столько и тактическимъ дѣйствіямъ. Въ другихъ же двухъ сраженіяхъ они обязаны были ими единственно тактическимъ дѣйствіямъ и случаю. Этотъ фактъ особенно замѣчателенъ: онъ явно и убѣдительно доказываетъ ложность укоренившагося понятія о неважности боя.

§ 23.

Охраненіе сообщеній, дѣйствія противъ нихъ и маневрированіе.

По мѣрѣ того, какъ бой терялъ свою важность, сообщенія и дѣйствія, имѣвшія цѣлію охраненіе собственныхъ сообщеній и угроженіе непріятельскимъ, либо и самое отрѣзаніе послѣднихъ, пріобрѣтали бо́льшія и и бо́льшія важность и значеніе. Достигнуть предположенной цѣли такого рода движеніями и дѣйствіями, которыя угрожали отрѣзать либо дѣйствительно отрѣзывали противника отъ сообщеній съ главными его складами, лишали его необходимыхъ для веденія войны средствъ и тѣмъ безъ боя принуждали его отступать (manoeuvres, das Manövriren, маневрированіе) считалось гораздо болѣе искуснымъ и приносило полководцу болѣе чести и славы, нежели достигнуть той же цѣли посредствомъ боя. Вслѣдствіе того арміи уклонялись отъ боя и маневрировали, т. е. производили такого рода движенія и занимали такого рода расположеніе, которыя угрожали сообщеніямъ противника. А между тѣмъ отдѣльные отряды арміи дѣйствовали непосредственно противъ находившихся на нихъ важныхъ пунктовъ, или противъ слѣдовавшихъ по нимъ транспортовъ, либо вели малую войну, съ цѣлію лишить противника возможности пользоваться средствами занимаемаго имъ края и добывать себѣ изъ него продовольствіе и фуражъ. При этомъ, чтобы привести противника въ заблужденіе, недоумѣніе, оплошность, отвлечь его отъ важнѣйшихъ пунктовъ и проч., производились ложныя движенія и дѣйствія, распускались ложные слухи, употреблялись различнаго рода военныя хитрости и т. п.

Но между тѣмъ, какъ сообщенія, охраненіе ихъ, дѣйствія противъ нихъ и маневрированіе пріобрѣтали бо́льшую и бо́льшую важность, войска и арміи, по своему устройству, не только не представляли необходимыхъ для маневрированія условій, но и вовсе были неспособны къ нему. Изъ полководцевъ же, кромѣ Монтекукули, принца Евгенія Савойскаго, Вандома, Виллара и особенно Тюренна, ни одинъ не обладалъ искуствомъ маневрированія.

§ 24.

Важность мѣстности и искуственныхъ препятствій.

Стремленіе къ достиженію предположенной цѣли однимъ маневрированіемъ, безъ боя, повело постепенно къ слѣдующему:

Оно побудило, для избѣжанія боя, прибѣгать къ пособію мѣстности или искуства, либо обоихъ вмѣстѣ. Лучшіе полководцы этого времени умѣли искусно пользоваться мѣстностью и усиливать ее укрѣпленіями. Посредственные же полководцы, не обладая искуствомъ удачно избирать мѣстность и пользоваться всѣми ея выгодами, прибѣгали исключительно къ пособію искуственныхъ укрѣпленій, сильно укрѣпляя позиціи и лагери своихъ арміи либо отдѣльные посты, занимаемые отрядами послѣднихъ.

Страсть къ успленію себя естественными и особенно искуственными препятствіями распространилась до того, что обширныя пространства края, цѣлыя области или границы государствъ были прикрываемы расположеніемъ арміи за естественными препятствіями (рѣками, хребтами горъ, цѣпью лѣсовъ, болотъ и т. п.), либо за непрерывными укрѣпленными линіями, либо за тѣми и другими вмѣстѣ (см. § 18).

Атаковать армію или отрядъ, расположенные за естественными или искуственными препятствіями, прорваться черезъ послѣднія, особенно чрезъ укрѣпленныя линіи, либо взять ихъ—считалось отважнымъ, труднымъ, почти невозможнымъ и притомъ безполезнымъ, тогда какъ расположенныя за ними войска можно было принудить къ отступленію дѣйствіями на ихъ сообщенія либо маневрированіемъ.

§ 25.

Медленность и нерѣшигельность дѣйствій и неважность цѣлей и результатовъ ихъ.

Всѣ вышеизложенныя обстоятельства были причинами крайней медленности и нерѣшительности дѣйствій армій, неважности и часто даже ничтожности результатовъ ихъ, не смотря на то, что войны этого времени были ведены съ весьма важными политическими цѣлями. Если цѣлью похода было овладѣніе одною или нѣсколькими крѣпостями, то одна часть арміи производила осады, а другая прикрывала ихъ, маневрируя либо располагаясь за естественными или искуственными препятствіями. Если цѣлью похода было принудить противника къ отступленію, то обѣ стороны маневрировали, взаимно угрожая сообщеніямъ, либо дѣйствуя непосредственно противъ нихъ. Часто одна армія располагалась въ укрѣпленномъ лагерѣ, а другая наблюдала за нею. Еще чаще обѣ арміи раздробляли свои силы, занимали важные и сильные въ тактическомъ отношеніи мѣстные пункты и вели малую войну, въ томъ предположеніи, что совокупность успѣховъ, одержанныхъ въ частныхъ дѣлахъ и стычкахъ, могла равняться побѣдѣ, одержанной въ одномъ рѣшительномъ сраженіи. Но вообще и во всѣхъ случаяхъ арміи оставались въ постоянномъ, можно сказать, бездѣйствіи, разумѣя бездѣйствіе ихъ въ томъ смыслѣ, что уклоняясь отъ боя и маневрируя, онѣ нимало не обнаруживали того напряженія силъ, той дѣятельности, которыя необходимы для пріобрѣтенія важныхъ и рѣшительныхъ успѣховъ посредствомъ боя. Въ этомъ смыслѣ и малая война, и дѣйствія отдѣльныхъ отрядовъ, и маневрированіе самыхъ армій должны быть разсматриваемы не иначе, какъ бездѣйствіе.

§ 26.

Характеръ войнъ этого періода вообще.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что хотя война потеряла прежній свой неправильный и жестокій характеръ, но въ замѣнъ того пріобрѣла характеръ медленности, нерѣшительности, излишней правильности и методизма. Такъ какъ походы начинались - большею частію позднею весною, а оканчивались раннею осенью расположеніемъ арміи съ обѣихъ сторонъ на зимнихъ квартирахъ,—такъ какъ въ продолженіи этихъ кратковременныхъ походовъ дѣйствія были медленныя и нерѣшительныя, а цѣли и результаты ихъ неважныя и часто ничтожныя, въ теченіи же зимы и большей части осени и весны арміи оставались въ совершенномъ бездѣйствіи, то войны и продолжались чрезвычайно долго, стоили государствамъ огромныхъ потерь въ людяхъ и несмѣтныхъ издержекъ и оканчивались не въ слѣдствіе успѣховъ или перевѣса, пріобрѣтенныхъ силою оружія, а единственно отъ совершеннаго истощенія силъ и средствъ одной, а чаще обѣихъ воюющихъ сторонъ.

Таковъ былъ вообще характеръ войнъ конца XVII и начала XVIII столѣтій, и методизма въ образѣ веденія войны, нимало несогласнаго съ истинными смысломъ, духомъ, цѣлью и назначеніемъ послѣдней.

Исключенія изъ этого составляютъ дѣйствія нѣкоторыхъ полководцевъ, какъ-то: Монтекукули, Тюренна, принца Евгенія савойскаго, Марлборо, Вандома и Виллара, отличающіяся отъ прочихъ бо́льшими смѣлостью, рѣшительностью, быстротою либо искуствомъ. Причинами такого рѣзкаго отличія и неоспоримыхъ достоинства и искуства ихъ были высокія личныя дарованія означенныхъ полководцевъ. За всѣмъ тѣмъ и эти послѣдніе, связанные въ дѣйствіяхъ своихъ вліяніемъ правительствъ и всѣхъ обстоятельствъ, о которыхъ говорено выше, не могли, подобно Густаву-Адольфу, возвыситься надъ ложными понятіями и предразсудками своего времени и дать искуству направленіе истинное и правильное.

II.

Образъ веденія войны въ Нидерландахъ, Германіи, Италіи и Испаніи.

---

§ 27.

Образъ веденія войны въ Нидерландахъ.

Свойства края, въ которомъ ведена была война, составъ дѣйствовавшихъ въ ней армій и особенныя обстоятельства болѣе или менѣе измѣняли, нѣкоторымъ образомъ, общій войнамъ этого періода характеръ.

Въ Нидерландахъ образъ веденія войны былъ въ высшей степени методическій, медленный и нерѣшительный: во 1-хъ по причинѣ небольшаго протяженія края и несоразмѣрнаго съ нимъ множества различной величины крѣпостей; во 2-хъ по причинѣ мѣстности края, чрезвычайно пересѣченной, затруднявшей дѣйствія наступательныя и способствовавшія дѣйствіямъ оборонительнымъ; въ 3-хъ по причинѣ значительной политической важности, которую Нидерланды имѣли для обѣихъ сторонъ и вслѣдствіе которой послѣднія съ большимъ упорствомъ оспоривали одна у другой обладаніе этою страною, особенно важнѣйшими въ политическомъ, торговомъ или военномъ отношеніяхъ пунктами въ ней, какъ-то: на Маасѣ—Маастрихтомъ, Люттихомъ и Намюромъ, въ срединѣ края—Брюсселемъ и Антверпеномъ, и на берегахъ моря—Остенде и Дюнкирхеномъ; наконецъ въ 4-хъ по причинѣ состава армій, со стороны союзниковъ, изъ войскъ нѣсколькихъ различныхъ государствъ, подъ начальствомъ одного или нѣсколькихъ полководцевъ, отъ чего не было единства ни въ одушевленіи войскъ, ни въ дѣйствіяхъ армій. Сверхъ того голландское правительство, содержа (въ войнѣ за наслѣдство испанскаго престола) бо́льшую часть союзныхъ войскъ, дѣйствовавшихъ въ Нидерландахъ, на своемъ иждивеніи, и опасаясь, чтобы дѣйствія рѣшительныя, въ случаѣ неудачи, не открыли противнику входа въ собственные предѣлы Голландіи, чрезвычайно связывало дѣйствія полководцевъ и армій и тѣмъ еще болѣе увеличивало и безъ того уже значительныя медленность и нерѣшительность ихъ.

Вслѣдствіе того всѣ войны этого времени въ Нидерландахъ были преимущественно крѣпостныя и осадныя. Дѣйствія въ нихъ состояли изъ осадъ и прикрытія крѣпостей, маневрированія между рядами крѣпостей, на пространствѣ между Рейномъ и Маасомъ, Маасомъ и Самброй, Самброй и Шельдой, Шельдой и моремъ,—малой войны, при постоянномъ усиленіи себя укрѣпленными линіями (которыхъ было очень много: главнѣйшія изъ нихъ простирались отъ р. Мааса за рѣками Мегенью—Mehaigne и Диллемъ—Dyle, по Шельдѣ и за Брюгскимъ каналомъ), съ частыми, почти безпрестанными: бездѣйствіемъ главныхъ силъ и стычками малыхъ отрядовъ, не имѣвшими важныхъ результатовъ, и съ весьма рѣдкими, всегда почти случайными, большими сраженіями, въ которыхъ побѣда рѣшалась либо однимъ тактическимъ дѣйствіемъ, либо особыми случайными обстоятельствами и, за исключеніемъ сраженія при Рамильи, не имѣвшими никакихъ важныхъ послѣдствій (сраженія при Уденардѣ, Мальплаке и др.), тѣмъ болѣе, что побѣдитель не преслѣдовалъ побѣжденнаго. Вообще дѣйствія въ Нидерландахъ въ это время продолжались долго, стоили большихъ потерь въ лю́дяхъ, но по чрезвычайной медленности и нерѣшительности своимъ, важные результаты оказывали только послѣ бо́льшаго или меньшаго числа походовъ (въ 1-й нидерландской войнѣ 1672—1678 г.—6 походовъ, во 2-й 1688—1697 г.—9 и въ въ войнѣ за наслѣдство испанскаго престола 1702—1712—10, а всего 25 походовъ).

§ 28.

Образъ веденія войны на среднемъ Рейнѣ.

На среднемъ Рейнѣ производились первоначально наступательныя дѣйствія: французами съ цѣлью покоренія, а союзниками съ цѣлью прикрытія и обороны Эльзаса (въ первыхъ, нидерландскихъ войнахъ). Въ послѣдствіи (въ войнѣ за наслѣдство испанскаго престола) союзники дѣйствовали наступательно съ востока изъ Германіи, съ цѣлью отнятія у Франціи покореннаго ею Эльзаса, французы же обороняли послѣдній. Но съ 1706-го года дѣйствія съ обѣихъ сторонъ ограничились обороною береговъ Рейна. Болѣе рѣшительные и искусные полководцы, какъ напр. Вилларъ, не ограничиваясь обороною, дѣйствовали наступательно за Рейномъ, либо, сочетаніемъ наступленія съ обороною, придавали дѣйствіямъ оборонительнымъ характеръ наступательный. Дѣйствія со стороны французовъ были усиливаемы обороною за многими горными потоками, вытекающими изъ вогезскихъ горъ и впадающими въ Рейнъ съ лѣвой его стороны, и за многими, устроенными на нихъ, укрѣпленными линіями (вейссенбургскими, лаутербургскими, на р. Моттеръ и др.). На сѣверо-восточной границѣ Франціи важнѣйшимъ направленіемъ наступательныхъ дѣйствій союзниковъ была долина р. Мозели, отъ Кобленца чрезъ Триръ, Тіонвиль и Мецъ; здѣсь была слабѣйшая часть границъ Франціи. На среднемъ же Рейнѣ важнѣйшими пунктами были: на лѣвой сторонѣ—кр. Ландау, Майнцъ и вольный городъ Страсбургъ, оба послѣдніе съ укрѣпленными переправами черезъ Рейнъ, и такая же укрѣпленная переправа въ Гюннингенѣ, близъ Базеля, а на правой сторонѣ—крѣпости Филипсбургъ, Брейзахъ (старый) и Фрейбургъ. Со стороны союзниковъ дѣйствія были усиливаемы укрѣпленными линіями: штольгофенскими, этлингенскими и раштадтскими (ниже Страсбурга на правомъ берегу Рейна) и большимъ числомъ укрѣпленій, устроенныхъ въ шварцвальдскихъ горахъ и во всѣхъ проходахъ, которые отъ Рейна вели черезъ нихъ къ Дунаю и во внутренность Германіи. Результаты дѣйствій на среднемъ Рейнѣ вообще были для французовъ гораздо выгоднѣе, нежели въ Нидерландахъ. Французы не только удержали за собою Эльзасъ, но и обезпечили обладаніе онымъ впредь, а покушенія союзниковъ—долиною Мозели проникнуть во внутренность Франціи—никогда не имѣли успѣха. Вообще, хотя дѣйствія на среднемъ Рейнѣ, по цѣли, были второстепенныя, но характеръ имѣли болѣе рѣшительный, нежели въ Нидерландахъ.

§ 29.

Образъ веденія войны въ Германіи на Дунаѣ.

Въ Германіи на Дунаѣ, въ двухъ походахъ 1703-го и 1704-го годовъ, во время войны за наслѣдство испанскаго престола, дѣйствія производились: французами, въ союзѣ съ баварцами—оборонительныя и отчасти наступательныя въ Баваріи, союзниками же—наступательныя съ сѣвера, востока и юга противъ Баваріи. Они состояли преимущественно изъ маневрированія, имѣвшаго цѣлью: со стороны французовъ и баварцовъ—сохраняя сообщенія съ Франціею, удерживать союзниковъ на границахъ Баваріи или удалять ихъ изъ послѣдней, а со стороны союзниковъ—проникнуть въ Баварію, занять и принудить курфирста баварскаго, чрезвычайно важнаго для Франціи союзника ея въ Германіи, отложиться отъ союза съ первою. Путями сообщеній французскихъ армій, дѣйствовавшихъ въ Баваріи, съ Франціею, служили обыкновенно тѣ, которые пролегали въ долинѣ верхняго Дуная и вели черезъ Виллингенъ и шварцвальдскія горы, либо долиною р. Кинцигъ къ Страсбургу, либо черезъ Фрейбургъ, Брейзахъ или Гюннингенъ къ Рейну. Главныя дѣйствія производились обыкновенно во внутренности Баваріи, преимущественно при Аугсбургѣ, гдѣ на Лехѣ была сильная мѣстность и укрѣпленная искуствомъ позиція. Лѣвая сторона Дуная была одинаково важна для французовъ и баварцовъ, и для ихъ противниковъ, потому что край тамъ былъ обильнѣе продовольственными способами и обѣ стороны оттуда преимущественно добывали и продовольствіе и фуражъ. А потому съ этой стороны (или съ сѣвера) и производились союзниками главныя дѣйствія противъ Баваріи, на ней обыкновенно сосредоточивались, какъ изъ штольгофенскихъ линій, такъ и изъ Нидерландовъ, главныя ихъ силы.

Французы и баварцы усиливали себя естественными и искуственными препятствіями, преграждая противникамъ своимъ путь во внутренность Баваріи расположеніемъ на лѣвомъ берегу Дуная, въ укрѣпленныхъ лагеряхъ: между Лаунгеномъ и Диллингеномъ, и Шелленбергскомъ (при Донаувертѣ), тыломъ къ Дунаю, при Аугсбургѣ (между Лехомъ и Вертахомъ) и проч., и въ укрѣпленныхъ линіяхъ (за р. Наабъ и др.). Баварцы только въ Тиролѣ осаждали крѣпости; союзниками же произведена была осада одного Ингольштадта, и то по особенной причинѣ, именно по враждѣ Марлборо съ принцомъ баденскимъ. Арміи либо оставались въ совершенномъ бездѣйствіи, либо маневрировали. Два сраженія, оба при Гохштедтѣ, изъ которыхъ 1-е (1703 г.) не имѣло никакихъ важныхъ результатовъ, а 2-е (1704 г.), напротивъ, принудило французовъ удалиться за Рейнъ и дало войнѣ другой оборотъ, произошли случайно. Пораженіе въ послѣднемъ французовъ и баварцовъ произошло отъ ихъ тактическихъ ошибокъ, которыми искусно воспользовался Марлборо.

Вообще отличительною чертою дѣйствій на Дунаѣ и въ Баваріи было маневрированіе и притомъ съ быстротою и рѣшительностью, нѣсколькими бо́льшими, нежели въ Нидерландахъ, потому что цѣль дѣйствій была важнѣе, а крѣпостей было гораздо менѣе, нежели въ этой послѣдней странѣ.

§ 30.

Образъ веденія войны въ Италіи.

Въ Италіи военныя дѣйствія состояли изъ осадъ крѣпостей (особенно въ Піемонтѣ и Савоіи), преимущественно же изъ маневрированія (особенно когда арміями начальствовали принцъ Евгеній савойскій и Вандомъ). По искуству въ маневрированіи, походы въ Италіи едва-ли не замѣчательнѣйшіе изъ всѣхъ въ продолженіи войнъ этого времени. Въ войнѣ за наслѣдство испанскаго престола, искуснымъ маневрированіемъ Вандома, при относительной слабости императорскихъ войскъ, послѣднія были почти совершенно вытѣснены изъ сѣверной Италіи. Искуснымъ же маневрированіемъ принца Евгенія, не взирая на неблагопріятствовавшія ему обстоятельства и на превосходство силъ французовъ, послѣдніе были разбиты при Туринѣ въ 1706 году, совершенно вытѣснены изъ сѣверной Италіи и однимъ почеркомъ пера лишились, вслѣдствіе того, всѣхъ крѣпостей, взятыхъ ими въ ней, въ теченіи 3-хъ лѣтъ, съ большими трудами, потерями и издержками (хотя гарнизоны этихъ крѣпостей возвратились во Францію). Дѣйствія со стороны французовъ были наступательно-оборонительныя, клонясь первоначально къ воспрепятствованію вступленію императорскихъ войскъ въ Италію, потомъ къ вытѣсненію ихъ изъ нея и наконецъ къ воспрепятствованію сообщенію ихъ съ герцогомъ савойскимъ и къ нанесенію послѣднему рѣшительнаго удара. Оборонительнымъ дѣйствіямъ ихъ противъ императорскихъ войскъ способствовала мѣстность края, пересѣченнаго многими рѣками, текущими съ сѣвера на югъ, либо съ юга на сѣверъ, равно многими каналами, и ограниченнаго на сѣверѣ Альпами, а на югѣ рѣкою По и Аппенинами. Важнѣйшимъ пунктомъ въ сѣверной Италіи была кр. Мантуа. Дѣйствія противъ герцога савойскаго заключались въ постепенномъ взятіи крѣпостей его, для утвержденія въ Піемонтѣ. Послѣднимъ и важнѣйшимъ пунктомъ въ Піемонтѣ, осажденнымъ французами, была самая столица герцога савойскаго—Туринъ. Осада этого города поставила герцога савойскаго въ крайнее положеніе и повела къ сраженію, слѣдствіями котораго были пораженіе французской арміи и очищеніе всей Италіи отъ французовъ.

Дѣйствія со стороны императорскихъ войскъ клонились преимущественно: 1) къ вступленію въ сѣверную Италію по одному изъ трехъ путей, ведшихъ въ нее изъ Тироля и Каринтіи, по западную и восточную стороны Гардскаго озера и черезъ нижній Адижъ; 2) къ утвержденію на нижнемъ По и наконецъ 3) къ проходу въ Піемонтъ также по одному изъ 3-хъ направленій: либо у подножія южнаго ската Альповъ, чрезъ верховья притоковъ р. По, либо по лѣвой, либо по правой сторонѣ р. По. По этому послѣднему направленію дѣйствительно и удалось императорскимъ войскамъ два раза (въ 1703-мъ и 1706-мъ годахъ) пройти въ Піемонтъ.

Вообще въ походахъ въ Италіи замѣтна особенная важность маневрированія и польза, происшедшая какъ отъ него, такъ и отъ дѣйствій смѣлыхъ и рѣшительныхъ. Но главными причинами этого было то, что арміями начальствовали бо́льшую часть времени искусные, отважные и предпріимчивые полководцы—принцъ Евгеній и Вандомъ, равно и то, что съ одной стороны дѣйствовали одни французскія, а съ другой одни императорскія войска, или по крайней мѣрѣ съ союзными войсками, которыя, по незначительности числа своего, не имѣли вліянія на единство дѣйствій.

*

§ 31.

Образъ веденія войны въ Испаніи.

Война съ Испаніей была отчасти позиціонная (т. е. арміи проходили черезъ Испанію по всѣмъ направленіямъ, переходя изъ позиціи въ позицію), преимущественно же горная. Осады крѣпостей и маневрированіе занимали также немаловажное мѣсто. Дѣйствія въ Испаніи, имѣя основаніемъ общій этому времени образъ веденія войны, отличались однакоже особеннымъ характеромъ и съ дѣйствіями въ другихъ странахъ связаны не были.

ГЛАВА IV.

I.

1-я нидерландская война (1667—1668).

§ 32.

Политическое положеніе западной Европы вообще и Франціи въ особенности послѣ пиренейскаго мира.

Успокоенная, усиленная и возвеличенная кардиналомъ Ришельё, Франція пріобрѣла значительный политическій перевѣсъ надъ прочими государствами западной Европы. Преемникъ Ришельё, Мазаринъ, хотя уступалъ ему въ твердости и государственныхъ дарованіяхъ, однако съ успѣхомъ продолжалъ слѣдовать политикѣ его. Войны фронды кончились рѣшительнымъ торжествомъ монархической власти, а война съ Испаніей—ослабленіемъ послѣдней и еще бо́льшими усиленіемъ и возвеличеніемъ Франціи, къ которой по пиренейскому миру (1659 г.) присоединены: отъ Испаніи—Руссиліонъ, а отъ испанскихъ Нидерландовъ—часть графства Артуа. Такимъ образомъ Людовикъ XIV, два года спустя по заключеніи пиренейскаго мира принявшій лично правленіе (1661 г.), явился полновластнымъ монархомъ могущественнѣйшаго государства западной Европы. Высокія государственныя дарованія его самаго и министровъ его, Кольбера и Лувуа, поставили Францію на верхъ могущества и славы и пріобрѣли ей рѣшительное политическое первенство въ системѣ государствъ европейскихъ. Кольберъ обогатилъ народъ, безъ отягощенія его удвоилъ государственные доходы и привелъ финансы Франціи въ цвѣтущее состояніе, а Лувуа въ тоже время преобразовалъ или, лучше сказать, создалъ вновь вооруженную силу Франціи и довелъ армію до числа 450 т. войскъ.

Политическое превосходство Франціи было тѣмъ значительнѣе, что прочія государства западной Европы были ослаблены и истощены продолжительными внѣшними войнами, волнуемы внутренними смутами либо заняты упроченіемъ и увеличеніемъ собственнаго благосостоянія. Испанія, ослаблен-

ная и истощенная уже со времени Филиппа II и еще болѣе послѣднею войною съ Франціей, казалось не принимала болѣе никакого участія въ дѣлахъ Европы. Англія, съ возвращеніемъ Стюартовъ потерявшая тѣ политическіе значеніе и вѣсъ, которые снискалъ ей Кромвель (1649—1658 г.), была снова волнуема безпрестанными внутренними смутами. Голландскіе генеральные штаты, подъ вліяніемъ Іоанна де-Витте и его приверженцовъ, были заняты преимущественно распространеніемъ своей торговли, увеличили флотъ и народное богатство свои и даже распустили сухопутныя войска, такъ что, въ случаѣ войны на твердой землѣ, были почти совершенно беззащитны. Наконецъ Германія была до крайности истощена тридцатилѣтнею войною, въ особенности же Австрія находилась въ состояніи тѣмъ бо́льшаго изнеможенія и слабости, что ее озабочивали возмущенія венгерцовъ и война съ турками.

§ 33.

Первая нидерландская война (1667—1668 г.).

Такое состояніе Франціи и прочихъ государствъ западной Европы, при врожденномъ честолюбіи Людовика XIV и страсти его къ войнѣ, подвигли его къ нашественнымъ войнамъ и завоеваніямъ. Шесть лѣтъ послѣ принятія имъ правленія (въ 1667 г.), основываясь на гражданскомъ законѣ (jus devolutionis), существовавшемъ во Фландріи, онъ объявилъ права супруги своей, старшей дочери умершаго короля испанскаго Филиппа II, на испанскіе Нидерланды и положилъ завоевать эту страну. Французская армія, подъ личнымъ предводительствомъ его и подъ нимъ Тюренія, Д'Омона (D'Aumont) и Креки, вступила (въ 1667 г.) во Фландрію и въ теченіи 2-хъ мѣсяцовъ овладѣла ею почти безъ всякаго сопротивленія. Походъ этотъ походилъ болѣе на торжественное шествіе въ собственномъ государствѣ. За арміею слѣдовалъ дворъ короля, со всею его пышностью. Вобану поручено было приводить всѣ взятыя во Фландріи крѣпости въ оборонительное состояніе. Въ началѣ слѣдующаго года (1668) французскія войска подъ начальствомъ Конде́, пройдя чрезъ Шампанію и Бургонію, вступили во Франшъ-Конте́ и въ 17 дней овладѣли этою испанскою областью, въ которой всѣ власти были заблаговременно привлечены на сторону Франціи. Столь быстрые успѣхи возбудили въ Голландіи, не смотря на союзъ ея съ Франціею, опасенія за собственную независимость. Іоаннъ де-Витте, подъ предлогомъ сохраненія политическаго равновѣсія въ Европѣ, составилъ между Голландіею, Англіею и Швеціею союзъ противъ Франціи, извѣстный подъ названіемъ «тройнаго». Тогда Людовикъ XIV, уступая силѣ обстоятельстъ, принужденъ былъ остановить дальнѣйшіе успѣхи свои и, при заключеніи въ Аахенѣ общаго мира (1668 г.), возвратилъ Испаніи Франшъ-Конте́, удержавъ за Франціею одну Фландрію.

II.

Вторая нидерландская война (1672—1679 г.)

---

§ 34.

Причины войны;—силы и планы дѣйствій съ обѣихъ сторонъ.

Негодуя на Голландію, дерзнувшую положить преграду успѣхамъ его, и съ завистью взирая на ея обширную и цвѣтущую торговлю, Людовикъ XIV рѣшился внести въ нее свое оружіе. Прежде, нежели приступить къ тому, онъ старался расторгнуть тройной союзъ и возбудить государства западной Европы противъ Голландіи. Онъ легко успѣлъ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ. Карлъ II, король англійскій, не имѣлъ

особенныхъ побужденія и намѣренія рѣшительно противудѣйствовать Франціи; Швеція же приступила къ союзу съ Англіей и Голландіей единственно для полученія отъ Испаніи денежныхъ пособій для веденія войны. Что касается другихъ государствъ западной Европы, то Людовикъ XIV такъ искусно умѣлъ воспользоваться тайною завистью ихъ къ богатству Голландіи, что склонилъ на свою сторону императора Леопольда I, курфирста бранденбургскаго Фридриха-Вильгельма Великаго, герцога нейбургскаго, папу Климента XI и герцога савойскаго, который даже обѣщалъ дать ему 3,000 вспомогательныхъ войскъ. Король датскій, Христіанъ V, курфирсты трирскій и майнцскій и многіе германскіе владѣтели, либо объявили себя неутральными, либо были на сторонѣ Франціи. Англія же, Швеція и сосѣдственные съ Голландіею нижне-рейнскіе католическіе владѣтели: курфирстъ кёльнскій и епископъ мюнстерскій вступили открыто въ союзъ съ Людовикомъ XIV. Привлеченіе на свою сторону двухъ послѣднихъ было чрезвычайно важно для Людовика XIV тѣмъ, что представляло ему возможность вторгнуться въ Голландію съ слабѣйшей стороны ея границъ—съ востока, учредивъ во владѣніяхъ кёльнскихъ и мюнстерскихъ склады продовольственныхъ и военныхъ запасовъ. Южная граница Голландіи была весьма сильна: ее прикрывали рѣки Маасъ и Ваалъ, затѣмъ къ югу отъ Ваала—рядъ крѣпостей (важнѣйшими изъ которыхъ считались тогда Бергенопзоомъ, Бреда, Герцогенбушъ, Граве и Нимвегенъ) и наконецъ многіе укрѣпленные пункты, которыми Голландія владѣла внѣ черты своей южной границы, какъ то: на Маасѣ—Маастрихтъ (почитавшаяся столь важною, что въ ней находился 13-ти-тысячный гарнизонъ) и на нижнемъ Рейнѣ крѣпости Везель, Эммерихъ, Рейнсбергъ и др. Съ восточной стороны граница Голландіи была прикрыта только весьма слабо укрѣпленными городами: Аргеймомъ, Дёсбургомъ, Цютфеномъ и Девентеромъ.

На этомъ и былъ основанъ планъ первоначальныхъ дѣйствій, предложенный Людовику XIV Тюреннемъ и состоявшій въ томъ, чтобы изъ владѣній кёльнскихъ и мюнстерскихъ, по учрежденіи въ нихъ складовъ продовольственныхъ и военныхъ запасовъ, вторгнуться въ Голландію съ восточной стороны и затѣмъ двинуться совокупными силами и рѣшительно, не къ какой-либо крѣпости, по обыкновенію того времени, а къ самой столицѣ Голландіи—Амстердаму, не только не занимая взятыхъ у непріятеля крѣпостей гарнизонами, но даже срывая ихъ, для того, чтобы не раздроблять и не ослаблять дѣйствующей арміи. Этотъ превосходный планъ дѣйствій былъ принятъ и исполненъ только въ половину, именно въ томъ, что касалось первоначальнаго движенія французской арміи изъ владѣній кёльнскихъ и мюнстерскихъ въ Голландію съ восточной ея стороны.

Для вторженія въ Голландію назначено было около 102,000 французскихъ войскъ, изъ которыхъ 60,000 расположились на квартирахъ между Самброю и Маасомъ, 30,000 между Маасомъ и Мозелемъ, а 12,000 въ курфиршествѣ кёльнскомъ. Всѣ эти войска для дѣйствій были раздѣлены на 2 арміи, изъ которыхъ одна, силою въ 60,000 войскъ, подъ личнымъ предводительствомъ короля, а подъ нимъ герцога орлеанскаго и Тюренна; — другая, силою въ 25,000 войскъ, находилась подъ начальствомъ Кондé; остальныя же войска были раздроблены на отряды для разныхъ цѣлей. Французскій флотъ состоялъ изъ 44 линейныхъ кораблей подъ начальствомъ графа д'Эстрé (D'Estrées); онъ долженъ былъ соединиться съ англійскимъ флотомъ, состоявшимъ изъ 50-ти линейныхъ кораблей подъ начальствомъ герцога іоркскаго.

Столь превосходнымъ силамъ, угрожавшимъ ей съ сухаго пути и моря, Голландія могла противупоставить не болѣе 25,000 наемныхъ, вербованныхъ войскъ; но флотъ ея состоялъ изъ 91 линейнаго корабля и находился подъ начальствомъ искуснаго и опытнаго адмирала Руйтера. Въ этомъ грозномъ флотѣ, въ мѣстности ея края, пересѣченной плотинами, и въ высокихъ личныхъ дарованіяхъ Іоанна де-Витте заключалась надежда ея на спасеніе. Іоаннъ де-Витте умѣлъ вѣрно оцѣнить взаимное положеніе Голландіи и Франціи, и изъ учрежденія французами магазиновъ въ Боннѣ, Нуйсѣ и Кайзерсвертѣ угадавъ истинныя намѣренія ихъ, благоразумно предлагалъ генеральнымъ штатамъ предупредить вторженіе французовъ въ Голландію, вторженіемъ съ своей стороны во владѣнія курфирста кёльнскаго и епископа мюнстерскаго и внезапнымъ нападеніемъ на находившіеся въ нихъ французскіе: войска и магазины. Но происки завистниковъ и враговъ Іоанна де-Витте были причинами, что генеральные штаты отвергли благоразумный планъ его, подъ предлогомъ необъявленія еще Франціею войны.

§ 35.

Общій ходъ второй нидерландской войны.

Весною 1672 года Франція и ея союзники произвели, на твердой землѣ и на морѣ, общее нападеніе на Голландію. Главная французская армія, подъ личнымъ предводительствомъ короля и подъ нимъ Тюренна, перейдя черезъ Рейнъ при Тольгуйсѣ и черезъ Иссель при впаденіи его въ Рейнъ, вторгнулась съ восточной стороны въ Голландію и двинулась по направленію къ Амстердаму. Отряды ея доходили уже до Муйдена, въ 4-хъ миляхъ отъ Амстердама. Гибель республики на сухомъ пути казалась неизбѣжною, но на морѣ Руйтеръ довольно удачно сразился съ соединеннымъ французско-англійскимъ флотомъ при Сольбаѣ (Solbay). Въ это время въ Гаагѣ произошло народное возмущеніе: Іоаннъ де-Витте сдѣлался жертвою несправедливыхъ подозрѣній и неудовольствія народа, и штатгалтеромъ былъ провозглашенъ 22-хъ-лѣтній принцъ Вильгельмъ оранскій. Вступивъ немедленно въ переговоры почти со всѣми государствами западной Европы, онъ употребилъ все свое политическое искуство, всѣ свои усилія къ составленію сильнаго союза противъ Людовика XIV. Но безъ важныхъ военныхъ ошибокъ послѣдняго, все искуство и всѣ усилія принца оранскаго не въ состояніи были бы спасти Голландію. Людовикъ XIV не послѣдовалъ совѣтамъ Тюренна или, лучше сказать, сдѣлалъ именно то, чего Тюреннъ совѣтовалъ избѣгать. Онъ раздробилъ свою армію на пространствѣ всего края, такъ что различныя части оной почти повсюду были весьма слабы. Это раздробленіе имѣло цѣлью взятіе и занятіе крѣпостей. Война получила характеръ медленный и нерѣшительный, и принцъ оранскій, прорвавъ плотины, остановилъ дальнѣйшее движеніе французовъ, котораго они не могли продолжать даже и зимою, по причинѣ постоянной оттепели. Между тѣмъ переговоры, веденные принцомъ оранскимъ, равно дѣйствительная опасность, угрожавшая и Голландіи, и политическому равновѣсію Европы, побудили Австрію и Испанію заключить союзъ съ принцомъ оранскимъ (1673 г.). Къ этому союзу вскорѣ (1674 г.) присоединились Бранденбургія, остальная Германія и Данія. Силы Голландіи возрастали въ такой же мѣрѣ, въ какой силы Людовика XIV слабѣли. Онъ лишился содѣйствія Англіи, заключившей отдѣльный миръ съ Голландіею (1674 г.), и германскихъ своихъ союзниковъ; Швеція же съ трудомъ соглашалась занимать войною курфирста бранденбургскаго. Такимъ образомъ частная война Франціи съ Голландіей превратилась въ общую войну европейскую, происходившую въ одно время въ Нидерландахъ, въ сѣверной и южной Германіи и на моряхъ. Въ 1674 году французы, очистивъ всѣ крѣпости, взятыя ими у голландцовъ, исключая Маастрихта и Граве, употребили гарнизоны ихъ для вторичнаго завоеванія Франшъ-Конте, которое и было совершено безпрепятственно въ теченіи 6-ти недѣль. Въ Нидерландахъ Конде напалъ при Сенефѣ (Senef) на принца оранскаго; но произшедшее вслѣдствіе того сраженіе осталось нерѣшенымъ, хотя обѣ стороны приписывали себѣ побѣду въ немъ. Результаты похода 1674 года были неважны: Конде воспрепятствовалъ принцу оранскому осадить кр. Уденардъ, а принцъ оранскій отнялъ у французовъ крѣпость Граве. На Рейнѣ Тюреннь, съ незначительными силами дѣйствуя противъ союзниковъ, два раза спасъ Эльзасъ; но въ 1675 году, совершивъ искуснѣйшій походъ свой противъ Монтекукули, былъ убитъ при Засбахѣ. Должно полагать, что еслибы онъ имѣлъ болѣе войскъ и не былъ въ такой степени связанъ въ своихъ дѣйствіяхъ зависимостью отъ Людовика XIV и Лувуа, то могъ бы дать войнѣ въ Германіи рѣшительный оборотъ. По смерти Тюренна, мѣсто его заступилъ Конде, вскорѣ однако же, по болѣзненному состоянію, удалившійся изъ арміи. Въ томъ же году и Монтекукули, считая недостойнымъ себя состязаться съ второстепенными французскими генералами, сложилъ съ себя начальствованіе надъ императорскою арміею. Съ этого времени дѣйствія въ Германіи сдѣлались неважными. Въ сѣверной Германіи шведы вторглись (въ 1675 г.) въ Бранденбургію, но были разбиты курфирстомъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ Великимъ при Фербеллинѣ. Затѣмъ Данія и Германія объявили войну Швеціи. Главныя же военныя дѣйствія, по смерти Тюренна, происходили снова въ Нидерландахъ, гдѣ французы, взявъ постепенно многія крѣпости, приблизились въ 1678 г. къ самой границѣ Голландіи. На морѣ Дюкенъ (Duquesne), посланный на помощь возмутившейся Мессинѣ, разбилъ, въ морскомъ сраженіи близъ горы Этны, союзный флотъ, предводительствуемый Руйтеромъ, который самъ погибъ въ бою; вслѣдъ затѣмъ (въ 1677 г.) Дюкенъ совершенно истребилъ союзный флотъ. Наконецъ истощеніе обѣихъ воюющихъ сторонъ принудило ихъ открыть переговоры о мирѣ. Не

смотря на всѣ усилія принца оранскаго, Франція успѣла заключить съ Голландіей въ Нимвегенѣ отдѣльный миръ, къ которому вскорѣ (1679 г.) приступили и другія государства. Нимвегенскій миръ, предписанный Европѣ Франціей, снова усилилъ послѣднюю присоединеніемъ къ ней отъ Испаніи—Франшъ-Конте́ и 12-ти крѣпостей на нидерландской границѣ, а на Рейнѣ—Фрейбурга въ замѣну Филипсбурга. Данія и Бранденбургія должны были возвратить Швеціи завоеванныя у нея земли. Голландія же не потеряла ничего, и цѣль войны, предпринятой противъ нея Людовикомъ XIV, не была достигнута имъ.

Изъ всѣхъ военныхъ дѣйствій 2-й нидерландской войны наиболѣе вниманія заслуживаютъ 4 послѣдніе похода Тюреня.

§ 36.

Четыре послѣдніе похода Тюреня.—Походъ 1672 года въ Голландіи и на нижнемъ Рейнѣ.

Сходно съ планомъ дѣйствій, предложеннымъ Тюреннемъ, главная французская армія весною 1672 года перешла въ Фисегѣ (Vieseg) черезъ Маасъ и двинулась къ нижнему Рейну. Крѣпости: Орсои (Orsoy), Везель, Реесъ, Эммерихъ и другіе пункты по нижнему Рейну были безъ труда заняты французскими войсками. Укрѣпленія ихъ находились въ неисправности, слабые гарнизоны ихъ были принуждаемы жителями, изъ опасенія осады, къ сдачѣ, а коменданты ихъ—большею частью подкупаемы французами. Затѣмъ Тюреннь совершилъ съ главною французскою арміею, въ виду непріятеля, смѣлый переходъ черезъ Рейнъ при Толгуйсѣ (Tolhuys) и, пользуясь нравственнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ этимъ переходомъ и вообще первоначальными успѣхами французской арміи—на голландцовъ, направился прямо къ Аргейму, близъ котораго, за рѣкою Исселемъ, расположенъ былъ принцъ оранскій съ голландскою арміею. Тюреннь имѣлъ въ виду близъ Аргейма перейдти черезъ Иссель и направиться въ тылъ принцу оранскому, въ случаѣ, еслибы онъ продолжалъ оставаться за Исселемъ. Но принцъ оранскій отступилъ къ Утрехту, а Тюреннь, перейдя черезъ Иссель, взялъ Аргеймъ и совѣтовалъ Людовику XIV идти совокупными силами прямо къ Амстердаму, путь къ которому былъ совершенно открытъ. Но Людовикъ XIV и Лувуа предпочли раздробить армію и предпринять осады крѣпостей: Нимвегена, Дёсбурга, Граве, Кревкёра и др. Къ Амстердаму же отправлены были только 4,000 чел. конницы подъ начальствомъ маркиза Рошфора. Послѣдній дошелъ до Наардена и взялъ этотъ городъ, но потерялъ нѣсколько дней въ безполезныхъ переговорахъ и не умѣлъ воспользоваться оплошностью голландцевъ, занявшихъ весьма слабыми отрядами два важные пункта въ одномъ только переходѣ отъ Амстердама—Вееспъ и Муйденъ. Послѣдній былъ въ особенности важенъ тѣмъ, что въ немъ находился главный шлюзъ, снабжавшій Амстердамъ водою и посредствомъ котораго можно было наводнить всю страну къ сѣверу отъ Утрехта. Дѣйствительно, коль скоро французскіе отряды приблизились къ Муйдену, принцъ оранскій, открытіемъ шлюзовъ и прорваніемъ плотинъ, наводнилъ страну и расположилъ свою армію (13,000 войскъ) на главнѣйшихъ плотинахъ, которыя вели къ Амстердаму. Дальнѣйшія дѣйствія противъ Амстердама сдѣлались до наступленія зимы невозможными. Тюреннь совѣтовалъ королю предупредить Испанію, занять Нидерланды и послать французскую армію въ Германію, для удержанія тѣхъ владѣтелей ея, которые готовились подать помощь Голландіи. Но Людовикъ XIV и Лувуа не согласились на это: герцогъ Люксамбургъ былъ оставленъ съ 16,000 войскъ, для наблюденія за принцомъ оранскимъ, въ окрестностяхъ Утрехта (сдавшагося со многими другими городами французамъ), а Тюренню съ 12,000 войскъ назначено было расположиться за рр. Маасомъ и Вааломъ, для наблюденія за курфирстомъ бранденбургскимъ, который готовился идти на помощь голландцамъ. Странно можетъ показаться, что Тюренню, для исполненія такого важнаго назначенія ввѣрено было такъ мало войскъ. Но это объясняется съ одной стороны тѣмъ, что французская армія, состоявшая при открытіи похода изъ 100,000 войскъ, была крайне ослаблена осадами и занятіемъ крѣпостей, а съ другой стороны тѣмъ, что Лувуа, изъ тайной зависти къ Тюренню, не хотѣлъ ввѣрять его начальствованію значительнаго числа войскъ.

Въ началѣ похода 1672 года въ Голландіи обѣ стороны дѣйствовали самымъ страннымъ образомъ. Лувуа обратилъ все свое вниманіе и главныя силы арміи на осады и взятіе крѣпостей, раздробилъ армію, для дѣйствій въ полѣ оставилъ самыя незначительныя силы, и 30,000 голландскихъ войскъ, составлявшихъ гарнизоны взятыхъ французами крѣпостей, отпустилъ за сумму 60,000 талеровъ, чѣмъ избавилъ голландцовъ труда

вербовать новую армію. Принцъ оранскій же, за исключеніемъ прорванія плотинъ, предшествовавшими этому дѣйствіями своими не только не препятствовалъ, но даже какъ бы способствовалъ успѣхамъ французовъ.

Въ августѣ 24-хъ-тысячная бранденбургская армія подъ личнымъ предводительствомъ курфирста и 19-ти тысячная императорская армія подъ начальствомъ графа Монтекукули двинулись на помощь голландцамъ, первая—изъ Галберштадта къ Гильдесгейму, послѣдняя—изъ Богеміи къ Эрфурту. По соединеніи ихъ предположено было перевести ихъ черезъ Рейнъ и, дѣйствуя въ тылъ Люксамбургу, отрѣзать его отъ Франціи, либо принудить его къ отступленію изъ Голландіи. Такимъ образомъ на Тюреннѣ съ его 12-ю тысячами войскъ лежала важная и трудная обязанность удерживать на Рейнѣ 43,000 союзныхъ войскъ. Слабость своихъ силъ онъ рѣшился вознаградить смѣлостью и рѣшительностью своихъ дѣйствій. Вѣрно и безошибочно основалъ онъ свои соображенія на извѣстныхъ ему характерѣ и намѣреніяхъ своихъ противниковъ. Онъ зналъ, что союзники не имѣли намѣренія вторгнуться въ Эльзасъ и все вниманіе свое обратятъ на Голландію, предвидѣлъ, что между ними возродятся несогласія, что въ дѣйствіяхъ ихъ не будетъ ни единства, ни рѣшительности—и не ошибся. Дѣйствительно, императоръ, озабоченный безпокойствами въ Венгріи и успѣхами турокъ въ Польшѣ, не имѣлъ намѣренія дѣйствовать противъ Франціи рѣшительно и даже приказалъ графу Монтекукули противиться рѣшительнымъ дѣйствіямъ курфирста и всячески замедлять его предпріятія.

И такъ Тюреннь предположилъ, не ограничиваясь непосредственною оборонною лѣваго берега Рейна, перейдти на правый, двинуться прямо на встрѣчу союзникамъ, предупредить ихъ смѣлыми и рѣшительными наступательными дѣйствіями и тѣмъ принудить ихъ дѣйствовать оборонительно, сообразуясь съ его дѣйствіями, и наконецъ отказаться отъ своего намѣренія. Этотъ смѣлый планъ дѣйствій Тюренна весьма замѣчателенъ, какъ потому, что былъ совершенно противуположенъ свойственному этому времени нерѣшительному, робкому образу дѣйствій, такъ и потому, что Тюреннь былъ почти втрое слабѣе союзниковъ.

Занявъ Везель, Реесъ и Эммерихъ и усиливъ свою армію гарнизонами до числа 17,000 войскъ, Тюреннь двинулся отъ Везеля вдоль по р. Липпе въ Вестфалію. Союзники, слѣдовавшіе туда же съ тѣмъ, чтобы принудить курфирста кёльнскаго и епископа мюнстерскаго возвратить голландцамъ завоеванные у нихъ земли и отложиться отъ союза съ Людовикомъ XIV, перемѣнили намѣреніе, коль скоро узнали о движеніи противъ нихъ Тюренна и направились болѣе къ югу—къ Фульдѣ. Тюреннь, не выпуская ихъ изъ виду, двинулся вверхъ по правому берегу Рейна къ Кобленцу и тѣмъ принудилъ ихъ направиться еще болѣе къ югу—къ Майну. Такимъ образомъ союзники могли приблизиться къ Рейну тогда только, когда перешли близъ Франкфурта черезъ Майнъ и когда Людовикъ XIV, опасаясь за Эльзасъ, приказалъ Тюренню возвратиться на лѣвый берегъ Рейна и отправилъ туда же Конде съ 7—8,000 войскъ. Для облегченія союзникамъ перехода черезъ Рейнъ, принцъ оранскій съ своей стороны произвелъ съ 12,000 войскъ ложное движеніе къ Рейну, но дѣйствовалъ медленно и нерѣшительно, и предпріятіе его ограничилось взятіемъ неважнаго замка Фокемона и неудачною осадою кр. Шарлеруа, передъ которою онъ не успѣлъ даже открыть траншей. Союзники же, послѣ неудачнаго покушенія перейти черезъ Рейнъ въ Майнцѣ и потомъ въ Страсбургѣ, хотя и успѣли наконецъ перейти близъ Майнца по построенному ими мосту, но Тюреннь, перешедшій уже, по приказанію Людовика XIV, на лѣвую сторону Рейна, вскорѣ, вмѣстѣ съ Конде, принудилъ ихъ возвратиться на правую его сторону. Наступившая зима, открывшіяся въ союзныхъ войскахъ болѣзни и безпорядки, равно недостатокъ въ продовольствіи и постоянныя между союзниками несогласія принудили ихъ отступить (въ январѣ 1673-го года), къ Липштадту въ Вестфаліи. Слѣдуя туда дальними обходами (для миованія неутральныхъ гессенскихъ владѣній), союзники потеряли около $^1/_3$ своихъ войскъ, хотя французы вовсе не преслѣдовали ихъ.

Расположеніе союзниковъ при Липштадтѣ доставляло имъ возможность двинуться черезъ р. Иссель въ Голландію. Тюреннь рѣшился предупредить ихъ и воспрепятствовать имъ въ томъ. Лувуа запретилъ ему переходить черезъ Рейнъ и дѣйствовать зимою; но Тюреннь, съ разрѣшенія самаго короля, перешелъ въ Везелѣ черезъ Рейнъ и съ 16 т. войскъ двинулся къ Липштадту. Разстройство союзныхъ войскъ, особенно несогласія между союзниками, были причинами, что послѣдніе отступили изъ Вестфаліи въ различныя стороны. Императорскія войска пошли въ Богемію, а курфирстъ бранденбургскій двинулся сначала къ Миндену, намѣреваясь провести зиму въ Брауншвейгѣ. Но получивъ отъ герцоговъ брауншвейгскихъ и другихъ владѣтелей отказъ въ этомъ, онъ отступилъ въ Бранденбургію и, недовольный дѣйствіями императора и его войскъ, заключилъ съ Людовикомъ XIV отдѣльный миръ.

Такимъ образомъ Тюреннь, искусно воспользовавшись несогласіями между союзниками, однимъ маневрированіемъ очистилъ отъ послѣднихъ всю правую сторону ниж-

няго Рейна и принудилъ ихъ отказаться отъ намѣренія своего—подать помощь голландцамъ, слѣдствіемъ чего было обратное отступленіе ихъ въ Бранденбургію и Богемію и заключеніе курфирстомъ бранденбургскимъ отдѣльнаго мира.

§ 37.

Походъ 1673-го года.—Дѣйствія Тюренна и Монтекукули на Майнѣ и Рейнѣ.

Весною 1673-го года императоръ объявилъ войну Франціи. 30 т. императорскихъ войскъ подъ начальствомъ Монтекукули должны были изъ Богеміи двинуться къ нижнему Рейну, перейти черезъ него и въ Боннѣ соединиться съ голландскою арміею принца оранскаго, которая, перейдя черезъ Маасъ, имѣла прибыть туда изъ Голландіи. Тюреннь хотѣлъ двинуться прямо къ богемскимъ горамъ, чтобы препятствовать выходу императорской арміи изъ нихъ. Но Лувуа не согласился на это и, опасаясь за Эльзасъ, назначилъ Тюренню утвердиться на лѣвомъ берегу Рейна, прикрывать и оборонять Эльзасъ и въ тоже время препятствовать соединенію императорской арміи съ голландскою — двѣ цѣли дѣйствій, нимало одна съ другою несовмѣстныя, тѣмъ болѣе, что у Тюренна было всего 23 т. войскъ. Тюреннь просилъ у Людовика XIV позволенія дѣйствовать оборонительно по крайней мѣрѣ на правой сторонѣ Рейна и Майна. Ему разрѣшено было перейти на правую сторону Рейна, но съ тѣмъ, чтобъ онъ дѣйствовалъ на обѣихъ сторонахъ Майна, всячески щадя притомъ неутральныя владѣнія и не позволяя себѣ въ нихъ никакихъ самовольныхъ дѣйствій, дабы тѣмъ не вооружить противъ Франціи этихъ владѣній. Такъ связанъ былъ въ своихъ дѣйствіяхъ Тюреннь, съ малочисленною арміею долженствовавшій прикрывать обширное пространство края и съ одной стороны защищать Эльзасъ, а съ другой препятствовать соединенію двухъ противныхъ армій!

Выступивъ изъ богемскихъ горъ, Монтекукули не пошелъ по прямому направленію къ Бонну, но, чтобы ввести Тюренна въ заблужденіе, направился сперва къ Нюрнбергу, подавая видъ, будто идетъ въ Эльзасъ. Тогда Тюренню приказано было немедленно перейти на лѣвую сторону Майна. Неутральные владѣтели земель по Майну, склонявшіеся болѣе на сторону императора, нежели французовъ, не соглашались передать Тюренню мостовъ въ Ашафенбургѣ и Вюрцбургѣ. Слѣдуя даннымъ ему приказаніямъ, Тюреннь не могъ принудить ихъ къ тому силою и долженъ былъ прибѣгнуть къ переговорамъ. Неуспѣшность ихъ принудила его строить мостъ черезъ Майнъ въ Зеелигенштадтѣ. Вскорѣ однако епископъ вюрцбургскій обѣщалъ соблюдать строгій нейтралитетъ, а комендантъ Ашафенбурга передалъ французамъ мостъ, находившійся въ этомъ городѣ. Все это задержало Тюренна довольно долго, такъ что когда онъ перешелъ наконецъ въ Ашафенбургѣ черезъ Майнъ, Монтекукули шелъ уже отъ Нюрнберга къ этой рѣкѣ. Занявъ нѣсколько пунктовъ на р. Тауберъ и учредивъ въ нихъ свои магазины, Тюреннь двинулся на встрѣчу Монтекукули. Обѣ арміи почти въ одно время прибыли къ Ротенбургу. Тюренъ хотѣлъ вступить здѣсь съ противникомъ своимъ въ бой и началъ уже строить свои войска въ боевой порядокъ. Но Монтекукули, главною цѣлью котораго было соединеніе съ принцомъ оранскимъ, искусно уклонился отъ боя, предпринявъ фланговое движеніе къ Майну подъ прикрытіемъ 1-й своей линіи, построенной имъ въ боевой порядокъ противъ французской арміи. Тюреннь такого же рода фланговымъ движеніемъ влѣво поспѣшилъ также къ Майну. Во время этого движенія обѣ арміи шли параллельно и почти въ виду одна другой, что̀ можетъ показаться довольно страннымъ, если не принять въ соображеніе тогдашней неспособности войскъ и армій къ скорымъ развертыванію и переходу изъ походнаго порядка въ боевой.

Должно полагать, что Монтекукули, движеніемъ къ Ротенбургу, хотѣлъ только отвлечь Тюренна отъ Майна и, пользуясь свободными для императорской арміи переправами на этой рѣкѣ, двинуться черезъ нее къ Рейну и Бонну по прямѣйшему направленію, между тѣмъ какъ французы могли идти туда не иначе, какъ по лѣвому берегу Майна путемъ дальнѣйшимъ (по причинѣ изгибовъ этой рѣки).

Прибывъ къ Майну, Монтекукули расположился въ сильной позиціи при Маркбрейтѣ, а Тюреннь—противъ него при Оксенфуртѣ. Здѣсь всѣ выгоды были на сторонѣ Монтекукули, который, имѣя возможность перейти черезъ Майнъ въ Вюрцбургѣ, Кицингенѣ и прочихъ мѣстахъ, могъ угрожать ашафенбургскому мосту и посредствомъ его, сообщеніямъ Тюренна съ нижнимъ Рейномъ. Тюреннь понималъ это очень хорошо и потому отправилъ къ Ашафенбургу $^1/_3$ своей арміи; съ остальными же войсками остался на р. Тауберъ.

Епископъ вюрцбургскій нарушилъ данное

обѣщаніе и пропустилъ императорскую армію черезъ Майнъ по мостамъ въ Вюрцбургѣ и Кинцингенѣ. Чтобы снова перейти на правую сторону Майна, Монтекукули началъ строить мостъ при Лорѣ. Еслибы Тюреннь въ это самое время напалъ на императорскую армію, то могъ бы совершенно запереть ее въ узкомъ пространствѣ, образуемомъ въ этомъ мѣстѣ изгибомъ Майна. Но онъ не произвелъ нападенія потому, что лѣсистая мѣстность въ этомъ изгибѣ Майна не представляла ни одной удобной для боя позиціи, и можетъ быть также и потому, что, послѣ отправленія $^1/_3$ арміи къ Ашафенбургу, онъ находилъ себя не довольно сильнымъ для нападенія на императорскую армію.

Переправясь въ Лорѣ, Монтекукули сталъ угрожать Ашафенбургу, потомъ показалъ видъ, будто намѣренъ идти къ Триру, и наконецъ, переправясь черезъ Рейнъ въ Кобленцѣ, быстро стѣдовалъ къ Бонну. Тюреннь же, видя невозможность воспрепятствовать соединенію его съ голландскою арміею и по слабости своихъ силъ не рѣшаясь слѣдовать за нимъ, отступилъ къ Филипсбургу.

Такъ какъ край здѣсь былъ неутральный и магазиновъ въ немъ для французской арміи заготовлено не было, то Тюреннь и былъ принужденъ остановиться для пріобрѣтенія продовольственныхъ способовъ посредствомъ закупокъ. По причинѣ медленности такого способа продовольствованія и недостатка сверхъ того въ денежныхъ средствахъ, 20-ти-тысячная французская армія была задержана въ своихъ дѣйствіяхъ и, не смотря на то, что находилась въ богатомъ краю, терпѣла крайній недостатокъ въ продовольствіи. Недостатокъ въ немъ увеличился еще съ переходомъ арміи на лѣвый берегъ Рейна, на которомъ Тюреннь не нашелъ обѣщанныхъ министромъ Лувуа магазиновъ. Эти причины, равно какъ и дурныя дороги, значительно задержали французскую армію и не позволяли ей во-время прибыть въ Нидерланды. А между тѣмъ Испанія объявила войну Франціи, 30-ти-тысячная голландско-испанская армія подъ начальствомъ принца оранскаго соединилась при Боннѣ съ арміею Монтекукули, осадила и взяла вмѣстѣ съ нею Боннъ и наконецъ заняла весь край между Маасомъ и Рейномъ, чему 12-ти-тысячная армія Конде́ не могла воспрепятствовать. Тогда Людовикъ XIV, видя, что армія его, находившаяся въ Голландіи, была, вслѣдствіе объявленія войны Испаніею, отрѣзана отъ Франціи и что взятіе Амстердама сдѣлалось уже совершенно невозможнымъ, приказалъ Люксамбургу оставить гарнизоны только въ важнѣйшихъ крѣпостяхъ, а съ остальными войсками присоединиться къ арміи Конде́. Союзники тщетно старались воспрепятствовать этому и Люксамбургъ успѣлъ удачно соединиться съ Конде́.

Въ Нидерландахъ въ этомъ году не произошло ничего важнаго и замѣчательнаго, исключая развѣ того, что французы въ самомъ началѣ похода взяли крѣпость Маастрихтъ.

Вообще результаты похода 1673 года были невыгодны для франнузовъ и весьма выгодны для союзниковъ. Первые были принуждены очистить Голландію, а послѣдніе сосредоточили на лѣвой сторонѣ Рейна превосходныя силы, взяли Боннъ и заняли страну между Маасомъ и Рейномъ. Союзники Людовика XIV: курфирстъ кёльнскій и епископъ мюнстерскій перешли на сторону его противниковъ, а король англійскій былъ принужденъ заключить миръ съ Голландіей, потому что парламентъ отказалъ ему въ денежныхъ средствахъ для веденія войны.

Этотъ походъ замѣчателенъ во 1-хъ тѣмъ, что въ немъ не произошло ни одного сраженія, хотя бой и могъ произойти нѣсколько разъ, какъ напр. при Ротенбургѣ, при Лорѣ и проч.,—и во 2-хъ тѣмъ, что обѣ стороны старались достигнуть своихъ цѣлей однимъ маневрированіемъ. И если союзники достигли своей цѣли вполнѣ, Тюреннь же напротивъ—не могъ достигнуть той, которая была ему предназначена, то это должно отнести единственно къ обстоятельствамъ, вполнѣ благопріятствовавшимъ союзникамъ и неблагопріятствовавшимъ Тюренню. Связанный во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и для исполненія труднаго назначенія имѣя силы и средства весьма недостаточныя, Тюреннь сдѣлалъ все, что только отъ него зависѣло и было ему возможно. Отступленіе же Люксамбурга изъ Голландіи убѣдительнымъ образомъ доказало справедливость мнѣнія Тюренна, совѣтовавшаго не занимать, а срывать крѣпости. Занятіе большаго числа крѣпостей не доставило обладанія страною, а только безполезно раздробило армію, такъ что для гораздо важнѣйшихъ дѣйствій въ полѣ, у Тюренна на Рейнѣ, у Конде́ между Маасомъ и Рейномъ и у Люксамбурга въ Голландіи, остались силы слабѣйшія въ сравненіи съ сосредоточившимися, превосходными силами союзниковъ.

§ 38.

Походъ 1674 года.—Оборона Тюреннемъ Эльзаса.

Въ 1674 году новые враги возстали противъ Людовика XIV. Главнымъ изъ нихъ былъ курфирстъ бранденбургскій, снова присоединившійся къ императору. Въ этомъ году Тюренню съ 12 т. войскъ поручено было оборонять Эльзасъ и средній Рейнъ. Онъ расположилъ свои войска близъ Цаберна (Zabern), въ которомъ учредилъ главные свои склады. Противъ него на правой сторонѣ Рейна, близъ Гейдельберга, находился 10-ти-тысячный отрядъ императорскихъ и союзныхъ войскъ подъ начальствомъ герцога лотарингскаго и Капрары. Союзники намѣревались въ этомъ мѣстѣ сосредоточить значительныя силы. Съ этою цѣлью Бурнонвиль былъ отправленъ съ подкрѣпленіями изъ Франконіи къ Неккару. Капрара двинулся къ нему на встрѣчу. Тюреннь, узнавъ объ этомъ, рѣшился разбить ихъ порознь прежде, нежели они успѣютъ соединиться, перешелъ въ Филипсбургѣ съ 9,500 челов. войскъ черезъ Рейнъ и быстро двинулся къ Гейдельбергу. Узнавъ на пути, что Капрара направился къ Вимпфену, онъ обратился вправо къ Вислоху, при Зинцгеймѣ пресѣкъ Капрарѣ путь, напалъ на него, разбилъ, принудилъ отступить и затѣмъ, возвратившись за Рейнъ, расположился близъ Нейштадта.

Сраженіе при Зинцгеймѣ замѣчательно тактическими распоряженіями Тюренна, доставившими ему побѣду, не смотря на то, что они не были согласны съ общепринятыми въ то время расположеніемъ и дѣйствіемъ войскъ въ бою. Союзники, имѣвшіе 1,500 челов. пѣхоты и 6 т. челов. конницы, были расположены за р. Эльзенсъ, на плоской возвышенности съ крутыми обрывами, впереди которой занимали тѣснину и селеніе Зинцгеймъ. Тюреннь, имѣвшій 6 т. челов. пѣхоты и 3,500 чел. конницы, перешелъ черезъ р. Эльзенсъ, взялъ Зинцгеймъ и тѣснину и затѣмъ — атаковалъ самую позицію союзниковъ, имѣя, сообразно съ мѣстностью, всю конницу — въ центрѣ, а пѣхоту, долженствовавшую всходить на высота по крутымъ обрывамъ, покрытымъ садами и виноградниками—по флангамъ. Когда французская пѣхота принудила оба крыла союзниковъ отступить, тогда французская конница произвела въ центрѣ атаку и довершила пораженіе. Такимъ образомъ Тюреннь одержалъ побѣду въ бою, расположивъ, противъ обыкновенія, конницу въ центрѣ, а пѣхоту по флангамъ, произведя не фронтальную, а фланговыя на обоихъ крылахъ атаки, и вообще искусно примѣнивъ расположеніе и дѣйствія своихъ войскъ къ мѣстности и удачно воспользовавшись ошибками своихъ противниковъ. Главнѣйшею ошибкою послѣднихъ было то, что, имѣя въ виду соединиться съ Бурнонвилемъ, они вступили въ бой, вмѣсто того, чтобы уклониться отъ него и отступить, тѣмъ болѣе, что Тюреннь не могъ долго оставаться на правой сторонѣ Рейна.

По возвращеніи за Рейнъ, Тюреннь вскорѣ усилилъ свою армію до числа 16 т. войскъ и узнавъ, что союзники соединились и, въ ожиданіи новыхъ подкрѣпленій, расположились въ сильной позиціи при Ладенбургѣ, на правомъ берегу Неккара, близъ устья этой рѣки, онъ снова перешелъ въ Филипсбургѣ черезъ Рейнъ, двинулся къ Неккару, перешелъ черезъ него въ виду 13 т. союзныхъ войскъ и принудилъ ихъ отступить за Майнъ къ Франкфурту. Это отступленіе ихъ было столь поспѣшно и произведено въ такомъ безпорядкѣ, что походило болѣе на бѣгство и стоило союзникамъ потери около 4 т. войскъ, взятыхъ въ плѣнъ. Таково было нравственное вліяніе быстрыхъ и рѣшительныхъ дѣйствій Тюренна на союзниковъ.

Получивъ приказаніе разорить нижній Пфальцъ для того, чтобы лишить союзниковъ средствъ содержать въ немъ войска свои и предпринимать изъ него дѣйствія противъ Эльзаса, Тюреннь въ точности исполнилъ его, какъ ни жестоко оно было. Онъ разорилъ въ конецъ часть нижняго Пфальца между Неккаромъ и Майномъ и узнавъ, что союзники угрожаютъ Эльзасу съ сѣвера, со стороны Нидерландовъ и Мааса, возвратился на лѣвую сторону Рейна и, имѣя не болѣе 20 т. войскъ, расположился въ сильной позиціи за рѣчкою Бридбахъ, между вогезскими горами и Рейномъ и городами: Винденомъ и Гергерсвиллеромъ (Hergersviller).

Между тѣмъ союзная армія, усилившись до числа 35 тыс. войскъ, перешла въ Майнцѣ черезъ Рейнъ и медленно двинулась къ Шпейеру. Между союзными генералами не было ни малѣйшаго согласія: каждый изъ нихъ предлагалъ свой планъ дѣйствій. Это обстоятельство, равно сильное мѣстностью расположеніе Тюренна, въ которомъ союзники не отваживались атаковать его, тѣмъ болѣе, что при этомъ имъ нужно было выставить собственный флангъ крѣпости Филипсбургу, занятой французскимъ гарнизо-

номъ, недостатокъ продовольствія и желаніе усилиться соединеніемъ съ войсками курфирста бранденбургскаго прежде, нежели вступить въ Эльзасъ—все это, вмѣстѣ взятое, было причиною, что союзники, медленно дошедши до Шпейера, не продолжали идти далѣе, а перешли по устроенному при Шпейерѣ мосту черезъ Рейнъ и правою стороною этой рѣки двинулись къ Страсбургу. Тюреннь пошелъ туда же; но жители этого вольнаго города, не смотря на нейтралитетъ, склоняясь болѣе на сторону союзниковъ, нежели французовъ, впустили первыхъ и передали имъ мостъ на Рейнѣ, отказавъ въ томъ послѣднимъ. Тогда Тюреннь расположился противъ Страсбурга за рѣчкою Суфель, а союзники, не дождавшись присоединенія войскъ курфирста бранденбургскаго, перешли въ Страсбургѣ черезъ Рейнъ и расположились въ оборонительной позиціи за рѣчкою Брейшъ (Breishbach).

Лувуа, обвиняя Тюренна въ томъ, что онъ не воспрепятствовалъ вступленію союзниковъ въ Эльзасъ, хотѣлъ, чтобы армія его отступила въ Лотарингію. Но Тюреннь успѣлъ оправдать себя передъ Людовикомъ XIV и просилъ у него позволенія дѣйствовать по собственнымъ соображеніямъ, что̀ и было ему разрѣшено. Тогда Тюреннь, имѣя въ виду, еще до прибытія войскъ курфирста бранденбургскаго, вытѣснить союзную армію изъ Эльзаса, атаковалъ ее при Энцгеймѣ. И въ этомъ сраженіи онъ употребилъ фланговую атаку, но—что весьма странно и непонятно—избралъ для атаки лѣвое крыло союзниковъ, между тѣмъ какъ правое было доступнѣе въ тактическомъ отношеніи и, атакуя его, можно было отрѣзать союзниковъ отъ Страсбурга. При этомъ Тюреннь, усиливъ свое правое крыло, ослабилъ центръ и особенно лѣвое крыло свои до такой степени, что могъ бы быть разбитъ, еслибы союзники напали рѣшительно на эти части его боеваго порядка. Но они употребили свои главныя силы на отраженіе атаки Тюренна и только слабымъ отрядомъ атаковали лѣвое крыло его, такъ что эта атака не имѣла никакого успѣха.

Такимъ образомъ сраженіе при Энцгеймѣ осталось нерѣшеннымъ и только стоило обѣимъ сторонамъ безполезной потери въ людяхъ. Обѣ арміи отступили: французская къ Цаберну, гдѣ находились ея магазины, а союзная къ Страсбургу.

Въ половинѣ октября курфирстъ бранденбургскій присоединился наконецъ къ союзникамъ, силы которыхъ возросли тогда до числа 57 т. войскъ (33 чел. пѣхоты и 24 т. чел. конницы). Но они нимало не воспользовались такимъ превосходствомъ своимъ въ силахъ: также, какъ и прежде, несогласія и раздоры раздѣляли генераловъ ихъ и дѣйствія ихъ были нерѣшительны или, лучше сказать, силы ихъ оставались въ совершенномъ бездѣйствіи. Тюреннь, также получившій между тѣмъ подкрѣпленія, умѣлъ воспользоваться несогласіями и нерѣшительностью своихъ противниковъ и, наконецъ, однимъ только ложнымъ наступательнымъ движеніемъ противъ послѣднихъ принудилъ ихъ отступить къ Страсбургу. Не довольствуясь однако этимъ, онъ хотѣлъ совершенно вытѣснить ихъ изъ Эльзаса и получилъ отъ короля позволеніе исполнить составленный имъ съ этою цѣлью планъ зимнихъ дѣйствій. Прежде, нежели приступить къ тому, онъ старался привести союзниковъ въ заблужденіе и оплошность, и расположилъ для этого войска свои на зимнихъ квартирахъ между Цаберномъ и Гагенау, показывая тѣмъ видъ, будто съ его стороны дѣйствія въ этомъ году прекратились совершенно. Коль же скоро и союзники также расположили свои войска на зимнихъ квартирахъ, на обширномъ пространствѣ отъ Бенфельдена до Бефорта, между вогезскими горами и Рейномъ, тогда (въ декабрѣ) Тюреннь скрытно перевелъ главныя свои силы черезъ горы и по западному скату послѣднихъ двинулся на югъ къ Ремпремону. Здѣсь онъ остановился, какъ въ ожиданіи пѣхоты, отставшей по причинѣ дурныхъ дорогъ, такъ и для сбора продовольствія. Но узнавъ, что союзники, встревоженные его движеніями, начали стѣснять свои квартиры и собирать свои войска, онъ отправилъ къ проходамъ, ведшимъ чрезъ горы съ запада въ Эльзасъ, нѣсколько отрядовъ, для того, чтобы скрыть настоящее направленіе своего движенія и привести союзниковъ въ большее заблужденіе, а самъ съ главными силами двинулся далѣе къ Бефорту, перешелъ черезъ горы и вышелъ на лѣвый флангъ квартирнаго расположенія союзниковъ. Въ Бефортѣ онъ остановился для сбора продовольствія и открылъ сильную пушечную пальбу, для того (какъ онъ объяснялъ), чтобы изъ движеній непріятеля заключить, гдѣ онъ будетъ сосредоточивать свои силы. Узнавъ же, что войска непріятельскаго лѣваго фланга собирались близъ Алткирхена и Кольмара и что войска, собиравшіяся при Алткирхенѣ, должны были присоединиться къ тѣмъ, которыя собирались при Кольмарѣ, онъ рѣшился отрѣзать первыя отъ послѣднихъ и двинулся прямо къ Мюльгаузену, для большей быстроты—съ одною конницею, за которою должна была слѣдовать и пѣхота. Онъ не успѣлъ однако предупредить непріятельскія войска при Мюльгаузенѣ, ни даже отрѣзать ихъ обозовъ, и опрокинувъ только часть ихъ конницы, двинулся далѣе къ Кольмару, гдѣ нашелъ уже главныя силы союзниковъ сосредоточенными и расположенными на позиціи, прикрытой съ фронта рѣчкою Фехтъ и усиленной укрѣпленіями. Лѣвый флангъ союзниковъ примыкалъ къ Кольмару, впе-

реди праваго ихъ крыла находилась пизменная, пересѣченная мѣстность, неудобная для дѣйствій, а въ 1½ верстѣ отъ оконечности праваго фланга, на протокѣ рѣчки Фёхтъ, лежало селеніе Тюркгеймъ, незанятое союзными войсками. Удостовѣрившись, что позиція союзниковъ неудободоступна съ фронта, Тюреннь построилъ противъ нея въ боевой порядокъ, внѣ пушечнаго выстрѣла, часть своихъ войскъ, а съ остальною частію ихъ (15 т. чел. пѣхоты и нѣсколькими конными полками и орудіями) двинулся скрытно за высотами по дорогамъ, которыя считались неудобопроходимыми, къ Тюркгейму, занялъ это селеніе и расположился такимъ образомъ на правомъ флангѣ союзниковъ. Послѣдніе отправили резервъ для взятія Тюркгейма; но резервъ этотъ былъ опрокинутъ Тюреннемъ, который однако не продолжалъ далѣе своихъ дѣйствій; ночью же союзники отступили, не смотря на то, что уронъ ихъ былъ незначительный. Прибывъ къ Страсбургу, они, по причинѣ близости французскихъ войскъ, перешли на правую сторону Рейна и расположились на ней на зимнихъ квартирахъ.

Такимъ образомъ цѣль зимнихъ дѣйствій Тюренна въ походѣ 1674 года—изгнаніе союзниковъ изъ Эльзаса—была достигнута имъ вполнѣ и, по понятіямъ того времени, искуснымъ и блистательнымъ образомъ, посредствомъ одного маневрированія. За всѣмъ тѣмъ, многое въ этихъ дѣйствіяхъ кажется страннымъ, непонятнымъ и не совсѣмъ согласнымъ какъ съ несомнѣннымъ искуствомъ Тюренна, такъ и съ свойственнымъ ему образомъ дѣйствій. Странно кажется, что для изгнанія союзниковъ изъ Эльзаса онъ двинулся дальнимъ обходомъ на югъ къ Бефорту, два раза останавливался для сбора продовольствія, шелъ довольно медленно, въ Бефортѣ остановился и открылъ пушечную пальбу (какъ бы для того именно, чтобъ извѣстить непріятеля о своемъ прибытіи), вышелъ на оконечность лѣваго фланга квартирнаго расположенія союзниковъ, не успѣлъ отрѣзать непріятельскихъ войскъ при Мюльгаузенѣ, наконецъ, занявъ Тюркгеймъ, прекратилъ свои дѣйствія. Вмѣсто дальняго движенія на югъ для того, чтобы выйти на лѣвый флангъ союзниковъ и, тѣсня ихъ центру, принуждать ихъ болѣе сосредоточивать свои силы, Тюренню, расположенному около Цаберна, гораздо удобнѣе и выгоднѣе было, перейдя на западную сторону горъ, снова перейти на ихъ восточную сторону не съ юга, а съ запада, такъ чтобы напасть прямо на центръ растянутаго и раздробленнаго квартирнаго расположенія союзниковъ. Такъ какъ весь успѣхъ такого рода предпріятія зависѣлъ отъ быстроты и рѣшительности въ исполненіи его, то Тюренню слѣдовало, нигдѣ не останавливаясь, разбивать отдѣльно раздробленныя части непріятельскихъ войскъ, совершенно разсѣять ихъ, прорвать центръ союзниковъ, отдѣлить тѣмъ оба крыла ихъ одно отъ другаго и затѣмъ, по усмотрѣнію, либо довершить пораженіе союзниковъ, либо принудить ихъ къ отступленію въ различныя стороны. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, дѣйствуя такимъ образомъ, Тюреннь изгналъ бы союзниковъ изъ Эльзаса несравненно блистательнѣйшимъ и притомъ выгоднѣйшимъ образомъ въ томъ отношеніи, что нанесъ бы имъ значительный вредъ и даже совершенное пораженіе, и лишилъ бы ихъ и возможности, и охоты къ дальнѣйшимъ предпріятіямъ противъ Эльзаса.

Подобно тому, какъ не совсѣмъ правильно избраны были Тюреннемъ направленіе движенія и пунктъ нападенія его на квартирное расположеніе союзниковъ, такъ и въ сраженіи при Энцгеймѣ ошибочно избранъ былъ имъ пунктъ главной атаки, а въ сраженіи при Тюркгеймѣ—столь же ошибочно, кажется, прекращены были имъ дальнѣйшія дѣйствія по занятіи селенія Тюркгейма.

За всѣмъ тѣмъ, вообще говоря, результатъ похода 1674 года былъ самый выгодный и блистательный для французовъ, и послѣдніе были обязаны имъ не столько несогласіямъ и ошибкамъ союзниковъ, сколько искуству, съ которымъ Тюреннь умѣлъ воспользоваться ими для достиженія своей цѣли.

§ 39.

Походъ 1675 года.—Дѣйствія Тюренна и Монтекукули на Рейнѣ при Страсбургѣ.

Убѣдившись во вредныхъ послѣдствіяхъ несогласій между генералами, начальствовавшими войсками союзныхъ армій, императоръ назначилъ для дѣйствій въ этомъ году на Рейнѣ 26 т. однихъ собственныхъ войскъ (12 т. чел. пѣхоты и 14 т. чел. конницы) подъ начальствомъ Монтекукули. Послѣдній положилъ предупредить французовъ открытіемъ военныхъ дѣйствій и безпрепятственно перейти черезъ Рейнъ въ Страсбургѣ, въ которомъ еще съ предъидущаго года находились магазины, принадлежавшіе императорскимъ войскамъ, и жители котораго были расположены въ пользу императора. Перейдя черезъ Рейнъ, Монтекукули хотѣлъ вторгнуться въ нижній Эльзасъ. Тю-

ренн же долженъ былъ всячески тому препятствовать. Такимъ образомъ Страсбургъ въ этомъ походѣ, былъ для обѣихъ сторонъ главнымъ предметомъ дѣйствій на среднемъ Рейнѣ. Сколь ни ничтожною кажется цѣль дѣйствій, предположенная съ обѣихъ сторонъ, но достиженіе оной Тюреннемъ было гораздо труднѣе, потому что онъ былъ слабѣе въ силахъ, имѣя только 22 т. войскъ (12 т. чел. пѣхоты и 10 т. чел. конницы), и потому что жители Страсбурга, какъ уже сказано, были расположены въ пользу императора. Не смотря на то, Тюреннь вполнѣ достигнулъ своей цѣли—однимъ маневрированіемъ, безъ боя, и этотъ походъ единогласно признанъ искуснѣйшимъ изъ всѣхъ его походовъ.

Еще до открытія его, Тюреннь намѣревался перейти на правую сторону Рейна, для того во 1-хъ чтобы не стѣснять себя непосредственною обороною лѣваго берега Рейна, во 2-хъ чтобы расположеніемъ французской арміи близь Страсбурга удерживать жителей послѣдняго и сосѣднихъ германскихъ владѣтелей отъ нарушенія неутралитета, и въ 3-хъ чтобы содержать свою армію средствами непріятельскаго края. Между тѣмъ въ маѣ Монтекукули прибылъ въ Вильштедтъ. Тогда Тюреннь подступилъ къ Страсбургу и грозилъ разрушить городъ бомбардированіемъ, если жители нарушатъ неутралитетъ и впустятъ императорскія войска. Чтобы отвлечь его отъ Страсбурга, Монтекукули оставилъ 6 т. войскъ близь этого города, съ приказаніемъ занять оный, коль скоро французы удалятся отъ него, а самъ съ главными силами двинулся къ Филипсбургу. Но Тюреннь проникнулъ его намѣреніе и, не смотря на открытіе имъ осады Филипсбурга, ни на переходъ его въ Шпейерѣ черезъ Рейнъ и ложныя приготовленія его къ осадѣ Ландау, Цаберна и Гагенау, не только не пошелъ вслѣдъ за нимъ, но, пользуясь удаленіемъ его, даже построилъ въ Оттенгеймѣ (въ 40 верстахъ выше Страсбурга) мостъ, перешелъ по немъ черезъ Рейнъ, овладѣлъ укрѣпленнымъ городомъ Вильштедтомъ и расположилъ свою армію между рр. Кинцигъ и Шуттеръ, лѣвымъ флангомъ къ Вильштедту. Этимъ расположеніемъ онъ прикрывалъ Страсбургъ и угрожалъ непріятельскимъ магазинамъ въ Оффенбургѣ. Послѣднее обстоятельство въ особенности принудило Монтекукули чрезъ Лихтенау и Урлофъ поспѣшить къ Оффенбургу. Тюреннь, для обезпеченія сообщеній своихъ съ лѣвою стороною Рейна, отправилъ 8 баталіоновъ и 34 эскадрона къ Алтенгейму, занялъ частію войскъ мостъ въ Оттенгеймѣ, а самъ съ главными силами остался въ Вильштедтѣ. Такимъ образомъ французская армія была растянута на протяженіи около 30 верстъ, противъ непріятеля, находившагося отъ Оттенгеймскаго моста ближе, нежели собственный ея лѣвый флангъ, бывшій въ Вильштедтѣ. Монтекукули хотѣлъ воспользоваться этимъ и двинулся къ Оттенгейму. Еслибы онъ шелъ и дѣйствовалъ съ быстротою и рѣшительностью, то армія Тюренна могла бы быть приведена въ крайне-затруднительное положеніе. Но онъ шелъ очень медленно, прибывъ къ р. Шуттеръ довольно рано передъ вечеромъ, не атаковалъ находившагося тамъ французскаго отряда, а остановился для ночлега. А между тѣмъ Тюреннь успѣлъ измѣнить ошибочное расположеніе своей арміи: часть силъ своихъ онъ оставилъ близь Страсбурга, а главныя силы сосредоточилъ около Алтенгейма, куда на другой день былъ переведенъ и мостъ изъ Оттенгейма. Монтекукули, не отважившись атаковать французовъ въ выгодной для нихъ позиціи, отступилъ обратно къ Оффенбургу, а оттуда вскорѣ потомъ, по недостатку въ продовольствіи, къ Урлофу. Тогда Тюреннь, перейдя черезъ р. Кинцигъ, снова преградилъ противнику путь въ Страсбургъ. Монтекукули, имѣя въ тылу за собою страну гористую и скудную, снова по недостатку въ продовольствіи принужденъ былъ искать другаго расположенія. Перейдя черезъ рѣчку Ренхенъ, онъ подъ прикрытіемъ ея въ одинъ переходъ совершилъ фланговое движеніе къ Рейну и расположился въ укрѣпленной позиціи близъ Шерцена, надѣясь водою получать продовольствіе изъ Страсбурга. Но Тюреннь послѣдовалъ за нимъ по лѣвому берегу рѣчки Ренхенъ и, расположившись близъ устья ея, у Фрейнштедта, устроилъ на островахъ Рейна батареи, которыя препятствовали подвозамъ водою. Болотистая мѣстность на обоихъ берегахъ рѣчки Ренхенъ была причиной, что обѣ арміи оставались около 3-хъ недѣль одна противъ другой въ бездѣйствіи, каждая выжидая, чтобы недостатокъ въ продовольствіи принудилъ противную армію, безъ боя, къ отступленію. Дѣйствительно, вскорѣ французская армія начала терпѣть недостатокъ въ провіантѣ, а императорская въ фуражѣ. Опасеніе голода принудило Тюренна искать развязки въ бою. Открывъ тропинку, ведшую чрезъ болотистую долину рѣчки Ренхенъ, онъ приказалъ сдѣлать ее по возможности проходимою для войскъ, и оставивъ на позиціи при Фрейштедтѣ половину арміи, съ другою половиною ея перешелъ ночью черезъ Ренхенъ, имѣя въ виду обойти лѣвый флангъ императорской арміи и отрѣзать послѣднюю отъ Оффенбурга. Для обезпеченія сообщеній его съ частію арміи, оставшейся при Фрейштедтѣ, переправа черезъ Ренхенъ была укрѣплена на обоихъ берегахъ. Монтекукули съ своей стороны, ничего не зная о намѣреніи Тюренна, еще за день передъ тѣмъ приказалъ части оффенбургскаго гарнизона атаковать фрей-

штедтскую позицію съ тыла, а для атаки съ фронта въ тоже время отрядилъ часть войскъ изъ своей арміи. Но эти атаки, произведенныя ночью, слабыми отрядами, по частямъ и безъ связи, не имѣли никакого успѣха.

Движеніе Тюренна за Ренхенъ съ половиною арміи было весьма отважно, подвергая его опасности быть разбитымъ вдвое превосходными силами Монтекукули. Но онъ не опасался этого, зная осторожный характеръ своего противника и заботливость его о своихъ сообщеніяхъ, и будучи убѣжденъ въ томъ, что угрожаемый съ фланга и на сообщеніяхъ, Монтекукули уклонится отъ боя и отступитъ. Перейти же черезъ Ренхенъ съ цѣлою арміею Тюреннъ не хотѣлъ для того, чтобы не открыть противнику пути въ Страсбургъ.

Онъ не ошибся въ своихъ предположеніяхъ: Монтекукули, узнавъ о движеніи его въ то время, когда Тюреннъ находился уже въ Гамсгурстѣ, почти на сообщеніяхъ его, поспѣшно отступилъ ночью къ Нидеръ-Засбаху и тѣмъ снова сталъ на своихъ сообщеніяхъ. Тогда Тюреннъ присоединилъ къ себѣ войска, остававшіяся при Фрейштедтѣ и послѣдовалъ за Монтекукули къ Засбаху. Здѣсь онъ готовился вступить съ нимъ въ рѣшительный бой, когда, во время построенія войскъ въ боевой порядокъ и обозрѣнія мѣстности, былъ убитъ ядромъ. Смерть его внезапно измѣнила положеніе обѣихъ армій: между французскими генералами произошли несогласія, кончившіяся тѣмъ, что французская армія предприняла отступленіе къ Алтенгейму, гдѣ и перешла обратно за Рейнъ. Монтекукули же, избавленный отъ опасности быть разбитымъ либо отброшеннымъ къ Рейну, на которомъ не имѣлъ моста, преслѣдовалъ французовъ, нанесъ имъ сильное пораженіе, перешелъ въ Страсбургѣ на лѣвую сторону Рейна и перенесъ войну въ Эльзасъ.

§ 40.

Общій выводъ объ образѣ и искуствѣ дѣйствій Тюренна.

Изъ разсмотрѣнія походовъ Тюренна, особенно четырехъ послѣднихъ, можно вообще заключить нижеслѣдующее:

Тюреннъ высокими личными военными дарованіями своими столь же значительно превосходилъ современныхъ ему полководцевъ, сколько и самыя дѣйствія его превосходили искуствомъ общія этимъ временамъ первоначальнаго развитія методизма дѣйствія.

Главнѣйшимъ его качествомъ, источникомъ и основаніемъ всего его искуства, была рѣдкая проницательность, съ которою онъ вѣрно и безошибочно угадывалъ характеръ, слабости, виды и намѣренія своихъ противниковъ, и на нихъ основывалъ свои соображенія и дѣйствія. Несогласіями, ошибками, медленностью и нерѣшительностью своихъ противниковъ онъ умѣлъ пользоваться съ большимъ искуствомъ и, дѣйствуя самъ съ хитростью, скрытностью и рѣшительностью, одерживалъ надъ непріятелемъ важные успѣхи, не смотря на слабость своихъ силъ и неблагопріятствовавшія ему обстоятельства.

Онъ стоялъ выше ложныхъ военныхъ понятій и предразсудковъ своего времени: дѣйствовалъ во всѣ времена года безъ различія, осенью, зимою и весною, какъ и лѣтомъ,—былъ рѣшительнымъ противникомъ осадъ и занятія большаго числа крѣпостей, раздробленія силъ и дѣйствій нерѣшительныхъ, методическихъ. Въ высокой степени обладая искуствомъ маневрированія, превосходя въ немъ всѣхъ современныхъ полководцевъ, умѣя посредствомъ его достигать своей цѣли и одерживать надъ непріятелемъ успѣхъ,—онъ дѣйствовалъ преимущественно совокупными силами, и—если обстоятельства позволяли или требовали того—быстро и рѣшительно, не только не уклоняясь отъ боя, но даже ища его. «Тотъ, кто непремѣнно хочетъ избѣгать боя,—говорилъ онъ,—отдаетъ край свой тому, кто всячески ищетъ боя». «Производите менѣе осадъ и вступайте чаще въ бой, коль скоро вы довели собственную армію до превосходства надъ непріятельскою въ числѣ и качествѣ войскъ», (такъ отвѣчалъ онъ на вопросы Конде).

Ища боя, Тюреннъ обладалъ и тактическимъ искуствомъ одерживать въ немъ побѣду и употреблять въ немъ войска сообразно съ мѣстностью и назначеніемъ каждаго рода войскъ. Онъ первый началъ употреблять въ сраженіяхъ фланговыя атаки и предварительно соображенные обходы.

Наконецъ, подобно всѣмъ великимъ полководцамъ, онъ въ высокой степени обладалъ даромъ привязывать къ себѣ войска свои, одушевлять ихъ и подвигать ихъ на всевозможные труды, лишенія и опасности.

Нѣкоторыя ошибочныя распоряженія или непонятныя странности, проявляющіяся въ его дѣйствіяхъ и о которыхъ было говорено выше, не только не унижаютъ достоинства его дѣйствій, но и вовсе изчезаютъ предъ искуствомъ ихъ вообще.

Чтобы безпристрастно судить о его дѣйствіяхъ и умѣть вполнѣ оцѣнить достоинство ихъ, необходимо, при разсмотрѣніи оныхъ, всегда принимать въ соображеніе тѣ обстоятельства, въ которыхъ онъ находился и которыя почти всегда были неблагопріятны для него. Въ этомъ отношеніи, его въ особенности стѣсняла и связывала крайняя зависимость отъ Людовика XIV и Лувуа. Послѣдній, сильный довѣренностью къ нему короля и обширною властію, которую онъ распространялъ столь же неограниченно на управленіе войнами Франціи, сколько и на военное управленіе ея, не безъ тайной зависти взиралъ, и на неотъемлемыя достоинства Тюренна, и на успѣхи и славу его, и на личное уваженіе къ нему Людовика XIV. Слѣдствіемъ этого было то, что онъ никогда не ввѣрялъ Тюренню значительныхъ армій, а назначалъ ему достигать важныхъ и трудныхъ цѣлей съ силами незначущими и недостаточными для того, всячески стѣсняя, связывая и затрудняя его притомъ подробными и опредѣлительными наставленіями и т. п. Нѣсколько разъ Тюреннь былъ принужденъ просить непосредственно у короля согласія на свои планы, въ иныхъ случаяхъ рѣшался даже брать на собственную отвѣтственность дѣйствія, противныя даннымъ ему наставленіямъ, наконецъ весьма часто противъ воли вынуждаемъ бывалъ соображаться съ общепринятыми въ то время мнѣніями, понятіями и правилами, тѣмъ болѣе, что ихъ раздѣлялъ и самъ Людовикъ XIV.

И если сообразить, какіе, не смотря на все это, Тюреннь одерживалъ надъ противниками своими успѣхи, то по всей справедливости его слѣдуетъ признать искуснѣйшимъ полководцемъ своего времени и однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ полководцевъ всѣхъ временъ и народовъ.

ГЛАВА V.

ТЮРЕННЬ.

§ 41.

Характеристика Тюренна.

Тюреннь имѣлъ отъ природы необыкновенный даръ соображенія самыхъ трудныхъ задачъ и стремленія къ цѣли съ удивительными: постоянствомъ и энергіею и со всѣми имѣвшимися въ его распоряженіи средствами. Сила ума и сила воли у него были въ совершенномъ равновѣсіи и воля его, никогда и нималѣйше не колеблясь, повиновалась и слѣдовала внушеніямъ его разума. Онъ мгновенно прозрѣвалъ всѣ послѣдствія каждаго предпріятія и дѣйствія и никогда не былъ тѣмъ удерживаемъ отъ приведенія послѣднихъ въ исполненіе. Въ неудачахъ онъ не упадалъ духомъ и не приходилъ въ уныніе, но, вѣря счастію, умѣлъ склонять его на свою сторону и пользоваться имъ. Не смотря на то, что всѣ свои походы онъ совершилъ въ крайней зависимости отъ Людовика XIII, потомъ королевы-правительницы и наконецъ Людовика XIV, ихъ двора и интригъ его, министровъ ихъ: Ришельё, Мазарина и Лувуа и многихъ другихъ лицъ и обстоятельствъ, онъ всегда умѣлъ даже предписанныя ему дѣйствія исполнять самостоятельно, своеобразно, искусно и успѣшно. Онъ всегда старался предупреждать всѣ, вѣрно предполагаемыя имъ, мѣры своихъ противниковъ, никогда однако не впадая при этомъ въ мелочность. Всѣ свои ошибки и неудачи онъ не только не скрывалъ, но самъ себя простодушно и горько упрекалъ въ нихъ. Послѣ одержанной побѣды онъ говорилъ: «мы побѣдили», а послѣ претерпѣннаго пораженія—просто: «я былъ разбитъ». Достигнувъ своей цѣли, онъ не пренебрегалъ ни малѣйшими предосторожностями. Онъ такъ былъ увѣренъ въ томъ, что́ дѣлалъ, что не былъ вводимъ въ заблужденіе никакими демонстраціями своихъ противниковъ и, продолжая свое дѣло, заставлялъ ихъ самихъ сообразовать съ его дѣйствіями свои и слѣдовать за нимъ. Онъ тщательно и зрѣло обдумывалъ свои планы, но что́ разъ было рѣшено имъ, то немедленно было и исполнено, такъ что рѣшеніе и исполненіе у него были тождественны и одновременны. Въ каждомъ изъ своихъ 18 походовъ (1644—1675) онъ встрѣчалъ сочетаніе такихъ разнообразныхъ обстоятельствъ, что вслѣдствіе того военная опытность его постепенно возрастала и вела все къ большему и боль-

шему совершенству, соединенному съ чрезвычайнымъ разнообразіемъ. Внимательно слѣдя за каждымъ и всѣми его походами и отдѣльными дѣйствіями, легко можно прослѣдить за постепеннымъ развитіемъ искусства его, какъ полководца. Это особенно можно замѣтить въ походахъ войнъ фронды, въ которыхъ онъ, съ ничтожными силами, по искуснѣйшимъ маневрированіемъ умѣлъ обращать въ ничто предпріятія превосходныхъ числомъ и силой противныхъ армій, и смѣло, даже отважно, но осторожно держась вблизи ихъ, вызывать ихъ на бой и всегда быть готовымъ къ нему, соединяя при этомъ съ наружнымъ видомъ необыкновенной энергіи чрезвычайную осторожность. Этимъ именно онъ принудилъ непріятеля удалиться изъ предѣловъ Франціи, ускорилъ распаденіе фронды и тѣмъ оказалъ Франціи огромную услугу. Неразъ также противился онъ малодушнымъ планамъ двора и тѣмъ спасалъ и его, и дѣло законнаго правительства Франціи. Въ критическихъ обстоятельствахъ и неминуемой опасности онъ сохранялъ невозмутимое спокойствіе, которое необыкновенно дѣйствовало на его войска и всѣхъ окружавшихъ и свидѣтельствовало, что онъ дѣйствительно обладалъ тѣмъ, что Наполеонъ I называлъ la partie divine de l'art, но обладалъ такъ, что вѣроятно и самъ не могъ бы объяснить, какими именно путями и средствами онъ достигалъ и другіе могли достигать этого: то были—мгновенныя внушенія генія, не подлежащія правиламъ. Равновѣсіе между соображеніемъ и распоряженіемъ въ минуту потребности, между употребленіемъ силы и маневрированіемъ въ полѣ, именно и составляетъ величіе его и являетъ въ немъ идеалъ полководца. Конечно, и онъ не былъ свободенъ отъ ошибокъ и самъ сознавался въ нихъ; но сумма всѣхъ безусловно вѣрныхъ и безупречно искусныхъ соображеній, распоряженій, движеній и дѣйствій его въ каждомъ походѣ до того превосходитъ его ошибки, что совершенно подавляетъ и уничтожаетъ ихъ. Обладая огромною военною опытностью и зная за собою цѣлый рядъ отличныхъ военныхъ подвиговъ, онъ безъ труда могъ обнаруживать себя такимъ, какимъ былъ, и оставаться равнодушнымъ къ мнѣніямъ и сужденіямъ свѣта и толпы, и въ этомъ превосходилъ даже Юлія Цезаря. Походы его въ 1657 и 1658 г.г. и особенно дѣйствія его при Дюнкирхенѣ свидѣтельствуютъ, до какой степени онъ обладалъ искуствомъ легко и скоро измѣнять, по обстоятельствамъ, свои планы и переходить отъ одного къ другому. Вообще характеристическою чертою его плановъ (особенно въ походахъ 1667 и 1672 г.г.) было сначала — наступать, по обстоятельствамъ, какъ можно далѣе впередъ и какъ можно болѣе приближаться къ непріятелю, потомъ — искуснымъ маневрированіемъ оттѣснять его отъ принятаго имъ направленія, и наконецъ — рѣшительно атаковать его, если иначе не могъ достигать своей цѣли, и въ этомъ послѣднемъ онъ не колебался ни минуты; если же имѣлъ свободный выборъ, то предпочиталъ маневрированіе бою. Но онъ былъ рѣшительный противникъ тѣхъ безполезныхъ передвиженій съ мѣста на мѣсто, которыя, въ его время, особенно губили арміи, гораздо болѣе самаго жестокаго боя. Впрочемъ, такъ или иначе, онъ въ каждомъ случаѣ изобрѣталъ и приводилъ въ исполненіе что-нибудь новое и особенное, сообразное съ обстоятельствами. Подобно всѣмъ другимъ великимъ полководцамъ, и онъ имѣлъ свою собственную, личную методу или способъ дѣйствій, и онъ всегда имѣлъ въ виду на многое отваживаться (или многимъ рисковать) для того, чтобы много и выигрывать, но поступалъ при этомъ совершенно своеобразно. Въ 1674 г. Конде спрашивалъ его, какъ ему дѣйствовать противъ принца оранскаго? Тюреннъ отвѣчалъ ему: «Faites peu de sièges et donnez beaucoup de combats», но прибавилъ къ этому: «quand vous aurez rendu votre armée supérieure à celle des ennemis par le nombre et par la bonté des troupes». Изъ долговременнаго опыта онъ зналъ также вліяніе на войнѣ такъ называемыхъ второстепенныхъ или побочныхъ причинъ (causes secondaires), какъ-то: большей или меньшей дѣятельности подчиненныхъ ему генераловъ, способа разумѣнія и исполненія ими порученныхъ имъ предпріятій или дѣйствій и т. п. Свидѣтельствомъ тому, какъ онъ разумѣлъ войну въ большихъ размѣрахъ и какою прозорливостью одаренъ былъ, служитъ совѣтъ, данный имъ Людовику XIV въ 1672 г., когда походъ противъ Голландіи не удался, а именно — атаковать либо испанскіе Нидерланды, либо Германію. Этотъ совѣтъ былъ вполнѣ вѣренъ по понятіямъ Тюренна, но не по понятіямъ Лувуа, который не въ состояніи былъ ни постигнуть, ни исполнить его. Умѣя, какъ сказано выше, обращать счастіе на свою сторону и пользоваться имъ, онъ иногда предпочиталъ однако вѣрное невѣрному. Такъ, по поводу окончательныхъ дѣйствій его въ походѣ 1658 г., Наполеонъ I говоритъ: «il a violé la règle qui dit: profitez de la faveur de la fortune, lorsque ses caprices sont pour vous; craignez qu'elle ne change de dépit, elle est femme». За то несомнѣнно, что всѣ успѣхи его принадлежали лично ему, и это имѣло чувствительное вліяніе и на него самаго, и на его генераловъ и войска. Но судьба щадила его и предохраняла отъ несчастнѣйшихъ случаевъ, которые могли бы имѣть неизчислимыя и вредныя послѣдствія. Поэтому борьба его съ затрудненіями и пре-

пятствіями, особенно въ послѣднихъ его походахъ, стояла въ выгодной соразмѣрности съ тѣми нравственными силами, которыя онъ противупоставлялъ имъ.

Онъ отличался отъ другихъ великихъ полководцевъ тѣмъ, что глубоко обсуждалъ особенныя отношенія и обстоятельства, въ которыхъ находился, и, если только было возможно, давалъ нѣсколько времени созрѣвать своимъ планамъ. Въ этомъ отношеніи онъ являетъ нѣкоторое сходство съ Аннибаломъ, съ тою лишь разницей, что послѣдній, когда только было возможно, сочеталъ съ своими планами хитрость и разставлялъ своимъ противникамъ сѣти. Но оба одинаково усугубляли осторожность въ счастіи и удачѣ. Тюреннь не былъ такъ свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ, какъ Аннибалъ, но всегда имѣлъ въ виду свой долгъ къ королю; однако въ тѣхъ случаяхъ, когда тотъ же долгъ побуждалъ его противиться приказаніямъ самаго короля, онъ не колеблясь слѣдовалъ собственнымъ внушеніямъ, какъ напримѣръ въ концѣ походовъ 1672 и 1674 г.г. И трудно найти примѣръ, чтобы полководецъ, который самъ — не государь, дѣйствовалъ съ большею свободой, нежели Тюреннь въ подобныхъ случаяхъ. Юлій Цезарь при Руспинѣ и Густавъ-Адольфъ при Вербенѣ имѣли гораздо болѣе вспомогательныхъ средствъ, Тюреннь же — только силу характера и счастіе. Въ терпѣливости онъ, подобно Аннибалу, былъ величайшимъ образцомъ. При общихъ всѣмъ великимъ полководцамъ качествахъ, онъ имѣлъ еще преимущество хладнокровія въ соображеніи, рѣзко противуположнаго пылу исполненія. Личное участіе его въ бояхъ никогда не было поспѣшнымъ и опрометчивымъ, какъ напримѣръ нерѣдко у Александра В. и Густава-Адольфа: онъ владѣлъ мечомъ, какъ предводитель арміи долженъ владѣть имъ, и если не щадилъ себя, то лишь въ рѣшительныя минуты боя. Подобно всѣмъ великимъ полководцамъ, онъ стоялъ выше событій и умѣлъ внушать неограниченное довѣріе къ себѣ войскамъ своимъ. Онъ все устроивалъ по возможности самъ лично, замыкалъ тайну своихъ намѣреній въ самомъ себѣ (почему, когда былъ убитъ, никто ничего не зналъ о нихъ) и имѣлъ при себѣ весьма небольшое число (5 — 6 офицеровъ, не болѣе) подчиненныхъ исполнителей.

Въ отношеніи къ его войскамъ можно сказать, что ему стоило только показаться передъ ними, чтобы внушить имъ полное довѣріе и преданность ему. Первое впечатлѣніе, которое онъ производилъ на другихъ своею сосредоточенностью, было весьма серьозное и полное достоинства. Похвала его производила тѣмъ большее впечатлѣніе, а одно его слово неудовольствія или упрека глубоко огорчало. Всякій зналъ, что онъ питалъ истинно-отеческія чувства ко всѣмъ своимъ подчиненнымъ. Случался-ли въ арміи недостатокъ въ чемъ, онъ выдавалъ большія суммы собственныхъ денегъ, дѣлалъ большіе личные займы для снабженія войскъ продовольствіемъ, два раза велѣлъ раздробить въ куски свою серебряную посуду и раздалъ ее солдатамъ, дѣлилъ съ ними и всѣ лишенія, и всѣ труды. Въ чрезвычайныхъ случаяхъ (какъ напримѣръ въ іюлѣ 1674 г., когда въ арміи его распространился повальный поносъ), онъ всѣми силами старался принимать всѣ необходимыя мѣры и средства, посѣщалъ больныхъ и раненыхъ солдатъ, утѣшалъ и ободрялъ ихъ словами участія, снабжалъ ихъ деньгами, а если не имѣлъ ихъ при себѣ, то занималъ у ближайшаго генерала или офицера. За то же и солдаты называли его не иначе, какъ своимъ отцомъ, любили и обожали его безъ ума, знали, что онъ былъ скупъ на ихъ лишенія, труды и кровь, но щедръ на заботы о нихъ: »намъ не о чемъ заботиться»— говорили они между собою — «пока отецъ нашъ живъ и здоровъ». Заботливость его о нихъ доходила то того, что однажды въ 1674 году, послѣ длиннаго перехода въ жаркую погоду, онъ не хотѣлъ допустить ихъ перейти въ бродъ черезъ Неккаръ, опасаясь, чтобъ они не подверглись простудѣ и болѣзнямъ, хотя, по обстоятельствамъ, такого рода переходъ былъ очень нуженъ. За то нерѣдко ему невольно случалось слышать отзывы солдатъ о немъ, какъ напримѣръ однажды ночью, проходя по лагерю, онъ услыхалъ, что въ одной палаткѣ молодые солдаты жаловались на утомительный переходъ, но были остановлены старымъ раненымъ солдатомъ, который сказалъ: «вы не знаете нашего старика—отца, который вѣрно не сталъ бы мучить насъ, еслибы не имѣлъ въ виду чего нибудь важнаго, о чемъ мы судить не можемъ».

Въ отношеніи къ офицерамъ и генераламъ Тюреннь былъ также необыкновенно внимателенъ и заботливъ. Если между офицерами происходило неудовольствіе вслѣдствіе невыдачи жалованья и недостатка въ деньгахъ, то онъ помогалъ нуждавшимся изъ своихъ средствъ, но самымъ деликатнымъ и безобиднымъ для нихъ образомъ. Такъ однажды въ 1674 г. онъ нашелъ одного офицера милиціи (arrière-ban), чрезвычайно усерднаго къ службѣ, но имѣвшаго очень плохую верховую лошадь. Онъ призвалъ его къ себѣ и предложилъ помѣняться съ нимъ лошадьми, подъ предлогомъ, будто любитъ спокойныхъ лошадей подъ сѣдломъ. Такія и многія тому подобныя черты свидѣтельствуютъ, что глубокая приверженность Тюренню всѣхъ окружавшихъ и знавшихъ его и всѣхъ подчиненныхъ ему происходила исключительно отъ его высокихъ лич-

ныхъ свойствъ, которыя имѣли на всѣхъ необыкновенное вліяніе и служили сильнѣйшею пружиной дѣйствія на нихъ.

Въ частной жизни и обыкновенныхъ привычкахъ онъ является предпочитавшимъ шумному большому свѣту — уединеніе, тѣсный кружокъ избранныхъ друзей и знакомыхъ, бесѣду умныхъ людей и чтеніе серьозныхъ, ученыхъ сочиненій. Рѣдко покидалъ онъ свое уединеніе, развѣ только когда имѣлъ надобность быть по дѣламъ у короля. Въ бесѣдѣ съ друзьями онъ любилъ веселое остроуміе и шутки и самъ лично участвовалъ въ нихъ. Внѣ своего жилища онъ носилъ такую скромную одежду, что подъ нею никто не подозрѣвалъ великаго Тюренна и иногда происходили довольно странные случаи, изъ которыхъ онъ всегда выходилъ добродушно и снисходительно. Такъ однажды ночью въ Парижѣ воръ остановилъ его карету и хотѣлъ отнять у него золотой перстень, данный ему на память и которымъ онъ очень дорожилъ. Воръ согласился оставить его у него, съ тѣмъ, чтобъ онъ заплатилъ ему за него 100 лундоровъ. Не имѣя при себѣ этихъ денегъ, Тюреннь далъ ему слово, что заплатитъ ихъ. На другой день воръ (не изъ простыхъ), въ большомъ обществѣ, напомнилъ Тюренню на ухо его обѣщаніе, и только тогда, когда онъ ушелъ и уже былъ далеко, Тюреннь разсказалъ случившееся съ нимъ, прибавивъ: «честный человѣкъ долженъ сдержать слово, данное даже вору». Такого рода честность и добросовѣстность, всегда присущія ему, даже въ минуты человѣческой слабости, являютъ въ немъ человѣка строгихъ правилъ, у котораго никогда не было недостатка въ нравственныхъ силахъ и твердости, коль скоро дѣло шло о достиженіи цѣли честной, справедливой и нужной. Свидѣтельствомъ тому служитъ слѣдующій случай: въ 1670 г. Людовикъ XIV положилъ употребить всѣ средства для расторженія союза между Голландіей, Англіей и Швеціей и прежде всего хотѣлъ отклонить отъ него Карла II, короля англійскаго. Тайну эту онъ довѣрилъ только министру Лувуа и Тюренню—послѣднему потому именно, что онъ оказалъ дому Стюартовъ, до и по смерти Кромвеля, большія услуги и потому пользовался большимъ расположеніемъ и довѣріемъ сестры Карла II, супруги брата Людовика XIV, герцога орлеанскаго. Чтобы вѣрнѣе подѣйствовать на нее, Тюреннь положилъ прежде пріобрѣсть расположеніе одной молодой, красивой и умной маркизы, любимицы герцогини. Но сблизившись съ нею, онъ нечувствительно для самаго себя былъ увлеченъ ея умомъ и страстію къ ней, а она ловко выманила у него тайну. Между тѣмъ герцогъ орлеанскій, ревниво смотрѣвшій на вліяніе своей супруги на Людовика XIV, поручилъ своему любимцу, молодому и ловкому кавалеру де-Лоренъ (de Loraine) проникнуть тайну предполагаемой интриги. Де-Лорену удалось выманить у маркизы тайну, которую она выманила у Тюренна. Герцогъ орлеанскій горько жаловался Людовику XIV, что онъ скрылъ отъ своего брата тайну, довѣренную другимъ. Король, твердо увѣренный въ скромности Тюренна, возразилъ, что ему измѣнилъ Лувуа. Но Тюреннь, не смотря на то, что Лувуа завидовалъ ему и дѣйствовалъ непріязненно противъ него, поспѣшилъ открыть королю всю правду и, обвинивъ себя, оправдалъ Лувуа. Король вполнѣ оцѣнилъ этотъ честный и благородный поступокъ Тюренна и усугубилъ свои уваженіе и довѣріе къ нему.

Тюреннь всегда былъ чрезвычайно снисходителенъ къ слабостямъ и погрѣшностямъ другихъ и умалчивалъ о нихъ. Однажды, когда Тюреннь оправдывалъ и защищалъ своего врага—Лувуа, Людовикъ XIV сказалъ ему: «еслибы даже всѣ мои министры ненавидѣли васъ, то я все-таки остался бы всѣмъ сердцемъ преданъ вамъ». Затѣмъ король сказалъ ему, что генералъ маркизъ Сентъ-Абръ не долженъ болѣе служить подъ его начальствомъ, потому что охуждалъ его мѣры и писалъ министру Лувуа, что еслибы спросили совѣта его, Сентъ-Абра, то городъ Боннъ могъ бы быть спасенъ, не подвергая Эльзаса опасности. «Зачѣмъ онъ не сказалъ этого мнѣ» — возразилъ Тюреннь — «я съ удовольствіемъ выслушалъ бы его». Мало того — онъ оправдалъ и похвалилъ Сентъ-Абра, выпросилъ ему награду и просилъ короля не отнимать у него, Тюренна, такого отличнаго генерала. Другой подобнаго рода случай былъ въ 1656 году: одинъ молодой полковникъ, прикрывавшій транспортъ, отлучился отъ него на нѣсколько часовъ, въ продолженіи которыхъ непріятель напалъ на транспортъ, но былъ отбитъ старшимъ послѣ полковника офицеромъ, который и привелъ транспортъ благополучно въ лагерь. Тюреннь, зная, что полковникъ былъ бы несчастнымъ и потому щадя его, сказалъ окружавшимъ: «полковникъ будетъ недоволенъ мною, что я далъ ему другое порученіе и этимъ онъ лишился случая отличиться». А когда полковникъ воротился, онъ сдѣлалъ ему наединѣ строгій, но доброжелательный выговоръ и посовѣтовалъ впредь быть осторожнѣе.

Такого рода постоянное стремленіе къ господству надъ своей волей и къ усовершенствованію ея не могло оставаться безъ послѣдствій и, можно полагать, что оно именно вызывало тѣ явленія, которымъ по справедливости нельзя не удивляться въ Тюреннѣ и которыя возвысили его на степень идеала полководца. Съ этимъ стремленіемъ никогда не совмѣщались ни мелочное честолюбіе, ни еще менѣе корыстолюбіе. Все честолюбіе его всегда имѣло единственною

цѣлію честь, пользу и славу Франціи и ея короля, а правду онъ цѣнилъ и ставилъ такъ высоко, что никогда не усомнился бы сказать ее, еслибы было нужно или того потребовали отъ него, и онъ скорѣе пожертвовалъ бы своимъ политическимъ положеніемъ, значеніемъ и вліяніемъ и даже благоволеніемъ короля, нежели рѣшился бы умолчать о ней.

Изъ этого легко понять можно, что онъ, всегда неутомимо-дѣятельный, никогда не щадившій себя, могъ съ глубокою прозорливостью проникать въ мірскія дѣла, въ умы и души другихъ людей и особенно въ характеръ и образъ дѣйствій своихъ противниковъ на войнѣ. Малѣйшіе признаки были достаточны для его вѣрныхъ заключеній о видахъ и намѣреніяхъ непріятелей, къ чему, кромѣ того, его побуждали и природная склонность, и привычка къ постоянному размышленію.

Скромность и простодушіе его во всемъ и всегда были необыкновенныя. Кромѣ приведенныхъ выше выраженій его: «мы побѣдили», «я былъ разбитъ» и горькихъ упрековъ себѣ за свои ошибки; можно было бы привести множество другихъ подобныхъ. Между прочимъ, по окончаніи похода 1652 г., въ которомъ онъ разбилъ армію эрцгерцога и Конде́ во всѣхъ встрѣчахъ и увѣнчалъ походъ блистательнымъ подвигомъ деблокированія Арраса, онъ извѣщалъ объ этихъ успѣхахъ слѣдующимъ письмомъ: «Сегодня взяли гораздо болѣе плѣнныхъ, нежели прежде полагали. Г эрцгерцогъ спасся съ 200 чел. конницы; г. принцъ (Конде́) совершилъ свое отступленіе съ большимъ порядкомъ, но не увезъ ни орудій, ни обозовъ. Онъ нашелъ такой большой безпорядокъ, что не могъ пособить тому. Невозможно вообразить себѣ, какъ все удалось; нужно было, чтобы почти всѣ мѣры не имѣли неудачи для пріобрѣтенія такого счастливаго успѣха. Я возблагодарилъ Бога, что дѣло, столь близкое моему сердцу, удалось мнѣ такъ хорошо. Вотъ ужъ можно сказать—не одна, а нѣсколько удачъ (voilà bien des fois réussir)». А побѣду при Дюнкирхенѣ въ 1658 г. онъ возвѣстилъ женѣ своей слѣдующими немногими словами: «Непріятель наступилъ на насъ; онъ былъ разбитъ; Богу благодареніе за то. Я немного усталъ, добраго вечера вамъ, иду спать».

Наружность его, судя по его портретамъ и по словамъ біографовъ и историковъ, не смотря на серьозное выраженіе его лица, имѣла въ себѣ особенную привлекательную силу и возбуждала въ каждомъ невольное желаніе сблизиться съ нимъ. Онъ былъ средняго роста, имѣлъ правильныя черты лица, широкій лобъ, большіе глаза, густыя, нависшія и почти сросшіяся брови и длинные, темные волосы, которые носилъ распущенными по плечамъ. Выраженіе лица его было свѣтлое, ясное, добродушное, но глубокомысленное и порой задумчивое. Все это, вмѣстѣ взятое, по свидѣтельству Рамзая, придавало всему облику Тюренна видъ строгости, соединенной съ умомъ и добродушіемъ.

§ 42.

Смерть Тюренна.

Достойныя удивленія жизнь и поприще Тюренна имѣли и достойный ихъ конецъ. Совершая теченіе ихъ, Тюреннъ мгновенно лишился жизни отъ случайнаго непріятельскаго ядра, не испытавъ старческихъ недуговъ, не понеся смерти отъ болѣзни, не переживъ своей славы, не извѣдавъ увядшихъ лавровъ и, прекрасный образецъ грядущимъ полководцамъ, унесъ съ собой въ могилу уваженіе и удивленіе современниковъ.

Обстоятельства смерти его подробно изложены въ описаніи послѣднихъ двухъ походовъ его въ 1674 и 1675 годахъ, составленномъ и изданномъ въ концѣ 1675 года Дешаномъ (Deschamps), французскимъ штабъ-офицеромъ, котораго Конде́ назначилъ воспитателемъ внука своего, герцога бурбонскаго, и который участвовалъ въ обоихъ походахъ и былъ личнымъ свидѣтелемъ смерти Тюренна. Заимствуемъ изъ его сочиненія нѣкоторыя свѣдѣнія о томъ.

Предварительно нужно сказать, что Фоларъ, говоря о послѣднемъ походѣ Тюренна въ 1675 году, назвалъ его образцовымъ походомъ и Тюренна, и Монтекукули. «Исторія»—говоритъ онъ—«противупоставила Тюренню генерала, достойнѣйшаго его—Монтекукули, и эти два великіе полководца, прикованные къ себѣ вниманіе всей Европы, истощили въ этомъ походѣ всѣ высшія средства военнаго искуства такимъ превосходнымъ маневрированіемъ, которое стоило самыхъ блистательныхъ побѣдъ. Наконецъ герой Франціи привелъ своего противника въ такое положеніе, изъ котораго онъ, можетъ быть, не иначе могъ бы выйти, какъ увеличивъ славу Тюренна въ ущербъ своей—какъ вдругъ Тюреннъ былъ убитъ пушечнымъ ядромъ 27-го іюля 1675 года». Наканунѣ этого дня онъ, по увѣренію свидѣтелей, какъ бы внезапно вдохновенный, воскликнулъ: «Enfin, je le tiens!» (наконецъ-то я поймалъ его), и должно полагать, что такой положительный и замкнутый въ себѣ человѣкъ,

какъ Тюреннь, признавъ это въ полномъ убѣжденіи, что завлекъ Монтекукули, своимъ искуснымъ маневрированіемъ, въ такое положеніе, которое обѣщало ему, Тюренню, полную увѣренность въ успѣхѣ. А именно, Монтекукули, маневрированіемъ Тюренна принужденный направиться къ городку Засбаху, по соединеніи съ отрядомъ генерала Капрары расположился съ 30,000 войскъ (на половину конницы) въ позиціи за ручьемъ, который отъ городка Засбаха течетъ къ сел. Нижнему Засбаху въ глубокомъ оврагѣ и въ то время значительно прибылъ отъ предшествовавшихъ постоянныхъ дождей. А Тюреннь еще прежде того овладѣлъ городкомъ Ахерномъ, насупротивъ Засбаха, этимъ именно принудилъ Монтекукули перемѣнить свою позицію, двинулъ противъ него главныя свои силы (до 25 т. чел., на половину конницы) отъ Гамсгурста (позади) и 26-го іюля расположилъ ихъ противъ главныхъ силъ непріятеля. Сраженіе казалось неизбѣжнымъ, тѣмъ болѣе, что войска съ обѣихъ сторонъ много потерпѣли отъ продолжительныхъ движеній и стоянія подъ дождемъ и въ грязи. Артиллерія была подвезена къ краямъ оврага, пѣхота выстроена въ 1-й линіи, а конница во 2-й, и открыта канонада. Тюреннь, тщательно рекогносцируя со всѣхъ сторонъ позицію непріятеля, нашелъ ее очень сильною на всѣхъ пунктахъ съ фронта. Атака на Нижній Засбахъ не имѣла успѣха, потому что входъ въ это селеніе былъ замкнутъ кладбищемъ, окруженнымъ каменною оградой съ тинистымъ рвомъ. 27-го іюля утромъ Тюреннь замѣтилъ вдали нѣкоторое особенное движеніе непріятельскихъ войскъ и обозовъ, и полагая, что Монтекукули намѣревался, можетъ быть, въ слѣдующую ночь перемѣнить свою позицію, послалъ офицера къ начальствовавшему противъ Засбаха генералу, съ приказаніемъ тщательно наблюдать за всѣми движеніями непріятеля и немедленно доносить о нихъ. Въ 2 часа пополудни онъ снова поѣхалъ на лѣвый флангъ, чтобы лично разсмотрѣть расположеніе и передвиженія непріятеля и, отдохнувъ подъ деревомъ, получилъ извѣстіе, что замѣчены были движенія непріятельской пѣхоты по направленію къ горамъ, при входѣ въ которыя находился городокъ Засбахъ. Тюреннь немедленно отправился по этому направленію и на возвышеніи встрѣтилъ начальника артиллеріи, генералъ-лейтенанта Сентъ-Илера, начавшаго объяснять ему расположеніе батарей, которыя Тюреннь приказалъ ему устроить тутъ. Въ это самое время со стороны непріятеля послѣдовалъ пушечный выстрѣлъ — и единственное въ эту минуту, случайно пущенное ядро разомъ оторвало Сентъ-Илеру правую руку, а Тюренна ударило въ самую середину туловища (у Deschamps: «traversa m. de Turenne par le milieu du corps», у другихъ: «le coupa en deux») и убило его на-повалъ. «Не буду говорить»—прибавляетъ Deschamps—«о скорби и смущеніи цѣлой арміи: это—не какія-нибудь обыкновенныя чувства, которыя можно было бы выразить словами; сужу о нихъ по тѣмъ чувствамъ, которыми я самъ былъ проникнутъ, единственно какъ французъ. Непріятель узналъ о томъ четверть часа спустя и между нимъ эта вѣсть произвела не меньшее, нежели между нами, сильное впечатлѣніе. Она разомъ положила конецъ трудному положенію и замѣшательству его генераловъ и страху его войскъ: они подумали, что много выиграли, будучи увѣрены, что мы все потеряли».

Молодой сынъ Сентъ-Илера, котораго отецъ самъ руководилъ въ практикѣ военнаго дѣла, предавался отчаянію при видѣ тяжелой раны его. «Не меня слѣдуетъ оплакивать» сказалъ ему Сентъ-Иларъ—«но Францію, понесшую ничѣмъ невознаградимую потерю».

И дѣйствительно, по свидѣтельству всѣхъ французскихъ историковъ и біографовъ Тюренна, всеобщая горесть, которую смерть его возбудила въ его арміи, въ Людовикѣ XIV, при дворѣ его и въ цѣлой Франціи, превосходитъ всякое описаніе. Никто и никогда не былъ такъ оплакиваемъ, какъ Тюреннь своими солдатами. Горесть была общая и одинаковая во всѣхъ классахъ народа: многіе города облеклись въ трауръ, цѣлыя населенія деревень и городовъ встрѣчали и провожали тѣло его, на всемъ пути изъ арміи въ Парижъ. Людовикъ XIV, желая почтить достойнымъ образомъ высокія дарованія Тюренна и великія заслуги, оказанныя имъ Франціи, приказалъ похоронить тѣло его въ королевской усыпальницѣ—аббатствѣ Сенъ-Дени. А позже смертные останки его были перенесены въ соборную церковь дома инвалидовъ въ Парижѣ и на мраморной гробницѣ его, насупротивъ гробницы Вобана, начертана простая, но краснорѣчивая надпись: «Turenne».

Въ заключеніе можно сказать, что Тюреннь имѣлъ бы полное право быть поставленнымъ на ряду съ величайшими полководцами исторіи древнихъ, новыхъ и новѣйшихъ временъ, еслибы находился въ совершенно независимомъ положеніи—такомъ напримѣръ, въ какомъ находились Александръ В., Юлій Цезарь, Густавъ-Адольфъ, Фридрихъ В., Наполеонъ I и даже Аннибалъ. Но и то, что̀ совершилъ Тюреннь въ полной и совершенной своей зависимости, безспорно ставитъ его чрезвычайно высоко въ ряду великихъ полководцевъ всѣхъ временъ и народовъ.

VI.

ПРИНЦЪ ЕВГЕНІЙ САВОЙСКІЙ.

Eugenio Von Savoy

Лит. А. Траншеля, Стремянн. д. № 12

ГЛАВА I.

ПРИНЦЪ ЕВГЕНІЙ САВОЙСКІЙ.

§ 1.

Отъ рожденія до 1683 года.

Онъ родился 18 октября 1663 года въ Парижѣ и былъ младшій изъ 5-ти сыновей принца Евгенія-Маврикія савойско-кариньянскаго (Savoye-Carignan), графа суассонскаго, главнаго начальника швейцарскихъ войскъ въ французской службѣ и губернатора Шампаніи,—и племянницы кардинала Мазарина, Олимпіи Манчини. Съ малыхъ лѣтъ онъ уже былъ назначенъ въ духовное званіе, 7-ми лѣтъ отъ роду былъ, по имени, аббатомъ двухъ аббатствъ, почему его и называли савойскимъ аббатомъ (abbé de Savoye), а Людовикъ XIV въ шутку называлъ его маленькимъ аббатомъ (le petit abbé). Согласны съ тѣмъ были и данныя ему воспитаніе и образованіе. Но онъ съ малыхъ же лѣтъ оказывалъ очень мало склонности къ духовнымъ: званію, воспитанію и образованію. 10-ти лѣтъ отъ роду онъ лишился своего отца, а вскорѣ послѣ того мать его подверглась немилости Людовика XIV и была принуждена уѣхать изъ Парижа. 10-тилѣтній Евгеній остался въ немъ, имѣя на свое содержаніе немного болѣе небольшой пенсіи, назначенной ему Людовикомъ XIV. Онъ сталъ заниматься болѣе исторіей и жизнеописаніями знаменитыхъ людей, и въ немъ развилась страсть къ военному званію. Достигнувъ совершеннолѣтія, онъ просилъ Людовика XIV объ опредѣленіи его въ армію. Но король считалъ его, по слабости тѣлосложенія, болѣе способнымъ къ духовному, нежели къ военному званію, а военный министръ Лувуа ненавидѣлъ всю фамилію принца Евгенія—и послѣдній получилъ отказъ въ своей просьбѣ. Онъ подавилъ чувства оскорбленія и неудовольствія, но съ этого именно времени твердо положилъ достигнуть своей цѣли—посвятить себя военной службѣ, если не во французской арміи, то въ какой-нибудь другой, и воротиться во Францію не иначе, какъ съ оружіемъ въ рукахъ. А между тѣмъ онъ усилилъ свои занятія военными и математическими науками, особенно геометріей, фортификаціей, осадой и обороной крѣпостей, а также военными упражненіями, преимущественно верховою ѣздой, въ которой достигъ большаго совершенства и до самой смерти былъ отличнымъ ѣздокомъ. Успѣхи его въ наукахъ были такъ быстры и значительны, что заслужили ему уваженіе Вобана и званіе члена парижской академіи наукъ.

§ 2.

Военныя: служба и дѣйствія его съ 1683 г. до 1697 г.

Наконецъ на 20-мъ году его жизни (1683) сами обстоятельства пришли на помощь ему: Турція объявила императору Леопольду I войну—и изъ всѣхъ государствъ западной Европы молодые люди поспѣшили въ Вѣну, чтобы служить волонтерами въ австрійской арміи. Примѣру ихъ послѣдовали даже французскіе королевскіе принцы, а къ нимъ присоединился и принцъ Евгеній, тѣмъ охотнѣе, что старшій братъ его, Юлій-Лю-

довикъ, уже былъ въ австрійской арміи командиромъ драгунскаго полка.

Въ Вѣнѣ императоръ принялъ его очень милостиво и опредѣлилъ въ армію герцога лотарингскаго, въ которой находился его братъ. Онъ пріѣхалъ въ армію въ то время, когда она отступила къ Раабу передъ верховнымъ визиремъ, шедшимъ прямо на Вѣну. Герцогъ лотарингскій отступилъ отъ Рааба до острова Табора на Дунаѣ, при чемъ братъ принца Евгенія въ бою лишился жизни отъ паденія съ лошади. Когда же польскій король Іоаннъ Собіесскій и курфюрсты саксонскій и баварскій подоспѣли на помощь Вѣнѣ, разбили и отразили турокъ, то принцъ Евгеній во всѣхъ дѣлахъ, съ самаго прибытія его въ армію, оказалъ столько отличій, что императоръ Леопольдъ I уже въ декабрѣ 1683 г. произвелъ его въ полковники и назначилъ командиромъ драгунскаго полка. Въ 1684 г. принцъ Евгеній необыкновенно отличился съ своимъ полкомъ, особенно подъ Офеномъ, который турки старались деблокировать. И въ 1685 г. также онъ продолжалъ отличаться во всѣхъ дѣлахъ, а по окончаніи похода былъ представленъ въ Вѣнѣ императору принцомъ Лудвигомъ баденскимъ, какъ одинъ изъ способнѣйшихъ и лучшихъ штабъ-офицеровъ арміи, и принятъ императоромъ чрезвычайно милостиво.

Лувуа, до котораго дошли слухи объ успѣхахъ и отличіяхъ принца Евгенія, съ гнѣвомъ сказалъ: «Никогда не воротится онъ во Францію!»—«Ворочусь непремѣнно—на зло Лувуа, но съ оружіемъ въ рукахъ!»—отвѣчалъ принцъ Евгеній, когда ему передали слова Лувуа—и исполнилъ это въ точности.

Въ 1686 г., во время осады Офена арміей курфюрста баварскаго, принцу Евгенію была поручена оборона циркумвалаціонной линіи противъ верховнаго визиря, что́ означало большое довѣріе къ 23-лѣтнему полковнику, тѣмъ болѣе, что циркумвалаціонная линія имѣла большое протяженіе, а многочисленная армія визиря находилась очень близко отъ нея. Однако линія эта не была атакована, Офенъ былъ взятъ штурмомъ, визирь отступилъ и былъ живо преслѣдованъ герцогомъ лотарингскимъ, который отрядилъ принца баденскаго и принца Евгенія (уже произведеннаго по взятіи Офена въ генералъ-маіоры), для осады Фюнфкирхена. Эта экспедиція имѣла полный успѣхъ и принцъ Евгеній, отличившійся во всѣхъ дѣлахъ и нѣсколько разъ раненый, по окончаніи похода отправился для леченія въ Венецію и провелъ въ ней зиму.

Въ мартѣ 1687 г. онъ воротился въ армію, собравшуюся при Чолнокѣ подъ начальствомъ курфюрста баварскаго и герцога лотарингскаго. Походъ былъ открытъ переходомъ ея черезъ р. Драву, для нападенія на турокъ, однако она была принуждена отступить и сильно преслѣдована турками. Принцъ Евгеній, начальствуя арріергардомъ, удержалъ турокъ и позволилъ арміи отступить безъ урона за Драву. Въ послѣдовавшемъ затѣмъ сраженіи при Герсанѣ, въ которомъ турки были разбиты, опрокинуты и преслѣдованы, принцъ Евгеній не только оказалъ необыкновенныя предусмотрительность и храбрость, но и совершилъ смѣлый и блистательный подвигъ: преслѣдуя съ своимъ полкомъ турокъ, онъ проникъ до самаго укрѣпленнаго лагеря ихъ, спѣшилъ своихъ драгуновъ и въ главѣ ихъ взялъ лагерь штурмомъ. Турки были совершенно разсѣяны и обращены въ бѣгство. Съ извѣстіемъ о побѣдѣ герцогъ лотарингскій послалъ въ Вѣну принца Евгенія, который былъ отлично милостиво принятъ и награжденъ императоромъ, но скоро воротился въ армію. Въ началѣ 1688 г., на 25 году жизни, онъ былъ произведенъ въ фельдмаршалъ-лейтенанты и снова отличился при осадѣ и штурмѣ Бѣлграда, первый взойдя на брешь. Послѣ взятія Бѣлграда и удачнаго дѣла принца баденскаго въ Босніи, армія расположилась на кантониръ-квартирахъ и на слѣдующій 1689 г. принцъ Евгеній получилъ уже другое назначеніе.

Въ 1688 г. началась 3-я нидерландская война, въ которой Леопольдъ I, въ союзѣ съ курфюрстомъ баварскимъ и нѣкоторыми другими государями Германіи, съ Карломъ XI, королемъ шведскимъ, съ Карломъ II, королемъ испанскимъ, и съ принцомъ Вильгельмомъ оранскимъ, возсталъ противъ Людовика XIV и потому былъ принужденъ, оставивъ противъ турокъ только часть силъ подъ начальствомъ принца баденскаго, главныя свои силы, подъ начальствомъ курфюрста баварскаго и герцога лотарингскаго, обратить противъ Франціи. А для развлеченія ея силъ, онъ призналъ нужнымъ дѣйствовать противъ нея и въ Италіи и для того отдѣлить отъ нея герцога савойскаго и привлечь его на свою сторону, поручивъ это принцу Евгенію. Послѣдній предпочиталъ остаться въ Венгріи противъ турокъ, но повиновался и отправился въ Туринъ. Данное ему порученіе было значительно облегчено тѣмъ, что герцогъ Викторъ-Амедей II савойскій былъ человѣкъ чрезвычайно славолюбивый, себялюбивый, корыстолюбивый, лицемѣрный, непримиримый въ ненависти къ своимъ врагамъ и въ томъ числѣ къ Людовику XIV. Принцъ Евгеній искусно воспользовался тѣмъ и зимою 1689—90 гг. въ Венеціи заключилъ съ герцогомъ тайный договоръ и воротился въ Вѣну.

Но Людовикъ XIV вскорѣ узналъ объ этомъ и приказалъ маршалу Катина съ 12,000 войскъ двинуться въ Піемонтъ, что́ принудило герцога объявить Франціи войну. На помощь ему были посланы изъ Милана 11,000 испанскихъ и итальянскихъ войскъ,

а изъ Австріи 7,000 чел. пѣхоты и конницы подъ начальствомъ принца Евгенія. Этотъ послѣдній корпусъ войскъ двинулся въ Италію въ концѣ іюля, а принцъ Евгеній отправился туда впередъ и нашелъ герцога савойскаго съ своими войсками въ укрѣпленномъ лагерѣ при Виллафранка, рѣшившимся выйти изъ лагеря и атаковать маршала Катина. Напрасно старался принцъ Евгеній убѣдить герцога, что у Катина войскъ было гораздо болѣе и лучшихъ, нежели у него, и благоразумнѣе было выждать въ укрѣпленномъ лагерѣ прибытія подкрѣпленій изъ Милана и Австріи. Но герцогъ хотѣлъ во что бы ни стало очистить Піемонтъ отъ французовъ и для того вступить съ ними въ рѣшительный бой, хотя вовсе не имѣлъ необходимыхъ для того военныхъ способностей. Онъ двинулся на встрѣчу Катина, перешелъ черезъ р. По—и при монастырѣ Стаффардо былъ разбитъ. Принцъ Евгеній лично содѣйствовалъ ему, сколько могъ, сражался съ отчаянною храбростью, былъ раненъ, прикрывалъ съ арріергардомъ отступленіе, но не могъ исправить ошибокъ герцога и ихъ послѣдствій. Катина взялъ крѣпость Сузу и занялъ почти всю Савоію, а герцогъ отступилъ къ Монкаліери. Вскорѣ прибыли подкрѣпленія, силы арміи герцога возросли до 22,000 чел. и принцъ Евгеній, разбивъ изъ засады 4,000 чел. французской конницы и принудивъ герцога мантуанскаго, занятіемъ его владѣній, не присоединяться къ французамъ, въ концѣ похода воротился въ Вѣну. По его представленію, Леопольдъ I положилъ увеличить число своихъ войскъ въ Италіи до 20,000 чел. и сверхъ того просить присылки изъ Англіи и Голландіи 11,000 вспомогательныхъ войскъ. Главное начальствованіе надъ всѣми этими войсками онъ ввѣрилъ принцу Евгенію.

Весною 1691 г. принцъ Евгеній отправился въ Туринъ. Катина первый открылъ походъ отъ р. Вара, взялъ Ниццу, осадилъ Карманьолу и распустилъ слухъ, что намѣренъ осадить Туринъ, а между тѣмъ завязалъ тайныя сношенія съ герцогомъ савойскимъ, съ цѣлію привлечь его къ союзу съ Франціей. Герцогъ показалъ всю переписку принцу Евгенію, который однако, не довѣряя ему, нашелъ нужнымъ зорко слѣдить за всѣми его дѣйствіями.

Затѣмъ Катина осадилъ крѣпостцу Кони и, вмѣсто способнаго Фёкіера (военнаго писателя), назначилъ вести осаду совершенно неспособному маркизу Бюлонду. Принцъ Евгеній воспользовался тѣмъ, обманулъ Бюлонда ложнымъ извѣстіемъ, что на другой день прибудетъ съ корпусомъ войскъ для освобожденія Кони и атакуетъ его, Бюлонда, и тѣмъ привелъ его въ такой страхъ, что онъ поспѣшно отступилъ, бросивъ артиллерію, боевые запасы, часть обозовъ и всѣхъ больныхъ и раненыхъ. Принцъ ожидалъ именно этого, равно и того, что Катина, вслѣдствіе сего, не останется на правомъ берегу р. По, и какъ только онъ съ главными силами перешелъ черезъ рѣку, атаковалъ его арріергардъ. Катина воротился на помощь и принцъ Евгеній, послѣ жестокаго боя, въ которомъ попалъ въ рукопашную схватку и едва не былъ убитъ, отступилъ, взявъ однако нѣсколько штандартовъ и главное—заставивъ снять осаду Кони, а маршала Катина отступить за р. По. Въ память этого отличнаго подвига принца Евгенія была выбита медаль съ личнымъ изображеніемъ и надписью и означеніемъ дня—28 іюля 1691 года. Этотъ подвигъ тѣмъ замѣчательнѣе, что свидѣтельствуетъ, до какой степени возвысились военныя дарованія принца Евгенія въ короткое время 8 лѣтъ, когда ему было 20—28 лѣтъ отъ роду, и чего можно было еще ожидать отъ него впереди.

Катина отступилъ къ Салуццо, а армія герцога савойскаго возросла свыше 50,000 войскъ. Съ этою арміею герцогъ двинулся отъ Монкаліери къ Карпиньяну, а принцъ Евгеній осадилъ и взялъ Карманьолу. Затѣмъ герцогъ двинулся къ Сузѣ, чтобъ осадить ее, но искусными движеніями Катина былъ принужденъ отступить. Походъ, казалось, кончился и принцъ Евгеній отправился въ Вѣну. Но вскорѣ императоръ отправилъ его обратно въ Туринъ, потому что Катина продолжалъ военныя дѣйствія и взялъ Монмельянъ. Дабы успокоить герцога савойскаго, болѣе привлечь его къ себѣ и помѣшать присоединенію его къ Франціи, Леопольдъ I назначилъ его главнокомандующимъ всѣхъ императорскихъ войскъ въ Италіи.

Весною 1692 г. герцогъ собралъ военный совѣтъ, большинство членовъ котораго было того мнѣнія, чтобы съ превосходными силами атаковать 15-16-тысячную армію Катина, стоявшую подъ Пиньеролемъ. Но принцъ Евгеній былъ совершенно другаго мнѣнія, именно—произвесть вторженіе въ Дофинé и Провансъ, подкрѣпивъ этотъ замѣчательный планъ свой вполнѣ уважительными доводами и предложивъ, для скрытія вторженія во Францію, угрожать Сузѣ, распустить слухъ о предпринятіи осады ея, а противъ Пиньероля оставить 15,000 войскъ для наблюденія и удержанія французовъ. По счастію, герцогъ савойскій согласился на это и планъ принца Евгенія былъ исполненъ съ успѣхомъ.

Принцъ Евгеній двинулся впередъ съ авангардомъ, взялъ Гильестръ на р. Дюрансъ и затѣмъ укрѣпленный городъ Амбрёнь (Embrun). А Катина, удержанный оставленнымъ противъ него корпусомъ войскъ, не могъ воспрепятствовать вторженію въ Дофинé и Провансъ. Принцъ Евгеній взялъ Гапъ, который равно какъ и замокъ Тал-

ларъ, были разграблены и сожжены нѣмецкими войсками, въ отмщеніе за разореніе французами Пфальца. И еслибы это вторженіе могло быть продолжено далѣе, то нанесло бы Франціи большой вредъ, потому что ни войскъ, ни большихъ крѣпостей въ юговосточной Франціи не было и армія герцога савойскаго могла бы безпрепятственно проникнуть до Марсели или Ліона. Но въ это самое время герцогъ савойскій опасно занемогъ оспой и даже сдѣлалъ предсмертныя распоряженія свои, при чемъ назначилъ принца Евгенія регентомъ до совершеннолѣтія наслѣдника престола. Поэтому движеніе арміи въ Дофинé было пріостановлено и армія воротилась назадъ тѣмъ же путемъ въ концѣ сентября, собравъ въ Дофинé 1 милліонъ ливровъ контрибуціи. Король испанскій наградилъ принца Евгенія за это орденомъ Золотаго Руна, и послѣ кратковременнаго пребыванія въ Туринѣ, куда перевезли выздоравливавшаго герцога савойскаго, принцъ Евгеній отправился въ Вѣну. Здѣсь императоръ выразилъ ему чрезвычайное удовольствіе свое и благодарность, и въ маѣ 1693 г. произвелъ его въ фельдмаршалы, на 30-мъ году его жизни! Едва, въ 10 лѣтъ службы, достигнувъ этого высшаго чина, принцъ Евгеній своими необыкновенными дарованіями и подвигами былъ вполнѣ достоинъ того и никому не могъ подать повода къ упреку или зависти.

Въ мартѣ 1693 г. онъ воротился въ Туринъ, близъ котораго армія была собрана въ Карињянѣ. Походъ былъ открытъ взятіемъ форта Св. Бригитты, движеніемъ арміи противъ непріятеля, стоявшаго у Сузы, и бомбардированіемъ Пиньероля, все это съ цѣлью блокады Казаля и осады Пиньероля. Герцогъ савойскій въ военномъ совѣтѣ полагалъ выждать и разбить непріятеля на равнинахъ, послѣ чего крѣпость Пиньероль сама сдалась бы. Принцъ Евгеній напротивъ полагалъ запереть армію Катина въ ущельяхъ горъ и выходахъ изъ нихъ на равнины, и тѣмъ совершенно уничтожить ее. Но герцогъ савойскій упорно настаивалъ на взятіи Пиньероля, не послѣдовалъ совѣту принца Евгенія, 3-го октября двинулся къ Марсаліи (Marsaglia), а Катина—на встрѣчу ему, при чемъ разграбилъ и сжегъ одинъ увеселительный замокъ герцога, а 4-го октября атаковалъ и разбилъ союзную армію при Марсаліи. Принцъ Евгеній совѣтовалъ герцогу занять одну выгодную высоту впереди лѣваго фланга, но герцогъ не сдѣлалъ этого, а Катина воспользовался тѣмъ въ свою выгоду. Лѣвое крыло арміи герцога было взято во флангъ и въ тылъ и при этомъ произошелъ очень рѣдкій въ то время рукопашный бой на штыкахъ, однако принцъ Евгеній, начальствовавшій надъ всею пѣхотою въ центрѣ, удержался въ своей позиціи. Но когда и правая фланговая конница была опрокинута, тогда онъ отступилъ въ полномъ порядкѣ, отличившись и въ сраженіи, и въ отступленіи необыкновенными хладнокровіемъ и храбростью. Союзная армія, потерявъ болѣе 9,000 чел. убитыми, ранеными и взятыми въ плѣнъ, собралась при Туринѣ и затѣмъ расположилась въ укрѣпленномъ лагерѣ при Монкаліери. По окончаніи похода, принцъ Евгеній отправился на зиму въ Вѣну.

Въ слѣдующихъ походахъ въ Италіи не произошло ничего важнаго и замѣчательнаго. Герцогъ савойскій уже вступилъ въ тайные переговоры съ французами и всячески удерживалъ союзныхъ генераловъ отъ важныхъ предпріятій. Въ этомъ прошли оба похода 1694—95 гг. и единственнымъ замѣчательнымъ военнымъ событіемъ въ 1695 г. былъ осада и взятіе Казаля близъ Турина. Принцъ Евгеній справедливо противился включенію въ капитуляцію Казаля условія срытія его укрѣпленій, но герцогъ согласился на это по своимъ разсчетамъ и во вредъ императорской арміи, которой Казаль былъ важенъ и нуженъ, какъ складочный и опорный пунктъ.

Наконецъ весною 1696 г. принцъ Евгеній уже удостовѣрился, что герцогъ савойскій находился въ мирныхъ переговорахъ съ французами. Вскорѣ между послѣднимъ и Катина было заключено перемиріе, къ которому императоръ и прочіе союзники отказались приступить и войска ихъ отступили за р. По въ Кивассо и далѣе въ Морено. Наконецъ союзники согласились на неутралитетъ Италіи и императорскія войска воротились въ Германію.

Въ это время Людовикъ XIV пытался переманить принца Евгенія къ себѣ, предлагая ему званіе маршала Франціи, губернаторство Шампаніи и 200,000 ливровъ сжегоднаго дохода. Но принцъ Евгеній рѣшительно отвергнулъ эти предложенія, объявивъ, что онъ слишкомъ обязанъ и признателенъ императору для того, чтобы принять ихъ, а между тѣмъ втайнѣ, сверхъ того, ни за что не хотѣлъ перейти на сторону Франціи, оскорбившей его и его семейство. Тѣмъ съ бо́льшимъ благоволеніемъ принялъ его Леопольдъ I въ Вѣнѣ и объявилъ, что на слѣдующій годъ намѣренъ ввѣрить его начальствованію армію свою въ Венгріи. И съ этого времени кончились подначальственныя военныя дѣйствія его и начались независимыя и самостоятельныя въ качествѣ главнокомандующаго отдѣльныхъ арміи—дѣйствія, которымъ всѣ предшествовавшія служили только приготовленіемъ. Наконецъ-то этотъ даровитый и искусный полководецъ былъ избавленъ отъ стѣснительнаго, подначальственнаго положенія и могъ дѣйствовать совершенно свободно, по внушенію собственныхъ высокихъ военныхъ дарованій.

§ 3.

Военныя дѣйствія его, какъ главнокомандующаго арміями, съ 1697 г.

Въ 1-мъ походѣ его въ такомъ положеніи, въ 1697 году, 50-ти-тысячная императорская армія подъ его начальствомъ въ Венгріи была собрана при Верисмартонѣ. Отсюда принцъ Евгеній отрядилъ князя Водемона съ корпусомъ войскъ противъ венгерскихъ мятежниковъ, надъ которыми Водемонъ и одержалъ важные успѣхи. Между тѣмъ принцъ Евгеній, узнавъ, что турецкій султанъ Кара-Мустафа II собралъ свою армію при Бѣлградѣ, 10 іюля двинулся впередъ между рр. Дравой и Савой къ Букину или Вухину и далѣе къ Иллоку на Дравѣ. Здѣсь онъ узналъ, что 12.000 турокъ стояли при Шабачѣ, что при Бѣлградѣ—тысячь 10-12 турецкой конницы, что турецкая флотилія на Дунаѣ состояла изъ 10 галеръ, 30 фрегатовъ и 60 чаекъ, и что меньшія изъ галеръ имѣли на себѣ по 150 чел. и 15 орудій. Вслѣдствіе того принцъ Евгеній двинулся къ Футаку и Ковылю на лѣвомъ берегу Дравы, недалеко отъ Тителя, для удобнѣйшаго продовольствованія арміи. Изъ Ковыля онъ произвелъ рекогносцировку на правомъ берегу Дравы, между Карловичемъ и Саленкеменомъ, и узналъ, что турецкая армія будетъ состоять изъ 100,000 войскъ, но еще не совсѣмъ собралась, и что турецкая флотилія начала двигаться впередъ, вверхъ по Дунаю. Принцъ Евгеній собралъ военный совѣтъ, приказалъ князю Водемонъ и начальствовавшему трансильванскими войсками генералу Рабутину немедленно присоединиться къ арміи и усилилъ гарнизонъ Петервардейна 8-ю баталіонами и 200 чел. конницы, которые должны были строить новыя укрѣпленія въ этой крѣпости, ибо почти не было сомнѣнія, что турки осадятъ ее.

22-го іюля армія двинулась отъ Ковыля къ Салачъ-Кабадѣ, по направленію къ Сегедину, и прибыла туда 26-го іюля. Принцъ Евгеній ясно видѣлъ, что турки, прежде осады Петервардейна, должны были овладѣть Тителемъ, расположеннымъ на высотѣ при впаденіи Дравы въ Дунай, дабы прервать сообщенія имперцовъ съ Темешваромъ. Поэтому онъ послалъ генерала Немо съ нѣсколькими полками занять позицію близъ Тителя, для прикрытія его.

Какъ только турки перешли черезъ Дунай, Немо увѣдомилъ, что ожидаетъ нападенія. Принцъ Евгеній тотчасъ двинулся съ 15 баталіонами и 7 эскадронами къ Тителю. Но уже было поздно: Немо былъ принужденъ отступить передъ превосходными силами турокъ и совершилъ это отступленіе въ порядкѣ, въ бою съ турками, но съ большимъ урономъ. Принцъ Евгеній принялъ его на себя, а турки взяли, разграбили и сожгли Титель.

Неизвѣстно почему именно принцъ Евгеній двинулся отъ Ковыля къ сѣверу на Сегединъ, удаляясь отъ Дуная и угрожаемыхъ турками Тителя и Петервардейна. Но вслѣдствіе отступленія Немо, онъ ввелъ 15 баталіоновъ, 7 эскадроновъ и 12 орудій въ Петервардейнъ и, притянувъ всю свою армію отъ Салачъ-Кабады и Зенты (въ 6 миляхъ отъ первой), 7-го сентября расположилъ ее въ новыхъ укрѣпленіяхъ между Петервардейномъ и правымъ берегомъ Дуная.

Кара-Мустафа имѣлъ намѣреніе съ одною половиною своей арміи осадить Петервардейнъ, а великому визирю съ другою приказалъ прикрывать осаду на лѣвомъ берегу Дуная. Послѣдній стоялъ между Тителемъ и Петервардейномъ, но не открылъ движенія императорской арміи отъ Зенты, въ обходъ лѣваго фланга его къ Петервардейну. Хотя Рабутинъ и присоединился къ принцу Евгенію, но послѣдній, не смотря на то, былъ гораздо слабѣе турокъ, и потому былъ принужденъ выжидать, пока какія-нибудь благопріятныя обстоятельства позволятъ ему предпринять что-либо важное противъ турокъ.

Султанъ, убѣдившись въ невозможности предпринять осаду Петервардейна, перешелъ на лѣвый берегъ Дуная и, казалось, намѣрѣвался идти къ Сегедину. Принцъ Евгеній положилъ идти за нимъ и, перейдя 8-го сентября изъ Петервардейна по мосту въ Нейзацъ, 9-го прибылъ въ окрестности Беча (Рацъ-Бечъ) и узналъ, что султанъ шелъ къ Сегедину. Онъ послалъ послѣднему въ подкрѣпленіе небольшой отрядъ конницы и 1700 чел. пѣхоты и 10-го послѣдовалъ за ними со всею арміею въ 12 колоннахъ. 11-го онъ узналъ отъ плѣнныхъ, что султанъ, по совѣту графа Текели и мятежныхъ венгерцовъ, рѣшился осадить Сегединъ, но, узнавъ о подкрѣпленіи Сегедина и движеніи принца Евгенія отъ Петервардейна, отказался отъ осады Сегедина, остановился при Зентѣ и положилъ отсюда перейти черезъ Тейсу и двинуться въ верхнюю Венгрію и Трансильванію, въ которыхъ вовсе не было войскъ, и разорить ту и другую, дабы императорская армія не могла расположиться и продовольствоваться въ нихъ;—и наконецъ, что султанъ съ 1.000 чел. конницы переправился на лѣвый берегъ Тейсы, а вер-

ховный визирь со всею арміею остался въ сильноукрѣпленномъ лагерѣ при Зентѣ.

Изъ этихъ свѣдѣній принцъ Евгеній убѣдился, какъ важно было атаковать турокъ прежде, нежели они докончатъ переправу черезъ Тейсу. Поэтому онъ немедленно двинулъ армію къ Зентѣ, а самъ лично съ конницей пошелъ впередъ и 11-го сентября въ 2 часа пополудни приблизился къ туркамъ на 1 часъ разстоянія (верстъ на 5). Въ это самое время прибылъ къ нему изъ Вѣны курьеръ съ депешей отъ императора. Одинъ изъ его біографовъ говоритъ, что онъ вскрылъ ее, а другой, напротивъ, что онъ сказалъ курьеру, что не можетъ вскрыть ее, такъ какъ въ эту самую минуту идетъ атаковать турокъ. Послѣднее, судя по характеру принца Евгенія, кажется болѣе вѣроятнымъ, такъ какъ онъ могъ догадаться о содержаніи депеши. Дѣйствительно, въ ней заключалось положительное запрещеніе вступать въ сраженіе съ турками, въ отвѣтъ на донесеніе принца Евгенія, что онъ при первомъ удобномъ случаѣ рѣшился атаковать ихъ. Говорятъ, что принцъ Евгеній былъ изумленъ потомъ такимъ приказаніемъ—и справедливо. Конечно, еслибы армія его была разбита, то послѣдствія были бы крайне вредны и опасны для Австріи, тѣмъ болѣе, что другой арміи вблизи не было. Но разбитіе императорской арміи предполагало, или необыкновенное несчастіе принца Евгенія, или, еще болѣе, совершенный недостатокъ искуства съ его стороны, а ни того, ни другаго со стороны такого опытнаго, искуснаго и счастливаго полкодца никакъ нельзя было предполагать. Да и въ случаѣ даже отраженія его атаки, не все еще было бы потеряно и онъ навѣрное нашелся бы, что́ предпринять и чѣмъ пособить и поправить дѣло.

И такъ принцъ Евгеній рѣшился продолжать начатое и этимъ доказалъ необыкновенную рѣшимость, на которую, можетъ быть, не всякій другой полководецъ на его мѣстѣ отважился бы. Такія минуты быстрой и твердой рѣшимости именно и изобличаютъ необыкновенныхъ полководцевъ.

Приказавъ пѣхотѣ развернуться и отдохнуть, самъ онъ съ нѣсколькими драгунскими полками отправился впередъ на рекогносцировку позиціи и лагеря турецкой арміи. Послѣдняя была расположена впереди моста на р. Тейсѣ, большою дугою, примыкавшею концами къ рѣкѣ и огражденною окопами, съ предмостнымъ внутри укрѣпленіемъ, которое было соединено съ наружными окопами нѣсколькими линіями или траншеями, перерѣзывавшими внутреннее пространство на нѣсколько отдѣленій. Турецкіе окопы и укрѣпленія были вооружены 100 орудіями, а на Тейсѣ было множество судовъ и за ними на другомъ берегу войска. Мѣстечко Зента находилось недалеко отъ праваго фланга турокъ. Турецкая армія была вдвое сильнѣе арміи принца Евгенія.

Вслѣдствіе этой рекогносцировки, принцъ Евгеній примкнулъ свой правый флангъ къ Тейсѣ, а остальной арміи приказалъ, захожденіемъ всею линіею на право, охватить турецкій лагерь. При началѣ движенія онъ замѣтилъ, что турки собирались перейти черезъ мостъ, но не далъ имъ времени на то. Самъ онъ начальствовалъ центромъ, графъ Штарембергъ правымъ крыломъ, а генералъ Рабутинъ лѣвымъ. До наступленія ночи оставалось уже не болѣе 3—4 часовъ. Турки сначала выслали изъ лагеря 2,000 чел. конницы, но они были отражены и прогнаны. Затѣмъ послѣдовала атака лагеря, сначала—лѣвымъ крыломъ, а потомъ—центромъ и правымъ крыломъ въ одно время. Первое сопротивленіе турокъ было довольно упорное, но эксцентрическій огонь ихъ не имѣлъ такого дѣйствія, какъ концентрическій императорской арміи. Послѣдняя спустя часъ времени штурмовала наружные и вскорѣ внутренніе окопы и предмостное укрѣпленіе. Смятеніе и безпорядокъ турокъ росли все болѣе и болѣе и у моста достигли высшей степени, а вмѣстѣ съ тѣмъ и уронъ турокъ. Штурмовавшія войска дрались съ ожесточеніемъ, не давали пощады и только поздно ночью можно было собрать и устроить ихъ, и принцъ Евгеній вывелъ ихъ изъ взятаго лагеря и расположилъ передъ нимъ на бивакахъ. Побѣда была полная и совершенная! До 20,000 турокъ легло на мѣстѣ, въ томъ числѣ многіе паши и самъ верховный визирь. Весь лагерь по другую сторону Тейсы и въ немъ огромная добыча достались въ руки побѣдителей, а также 100 большихъ и 60 меньшихъ орудій, сотни знаменъ, значковъ, бунчуговъ и т. п. Султанъ съ остатками своей арміи бѣжалъ въ Темешваръ. Уронъ императорской арміи простирался только до 430 ч. убитыми и 1,600 чел. ранеными. Вѣроятнымъ кажется то, что бо́льшая часть турецкой арміи уже перешла назадъ по мосту за Тейсу, когда послѣдовала атака, иначе турки потерпѣли бы еще большій уронъ. Самъ принцъ Евгеній полагалъ, что онъ имѣлъ дѣло только съ арріергардомъ турецкой арміи, а потому и ускорилъ атакой и обстрѣливаніемъ моста съ обоихъ своихъ фланговъ. Хотя, по показанію плѣнныхъ, въ укрѣпленномъ лагерѣ по сю сторону Тейсы находилась вся ихъ пѣхота, а по другую сторону только нѣсколько тысячъ войскъ при султанѣ, но если считать уронъ ихъ убитыми, по показанію принца Евгенія—до 10,000 чел., а другихъ историковъ—до 20,000 чел., а взятыми въ плѣнъ только до 3,000 чел., то, если турецкая армія была не сильнѣе 70—80,000 чел., она спаслась за Тейсу, отъ начала до конца штурма, въ числѣ 50,000 чел.

Такова была первая большая побѣда,

одержанная принцомъ Евгеніемъ, какъ главнокомандующимъ отдѣльною арміей. Она приноситъ ему тѣмъ болѣе чести, что онъ наперед знал, какой отвѣтственности подвергался, даже въ случаѣ совершеннаго успѣха, и какой опасности подвергалъ свое 14-лѣтнее, ознаменованное успѣхами, военное поприще. Но то, что это не остановило его въ твердой его рѣшимости, обличаетъ черту величія души его, свойственную только необыкновеннымъ людямъ.

Послѣ 3-хъ-дневнаго отдыха, принцъ Евгеній 15-го сентября двинулся къ Темешвару, откуда султанъ уже отправился въ Бѣлградъ. Но проливные дожди и испортившіяся дороги крайне затруднили движеніе арміи и особенно артиллеріи и обозовъ; кромѣ того сдѣлалось извѣстнымъ, что турки оставили въ Темешварѣ сильный гарнизонъ, вслѣдствіе чего осада потребовала бы очень много времени въ самую тяжелую пору года. Поэтому принцъ Евгеній предпочелъ расположить бо́льшую часть своей арміи на зимнія квартиры, а съ отрядомъ въ 2,500 чел. пѣхоты и 4,000 чел. конницы съ 12 орудіями и 2 мортирами положилъ совершить экспедицію въ Боснію, гдѣ турки не ожидали нападенія, и овладѣть въ ней главнымъ городомъ Босна-Сераемъ. Вслѣдствіе того, 6-го октября онъ двинулся чрезъ Эшекъ и боснійскую границу и послалъ два сильные отряда, на право—къ Баньялукѣ и налѣво—къ Зворнику. Они повсюду нашли непріятеля, не ожидавшаго нападенія, въ полномъ спокойствіи. Вслѣдъ затѣмъ принцъ Евгеній приказалъ взять замокъ Добай, въ 2-хъ миляхъ отъ Брода, 15-го октября двинулся изъ Церхатонцы къ Уссорѣ на р. Боснѣ и, выславъ впередъ легкій отрядъ, взявшій Маглай, узналъ, что турецкія войска отступили къ Прославицѣ. Послѣ того онъ двинулся къ Шедекбани, взялъ находившуюся тамъ паланку и пошелъ далѣе къ Брандуку. Стоявшій здѣсь турецкій кіая обратился въ бѣгство, а принцъ Евгеній двинулся черезъ р. Босну къ Босна-Сераю и выслалъ парламентера съ требованіемъ сдачи. Но парламентеръ былъ раненъ, а трубачъ убитъ, и принцъ Евгеній, въ наказаніе за то, двинулъ свои войска противъ города (въ которомъ было до 30,000 жителей), запретивъ однако зажигать въ немъ дома (мазанки). Не смотря на то, въ немъ произошелъ пожаръ и весь городъ сгорѣлъ и былъ разграбленъ, а турецкій гарнизонъ отступилъ въ очень крѣпкій замокъ или цитадель. Такъ какъ осада его потребовала бы много времени, а время года было уже позднее, то принцъ Евгеній двинулся назадъ въ Венгрію, вездѣ на пути срывая взятыя укрѣпленія, и расположилъ свой корпусъ на зимнихъ квартирахъ. Вся экспедиція его въ Боснію продолжалась всего 18 дней и стоила ему только 40 чел. урона. Затѣмъ онъ отправился въ Вѣну и на всемъ пути туда и особенно въ самой Вѣнѣ встрѣтилъ со стороны народонаселенія восторженный пріемъ, какъ защитникъ и спаситель Австріи. Но не то было при дворѣ: здѣсь противъ него собралась гроза. Враги и завистники его, и въ главѣ ихъ генералы Ветерани и Капрара, съ бо́льшими силами совершившіе гораздо менѣе его прежде въ Венгріи, возстановили императора противъ него. Особенно Капрара представлялъ, что побѣда не могла оправдать явнаго неповиновенія волѣ императора. Вслѣдствіе того, послѣдній принялъ принца Евгенія очень холодно и молча выслушалъ словесный докладъ его, съ представленіемъ при этомъ взятой у верховнаго визиря государственной печати. Въ изумленіи отъ такого пріема, принцъ Евгеній, воротясь къ себѣ, вскорѣ былъ арестованъ именемъ императора, и очень огорченъ этимъ, но сохранилъ полное спокойствіе духа, увѣренный въ своей правотѣ. Между жителями Вѣны это произвело большое неудовольствіе и городъ прислалъ ему депутацію, съ выраженіемъ глубокой преданности и даже съ предложеніемъ охранять его. Но принцъ Евгеній, поблагодаривъ депутацію, сказалъ, что «онъ въ какой иной охранѣ не нуждается, кромѣ правоты своего дѣла, и что императоръ имѣетъ слишкомъ возвышенный образъ мыслей для того, чтобы не умѣть различить правды отъ клеветы и отдать ему справедливость, которой онъ, какъ полагалъ, заслуживалъ». Общественное мнѣніе и общая признательность къ достойному полководцу-побѣдителю взяли наконецъ верхъ. Когда Капрара въ придворномъ военномъ совѣтѣ предложилъ императору предать принца Евгенія военному суду, Леопольдъ возразилъ: «Богъ сохранитъ меня отъ поступленія, какъ съ преступникомъ, съ тѣмъ, черезъ котораго небо ниспослало мнѣ столько счастія. Какъ могъ бы быть достоинъ наказанія тотъ, который сдѣлался орудіемъ одолѣнія невѣрныхъ?» Капрара принужденъ былъ замолчать, а принцъ Евгеній никогда потомъ не питалъ къ нему ни злобы, ни ненависти и не хотѣлъ мстить ему. Императоръ вполнѣ примирился съ принцомъ Евгеніемъ, а послѣдній еще болѣе усугубилъ рвеніе къ службѣ его. Ему снова было ввѣрено начальствованіе надъ арміей въ Венгріи на слѣдующій годъ и притомъ, по его просьбѣ, съ полною независимостью впредь отъ придворнаго военнаго совѣта и съ полною самостоятельностью дѣйствій по собственному усмотрѣнію. Это несомнѣнно послужило основой величія и счастія принца Евгенія, доставившихъ, въ продолженіи остальной его жизни, побѣды австрійскому дому.

Однако въ слѣдующемъ, послѣднемъ походѣ 1698 г. противъ турокъ въ Венгріи не произошло ничего особенно важнаго и

замѣчательнаго. Рисвикскій миръ освободилъ Леопольда I отъ противниковъ его въ западной Европѣ и онъ могъ обратить всѣ свои силы противъ турокъ. Это побудило султана Мустафу II употребить всѣ средства для выставленія многочисленной арміи, но между тѣмъ и склониться къ мирнымъ предложеніямъ посредничествовавшихъ державъ. Съ весны императорскія войска собирались у Саленкемена, между Петервардейномъ и Бѣлградомъ, а турецкія—при этомъ послѣднемъ, въ сильно-укрѣпленномъ лагерѣ. Принцъ Евгеній приблизился къ р. Тейссѣ, но тщетно надѣявшись, что турки покинутъ свой лагерь, хотѣлъ осадить Темешваръ, дабы воспрепятствовать мятежникамъ верхней Венгріи и Трансильваніи усилить турокъ. Но онъ отказался отъ этого, потому что гарнизонъ Темешвара ожидалъ сильныхъ подкрѣпленій и осада его потребовала бы слишкомъ много времени, равно и отъ вторженія въ Боснію, гдѣ уже приняты были сильныя оборонительныя мѣры. Экспедиція, предпринятая для взятія большаго турецкаго транспорта, не имѣла успѣха вслѣдствіе измѣны одного переметчика, въ самый часъ исполненія атаки. А между тѣмъ уполномоченные съ обѣихъ сторонъ уже открыли переговоры въ г. Карловицѣ и вскорѣ заключены были, сначала перемиріе, а потомъ и миръ, положившій конецъ войнѣ Австріи съ Турціей, и принцъ Евгеній воротился въ Вѣну.

ГЛАВА II.

ВОЕННЫЯ ДѢЙСТВІЯ ПРИНЦА ЕВГЕНІЯ ВЪ ВОЙНѢ ЗА НАСЛѢДСТВО ИСПАНСКАГО ПРЕСТОЛА (1700—1714 г.)

§ 4.

Общій ходъ войны за наслѣдство испанскаго престола.

Рисквикскій миръ не надолго успокоилъ Европу. Со смертію болѣзненнаго и бездѣтнаго Карла II, короля испанскаго, царствовавшій въ Испаніи испанско-габсбургскій домъ долженствовалъ пресѣчься, а престолъ обширной испанской монархіи перейти во владѣніе баварскаго, австрійскаго либо французскаго домовъ, по родству ихъ въ женской линіи съ домомъ испанскимъ. Вслѣдствіе того Людовикъ XIV уже въ 1698 г. заключилъ съ Англіей и Голландіей тайный договоръ, въ силу котораго, въ случаѣ смерти Карла II, ближайшій наслѣдникъ испанскаго престола, принцъ баварскій, долженствовалъ получить Испанію съ колоніями, дофинъ, старшій сынъ Людовика XIV—королевство обѣихъ Сицилій, а эрцъ-герцогъ австрійскій Карлъ, второй сынъ императора Леопольда I — миланскую область. Негодуя на такое вмѣшательство, Карлъ II назначилъ единственнымъ по себѣ наслѣдникомъ принца баварскаго. Но смерть послѣдняго вскорѣ разстроила виды Карла II, Людовика XIV и морскихъ державъ. Склоняясь болѣе на сторону австрійскаго дома, Карлъ II назначилъ преемникомъ себѣ эрцгерцога Карла, требуя только, чтобъ онъ прибылъ въ Испанію съ 10 т. войскъ. Разстроенные финансы Австріи не позволили ей исполнить этого. А между тѣмъ Франція вторично заключила (въ 1700 г.) съ морскими державами договоръ, въ силу котораго дофинъ долженствовалъ, сверхъ королевства обѣихъ Сицилій, получить Лотарингію, а эрцгерцогъ Карлъ—всю остальную затѣмъ испанскую монархію. Надѣясь получить ее нераздѣльною, императоръ отвергнулъ эти условія. Но надежды его не

сбылись: умирающій Карлъ II, еще болѣе оскорбленный дѣйствіями морскихъ державъ, объявилъ, по внушенію Франціи и папы, наслѣдникомъ всѣхъ владѣній испанской монархіи втораго сына дофинова, Филиппа, герцога анжуйскаго, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ онъ отказался отъ правъ своихъ на престолъ Франціи. Вслѣдъ затѣмъ Карлъ II умеръ (1700 г.). Императоръ Леопольдъ I торжественно протестовалъ противъ наслѣдованія испанскаго престола герцогомъ анжуйскимъ и объявилъ права на него сына своего, эрцгерцога Карла. Англія, Голландія, курфюрстъ бранденбургскій Фридрихъ III (съ 1701 года король прусскій), большая часть Германіи, Португаллія и наконецъ (въ 1703 г.) герцогъ савойскій, опасаясь нарушенія политическаго равновѣсія въ Европѣ, въ случаѣ соединенія могущественныхъ монархій французской и испанской подъ властію дома Бурбоновъ, присоединились къ императору и объявили себя противъ Франціи. Людовикъ XIV, видя необходимость поддержать права своего внука, привлекъ на свою сторону, въ Италіи—герцоговъ савойскаго и пармскаго, а въ Германіи—курфюрстовъ баварскаго и кёльнскаго и герцога волфенбюттельскаго, призналъ снова Іакова II (вопреки условіямъ Рисвикскаго мира) герцогомъ вальлійскимъ, возбуждалъ венгерцовъ противъ императора, поддерживалъ германскихъ протестантовъ и рѣшился въ одно время защищать наслѣдство испанскаго и англійскаго престоловъ.

Казалось, что союзъ между Австріею, домогавшеюся полнаго и нераздѣльнаго наслѣдованія испанскаго престола, и морскими державами, требовавшими раздѣла испанской монархіи, удержится недолго. Однако, не смотря на такую противуположность цѣлей ихъ, союзъ между ними сохранился долго и въ дѣйствіяхъ его были даже согласіе и единство. Это рѣдкое въ политическомъ мірѣ явленіе должно отнести исключительно къ усиліямъ трехъ знаменитыхъ людей этого времени: принца Евгенія савойскаго, герцога Марльборо (Marlborough) и Гейнзіуса. Первый былъ австрійскимъ фельдмаршаломъ и (1705 г.) предсѣдателемъ придворнаго военнаго совѣта (Hofkriegsrath), второй—однимъ изъ лучшихъ полководцевъ и дипломатовъ Англіи и главою партіи виговъ въ ней, а послѣдній—великимъ пенсіонеромъ въ Голландіи. Рѣдкія государственныя дарованія и вліянія ихъ на свои правительства сдѣлали ихъ главными дѣйствующими лицами и, такъ сказать, двигателями и распорядителями этой войны.

Война, возгорѣвшаяся (въ 1701 году) за наслѣдство испанскаго престола, долженствовала, по видимому, быть только частною борьбою Франціи и Австріи, но вскорѣ превратилась въ общую европейскую войну, происходившую въ одно время въ Нидерландахъ, Германіи, Италіи, Испаніи, на моряхъ и даже въ колоніяхъ. По характеру своему, она представляетъ вообще три различные періода: 1-й въ 1701 году—наступательныя дѣйствія императора противъ Испаніи и оборонительныя дѣйствія Людовика XIV въ Италіи; 2-й съ 1702 по 1707 годъ—болѣе и болѣе рѣшительныя наступательныя дѣйствія союзниковъ въ Германіи и Италіи, а со стороны французовъ, за исключеніемъ наступательныхъ дѣйствій въ Германіи въ 1703 и 1704 годахъ, вообще оборонительныя дѣйствія въ Нидерландахъ, на Рейнѣ и въ Италіи; наконецъ 3-й, съ 1707 до 1714 года—оборона Людовикомъ XIV собственныхъ предѣловъ Франціи,

Въ началѣ 1701 года силы императора и его союзниковъ не превосходили 86,000 войскъ. Объявивъ войну сперва только одной Испаніи, императоръ изъ числа этихъ войскъ послалъ 30,000 подъ начальствомъ принца Евгенія савойскаго въ Италію. Прочія войска находились: 21,000 на Рейнѣ, 28,000 въ Венгріи и Славоніи и 7,000 въ Австріи. Силы Людовика XIV и его союзниковъ простирались до 206,000 войскъ (изъ которыхъ 75,000, сверхъ гарнизоновъ, находились во Фландріи, 15,000 на р. Мозели, 41,000 на Рейнѣ, 8,000 по гарнизонамъ въ Эльзасѣ, 33,000 въ полѣ и 11,000 по крѣпостямъ—въ Италіи, и сверхъ того 11,000 савойскихъ и 12,000 волфенбюттельскихъ войскъ). Если бы Людовикъ XIV, при такомъ значительномъ превосходствѣ въ силахъ, пользуясь притомъ союзомъ съ Баваріей, перешелъ со всѣми своими силами (за исключеніемъ необходимыхъ гарнизоновъ) черезъ Рейнъ, соединился съ баварскими и волфенбюттельскими войсками и двинулся рѣшительно къ Вѣнѣ, направивъ туда же и всѣ войска изъ Италіи, то нѣтъ сомнѣнія, что императоръ былъ бы принужденъ заключить миръ, прочіе союзники послѣдовали бы его примѣру и война могла бы, очень вѣроятно, въ самомъ началѣ быть рѣшена въ пользу Людовика XIV. Но, для избѣжанія упрека въ честолюбіи, не желая быть начинающимъ, Людовикъ XIV ограничился повсюду оборонною и тѣмъ добровольно лишилъ себя всѣхъ выгодъ войны наступательной. Маршалъ Катина, начальствовавшій французско-испанскою арміей въ Италіи, былъ слишкомъ связанъ приказаніями своего двора, герцогъ савойскій, заступившій его мѣсто, былъ уже въ сношеніяхъ съ союзниками, а Виллеруа, принявшій окончательно начальствованіе надъ арміей, былъ разбитъ принцомъ Евгеніемъ при Кіари и въ началѣ слѣдующаго года (1702) взятъ въ Кремонѣ въ плѣнъ. Успѣхъ вѣнчалъ оружіе императора въ Италіи, а въ Германіи герцогъ волфенбюттельскій, оставленный Людовикомъ XIV безъ защиты, былъ принужденъ распустить

свои войска и перейти на сторону императора.

Во всѣхъ походахъ въ теченіи періода войны съ 1702 по 1707 годъ обѣ воюющія стороны выставляли многочисленныя арміи, употребленіе которыхъ въ совокупности могло бы повести къ самымъ рѣшительнымъ результатамъ. Но, по обычаю того времени, арміи раздроблялись на отряды, занимали гарнизонами множество крѣпостей, имѣли въ каждой странѣ особыя и большею частію ничтожныя цѣли, а въ управленіи войною вообще ни съ той, ни съ другой стороны не было единства.

Герцогъ Вандомъ, назначенный (въ 1702 г.) на мѣсто Виллеруа, далъ войнѣ въ Италіи, послѣ сраженія при Луццарѣ, рѣшительный оборотъ въ пользу французовъ. Въ маѣ того же 1702 года союзники объявили войну Франціи, но дѣйствія ихъ въ этомъ году были неважны и незначительны. Въ 1703 г. война пріобрѣла характеръ болѣе рѣшительный. Въ Германіи Виллеръ и курфюрстъ баварскій, одержавъ важные успѣхи надъ императорскими войсками, готовились внести оружіе въ родовыя владѣнія австрійскаго дома. Но несогласія, произшедшія между ними, въ особенности же нерѣшительность курфюрста, воспрепятствовали исполненію этого. За всѣмъ тѣмъ Виллеръ одержалъ (1703 г.) надъ императорскими войсками побѣду при Гохштедтѣ, не имѣвшую никакихъ важныхъ послѣдствій только потому, что курфюрстъ баварскій не умѣлъ ею воспользоваться. Въ Нидерландахъ, Италіи и Испаніи обѣ стороны ограничивались однимъ маневрированіемъ, осадами крѣпостей и веденіемъ малой войны. Въ 1704 году союзники, встревоженные успѣхами Людовика XIV, сосредоточили бо́льшую часть своихъ силъ въ Германіи. Французы послѣдовали ихъ примѣру, и побѣда, одержанная союзниками надъ ними въ сраженіи (2-мъ) при Гохштедтѣ, дала рѣшительный оборотъ войнѣ въ Германіи. Курфюрстъ баварскій лишился своихъ владѣній, и съ тѣхъ поръ до самаго конца войны французы ограничивались со стороны Германіи одною обороною Рейна. Въ 1705 г. императоръ Леопольдъ I умеръ; но преемникъ его, Іосифъ I продолжалъ вести войну на прежнемъ основаніи. Наконецъ побѣды, одержанныя надъ французами въ 1706 г. принцомъ Евгеніемъ при Туринѣ и герцогомъ Марлборо—при Рамильи въ Нидерландахъ, дали рѣшительный оборотъ всей войнѣ вообще. Первая изъ этихъ побѣдъ предала во власть союзниковъ всю Италію и королевство обѣихъ Сицилій, а послѣдняя — Брабантъ и Фландрію. Послѣ этихъ трехъ побѣдъ (при Гохштедтѣ, Туринѣ и Рамильи) Людовикъ XIV принужденъ былъ съ 1707 г. ограничиться обороною собственныхъ предѣловъ Франціи. Въ Испаніи эрцгерцогъ Карлъ держался въ Каталоніи, а Филиппъ V въ Кастиліи. На моряхъ важнѣйшимъ событіемъ было взятіе англичанами Гибралтара.

Союзники хотѣли воспользоваться успѣхами, одержанными ими и превзошедшими всѣ ихъ ожиданія, но не знали, какъ вѣрнѣе достигнуть того, и наконецъ рѣшились овладѣть постепенно тѣмъ, что́ у нихъ было, такъ сказать, подъ рукою. Въ 1707 году они предположили: въ Нидерландахъ—завоевать остальную часть Брабанта, со стороны Рейна—вторгнуться въ Эльзасъ, со стороны Альповъ—направиться къ Тулону, а въ Испаніи—къ Мадриду. Французы не только отстояли свои границы, но и взяли еще въ Германіи штолгоффенскія линіи, а въ Испаніи, послѣ побѣды при Алмансѣ, пріобрѣли рѣшительный перевѣсъ надъ эрцгерцогомъ Карломъ, котораго могли бы даже совершенно вытѣснить изъ Испаніи, еслибы только дѣйствовали рѣшительнѣе. Вслѣдствіе того, въ 1708 году Людовикъ XIV положилъ дѣйствовать въ Нидерландахъ наступательно. Но пораженія, претерпѣнныя арміями его при Уденардѣ (1708) и при Малплакѣ (1709), недостатокъ денежныхъ средствъ, голодъ, жестокая зима и истощеніе Франціи принудили его снова ограничиться одною обороною и даже предложить союзникамъ миръ, условія котораго съ его стороны были болѣе, нежели умѣренныя. Именно—онъ соглашался признать эрцгерцога Карла королемъ испанскимъ, содѣйствовать союзникамъ къ низведенію своего внука съ испанскаго престола, признать курфюрста бранденбургскаго королемъ прусскимъ, герцога ганноверскаго—курфюрстомъ, а дочь Іакова II, Анну—королевою англійскою, удалить изъ Франціи Стюартовъ, возвратить Страсбургъ, Кель, Брейзахъ, срыть всѣ крѣпости на Рейнѣ отъ Базеля до Филипсбурга, уступить Эльзасъ, срыть Дюнкирхенъ и отдать голландцамъ крѣпости: Фюрнъ, Кнокъ, Менень, Иперн, Лилль, Турнэ, Конде и Мобёжъ. Но союзники, не допустивъ французскихъ уполномоченныхъ на конгрессъ въ Гертруйденбергѣ (въ Голландіи), требовали, чтобы французскій король обратилъ французскія же войска противъ своего внука, короля испанскаго. Сдѣлавъ тѣмъ заключеніе мира невозможнымъ и выставивъ многочисленную армію на сѣверной границѣ Франціи, они уже помышляли о раздѣлѣ сей послѣдней. Тогда Людовикъ XIV явилъ необыкновенную твердость духа и силою оружія рѣшился отстоять самобытность своего государства. Франція, не смотря на бѣдственное положеніе, въ которомъ находилась, устояла, спасенная въ равной мѣрѣ и твердостью Людовика XIV, и искуствомъ Виллара, и ничтожными дѣйствіями союзниковъ, и самыми обстоятельствами. Въ продолженіи 1710 и 1711 годовъ Марлборо и принцъ Евгеній, при значи-

тельномъ превосходствѣ въ силахъ, ограничились взятіемъ нѣсколькихъ крѣпостей. Виллеръ сдѣлалъ тщетными всѣ покушенія ихъ проникнуть во внутренность Франціи, а Вандомъ блистательнымъ походомъ своимъ въ Испаніи и побѣдою при Вилья-Висіоса (Villa Viciosa) въ 1710 г. утвердилъ престолъ Филиппа V. Вскорѣ два случайныя событія: перемѣна англійскаго министерства (въ исходѣ 1710 г.) и смерть императора Іосифа I (въ апрѣлѣ 1711 г. внезапно дали войнѣ совершенно другой оборотъ. Марлборо, глава виговъ, былъ отозванъ (въ началѣ 1712 г.) изъ арміи и Англія открыла мирные переговоры съ Франціей. Смерть же Іосифа I возвела на престолъ имперіи эрцгерцога Карла (подъ именемъ Карла VI), и тогда соединеніе имперіи и Испаніи подъ властью послѣдняго уже не соотвѣтствовало болѣе видамъ европейской политики. Въ исходѣ 1711 г. Англія заключила съ Франціей въ Утрехтѣ миръ, условія котораго были несравненно выгоднѣе для Людовика XIV, нежели тѣ, которыя онъ предлагалъ въ 1709 году. Затѣмъ войну съ Франціей продолжалъ вести уже одинъ императоръ съ своими союзниками. Но побѣда Виллара при Дененѣ (Denain) въ 1712 г., въ особенности же истощеніе Австріи, повели наконецъ къ общему европейскому миру, который и былъ заключенъ (въ 1714 г.) въ Раштадтѣ на тѣхъ же условіяхъ, что̀ и миръ Утрехтскій. Такимъ образомъ война, въ которой союзники готовились уже раздѣлить Францію, кончилась выгодно для сей послѣдней: она сохранила свою самобытность, не потеряла ни одной области и достигла цѣли, съ которою предприняла войну, потому что Филиппъ V былъ всѣми государствами Европы признанъ королемъ испанскимъ.

§ 5.

Походъ принца Евгенія савойскаго въ Италіи въ 1701 году.

Въ началѣ 1701 года въ сѣверной Италіи было около 44,000 французскихъ войскъ (33,000 въ полѣ, 5,000 въ Мантуѣ и около 6,000 по гарнизонамъ въ Мирандолѣ, Кремонѣ, Пиццигетоне, Лоди, Лекко и др). Начальствовавшій ими маршалъ Катина̀, имѣя отъ своего двора приказаніе не начинать первому военныхъ дѣйствій, ограничиваться обороною и въ особенности не переходить на лѣвую сторону р. Адижа, расположился съ главными своими силами при Риволи, преграждая такимъ образомъ императорскимъ войскамъ кратчайшій путь, по которому они могли изъ Тироля вступить въ сѣверную Италію.

Такое расположеніе французской арміи и данныя маршалу Катина̀ приказанія побудили принца Евгенія савойскаго (посланнаго императоромъ съ 30 т. войскъ для вытѣсненія французовъ изъ сѣверной Италіи) изъ тріентской области совершить фланговое движеніе внизъ по лѣвому берегу Адижа и перейти черезъ эту рѣку въ нижней ея части. Для этого онъ началъ прокладывать чрезъ горы на лѣвомъ берегу Адижа новую дорогу. Дорога эта была проложена и войска перешли по ней черезъ горы къ Веронѣ скрытно и безпрепятственно, потому что горы скрывали отъ французовъ и работы, и движеніе войскъ, главнѣйше же потому, что Катина̀ не могъ перейти черезъ Адижъ. Коль же скоро французскій полководецъ удостовѣрился въ движеніи принца Евгенія къ нижнему Адижу, то, оставивъ часть войскъ при Риволи, съ главными силами послѣдовалъ, внизъ по правому берегу Адижа, за движеніемъ принца Евгенія и вскорѣ растянулъ и раздробилъ свою армію вдоль рѣки. Принцъ Евгеній, пользуясь тѣмъ, безпрепятственно перевелъ черезъ нижній Адижъ при Кастельбальдо, ниже Вероны, всю свою армію по частямъ, расположился на правомъ флангѣ французской арміи, взялъ Карпи и разбилъ въ этомъ мѣстѣ часть французскихъ войскъ. Онъ могъ бы, двинувшись вверхъ по правому берегу Адижа, разбить по частямъ растянутую и раздробленную отъ Риволи до Остиліи французскую армію, но, задержанный дурными дорогами и выжидая прибытія своей осадной артиллеріи, дѣйствовалъ не довольно быстро и рѣшительно и тѣмъ далъ маршалу Катина̀ время сосредоточить свои силы у Виллафранка, между Адижемъ и Минчіо. Вскорѣ принцъ Евгеній двинулся къ Пескіерѣ фланговымъ движеніемъ мимо французской арміи, въ недальнемъ отъ нея разстояніи. Къ счастію для него, Катина̀ не отважился атаковать его во время этого движенія. Недовольный нерѣшительностью дѣйствій маршала Катина̀, Людовикъ XIV отозвалъ его и назначилъ на его мѣсто Виллеруа, до прибытія котораго главное начальствованіе надъ французскою арміей въ Италіи принялъ герцогъ савойскій, присоединившій къ ней около 17 т. собственныхъ войскъ, такъ что силы ея возросли до 50 т. войскъ. Герцогъ савойскій перешелъ въ Гонто на правую сторону р. Минчіо, а принцъ Евгеній, по достиженіи Пескіеры ставшій на прямыхъ и ближайшихъ сообщеніяхъ своихъ съ Тиролемъ, двинулся от-

туда къ Брешіи, въ обходъ лѣваго фланга французской арміи, угрожая собщеніямъ ея съ Франціею. При этомъ онъ и самъ подвергался опасности быть отрѣзаннымъ вдвое сильнѣйшею французскою арміею отъ сообщеній своихъ съ Тиролемъ. Но герцогъ савойскій не только не думалъ воспользоваться тѣмъ, но и поспѣшилъ еще отступить за р.р. Кіезе и Олліо, чтобы обезпечить собственныя свои сообщенія и успѣть встрѣтить принца Евгенія съ фронта. Между тѣмъ послѣдній, въ ожиданіи прибытія изъ Тироля подкрѣпленій (10 т.), остановился въ сильной укрѣпленной позиціи при Кіари. Вскорѣ прибылъ Виллеруа. Рѣшась атаковать принца Евгенія до присоединенія къ нему ожидаемыхъ имъ подкрѣпленій, онъ перешелъ (въ началѣ сентября) черезъ Олліо съ 45 т. войскъ и былъ такъ увѣренъ въ побѣдѣ, что даже не взялъ съ собою артиллеріи. Это обстоятельство было одною изъ главныхъ причинъ неудачи его предпріятія: атака его противъ позиціи принца Евгенія при Кіари была отражена съ большимъ для французовъ урономъ и они были принуждены отступить; но принцъ Евгеній не преслѣдовалъ ихъ. Остальная часть похода состояла изъ незначительныхъ дѣйствій малой войны, которыя были впрочемъ выгодны для императорской и невыгодны для французской арміи. Результатомъ ихъ было то, что послѣдняя перешла за р. Олліо и расположилась на зимнихъ квартирахъ между этою рѣкою и Кремоною, а принцъ Евгеній, занявъ нѣсколько пунктовъ на р.р. Олліо и нижнемъ По, равно Гуасталлу и Мирандолу, расположился на зимнихъ квартирахъ за р.р. Олліо и Минчіо, лѣвымъ флангомъ къ р. По.

Принцъ Евгеній одержалъ въ этомъ походѣ надъ французами важные и блистательные, по понятіямъ того времени, успѣхи. Неудачи же французовъ должно преимущественно приписать: во 1-хъ данному маршалу Катина приказанію — не переходить черезъ Адижъ; еслибы такого приказанія дано не было, то принцъ Евгеній вѣроятно не рѣшился бы двинуться къ нижнему Адижу и перейти черезъ него, а еслибы и перешелъ, то армія его легко могла бы быть отрѣзана отъ Тироля и уничтожена; во 2-хъ тайнымъ сношеніямъ герцога савойскаго съ принцомъ Евгеніемъ, посредствомъ которыхъ послѣднему были извѣстны всѣ намѣренія французовъ; въ 3-хъ раздробленію французской арміи и въ 4-хъ неспособности и ошибкамъ французскихъ генераловъ.

§ 6.

Походъ принца Евгенія савойскаго въ Италіи въ 1702 году.

Намѣреваясь въ этомъ году продолжать наступательныя дѣйствія противъ французской арміи, находившейся въ миланской области, принцъ Евгеній стѣснилъ блокаду Мантуи (предпринятую еще въ 1701 г.), учредилъ въ Берселло, Гуасталлѣ, Луццарѣ, Мирандолѣ и Боргофорте магазины и открылъ дѣйствія внезапнымъ нападеніемъ на Кремону, въ которой, впереди квартирнаго расположенія французской арміи, находились главная квартира ея и самъ Виллеруа, и взялъ послѣдняго въ плѣнъ, но не могъ удержаться въ Кремонѣ, взятой хитростью и почти съ одною конницей, и былъ принужденъ отступить.

Герцогъ Вандомъ, принявшій, вмѣсто Виллеруа, начальствованіе надъ французскою арміей, рѣшился идти къ р. Минчіо и, ставъ на сообщеніяхъ принца Евгенія съ Тиролемъ, принудить его къ бою, либо по крайней мѣрѣ снабдить Мантую продовольствіемъ. Усиливъ свою армію подкрѣпленіями до числа 51 т. войскъ, Вандомъ перешелъ въ Поптевико черезъ Олліо и двинулся къ Гопто на р. Минчіо. Обойденный и отрѣзанный отъ прямыхъ и ближайшихъ сообщеній своихъ съ Тиролемъ, принцъ Евгеній принужденъ былъ отступить съ 39 т. своихъ войскъ къ блокируемой имъ Мантуѣ и расположился близъ нея въ сильной позиціи, примыкая правымъ флангомъ къ Мантуѣ, а продовольствіе получая уже изъ магазиновъ, учрежденныхъ имъ во владѣніяхъ моденскихъ, на правой сторонѣ нижняго По. Снабдивъ Мантую продовольствіемъ, Вандомъ расположился противъ арміи принца Евгенія, въ позиціи при Рпвальтѣ. Въ этомъ положеніи обѣ арміи оставались цѣлый мѣсяцъ въ бездѣйствіи, ведя малую войну. Наконецъ Вандомъ, оставивъ 23 т. подъ начальствомъ Водемона, для прегражденія противнику прямаго пути отступленія въ Тироль, самъ съ 28 т. войскъ двинулся къ Кремонѣ и Казаль-Маджіоре, намѣреваясь перейти на правую сторону р. По, отрѣзать принца Евгенія отъ магазиновъ, учрежденныхъ имъ во владѣніяхъ моденскихъ, и такимъ образомъ вытѣснить его совершенно изъ Италіи, Перейдя черезъ По, разбивъ часть непріятельской конницы на р. Кростоло, взявъ Реджіо, Модену, Карпи и усиливъ свои войска до числа 36 т. чел., Вандомъ двинулся къ Луццарѣ, имѣя въ виду овладѣть мостами принца Евгенія на

р. По. А между тѣмъ принцъ Евгеній, при всей бдительности Водемона, успѣлъ обмануть его, перевесть постепенно всю свою армію въ Боргофорте черезъ р. По и, сосредоточивъ до 36 т. войскъ, двинуться также къ Луццарѣ. Устроивъ здѣсь засаду, онъ намѣревался напасть на французскую армію врасплохъ; но засада эта была случайно открыта французами и принцъ Евгеній принужденъ вступить въ бой, который кончился для него невыгодно. Хотя обѣ стороны равно приписывали себѣ побѣду въ немъ, но принцъ Евгеній былъ принужденъ отступить къ р. По. Затѣмъ обѣ арміи снова оставались въ бездѣйствіи, въ продолженіи котораго французы отняли однако у непріятеля всѣ его магазины, за исключеніемъ только тѣхъ, которые находились въ Мирандолѣ. Вандомъ двинулся наконецъ и къ этому городу, но, бывъ предупрежденъ принцомъ Евгеніемъ, при всемъ превосходствѣ своемъ въ силахъ (56 т. войскъ), не атаковалъ его. Послѣ того принцъ Евгеній покушался еще овладѣть посредствомъ хитрости Мантуей и мостомъ черезъ По при Гуасталлѣ, но не успѣлъ ни въ томъ, ни въ другомъ, и вскорѣ обѣ арміи расположились на зимнихъ квартирахъ.

Походъ 1702 года кончился неудачно для принца Евгенія, который принужденъ былъ очистить лѣвую сторону р. По и отступить на правую, лишился прямыхъ и ближайшихъ сообщеній съ Тиролемъ и едва удержался въ одной незначительной области Мирандолѣ.

Походы 1701 и 1702 годовъ въ Италіи замѣчательны въ слѣдующемъ отношеніи: въ 1701 году принцъ Евгеній вступилъ въ Италію чрезъ вновь проложенную имъ на лѣвомъ берегу Адижа дорогу и дошелъ до Пескіеры, не имѣя магазиновъ и вовсе почти не получая ни подкрѣпленій, ни подвозовъ изъ Австріи. Въ 1702 году всѣ средства, необходимыя для веденія войны, онъ получалъ уже почти исключительно изъ завоеванныхъ имъ областей: Мирандолы и мантуанской, и только частію изъ Австріи. Такимъ образомъ содержаніе императорской арміи средствами завоеваннаго края, почти ничего не стоившее Австріи, составляетъ замѣчательное исключеніе изъ общепринятыхъ въ то время правилъ касательно содержанія арміи средствами собственнаго края и сообразныхъ съ тѣмъ дѣйствій ихъ.

§ 7.

Походъ 1704 года въ Германіи.

Особенная важность Баваріи для обѣихъ воюющихъ сторонъ побудила ихъ сосредоточить въ ней въ 1704 году наибольшую часть своихъ силъ, ограничиваясь въ другихъ странахъ дѣйствіями оборонительными. Для французовъ Баварія была важна тѣмъ, что въ этомъ, союзномъ съ ними и сосѣдственномъ съ Австріею краѣ они вели войну внѣ собственныхъ своихъ предѣловъ, равно и тѣмъ, что изъ него имъ было ближе и удобнѣе дѣйствовать противъ родовыхъ владѣній императора. Для императора же и его союзниковъ, по тѣмъ же самымъ причинамъ, выгодно было занять Баварію и, лишивъ Людовика XIV важнаго для него, въ лицѣ курфюрста баварскаго, союзника въ Германіи, перенести войну на границы Франціи и даже въ собственные ея предѣлы.

Вслѣдствіе того Людовикъ XIV предполагалъ сосредоточить въ Баваріи арміи Марсеня и Таллара, силою до 50,000 войскъ, которыя, вмѣстѣ съ 45,000 войскъ курфюрста баварскаго, составили бы 95,000 и могли бы дать войнѣ въ Германіи рѣшительный оборотъ въ пользу французовъ. Но Талларъ, изъ тщеславія желавшій дѣйствовать отдѣльно, представилъ королю столько затрудненій, что послѣдній отказался отъ своего намѣренія и ограничился тѣмъ, что приказалъ Марсеню, находившемуся у Аугсбурга, движеніемъ къ истокамъ Дуная сблизиться съ Рейномъ, принять изъ арміи Таллара 10,000 рекрутъ и потомъ вмѣстѣ съ войсками курфюрста баварскаго дѣйствовать въ Германіи наступательно.

Вслѣдствіе того Талларъ, еще до начала военныхъ дѣйствій, произведя ложныя наступательныя дѣйствія противъ штолгофенскихъ линій, успѣлъ перейти черезъ шварцвальдскія горы и, сдавъ Марсеню въ Виллингенѣ рекрутъ, возвратился за Рейнъ. Еслибы императорскіе генералы сосредоточили всѣ свои силы, находившіяся на среднемъ Рейнѣ и близъ него и простиравшіяся до 42,000 войскъ, то могли бы, дѣйствуя рѣшительно, разбить отдѣльно арміи Таллара и Марсеня. Принцъ баденскій дѣйствительно сосредоточилъ при Ротвейлѣ около 55,000 войскъ и пытался отрѣзать Марсеня отъ Баваріи, но дѣйствовалъ слишкомъ медленно и нерѣшительно и вмѣсто того, чтобы изъ Ротвейля двинуться прямо къ Тутлингену, во флангъ и въ тылъ Марсеню, направился къ Виллингену, открылъ тѣмъ Марсеню путь въ Баварію, могъ уже

только послѣдовать за нимъ съ тыла и расположился у Мундеркирхена на Дунаѣ, когда Марсень остановился при Ульмѣ.

Между тѣмъ Марльборо получилъ приказаніе—изъ Нидерландовъ идти въ Германію. Взявъ съ собою только 16,000 войскъ, онъ двинулся вверхъ по лѣвому берегу Рейна, присоединяя къ себѣ на пути гарнизоны, и переправясь въ Кобленцѣ на правую сторону Рейна уже съ 30,000 войскъ, слѣдовалъ къ Ладенбургу, на Неккарѣ, близъ впаденія этой рѣки въ Рейнъ. Движеніе его встревожило французовъ, которые, опасаясь за крѣпости въ сѣверномъ Эльзасѣ, особенно за Ландау, сосредоточили близъ послѣдней изъ Нидерландовъ, съ Мозели и средняго Рейна войска Виллеруа, Куаньи и Таллара, всего около 58,000. Но имѣвъ случай и возможность двинуться и дѣйствовать съ превосходными силами во флангъ Марльборо, слѣдовавшему очень медленно къ Кобленцу, Виллеруа, Куаньи и Талларъ, вмѣсто того, остались въ бездѣйствіи при Ландау и дозволили такимъ образомъ Марльборо безпрепятственно перейдти черезъ Рейнъ и дойдти до Ладенбурга, откуда онъ уже безопасно продолжалъ свое движеніе чрезъ Гейльброннъ къ Ульму. Здѣсь онъ соединился съ 32,000 войскъ принца баденскаго и соединенныя силы ихъ составили до 62,000 войскъ при 48 орудіяхъ. 37,000 императорскихъ и союзныхъ германскихъ войскъ, подъ начальствомъ принца Евгенія савойскаго, остались въ штолгоффенскихъ линіяхъ для удержанія Виллеруа, Куаньи и Таллара. Въ это время и Марсень соединился также съ курфюрстомъ баварскимъ: соединенныя силы ихъ составили около 63,000 войскъ при 130 орудіяхъ и, для успѣшнѣйшаго удержанія Марльборо и принца баденскаго отъ перехода черезъ Дунай и движенія въ Баварію, были расположены въ укрѣпленномъ лагерѣ между Лаунигеномъ и Диллингеномъ, на лѣвомъ берегу Дуная—тыломъ къ рѣкѣ.

Марльборо и принцъ баденскій, имѣя въ виду проникнуть въ Баварію, не перешли черезъ Дунай тамъ, гдѣ уже находились, т. е. въ Ульмѣ или по близости, но двинулись спачала къ р. Бренцъ, а потомъ фланговымъ движеніемъ въ виду самаго лаунигенскаго лагеря—къ Донауверту. Марсень и курфюрстъ баварскій, не отважившись атаковать ихъ во время этого движенія, оставались въ своемъ лагерѣ и дозволили имъ безпрепятственно пройдти почти подъ выстрѣлами его, по неудобнымъ притомъ дорогамъ. Но коль скоро курфюрстъ баварскій удостовѣрился, что они идутъ къ Донауверту, то и самъ послѣдовалъ туда же. Приблизясь къ шелленбергскому укрѣпленному лагерю, прикрывавшему съ лѣваго берега Дуная Донауверть и мость въ немъ на этой рѣкѣ, Марльборо атаковалъ его съ фронта, но безъ успѣха, до тѣхъ поръ, пока прибывшій позже принцъ баденскій не атаковалъ траншеи, соединявшей лагерь съ городомъ и слабо занятой баварскими войсками. Взятіе шелленбергскаго лагеря приступомъ, стоившее Марльборо и принцу баденскому потери 6,000 войскъ, а курфюрсту баварскому только 1,600 чел., тѣмъ не менѣе произвело на послѣдняго столь сильное нравственное впечатлѣніе, что, считая уже все потеряннымъ, онъ отступилъ поспѣшно изъ Донауверта, въ которомъ могъ еще съ успѣхомъ обороняться, размѣстилъ почти всѣ свои войска по крѣпостямъ Баваріи и, оставивъ при себѣ только французскія войска Марсеня и 5,000 собственныхъ войскъ, разположился въ сильной позиціи при Аугсбургѣ. Союзники, перейдя въ Донаувертѣ черезъ Дунай, не отважились атаковать курфюрста и Марсеня при Аугсбургѣ и, чтобы выманить ихъ оттуда, стали опустошать Баварію.

Между тѣмъ Талларъ, получивъ отъ Людовика XIV приказаніе съ отборными войсками идти съ Рейна въ Баварію на помощь курфирсту и Марсеню, перешелъ съ 26,000 войскъ черезъ Рейнъ въ Страсбургѣ и двинулся долиною Дуная къ Аугсбургу, а Виллеруа и Куаньи съ 34,000 войскъ остались на обоихъ берегамъ Рейна противъ штолгоффенскихъ линій. Съ своей стороны принцъ Евгеній, оставивъ въ послѣднихъ 21,000 войскъ, самъ съ 16,000 пытался воспрепятствовать соединенію Таллара съ Марсенемъ, но не имѣлъ въ томъ успѣха. Талларъ предупредилъ его и безпрепятственно соединился при Аугсбургѣ съ курфюрстомъ баварскимъ и Марсенемъ. Соединенныя силы ихъ составили до 57,000 войскъ. Принцъ Евгеній же расположился при Диллингенѣ. Въ это время Марльборо, вслѣдствіе несогласій между нимъ и принцомъ баденскимъ, желая подъ какимъ-либо благовиднымъ предлогомъ избавиться отъ совмѣстничества послѣдняго, поручилъ ему съ 15,000 войскъ производить осаду, впрочемъ не необходимую, Ингольштадта, а самъ расположенъ былъ между Аугсбургомъ и Ингольштадтомъ.

Чтобы принудить союзниковъ къ удаленію изъ Баваріи на лѣвую сторону Дуная, курфюрстъ баварскій, Марсень и Талларъ прибѣгли къ страннному средству, именно—сами перешли на лѣвый берегъ Дуная и внизъ по оному двинулись къ Гохштедту. А между тѣмъ, оставаясь въ сильной позиціи своей при Аугсбургѣ, они удерживали бы союзниковъ въ бездѣйствіи и принудили бы ихъ, для занятія Баваріи, осаждать баварскія крѣпости.

Впрочемъ они не ошиблись въ своихъ предположеніяхъ: Марльборо соединился на нижнемъ Лехѣ съ принцомъ Евгеніемъ, отступившимъ передъ французско-баварскою ар-

міею, и перейдя вмѣстѣ съ нимъ въ Донаувертѣ на лѣвый берегъ Дуная, двинулся также къ Гохштедту. Здѣсь обѣ арміи, каждая силою около 63,000 войскъ, встрѣтились и вступили въ бой—почти случайно. Марсепь и Талларъ, предполагая, что союзники направятся къ Нёрдлингену, нимало ни ожидали сраженія и расположились при Гохштедтѣ не въ боевомъ, а въ походномъ порядкѣ, въ которомъ слѣдовали. Такъ какъ Марсень и Талларъ начальствовали своими арміями независимо одинъ отъ другаго и войска ихъ сохраняли обыкновенно отдѣльный строй, то армія Таллара и составляла правое, а армія Марсеня лѣвое крыло, конница лѣваго крыла Таллара прымыкала къ конницѣ праваго крыла Марсеня и слѣдовательно наибольшее число французской конницы находилось въ центрѣ всей арміи! Сверхъ того, въ этомъ самомъ мѣстѣ, близь селенія Оберъ-Клау (нынѣ Оберъ-Глаугеймъ), боевая линія французовъ составляла исходящій къ сторонѣ непріятеля уголъ. Передъ фронтомъ ея, въ низменной и сырой ложбинѣ протекалъ ручей Небельбахъ, но французы были расположены слишкомъ далеко отъ него. Правый флангъ Таллара примыкалъ къ Дунаю и селенію Бленгеймъ (нынѣ Блиндгеймъ) близъ него, которое Талларъ занялъ 27-ю баталіонами пѣхоты и 12-ю эскадронами драгуновъ, всего 14,700-ми чел. войскъ. Марсень занялъ частію своей пѣхоты лежавшія передъ его фронтомъ селенія Оберъ-Клау и Лютцингенъ. Такимъ образомъ расположеніе французовъ при Гохштедтѣ, нимало несообразное съ мѣстностью, было во всѣхъ вообще отношеніяхъ ошибочно. Удостовѣрившись въ томъ, при обозрѣніи его, Марльборо на этомъ основалъ планъ своей атаки. Чтобы удобнѣе прорвать центръ французовъ, а между тѣмъ лучше скрыть свое намѣреніе, онъ поручилъ принцу Евгенію съ правымъ крыломъ союзной арміи произвесть первоначально ложную атаку противъ лѣваго крыла французовъ, т. е. противъ Марсеня. Атака эта была отражена, но пока она производилась, англо-голландская пѣхота безпрепятственно построилась въ нѣсколько линій позади ручья Небельбаха, атаковала селенія Бленгеймъ и Оберъ-Клау, и подъ прикрытіемъ этихъ атакъ, хотя и отраженныхъ французами съ большимъ урономъ для союзниковъ, устроила переправу черезъ Небельбахъ для конницы. Послѣдняя, перейдя черезъ Небельбахъ, атаковала французскую конницу, расположенную въ центрѣ, была нѣсколько разъ опрокидываема ею, но каждый разъ наводила ее на свою пѣхоту, которая сильнымъ, мѣткимъ ружейнымъ огнемъ отразила всѣ ея атаки, привела ее въ разстройство и, вмѣстѣ съ союзною конницей, нанесла какъ ей, такъ и 9-ти баталіонамъ пѣхоты, остававшимся въ центрѣ у Таллара, сильный уронъ и наконецъ совершенное пораженіе. Такимъ образомъ центръ французской арміи былъ прорванъ, а войска, его составлявшія, частію истреблены, частію взяты въ плѣнъ, частію же преслѣдованы къ Гохштедту. Марльборо окружилъ 14,700 французскихъ войскъ, безъ всякой пользы находившихся въ Бленгеймѣ,—послѣ упорнаго сопротивленія оныхъ принудилъ ихъ положить оружіе и обратился противъ праваго фланга Марсеня, котораго принцъ Евгеній вторично и съ успѣхомъ атаковалъ между тѣмъ съ фронта и лѣваго фланга. Тѣсимый такимъ образомъ съ фронта и обоихъ флангов, Марсень поспѣшилъ отступить. Французскія арміи претерпѣли совершенное пораженіе и изъ 63,000 войскъ потеряли до 15,000 убитыхъ и раненыхъ и до 15,000 взятыхъ въ плѣнъ, всего до 30,000 чел. и сверхъ того 35 орудій, бо́льшую часть обозовъ и проч. Союзники, потеря которыхъ простиралась до 11,000 чел., были обязаны одержанною ими рѣшительною и блистательною побѣдою грубымъ ошибкамъ французскихъ генераловъ, которыми Марльборо умѣлъ искусно и удачно воспользоваться. Но пораженіе французовъ могло бы быть еще рѣшительнѣе, во 1-хъ еслибы Марльборо, прорвавъ центръ французской арміи и оставивъ часть войскъ для обложенія Бленгейма и удержанія находившихся въ немъ войскъ, всѣми силами атаковалъ Марсеня съ тыла и праваго фланга въ то время, когда принцъ Евгеній тѣснилъ его съ фронта и лѣваго фланга, и во 2-хъ еслибы союзники преслѣдовали разбитую французскую армію. Но они нимало о томъ не помышляли и пять дней оставались на полѣ сраженія. Тѣмъ не менѣе Марсень съ остатками своихъ войскъ (33,000) и при нихъ курфюрстъ баварскій отступили долиною Дуная къ Рейну и, перейдя черезъ него въ Страсбургѣ, соединились съ 20,000 войскъ Виллеруа и 10,000 войскъ Куаньи, что́ и составило снова 60-титысячную армію.

Побѣда при Гохштедтѣ имѣла весьма важныя послѣдствія и дала войнѣ въ Германіи рѣшительный оборотъ. Союзники двинулись къ Филипсбургу, взяли Ульмъ, перешли въ числѣ 65,000 войскъ черезъ Рейнъ, овладѣли Трарбахомъ и осадили Ландау. Хотя французы имѣли на среднемъ Рейнѣ почти равныя съ ними силы, но пораженіе, претерпѣнное ими при Гохштедтѣ, произвело на нихъ такое сильное нравственное впечатлѣніе, что они не отважились болѣе вступить въ бой и, отступая передъ союзниками, позволили имъ взять Ландау и Триръ. Только одно расположеніе обѣихъ арміи съ наступленіемъ зимы, по обыкновенію, на зимнія квартиры, положило конецъ успѣхамъ союзниковъ. Въ ноябрѣ, по мирному договору, заключенному союз-

никами съ супругою курфюрста баварскаго, владѣнія и всѣ крѣпости послѣдняго перешли во власть союзниковъ, а баварскія войска были распущены.

Походъ 1704 года служилъ явнымъ опроверженіемъ укоренившихся ложныхъ понятій о неважности боя и о важности крѣпостей, укрѣпленныхъ линій и маневрированія. Необыкновенно важный, по сравненію съ прочими походами, результатъ похода 1704 г. пріобрѣтенъ былъ единственно вслѣдствіе сосредоточенія съ той и другой стороны главныхъ силъ, въ важнѣйшемъ для обѣихъ сторонъ краю (Баваріи), сраженія, произшедшаго между ними при Гохштедтѣ и одержанной въ немъ побѣды. И прежде этого сраженія бой имѣлъ весьма важные результаты: взятіе шеллепбергскаго укрѣпленнаго лагеря приступомъ, съ боя, до того устрашило курфюрста баварскаго, что онъ отступилъ къ Аугсбургу и размѣстилъ почти всю свою армію по крѣпостямъ Баваріи. Но занятіе большаго числа крѣпостей не спасло его: послѣ побѣды при Гохштедтѣ онъ лишился и крѣпостей, и владѣній своихъ. Штолгоффенскія же линіи не только не доставили императорскимъ войскамъ никакой пользы, но были даже вредны для нихъ въ томъ отношеніи, что опасеніе потери оныхъ и тщательное охраненіе ихъ со стороны союзниковъ способствовали Таллару, въ первый разъ—сдать Марселю рекрутъ, а въ другой — пройдти безпрепятственно въ Баварію.

ГЛАВА III.

ПОХОДЫ ПРИНЦА ЕВГЕНІЯ ВЪ ИТАЛІИ ВЪ 1705-6-7 Г.Г.

§ 8.

Походъ принца Евгенія савойскаго въ 1705 году въ Италіи.

Въ сѣверной Италіи, въ началѣ 1705 г., герцогъ савойскій и Штарембергъ, не смотря на соединеніе свое, находились въ самомъ трудномъ положеніи. Вандомъ, обладавшій въ концѣ 1704 года сѣверною и сѣверо-восточною частью Піемонта и Савоіи, съ наступленіемъ весны взялъ крѣпость Верруа. Французскихъ войскъ въ Италіи было всего до 77,000. Изъ нихъ 22,000 подъ личнымъ начальствомъ Вандома находились въ Піемонтѣ; братъ Вандома съ 15,000 войскъ наблюдалъ въ брешіанской области за 8,000 императорскихъ войскъ, отступившихъ на западный берегъ Гардскаго озера; Ла-Фёльядъ (La-Feuillade) съ 11,000 занималъ графство ниццское, генералъ Ланара́ съ 5,000 осаждалъ Мирандолу, наконецъ 24,000 размѣщены были по гарнизонамъ въ крѣпостяхъ. Соединенныя же силы Штаремберга и герцога савойскаго не превосходили 16,000, съ которыми они старались только удержаться между оставшимися въ ихъ власти крѣпостями Піемонта. Принцу Евгенію поручено было съ 28,000 войскъ идти въ Піемонтъ на соединеніе съ ними. По прибытіи въ Ровередо, онъ покушался сначала перейдти черезъ верхній Минчіо, но былъ удержанъ французами съ фронта и, узнавъ о прибытіи самаго Вандома съ подкрѣпленіями, переправился съ частью войскъ на судахъ черезъ Гардское озеро, а остальныя войска отправилъ въ обходъ по берегу его. Сосредоточивъ войска свои на западномъ берегу его, онъ расположился въ сильной позиціи между Сало и Гавардо. Вандомъ занялъ противъ него съ главными своими силами укрѣпленную позицію, стѣснилъ его между горами и озеромъ и, сдавъ начальствованіе брату своему, отправился въ Піемонтъ, гдѣ вскорѣ взялъ послѣднія крѣпости: Ниццу, Виллафранку и Кивассо, принудилъ герцога савойскаго отступить къ Турину и довелъ его до послѣдней крайности. Не смотря на то, принцъ Евгеній, ожидая подкрѣпленій изъ Тироля и удобнаго для дѣйствій случая, цѣлый мѣсяцъ оставался въ позиціи своей между Сало и Гавардо. Крайнее положеніе герцога савойскаго побудило его однако идти въ Піс-

монтъ. Пожертвовавъ своими сообщеніями съ Тиролемъ, онъ произвелъ ночью, долиною Офферто, фланговое движеніе къ Брешіи, предупредилъ брата Вандомова однимъ переходомъ и перешелъ въ Калчіо черезъ р. Олліо. Братъ Вандома, послѣдовавшій за нимъ съ боку, не отважился атаковать его на походѣ, самъ перешелъ черезъ Олліо въ Понте-Вико и расположился противъ него съ фронта между Крема и Лоди. Принцъ Евгеній взялъ Сончино, но не пошелъ далѣе къ р. Аддѣ, а остановился на позиціи при Романенго. Въ это время Вандомъ прибылъ на помощь къ своему брату и расположился при Казаль-Мораро, въ весьма близкомъ отъ принца Евгенія разстояніи. Оба полководца начали маневрировать, принцъ Евгеній—чтобы пройдти въ Піемонтъ, а Вандомъ—чтобы воспрепятствовать ему въ томъ. Принцъ Евгеній скорѣе всего могъ достигнуть своей цѣли босмъ, именно: двинувшись прямо противъ Вандома, расположеннаго на прямѣйшемъ и кратчайшемъ направленіи въ Піемонтъ, и старалясь разбить его въ бою, въ которомъ могъ надѣяться на успѣхъ, потому что былъ сильнѣе (у него было болѣе 30,000 войскъ, а у Вандома 22,000). Но принцъ Евгеній предпочелъ достигнуть своей цѣли посредствомъ хитростей и маневрированія. Сначала онъ двинулся скрытно и быстро къ Парадизо, на верхней Аддѣ, чтобы, отвлекши туда Вандома, открыть себѣ свободный путь въ Піемонтъ. Но, Вандомъ, зная хорошо принца Евгенія и страсть его къ хитростямъ, не допустилъ обмануть себя имъ. Перейдя въ Лоди, съ 9,000 войскъ, на правый берегъ Адды, онъ быстро двинулся вверхъ по оному, брата же своего оставилъ съ 13,000 войскъ на лѣвомъ берегу Адды, близъ Кассано, въ которомъ находился на Аддѣ мостъ, прикрытый на лѣвомъ берегу сильнымъ предмостнымъ укрѣпленіемъ и каналомъ Ритторто. Коль скоро Вандомъ прибылъ на верхнюю Адду, и, расположившись противъ принца Евгенія, преградилъ ему окопами выходъ на правый берегъ рѣки, принцъ Евгеній двинулся обратно къ Кассано. Въ это самое время братъ Вандома, по приказанію послѣдняго, отступилъ къ Ривольтѣ по лѣвому берегу Адды, ниже Кассано, и въ кассанскомъ предмостномъ укрѣпленіи находился только одинъ арріергардъ его. Принцъ Евгеній немедленно атаковалъ предмѣстное укрѣпленіе, но Вандомъ быстрымъ движеніемъ съ верхней Адды успѣлъ во-время прибыть къ Кассано и, не смотря на то, что имѣлъ почти втрое менѣе войскъ, нежели принцъ Евгеній, отразилъ его и принудилъ съ уономъ отступить къ Треввилліо. Кровопролитный бой при Кассано (въ которомъ самъ принцъ Евгеній былъ раненъ) могъ бы повести къ большему еще и даже совершенному пораженію императорскихъ войскъ, еслибы братъ Вандома атаковалъ ихъ изъ Ривольты съ тыла. Но онъ не отважился на это и былъ за то лишенъ начальствованія.

Послѣ боя при Кассано обѣ арміи, въ продолженіи цѣлыхъ 2-хъ мѣсяцовъ оставались одна противъ другой между рр. Аддой и Олліо въ бездѣйствіи. Принцъ Евгеній ожидалъ подкрѣпленій изъ Тироля, а Вандомъ наблюдалъ за нимъ. Наконецъ въ октябрѣ принцъ Евгеній предпринялъ фланговое движеніе къ нижнему Серіо, для того-ли, чтобы стараться пройти въ Піемонтъ обходомъ праваго фланга Вандома, или для того, чтобы занять выгоднѣйшія зимнія квартиры въ кремонской области. Но онъ шелъ такъ медленно, что Вандомъ черезъ Лоди и Пиццигетоне успѣлъ предупредить его на нижнемъ Серіо и воспрепятствовать переходу его черезъ него, съ значительнымъ для императорскихъ войскъ уономъ. Затѣмъ обѣ арміи двинулись вверхъ по обоимъ берегамъ р. Серіо. Принцу Евгенію удалось наконецъ скрытно перейти черезъ эту рѣку. Онъ расположился въ позиціи при Фонтанеллѣ, а Вандомъ сталъ противъ него и взялъ Сончино. Въ исходѣ октября принцъ Евгеній перешелъ черезъ р. Олліо и двинулся къ Кастиліоне, вѣроятно для удобнѣйшаго расположенія на зимнихъ квартирахъ въ области мантуанской. Но Вандомъ снова успѣлъ предупредить его на высотахъ между Лонато и Кастилліоне и принудилъ расположиться на зимнихъ квартирахъ по западную сторону Гардскаго озера.

Такимъ образомъ Вандомъ быстротою и рѣшительностью своихъ движеній и дѣйствій и искуснымъ маневрированіемъ сдѣлалъ тщетными всѣ покушенія принца Евгенія пройти въ Піемонтъ и достигнуть такимъ образомъ предназначенной ему въ этомъ походѣ цѣли. Дѣйствія Вандома стоятъ несравненно выше дѣйствій принца Евгенія, въ которыхъ не видно ни быстроты, ни рѣшительности, ни особеннаго искуства и которыя только тѣмъ были полезны для герцога савойскаго, что Вандомъ, присоединивъ къ себѣ часть войскъ Ла-Фёльяда, принужденъ былъ отложить осаду Турина до слѣдующаго года.

Разсматривая походъ 1705 г. въ Италіи, должно замѣтить, что и Вандомъ, и принцъ Евгеній, по свойственной тому времени страсти къ маневрированію, единственно этимъ средствомъ хотѣли достигнуть своихъ цѣлей и тѣмъ только безполезно продлили походъ, между тѣмъ какъ дѣйствія рѣшительныя и бой могли гораздо скорѣе повести ихъ къ тому. Изъ 77,000 французскихъ войскъ, которыя находились въ Италіи, Вандомъ могъ во всякомъ случаѣ употребить въ полѣ 50,000 и съ этими превосходными силами не только разбить, но совершенно уничтожить армію принца Евгенія и, обра-

тившись потомъ противъ герцога савойскаго, безъ труда побѣдить его. Тогда Туринъ покорился бы самъ собою и не было бы надобности употребить на осаду его много времени, трудовъ, войскъ и издержекъ. Но Вандомъ раздробилъ свои 77,000 войскъ на отдѣльные отряды въ полѣ, равно для занятія и осады крѣпостей, такъ что на Аддѣ былъ слабѣе принца Евгенія. Онъ не ограничился этимъ и раздѣлилъ еще 22,000 своихъ войскъ на двѣ части, отдѣленныя одна отъ другой рѣкою Аддою и каждая изъ которыхъ была гораздо слабѣе противной арміи. Такого рода ошибочное раздробленіе силъ и невозможность, вслѣдствіе того, боемъ уничтожить противника — Вандомъ вознаградилъ по крайней мѣрѣ быстротою и рѣшительностью своихъ движеній и дѣйствій и искуствомъ маневрированія. Принцъ Евгеній, напротивъ хотя и держалъ всегда силы свои въ совокупности и слѣдовательно, при раздробленіи силъ Вандома, былъ всегда сильнѣе его, однако нимало не умѣлъ тѣмъ воспользоваться, маневрированіе предпочелъ бою, дѣйствовалъ съ удивительными съ его стороны медленностью и нерѣшительностью—и потому всегда и во всемъ былъ предупреждаемъ Вандомомъ. Странно и непонятно кажется во 1-хъ то, что для вступленія въ Италію онъ не избралъ кратчайшаго пути долинами рр. Инна и Адды, по которому уже за 7 лѣтъ передъ тѣмъ императорскія войска проходили изъ Вальтелины въ Италію, а предпочелъ ему дальнѣйшій и опаснѣйшій путь черезъ тріентскую область, долиною Адижа и по обѣимъ сторонамъ Гардскаго озера; во 2-хъ то, что, взявъ Сончино, онъ не перешелъ тотчасъ черезъ Адду, а остановился на позиціи при Романенго, и наконецъ въ 3-хъ то, что столько времени (при Гавардо—1 мѣсяцъ, а при Тревилліо—2 мѣсяца) провелъ въ совершенномъ бездѣйствіи, между тѣмъ какъ герцогъ савойскій находился въ самомъ крайнемъ положеніи. Одна только черта его дѣйствій въ этомъ походѣ особенно замѣчательна, а именно то, что онъ и въ этомъ году, какъ и въ предъидущихъ, не стѣснялъ себя сохраненіемъ своихъ сообщеній съ Германіей и легко жертвовалъ ими.

§ 9.

Походъ принца Евгенія савойскаго въ 1706 году въ Италіи.

Съ наступленіемъ весны 1706 года Вандомъ, имѣя въ виду совершенно вытѣснить изъ Италіи императорскія войска, которыми въ отсутствіи принца Евгенія начальствовалъ графъ Ревентловъ, произвелъ внезапное нападеніе на нихъ въ зимнихъ квартирахъ ихъ, на западной сторонѣ Гардскаго озера, разбилъ часть ихъ при Кальчинато и принудилъ въ безпорядкѣ и съ урономъ около 3,000 чел. бѣжать въ тріентскую область. Принцъ Евгеній, прибывшій въ это самое время въ Ровередо, собралъ разсѣянную и разстроенную армію свою и двинулся немедленно обратно въ Сало и Гавардо. Но французы успѣли уже занять край по обѣ стороны Гардскаго озера, и принцъ Евгеній принужденъ былъ отступить обратно къ Адижу. Къ счастію для него, французы по оплошности не заняли переправы черезъ верхній Адижъ при Кіузѣ (Chiusa); иначе ему нельзя было бы спуститься долиною Адижа. Двинувшись внизъ по этой рѣкѣ, онъ расположился вдоль по лѣвому ея берегу, а Вандомъ, занявъ 30-ю тысячами войскъ горные проходы на западной сторонѣ Гардскаго озера, 26,000 расположилъ противъ принца Евгенія на правой сторонѣ Адижа. Въ этомъ положеніи обѣ арміи оставались болѣе ½ мѣсяца въ бездѣйствіи. Между тѣмъ Ла-Фёльадъ съ 42,000 войскъ еще въ маѣ осадилъ Туринъ. Герцогъ савойскій спасся въ долину Люзернскую, въ горахъ Савоіи, и въ отчаяніи призывалъ на помощь принца Евгенія, который вслѣдствіе того рѣшился наконецъ идти въ Піемонтъ. Оставивъ принца ангальтскаго съ 8,000 войскъ около Вероны, для удержанія французовъ на Адижѣ, съ остальными 30,000 войскъ онъ двинулся внизъ по лѣвому берегу Адижа и въ Бадіа, ниже Кастельбальдо, перешелъ на правый берегъ. Въ это время искусный противникъ его, Вандомъ, былъ отозванъ во Фландрію, а вмѣсто него начальствованіе надъ французскою арміею въ Италіи ввѣрено было герцогу орлеанскому и подъ нимъ маршалу Марсеню. Эта несвоевременная и неудачная перемѣна повлекла за собою самыя невыгодныя для французовъ въ Италіи послѣдствія. Принцъ Евгеній, приказавъ принцу ангальтскому съ 8,000 его войскъ и 10,000 войскъ только-что присоединившагося къ нему принца гессенскаго, всего съ 18,000 оставаться противъ французовъ съ фронта на Адижѣ, самъ перешелъ въ Полизеллѣ черезъ нижній По и двинулся къ рѣчкѣ Пармеджіанѣ. Герцогъ орлеанскій отступилъ за р. Минчіо и, оставивъ на правомъ берегу ея 30,000 войскъ, самъ съ 26,000 перешелъ на правый берегъ р. По, но не отважился вступить съ принцомъ Евгеніемъ въ бой на р. Пармеджіанѣ. Узнавъ о наступательныхъ дѣйствіяхъ прин-

ца гессенскаго на р. Минчіо, онъ перешелъ обратно на лѣвую сторону р. По и открылъ такимъ образомъ принцу Евгенію проходъ въ Піемонтъ по правой сторонѣ р. По. Прибывъ на Минчіо, онъ нашелъ уже, что принцъ гессенскій взялъ на этой рѣкѣ Гонто и переправу въ немъ. Такимъ образомъ онъ не умѣлъ удержать ни принца Евгенія, ни принца гессенскаго. А между тѣмъ принцъ Евгеній, пользуясь удаленіемъ его, взялъ Карпи, Реджіо и Корреджіо и быстрымъ фланговымъ движеніемъ влѣво слѣдовалъ къ Пармѣ и оттуда далѣе къ Піаченцѣ. Герцогъ орлеанскій послалъ 7,000 войскъ къ Страделлѣ на р. По и самъ послѣдовалъ за ними съ главными силами, оставивъ на р. Минчіо 10,000 войскъ подъ начальствомъ генерала Медави (Medavi). Узкая тѣснина, образуемая при Страделлѣ Аппеннинскими горами и рѣкою По и составлявшая главное, на правой сторонѣ этой рѣки, сообщеніе восточной части сѣверной Италіи съ западною и какъ бы ключъ для входа въ Піемонтъ, была такъ важна и притомъ, по свойству мѣстности, ее можно было оборонять небольшимъ числомъ войскъ противъ превосходнѣйшихъ силъ съ такимъ успѣхомъ, что принцъ Евгеній нашелся бы въ весьма трудномъ и опасномъ положеніи, еслибы французы успѣли предупредить его при Страделлѣ. Но счастіе особеннымъ образомъ благопріятствовало ему въ этомъ походѣ. Онъ предупредилъ въ Страделлѣ французовъ, оставилъ въ этомъ мѣстѣ часть войскъ, а съ остальными продолжалъ идти далѣе, прошелъ, не осаждая и не облагая ихъ, между крѣпостями Александріей и Тортоной, которыя обѣ были заняты французскими войсками, и беспрепятственно соединился на верхнемъ По, въ Вилла-Стеллонъ (Villa-Stellon), съ герцогомъ савойскимъ, прибывшимъ туда съ этою цѣлью изъ Савоіи. Соединенныя силы ихъ составили около 36,000 войскъ. Герцогъ орлеанскій, не успѣвъ предупредить принца Евгенія въ Страделлѣ и тѣмъ воспрепятствовать движенію его въ Піемонтъ, поспѣшилъ предупредить его по крайней мѣрѣ при Туринѣ, въ чемъ и успѣлъ, двинувшись туда вверхъ по лѣвому берегу р. По. Соединенныя силы его и Ла-Фёльяда составили около 60,000 войскъ. При такомъ значительномъ превосходствѣ въ силахъ французы могли и должны были идти прямо противъ принца Евгенія и герцога савойскаго, вступить съ ними въ бой и разбить ихъ. Таково и было мнѣніе почти всѣхъ французскихъ генераловъ; но Марсень, предъявивъ письменное наставленіе, данное ему Людовикомъ XIV и которымъ король уполномочивалъ его дѣйствовать по усмотрѣнію, объявилъ намѣреніе свое выжидать непріятеля въ циркумвалаціонной линіи, устроенной вокругъ Турина, на лѣвомъ берегу р. По. Линія эта была уже сама по себѣ слаба и сверхъ того слабо занята войсками, особенно въ пространствѣ между рр. Дорою (Dorea Baltea) и Стурою, гдѣ находилось едва 8-000 войскъ. Принцъ Евгеній, перейдя черезъ верхній По и обойдя циркумвалаціонную линію французовъ съ юга и запада, атаковалъ совокупными своими силами (30.000), раздѣленными на 8 колоннъ, слабѣйшую ея часть между рр. Дорою и Стурою. Укрѣпленная линія была безъ труда прорвана, а 8.000 оборонявшихъ ее войскъ—опрокинуты. Посланныя имъ изъ ближайшихъ войскъ подкрѣпленія были разбиваемы по частямъ. Герцогъ орлеанскій потребовалъ 12.000 войскъ отъ генерала Альберготти, находившагося съ 20.000 на правомъ берегу По, на такъ называемой Капуцинской горѣ. Но Альберготти, озабоченный движеніями 6.000 чел. піемонтскаго ополченія, старавшихся снабдить Туринъ продовольствіемъ, не посмѣлъ ослабить себя. Опрокинутыя за свои линіи, разбиваемыя по частямъ, тѣснимыя съ фронта и фланговъ принцомъ Евгеніемъ, а съ тыла атакованныя 7-ми тысячнымъ гарнизономъ Турина, сдѣлавшимъ вылазку, лишась главныхъ своихъ предводителей, герцога орлеанскаго и Марсеня (тяжело раненыхъ), войска французскія пришли въ совершенное разстройство, претерпѣли сильное пораженіе и, потерявъ до 2.000 чел. убитыми и 6.000 чел. взятыми къ плѣнъ, всю артилерію и обозы, въ безпорядкѣ бросились не въ миланскую область, гдѣ еще находились войска Медави и гарнизоны въ большомъ числѣ крѣпостей, но къ Альпамъ и именно къ Пиньеролю, такъ какъ прямыя сообщенія ихъ съ Франціею черезъ Сузскій проходъ были отрѣзаны принцомъ Евгеніемъ.

Между тѣмъ принцъ гессенскій, предпринявшій осаду Кастліоне, былъ атакованъ и разбитъ генераломъ Медави и принужденъ отступить за р. Минчіо. Еслибы французская армія, разбитая при Туринѣ, отступила въ миланскую область, то война въ Италіи могла бы еще принять другой оборотъ. Но когда французская армія отступила во Францію, тогда союзники начали постепенно отнимать крѣпости, занятыя французами въ Піемонтѣ и миланской области. Вскорѣ всѣ крѣпости въ Италіи, по договору съ Людовикомъ XIV, были сданы союзникамъ, а гарнизоны ихъ отпущены во Францію. Такимъ образомъ бой и побѣда, одержанная въ немъ при Туринѣ, имѣли такія же рѣшительныя послѣдствія, какъ и въ 1704 году въ Германіи бой и побѣда при Гохштедтѣ. Союзники, вслѣдствіе одной этой побѣды, завоевали всю Италію и съ тѣхъ поръ получили возможность перенести войну въ собственные предѣлы Франціи.

Блистательный для союзниковъ успѣхъ этого похода должно отнести, какъ къ смѣ-

лому движенію принца Евгенія въ Піемонтъ и потомъ на главныя сообщенія французской арміи съ Франціей, къ вступленію въ рѣшительный бой съ нею и къ искусному выбору пункта атаки укрѣпленной ея линіи, такъ равно и къ стеченію особенныхъ обстоятельствъ, благопріятствовавшихъ всѣмъ этимъ дѣйствіямъ. Движеніе въ Піемонтъ безспорно принадлежитъ къ блистательнѣйшимъ подвигамъ принца Евгенія. Оно отличается особенною смѣлостью, рѣшительностью и искуствомъ въ исполненіи. Предпринимая его, необходимо было совершенно пожертвовать сообщеніями съ Германіею, не имѣя, такъ какъ Штарембергъ въ 1703 году, никакой надежды усилиться войсками или найти нужныя для веденія войны средства въ Піемонтѣ, потому что герцогъ савойскій имѣлъ весьма мало войскъ, лишился своихъ владѣній и самъ находился въ крайнемъ положеніи. Движеніе это представляло сверхъ того многія другія и значительныя затрудненія, особенно: 1) въ отношеніи къ мѣстности, пересѣченной, на правой сторонѣ р. По, множествомъ рѣкъ, потоковъ, каналовъ и потому долженствовавшей крайне замедлять движеніе войскъ, между тѣмъ, какъ весь успѣхъ движенія зависѣлъ отъ быстроты его и скорѣйшаго занятія важной тѣснины при Страделлѣ, и 2) въ отношеніи къ продовольствованію войскъ, весьма затруднительному, въ эти времена, при такомъ дальнемъ и быстромъ движеніи. Но счастіе благопріятствовало принцу Евгенію и, въ совокупности съ рѣшительностью и искуствомъ его дѣйствій, доставило ему побѣду. Ошибки французовъ, медленность и нерѣшительность ихъ дѣйствій, особенно отозваніе Вандома и назначеніе вмѣсто него герцога орлеанскаго и Марсеня, въ самое важное и трудное въ походѣ время, облегчили принцу Евгенію всѣ его предпріятія, способствовали ихъ успѣху и были одною изъ главныхъ причинъ торжества союзниковъ, пораженія французовъ и вытѣсненія ихъ изъ Италіи. Вандомъ справедливо признавалъ, что прежде нежели помышлять о взятіи Турина, слѣдовало разбить либо вытѣснить изъ Италіи императорскія войска, что̀ неминуемо повлекло бы за собою паденіе Турина. Вмѣсто того, по предразсудкамъ времени и по волѣ самаго Людовика XIV, все вниманіе и главныя усилія были обращены противъ Турина, а Вандомъ—принужденъ, послѣ побѣды при Кальчинато, оставаться въ бездѣйствіи, наблюдая только за императорскими войсками и удерживая ихъ на обѣихъ сторонахъ Гардскаго озера и на Адижѣ. По отозваніи Вандома, герцогъ орлеанскій и Марсень дѣйствовали на Минчіо и правой сторонѣ р. По слабо, нерѣшительно и нескусно: вмѣсто того, чтобы съ главными силами напасть на принца Евгенія и принудить его къ отступленію, открыли ему путь въ Піемонтъ, не успѣли предупредить его при Страделлѣ и наконецъ при Туринѣ, будучи вдвое сильнѣе, не пошли къ нему на встрѣчу, а выжидали его нападенія въ своихъ укрѣпленныхъ линіяхъ. Эта послѣдняя ошибка относится, какъ выше объяснено, лично къ Марсеню.

Вообще, отдавая должную справедливость военнымъ дарованіямъ принца Евгенія, искуству, смѣлости и рѣшительности его дѣйствій, должно сознаться, что ошибочныя, медленныя и нерѣшительныя дѣйствія французовъ весьма много способствовали его успѣхамъ, и что еслибы Вандомъ не былъ отозванъ или еслибы французы, послѣ пораженія при Туринѣ, отступили въ миланскую область, то неизвѣстно еще, какой оборотъ приняла бы война въ Италіи. Сверхъ того должно замѣтить, что и въ этомъ походѣ бои и дѣйствія рѣшительныя оказали болѣе пользы, нежели маневрированіе.

§ 10.

Дѣйствія принца Евгенія въ Нидерландахъ въ 1708—13 г.г.

Въ Нидерландахъ, въ 1708 году, французская армія, усиленная до 100,000 войскъ, собралась близъ Монса, откуда должна была дѣйствовать наступательно, подъ начальствомъ герцога бургонскаго и подъ нимъ Вандома. Марльборо съ 85,000 войскъ находился близъ Брюсселя и въ исходѣ мая двинулся къ Галлю. Тогда французы перешли въ Жеммапъ и Брепъ-ла Лёдъ (Braine-la-Leud) и расположились противъ лѣваго фланга Марльборо. Послѣдній, опасаясь за Лувень и желая сблизиться съ принцомъ Евгеніемъ, долженствовавшимъ прибыть чрезъ Коблецъ изъ Германіи съ подкрѣпленіями, быстро двинулся къ Лувеню. Затѣмъ обѣ арміи простояли цѣлый мѣсяцъ въ бездѣйствіи, во время котораго французскіе отряды взяли Гентъ и Брюгге и

едва не овладѣли Уденардомъ. Эти успѣхи, при всей ихъ ничтожности, до того встрѣвожили голландцовъ, не могшихъ еще забыть побѣды Бервика при Алмансѣ (1707), что Марльборо, для удержанія ихъ отъ заключенія отдѣльнаго мира, рѣшился, при первомъ удобномъ случаѣ, еще до прибытія арміи принца Евгенія, вступить въ бой. Случай этотъ вскорѣ представился. Французы расположились для прикрытія Гента и Брюгге между Оордегомъ и Алостомъ, на полъ-пути между Гентомъ и Брюсселемъ. Марльборо, опасаясь за важныя для союзниковъ крѣпости Уденардъ и Куртрѐ, перешелъ въ Лессинѣ черезъ р. Дендеръ, двинулся къ Шельдѣ и началъ переправляться черезъ нее ниже Уденарда. Герцогъ бургонскій поспѣшилъ сперва къ р. Дендеръ; но, узнавъ о движеніи Марльборо къ Шельдѣ, пошелъ туда же, изъ опасенія быть обойдену имъ, и началъ переправляться черезъ Шельду въ Гаврѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ выше Марльборо, намѣреваясь потомъ идти къ Генту, для прикрытія его. Вандомъ, отрядивъ на другой берегъ 3,500 войскъ, предлагалъ удерживать ими непріятеля до тѣхъ поръ, пока вся французская армія не успѣетъ перейти по мостамъ, и тогда со всѣми силами напасть на непріятеля во время его переправы. Такого рода планъ дѣйствій былъ весьма благоразуменъ и, вѣроятно, доставилъ бы французамъ важный успѣхъ. Но герцогъ бургонскій, будучи характера нерѣшительнаго и не отваживаясь вступить въ бой, потерялъ безполезно много времени и наконецъ рѣшился—отступать къ Генту. Но уже было поздно: Марльборо, окончившій переправу, атаковалъ французскую армію и, искусно воспользовавшись промежуткомъ, образовавшимся между лѣвымъ крыломъ и остальными войсками ея, разбилъ ее совершенно. Таковъ былъ результатъ сраженія при Уденардѣ. Потерявъ изъ 80,000 войскъ около 13,000, французская армія отступила къ Генту и расположилась близъ него за укрѣпленными линіями и брюггскимъ каналомъ, тыломъ къ морю. Въ это время принцъ Евгеній прибылъ съ 35,000 войскъ изъ Коблэнца въ Брюссель, а Бервикъ съ 24,000 съ средняго Рейна въ Дуэ. Союзники, находясь съ 120,000 войскъ между двумя французскими арміями, нимало не помышляли объ отдѣльномъ пораженіи ихъ. Марльборо хотѣлъ вторгнуться во Францію, но принцъ Евгеній обнаружилъ менѣе рѣшительности, представляя необходимость пріобрѣсть сначала какую-либо большую крѣпость, которая могла бы служить для арміи обширнымъ складочнымъ мѣстомъ. Вслѣдствіе того союзники, сдѣлавъ огромныя приготовленія, осадили крѣпость Лилль. Самую осаду производилъ принцъ Евгеній съ 40,000 войскъ, а Марльборо прикрывалъ ее, расположась впереди Турнэ съ 70,000 войскъ. Между тѣмъ герцогъ бургонскій и Вандомъ успѣли безпрепятственно соединиться съ Бервикомъ въ Нивовѣ. Соединенныя силы ихъ составили до 96,000 войскъ при 200 орудіяхъ; но несогласія, возникшія между тремя французскими полководцами, сдѣлали это сосредоточеніе силъ совершенно безполезнымъ и были причиной, что французы ограничились дѣйствіями противъ сообщеній союзниковъ съ Брюсселемъ, а потомъ—съ важнымъ портомъ Остенде. Какъ ни старались они маневрированіемъ и малою войною принудить союзниковъ къ снятію осады Лилля, однако крѣпость эта, не смотря на всѣ усилія и мужественную оборону маршала Буфлера, сдалась союзникамъ; цитадель же ея удержалась. Въ ноябрѣ французская армія расположилась, по приказанію самаго Людовика XIV, вокругъ Лилля, на обширномъ протяженіи 50-ти льё. Въ этомъ положеніи обѣ арміи простояли цѣлый мѣсяцъ въ бездѣйствіи. Наконецъ 15,000 французскихъ войскъ посланы были для овладѣнія Брюсселемъ; но Марльборо, перейдя съ 65,000 войскъ при Уденардѣ черезъ Шельду, успѣлъ не только воспрепятствовать тому, но и разобщить французскую армію, часть которой отступила къ Турнэ, а другая къ Генту. Снова силы союзниковъ находились въ совокупности между двумя французскими арміями, и снова союзники нимало не помышляли объ отдѣльномъ пораженіи ихъ и, по сдачѣ лилльской цитадели, расположились на зимнія квартиры. Французскія войска, находившіяся въ окрестностяхъ Гента и Брюгге, безпрепятственно возвратились во Францію, хотя и былъ отрѣзаны отъ нея. Дѣйствія обѣихъ сторонъ въ этомъ походѣ едва-ли не самыя странныя изъ всей войны за наслѣдство испанскаго престола, особенно въ томъ отношеніи, что французская армія, два раза разобщенная непріятелемъ, не видала въ томъ никакой опасности, а союзники не думали воспользоваться тѣмъ.

Въ 1709 году французская армія, усиленная до числа 80,000 войскъ, была расположена въ сильной, но весьма растянутой позиціи между Онэ (Aunay) и Бетюномъ. Вилларъ, начальствовавшій ею вмѣсто Вандома, изъ движеній союзниковъ къ р. Лисъ заключилъ, что послѣдніе хотятъ взять Эръ (Aire) и С-нъ Венанъ (St.-Venant), а потомъ двинуться въ Пикардію или даже къ Парижу. Хотя предположенія его не сбылись, однако доказываютъ, что онъ постигалъ возможность такого рода предпріятія. Удостовѣрившись наконецъ, что всѣ дѣйствія союзниковъ имѣли цѣлію только осаду Турнэ и зная, что эта осада займетъ у нихъ много времени, пользы же доставитъ мало, Вилларъ вовсе не препятствовалъ ей и только сблизился съ Турнэ, расположивъ главныя свои силы между Маршіенъ и Дуэ.

Но когда по взятіи Турнэ союзники двинулись къ Монсу для того, чтобы осадить и взять его, тогда Вилларъ рѣшился воспрепятствовать тому и съ 81,000 войскъ и 80 орудіями двинулся также къ Монсу, намѣреваясь подъ стѣнами его атаковать союзниковъ. Свѣдавъ однако, что они имѣютъ до 117,000 войскъ при 120 орудіяхъ, онъ расположился въ сильной оборонительной позиціи при Малплаке́ (Malplaquet), прикрывъ фланги арміи сарскимъ и бланжійскимъ лѣсами (forets de Sars et de Blangies), занятыми пѣхотою, а фронтъ ея—укрѣпленіями и засѣками, и расположивъ конницу въ нѣсколько линій позади пѣхоты. Марльборо и принцъ Евгеній, узнавъ о движеніи Виллара къ Монсу, пошли на встрѣчу ему и атаковали его при Малплаке́ (11 октября). Принцъ Евгеній, построивъ 40 баталіоновъ въ 5 линій, атаковалъ съ ними, при содѣйствіи огня 75 орудій, бланжійскій лѣсъ, занятый войсками лѣваго французскаго крыла, вытѣснилъ эти войска изъ лѣса и атаковалъ засѣки съ тыла. Вилларъ взялъ 30 баталіоновъ пѣхоты изъ центра и оттѣснилъ принца Евгенія, но къ несчастію былъ тяжело раненъ и сдалъ начальсто Буфлеру. Вслѣдствіе взятія имъ войскъ изъ центра и произведенной затѣмъ атаки, между лѣвымъ крыломъ и центромъ французской арміи образовался значительный промежутокъ. Принцъ Евгеній воспользовался тѣмъ, направилъ часть своихъ войскъ въ этотъ промежутокъ, отдѣлилъ совершенно лѣвое крыло французской арміи отъ ея центра и тѣмъ далъ бою рѣшительный оборотъ. Марльборо, до того времени безъ успѣха атаковавшій правое крыло французской арміи, построилъ свою пѣхоту, а за нею свою конницу, въ нѣсколько линій, рѣшительною атакою противъ центра французской арміи опрокинулъ его и принудилъ отступить вмѣстѣ съ правымъ крыломъ къ Кенуа (Le Quesnoy), между тѣмъ какъ лѣвое крыло было принуждено отступить къ Валансіенню. Союзники одержали побѣду, но купили ее дорогою цѣной и не извлекли изъ нея никакой важной пользы. Французскія войска сражались съ такими упорствомъ и храбростью и сраженіе было такъ кровопролитно, что союзники потеряли въ немъ до 25,000 войскъ (французы около 8,000), а всѣ послѣдствія побѣды ограничились для нихъ тѣмъ, что они безпрепятственно осадили и взяли Монсъ.

Въ сраженіи при Малплаке́ замѣчателенъ строй, въ которомъ дѣйствовали войска съ обѣихъ сторонъ. Союзники, имѣя значительныя силы и принужденные производить натискъ массами, строили войска свои, для атаки, въ колонны, составленныя изъ нѣсколькихъ развернутыхъ линій, расположенныхъ одна за другою. Точно также были построены пѣхота и конница французовъ въ центрѣ ихъ арміи.

Походъ 1709 года вѣроятно имѣлъ бы болѣе успѣха для французовъ, еслибы дѣйствія Виллара не были постоянно затруднены недостаткомъ продовольствія, происшедшимъ отъ неурожая, и еслибы въ сраженіи при Малплаке́ Вилларъ не былъ тяжело раненъ.

Въ 1710 году союзники предположили, усиливъ армію свою до 140,000 войскъ, овладѣть въ началѣ весны крѣпостями Дуэ и Аррасомъ, соединиться съ англійскими войсками, долженствовавшими высадиться на берегахъ Нидерландовъ, обратиться къ Аббевилю и, проложивъ себѣ путь во Францію, взять Булонь и Калэ. Этотъ обширный и сложный планъ дѣйствій былъ слишкомъ несообразенъ съ тогдашнимъ методическимъ образомъ веденія войны—и по тому самому не имѣлъ успѣха. Почти весь походъ былъ употребленъ на осады крѣпостей; Вилларъ успѣлъ прикрыть Аррасъ и всѣ успѣхи союзниковъ ограничились взятіемъ крѣпостей Дуэ, Бетюна, Эра и С-нъ-Венана. Въ этомъ походѣ замѣчательно то, что Вилларъ, имѣя 80,000 войскъ, постоянно искалъ боя, а союзники, усилившись даже до числь 160,000 войскъ, постоянно уклонялись отъ него!

Въ 1711 году перемѣна англійскаго министерства и смерть императора Іосифа I имѣли весьма важное вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій. Одинаковыя причины побуждали обѣ стороны не предпринимать ничего рѣшительнаго, и потому единственнымъ результатомъ похода было взятіе союзниками крѣпости Бушеня.

Въ 1712 году, вслѣдствіе открытія въ Утрехтѣ мирныхъ переговоровъ, англійскимъ войскамъ назначено было ограничиваться одними оборонительными дѣйствіями. Принцу Евгенію же, получившему, вмѣсто Марльборо, главное начальствованіе надъ союзною арміею, императоръ Карлъ VI (бывшій эрцгерцогъ и претендентъ испанскаго престола) приказалъ дѣйствовать самымъ рѣшительнымъ наступательнымъ образомъ. Такимъ образомъ уже въ самомъ началѣ похода данъ былъ поводъ къ несогласіямъ между союзниками. Владѣя Антверпеномъ, Уденардомъ, Турнэ, Атомъ, Монсомъ, Дендермондомъ, Менененъ, Лиллемъ, Бетюномъ, Эромъ, С-нъ-Венаномъ, Дуэ и Бушенемъ, союзники имѣли возможность безпрепятственно вступить во французскія области Артуа и Пикардію и привесть въ исполненіе планъ, предначертанный въ 1710 году. Но принцъ Евгеній избралъ для вступленія во Францію именно сильнѣйшую часть сѣверной ея границы—со стороны р. Самбры, для облегченія же этого предпріятія считалъ необходимымъ обладаніе крѣпостями Кенуа и Ландреси, и потому открылъ походъ осадою

первой изъ нихъ. А между тѣмъ, такъ какъ французы овладѣли здѣсь крѣпостями: Мобёжемъ, Валансіенномъ, Камбрэ и Аррасомъ, долженствовавшими оставаться въ тылу и во флангѣ принца Евгенія, при движеніи его чрезъ Кенуа и Ландреси, то весьма трудно понять, какимъ образомъ двѣ послѣднія крѣпости могли открыть ему входъ во Францію? Должно полагать, что онъ хотѣлъ только опустошить пограничныя французскія области и тѣмъ частію устрашить французовъ, частію содержать свою армію средствами непріятельскаго края. Дѣйствительно, во время осады Кенуа онъ отправилъ 1,200 чел. конницы для опустошенія Шампаніи и Лотарингіи. Между тѣмъ Вилларъ съ своей стороны сосредоточилъ въ началѣ похода около 93,000 войскъ между Аррасомъ и Камбрэ, съ намѣреніемъ дѣйствовать противъ союзниковъ рѣшительно. Въ іюлѣ англійскія войска удалились изъ Нидерландовъ, а принцъ Евгеній, по взятіи Кенуа, осадилъ Ландреси, расположась съ главными силами, для прикрытія осады, между рр. Самброю и Шельдою и имѣя главныя свои магазины въ Маршіеннѣ за р.р. Шельдою и Скарпою. Для обезпеченія сообщеній арміи съ этими магазинами, на р. Шельдѣ при Денен̀ѣ (Denain) была устроена постоянная переправа, прикрытая на правомъ берегу предмостнымъ укрѣпленіемъ, а между Маршіеннемъ и Денен̀емъ—двойная укрѣпленная линія. Въ Денен̀ѣ находилось 13,000 войскъ. Вилларъ, получивъ приказаніе принудить непріятеля къ снятію осады Ландреси, сдѣлалъ ложныя приготовленія къ атакѣ лѣвой оконечности циркумвалаціонной линіи принца Евгенія при Ландреси, и коль скоро послѣдній сосредоточилъ на этомъ мѣстѣ бо́льшую часть своихъ силъ, Вилларъ, оставивъ противъ него небольшой отрядъ, двинулся скрытно со всею своею арміей къ Денен̀ю. Перейдя съ передовыми войсками черезъ Шельду ниже Бушеня, онъ безъ труда овладѣлъ двойною укрѣпленною линіей и, узнавъ о слѣдованіи принца Евгенія къ Денен̀ю, немедленно атаковалъ предмостное укрѣпленіе 40-ка развернутыми баталіонами пѣхоты, построенными одинъ за другимъ (что́ и составило колонну, извѣстную подъ названіемъ Денен̀ской, colonne de Denain). Эта колонна произвела противъ непріятеля, занимавшаго предмостное укрѣпленіе, стремительную атаку въ штыки, опрокинула его въ рѣку и частію истребила, частію взяла въ плѣнъ. Такимъ образомъ во второй разъ атака пѣхоты въ колоннѣ и въ штыки, въ первый разъ употребленная въ сраженіи на р. Шпейербахѣ (въ 1703 году), имѣла полный и совершенный успѣхъ. Съ прибытіемъ главныхъ силъ французской арміи, Вилларъ взялъ Маршіенъ, а принцъ Евгеній, достигнувшій Шельды уже послѣ пораженія своихъ войскъ и взятія предмостнаго укрѣпленія, былъ принужденъ снять осаду Ландреси и, отступивъ чрезъ Монсъ къ Турнэ, до конца похода не предпринималъ ничего важнаго. Вилларъ же, присоединивъ къ своей арміи, по заключеніи перемирія съ англичанами, гарнизоны Иперна, Дюнкирхена и другихъ, а послѣ побѣды при Денен̀ѣ—гарнизоны Валансіенна и Конде́, былъ уже почти 20-ю тысячами войскъ сильнѣе своего противника, имѣлъ сверхъ того на своей сторонѣ нравственный перевѣсъ—слѣдствіе одержанной имъ побѣды, и кончилъ походъ осадою и взятіемъ крѣпостей: Дуэ, Кенуа и Бушеня.

§ 11.

Общій взглядъ на дѣйствія принца Евгенія въ войнѣ 1700—1713 годовъ.

Въ дополненіе къ изложенію выше военныхъ дѣйствій принца Евгенія въ войнѣ за наслѣдство испанскаго престола (1700—1713), приведемъ нѣкоторыя черты, служащія къ характеристикѣ принца Евгенія во время 12-ти походовъ, совершенныхъ имъ въ этой войнѣ.

Еще задолго до открытія войны за наслѣдство испанскаго престола, принцъ Евгеній предложилъ Леопольду I, въ его совѣтѣ, отправить эрцгерцога Карла въ Мадридъ, дабы онъ, присутствіемъ своимъ, напомнилъ Карлу II, королю испанскому, уже близкому къ смерти, о правахъ австрійскаго дома на испанскій престолъ и тѣмъ противудѣйствовалъ другимъ притязаніямъ и интригамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, принцъ Евгеній выразилъ мнѣніе, что въ Ломбардію должна быть послана императорская армія, для занятія въ ней, съ согласія короля испанскаго, всѣхъ крѣпостей. Но нѣкоторые члены совѣта, вѣроятно изъ зависти и недоброжелательства къ принцу Евгенію, отвергли его мудрый совѣтъ, большинство другихъ, непроницательныхъ членовъ, присоединилось къ нимъ—и Леопольдъ I, къ сожалѣнію, согласился съ большинствомъ, слишкомъ мало довѣряя себѣ и слишкомъ много другимъ.

Когда же 1 ноября 1700 г. Карлъ II скончался и война должна была рѣшить вопросъ, Леопольдъ I назначилъ принца Ев-

генія главнокомандующимъ арміей въ Италіи, собравшейся въ числѣ 19,200 чел. пѣхоты, 10,000 чел. конницы, съ потребнымъ числомъ артиллеріи, всего около 30,000 чел., при Ровередо. Принцъ Евгеній, прибывъ сюда 20 мая, тотчасъ рѣшился совершить фланговое движеніе отъ Ровередо къ Веронѣ, черезъ такую горную страну, въ которой въ то время вовсе не было ни колесныхъ, ни вьючныхъ дорогъ и которая была пересѣчена высокими и крутыми скалами, глубокими пропастями и бурными горными потоками. Но принцъ Евгеній, какъ Аннибалъ, проложилъ себѣ, хотя и съ неимовѣрными усиліями и трудами, путь черезъ непроходимую страну, направясь влѣво отъ Ровередо въ Суганскую долину, а оттуда горными ущельями, съ горы на гору, чрезъ Вальфедо и Ала, на веронскую равнину. При этомъ орудія и обозы были разбираемы по частямъ и частію на рукахъ, частію на канатахъ перетаскиваемы по скаламъ и пропастямъ. И все это онъ совершилъ въ одну недѣлю, ибо 28 мая армія была уже близъ Вероны! Этотъ переходъ его черезъ Альпы не напрасно сравнивается, хотя и въ меньшемъ размѣрѣ, съ переходомъ Аннибала черезъ Альпы же на западѣ и по истинѣ приноситъ большую честь принцу Евгенію и свидѣтельствуетъ о высокихъ дарованіяхъ его, какъ полководца.

Затѣмъ принцъ Евгеній умѣлъ и успѣлъ чрезвычайно искусно и удачно обмануть маршала Катина и заставить его растянуть свою армію отъ Риволи вдоль праваго берега Адижа ниже Вероны, что дало принцу Евгенію возможность перейдти съ арміей черезъ нижній Адижъ при Кастельбальдо и расположиться на правомъ флангѣ арміи Катина. Только дурныя дороги и ожиданіе прибытія осадной артилеріи задержали его и не позволили разбить армію Катина по частямъ. Такимъ образомъ переходъ принца Евгенія черезъ Альпы и потомъ черезъ нижній Адижъ во флангъ арміи Катина принадлежитъ къ чрезвычайно замѣчательнымъ, по своему искуству, движеніямъ.

Катина былъ вскорѣ замѣненъ неспособнымъ Виллеруа, а этотъ, по взятіи его принцомъ Евгеніемъ, въ началѣ похода 1702 г., въ плѣнъ въ Кремонѣ—не менѣе маршала Катина способнымъ герцогомъ Вандомомъ. Принцъ Евгеній, еще передъ войною, очень вѣрно опредѣлилъ сравнительныя достоинства ихъ слѣдующими словами: «Если противъ меня будетъ Виллеруа, то я его разобью; если будетъ Вандомъ, то я сражусь съ нимъ, а если будетъ Катина, то онъ меня разобьетъ». Однако Катина не разбилъ его, а едва самъ не былъ разбитъ; Виллеруа былъ взятъ въ плѣнъ, а съ Вандомомъ онъ дѣйствительно сразился какъ равный съ равнымъ — и неудачно, потому что былъ принужденъ очистить лѣвую сторону р. По, отступить на правую, лишился сообщеній и едва удержался въ области Мирандолы.

Не входя въ подробности дальнѣйшихъ дѣйствій принца Евгенія противъ Виллеруа въ походѣ 1701 г., вообще должно сказать, что они отличались большимъ искуствомъ до послѣднихъ мелочей и имѣли результатомъ полный успѣхъ для принца Евгенія и неуспѣхъ для Виллеруа.

Дѣятельность принца Евгенія въ этомъ походѣ и искуство его пользоваться ошибками противниковъ достойны всякой похвалы. Замѣчательно, съ какою увѣренностью онъ положился на обстоятельства, въ которыхъ находился Катина, и на первые признаки его мѣръ предосторожности. Всѣ его распоряженія для движенія къ нижнему Адижу, перехода черезъ него и затѣмъ движенія вверхъ по лѣвой сторонѣ его свидѣтельствуютъ, до какой степени онъ былъ способенъ привести ихъ въ исполненіе съ полнымъ успѣхомъ. Послѣ сраженія при Кіари, принцу Евгенію трудно было поступить иначе, какъ выжидать дальнѣйшихъ дѣйствій Виллеруа. Но какъ послѣдній ничего лучшаго не придумалъ, какъ отступить за р. Олліо, то принцъ Евгеній умѣлъ воспользоваться тѣмъ и, занятіемъ мантуанскихъ, пармскихъ и мирандольскихъ владѣній, до конца похода сохранить за собою перевѣсъ.

Хотя въ слѣдующемъ походѣ 1702 г., принцъ Евгеній лишился большей части своего театра военныхъ дѣйствій и былъ ограниченъ одними небольшими владѣніями Мирандолы, тѣмъ не менѣе походъ этотъ весьма занимателенъ и поучителенъ и приноситъ много чести принцу Евгенію, явившему въ немъ высокое искуство.

Будучи постоянно почти вдвое слабѣе Вандома, съ трудомъ сохраняя свои сообщенія съ Тиролемъ и Австріей, а подъ конецъ и совершенно отрѣзанный отъ нихъ, имѣя противъ себя вдвое сильнѣйшую армію, предводимую искуснымъ полководцемъ, безпрестанно маневрировавшимъ съ цѣлію обходами вытѣснить его съ лѣвой, потомъ съ правой стороны р. По и наконецъ совсѣмъ изъ Италіи, принцъ Евгеній достойно противудѣйствовалъ всѣми средствами своему противнику и успѣлъ удержаться въ Италіи. Гораздо лучше Вандома и французовъ зная край и его мѣстность, имѣя на своей сторонѣ жителей и потому отличныхъ лазутчиковъ, зная заблаговременно о всѣхъ передвиженіяхъ и даже намѣреніяхъ непріятеля, притомъ имѣя въ своей арміи отлично-устроенную службу передовыхъ легкихъ войскъ и постовъ, равно въ лагеряхъ и гарнизонахъ, принцъ Евгеній, при своемъ личномъ искуствѣ соображеній и исполненія ихъ, всегда умѣлъ уравновѣшивать свои невыгоды противъ выгодъ Вандома и искусное

маневрированіе послѣдняго отманеврировать не менѣе и иногда даже еще болѣе искуснымъ образомъ, и даже въ стѣсненномъ и трудномъ оборонительномъ положеніи всегда сохранять смѣлый наступательный характеръ дѣйствій и всю свободу почина (инициативы). Для убѣжденія себя въ этомъ, стоитъ только прослѣдить всѣ движенія и расположенія его по топографической картѣ большаго масштаба и тогда получится ясное понятіе, какъ всѣ передвиженія его были искусно разсчитаны, а позиціи отлично выбраны, какъ въ тактическомъ, такъ и въ стратегическомъ отношеніи. Словомъ—дѣйствія его и Вандома въ 1702 году въ Италіи могутъ быть поставлены, по сходству, въ уровень съ мастерскими (по понятіямъ того времени) дѣйствіями Тюреннэ и Монтекукули въ 1673 и 1675 гг. въ Германіи и на Рейнѣ, съ тою развѣ разницею, что въ 1702 г. цѣль у принца Евгенія и Вандома была гораздо значительнѣе и важнѣе.

Чрезвычайно замѣчательно также положеніе принца Евгенія въ 1702 г., въ Италіи, въ отношеніи къ продовольствованію его арміи и снабженія ея людьми, лошадьми, военными запасами и всѣмъ прочимъ, необходимымъ для веденія войны. Болѣе и болѣе оттѣсняемый отъ прямыхъ сообщеній своихъ чрезъ Тироль съ Австріей и наконецъ совсѣмъ отрѣзанный отъ нихъ, онъ умѣлъ—въ совершенную противуположность тогдашнихъ понятій и правилъ содержанія арміи магазинною системой—продовольствовать свою способами занимаемаго ею края и притомъ совершенно удовлетворительно, и, какъ справедливо говоритъ одинъ изъ военныхъ историковъ этой войны (Duvivier), край, въ которомъ была расположена и дѣйствовала его армія, былъ первымъ и главнымъ основаніемъ его дѣйствій, а Австрія—только вторымъ, болѣе отдаленнымъ, служившимъ для усиленія его подкрѣпленіями и снабженія собственно военными и боевыми запасами. Въ этомъ отношеніи принцъ Евгеній является стоящимъ выше военныхъ понятій и предразсудковъ своего времени.

По окончаніи похода 1702 г. принцъ Евгеній былъ вызванъ въ Вѣну, удостоился въ ней самаго отличнаго пріема и вскорѣ Леопольдъ I назначилъ его предсѣдателемъ придворнаго военнаго совѣта. Въ этомъ званіи онъ сталъ въ главѣ всѣхъ военныхъ дѣлъ и обстоятельствъ и имѣлъ также большое вліяніе и на политическія. Прежде и болѣе всего онъ озаботился объ арміи, оказавшей такъ много трудовъ и пожертвованій, а потомъ склонилъ Леопольда I къ отвлеченію герцога савойскаго отъ Франціи и къ привлеченію его на свою сторону, что̀ императоръ и поручилъ ему лично, а онъ исполнилъ съ совершеннымъ успѣхомъ. Весь 1703 г. онъ провелъ въ Вѣнѣ, исключая двукратной поѣздки его въ Пресбургъ, откуда онъ послалъ нѣсколько отрядовъ противъ венгерскихъ мятежниковъ.

Въ 1704 г. Леопольдъ I положилъ главныя свои силы сосредоточить въ Германіи и изъ нихъ 32,000 войскъ, подъ начальствомъ принца Лудвига баденскаго, соединить съ 30,000 англо-голландскихъ войскъ подъ начальствомъ Марльборо, а 37,000 императорскихъ и германскихъ войскъ, въ видѣ отдѣльной обсерваціонной арміи, были ввѣрены принцу Евгенію и расположены въ штольгофенскихъ линіяхъ на правомъ берегу Рейна, для удержанія арміи Виллеруа, Куаньи и Таллара.

Въ этомъ походѣ, начавшемся при самыхъ благопріятныхъ для французовъ обстоятельствахъ, а кончившемся невыгоднѣйшимъ для нихъ образомъ, принцъ Евгеній, изъ числа всѣхъ участвовавшихъ въ этомъ походѣ полководцевъ, былъ одинъ, котораго невозможно упрекнуть ни въ какихъ упущеніяхъ и ошибкахъ, хотя обстоятельства, въ которыхъ онъ находился, и особенно то, что главное начальствованіе принадлежало не ему, а старшему противъ него фельдмаршалу принцу Лудвигу баденскому, не позволяли ему дѣйствовать совершенно самостоятельно, по внушенію своего генія. Не смотря на то, когда и гдѣ только ни приходилось ему дѣятельно участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ этого похода, онъ всегда дѣйствовалъ съ свойственными ему искусствомъ, быстротою, энергіей и рѣшительностью и съ тою независимостью отъ ложныхъ военныхъ понятій и правилъ того времени, какая только была возможна для него. И по истинѣ, для Леопольда I гораздо лучше было бы, еслибы онъ всѣ свои войска въ Германіи поставилъ подъ начальство одного принца Евгенія, который, въ соединеніи съ столь же искуснымъ, какъ онъ, полководцемъ—Марльборо, и съ 100,000 войскъ (какъ въ 1646—1648 гг. Тюреннъ и Врангель), безъ сомнѣнія одержалъ бы успѣхи и далъ войнѣ оборотъ—самые рѣшительные. Къ сожалѣнію, такіе полководцы, какъ Тюреннъ, Конде́, принцъ Евгеній, Марльборо, Вандомъ, Виллеръ и имъ подобные, большею частью не успѣвали произвесть всего, къ чему были способны, единственно потому, что не въ пору и не въ мѣру были связаны отношеніями и обстоятельствами. А тамъ, гдѣ принцъ Евгеній не былъ связанъ ими и дѣйствовалъ совершенно самостоятельно (какъ въ Венгріи), онъ достаточно, кажется, доказалъ, на что̀ и на сколько былъ способенъ къ совершенію великихъ подвиговъ. Даже въ сраженіи при Гохштедтѣ честь и слава побѣды, павшія преимущественно на долю Марльборо, гораздо болѣе и справедливѣе принадлежали принцу Евгенію и онъ собственно

одержалъ побѣду въ этомъ сраженіи, имѣвшемъ такія рѣшительныя и важныя послѣдствія.

Въ 1705 г. мы снова видимъ принца Евгенія въ Италіи противъ Вандома и въ гораздо лучшемъ, болѣе независимомъ положеніи, нежели въ 1704 г. въ Германіи. Однако походъ 1705 г. въ Италіи нельзя назвать ни блистательнымъ, ни удачнымъ для принца Евгенія, такъ какъ онъ не достигъ своей цѣли и не освободилъ герцога савойскаго. За всѣмъ тѣмъ, онъ все-таки принесъ ему ту пользу, что цѣлый походъ запялъ и отвлекъ отъ него главныя силы арміи Вандома, безъ чего онъ былъ бы совершенно подавленъ. Кромѣ того, походъ этотъ представляетъ много занимательныхъ сторонъ. Для того, чтобъ оцѣнить, на чьей сторонѣ былъ перевѣсъ вѣрнаго взгляда и искуства, стоитъ только сличить дѣйствія Вандома и принца Евгенія. Первый, не смотря на то, что былъ даровитый полководецъ, имѣлъ превосходную числомъ армію и могъ съ самаго начала похода взять Туринъ и подавить герцога савойскаго, однако не могъ стать выше ложныхъ военныхъ понятій и правилъ своего времени и раздробилъ свою армію по гарнизонамъ и осадамъ крѣпостей. На его мѣстѣ, принцъ Евгеній безъ сомнѣнія поступилъ бы совершенно иначе. Всѣ его движенія отъ начала до конца запечатлѣны чрезвычайнымъ искуствомъ соображенія всѣхъ обстоятельствъ и совершенною свободой отъ заботъ учрежденія основанія дѣйствій и охраненія своихъ сообщеній. Прозорливо предвидя неудачи, онъ смѣло надѣялся на счастіе—и счастіе помогало ему. Но и кромѣ счастія, на его сторонѣ были—личное его искуство и отличная армія, на которую онъ могъ вполнѣ полагаться. Какъ ни трудно ему было надлежащимъ образомъ продовольствовать свою армію средствами края, въ которомъ такъ часто и долго велась война, онъ никогда изъ-за продовольствія не отказывался отъ задуманнаго имъ предпріятія, никогда не находилъ себя и въ затрудненіи касательно продовольствованія, отлично зная и понимая правило Цезаря—война питаетъ войну, и слѣдуя ему.

По окончаніи похода 1705 г. воротясь въ Вѣну, принцъ Евгеній уже не засталъ въ живыхъ императора Леопольда I, въ царствованіе котораго началъ свое блистательное поприще и который былъ такъ милостивъ къ нему. Но въ преемникѣ его, императорѣ Іосифѣ I, онъ нашелъ такое же милостивое расположеніе къ себѣ, признательность за его заслуги и утвержденіе его представленія объ усиленіи арміи въ Италіи, куда и были посланы многія подкрѣпленія. Въ апрѣлѣ 1706 г. принцъ Евгеній отправился изъ Вѣны въ Италію и прибылъ въ Ровередо въ то самое время (19 апрѣля), когда Вандомъ внезапно напалъ на квартиры императорской арміи въ Монте-Кіаро и Кальчинато, вслѣдствіе чего командовавшій арміею генералъ Ревентловъ былъ принужденъ отступить въ горы въ разстройствѣ, безпорядкѣ и съ довольно большимъ урономъ. Такое начало похода было очень неудачно, но за то продолженіе и особенно конецъ его были самые блистательные для принца Евгенія, и это безспорно одинъ изъ самыхъ лучшихъ и замѣчательныхъ его походовъ. Въ немъ онъ побѣдилъ болѣе нежели вдвое сильнѣйшаго непріятеля, одержалъ блистательную побѣду, спасъ герцога савойскаго, покорилъ всю Италію и перенесъ войну въ южную Францію. Въ награду за это, Іосифъ I назначилъ его генералъ-капитаномъ (генералъ-губернаторомъ) миланскаго герцогства.

Особенно замѣчательно въ этомъ походѣ соединеніе необыкновенныхъ: счастія или удачи и искуства со стороны принца Евгенія. Но и счастіемъ или удачей онъ былъ обязанъ ничѣмъ инымъ, какъ своимъ искуствомъ, между прочимъ и тѣмъ, что не пропускалъ ни одной ошибки противника безъ того, чтобы не пользоваться ею. Этому онъ былъ обязанъ превосходными и вполнѣ удачными: движеніемъ своимъ внизъ по лѣвому берегу Адижа, переходомъ черезъ него въ Бадіа и черезъ нижній По въ Полизеллѣ, движеніемъ своимъ вверхъ по правому берегу По въ Піемонтъ и соединеніемъ съ герцогомъ савойскимъ. Ошибки Вандома, отозваніе его во Фландрію, назначеніе вмѣсто него неспособныхъ герцога орлеанскаго и Марсеня, и еще большія ошибки послѣднихъ—все это какъ разъ послужило въ пользу принца Евгенія, но искуство его въ томъ именно и состояло, что онъ отлично воспользовался всѣмъ этимъ. Счастіе позволило ему первому занять необыкновенно важный пунктъ Страделлы, но и этимъ онъ былъ обязанъ рѣшительности и быстротѣ своего движенія, съ одною цѣлію въ виду—какъ можно скорѣе, безъ маневрированія и боя, соединиться съ герцогомъ савойскимъ. Наконецъ и при Туринѣ счастіе, въ лицѣ неспособнаго Марсеня и ни съ чѣмъ несообразныхъ распоряженій его, удивительно благопріятствовало принцу Евгенію, но и онъ, съ своей стороны вполнѣ воспользовался имъ. Вообще, въ отношеніи къ искуству принца Евгенія пользоваться въ этомъ походѣ счастіемъ, можно сказать, что онъ въ точности исполнилъ правило, въ нарушеніи котораго Наполеонъ I упрекнулъ Тюреня, по поводу конца похода его въ 1658 году, а именно: «profitez de la faveur de la fortune, lorsque ses caprices sont pour vous; craignez qu'elle ne change de dépit, elle est femme» (см. выше біографію Тюренна, походъ 1658 г.). Только начало упрека Наполеона «il a violé la règle qui dit» слѣдуетъ

выразить отрицательно: «il n'a pas violé la règle etc.», что, въ отношеніи къ принцу Евгенію, будетъ сущая правда и справедливая похвала.

Въ 1707 г., по предложенію герцога и принца Евгенія савойскихъ, уже задолго передъ тѣмъ сдѣланному императору, произведено было вторженіе въ провинціи южной Франціи, Дофинé и Прованс, но не ранѣе іюня мѣсяца, вслѣдствіе замедленія отъ предварительныхъ переговоровъ съ союзными морскими державами, Англіей и Голландіей, устройства дѣлъ Италіи, отряженія генерала Дауна съ корпусомъ императорскихъ войскъ въ Неаполь и другихъ обстоятельствъ. Дабы поставить непріятеля въ неизвѣстность, куда будетъ направлено предпріятіе, союзная армія герцога и принца Евгенія савойскихъ (66 баталіоновъ и 40 эскадроновъ, всего 47,000 войскъ) была раздѣлена на 3 корпуса и расположена при Ивреѣ, Пиньеролѣ и Кунео или Кони. Маршаль Тессé, начальствовавшій французскою арміей (43,000 войскъ) раздробилъ ее на отряды вдоль Альповъ, имѣя въ виду, вѣроятно, прикрыть и Дофинé, и Прованс, и приморскіе города, словомъ—все, въ сущности же не прикрылъ ничего. Союзный англо-голландскій флотъ, состоявшій изъ 48 военныхъ и 60 другихъ судовъ, подъ начальствомъ адмирала Шóвеля (Shovel) явился у южныхъ береговъ Франціи, а въ Піемонтѣ были собраны милиціи для внутренней обороны края.

4 іюля движéніе въ южную Францію было открыто принцемъ Евгеніемъ съ корпусомъ войскъ, стоявшимъ при Кони, къ Тендскому горному проходу (col de Tende). За нимъ послѣдовали германскія вспомогательныя войска. 10 іюля армія собралась въ лагерѣ при Ниццѣ, 14-го атаковала, при помощи флота, отрядъ французскихъ войскъ (9 баталіоновъ и 800 чел. конницы), стоявшій въ укрѣпленной позиціи за р. Варъ, принудила его отступить, безъ препятствія продолжала свое движеніе вдоль берега моря и 26 іюля прибыла къ форту Лавалеттъ, близъ Тулона, впереди котораго, для прикрытія его, расположились лагеремъ 20,000 французскихъ войскъ (40 баталіоновъ). Но мѣры къ обложенію Тулона были исполняемы очень медленно и нерѣшительно, по винѣ, не принца Евгенія, а герцога савойскаго, которому принадлежало главное начальствованіе и который кончилъ тѣмъ, что, къ неудовольствію англичанъ и принца Евгенія, въ половинѣ августа положилъ — отступить тѣмъ же путемъ. Французы, имѣвшіе уже 35,000 войскъ передъ Тулономъ и 18,000 по близости, могли бы отлично воспользоваться отступленіемъ арміи герцога савойскаго, уже ослабленной до числа 33,000 войскъ, и нанести ей пораженіе или по крайней мѣрѣ большой уронъ. Но маршалъ Тессé не былъ способенъ къ тому, и союзная армія воротилась въ Піемонтъ, не встрѣтивъ нигдѣ ни малѣйшаго сопротивленія, и расположилась на квартирахъ около Пиньероля, Савильяно и по дорогѣ въ Сузу. Принцъ Евгеній положилъ кончить походъ по крайней мѣрѣ взятіемъ Сузы—единственной крѣпости, еще бывшей во власти французовъ по сю сторону Альповъ, и исполнилъ это очень скоро и съ полнымъ успѣхомъ. 20-го сентября онъ двинулся отъ Савильяно къ Сузѣ, обложилъ ее, 26-го открылъ траншеи, 28-го взялъ штурмомъ фортъ Катина, а 3-го октября произвелъ брешь — и комендантъ съ гарнизономъ сдались военноплѣнными. Затѣмъ обѣ арміи расположились на зимнихъ квартирахъ и принцъ Евгеній отправился въ Вѣну.

Неудачный исходъ похода въ южную Францію слѣдуетъ приписать ни чему иному, какъ несогласіямъ между энергическимъ и рѣшительнымъ принцомъ Евгеніемъ и неспособнымъ и нерѣшительнымъ герцогомъ савойскимъ. Иначе, еслибы между ними было полное согласіе или, и того лучше, еслибы главное начальствованіе союзною арміею неограниченно принадлежало принцу Евгенію, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ овладѣлъ бы Тулономъ, со всѣми его запасами, утвердился бы въ немъ, усилился бы подкрѣпленіями, вошелъ бы въ сообщеніе съ недовольными жителями севенскихъ горъ и могъ бы пріобрѣсть очень важные успѣхи и нанести французамъ много вреда. Тулонъ былъ въ плохомъ оборонительномъ состояніи и не продержался бы и двухъ недѣль. Но, судя по первоначальному расположенію французской арміи, союзной выгоднѣе было бы слѣдовать отъ Кони черезъ Барселонетту и притомъ съ возможною скоростью. А этого-то послѣдняго условія именно и нельзя было исполнить, такъ какъ движеніе союзной арміи, по труднымъ горнымъ дорогамъ, въ сильный зной, было крайне замедлено и она понесла довольно большой уронъ. Во всякомъ случаѣ, неудача похода во Францію въ вину принцу Евгенію поставлена быть не можетъ и была ему крайне непріятна.

Съ 1708 г. до конца войны принцъ Евгеній начальствовалъ императорскими арміями и дѣйствовалъ съ ними уже въ Нидерландахъ или на нижнемъ и среднемъ Рейнѣ, гдѣ война была уже чисто крѣпостная и осадная, въ соединеніи съ маневрированіемъ и нѣсколькими болѣе или менѣе важными сраженіями. Въ 1708 г. принцъ Евгеній съ 35,000 войскъ прибылъ изъ Кобленца въ Брюссель послѣ сраженія при Уденардѣ (11 іюля), въ которомъ Марльборо разбилъ французскую армію герцога бургонскаго и Вандома. Принцъ Евгеній и Марльборо, соединясь, имѣли 120,000 войскъ между двумя французскими арміями, но не разбили ихъ порознь и разошлись въ видахъ:

Марльборо хотѣлъ прямо вторгнуться во Францію, а принцъ Евгеній—прежде того взять какую-либо большую крѣпость и сдѣлать изъ нея главный опорный и складочный пунктъ. Вслѣдствіе того принцъ Евгеній осадилъ Лилль, а Марльборо прикрывалъ осаду. Въ октябрѣ крѣпость эта сдалась и союзники снова очутились между двухъ французскихъ армій и снова не воспользовались тѣмъ для пораженія ихъ порознь, и по сдачѣ лилльской цитадели, арміи съ обѣихъ сторонъ расположились на зимнихъ квартирахъ.

Въ объясненіе дѣйствій принца Евгенія въ этомъ походѣ нужно замѣтить слѣдующее:

По соединеніи Марльборо и принца Евгенія, послѣ сраженія при Уденардѣ, въ числѣ 120,000 войскъ, между двумя разобщенными французскими арміями, изъ которыхъ одна была разбита, всего естественнѣе слѣдовало бы, казалось, снова разбить ту и другую порознь и дать войнѣ рѣшительный оборотъ. Но ни Марльборо, ни принцъ Евгеній не избрали этого способа дѣйствій и вмѣсто того первый хотѣлъ прямо вторгнуться во Францію, что̀ было очень смѣло и даже отважно по понятіямъ того времени, но согласнѣе съ здравыми понятіями о войнѣ и съ самыми обстоятельствами. Принцъ Евгеній же предпочиталъ прежде взять какую-нибудь большую крѣпость, какъ складочный и опорный пунктъ, что̀ было болѣе согласно съ понятіями того времени, но уже слишкомъ осторожно и не довольно рѣшительно и потому кажется нѣсколько страннымъ и удивительнымъ со стороны такого искуснаго, опытнаго, энергическаго и рѣшительнаго полководца, какъ принцъ Евгеній, неразъ уже доказывавшаго, что онъ стоялъ выше ложныхъ военныхъ понятій и предразсудковъ своего времени, хотя волей или неволей былъ принужденъ покориться имъ. Нѣтъ сомнѣнія, что два такіе полководца, какъ Марльборо и принцъ Евгеній, имѣли въ то время уважительныя причины осадить Лилль; тѣмъ не менѣе результатъ похода, обѣщавшаго и могшаго имѣть рѣшительныя послѣдствія, ограничился взятіемъ Лилля! Такъ бывало наибольшею частію въ войнахъ этого времени, веденныхъ на основаніяхъ, совершенно ложныхъ по существу.

Главнымъ дѣйствіемъ принца Евгенія въ этомъ походѣ была осада Лилля. Она была ведена слишкомъ долго, но не по его винѣ и не вслѣдствіе упорной и искусной обороны маршала Буфлера, какъ провозгласили французы, а скорѣе вслѣдствіе ошибокъ союзныхъ инженеровъ. Но принцу Евгенію справедливо принадлежитъ честь значительнаго содѣйствія, своею необыкновенною дѣятельностью, взятію такой сильной и важной крѣпости.

Въ 1709 г. весь походъ ограничился маневрированіемъ Марльборо и принца Евгенія съ превосходною числомъ арміею (отъ 150,000 войскъ сначала до 117,000 при Малплаке́), съ цѣлію принудить слабѣйшую армію Вилара (потомъ Буфлера и Бервика, отъ 60,000 войскъ сначала до 100,000 впослѣдствіи и до 81,000 при Малплаке́) покинуть свое сильное оборонительное расположеніе и либо отступить, либо принять бой, а Виллара — съ цѣлію только затруднять или замедлять дѣйствія союзниковъ. Это повело только къ взятію союзниками Турне́ и Монса и затѣмъ къ кровопролитному, но нерѣшительному по своимъ послѣдствіямъ сраженію при Малплаке́, въ которомъ союзники были обязаны побѣдой преимущественно и даже исключительно принцу Евгенію, равно и тому обстоятельству, что Вилларъ въ началѣ сраженія былъ тяжело раненъ. Но огромный уронъ, понесенный союзниками и ослабившій ихъ, не доставилъ имъ никакихъ выгодъ отъ побѣды, а взятіе неважныхъ крѣпостей Турне́ и Монса не могло вознаградить всѣхъ трудовъ и жертвъ похода. По понятіямъ того времени, принцъ Евгеній, какъ и Марльборо и Вилларъ, маневрировали очень искусно, но, судя по ничтожнымъ результатамъ похода, не достигли ничего или крайне мало. Въ отношеніи собственно къ принцу Евгенію необходимо замѣтить, что онъ, какъ въ предъидущемъ и этомъ походахъ, такъ и въ слѣдующихъ, въ Нидерландахъ, былъ чрезвычайно связанъ, кромѣ мѣстныхъ свойствъ Нидерландовъ, усѣянныхъ крѣпостями, и ложныхъ военныхъ понятій времени, еще и тѣмъ, что союзная армія была составлена изъ разнородныхъ войскъ многихъ самостоятельныхъ государствъ, а такого рода коалиціонныя арміи, какъ достаточно доказано исторіей, суть самыя неудобныя и невыгодныя для военныхъ дѣйствій. Нѣтъ сомнѣнія, что начальствуя самостоятельно и независимо однородною арміею императорскою, принцъ Евгеній даже въ то время и въ томъ же краю, въ Нидерландахъ, умѣлъ бы дѣйствовать смѣло и рѣшительно и пріобрѣсть важные результаты.

Въ 1710 г. взаимное политическое положеніе обѣихъ воюющихъ сторонъ было таково, что въ Нидерландахъ союзники должны были и могли дѣйствовать самымъ рѣшительнымъ образомъ, съ цѣлію боя, а французы—самымъ осторожнымъ образомъ, оборонительно, съ цѣлію избѣжанія боя. Но вышло совсѣмъ наоборотъ: Марльборо и принцъ Евгеній только осаждали и взяли неважныя крѣпости: Дуэ, Бетюнъ, Эръ и С.-Венанъ, постоянно уклонялись отъ боя, а Вилларъ, напротивъ, хотя и слабѣйшій, постоянно искалъ боя! Какъ объяснить это въ отношеніи къ принцу Евгенію? Къ чести его—развѣ только приведенными выше при-

чинами. Но почему же Вилларъ и особенно Тюреннь, оба люди своего времени, были однако независимѣе въ своихъ мнѣніяхъ въ отношеніи важности крѣпостей и сообщеній, даже въ тѣхъ же самыхъ Нидерландахъ? Если они и начальствовали однородными французскими арміями, то съ другой стороны и они находились въ полной зависимости отъ Людовика XIV и его военныхъ министровъ, находившихся подъ еще бо́льшимъ вліяніемъ ложныхъ военныхъ понятій и предразсудковъ своего времени. Словомъ—принцъ Евгеній въ Нидерландахъ былъ какъ будто совсѣмъ иной полководецъ, нежели какимъ мы его видѣли въ Венгріи—явленіе странное и загадка трудно разрѣшимая.

Походъ 1711 г. былъ самый ничтожный и весь результатъ его ограничился взятіемъ союзниками Бушеня. Принцъ Евгеній не участвовалъ въ немъ, ибо, по случаю смерти императора Іосифа I въ апрѣлѣ и избранія преемника ему, долженъ былъ совершить нѣсколько поѣздокъ, а потомъ собрать изъ Фландріи корпусъ 20,000 императорскихъ войскъ въ этлингенскихъ линіяхъ на среднемъ Рейнѣ, для соединенія въ нихъ съ 30,000 войскъ герцога виртембергскаго и прикрытія съ ними, отъ 22,000 французскихъ войскъ маршаловъ д'Аркура и Безона, Франкфурта—мѣста собранія имперскаго сейма и выбора императора. Хотя въ концѣ августа принцъ Евгеній съ частію силъ и перешелъ въ Шпейерѣ черезъ Рейнъ, но никакихъ военныхъ дѣйствій вслѣдствіе того не произошло. Марльборо дѣйствовалъ во Фландріи одинъ, но, вслѣдствіе перемѣны министерства въ Англіи, не только былъ отозванъ, но даже обвиненъ и съ тѣхъ поръ сошелъ съ политическаго поприща, а Англія явно склонилась къ миру съ Франціей и заключила уже предварительныя условія его.

Въ 1712 г. принцъ Евгеній всячески старался замедлить переговоры между Англіей и Франціей, склонить голландскіе генеральные штаты на сторону новаго императора Карла VI и пополнить и усилить императорскую армію во Фландріи. По всѣмъ причинамъ и обстоятельствамъ онъ видѣлъ необходимость дѣйствовать самымъ рѣшительнымъ наступательнымъ образомъ, и императоръ приказалъ ему тоже, и обстоятельства особенно благопріятствовали сму, ибо главное начальствованіе союзною арміею было ввѣрено, вмѣсто Марльборо, ему, и союзники, уже владѣя во Фландріи 13-ю крѣпостями и укрѣпленными городами, могли безпрепятственно и легко вступить въ французскія области Артуа и Пикардію, взять Булонь и Кале́ и дать войнѣ рѣшительный оборотъ. Но, не смотря на все это, принцъ Евгеній — странное дѣло! — избралъ для вступленія во Францію самую сильную часть ея сѣверной границы—со стороны р. Самбры, а для облегченія этого призналъ нужнымъ прежде взять Кенуа и Ландреси—и, осадивъ первую крѣпостцу, снова вмѣсто дѣйствій рѣшительныхъ прибѣгнулъ къ осадамъ! Единственнымъ объясненіемъ этого можетъ служить только сказанное выше о неудобствахъ коалиціонныхъ армій и то, что въ союзной арміи подъ его начальствомъ возникли несогласія между начальниками союзныхъ войскъ. А между тѣмъ искусныя, смѣлыя и рѣшительныя дѣйствія Виллара, имѣвшія слѣдствіемъ побѣду его при Денен́ѣ и взятіе Маршіенна, принудили принца Евгенія, снявъ осаду Ландреси, отступить къ Турне́ и до конца похода не принимать ничего важнаго, тогда какъ Вилларъ, ставъ уже почти 20-ю тысячами войскъ сильнѣе его, кончилъ походъ осадой и взятіемъ Дуэ, Кенуа и Бушеня. Слѣдовательно всѣ выгоды остались на сторонѣ слабѣйшаго, оборонявшагося—Виллара, а всѣ невыгоды—на сторонѣ сильнѣйшаго—принца Евгенія, который, какъ сказано, и долженъ былъ, и могъ дѣйствовать рѣшительнымъ, наступательнымъ образомъ, и потому честь этого похода, по справедливости, принадлежала не ему, а Виллару. Но не его была вина въ томъ: никогда не былъ онъ такъ связанъ неудобствами и невыгодами коалиціонныхъ армій, никогда зависимость его отъ нихъ не обращала до такой степени въ ничто всѣ его собственныя намѣренія и предначертанія; никогда еще измѣнчивое счастіе не обращалось такъ внезапно отъ одной стороны къ другой, какъ въ этомъ походѣ. Изъ оставшихся послѣ принца Евгенія письменныхъ свѣдѣній можно съ основательностью заключить, что онъ лично имѣлъ совсѣмъ другіе виды для своихъ дѣйствій и что еслибы могъ привесть ихъ въ исполненіе, то достигнулъ бы, можетъ быть, важныхъ и блистательныхъ результатовъ. Но рѣшительно все было противъ него—и счастіе отвратилось отъ него, не повредивъ однако его славѣ. Въ этомъ можно вполнѣ убѣдиться изъ подробнаго разбора дѣйствій его и Виллара въ этомъ походѣ. По поводу самаго рѣшительнаго дѣйствія этого похода—сраженія при Денен́ѣ и всѣхъ предшествовавшихъ ему обстоятельствъ, генералъ Лоссау справедливо говоритъ: «Это служитъ урокомъ, что при большихъ предпріятіяхъ слишкомъ мелочное принятіе во вниманіе каждаго одиночнаго шага—есть самое вреднѣйшее, что̀ можетъ быть примѣнено къ дѣлу, и истинный талантъ никогда не согласится съ такимъ узкимъ воззрѣніемъ».

§ 12.

Походъ принца Евгенія въ 1713 году на Рейнѣ.

Въ 1713 г. миръ, заключенный въ Утрехтѣ между Англіей и Франціей и къ которому приступили и голландскіе генеральные штаты, былъ слишкомъ невыгоденъ для императора, который поэтому и положилъ одинъ продолжать войну съ Франціей, но только согласился на неутралитетъ Италіи и на временную передачу Нидерландовъ Голландіи. Вслѣдствіе того императорская армія, подъ начальствомъ принца Евгенія, должна была дѣйствовать только на Рейнѣ, отъ границъ Швейцаріи до границъ Нидерландовъ, занимая центральную позицію въ этлингенскихъ линіяхъ. Противъ нея на лѣвой сторонѣ Рейна находилась 130-титысячная французская армія Виллара, расположенная при Страсбургѣ (д'Аркуръ) и на р. Саарѣ (Безопъ), но потомъ сосредоточенная Вилларомъ къ крѣпости Ландау, которую онъ хотѣлъ обложить. Въ это время принцъ Евгеній уже собралъ 60,000 войскъ при Этлингенѣ и могъ бы, перейдя съ ними на лѣвую сторону Рейна, воспрепятствовать обложенію Ландау. Но видно ему не были извѣстны намѣренія Виллара или онъ ждалъ еще прибытія остальныхъ своихъ войскъ, и потому Вилларъ предупредилъ его собственнымъ переходомъ съ частію силъ, 4-го іюня, на правый берегъ Рейна при фортѣ Лун (Fort-Louis) и направленіемъ сильнаго отряда конницы къ Раштадту, между тѣмъ, какъ главныя силы его сосредоточились на противуположномъ лѣвомъ берегу Рейна. Но это была только демонстрація: Вилларъ лично воротился на лѣвый берегъ и двинулся съ главными силами къ Шпейеру, взялъ его, обложилъ тетъ-де-понъ Филипсбурга, устроилъ тутъ укрѣпленный лагерь, прервалъ всѣ сообщенія Рейна съ Ландау, взялъ Мангеймскій тетъ-де-понъ, послалъ 80 эскадроновъ къ Вормсу, осадилъ и взялъ Кайзерслаутернъ, словомъ — совершенно преградилъ принцу Евгенію переходъ на лѣвый берегъ Рейна, 20 іюня обложилъ и осадилъ крѣпость Ландау, а 20 августа принудилъ ее сдаться. Въ это время армія его возросла уже до числа 200 баталіоновъ и 300 эскадроновъ, а принцъ Евгеній, не получая отъ имперскихъ князей обѣщанныхъ подкрѣпленій для усиленія своей арміи, былъ противъ воли вынужденъ ограничиваться самою пассивною обороной. Всего болѣе опасался онъ наступательныхъ дѣйствій Виллара, противъ Фрейбурга на своемъ лѣвомъ флангѣ и потому отрядилъ генерала Вобонна съ 18,000 войскъ, для занятія возстановленныхъ при Фрейбургѣ укрѣпленныхъ линій, а къ сѣверу оттуда опъ обезпечилъ оборону Петерсталя и прилежавшихъ къ нему горъ. 16 сентября Вилларъ собралъ свои войска частію противъ этлингенскихъ линій, частію при Раштадтѣ, а между тѣмъ двинулъ 40 баталіоновъ прямо къ Фрейбургу. Они выбили Вобонна изъ укрѣпленныхъ линій, и онъ, введя въ Фрейбургъ 12 баталіоновъ, съ остальными 6-ю отступилъ къ Ротвейлю. Въ ночь на 1 октября противъ Фрейбурга были открыты траншеи, 30 октября гарнизонъ отступилъ изъ города въ цитадель, а 13 ноября, послѣ упорнаго сопротивленія, сдалъ ее и получилъ свободный выходъ въ Ротвейль. Затѣмъ обѣ арміи были расположены на пространныхъ квартирахъ, а принцъ Евгеній согласился на предложеніе Виллара вступить въ мирные переговоры. Но полученіи имъ отъ вѣнскаго двора уполномоченія на то, оба знаменитые противника съѣхались 26 ноября въ Раштадтѣ и здѣсь 7 марта 1714 года подписали условія мира, прекратившаго наконецъ войну, продолжавшуюся 14 лѣтъ.

Въ этомъ походѣ весь перевѣсъ и всѣ выгоды были несомнѣнно на сторонѣ Виллара, а всѣ невыгоды на сторонѣ принца Евгенія. Германскіе князья театра военныхъ дѣйствій опасались вторженія французовъ, желали скорѣйшаго окончанія войны и медлили доставленіемъ нужныхъ принцу Евгенію подкрѣпленій. Но еслибы даже онъ и усилился ими, то, за исключеніемъ всѣхъ гарнизоновъ и отрядовъ, все-таки имѣлъ бы не болѣе 70,000 войскъ противъ 130,000 Виллара и не могъ бы съ надеждой на успѣхъ дѣйствовать не только наступательно, но даже и оборонительно, особенно еслибы Вилларъ возпамѣрился черезъ Фрейбургъ и Шварцвальдъ проникнуть въ Баварію и средину Германіи, удерживая между тѣмъ принца Евгенія съ лѣваго берега Рейна и изъ Раштадта въ этлингенскихъ линіяхъ. Вообще должно сказать, что хотя принцъ Евгеній въ продолженіи всего этого похода оставался въ этлингенскихъ линіяхъ, но это никакимъ образомъ не можетъ быть названо сознательнымъ бездѣйствіемъ. Напротивъ, возможно и отчасти вѣроятно, что принцъ Евгеній имѣлъ болѣе прозорливости, нежели Вилларъ, который, не смотря на то, что оказалъ большую дѣятельность, не прибѣгнулъ однако къ тѣмъ рѣшительнѣйшимъ мѣрамъ, противъ которыхъ принцъ Евгеній безпрестанно принималъ съ своей стороны мѣры.

ГЛАВА IV.

ПОХОДЫ ПРИНЦА ЕВГЕНІЯ САВОЙСКАГО ВЪ 1716—17 И 1734—35 Г.Г. ПРОТИВЪ ТУРОКЪ И ФРАНЦУЗОВЪ.

§ 13.

Походы принца Евгенія въ 1716—17 г.г. противъ турокъ въ Венгріи и Турціи.

Два года послѣ заключенія Раштадтскаго мира—въ 1716 году императоръ Карлъ VI былъ принужденъ вступить въ новую войну съ турками, напавшими на венеціянскія владѣнія въ Морећ. Принцъ Евгеній получилъ главное начальствованіе надъ императорскою арміею, собранною въ числѣ 125,000 войскъ въ Венгріи (70,000 въ главной арміи, 30,000 въ отдѣльномъ корпусѣ графа Штаремберга и 25,000 въ такомъ же корпусѣ генерала Гейстера). На Дунаѣ была снаряжена флотилія и приняты всѣ мѣры для рѣшительнаго веденія войны. Турки также собрали многочисленную армію при Бѣлградѣ, но чтобы показать видъ, что не они начали войну, оставались въ бездѣйствіи, пока армія принца Евгенія собиралась у Петервардейна, а потомъ у Беча. Отъѣздъ принца Евгенія изъ Вѣны былъ замедленъ до 1-го іюня, а затѣмъ 9-го онъ прибылъ къ арміи въ Бечѣ и, вскорѣ узнавъ, что верховный визирь собирался перейти черезъ р. Саву, принялъ нужныя мѣры. 26 и 27 іюня визирь перешелъ черезъ Саву и двинулся въ Землину и Карловицу. Принцъ Евгеній выслалъ на рекогносцировку графа Пальфи съ 1,000 чел. конницы, но 20,000 чел. турецкой конницы атаковали Пальфи и принудили его отступить съ урономъ. Тогда принцъ Евгеній 2-го августа перешелъ со всею арміею черезъ Дунай по 2-мъ мостамъ и расположился лагеремъ по другую сторону его, впереди Петервардейна, въ тѣхъ самыхъ укрѣпленіяхъ, которыя въ 1694 г. такъ храбро защищалъ генералъ Капрара. 3-го августа визирь приблизился къ нему, но вмѣсто того, чтобы немедленно атаковать его лагерь, устроилъ противъ него укрѣпленную линію въ родѣ параллели и пытался, но не успѣлъ истребить мосты на Дунаѣ въ тылу принца Евгенія. Тогда послѣдній положилъ самому атаковать турокъ и построилъ свою армію въ обыкновенный боевой порядокъ—пѣхоту въ 2 линіи съ резервомъ, подъ прикрытіемъ означенныхъ выше укрѣпленій, а конницу по флангамъ, гдѣ она была прикрыта отъ обходовъ, на право—крутыми, неприступными высотами, а на лѣво—болотами. Войскъ всего было 72 баталіона (41,000) и 187 эскадроновъ (22,000), изъ нихъ Гейстеръ начальствовалъ всею пѣхотою, Пальфи всею конницею, а Сплени 25-ю эскадронами въ резервѣ. Визирь съ своей стороны также построилъ свою армію въ боевой порядокъ, ввѣривъ начальствованіе правымъ и лѣвымъ крылами анатолійскому и румилійскому беглербеямъ. Въ турецкой арміи было 40,000 янычаръ подъ начальствомъ Гуссейна-паши, 30,000 спаговъ, 10,000 татаръ и нѣсколько тысячъ валаховъ, арнаутовъ и египтянъ, а всего до 150,000 войскъ. Большая часть конницы стояла противъ лѣваго крыла принца Евгенія, что имѣло большое вліяніе на сраженіе. Изъ тяжелой своей артиллеріи турки могли выставить только 3 пушечныя батареи и 4 гаубицы въ центрѣ и на крылахъ. 5-го августа въ 7 ч. утра принцъ Евгеній приказалъ принцу Александру виртембергскому начать атаку съ 6-ю баталіонами лѣваго

крыла. Атака эта, одновременно съ атакой лѣвой фланговой конницы, была такъ удачна, что турки въ этомъ мѣстѣ были опрокинуты и потеряли свою батарею. Но пѣхота праваго крыла, выступивъ изъ укрѣпленія 8-ю колоннами, была встрѣчена такимъ жестокимъ огнемъ изъ турецкихъ окоповъ, что баталіоны пришли въ замѣшательство и разстройство и были опрокинуты бросившимися на нихъ изъ окоповъ янычарами, которые вслѣдъ за ними ворвались въ ихъ укрѣпленія и овладѣли ими, не смотря на всѣ усилія генераловъ Лапкепа, Валленштейна и Бонневаля удержать янычаръ. Первые два генерала были убиты, а Бонневаль съ 25 человѣками пробился съ славой. Этотъ попѣхъ турокъ легко могъ бы повести къ усбѣдѣ, еслибы правая фланговая конница принца Евгенія не отразила всѣ нападенія турецкой конницы. Принцъ Евгеній, не потерявшій присутствія духа, замѣтилъ, что турки, при порывѣ своемъ впередъ, обнажили свой лѣвый флангъ, и немедленно приказалъ Пальфи съ 2,000 челов. конницы поспѣшно перейти, съ лѣваго фланга на правый и атаковать янычаръ во флангъ и въ тылъ. Удачное исполненіе этого рѣшило побѣду надъ турками. Подъ прикрытіемъ этой атаки, разстроенные баталіоны снова построились въ 2 линіи съ резервомъ, перешли въ наступленіе, опрокинули янычаръ, штурмовали турецкіе окопы и въ тоже время лѣвая фланговая конница атаковала вагенбургъ турокъ и обратила ихъ въ бѣгство. Тщетно визирь лично повелъ войска на встрѣчу штурмующимъ: онъ былъ тяжело раненъ и вскорѣ умеръ въ Карловицѣ, а армія его въ безпорядкѣ бѣжала въ Бѣлградъ, потерявъ болѣе 6,000 убитыми, 164 орудія, 150 знаменъ, 5 бунчуковъ и весь лагерь съ богатою въ немъ добычею и великолѣпною палаткою визиря, передъ которою еще развѣвалось знамя Магомета. Уронъ императорской арміи простирался до 3,000 убитыми и 2,000 ранеными. Принцъ Евгеній не преслѣдовалъ турокъ и не пошелъ къ Бѣлграду, гдѣ турецкая армія собралась и была еще довольно сильна, и притомъ необходимо было осаждать Бѣлградъ, но двинулся къ Темешвару, главному городу Банната, осадилъ его и 13-го октября принудилъ сдаться на капитуляцію. Взятіе Темешвара доставило императору весь Баннатъ и Валахію, господарь которой, Маврокордато, былъ взятъ въ плѣнъ. Расположивъ свою армію на квартирахъ въ Баннатѣ и Трансильваніи, принцъ Евгеній отправился въ Вѣну, гдѣ былъ принятъ съ большими почестями и императоръ пожаловалъ ему орденъ Золотаго Руна, а папа прислалъ ему освященную шпагу.

Къ слѣдующему походу 1717 г. со стороны императора были сдѣланы большія приготовленія, армія принца Евгенія имѣла быть усилена до 140,000 войскъ, а дунайская флотилія значительно увеличена. Въ половинѣ мая 1717 г. принцъ Евгеній отправился въ армію, собравшуюся при Футакѣ. Цѣлію этого похода были назначены осада и взятіе Бѣлграда, который турки привели въ сильное оборонительное состояніе и поставили въ него 30,000 войскъ для обороны. Въ тоже время при Адріанополѣ собиралась турецкая армія, силы которой имѣли быть доведены до 150,000 войскъ. Такимъ образомъ осада и взятіе Бѣлграда были дѣломъ очень труднымъ, тѣмъ болѣе, что принцу Евгенію нужно было, осаждая Бѣлградъ, прикрывать осаду его спереди и обезпечить Баннатъ и Трансильванію въ тылу отъ вторженія турокъ. Но, къ счастію для него, турки устремили всѣ свои силы и вниманіе только на защиту Бѣлграда, что̀ позволило и принцу Евгенію съ своей стороны сдѣлать тоже для взятія Бѣлграда. Новый верховный визирь полагалъ съ одною частію арміи прикрыть Бѣлградъ, а другою наблюдать за границами Валахіи и находившимися на нихъ императорскими гарнизонами. А принцъ Евгеній 10 іюня двинулся отъ Футака черезъ Титель, р.р. Тейсу и Беію, Панчову, гдѣ перешелъ по мосту на судахъ черезъ Дунай и къ 18-му іюня расположилъ свою армію въ лагерѣ при Винницѣ, въ полутора мили отъ Бѣлграда. Въ этотъ же день онъ произвелъ рекогносцировку крѣпости, при чемъ въ дѣлѣ съ турецкою конницею подвергся большой опасности. 19-го іюня вся армія заняла назначенныя ей мѣста, правымъ флангомъ къ Дунаю, а лѣвымъ къ Савѣ. Флотилія прикрывала правый флангъ, а часть судовъ расположилась у Землина насупротивъ, гдѣ былъ поставленъ графъ Гаубенъ съ отрядомъ, для обезпеченія сообщеній съ магазинами въ Петервардейнѣ. 20-го іюня началось устроеніе циркумъ-и контръ-валаціонныхъ линій и многихъ мостовъ для внутренняго сообщенія войскъ. Все это стоило большихъ трудовъ, тѣмъ болѣе, что турки безпрестанно и сильно тревожили рабочихъ, однако были удачно отражаемы. Къ 1-му іюля обѣ линіи были готовы и приступлено къ усиленію ихъ и заложенію батарей, но не траншей, ибо принцъ Евгеній, щадя армію свою, хотѣлъ блокировать, а не осаждать Бѣлградъ. 29-го іюля батареи были готовы и открыли весьма дѣйствительный огонь, который причинилъ туркамъ и ихъ батареямъ большой вредъ. Между тѣмъ армія визиря приблизилась къ Бѣлграду и 29-го іюля въ виду его уже показался авангардъ ея. А 1-го августа вся турецкая армія, силою до 150,000 чел., расположилась большою дугою кругомъ арміи принца Евгенія, отъ Дуная до Савы. Такимъ образомъ принцъ Евгеній находился между 150,000 турокъ въ полѣ и 30,000 въ Бѣлградѣ, не имѣя и половины, войскъ противъ

нихъ. Въ такомъ положеніи обѣ стороны не могли долго оставаться и принцъ Евгеній рѣшился во что бы ни стало взять Бѣлградъ, однако положилъ не слишкомъ торопиться и выждать, что предпримутъ турки. Но это выжиданіе продлилось болѣе 2-хъ недѣль, и легко можно представить себѣ, какое впечатленіе это производило на армію принца Евгенія. Потребны были все мужество и довѣріе ея къ принцу Евгенію для того, чтобы не поколебать нравственной силы ея. Къ тому же принцъ Евгеній въ концѣ іюля заболѣлъ, однако по счастію вскорѣ поправился и написалъ императору, что всѣ мѣры приняты для отраженія турокъ, чѣмъ хотѣлъ успокоить императора и Вѣну.

3-го августа визирь началъ обстрѣливать линію и лагерь принца Евгенія, который отвѣчалъ также сильнымъ огнемъ; однако огонь турокъ причинилъ много вреда и большой уронъ, увеличенный еще распространившимся въ арміи кровавымъ поносомъ и повальною болѣзнію между лошадьми. Принцъ Евгеній дѣлалъ все, что было можно, чтобы пособить бѣдѣ, но ясно видѣлъ, что если не положить скоро конецъ такому положенію, то армія такъ ослабѣетъ, что не будетъ въ состояніи даже занимать циркумвалаціонную линію. Вскорѣ онъ получилъ поводъ полагать, что турки хотятъ уничтожить мосты на Савѣ или подавить отрядъ въ Землинѣ, и потому рѣшился предупредить это атакой визиря. Послѣдній между тѣмъ сталъ, посредствомъ траншей, болѣе и болѣе приближаться къ линіи принца Евгенія, даже на ружейный выстрѣлъ, такъ что между двумя линіями почти нигдѣ не было безопаснаго отъ огня мѣста. Это побудило наконецъ принца Евгенія 16 августа атаковать визиря. Для занятія и обороны контръ-валаціонной линіи были назначены 8 баталіоновъ, 4 гренадерскія роты и 7 полковъ конницы, подъ начальствомъ фельдмаршала-лейтенанта Віарда, а 2 баталіона и 1,400 чел. пѣхоты по частямъ и 300 чел. конницы были оставлены по ту сторону Савы, на острову Дуная, въ большомъ редутѣ и при пекарняхъ. Кавалеристы безъ лошадей были распредѣлены по обѣимъ линіямъ, а всѣ остальныя затѣмъ войска, числомъ не болѣе 60,000 чел., были назначены для атаки и построены по обыкновенію въ 2 линіи съ резервомъ, пѣхота въ центрѣ, а конница по флангамъ. Принцъ Евгеній приказалъ въ 10 час. вечера артиллеріи уже быть при своихъ частяхъ, 1-й линіи почью въ величайшей тишинѣ выйдти изъ укрѣпленій и построиться такъ, чтобы на разсвѣтѣ начать атаку, лѣвому крылу выступить позже праваго и, пропустивъ впередъ конницу, взять большую турецкую батарею на высотѣ, оттуда ударить во флангъ туркамъ, выбить ихъ изъ траншей, утвердиться въ послѣднихъ и ждать дальнѣйшихъ приказаній, а между тѣмъ самъ онъ хотѣлъ, по взятіи первой батареи, съ правымъ крыломъ занять одну изъ лежавшихъ насупротивъ высотъ. Но диспозиція эта не могла быть приведена въ исполненіе. Чтобы ввести турокъ въ заблужденіе, до полуночи было производимо бомбардированіе города, а въ 1 часъ пополуночи брошены были 3 бомбы разомъ. По этому условленному сигналу, правое крыло первое вышло изъ укрѣпленій, но въ густомъ туманѣ приняло другое направленіе и попало въ турецкія траншеи. Находившіеся въ нихъ турки открыли огонь, правая фланговая конница отвѣчала на него и вскорѣ весь турецкій лагерь пришелъ въ движеніе, и сраженіе, начавшееся по частямъ, сдѣлалось общимъ. Правая фланговая конница отбила спаговъ и татаръ и все подвигалась впередъ, а пѣхота шла за нею и поддерживала ее. Но при этомъ они зашли слишкомъ вправо и турки въ большомъ числѣ бросились въ образовавшійся промежутокъ, что могло угрожать большою опасностью. По счастію, по восхожденіи солнца туманъ разсѣялся и принцъ Евгеній лично повелъ 2-ю линію въ промежутокъ и послѣ упорнаго боя отбилъ турокъ, при чемъ былъ легко раненъ саблей. Дабы части войскъ не стали сражаться порознь и не потеряли связи между собою, онъ приказалъ всѣмъ бригадамъ лѣваго крыла подвигаться въ одной линіи, держась одна другой. Однако не было возможности удержать ихъ, особенно баварскую пѣхоту, которая стремительно бросилась на находившихся противъ нея турокъ, опрокинула ихъ и взяла батарею въ 18 орудій. Тогда всѣ отдѣльныя части стали вступать въ бой, смотря по надобности, порознь, однако взаимно поддерживая себя и не разрывая связи между собою. Вскорѣ турки были вездѣ опрокинуты съ высотъ на лежавшую за ними равнину и, послѣ сопротивленія по частямъ, обратились въ бѣгство, преслѣдуемые легкою конницей и потерявъ до 10,000 чел. убитыми въ бою и до 3,000 во время преслѣдованія, около 5,000 чел. ранеными и столько же взятыми въ плѣнъ. Весь лагерь ихъ, 141 орудіе и 30 мортиръ, множество боевыхъ снарядовъ, знаменъ, бунчуковъ и пр. достались въ руки побѣдителей, при чемъ войскамъ досталась въ награду большая добыча. Сраженіе кончилось около 11 час. утра 16-го августа. Гарнизонъ Бѣлграда все это время оставался въ полномъ спокойствіи. 17-го августа принцъ Евгеній потребовалъ сдачи, которая и произошла 18-го. Гарнизонъ получилъ свободный выходъ, а Бѣлградъ былъ занятъ и приведенъ въ оборонительное состояніе. Послѣ того произошли еще многія частныя дѣла съ турками, потерявшими при этомъ множество небольшихъ укрѣпленныхъ пунктовъ, и императорскія войска проникли въ Боснію. Затѣмъ армія расположилась на

пространныхъ квартирахъ и принцъ Евгеній воротился въ Вѣну.

Вскорѣ Порта, при посредничествѣ Англіи, предложила миръ, о которомъ въ 1718 г. и были открыты переговоры. А между тѣмъ принцъ Евгеній отправился въ армію, отказалъ верховному визирю въ перемиріи и приготовился къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Однако никакихъ важныхъ дѣйствій не произошло и вскорѣ былъ заключенъ Пассаровицскій миръ, по которому Темешваръ, Бѣлградъ, Баннатъ, Сербія, Боснія и Малая Валахія были уступлены императору.

Оба эти похода 1716 и 1717 гг. приносятъ большую честь принцу Евгенію. Въ 1716 г. онъ прибылъ въ армію лишь въ половинѣ іюля, съ приказаніемъ выманить верховнаго визиря изъ его расположенія и атаковать его. Визирь предупредилъ принца Евгенія, самъ двинувшись противъ него съ цѣлію атаковать его. Принцъ Евгеній занялъ впереди Петервардейна, за Дунаемъ, позицію не совсѣмъ выгодную, однако хорошо выбранную, и принялъ мѣры сначала къ отраженію, а потомъ къ атакѣ турокъ. Но визирь видно проникъ его намѣреніе и устроилъ параллель, что̀ побудило принца Евгенія атаковать его. Произшедшее вслѣдствіе того сраженіе доказало, что императорскія войска столько же съумѣли сами пособить себѣ, сколько и принцъ Евгеній съумѣлъ воспользоваться рѣшительнымъ мгновеніемъ боя. Послѣ того надлежало рѣшить, осадить-ли Темешваръ или Бѣлградъ? Принцъ Евгеній рѣшилъ осадить первый, хотя, казалось бы, послѣ побѣды при Петервардейнѣ, осада Бѣлграда, не смотря на позднее время года, могла бы представить гораздо менѣе затрудненій и опасности, нежели въ 1717 году, и подвинула бы войну, можетъ быть годомъ ранѣе къ концу. Но вѣроятно принцъ Евгеній не былъ приготовленъ къ осадѣ такой сильной крѣпости, какъ Бѣлградъ, и былъ бы очень замедленъ приготовленіями къ ней. Въ 1717 г. представляется вопросъ—почему принцъ Евгеній не разбилъ армію визиря прежде, нежели осадить Бѣлградъ? На это можно отвѣчать, что побѣдитель при Зентѣ и Петервардейнѣ достаточно ознакомился съ образомъ дѣйствій турокъ и противъ нихъ, и потому не безъ основанія предпочелъ въ одно и тоже время осадить Бѣлградъ и прикрыться отъ арміи визиря, и надѣялся успѣть взять первый и отразить послѣдняго. Но обстоятельства приняли такой оборотъ, что принцъ Евгеній, осаждая Бѣлградъ, самъ былъ осажденъ визиремъ и тѣмъ поставленъ въ такое невыгодное положеніе, что наконецъ ему ничего болѣе не оставалось, какъ отступить или атаковать. Онъ избралъ послѣднее и этимъ доказалъ необыкновенную силу воли и рѣшимость. Хотя ночное нападеніе съ одной стороны представило много опасностей, особливо вслѣдствіе тумана до самаго утра, но съ другой стороны, противъ турокъ, вовсе не ожидавшихъ его, было весьма основательно назначено. Трудно и опасно было положеніе принца Евгенія до утра; но счастіе помогло ему ночью, а утромъ вѣрный глазъ его и искусныя распоряженія тотчасъ склонили побѣду на его сторону. Эта побѣда—плодъ необыкновенной его рѣшимости и отважности—повела къ важнѣйшимъ результатамъ—паденію Бѣлграда и ускоренію выгоднаго для императора мира.

Воротясь въ Вѣну, принцъ Евгеній, сверхъ прежнихъ званій предсѣдателя придворнаго военнаго совѣта, государственнаго и конференц-министра, получилъ званіе генералъ-губернатора Нидерландовъ, съ позволеніемъ поручить управленіе ими намѣстнику.

§ 14.

Послѣдніе два похода принца Евгенія въ 1734—35 г.г. въ Германіи на среднемъ Рейнѣ.

Шестнадцать лѣтъ послѣ того (1718—1733) принцъ Евгеній не участвовалъ ни въ какихъ войнахъ и былъ занятъ исключительно государственными дѣлами. Но смерть Августа I короля польскаго и II курфирста саксонскаго въ февралѣ 1733 г. и притязанія на польскій престолъ сына его, Августа, и бывшаго короля польскаго, Станислава Лещинскаго, возбудили въ Европѣ новую войну за наслѣдство престола, на этотъ разъ польскаго (это былъ преимущественно вѣкъ такого рода войнъ). Россія приняла сторону Августа, а Франція, въ союзѣ съ Англіей, Пруссіей, Даніей и Швеціей—сторону Станислава. Императоръ Карлъ VI склонялся на сторону Августа. Когда въ совѣтѣ его былъ возбужденъ вопросъ, поддерживать-ли Августа силою оружія, принцъ Евгеній былъ противъ этого, но присоединился къ противному мнѣнію императора и большинства совѣта и тогда принялъ всѣ мѣры для веденія войны рѣшительнымъ образомъ. Но

пока дѣлались нужныя приготовленія и императорскія войска двигались къ среднему Рейну, французы уже въ октябрѣ 1733 г. перешли черезъ него, осадили и взяли Кель, распространились вдоль правой стороны Рейна и начали собирать большія контрибуціи, что произвело большое неудовольствіе между имперскими князьями. Въ тоже время короли сардинскій и испанскій объявили себя противъ Августа и императора, и въ Италіи также открылась война. Такъ какъ имперскихъ войскъ и въ Германіи, и въ Италіи было очень мало, то они въ этомъ году и не могли оказать никакого противудѣйствія. Да и въ 1734 г. повторилось тоже, что было и прежде, и въ 1714 г. въ Германіи: имперскіе князья рѣшительно не хотѣли (и очень естественно) войны, вся тяжесть которой обыкновенно лежала на нихъ, безъ всякихъ для нихъ выгодъ. Поэтому имперская армія на Рейнѣ, поставленная подъ начальство принца Евгенія, въ апрѣлѣ имѣла еще только 35,000 войскъ противъ 80,000 французскихъ. Принцъ Евгеній колебался принять главное начальствованіе, но принужденъ былъ склониться на желаніе и просьбы императора и 17-го апрѣля отправился въ армію, которую засталъ въ лагерѣ при Филипсбургѣ и тотчасъ расположилъ ее, какъ и въ 1714 г., въ этлингенскихъ линіяхъ. Маршалъ Бервикъ, начальствовавшій французскою арміей, отрядивъ отдѣльный корпусъ Беллиля къ Трарбаху на р. Мозели, съ одною половиною арміи перешелъ черезъ Рейнъ выше Раштадта и двинулся противъ этлингенскихъ линій, а генералъ Асфельдъ съ другою половиной перешелъ черезъ Рейнъ близъ Шпейера. Принцъ Евгеній, угрожаемый на обоихъ флангахъ превосходными силами, отступилъ къ Гейльбронну. Французская армія сосредоточилась въ Этлингенѣ, разрушила этлингенскія линіи и Бервикъ хотѣлъ идти во внутренность Германіи, что было бы всего лучше, но перемѣнилъ намѣреніе и предпочелъ осадить Филипсбургъ, значитъ снова тоже—вмѣсто дѣйствій рѣшительныхъ съ цѣлію боя, крѣпостная и осадная война со всѣми принадлежностями. Между тѣмъ армія принца Евгенія была усилена до 74,000 войскъ, 19-го іюня принцъ Евгеній двинулся къ Филипсбургу и, приблизясь къ нему, произвелъ рекогносцировку (въ которой участвовали, между прочимъ, прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ I и наслѣдный принцъ прусскій, впослѣдствіи король Фридрихъ II). Линіи Бервика и мѣстность были найдены неудободоступными для атаки, но герцогъ виртембергскій указалъ одно мѣсто, которое казалось довольно доступнымъ и слабозанятымъ. Принцъ Евгеній 1-го іюля двинулъ туда армію, заложилъ батареи, даже небольшую траншею, открылъ огонь, но не могъ перейти черезъ находившееся впереди болото и долженъ былъ отказаться отъ атаки, а послѣ капитуляціи Филипсбурга 22-го іюня, отступилъ къ Брухсалю. Маршалъ Д'Асфельдъ (замѣнившій убитаго Бервика) послѣ того хотѣлъ, казалось, осадить Майнцъ, почему принцъ Евгеній двинулся къ Майнцу, а французскія войска на лѣвой сторонѣ Рейна расположились за Шпейербахомъ. Тогда принцъ Евгеній двинулся къ Гейдельбергу, а Д'Асфельдъ—къ форту С.Луи и затѣмъ въ августѣ и сентябрѣ еще нѣсколько разъ передвигался съ мѣста на мѣсто, безъ всякихъ рѣшительныхъ результатовъ, а между тѣмъ императорскія легкоконныя войска удачно вели малую войну. Наконецъ Д'Асфельдъ отступилъ къ Келю и въ концѣ сентября обѣ арміи расположились на зимнія квартиры, императорскія, подъ начальствомъ герцога виртембергскаго, отъ Вестфаліи до Швабіи, а принцъ Евгеній отправился въ Вѣну. Таковъ былъ этотъ ничтожный походъ за наслѣдство польскаго престола!

Въ началѣ лѣта 1735 г. принцъ Евгеній прибылъ въ армію, въ лагерѣ при Этлингенѣ, состоявшую изъ 60-ти полковъ императорскихъ войскъ, къ которымъ имѣли присоединиться имперскіе контингенты и 15,000 русскихъ войскъ подъ начальствомъ генералъ-анъ-шефа Ласси. Послѣдній шелъ черезъ Богемію и верхній Пфальцъ, возбуждая вездѣ удивленіе устройствомъ и дисциплиной русскихъ войскъ, заслужившими и похвалу принца Евгенія. Съ прибытіемъ имперскихъ и русскихъ войскъ, силы его арміи возросли до числа 80,000 чел. Но еще прежде того принцъ Евгеній двинулся къ Брухсалю и расположился между Филипсбургомъ и Этлингеномъ. Противъ него за Шпейербахомъ стояла французская армія маршала Куаньи, почти равной силы, имѣя 25-тысячный отдѣльный корпусъ на р. Мозели, для наблюденія за Триромъ и нижнимъ Рейномъ.

По прибытіи имперскихъ контингентовъ, принцъ Евгеній распредѣлилъ ихъ отдѣльными корпусами на обоихъ своихъ флангахъ, а потомъ послалъ черезъ Рейнъ на р. Мозель, гдѣ они взяли Трарбахъ и перешли черезъ эту рѣку, а когда позже Куаньи сталъ угрожать Майнцу, то отступили къ этому городу. Принцъ Евгеній же 14-го августа двинулся на встрѣчу приближавшемуся Ласси и, соединясь съ нимъ, занялъ лагерь между Мангеймомъ и Гейдельбергомъ, оставивъ 20,000 войскъ при Брухсалѣ. А Куаньи отступилъ къ Вормсу и Шпейеру. Такимъ образомъ обѣ стороны занимали и охраняли берега Рейна и, не переходя черезъ него, наблюдали одна за другою.

Въ октябрѣ принцъ Евгеній былъ призванъ въ Вѣну для принятія участія въ начавшихся переговорахъ, за которыми вскорѣ послѣдовали перемиріе и потомъ миръ.

Это были два послѣдніе похода принца Евгенія. Ихъ часто порицали, и дѣйствительно, съ военной точки зрѣнія, военныя дѣйствія со стороны принца Евгенія могли бы, казалось, быть ведены рѣшительнѣе. Но слѣдуетъ принять во вниманіе, что принцъ Евгеній въ это время былъ не только первый полководецъ, но и первый государственный человѣкъ въ Австріи. Въ послѣднемъ отношеніи, завѣдывая важнѣйшими государственными дѣлами, онъ вполнѣ видѣлъ изъ нихъ всю непригодность и безполезность этой войны, былъ противъ нея и только уступилъ настоятельной волѣ императора. А затѣмъ въ обоихъ походахъ, по многимъ и разнымъ причинамъ, у него всегда было меньше войскъ, нежели противъ него со стороны французовъ, такъ что онъ по неволѣ долженъ былъ ограничиваться только обороной праваго берега Рейна и недопущеніемъ французовъ на правую сторону его въ Германію. Къ этому еще и Бервикъ, и Д'Асфельдъ, и Куаньи, вѣроятно также по политическимъ соображеніямъ французскаго двора, не предпринимали ничего рѣшительнаго, хотя и могли бы, имѣя перевѣсъ силъ на своей сторонѣ. Въ 1734 г., когда силы арміи принца Евгенія возросли до 74,000 чел., онъ двинулся наступательно къ Филипсбургу, осажденному Бервикомъ, но отказался отъ атаки его линій, вслѣдствіе силы ихъ и неудободоступности мѣстности (болотистой). Однако подъ Бѣлградомъ онъ отважился же, въ положеніи чрезвычайно трудномъ, осаждая крѣпость, атаковать визиря, осаждавшаго его самаго? Неизвѣстны настоящія причины, которыя не позволили ему атаковать Бервика; но можно съ вѣроятностью предполагать: 1) что онъ положился на удостовѣреніе подчиненныхъ генераловъ и офицеровъ, что мѣстность была непроходима, а не самъ убѣдился въ томъ, и 2) главное—предвидя, что атака могла имѣть весьма рѣшительные результаты въ случаѣ и удачи, и неудачи, не сочувствуя войнѣ и будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ и въ концѣ своего многолѣтняго военнаго поприща, не хотѣлъ предоставлять случаю ни интересовъ императора и Германіи, ни собственной репутаціи—и потому отказался отъ атаки. И такъ вообще слѣдуетъ, кажется, заключить, что въ обоихъ этихъ походахъ политическія соображенія болѣе или менѣе парализовали военныя дѣйствія принца Евгенія, которыя поэтому и нельзя ни въ какомъ случаѣ приписывать его нерѣшительности и ставить ему въ вину.

Доказательствомъ, что принцъ Евгеній въ этихъ двухъ послѣднихъ походахъ своихъ уже очень постарѣлъ (ему было 71—72 года) и ослабѣлъ тѣлесно, служитъ то, что въ концѣ 1735 года съ нимъ сдѣлался такой упадокъ тѣлесныхъ силъ, что даже память у него ослабѣла. Затѣмъ въ апрѣлѣ 1733 года ему приключилась опасная болѣзнь, отъ которой онъ повидимому сталъ поправляться, но 21-го апрѣля утромъ найденъ былъ въ своей постелѣ умершимъ. Ему было тогда $72^1/_2$ года.—Смерть его возбудила всеобщую и глубокую горесть, потому что потеря его для Австріи, какъ Тюрення для Франціи, была невознаградима. Тѣло его, по приказанію императора, было торжественно погребено, въ присутствіи всего двора и всѣхъ чиновъ, въ Вѣнскомъ каѳедральномъ соборѣ Св. Стефана и надъ могилой его воздвигнутъ мраморный мавзолей.

ГЛАВА V.

§ 15.

Общій выводъ о принцѣ Евгеніи, какъ полководцѣ.

Изложивъ жизнь и военные подвиги его, сдѣлаемъ въ заключеніе общій выводъ о немъ, какъ полководцѣ, и объ образѣ и искуствѣ веденія имъ войны.

Въ 20 лѣтъ отъ роду (1683 г.)—офицеръ и черезъ полгода полковникъ и командиръ полка, на 23-мъ году (1686 г.)—генералъ-маіоръ, на 25-мъ (1688 г.)—фельдмаршалъ-лейтенантъ, на 30-мъ (1693 г.)—фельдмаршалъ и съ 34-го до смерти на 73-мъ (1697—1736)—главнокомандующій отдѣльныхъ арміи; таковъ былъ ходъ 52-лѣтняго военнаго и боеваго поприща принца Евгенія савойскаго. Необыкновенное счастіе необыкновеннаго, высокаго положенія, судьба, случай, обстоятельства—такъ могло бы, пожалуй, показаться съ перваго, поверхностнаго взгляда. Но это не такъ: счастіе, судьба, случай, обстоятельства и т. п., безъ собственныхъ, самоличныхъ: участія, дѣятельности, заслугъ—не заслуга, не мѣра достоинства человѣка, а имп служитъ лишь то, что̀ онъ лично, самъ собой, внесъ въ это, чѣмъ онъ склонилъ къ себѣ и счастіе, и судьбу, и обстоятельства, чѣмъ и какъ онъ умѣлъ воспользоваться ими. И въ этомъ отношеніи вся заслуга принца Евгенія вполнѣ и безусловно принадлежитъ лично ему и ему одному: не одна пылкая, отважная до дерзости, блистательнѣйшая храбрость въ бояхъ, въ первыя 10 лѣтъ его военной службы, но прежде и болѣе всего могучая воля его и затѣмъ уже, въ соединеніи съ нею, разумъ, высокія умственныя, нравственныя и душевныя дарованія и столь же высокая образованность. Извѣстность, утвержденная на такомъ твердомъ основаніи, не можетъ не быть ни прочною, ни вполнѣ заслуженною, ни неколебимою судьбой, случаемъ, обстоятельствами, особенно тѣмъ, что̀ привыкли называть счастіемъ.

Самыя раннія лѣта жизни принца Евгенія и обстоятельства, среди которыхъ они протекли, значительно содѣйствовали необыкновеннымъ развитію и укрѣпленію въ немъ силы воли. Не смотря на свое слабое тѣлосложеніе и несочувственное предназначеніе къ духовному званію, онъ твердо положилъ поступить въ военное и, не смотря на всѣ затрудненія, препятствія, насмѣшки и оскорбленія, достигъ своей цѣли и уже въ первомъ году доказалъ, чѣмъ онъ былъ и что̀ онъ значилъ. Милость императора быстро возвышала его, но не напрасно и не безъ основанія: вся армія, отъ высшихъ чиновъ до низшихъ, отдавала полную и заслуженную справедливость его необыкновенной, ежедневной дѣятельности и блистательной храбрости во всѣхъ дѣлахъ съ непріятелемъ, отъ малѣйшихъ до важнѣйшихъ. А между тѣмъ и необыкновенныя военныя дарованія его постепенно развивались, росли и крѣпли все болѣе и болѣе, а съ ними росла и неукротимая жажда его—не славы и чести, а боевой дѣятельности, въ которой онъ, казалось, поставилъ всю цѣль своей жизни. Однимъ изъ доказательствъ этого можетъ служить та поспѣшность, съ которою онъ, молодой человѣкъ 20—24 лѣтъ, зимою 1683 и 1687 годовъ уѣхалъ изъ столицы—Вѣны и изъ Венеціи—во время карнавала въ армію въ Венгріи: тутъ, а не тамъ была вся душа его. Могли ли же и императоръ, и его полководцы, и старшіе генералы не цѣнить и не ставить высоко такихъ необыкновенныхъ, воинственныхъ рвенія и отваги молодаго человѣка 20-24 лѣтъ, какъ принцъ Евгеній? И они цѣнили ихъ, давая принцу Евгенію одно важное назначеніе за другимъ, и онъ каждый разъ оправдывалъ ихъ достойнымъ образомъ. Награжденный за то чинами генералъ-маіора на

23-мъ и фельдмаршала-лейтенанта на 25-мъ году жизни, онъ принялъ ихъ не такъ, какъ принимаютъ обыкновенные люди, не возгордился счастіемъ, а усугубилъ лишь рвеніе и дѣятельность, прозорливость и рѣшимость. Доказательствомъ тому служатъ: искусное исполненіе имъ щекотливаго порученія къ герцогу савойскому въ 1689 году, зрѣлость его сужденія передъ сраженіемъ при Стаффардо въ 1690 г. и оказанное ему герцогомъ довѣріе. Особенные его даръ и искуство начальствованія большими массами войскъ обнаружились еще болѣе при деблокированіи имъ Кони въ 1691 году. Замѣчательная мысль вторженія въ южную Францію вполнѣ принадлежитъ ему и приноситъ ему величайшую честь, ставя его несравненно выше ложныхъ военныхъ понятій и методизма его времени и даже многихъ полководцевъ, старшихъ лѣтами и болѣе опытныхъ его, не только въ тогдашнія, но и въ послѣдующія времена. Чтобъ убѣдиться въ томъ, что все, совершенное имъ уже въ первыя 8 лѣтъ его службы, было плодомъ не случая или произвола, а сознательныхъ соображеній и воли, стоитъ лишь вспомнить до какой высоты вознесся маленькій аббатъ, за 8 лѣтъ передъ тѣмъ осмѣиваемый самимъ Людовикомъ XIV! Конечно, счастіе много содѣйствовало ему, но лишь потому, что онъ самъ умѣлъ склонять его на свою сторону и пользоваться имъ, слѣдовательно и самимъ счастіемъ все-таки онъ былъ обязанъ лично себѣ, но не одной милости и еще менѣе искательству, котораго всегда былъ чуждъ. Даже высшую опытность онъ старался пріобрѣтать постоянно-напряженною наблюдательностью мельчайшихъ обстоятельствъ и особенно всего, что касалось непріятеля и его генераловъ. Подобно Тюренню, замкнутый въ себѣ и не словоохотливый, онъ не былъ общителенъ въ томъ, что касалось его тайныхъ замысловъ. Оттого обыкновенные люди часто не понимали его, а герцогъ савойскій не всегда слушался его совѣтовъ,—но никогда принцъ Евгеній не питалъ неудовольствія за то.

Со времени осады Кони въ немъ обнаруживается еще одна черта, въ послѣдствіи все чаще проявляющаяся, именно—употребленіе имъ военныхъ хитростей, для введенія своихъ противниковъ, посредствомъ распускаемыхъ ложныхъ слуховъ или иныхъ способовъ, въ недоумѣніе и заблужденіе, для внезапнаго нападенія на нихъ или совершенія чего-нибудь неожиданнаго для нихъ (какъ напримѣръ въ первыхъ походахъ его въ Италіи до 1695 года, при предпріятіяхъ противъ Мантуи и Кремоны въ 1701 году, особенно при Луццарѣ, Альтъ-и Нейбрейзахѣ и во многихъ другихъ случаяхъ въ послѣдствіи). Поэтому-то въ походахъ его часто встрѣчаются демонстраціи и диверсіи, весьма разумно соображенныя, но никогда не торопливыя и не поспѣшныя.

Совершенно противуположнымъ тому является употребленіе имъ рѣшительнаго боя, свидѣтельствомъ чему особенно служатъ его сраженія при Зентѣ, Петервардейнѣ и Бѣлградѣ. Принцъ Евгеній нерѣдко проигрывалъ сраженія, но никогда не претерпѣвалъ вслѣдствіе того уничтоженія своихъ армій или иного подобнаго, какъ напримѣръ Тюреннь при Мергентеймѣ.

Характеристическая черта принца Евгенія передъ сраженіемъ при Зентѣ, когда онъ не вскрылъ депешу императора, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Многіе-ли сдѣлали бы это на его мѣстѣ? Вровень этой чертѣ служитъ другая, когда принцъ Евгеній, передъ началомъ похода 1705 года, смѣло объяснилъ императору пренебреженіе интересовъ арміи придворнымъ военнымъ совѣтомъ, представленіе ему, императору, его министрами ложныхъ свѣдѣній и скрытіе отъ него подлинныхъ донесеній его, принца Евгенія. Та и другая черты доказываютъ только, что человѣкъ, такъ поступавшій, долженъ былъ почитать себя весьма независимымъ, а положеніе свое—лишь дотолѣ достойнымъ сохраненія, пока онъ могъ быть полезнымъ своему государю и своему отечеству и соблюдать собственное чувство чести безукоризненно. Благо государства, службѣ котораго принцъ Евгеній посвятилъ себя, стояло для него выше всего и въ томъ числѣ—всякихъ личныхъ расчетовъ. Онъ скорѣе возвратился бы въ частную жизнь, нежели допустилъ бы, чтобы были приняты вредныя въ государственномъ отношеніи мѣры. Это много значило, но для этого принцъ Евгеній и стоялъ достаточно высоко и считалъ себя не только вправѣ, но и обязаннымъ смѣло говорить правду. Замѣчательно то, что онъ за это претерпѣлъ. Когда, послѣ сраженія при Зентѣ, онъ былъ подвергнутъ отвѣтственности, но затѣмъ получилъ отъ императора удостовѣреніе, что впредь не будетъ подвергаемъ ей, казалось, что онъ никогда не будетъ болѣе находиться въ подобномъ положеніи. Тѣмъ не менѣе нашлись однако люди, которые, считая себя умнѣе его, всячески противудѣйствовали ему, въ 1701 году отвергли въ императорскомъ совѣтѣ благоразумное мнѣніе его, въ 1702 году, когда онъ уѣзжалъ въ Италію, дѣлали ему всяческія затрудненія и въ послѣдствіи, изъ зависти, старались вредить ему. Все это можетъ служить къ объясненію положенія, поступковъ, дѣйствій и характера его до самаго конца жизни.

Походы его въ Италіи въ 1701-2-5-и 6 годахъ составляютъ блистательнѣйшую эпоху его военной дѣятельности и заслуживаютъ гораздо большаго вниманія, нежели

сколько его обращали на нихъ. Они представляютъ явленіе, весьма любопытное тѣмъ, какъ слабѣйшая армія можетъ быть направляема къ рѣшительнымъ, наступательнымъ дѣйствіямъ и какъ послѣднія могутъ усиливать оборону. При этомъ необходимо устранить содѣйствіе ошибокъ противниковъ принца Евгенія, которыхъ онъ не могъ предвидѣть, но часто пользовался ими только въ ту минуту, когда узналъ о нихъ, какъ напримѣръ въ началѣ 1706 г. противъ Вандома и позже, при движеніи къ Турину, противъ герцога орлеанскаго. Многіе случаи, въ которыхъ, особенно въ слѣдующихъ походахъ въ Нидерландахъ, ошибками непріятеля, по нашимъ понятіямъ, можно было бы воспользоваться иначе, необходимо должны быть обсуждаемы съ точки зрѣнія тогдашнихъ ложныхъ военныхъ понятій и методы веденія войны. Но тамъ, гдѣ принцъ Евгеній былъ свободенъ отъ этихъ путъ, связывавшихъ его, напримѣръ на Адижѣ, Олліо, Аддѣ и По, онъ устранялъ отъ себя всякое вліяніе ихъ и дѣйствовалъ, подобно Густаву-Адольфу и Тюреннію, лишь по внушенію собственнаго генія.

Въ походахъ 1704-8 годовъ и далѣе до 1711-го онъ не могъ дѣйствовать съ такою же свободой, потому что дѣйствовалъ вмѣстѣ и подъ главнымъ начальствомъ Марльборо, равно какъ и въ походѣ 1707 года, который совершенно испортилъ герцогъ савойскій. Но какъ въ счастіи, такъ и въ несчастіи каждый шагъ принца Евгенія ознаменованъ величайшею личною дѣятельностью его. Стоитъ только принять во вниманіе всѣ случайности передъ боемъ при Карпи, чтобы вполнѣ убѣдиться въ томъ. Принцъ Евгеній прилагалъ ко всему безъ исключенія, и особенно въ бою, еще болѣе личнаго участія, нежели Тюреннь, и водилъ свои войска въ бой и въ бою точно также, какъ Густавъ-Адольфъ: свидѣтельствомъ тому служатъ сраженія при Карпи, Кассано, Туринѣ, Удепардѣ, Лиллѣ, Малилаке и многія другія. Въ походахъ своихъ въ Италіи онъ представляетъ много сходства съ Тюреннемъ — въ соображеніяхъ и съ Аннибаломъ — въ военныхъ хитростяхъ и другихъ побужденіяхъ.

Но, между всѣми великими полководцами, онъ особенно несчастливъ былъ въ походахъ 1710—11 и 12 годовъ, такъ что подвиги и успѣхи 11-ти предъидущихъ походовъ было потеряны. Выше, при изложеніи этихъ трехъ походовъ, уже были объяснены нѣкоторыя причины неудачъ въ нихъ принца Евгенія. Объясненія неблагопріятныхъ обстоятельствъ, со всѣхъ сторонъ связывавшихъ и удручавшихъ его, возможны и необходимы, но только не въ смыслѣ оправданія принца Евгенія: такой человѣкъ не нуждается въ нихъ. И еслибы въ этихъ обстоятельствахъ нашелся не онъ, а другой, обыкновенный полководецъ, то былъ бы, можетъ быть, гораздо несчастливѣе. Можно-ли сомнѣваться, что въ 1710 году принцъ Евгеній не зналъ вполнѣ—крайняго положенія Франціи и не видѣлъ необходимости — дѣйствовать самымъ рѣшительнымъ образомъ? А въ этомъ походѣ скрывалась главная причина всѣхъ неудачъ послѣдующаго. Принцъ Евгеній все-таки былъ человѣкъ своего времени и движеніе сквозь нѣсколько рядовъ крѣпостей было признано рѣшительно невозможнымъ. Но затѣмъ на принца Евгенія обрушились всевозможныя невзгоды. Онъ былъ связанъ и видами голландскихъ коммиссаровъ, и разнородымъ составомъ союзной арміи, и множествомъ другихъ обстоятельствъ, и нѣтъ сомнѣнія, что онъ самъ могъ предвидѣть вѣроятныя слѣдствія этого, неизбѣжныя противъ такого противника, какъ Вилларъ. Но онъ былъ невольно увлеченъ всѣми этими обстоятельствами въ такомъ направленіи, какого никогда не избралъ бы, еслибы былъ совершенно независимъ и свободенъ. Поэтому невозможно и не слѣдуетъ судить о достоинствѣ дѣйствій принца Евгенія въ 1710—11 и особенно 1712 годахъ только по результатамъ, которые дѣйствительно противъ него и въ пользу Виллара, но необходимо внимательно вникнуть во всѣ обстоятельства, въ которыхъ находился принцъ Евгеній, и тогда дѣло представится, въ отношеніи къ нему, совершенно въ иномъ видѣ.

Вознагражденіемъ принцу Евгенію за эти три похода послужили два похода 1716—17 годовъ, въ которыхъ ему, совершенно независимому и свободному въ своихъ дѣйствіяхъ противъ турокъ, снова представился случай явить высокія дарованія свои, какъ полководца, въ самомъ яркомъ и блистательномъ свѣтѣ. Конечно, турки были не французы, а султанъ и его визирь не Вилларъ, но стоитъ только разобрать всѣ дѣйствія принца Евгенія въ этихъ походахъ и назвать сраженія при Петервардейнѣ и особенно Бѣлградѣ, чтобы получить правильное понятіе о смѣлости принца Евгенія и его искуствѣ.

Наконецъ въ двухъ послѣднихъ походахъ 1734-35 гг. онъ снова, какъ въ 1710-11-12 гг., былъ въ такой зависимости отъ общеевропейской политики, отъ германскаго сейма и, можетъ быть, также и отъ преклонности лѣтъ и слабости тѣлесныхъ силъ своихъ (см. выше его болѣзнь и смерть), что и тутъ никакъ невозможно и не слѣдуетъ судить только по результатамъ. Все, что было возможно и зависѣло отъ него—онъ сдѣлалъ, а невозможнаго и независѣвшаго отъ него—онъ сдѣлать былъ не въ состояніи. Самымъ лучшимъ свидѣтельствомъ въ пользу этого служитъ то, чѣмъ онъ былъ и какъ онъ дѣйствовалъ въ походахъ 1716-17 гг., въ серединѣ между походами 1710-11-12 гг. и походами 1734-35 гг.

Изъ 72-хъ лѣтъ своей жизни — 52 года принцъ Евгеній провелъ почти въ непрерывной воинной и боевой дѣятельности и изъ нихъ 10 лѣтъ въ подначальственныхъ званіяхъ и 42 года какъ главнокомандующій отдѣльными арміями, но только 2 года (1716-17) въ совершенно независимомъ ни отъ кого положеніи, во всѣ остальные же годы — въ менѣе или болѣе зависимомъ и стѣсненномъ. Но всегда и во всемъ онъ являлъ себя какъ первостепенный, высокодаровитый, искусный и рѣшительный полководецъ, который ясно постигалъ свою цѣль и былъ вполнѣ вѣренъ самому себѣ. Этимъ-то онъ и былъ обязанъ своими успѣхами, своимъ, такъ называемымъ, счастіемъ и тѣмъ великимъ довѣріемъ, которое имѣли къ нему всѣ три императора: Леопольдъ I, Іосифъ I и Карлъ VI. А его личныя отношенія къ нимъ столько же замѣчательны, сколько и вся его жизнь. Характеристикой ихъ могутъ служить собственныя слова, сказанныя имъ однажды, по свидѣтельству его біографовъ: «императора Леопольда я почиталъ какъ своего отца, императора Іосифа — какъ своего брата, а императора Карла — какъ своего государя, который наградилъ меня, вѣрнаго слугу своего». Эти мысли и чувства принца Евгенія говорятъ сами за себя. А вотъ свидѣтельство другаго великаго человѣка о заслугахъ, оказанныхъ принцомъ Евгеніемъ австрійскимъ дому и монархіи: Фридрихъ II, король прусскій, выразился такъ: «Tant que le prince Eugène conserva la vigueur de son esprit, les armes et les négociations des autrichiens prospérèrent». И дѣйствительно, послѣ смерти принца Евгенія политическія и военныя дѣла австрійской монархіи надолго приняли невыгодный оборотъ. Позже, другой великій человѣкъ и полководецъ, Наполеонъ I, столь высоко цѣнилъ принца Евгенія, какъ и Тюренна, что обоихъ поставилъ въ число 7-ми великихъ полководцевъ исторіи. Болѣе 20-ти біографовъ и всѣ историки и писатели единогласно, добросовѣстно и безпристрастно отзываются о принцѣ Евгеніѣ, какъ о великомъ человѣкѣ и полководцѣ. Словомъ — потомство и исторія уже произнесли свой правый судъ о немъ и имя его не умретъ ни въ Австріи, ни въ Германіи, ни въ цѣломъ образованномъ мірѣ.

Какъ полководецъ, принцъ Евгеній изъ предоставленной ему власти дѣлалъ вполнѣ достойное высокомудраго человѣка употребленіе, любилъ методу, но это не препятствовало ему дѣло дѣлать рѣшительно и энергически, и въ этомъ также онъ имѣлъ много сходства съ Густавомъ-Адольфомъ и Тюренномъ. Такихъ великихъ предпріятій, какія они совершили, ему не представлялось случая совершить: но его походъ въ Италіи и движеніе къ Турину въ 1706 году ясно показываютъ, на что́ онъ могъ бы рѣшиться и что́ былъ бы способенъ исполнить. Только еще побольше свободы и счастія въ походахъ съ 1708 по 1712 годъ включительно — было бы желательно для полной славы его, какъ полководца. Но и то, что́ онъ совершилъ, достаточно для того, чтобы онъ достойно занялъ мѣсто въ ряду великихъ полководцевъ и военныхъ образцовъ всѣхъ временъ и народовъ.

Въ отношеніи къ характеру, онъ обладалъ всѣми качествами великихъ людей и полководцевъ, не имѣя нѣкоторыхъ ихъ недостатковъ. Чуждый высокомѣрія, обыкновеннаго и ложнаго честолюбія и еще болѣе — всякаго деспотизма, онъ никогда не приносилъ своихъ войскъ въ жертву мелочнаго славолюбія, но былъ чрезвычайно заботливъ о ихъ продовольствованіи и содержаніи и никогда не допускалъ ихъ претерпѣвать нужду въ чемъ-либо. Тѣмъ болѣе былъ онъ требователенъ въ отношеніи къ нимъ, но при этомъ нимало не щадилъ и самаго себя, что́ доказываютъ 8 ранъ, полученныхъ имъ въ теченіи жизни. Въ біографіяхъ его имѣется много свѣдѣній касательно заботливости его о раненыхъ и больныхъ, равно и большой щедрости его. Наградою ему за то были величайшія привязанность и преданность его войскъ и арміи, которыя считали себя непобѣдимыми, пока имѣли его въ своей главѣ.

Какъ частный человѣкъ, въ частномъ быту, онъ отличался своею высокою образованностью, даже ученостью, особенною любовію къ наукамъ и искуствамъ, а также и независимымъ образомъ мыслей, который ставилъ его выше своего вѣка. Онъ лично велъ очень умѣренный и простой образъ жизни, хотя и любилъ блескъ въ томъ, что́ его окружало. Во всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ и дѣлахъ онъ былъ замкнутъ самъ въ себѣ, несообщителенъ и скроменъ, но имѣлъ особенный даръ вывѣдывать другихъ людей и проникать ихъ мысли. Онъ говорилъ рѣдко и мало и хвалилъ только особенно-отличныя заслуги. Замѣчательна также снисходительность его къ своимъ врагамъ, которыхъ онъ хорошо зналъ, но вредить которымъ и мысли никогда не имѣлъ, хотя и могъ бы. Вообще можно сказать, что наибольшая сила духа его — его нравственное мужество (то, что́ очень вѣрно выражается по французски словами: courage d'esprit) возвышало его надъ всѣми мелочными соображеніями и даже надъ неотразимыми ударами судьбы. Въ этомъ отношеніи можно назвать его сто́икомъ — въ благороднѣйшемъ значеніи этого слова.

Наружность его изображается біографами и портретами слѣдующимъ образомъ: онъ былъ средняго роста, лицо имѣлъ продолговатое и смуглое, глаза черные, проницательные, съ большимъ огнемъ, нюхалъ часто и много табаку и ротъ имѣлъ всегда не-

много открытымъ. Вся вообще наружность его, довольно худощавая, черные волосы (которые онъ, по обычаю времени, въ парадныхъ случахъ покрывалъ большимъ парикомъ) и весьма серьозныя черты лица внушали всякому особенное чувство уваженія къ нему. Голова, лицо и верхняя часть туловища его весьма хорошо изображены на литографированномъ портретѣ его, приложенномъ къ сочиненію: «Prinz Eugen von Savoyen, nach den handschriftlichen Quellen der kaiserlichen Archive, von Alfred Arneth, Wien 1858» и снимокъ съ котораго приложенъ къ настоящей книгѣ. Подъ этимъ портретомъ находится и снимокъ съ собственноручной подписи принца Евгенія: Eugenio von Savoye. Такъ подписывался онъ обыкновенно на трехъ языкахъ (1-е слово по италіянски, 2-е по нѣмецки, 3-е по французски), объяснивъ это однажды слѣдующимъ образомъ: «какъ италіянецъ—я умѣю отмщать за оскорбленія (разумѣя Францію), какъ нѣмецъ—я откровенъ, а какъ французъ—люблю своего государя, императора».

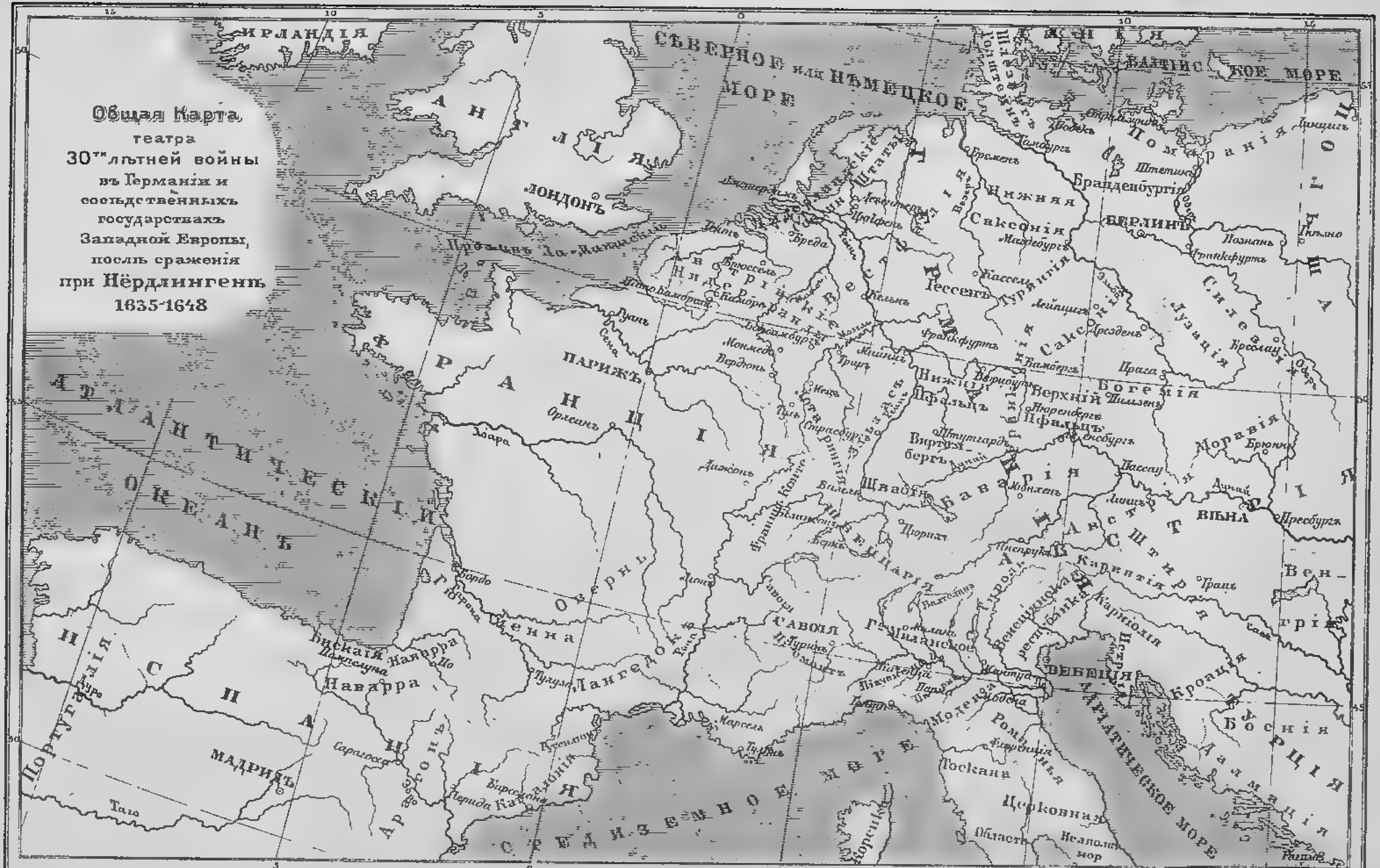
Въ награду за свои отличныя заслуги Австріи и Германіи, императоромъ Леопольдомъ I онъ въ теченіи 10 лѣтъ былъ быстро произведенъ въ полковники, генералъ-маіоры, фельдмаршалъ-лейтенанты и наконецъ въ фельдмаршалы, и въ этомъ санѣ послѣ 1697 года часто представлялъ въ арміи лицо императора, нося высшее званіе генералъ-лейтенанта или намѣстника его, словомъ—генералиссимуса всѣхъ войскъ, званіе, которымъ до него былъ облеченъ только одинъ Валленштейнъ. Но принцъ Евгеній пользовался такими саномъ и властію далеко не такъ, какъ Валленштейнъ. Наградъ же деньгами и орденами (исключая ордена Золотаго Руна, пожалованнаго ему Карломъ VI) онъ никогда не получалъ, значитъ и не желалъ. Это также служитъ къ его характеристикѣ.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать вообще:

Во-первыхъ, что вся личность его, во всѣхъ отношеніяхъ, является такою же великою, свѣтлою и симпатичною, какъ и личности Густава-Адольфа и Тюренна, и эти три великихъ человѣка и полководца, одинъ вслѣдъ за другимъ, достойнѣйшимъ образомъ открываютъ собою военную исторію новыхъ, христіанскихъ временъ и народовъ міра. Три героя древнихъ, языческихъ временъ стоятъ, какъ люди, совсѣмъ въ другихъ отношеніяхъ и должны быть судимы только какъ великіе полководцы. У Густава-Адольфа, Тюренна и принца Евгенія, у каждаго особенно, были, какъ весьма естественно, и свои, лично каждому принадлежавшія особенности, какъ людей и полководцевъ; но у всѣхъ ихъ трехъ вмѣстѣ—весьма много въ этомъ отношеніи было общаго.

И во-вторыхъ—тоже, что̀ выше было сказано въ заключеніи о Тюреннѣ, именно—что, подобно ему, и принцъ Евгеній имѣлъ бы полное право быть поставленнымъ наряду съ величайшими полководцами исторіи древнихъ, новыхъ и новѣйшихъ временъ, еслибы—находился въ такомъ же, совершенно независимомъ положеніи, въ какомъ находились Александръ Великій, царь македонскій, Юлій Цезарь, неограниченный римскій диктаторъ, короли Густавъ-Адольфъ и Фридрихъ II, императоръ Наполеонъ I и даже Аннибалъ, полномочный полководецъ Карѳагена.

КАРТА ТЕАТРА
Тридцатилѣтней войны
въ ГЕРМАНІИ
(1618–1648)


Общая Карта
театра
30ти лѣтней войны
въ Германіи и
сосѣдственныхъ
государствахъ
Западной Европы,
послѣ сраженія
при Нёрдлингенѣ
1635-1648
ИРЛАНДІЯ
АНГЛІЯ
ЛОНДОНЪ
СѢВЕРНОЕ или НѢМЕЦКОЕ МОРЕ
БАЛТІЙСКОЕ МОРЕ
АТЛАНТИЧЕСКІЙ ОКЕАНЪ
ФРАНЦІЯ
ПАРИЖЪ
Орлеанъ
Дижонъ
Бордо
Гіенна
Оверн
Лангедокъ
САВОІЯ
ИСПАНІЯ
МАДРИДЪ
Сарагосса
Португалія
Бискайя
Наварра
Арагонъ
Каталонія
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
Марсель
Корсика
Тоскана
Церковная
Область
Романья
Модена
Парма
Милан
ВЕНЕЦІЯ
АДРІАТИЧЕСКОЕ МОРЕ
Кроація
Боснія
Далмація
ТУРЦІЯ
Венгрія
ВѢНА
Пресбургъ
Австрія
Штирія
Каринтія
Карніолія
Тироль
Баварія
Швабія
Виртембергъ
Штутгардтъ
Пфальцъ
Нижній Пфальцъ
Верхній Пфальцъ
Богемія
Прага
Моравія
Брюннъ
Силезія
Бреславль
Лузація
Саксонія
Дрезденъ
Лейпцигъ
Тюрингія
Гессенъ
Кассель
Франкфуртъ
Кельнъ
Брюссель
Бреда
Нижняя Саксонія
Магдебургъ
Бременъ
Брауншвейгъ
БЕРЛИНЪ
Бранденбургія
Штетинъ
Померанія
Данцигъ
Познань
ПОЛЬША
Кассау
Линцъ
Инспрукъ
Грацъ
Цюрихъ
Бернъ
Турин

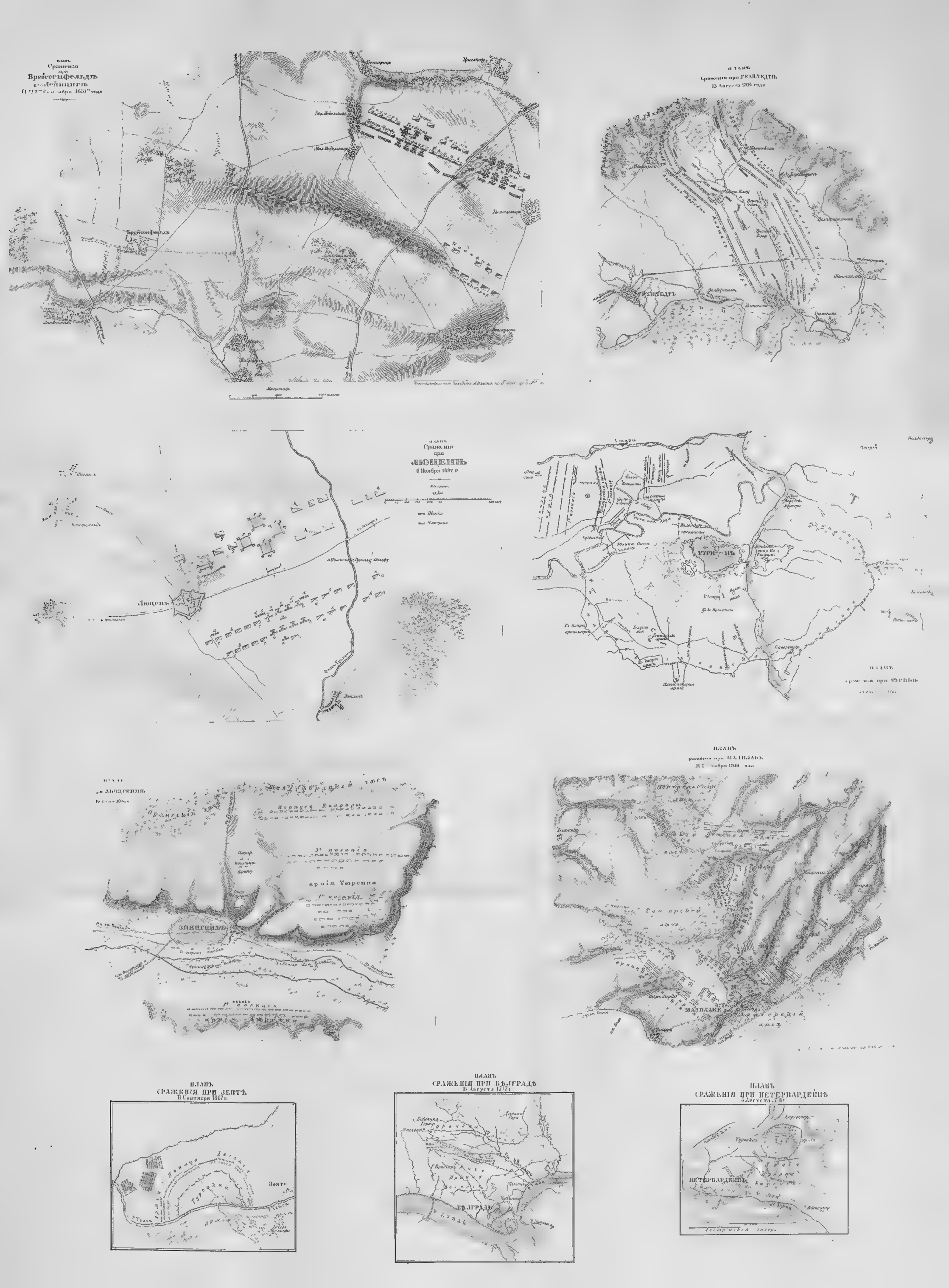
Карт. Заз. А. Ильина по Екат. кросс. д. № 1/43

Картографическое. Зав. А. Ильина по Екатер. пр. № 11-43.

ИСПАНІЯ и ПОРТУГАЛІЯ

Масштабъ

Картографическое Зав. А. Ильина по Вкатер. пр. № 11-43.



Планъ
Сраженія
при
Брейтенфельдѣ
Брейтенфельдъ
Масштабъ
Планъ
Сраженія при ГЕХШТЕДТѢ
15 Августа 1704 года
ГЕХШТЕДТЪ
Планъ
Сраженія
при
ЛЮЦЕНѢ
6 Ноября 1632 г.
Люценъ
Туринъ
Планъ
Сраженія при ТУРИНѢ
Планъ
при ЗЕНЦГЕЙМѢ
Корпусъ Каприры
армія Тюренна
ЗЕНЦГЕЙМЪ
Планъ
Сраженія при МАЛПЛАКѢ
МАЛПЛАКЕ
Планъ
СРАЖЕНІЯ ПРИ ЗЕНТѢ
11 Сентября 1697 г.
Зента
Планъ
СРАЖЕНІЯ ПРИ БѢЛГРАДѢ
16 Августа 1717 г.
БѢЛГРАДЪ
Планъ
СРАЖЕНІЯ ПРИ ПЕТЕРВАРДЕЙНѢ
ПЕТЕРВАРДЕЙНЪ